

В ДЕБРЯХ ВРЕМЕНИ

На зоре

оремени

В ДЕБРЯХ ВРЕМЕНИ

НПП "Параллель"
Н. Новгород
1995

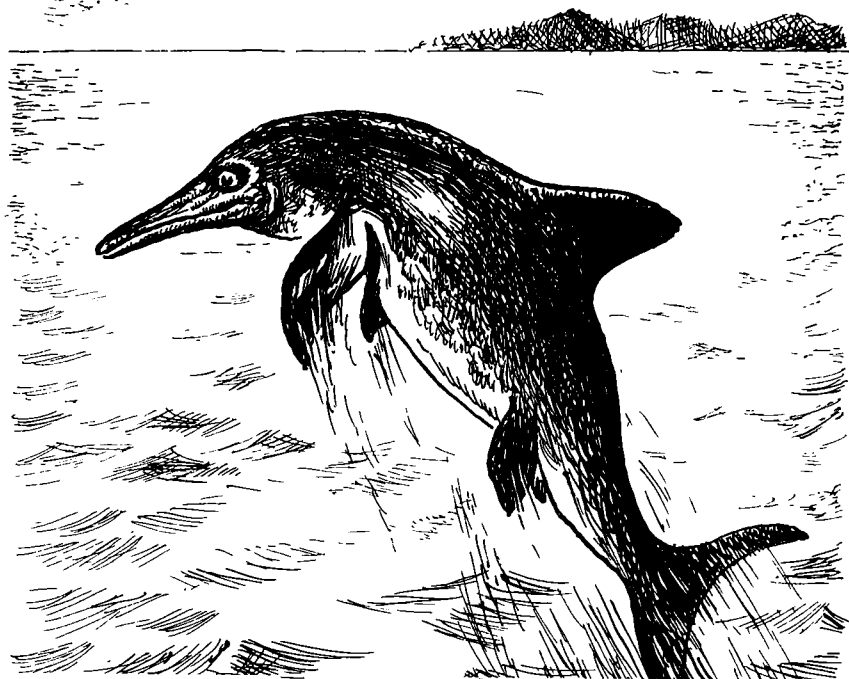
ВЛАДИМИР ОБРУЧЕВ

ГЕРМАН ЧИЖЕВСКИЙ

ВЛАДИМИР САНИН

СЕВЕР ГАНСОВСКИЙ

В ДЕБРЯХ ВРЕМЕНИ

ББК 84.0

В11

Оформление, иллюстрации
В. Ан

В дбрях времени: Сборник. — Н. Новгород: НПП “Параллель”, 1995. — 539 с., ил.

ISBN 5-86067-028-1

Сборник “В дбрях времени” продолжает серию “На заре времен”, задуманную как своеобразная антология произведений о далеком прошлом человечества.

Девятый том составили произведения, в которых авторы переносят своих героев в давно прошедшие эпохи, используя приемы научной фантастики: широко известная “Плутония” Владимира Обручева, палеонтологическая фантазия Германа Чижевского “В дбрях времени”, веселая юмористическая повесть Владимира Санина “Приключения Лана и Поуна” и два маленьких шедевра Севера Гансовского — рассказы “Человек, который сделал Балтийское море” и “Идет человек”.

В $\frac{4703010100-028}{5Г2(03)-95}$ без объявления

ББК 84.0

ISBN 5-86067-028-1

© НПП “Параллель”, 1995
© НПП “Параллель”,
Владимир Ан, оформление,
иллюстрации, 1995

ВЛАДИМИР ОБРУЧЕВ

Плутония

ПРЕДИСЛОВИЕ

Наша Земля существует уже многие миллионы лет, в течение которых жизнь на ее поверхности испытала большие изменения.

Образовавшиеся в теплой воде первых морей сгустки белкового вещества, мало-помалу усложняясь, превратились в ряд разнообразных растительных и животных организмов, которые через бесчисленные поколения достигли современного состояния.

Это изменение форм органической жизни можно проследить, изучая их остатки, сохранившиеся в толщах земной коры в виде окаменелостей, которые позволяют нам составить довольно полное представление о том, какие растения и животные населяли поверхность Земли в минувшие времена, в течение так называемых геологических периодов, которых насчитывают одиннадцать с тех пор, как сформировалась органическая жизнь. И чем дальше отстоит данный период от современности, тем больше разница между формами свойственной ему органической жизни и современными.

Изучением форм этой минувшей жизни, их особенностей, условий существования и причин изменения — вымирания одних, развития и совершенствования других — занимается отрасль науки, называемая палеонтологией.

Ее изучают в некоторых высших школах. Но и каждому человеку интересно получить хотя бы общее представление о формах и условиях минувшей жизни. Эту задачу и попытался я решить в написанной мною книжке в виде научно-фантастического романа. Можно было бы описать, как на плитках камня находят отпечатки растений и по отдельным листьям составляют себе представление о целом дереве или кусте; как из камня освобождают разные раковины, кораллы и остатки других морских беспозвоночных, очищают их и определяют их наименования; как выкапывают с большими предосторожностями кости позвоночных животных и составляют из них целые скелеты, по которым судят и о прежней внешности этих существ.

Но такие описания были бы очень длинны и скучны; они нужны только учащимся, будущим палеонтологам, а широкому кругу читателей не дали бы живого представления о прежних формах жизни.

Поэтому я выбрал форму романа. Но как повести читателя в этот мир давно исчезнувших существ и обстановки, в которой они жили?

Я знаю только два романа, в которых сделана подобная попытка.

Один — это роман Жюль Верна «Путешествие к центру Земли», в котором ученые спускаются вглубь по жерлу одного из вулканов Исландии и находят подземные пустоты, населенные загадочными существами и исчезнувшими животными, описанными смутно. А обратно на поверхность ученые выплывают по жерлу другого вулкана на плоту по кипящей воде и, наконец, даже по расплавленной лаве.

Все это очень неправдоподобно.

Жерла вулканов не открытая труба, идущая далеко вглубь, — они заполнены застывшей лавой; на плоту по кипящей воде, тем более по раскаленной лаве, плыть нельзя.

Геологические ошибки в этом романе побудили меня в 1915 году сочинить «Плутонию». До этого случая я еще ничего не писал для молодых читателей и не собирался этого делать.

Второй — роман Конан Дойля, в котором путешествующие по Южной Америке открывают высокое, очень трудно доступное плато, отрезанное от всей окружающей местности и населенное первобытными людьми, большими человекоподобными обезьянами и некоторыми исчезнувшими в других местах Земли животными. Забравшиеся на плато исследователи подвергаются разным приключениям.

Однако и в этом романе также много неправдоподобного; он знакомил читателя только с миром, близким к современному, и произвел на меня такое слабое впечатление, что я забыл его название, хотя читал его два раза и не очень давно, — гораздо позже, чем роман Жюль Верна.

Хороший научно-фантастический роман должен быть правдоподобен, должен внушать читателю убеждение, что все описываемые события при известных условиях могут иметь место, что в них нет ничего сверхъестественного, чудесного. Если в романе нагромождены разные чудеса — это уже не роман, а сказка для маленьких детей, которых можно рассказывать всякие небылицы.

Уже первые издания романа «Плутония» показали, что он удовлетворяет условию правдоподобности. Я получил от читателей немало писем, в которых одни совершенно серьезно спрашивали, почему не снаряжаются новые экспедиции в Плутонию для изучения подземного мира; другие предлагали себя в качестве членов будущих экспедиций; третьи интересовались дальнейшей судьбой путешественников, выведенных в романе. Поэтому в последнем издании «Плутонии» автору пришлось объяснить читателям в послесловии, что, для того чтобы познакомить их с животными и растениями нескольких минувших периодов в такой форме, как будто они существуют и в настоящее время где-то в недрах Земли, ему пришлось принять в качестве истины гипотезу, предложенную

в начале прошлого века и серьезно обсуждавшуюся тогда учеными. Она подробно изложена в предпоследней главе («Научная беседа»), в которой организатор экспедиции защищает ее справедливость. В действительности же она уже давно отвергнута наукой.

Автор надеется, что и это издание «Плутонии», подобно прежним, побудит молодых читателей ближе познакомиться с геологией и заняться этой интересной наукой, которая выясняет состав и строение нашей планеты и рассказывает, какие растения и животные населяли ее в минувшие периоды, как они изменялись и сменяли друг друга, пока из среды животных не выдвинулось мыслящее существо — человек, ставший властелином Земли.

НЕОЖИДАННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Профессор Каштанов, известный путешествиями на Новую Землю и Шпицберген и исследованием Полярного Урала и занимавший кафедру геологии в университете, только что вернулся из своей лаборатории. Осенний семестр кончился, лекции и экзамены прекратились, и профессор с удовольствием мечтал о трехнедельных зимних каникулах; не для безделья — о нет! Еще не старый, полный сил и здоровья, он думал отдохнуть только дня два-три, а затем приняться со свежими мыслями за ученую статью о геологическом соотношении Урала и Новой Земли.

Присев к письменному столу в ожидании обеда, Каштанов пересмотрел полученную за день почту, перелистал несколько научных брошюр, присланных ему авторами, пробежал каталог научных новинок немецкого книгоиздательства. Наконец, его внимание привлекло письмо в большом желтоватом конверте, с адресом, написанным очень четким, но мелким почерком.

Почерк своих обычных корреспондентов профессор знал отлично, и это письмо от незнакомого человека заинтересовало его.

Каштанов вскрыл конверт и с изумлением прочитал следующее:

Мунку-Сардык, 1/XII 1913

Глубоко уважаемый Петр Иванович!

Зная Вашу опытность в полярных исследованиях и интерес, который Вы питаете к геологии арктической области, я предлагаю Вам принять участие в крупной экспедиции, отправляемой мною будущей весной на один или два года для изучения неизвестной части Ледовитого океана. Если Вы принципиально согласны, будьте добры приехать для личных переговоров 2 января 1914 года в полдень в Москву, гостиница «Метрополь», где в этот день и час соберутся остальные предполагаемые участники экспедиции и я. Если безусловно отказываетесь, не откажите известить по тому же адресу. Расходы по поездке, во всяком случае, будут возмещены.

Вполне преданный и уважающий Вас

Николай Иннокентьевич Труханов.

Профессор опустил письмо и задумался.

«Труханов? Как будто слышал эту фамилию, но где и когда? Кажется, в связи с вопросами геофизики* или астрономии. Нужно навести справки. Это крайне интересно. Живет где-то на границе Монголии, а снаряжает экспедицию в Ледовитый океан!»

Каштанов протянул руку к телефону и вызвал своего коллегу, профессора астрономии, который сообщил следующие сведения: Труханов кончил университет и посвятил себя геофизике и астрономии. Он недавно выстроил обсерваторию на вершине горы Мунку-Сардык в Саянском хребте, на границе Монголии, чтобы воспользоваться чистотой и прозрачностью воздуха Восточной Сибири в течение долгих зим, изобилующих безоблачными днями и ночами. Но при чем тут полярные области? Над Ледовитым океаном атмосфера, во всяком случае, менее благоприятна для астрономических наблюдений, чем на горе Мунку-Сардык...

На этот вопрос астроном не мог дать никакого ответа, и Каштанову ничего не оставалось, как отложить удовлетворение своего любопытства до 2 января. Он, конечно, решил съездить в Москву.

СОВЕЩАНИЕ В МОСКВЕ

В полдень 2 января 1914 года профессор Каштанов подкатил на автомобиле к гостинице «Метрополь» и постучал в дверь номера 133, указанного ему швейцаром. Дверь распахнулась, и профессор

* Геофизика — наука и физическом строении земного шара, его магнитных и электрических свойствах, силе тяжести, радиоактивности, температуре глубин, физическом состоянии недр.

очутился в обширной светлой комнате, где были уже несколько человек. Один из них поднялся навстречу Каштанову и, протягивая ему руки, воскликнул:

— Вы аккуратны, как часы, Петр Иванович, невзирая на эту погоду, настоящую сибирскую пургу! Это отличное предзнаменование для нашего предприятия. Очень рад, что вы прибыли и что имею честь видеть вас у себя! Я — Труханов. Позвольте познакомиться вас с остальными присутствующими.

Один за другим поднялись и были представлены Каштанову:

— Зоолог приват-доцент Семен Семенович Папочкин.

— Метеоролог Главной физической обсерватории Иван Андреевич Боровой.

— Ботаник и врач Михаил Игнатьевич Громеко.

На круглом столе среди комнаты была разложена большая карта арктической области, на которой резкими цветными линиями были нанесены маршруты экспедиций последних пятидесяти лет. К северу от Таймырского полуострова была уже намечена земля, открытая Вилькицким только летом 1913 года*.

Когда все уселись вокруг стола, Труханов начал свою речь:

— Как показывает вам эта карта, пять шестых арктической области между Сибирью, Северной Европой, Гренландией и Северной Америкой испещрены маршрутами многочисленных экспедиций. Но удивительное открытие земли, сделанное недавно Вилькицким, показало, что и в этой области возможны еще крупные завоевания для науки. Нужно только направить свои усилия целесообразно, пользуясь опытом всех предшественников.

Дело славных экспедиций семнадцатого и восемнадцатого веков — Прончищева, Лаптева, Дежнева, Беринга — и исследований Врангеля и Миддендорфа в первой половине девятнадцатого века на Крайнем Севере Сибири в настоящее время продолжают экспедиции Седова, Брусилова и Русанова, занимающиеся изысканиями в Карском или Баренцовом море. В ту же область проник и Вилькицкий и, конечно, будет продолжать свои исследования. Конкурировать с ними я не хочу...

Мои планы, — продолжал Труханов после небольшой паузы, — касаются другой части арктической области. Взгляните на это большое белое пятно к северу от Чукотского полуострова и Аляски, — ни одна цветная линия его не пересекает! Злополучная «Жаннетта», скованная льдами, проплыла южнее этого пятна. Последние экспедиции Свердрупа и Амундсена работали восточнее, среди островов Североамериканского архипелага. Но в пределах этого пятна должна быть земля, никому еще не известная, или большой остров, только вдвое меньше Гренландии. А может быть, там лежит целый архипелаг. Посмотрите, на восточной окраине этого пятна нанесена проблематическая земля, виденная издали Крукером, на южной — Земля Кинан. Нансен думает, что большой земли в

* Теперь она называется Северной Землей.

этой части Ледовитого океана нет; Пири, наоборот, убежден, что с мыса Фомы Гоббарда он видел на северо-западе окраину большого материка.

Гаррис, член береговой и геодезической съемки Соединенных Штатов Америки, уверен в существовании этого материка на основании изучения приливов и отливов на северных берегах Аляски. По его словам, весь ход этих колебаний морского уровня в море Бофора доказывает, что они идут не из Тихого океана через узкий и мелкий Берингов пролив, а из Атлантического океана, по глубокому промежутку между Норвегией и Гренландией, а затем, между предполагаемым материком и берегами Аляски и Сибири, эти колебания все более и более ослабевают. Если бы этого материка не было, приливная волна шла бы из Гренландского моря через Северный полюс прямо к берегам Аляски и Чукотской земли, не запаздывая и не ослабевая. Существование материка доказывается еще тем, что в море Бофора, открытом на западе, западные ветры усиливают приливную волну, а восточные ослабляют ее, и разница в высоте волны достигает двух метров. Это возможно только в узком море между двумя материками. От островов Североамериканского архипелага предполагаемый материк отделен только узким проливом. Если бы этот пролив был широк, приливная волна Атлантического океана могла бы достигать берегов острова Банка, встречаясь здесь с приливной волной, обошедшей этот материк с запада и юга, и обе волны должны были бы уничтожить друг друга. Но наблюдения Мак-Клюра у западного берега острова Банка показали, что здесь все еще господствует приливная волна, идущая с запада, из моря Бофора.

Итак, — продолжал Труханов, — существование материка или тесной группы больших островов в этой части арктической области можно считать почти несомненным и остается только открыть и объявить их принадлежащими России. Я узнал, что правительство Канады снаряжает экспедицию, имеющую задачей проникнуть летом этого года в белое пятно с востока. Дальше медлить нельзя — нам нужно проникнуть в ту же область с юга и юго-запада, со стороны Берингова пролива, иначе последняя неизвестная часть Арктики будет целиком изучена и захвачена англичанами. Вот почему я решил организовать и послать туда экспедицию, а вас приглашаю принять в ней участие.

А теперь позвольте сообщить вам о ближайших планах. Судно по типу «Фрама», но более усовершенствованное на основании опыта последних плаваний, уже с осени строится. На днях оно будет спущено на воду, и капитан поедет руководить его окончательным снаряжением. К концу апреля, по контракту, судно должно быть совершенно готовым, и к первому мая оно прибудет во Владивосток за членами экспедиции. В начале мая мы снимемся с якоря и возьмем прямой курс на Камчатку, где в Петропавловске погрузим партию ездовых собак с одним или двумя камчадалами, опытными в управлении этими животными. Если нам это

не удастся на Камчатке, мы можем взять собак на Чукотском полуострове, в Беринговом проливе, где придется приставать, чтобы запастись юколой* для собак и полярной одеждой для людей. Миновав Берингов пролив, мы направимся не на северо-запад, как «Жаннетта», а на северо-восток, прямо к искомой земле. Конечно, вскоре мы встретим льды и будем пробиваться через них насколько можно дальше, но весьма вероятно, что на судне мы не дойдем до берегов этой земли и высадим санную экспедицию, которая и должна будет проникнуть возможно дальше на север. Она будет снабжена припасами на год на случай зимовки, если ей не удастся к осени вернуться назад или если судно, которое будет крейсировать вдоль южной окраины земли или сплошных льдов, не сможет подобрать экспедицию до наступления зимней полярной ночи. На окраине земли судно будет оставлять на известном расстоянии один от другого склады с припасами, чтобы санная экспедиция могла пополнить свои запасы и на второй год в случае какого-либо несчастья. Но если к концу будущего лета судно не вернется в какой-нибудь порт, имеющий телеграфное сообщение с Европой, весной следующего года будет отправлена спасательная экспедиция для поисков судна и взятия санной партии.

Как видите, — закончил Труханов, — хотя задачей экспедиции не является достижение Северного полюса с новой стороны, а только исследование предполагаемого материка к северу от Берингова пролива, однако и эта задача также довольно трудна. В лучшем случае мы вернемся на родину поздней осенью этого года, может быть даже не увидав искомой земли; но более вероятно, что придется зимовать во льдах на судне или на материке и вернуться годом или двумя позже. В худшем случае мы можем погибнуть — это каждому из нас нужно иметь в виду и устроить свои дела соответственным образом.

После некоторого молчания, во время которого каждый из слушателей мог обдумать свое отношение к делу, Труханов прибавил:

— Если бы кто-нибудь из вас теперь, после разъяснения плана экспедиции, нашел невозможным принять в ней участие, то я попросил бы его все-таки не говорить никому о нашем плане до начала мая, чтобы нас не могли опередить иностранцы.

— Если я не ошибаюсь, — заметил Каштанов, — вы, Николай Иннокентьевич, говоря о санной экспедиции, выразились: «мы ее высадим на берег или на лед». Разве вы сами не предполагаете участвовать в исследовании неизвестного материка?

— К несчастью, нет, Петр Иванович. Я поеду с вами на судне и останусь на нем, потому что ходить пешком почти не могу. У меня ведь одна нога ниже колена искусственная; я так неудачно

* Юколой на севере Сибири называется сушеная рыба, преимущественно из породы лососей, приготовляемая жителями впрок для пропитания зимой себя и собак.

сломал ее во время путешествия по диким Саянам, что сделался инвалидом, годным только для сидячего образа жизни.

— Кто же отправится с санной экспедицией?

— Все присутствующие, кроме меня и капитана, а также один или два камчадала или чукчи, то есть пять или шесть человек. Исследование всех трех царств природы будет обеспечено, а метеоролог, кроме атмосферных явлений, берет на себя определение долгот и широт... Не так ли, Иван Андреевич?

— Совершенно верно, я имею достаточный опыт в этом отношении, — ответил Боровой.

— Я не настаиваю на немедленном решении вопроса об участии в экспедиции, — продолжал Труханов. — Пусть каждый обдумает мое предложение спокойно наедине.

— Когда же нужно дать окончательный ответ? — спросил Папочкин.

— Через неделю в это же время. Более продолжительного срока на размышления я, к сожалению, дать вам не могу, так как в случае отказа кого-нибудь я вынужден буду искать другого соответствующего специалиста, а в конце января должен вернуться в Сибирь, чтобы устроить дела своей обсерватории, которую покидаю на долгое время...

Через неделю в тот же час в номере Труханова собрались те же лица, кроме капитана, уже выехавшего принимать корабль. Никто из ученых не отказался от участия в экспедиции, слишком соблазнительной, несмотря на предстоявшие лишения и опасности. Труханов был в восторге и заметил, что это единодушие и отсутствие колебаний среди участников заранее гарантирует успех предприятия. План обсуждался вторично, и каждый участник делал замечания по своей специальности относительно необходимого научного и личного снаряжения.

На следующий день все разъехались в разные стороны, чтобы подготовиться к экспедиции и закончить личные дела.

В ДАЛЕКИЙ ПУТЬ

20 апреля с сибирским экспрессом выезжали одновременно из Москвы профессор Каштанов, зоолог Папочкин, метеоролог Боровой и врач Громеко, собравшиеся по уговору из разных концов России; через десять дней они прибыли на вокзал Владивостока.

В гостинице, указанной им заранее, наши путешественники нашли уже Труханова, прибывшего неделей раньше для разных закупок и приема заказанных вещей. На следующий день, 1 мая, все пятеро встречали причалившее в порт судно «Полярная звезда», с капитанского мостика которого им улыбалось обветренное лицо капитана.

В течение трех дней производилась погрузка угля, смазочных масел, съестных припасов, разных предметов научного снаряжения

и личного багажа членов экспедиции, которые на третий день сами перебрались на судно.

Утром 4 мая все было готово, таможенные формальности окончены, экипаж и пассажиры на местах.

Плавню рассекая волны бухты Золотого Рога, «Полярная звезда» в полдень обогнула Ослиные Уши и направилась мимо острова Русского на восток. Все пять человек экспедиции с капитанского мостика провожали глазами уплывавший вдаль город, раскинувшийся амфитеатром по сопкам, позади зеленой бухты. В душе каждого из них невольно вставал вопрос: увижу ли я когда-нибудь опять эти берега и родину вообще? И каждому становилось немного грустно. Но свежий морской ветер и легкая качка, начавшаяся после выхода из бухты, быстро покончили с береговыми воспоминаниями.

Раздался гонг, призывавший к завтраку, и путешественники, бросив последний взгляд на оставшуюся позади темную полосу родного берега, спустились в кают-компанию.

После завтрака все поднялись опять на палубу, чтобы взглянуть на темную массу острова Аскольда — последний клочок родной земли вплоть до Камчатки. Миновав остров, «Полярная звезда» повернула на восток; ветер затих, и судно плавню рассекало голубые волны Японского моря, уходящего теперь на юг и восток за горизонт. Только на севере, на расстоянии пятнадцати — двадцати километров, тянулась темная линия уссурий-

ского берега. На закате солнца, за мысом Поворотным, и эта линия быстро исчезла из вида.

Судно резко повернуло на северо-восток.

— В какой порт мы направляемся?

— Ни в какой, если сильный шторм не заставит нас сделать это. Но барометр стоит высоко, и до Курильских островов шторма не предвидится.

— А там?

— Там холодное Охотское море, наверно, наделает нам неприятностей. Этот скверный угол Тихого

океана почти всегда дает себя знать судам, держащим курс на Камчатку. Внезапные штормы, туманы, дождь или снег, особенно весной и осенью, бывают там постоянно. Но это будет для нас подготовкой к полярным условиям.

Благодаря спокойному морю все в эту ночь выпалили отлично и отдохнули после суеты и хлопот дорожных сборов. Но на следующий день предсказание Труханова оправдалось. Барометр резко упал, подул пронзительный норд-вест (северо-западный ветер), небо заволочило серыми тучами, и пошел мелкий осенний дождь. На широте мыса Терпения «Полярная звезда» повернула почти на восток и вступила в открытое Охотское море, все больше отдаляясь от Сахалина. Началась сильная боковая качка, и путешественники провели очень беспокойную ночь.

На следующий день погода не улучшилась. Дождь, снег сменяли друг друга. Темные волны с белыми гребнями пены плавно накатывались на левый борт, обдавая брызгами всю палубу. Пришлось сидеть в кают-компании, коротая время в разговорах. Папочкин и Боровой, плохо выносившие качку, не появлялись ни за завтраком, ни за обедом. Капитан сходил со своего поста в рубке только на короткое время. К счастью, шторм не был сильным и за ночь даже ослабел. Утром впереди показалась темная масса острова Парамушир, самого крупного в северной части Курильских, а справа виднелись меньшие острова — Маканруши и Онекотан с вулканом Тоорусыр, из которого поднимался густой столб дыма. Ветер прекратился, и дым шел прямо вверх, расплываясь в верхних слоях атмосферы в серое облако, еле заметное на пасмурном небе. В нескольких милях к югу из воды, подобно исполинскому столбу, отвесно поднимался утес Авосси, словно огромный черный палец, грозивший судну. Белая полоса прибора резко отделяла его основание от поверхности моря, казавшегося при сером освещении оливково-зеленым.

— Как угрюмы эти острова! — воскликнул Папочкин, вышед-

ший на палубу при известии, что видна земля. — Черные и красноватые мрачные скалы, стелющийся кустарник.

— И постоянные туманы; летом дожди, зимой пурги, — прибавил Труханов. — И все-таки люди живут здесь.

— Курильские острова сплошь вулканического происхождения, — пояснил Каштанов. — На них насчитывают двадцать три вулкана, из которых шестнадцать действуют более или менее постоянно. Эта цепь, соединяющая Камчатку с Японией, тя-

нется по западному краю большого провала морского дна впадины Тускарора, достигающей девяти с половиной тысяч метров глубины. Линии крупных разломов земной коры обыкновенно сопровождаются вулканами, а частые землетрясения доказывают, что движения в земной коре еще продолжаются и равновесие нарушается.

СТРАНА ДЫМЯЩИХСЯ СОПОК

После полудня попутный ветер позволил распустить все паруса, и «Полярная звезда» с удвоенной быстротой понеслась к Камчатке, уже видневшейся на горизонте. Вскоре поравнялись с мысом Лопатка, а затем перед глазами путешественников потянулась линия вулканов-сопок. Одни были конические, другие притупленные, соединенные одна с другой ровными гребнями невысоких хребтов. Снега, покрывавшие стройные конусы сопки и гребень промежуточного хребта, ярко белели на темном фоне неба. Лунная ночь позволила войти безопасно в узкие ворота Авачинской бухты. Убрав паруса, «Полярная звезда» прошла тихим ходом между высокими скалами ворот и очутилась в обширной бухте, на берегах которой ни один огонек не выдавал присутствия человека. Было уже за полночь, и маленький городок Петропавловск давно спал.

Спокойные воды бухты серебрились при ярком свете луны, а на севере, вдали, поднимался стройный конус Авачинской сопки, подобно белому привидению на темном фоне неба. В воздухе чувствовался легкий морозец. Казалось, Камчатка объята еще зимним сном.

Через час судно бросило якорь в сотне шагов от берега, возле сонного городка. Грохот цепей разбудил собак, и ночная тишина была нарушена лаем и воем, на который, однако, никто из горожан не обратил внимания. Этот концерт повторялся не один раз, очевидно представляя обычное явление.

Утром путешественники были разбужены беготней и возней, начавшейся на палубе, — происходила погрузка угля, пресной воды, провизии. Все поспешили наверх. Яркое солнце поднялось уже высоко над горами, и город ожил.

После долгого плавания всем хотелось почувствовать под ногами твердую почву; поэтому позавтракали наскоро и, чтобы переправиться на берег, воспользовались шлюпкой, отправлявшейся за провизией. Там уже все население Петропавловска, от малышей до стариков, едва передвигавших ноги, собралось, чтобы поглазеть на судно и его пассажиров, услышать последние новости с далекой родины, узнать, не привезены ли нужные им товары.

Позади толпы на пологом склоне расположились в живописном беспорядке жалкие домишки горожан, среди которых выделялись по величине и солидности постройки: городское училище, больница, новый дом губернского правления и несколько торговых складов.

Путешественников поразило отсутствие чего-либо похожего на улицы. Домишки были разбросаны так, как вздумалось их строителям и хозяевам: одни стояли лицом к бухте, другие боком, третьи даже наискось. Вокруг каждого дома располагались амбары, сарайчики, навесы для скота, вешала для юколы. Во многих местах лежали еще кучи и поля грязного тающего сне-

га, из-под которых к морю сбегали ручейки мутной воды, и прохожим приходилось перепрыгивать через них, так как ни тротуаров, ни мостиков не было.

Всех поразило почти полное отсутствие домашней птицы и мелких животных. Это объяснялось тем, что ездовые собаки, без которых на Камчатке существовать нельзя, уничтожают всякую мелкую живность, особенно к концу зимы, когда истощаются запасы юколы и собак держат впроголодь. Эти собаки — красивые мохнатые звери различной масти — виднелись вокруг всех домов. Одни грелись на солнце в живописных позах, другие рылись в домашних отбросах, третьи дрались или играли друг с другом. Путешественники с интересом рассматривали этих животных, родичи которых должны были принять участие в экспедиции «Полярной звезды» в качестве средства передвижения по снегам и льдам неизвестной земли. По случаю окончания зимнего пути и полной распутицы на Камчатке собаки пользовались теперь заслуженным отдыхом и незаслуженным великим постом, заметным по их впалым бокам и голодным взорам.

Несмотря на зигзаги, которые приходилось постоянно делать между домами и их пристройками, путешественники меньше чем в полчаса обошли весь город и выбрались за его пределы, где ботаник надеялся собрать весеннюю флору. Но его надежды были обмануты — везде лежал еще глубокий снег, и только на более крутом косогоре, успевшем оттаять, нашлись молодые листья анемонов*. Весна на Камчатке вследствие обилия зимних снегов и влияния холодного Охотского моря начинается поздно, и земля освобождается от снега только в конце мая. Но зато и осень затягивается до половины или конца ноября.

С верхней окраины города открывался чудный вид на всю Авачинскую бухту, окруженную кольцом гор, местами круто обрывавшихся темными утесами к глади вод, местами же сбегавших пологими склонами и разрезанных долинами речек, уже освободившихся от оков зимы.

Кольцо гор отступало от берега бухты только на западе, где виднелась низменная дельта речки Авачи. У устья последней можно было различить домишки одноименного селения, единственного, кроме Петропавловска, жилого места на берегу этого великолепного бассейна, имеющего около двадцати километров в поперечнике, могущего вместить флоты всех великих и малых держав, прекрасно защищенного со стороны моря и тем не менее поражавшего зрителей своей пустынностью. На его гладкой поверхности не белел ни один парус, зато окружающие горы, поросшие лесом, белели еще под зимним покровом.

Спустившись к берегу, наши путешественники сделали свидетелями любопытной сцены. Возле воды стояли, связанные попарно,

* *Анемоны* — рано цветущие травянистые растения, например подснежники, ветреницы, веснухи и другие.

тридцать собак, назначенных для экспедиции. Они были окружены несколькими матросами и толпой любопытных, но вели себя очень беспокойно — выли, дрались и делали попытки к бегству. На воде у берега стояла большая неуклюжая лодка, в которую собирались погрузить эту свору. Коренастый мужчина, обнаженный до пояса, очевидно каюр, то есть собаководжатый, схватил пару сопротивлявшихся и вывших животных за шиворот, отнес их в лодку и посадил у кормы. Но как только он повернулся к ним спиной, чтобы идти за следующей парой, умные собаки, очевидно недолюбливающие путешествия по воде, выскочили на берег и смешались с остальными. Это повторилось несколько раз ко всеобщему удовольствию зрителей. Не помогали ни пинки, ни крики — псы не желали покидать свою родину. Каюр выходил из себя и ругал собак русскими и камчадалскими скверными словами, зрители хохотали и подавали различные советы, собаки выли — гвалт стоял невозможным.

Наконец каюр придумал остроумный, хотя и не очень приятный для косматых пассажиров способ посадки. Он оттолкнул лодку шагов на пять от берега, вручив ее причал одному из матросов, и затем стал бросать собак попарно через воду в лодку, несмотря на их сопротивление. Извиваясь в воздухе, псы шлепались на дно, вскакивали передними ногами на борт и выли отчаянно, но прыгать в воду все же не решались. Когда лодка наполнилась всеми беспокойными парами, продолжавшими прыгать и выть, ее подвели носом к берегу. Матросы и каюр быстро вскочили и взялись за весла. При первом же взмахе весел стая, словно по мановению волшебного жезла, затихла и молчала в течение всей переправы. Но как только лодка толкнулась о корпус «Полярной звезды», концерт возобновился с удвоенной силой. С берега было видно, как собак попарно поднимали на палубу в корзине, спущенной с борта судна на веревке, и как каюр носил их в отведенную им загородку, где хорошая порция юколы заставила их примириться со своей участью.

Суета на палубе, грохот якорной цепи и вой встревоженных собак рано разбудили на другой день путешественников, которые не поленились подняться наверх, чтобы бросить последний взгляд на городок и его обитателей, собравшихся на берегу для проводов судна. При криках «ура», «счастливого пути», сопровождавшихся маханием шапками и платками, и при вое собак «Полярная звезда» сделала плавный поворот и полным ходом направилась через бухту к воротам. Берег быстро уходил вдаль и вместе с тем на заднем плане из-за ближайших к городу гор стал выплывать белоснежный конус Авачинской сопки. Тонкой, прозрачной струей из ее вершины поднимался дымок.

— Закурила наша сопка! — произнес голос за спиной путешественников, стоявших у борта и любовавшихся красивой картиной.

Все оглянулись. Это был тот энергичный мужчина, который

накануне перебрасывал собак в лодку. Теперь он был одет в кухлянку — рубаху из оленьего меха шерстью наружу. Узкий и несколько косою прорез его карих глаз, выдающиеся скулы, смуглый цвет лица, приплюснутый нос и скудные черные усики сразу обнаруживали монгольское происхождение. Он, улыбаясь, смотрел на путешественников.

— Это новый член нашей экспедиции — Илья Степанович Иголкин, начальник тридцати собак и каюр передней нарты, который обучит нас управлять этими беспокойными животными, — сказал Труханов, здороваясь с каюром.

— Наши собачки очень спокойные, господин начальник! — возразил тот. — Они уже затихли. Ведь покидать родину никому не охота, потому они и выли.

Когда Иголкин отошел к собакам, Труханов передал товарищам сведения об этом члене экспедиции. Иголкин был родом из Забайкалья, из бурят-казаков какой-то станицы на границе Монголии, и участвовал в войне с Японией, после которой остался во Владивостоке. Его завезла на Камчатку научная экспедиция, и ему понравилась страна дымящихся сопок, ее приволье, обилие рыбы, охота на медведей. Он нашел здесь вторую родину, быстро приспособился к своеобразным условиям тамошней жизни и сделался известным всему Петропавловску ловким каюром и проводником любителей охоты. Принять участие в экспедиции Труханова его соблазнила высокая плата, выданная ему за год вперед и позволявшая построить дом и обзавестись скотом и орудиями промысла.

Через час после поднятия якоря «Полярная звезда» входила уже в ворота Авачинской бухты, которые тянутся на пять с лишним километров. Справа у входа, против отвесных скал мыса Бабушкина, из моря чернел глыбой огромный Бабушкин камень, около ста метров вышиной, с плоской вершиной, весьма удобный для гнездования морских птиц.

Сотни чаек, бакланов и других пернатых, встревоженных шумом машины, залетали вокруг этого утеса, оглашая воздух резкими криками.

Обогнув мыс Дальний с маяком, «Полярная звезда» круто повернула на северо-восток и направилась вдоль восточного берега Камчатки, постепенно отдаляясь от него.

Два дня наблюдать было нечего. Кроме того, дул холодный норд-вест, наносивший то дождь, то крупу или снег. Море было беспокойно, и теплые каюты казались заманчивее мокрой палубы.

Наконец ветер стих, но зато появились плавающие льды и туманы. Два дня шли тихим ходом, чтобы не наткнуться на ледяное поле. При прояснившейся погоде справа показался берег скалистого острова Святого Лаврентия, а слева — мыс Чукотский. Западнее последнего, на берегу глубокой бухты Провидения, находилась фактория; там для экспедиции был сложен уголь, завезенный заранее зафрахтованным судном. «Полярная звезда» отдала якорь, и началась погрузка угля. После недельного плавания все поспешили на берег. Но береговые скалы не давали простора для экскурсии, а снег еще покрывал склоны, и только небольшая площадь вокруг фактории была свободна от него.

БЕРИНГОВ ПРОЛИВ.

Через два дня, погрузив уголь, «Полярная звезда» обогнула Чукотский мыс и вошла в Берингов пролив, придерживаясь ближе к матерiku Азии, где низкие горы круто падали к морскому берегу или полого спускались к широким долинам, уходившим в глубь этой печальной страны. Несмотря на конец мая, повсюду еще виднелись большие поля снега, и только крутые южные и юго-западные откосы гор были совершенно свободны от него и уже зеленели молодой травкой или свежими листочками на низких, стелющихся кустах полярной ивы и березы.

По зеленым волнам пролива часто клубился туман, скрывая даль. Небо постоянно заволакивалось низкими свинцовыми тучами, осыпавшими палубу судна то дождем, то снегом. Из-за туч иногда выглядывало солнце, дававшее много света, но мало тепла. И под солнечными лучами негостеприимные берега крайнего северо-востока Азии теряли свой безотрадный характер.

Когда туман расходился или рассеивался порывами ветра, покрывавшего зеленые волны белыми барашками, на востоке можно было различить чуть синевший ровный берег Америки. Плавающие льды попадались все чаще и чаще, но не сплошными массами, а небольшими полями или же в виде красивых торосов, прихотливые очертания которых приводили в восторг людей, не бывавших в северных морях.

Приближению более значительного ледяного поля обыкновенно предшествовало появление полосы тумана, так что капитаны судов всегда имели возможность уклониться в ту или другую сторону, чтобы не столкнуться со льдинами. Но здесь это еще не так опасно, как в северной части Атлантического океана, где могут встретиться айсберги, опасные для судов, так как эти ледяные горы, уносимые на юг течением, постепенно подтаивают, в результате чего подводная часть оказывается в положении неустойчивого равновесия и гора может опрокинуться от пустячной причины.

Берега казались безжизненными: не видно было ни дымка, ни фигуры человека или животного. Поэтому велико было изумление наших путешественников, собравшихся на палубе, когда из небольшой бухты, внезапно открывшейся за скалистым мысом, быстро выплыла лодка с одним гребцом, который усиленно работал веслами, плывя наперерез курсу «Полярной звезды». Но когда он заметил, что корабль его обгоняет, то начал кричать и махать платком.

Капитан дал сигнал замедлить ход и прокричал в рупор, чтобы лодка плыла к судну. Когда она приблизилась, оказалось, что это чукотская байдара. Капитан, предполагая, что какой-нибудь чукча остановил судно, чтобы выпросить себе спирта или табака, хотел уже крикнуть «полный вперед». Но в это время гребец, бывший совсем близко, закричал:

— Ради бога, возьмите меня на борт.

Машину застопорили, и байдара подплыла к борту; спустили трап. Незнакомец быстро взобрался на палубу, снял свою меховую шапку с наушниками и, обращаясь к членам экспедиции, радостно произнес:

— Благодарю вас, теперь я спасен!

Это был рослый, широкоплечий человек, с загорелым лицом, голубыми глазами и всклокоченной светлой бородой. Ветер трепал его рыжеватые волосы,

вероятно давно уже не стриженные. Он был одет по-чукотски и в левой руке держал небольшой, но, по-видимому, очень тяжелый кожаный мешок.

Труханов подошел к нему, протягивая руку, и сказал:

— Вы, очевидно, потерпели кораблекрушение?

При звуках русской речи лицо незнакомца просияло. Он оглянул быстро всех членов экспедиции, поставил свой мешок на палубу и начал поочередно пожимать всем руки, говоря второпях по-русски:

— Я с радостью вижу, что вы мои соотечественники! Я ведь русский, Яков Макшеев из Екатеринбурга. Вот счастье-то: и судно встретил, и к русским попал! Я открыл на чукотском берегу золотой прииск. Запасы пищи у меня кончились и поневоле пришлось бросить его. Я плыву уже второй день на юг в надежде выбраться в жилые места. Дайте мне, пожалуйста, поесть, я уже два дня питаюсь только морскими ракушками.

Труханов, сопровождаемый остальными путешественниками, повел нового пассажира в кают-компанию, где ему предложили холодную закуску и чай, чтобы он несколько подкрепился в ожидании обеда, который еще не был готов. Уплетая за обе щеки, Макшеев рассказал историю своих приключений:

— Я по профессии горный инженер и последние годы работал на золотых приисках в Сибири и на Дальнем Востоке. По натуре я непоседа, люблю путешествовать, знакомиться с новыми местами

и, когда в прошлом году я услышал от местных жителей, что, по слухам, на Чукотке имеется золото, то решил отправиться туда на поиски его. По правде говоря, меня влекло туда не столько золото, сколько желание ознакомиться с этим отдаленным малоизвестным краем. В сопровождении двух местных жителей, вызвавшихся составить мне компанию, я отправился в путь и благополучно высадился на чукотский берег, где мне вскоре удалось найти богатую золотоносную россыпь и намыть много золота. Так как запас продовольствия у нас был ограничен, а я намерен был остаться там еще на некоторое время, я отправил своих спутников в ближайшее селение чукчей за продуктами, но они до сих пор не вернулись, хотя прошло уже больше месяца с момента их отбытия.

Когда Макшеев кончил свой рассказ, Труханов объяснил ему, что «Полярная звезда» не торговое судно и что, торопясь на север, они не могут везти его в какой-нибудь порт.

— Мы можем только передать вас на встречное судно, — закончил он.

— Но если ваше судно не торговое, то чем же оно занимается, куда держит курс?

— Оно везет русскую полярную экспедицию, членов которой вы видите перед собой, и направляется в море Бофора.

— Ну что же, придется мне, видно, до поры до времени поплавать с вами, если вы не захотите высадить меня в качестве Робинзона на необитаемый остров! — засмеялся Макшеев. — Но я рассказал вам, что у меня ничего нет, кроме того, что на мне: ни белья, ни приличной одежды, ничего, кроме презренного металла, который даст мне возможность расплатиться с вами...

— Об этом не может быть и разговора, — прервал его Труханов. — Мы помогли соотечественнику выпутаться из беды и очень рады этому. Белья и одежды у нас достаточно, вы почти одного роста со мной и такого же телосложения.

Макшееву отвели свободную каюту, где он мог умыться, переодеться и сложить свое золото. Вечером он присутствовал в кают-компании уже в преобразенном виде и развлекал путешественников рассказами о своих приключениях. Новый пассажир произвел на всех самое приятное впечатление, и, когда он удалился спать, Труханов обратился к членам экспедиции с вопросом:

— Не пригласить ли нам его в свою среду? Это, по-видимому, энергичный, крепкий и бывалый человек с приятным общительным характером, который будет полезен во всяком случае и при всяких обстоятельствах.

— Да, и вполне культурный, несмотря на свою тяжелую жизнь в диких, малообитаемых местах, — заметил Каштанов.

— Знает эскимосский язык, что может пригодиться на предполагаемой земле, которая если населена, то эскимосами, — прибавил Громeko.

— Пожалуй, и в самом деле я предложу ему участвовать в экспедиции с вашего общего согласия, — закончил беседу Труханов, — или лучше подожду несколько дней, все равно ему деваться некуда, и мы познакомимся с ним поближе.

На другое утро, по просьбе Макшеева, «Полярная звезда» свернула со своего курса в устье большой горы Святого Лаврентия, на северном берегу которой находился его золотой прииск. Он хотел захватить свое скромное имущество и, кроме того, предложил Труханову разобрать и увезти с собой небольшой домик, который мог пригодиться экспедиции при зимовке на разыскиваемой земле. Этот домик с кладовой при нем состоял из тщательно пригнанных друг к другу частей, так что за несколько часов мог быть разобран и погружен на судно. «Полярная звезда» причалила к берегу, и вся команда вместе с пассажирами взялась за работу. К полудню домик был уже погружен на палубу, и судно продолжало свой путь на север.

В ПОИСКАХ НЕИЗВЕСТНОЙ ЗЕМЛИ

Поздно вечером, когда незаходящее уже солнце катилось красным шаром на северном горизонте, «Полярная звезда» вышла из Берингова пролива в Ледовитый океан.

Вдали, на западе, виднелся северо-восточный конец Азии — мыс Дежнева, на крутых откосах которого алели освещенные солнцем многочисленные снежные поля. Путешественники послали последний привет негостеприимному безлюдному берегу, все-таки составлявшему часть родной земли.

На востоке можно было различить в легком тумане оставшийся уже позади мыс Принца Уэльского. Впереди море было почти свободно ото льдов. За последнее время господствовали южные ветры, которые совместно с теплым течением вдоль американского берега пролива угнали большую часть льда на север, — это было очень благоприятное обстоятельство для дальнейшего плавания.

Когда на следующее утро наши путешественники вышли на палубу, на западе уже не видно было земли. На востоке земля оставалась в виду — это были берега Аляски со скалистыми мысами Лисбёрн и Надежды, ограничивавшими с севера залив Коцебу.

Ветер был попутный, и, распустив паруса, «Полярная звезда» неслась по волнам, словно огромная чайка. По временам попадались ледяные поля и небольшие айсберги, которые, слегка покачиваясь, медленно плыли, подгоняемые ветром, на северо-восток.

Когда берега Аляски начали скрываться на горизонте, Макшеев, стоявший вместе с остальными пассажирами у борта, воскликнул:

— Прощай, бывшая русская земля — драгоценность, подаренная американцам!

— Как так? — удивился Боровой. — Насколько помню, наше правительство продало Соединенным Штатам эту унылую страну.

— Да, продало за семь миллионов долларов. А знаете ли вы, сколько янки уже выручили из этой унылой страны?

— Ну, столько же или, может быть, вдвое!

— Вы жестоко ошибаетесь! Одного золота они вывезли из Аляски на двести миллионов долларов. А кроме золота, еще полностью не исчерпанного, там есть серебро, медь, олово и каменный уголь, который начинают добывать. Потом пушнина, большие леса по Юкону. Строят железную дорогу, по Юкону ходят пароходы.

— Ну, нам жалеть нечего! — заметил Труханов. — У нас и Аляска осталась бы в таком же первобытном состоянии, как Чукотская земля, где тоже есть и золото, и уголь, и пушнина, а толку от всего этого никакого.

— До поры до времени, — возразил Каштанов, — свободное развитие России вообще задавлено самодержавием. Но переменится правительство, и мы, может быть, начнем работать в крупных масштабах, и тогда Аляска нам бы очень пригодилась. Владея ею и Чукотской землей, мы бы командовали всем севером Тихого океана, и ни один американский хищник не смел бы сунуться сюда; а теперь они чувствуют себя хозяевами в Беринговом море и в Ледовитом океане.

— И даже в Чукотской земле! — с горечью добавил Макшеев. — Они снабжают чукчей товарами и выменивают у них на спирт пушнину, моржовую кость, шкуры.

На следующее утро земли не было видно, и «Полярная звезда» плыла с уменьшенной скоростью по морю, казавшемуся безбрежным, несмотря на льды, которые белели со всех сторон. Впереди на горизонте стоял густой туман. Ветер ослабел, по временам шел крупный снег, и тогда горизонт быстро суживался, а судно замедляло ход; температура воздуха была только +0,5 градуса. Около полудня проглянуло солнце и позволило определить широту, которая оказалась 70°3'. Таким образом, «Полярная звезда» благодаря попутному ветру и почти свободному морю за тридцать шесть часов успела пройти треть расстояния между выходом из Берингова пролива и берегом искомой земли.

Следующие два дня эти благоприятные условия сохранялись, и путешественники оказались уже под широтой 73°39'. Но к вечеру четвертого дня плавания по морю Бофора льды быстро сгустились, и судно приходилось уже лавировать тихим ходом в узких промежутках между ледяными полями.

На всем этом пути не встретили никаких судов; очевидно, время года было слишком раннее для китобоев. Когда это выяснилось, Труханов заявил Макшееву:

— Как видите, Яков Григорьевич, мы китобоев не встретили, и вам волей-неволей придется остаться на «Полярной звезде» в качестве моего гостя. Или вы, может быть, предпочтете принять участие в санной экспедиции, если мы найдем искомую землю?

— Как ни приятно ваше общество, — возразил Макшеев, — но сидеть полгода или год без дела на судне среди льдов мне будет

тяжело. А в экспедиции я приму участие с большим удовольствием и, думаю, не без пользы для нее. Я опытен в ходьбе на лыжах, в езде на собаках и беру на себя вместе с Иголкиным заботу о них. Могу также готовить пищу, вести съемку, помогать профессору Каштанову в геологических наблюдениях. Как горный инженер, я кое-что смыслю в геологии.

— В таком случае я считаю вопрос решенным и очень рад, что состав экспедиции увеличивается одним энергичным и опытным человеком, — сказал Труханов.

Условия участия Макшеева установили очень быстро, а вечером он показал Каштанову коллекцию горных пород Аляски и Чукотской земли, захваченную им с прииска.

Профессор просмотрел ее с большим интересом и убедился в серьезной подготовке Макшеева, который мог сделаться хорошим помощником в работе.

Ночью пришлось простоять несколько часов на месте. При полном штиле туман сгустился до того, что в десяти шагах ничего не было видно, все словно потонуло в жидком молоке. «Полярная звезда» остановилась у большого ледяного поля, и все, кроме вахтенных, спокойно спали.

Утром туман начал слегка расползаться и клубиться под дуновением северного ветерка. Приготовились к продолжению плавания. Ветер скоро засвежел, туман постепенно исчезал, уносимый на юг, ледяные поля зашуршали и тоже пришли в движение.

Впереди открылся довольно свободный проход, и «Полярная звезда» под парами опять поплыла на северо-северо-восток, но медленно, во избежание столкновения со льдами и чтобы иметь возможность быстрой остановки или поворота в ту или другую сторону.

Весь вечер и до полуночи шли вперед то медленно, то довольно быстро. Но затем солнце, светившее с полудня, хотя и с перерывами, скрылось в пелене тумана на северном горизонте, вскоре нагнувшегося на «Полярную звезду». Эта ночь была менее спокойна, чем предыдущая: дул легкий северный ветер, ледяные поля двигались, напирали друг на друга, трещали и ломались. Клубившийся туман не позволял различать путь, приходилось большей частью стоять на месте и быть все время настороже, чтобы не оказаться зажатыми между большими льдинами.

Утром северный ветер усилился, туман разогнало, но зато льды пришли в сильное движение, и день прошел в большом напряжении. Капитану потребовалась вся его опытность, чтобы пробиваться медленно вперед, лавируя между полями, отступая, поворачивая то направо, то налево. Матросы с длинными баграми стояли у обоих бортов, чтобы отталкивать судно от напиравших на него льдин. К счастью, окраины ледяных полей были уже сильно поломаны, айсберги отсутствовали и только иногда гряды мелкого льда, нагроможденные местами на полях, представляли более серьезную опасность.

Ночью в борьбе со льдами пришлось принять участие всем пассажирам, чтобы дать матросам возможность поочередно отдыхать. Тумана не было, дул довольно свежий норд, и судно продвигалось вперед. Утром заметили стаю каких-то птиц, пролетевших на север, и двух медведей, гулявших по большому полю в километре от судна. Это были признаки близости земли.

Определение широты около полудня дало $75^{\circ}12'5''$. Следовательно, несмотря на льды, «Полярная звезда» за трое суток успела продвинуться на север на $1^{\circ}33'$.

Когда капитан проложил на карте курс судна, Труханов заметил собравшимся вокруг стола членам экспедиции:

— До сих пор нам везет чрезвычайно! В тысяча восемьсот семьдесят девятом году «Жаннетта», вышедшая подобно «Полярной звезде» из Берингова пролива, все лето билась во льдах, не проникнув даже до семьдесят третьего градуса северной широты, и в начале сентября была окончательно затерта немного северовосточнее острова Врангеля. А мы в четверо с половиной суток без особых затруднений успели пробиться за семьдесят пятый градус.

— Теперь до земли можно добраться и пешком, если льды окончательно преградят нам плавание, — сказал капитан. — Я полагаю, что осталось не более восьмидесяти или ста километров.

ЗЕМЛЯ ФРИТЬОФА НАНСЕНА

В тот же день поздно вечером северный горизонт против обыкновения очистился от тумана и туч, и, когда солнце спустилось почти до горизонта, на алом фоне неба можно было различить отдаленную мелкозубчатую цепь.

— Это, несомненно, земля! — воскликнул капитан, наблюдавший в подзорную трубу. — Ледяные поля не имеют таких очертаний, и, кроме того, на белом фоне видны многочисленные темные пятна!

— И она ближе, чем мы думали! Мне кажется, что до нее не более пятидесяти — шестидесяти километров, — заметил Макшев.

— Итак, полярный материк существует, и наша экспедиция снаряжена не даром! — с удовлетворением сказал Труханов.

Все были возбуждены видом земли и долго не ложились спать. Отсутствие тумана дало возможность видеть редкое зрелище: полуденное солнце, прокатившись огненным шаром над гребнем отдаленной горной цепи, снова начало постепенно подниматься выше.

«Полярная звезда» всю ночь и все утро подвигалась вперед, пробираясь по-прежнему через более или менее густые льды. В полдень определение широты указало, что за сутки судно опять подвинулось на север почти на полградуса.

Под вечер солнце, светившее с утра почти без перерыва, что представляло большую редкость в этих широтах, скрылось за ту-

чами. Вскоре все небо заволкло и разыгралась метель, словно глубокой зимой. Мелкий снег слепил глаза, все скрывалось в белесоватой мгле. Сильного волнения на этом море, густо покрытом льдами, ветер не мог развести, но ледяные поля пришли в движение, сталкивались друг с другом, и на их краях вздымались торосы из нагроможденных одна на другую льдин, достигавшие четырех или даже шести метров вышины. Положение судна было опасное. Пришлось, оставаясь под парами, стоять почти на месте, отбиваясь ото льдов, то подвигаясь немного вперед, то отступая назад. Все были наготове, и только благодаря специальной конструкции корпуса судно выдерживало страшный напор льдов.

Наконец «Полярной звезде» удалось забраться в большую выемку на восточной стороне огромного ледяного поля, защищенную от непосредственного нажима, где судно и провело спокойно остаток ночи.

К полудню метель утихла, солнце проглянуло и позволило определить широту. К всеобщему неприятному изумлению, оказалось, что норд угнал судно вместе со льдами на юг. Но этот же ветер вместе с тем сильно разбил и разъединил ледяные поля, так что за следующие два дня при пасмурной и тихой погоде «Полярная звезда» довольно легко пробивала себе дорогу и, несомненно, значительно подвинулась на север.

Земля должна была находиться близко, судя по тому, что лот, который до сих пор в море Бофора показывал неизменно глубины

пятьсот — семьсот морских сажен, теперь встретил дно уже на восьмидесяти саженях. Очевидно, тут начиналась уже континентальная подводная платформа полярного материка. Но вследствие пасмурной погоды, низко стлавшихся туч и моросившего дождя эту близкую землю совершенно не было видно.

К вечеру того же дня, 2 июня, лот показал только двадцать сажен глубины и впереди белели сплошные льды. Судно двигалось тихим ходом, чтобы не наткнуться на мель, которая была очень возможна вблизи земли. Ночью пришлось постоять несколько часов, потому что густой туман совершенно скрыл окрестности.

Утром поднялся восточный ветер, туман рассеялся, и оказалось, что «Полярная звезда» находится недалеко от края ледяной стены метров в двадцать вышиной, которая тянулась на восток и на запад до самого горизонта.

— Это, вероятно, барьер из материкового льда, опоясывающий полярную землю совершенно так же, как и вокруг Южного полюса, — заметил Труханов столпившимся на палубе членам экспедиции.

Так как место было неудобное для высадки санной партии, судно взяло курс на восток в надежде встретить бухту или разрыв в барьере, который позволил бы взобраться на поверхность льда. Лот показал шестнадцать сажен глубины, и можно было думать, что ледяная стена лежит своим основанием на дне моря.

Идти очень близко вдоль стены было небезопасно, так как нередко от отвесной или даже нависшей массы льда, рассеченной многочисленными трещинами, отрывались более или менее крупные глыбы и падали с глухим шумом в воду. По некоторым трещинам, расширенным в глубокие, но узкие ущелья-каньоны, низвергались каскадами ручейки.

Плавание шло медленно. Приходилось обходить мели и ледяные поля, так что за сутки подвинулись только километров на сорок. Но в этот день к вечеру впереди показался длинный выступ, как будто стена выдвигалась к югу, меняя свое направление. Когда же «Полярная звезда» подошла ближе, оказалось, что этот выступ представлял не лед, а скалистый мыс самой земли.

За ужином в кают-компании обсуждался вопрос, как окрестить новооткрытую землю, и было решено назвать ее Землей Фритьюфа Нансена в честь великого исследователя полярных морей и стран. Мыс, несмотря на протесты Труханова, назвали его именем, как организатора экспедиции.

Перед самым мысом ледяная стена отступала немного на север, благодаря чему получалась бухта небольшая, но достаточно глубокая, чтобы можно было произвести высадку санной партии.

Всю ночь на судне кипела работа. Нужно было спешить, пользуясь благоприятной погодой. Южный ветер мог надвинуть ледяные поля к берегу и забить ими бухту. Все принимали участие в

выгрузке багажа. К началу мыса ледяная стена понижалась и распадалась на отдельные части, между которыми нетрудно было проложить дорогу на поверхность льда. Пока члены экспедиции сортировали выгруженное на берег имущество и прилаживали его на нарты, матросы поднялись на гребень мыса Труханова и соорудили там высокую пирамиду из камней вокруг шеста, на котором при трехкратном салюте пушек «Полярной звезды» был поднят русский флаг.

Пирамида должна была также служить сигналом как для судна, которому предстояло крейсировать вдоль берега земли, занимаясь его съемкой и изучением, так и для санной экспедиции, которая направлялась в глубь страны, но должна была вернуться к тому же мысу, чтобы опять попасть на судно. Среди камней пирамиды был положен запаянный цинковый ящик с заявлением, что земля открыта 4/17 июня 1914 года экспедицией Труханова на судне «Полярная звезда» и названа Землей Фритъофа Нансена. Это заявление было подписано всеми членами экспедиции и скреплено судовой печатью.

Вечером на другой день все члены экспедиции в последний раз собрались в кают-компани «Полярной звезды» на прощальный ужин, во время которого были окончательно решены вопросы о дальнейшем плавании судна и мерах для оказания помощи санной экспедиции в случае, если она не вернется в известный срок.

«Полярная звезда» должна была устроить возле пирамиды склад, оставив в нем запас провианта, топлива и одежды на несколько месяцев, чтобы экспедиция, не застав почему-либо судно в этом месте, могла расположиться здесь на зимовку.

Санная экспедиция должна была идти прямым путем на север в течение шести или восьми недель и затем возвращаться на юг по возможности другим путем, но стараясь выйти опять к мысу Труханова. Чтобы облегчить свой груз и обеспечить себе возвращение, она должна была оставлять, приблизительно через каждые пятьдесят километров, склады провианта на три дня и сведения о направлении своего пути, на случай поисков по ее следам.

Наутро «Полярная звезда», разукрасившаяся флагами, провожала салютом из обеих пушек отъезжавшую санную экспедицию. При прощании Труханов передал Каштанову запечатанный пакет и сказал:

— Если вы очутитесь во время путешествия по Земле Нансена в безвыходном положении или будете в недоумении и не в состоянии объяснить себе то, что вы увидите вокруг себя, не будете знать, что предпринять дальше, вскройте этот пакет. Может быть, его содержимое поможет вам принять соответствующее решение. Но без крайности — прошу вас — не вскрывайте пакета. Если все пойдет более или менее гладко, нормально, то в моих указаниях никакой надобности не будет, и они могут показаться даже совершенно необоснованными.

После дружеских рукопожатий на поверхности ледяного барьера,

куда экспедицию провожал почти весь экипаж, три тяжело нагруженные нарты, запряженные каждая восемью собаками, и шесть человек двинулись на север. Шесть запасных собак бежали рядом.

ЧЕРЕЗ ХРЕБЕТ РУССКИЙ

Путь экспедиции в глубь Земли Нансена продолжался в течение двух дней по снежной равнине, которая слабо поднималась к северу и не представляла препятствий для быстрого передвижения; трещины во льду встречались редко и большей частью были забиты снегом. Погода стояла пасмурная, и с юга с попутным ветром ползли густые тучи, сыпавшие по временам снегом и скрывавшие даль. Люди и собаки постепенно втягивались в работу. Впереди всех шел Боровой, пробуя своей палкой снег, чтобы своевременно обнаружить трещины, и наблюдая компас, чтобы держаться нужного направления. Макшеев, Папочкин и Иголкин шли каждый возле своей нарты, руководя ходом собак. Громеко бежал немного в стороне, но близко, чтобы помогать той нарте, которая застревала, а Каштанов замыкал шествие также с компасом в руках, производя маршрутную съемку. На хвосте последней нарты был прикреплен одометр — легкое колесо, соединенное со счетчиком, отмечавшим пройденное расстояние, почему эту нарту нужно было особенно оберегать от повреждений.

Все путешественники были одеты в одинаковые полярные костюмы. На каждом была чукотская кухлянка — меховая рубашка, мехом внутрь, с капором для головы. На случай холода на нартах имелись еще другие кухлянки, которые можно было надеть поверх первых, но уже мехом наружу; теперь, ввиду летнего времени, достаточно было одной, да и ту в случае дождя следовало заменять шерстяной вязаной курткой, так как одежда из оленьего меха боится подмочки. Ноги были одеты в меховые же шаровары, также мехом внутрь, и меховые мягкие торбасы — сапоги. В случае особенного тепла можно было заменить всю меховую одежду шерстяной, имевшейся в запасе.

Все шли на лыжах с палками в руках. Равнина была покрыта рядами застругов — выбоин и выпуклостей, созданных зимними пургами и только отчасти смягченных оттепелью. Они больше затрудняли движение, чем трещины, встречавшиеся не очень часто. Макшеев развлекал всех разговорами с собаками своей нарты, которых он наделил характерными именами; головная собака, крупная, черная, получила имя «Генерал». Для ночлега расставляли юрту облегченного типа с легким и прочным остовом из бамбука; в ней раскладывали по кругу вдоль стенок спальные мешки, в середине ставили спиртовую печь для варки пищи, к перекладине наверху подвешивали фонарь. Собак привязывали к нартам вокруг юрты. В конце второго дня пути, отшагав пятьдесят пять километров от места высадки, устроили первый склад провианта для обратного пути, отметив его пирамидкой из снежных глыб с красным флагом на верхушке.

На третий день подъем по снежной равнине сделался более за-

метным и появилось больше трещин, которые замедляли движение, — приходилось идти осторожнее, прощупывая снег, чтобы не провалиться через тонкий слой его, скрывающий трещину. Вечером обнаружили признаки близкой перемены местности.

На севере тучи расходились, разгоняемые ветром, и между их серыми клочьями и массами то показывались, то исчезали довольно высокие горы, которые тянулись длинной цепью по всему горизонту. На общем белоснежном фоне этих гор чернели скалистые отроги. Незаходящее солнце катилось над самым гребнем хребта, тускло светя сквозь пелену туч и окрашивая их в красноватый цвет. Снеговая равнина на переднем плане покрылась пятнами и полосами, отраженными от неба, синеватого, лилового и розового цвета. Общая картина снеговой пустыни и таинственного хребта, который впервые предстал перед глазами людей, была позорительна.

Подъем на этот хребет, названный Русским, продолжался три дня вследствие сильных трещин льда; путь шел по одной из поперечных долин между скалистыми отрогами.

Ледяной поток, то есть ледник, спускавшийся по долине южного склона хребта, имел до одного километра в ширину и с обеих сторон был окаймлен довольно крутыми темными скалистыми откосами, чередовавшимися с более пологими склонами, глубоко покрытыми снегом. Первые были усыпаны крупными и мелкими обломками базальта* и кое-где, в защищенных местах, представляли миниатюрные лужайки с полярной растительностью. Каштанов по дороге осматривал утесы, а Громеко собирал растения. Для Папочкина поживы почти не было; за целый день он набрал только несколько насекомых — полумертвых на снегу или живых на лужайках.

Густые тучи, скрывавшие небо, плыли так низко, что почти задевали за головы путешественников, которые двигались словно по широкому, но очень низкому коридору с белым расщелившимся полом, черными стенами и серым потолком. Везде, где уклон дна долины становился круче, более или менее ровная поверхность льда превращалась в ледопад, разбитый многочисленными трещинами и представлявший часто хаос ледяных глыб, по которым приходилось перетаскивать нарты; люди и собаки выбивались из сил и за день проходили всего километров десять такого пути. Погода оставалась пасмурной. Южный ветер нес низкие тучи, скрывавшие гребни отрогов; их черные склоны окаймляли неровную поверхность ледника, по которой пробирались с большими затруднениями нарты экспедиции. В худших местах приходилось разгружать их и переносить багаж на руках. Наконец к вечеру третьего дня выбрались на перевал, который достигал почти полутора тысяч метров над уровнем моря и представлял собой снежную равнину. Погода оставалась пасмурной, гребень хребта был сплошь покрыт серыми

* *Базальт* — черная или темно-серая тяжелая вулканическая порода, плотная или пузыристая. Она изливается из многих современных вулканов в виде жидкой лавы, образующей потоки и покровы.

тучами, мчавшимися на север, и экспедиция двигалась все время в легком тумане, скрывавшем окрестности уже в сотне шагов от зрителя.

Все были очень раздосадованы этим обстоятельством, потому что при хорошей погоде вид с поверхности хребта был бы обширный и позволил бы набросать карту значительной части Земли Нансена.

На перевале устроили второй склад, в котором оставили коллекции, собранные геологом на отрогах южного склона. Добыча зоолога за все время ограничилась шкурой и черепом мускусного быка*; небольшое стадо этих животных попало экспедиции перед перевалом.

БЕСКОНЕЧНЫЙ СПУСК

Северный склон хребта имел совершенно другой характер: это была бесконечная снежная равнина, полого опускавшаяся к северу, и собаки легко тащили нарты вниз по уклону. Но погода ухудшилась; упорный южный ветер нес густые тучи, которые клубились почти по поверхности снега, совершенно скрывая даль; часто разражалась метель, и только потому, что ветер был попутный, а мороз не превышал 10-15 градусов, путешественники могли продолжать движение без особых затруднений. Трещины попадались довольно часто, но все были узкие, так что переходили их без затруднения. Но из-за метели пришлось идти очень осторожно, так как свежий снег часто совершенно скрывал эти ловушки. К концу дня выюга бушевала с такой силой, что установка юрты потребовала больших усилий.

На следующее утро юрта оказалась занесенной снегом до крыши. И Боровой, вставший раньше других для метеорологических наблюдений, открыв дверь, уткнулся головой в сугроб. Пришлось прокапывать себе выход. Выбравшись наружу, путешественники увидели, что все нарты и собаки исчезли, — вокруг юрты возвышались только большие сугробы. Но нетрудно было догадаться, что вещи и животные просто засыпаны снегом, так как о похищении первых и бегстве вторых в этой снежной пустыне нечего было и думать. Всем пришлось заняться раскопками.

Услышав голоса людей, собаки начали сами прокапываться из-под сугробов, чтобы скорее получить утреннюю порцию еды. Было интересно видеть, как то тут, то там поверхность снега начинала подниматься бугром, через который наконец прорывалась черная, белая или пятнистая косматая голова, издававшая радостный визг.

* Мускусный бык — млекопитающее, соединяющее в себе черты барана и быка; имеет короткие рога, опущенные по бокам головы, длинный и густой мех, широкие копыта, позволяющие быстро бегать по льду и насту. В настоящее время встречается только в Гренландии и на островах Северной Америки за 60° северной широты.

На бесконечной равнине свежавыпавший снег лежал нетолстым слоем, не более полуметра, и накопился сугробами только вокруг препятствий — юрты, нарт и собак. Так как он падал при сильном ветре, то был довольно плотным, и лыжники не очень погружались в него, но нарты и собаки вязли. Приходилось часто меняться местами, так как передовой нарте, прокладывавшей дорожку для остальных, доставалась самая трудная работа, и собаки, тащившие ее, скоро уставали. Эти перемены в связи с рыхлостью снега не позволяли двигаться быстро; поэтому, несмотря на то что ветер ослабел, метель прекратилась, путь шел под гору по ровному склону и трещины были совершенно забиты снегом, за день успели пройти только двадцать два километра и остановились в пятидесяти пяти километрах от перевала. Здесь был устроен третий склад.

Ночью метель возобновилась с прежней силой, и утром пришлось опять выкапываться, хотя из менее глубоких сугробов. Теперь уже слой свежего снега на равнине достигал почти метра, и движение сделалось более затруднительным; поэтому, пройдя за день всего пятнадцать километров, все так устали, что остановились на ночь в лагере раньше обычного времени.

Местность и погода сохраняли свое удручающее однообразие.

Вечером метель прекратилась, и сквозь тучи, по-прежнему стлавшиеся почти по поверхности бесконечной снежной равнины, по временам показывалось солнце, низко повисшее над горизонтом. Картина, которая представилась глазам наблюдателей, была совершенно фантастическая: белоснежная равнина, клубы и ключья быстро ползущих по ее поверхности серых туч, непрерывно меняющих свои очертания; столбы крутящихся в воздухе мелких снежинок и то тут, то там, в этой бело-серой мутной и движущейся мгле, ярко-розовые отблески от лучей прорывавшегося солнца, которое то появлялось в виде красного шара, то исчезало за серой завесой. Наши путешественники после ужина долго любовались этой картиной, пока усталость не загнала их в юрту и в спальные мешки.

На третий день спуска барометры показали, что местность находится уже на уровне моря, а уклон равнины на север все еще продолжался.

Когда Боровой, записав показания барометра, сообщил об этом своим спутникам, Макшеев воскликнул:

— Что же это? Мы уже съехали с хребта Русского, не встретив ни одного ледопада, ни одной трещины!

— Более удивительно, — заметил Каштанов, — что здесь должен быть берег моря, а следовательно, конец огромного ледяного поля, которое спускается по северному склону этого хребта и, по нашему измерению, имеет семьдесят километров в длину. Здесь, подобно тому, что мы знаем об окраине антарктического материка, должен быть высокий обрыв, ледяная стена в сотню метров высоты, а у ее подножия — открытое море или хотя бы поля торосов,

полюньи и среди них отдельные айсберги. Ледник ведь двигается, напирает на морской лед.

Но следующий день не принес перемены. Снежная равнина продолжалась с тем же характером и уклоном на север; ветер упорно дул в спину путешественникам, словно подгоняя их вперед; низкие тучи клубились и сыпали по временам снегом. Все ожидали, что спуск вот-вот кончится, торопились, всматривались вперед, обменивались надеждами на близкий конец. Но все было напрасно, проходил час за часом, километр за километром оставались позади, и наконец общая усталость заставила остановиться на ночлег.

Когда юрта была поставлена, все столпились вокруг Борового, устанавливавшего ртутный барометр; всем хотелось видеть его показания, так как на карманных anerоидах стрелки уже вышли за конец делений на циферблате и не показывали давления воздуха как следует.

— По грубому подсчету, мы спустились уже на четыреста метров ниже уровня моря, — вскричал метеоролог, — если только на Земле Нансена в настоящее время не находится область необычайного по величине антициклона*! Барометр показывает восемьсот миллиметров.

* Циклон — область низкого давления воздуха; антициклон — область высокого давления. Циклоны, перемещаясь по земной поверхности, сопровождаются сильными ветрами и выпадением дождя или снега. Антициклоны приносят устойчивую хорошую погоду.

— Насколько я знаю, — заметил Каштанов, — антициклонов с таким давлением на земле не бывает. Кроме того, погода, с тех пор как мы находимся на Земле Нансена, не менялась и совсем не похожа на погоду при антициклоне.

— Но в таком случае, что же это такое? — воскликнул Папочкин.

— Очевидно, земля не кончилась и северная ее часть представляет очень глубокую вдавленность, впадину, уходящую ниже уровня моря на сотни метров.

— Разве это возможно? — удивленно спросил Громеко.

— Почему же нет? На земле известны подобные впадины, например долина Иордана и Мертвого моря в Палестине, впадина Каспийского моря, Люкчунская котловина в Центральной Азии, открытая русскими путешественниками, наконец дно озера Байкал в Сибири, которое находится ниже морского уровня на тысячу метров с лишком.

— Впадина Мертвого моря также не маленькая, дно его на четыреста шестьдесят пять метров ниже уровня океана, — прибавил Макшеев.

— Во всяком случае, открытие такой глубокой впадины на полярном материке будет крайне интересным и важным результатом нашей экспедиции, — заключил Боровой.

К общему удивлению, спуск продолжался и на следующий день по той же равнине и при той же погоде.

— Мы лезем в какую-то бездонную дыру, — шутил Макшеев. — Это не плоская впадина, а скорее воронка, может быть, кратер потухшего вулкана.

— Но только невиданных на земле размеров, — заметил Каштанов. — Мы спускаемся в эту воронку уже четыре дня, и диаметр этого кратера, очевидно, достигает трехсот километров или больше; вулканы такой величины известны только на Луне. К несчастью, на всем спуске мы не встретили ни одного утеса, ни малейшего выхода горной породы, которые разъяснили бы нам происхождение этой впадины. Склоны кратера должны состоять из разных лав и вулканических туфов*.

— На северном склоне Русского хребта и на его гребне мы видели базальты и базальтовые лавы, — напомнил Папочкин. — Некоторые указания на вулканическую природу этой впадины мы имеем.

— Кратеры потухших вулканов, заполненные доверху снегом и льдом, известны в Аляске, — добавил Макшеев.

Вечером в этот день и ртутный барометр отказался служить:

* *Лава* — расплавленная масса, вытекающая из кратера вулкана или из трещины в земной коре на ее поверхности и после застывания превращающаяся в горную породу того или иного состава. *Туф* — горная порода, состоящая из пепла, выброшенного вулканом при извержении. *Пепел* — раздробленная на мельчайшие частицы газовыми взрывами лава. Он накапливается на склонах и в окрестностях вулкана в сухом виде или падает в воду озер и прудов, где постепенно слеживается и цементируется в твердую породу.

его трубка доверху наполнилась ртутью; пришлось достать гипсотермометр* и определить давление воздуха по температуре кипения воды. Оно соответствовало глубине восьмисот сорока метров ниже уровня океана.

Все заметили, что вечером стало немного темнее. Лучи полуденного солнца, очевидно, не проникали непосредственно в эту глубокую впадину. Недоумение путешественников увеличилось в связи с тем обстоятельством, что компас в этот день также отказался служить: его стрелка вертелась, дрожала и не могла успокоиться и показать положение севера. Приходилось руководствоваться направлением ветра и общим уклоном равнины, чтобы ехать по-прежнему на север. Беспокойство компаса Каштанов также приписал вулканической природе впадины, так как известно, что большие массы базальта оказывают влияние на магнитную стрелку.

Но на другой день путешественники встретили в нескольких километрах от ночлега неожиданное препятствие: снежная равнина уперлась в цепь ледяных скал, тянущуюся в обе стороны поперек пути, насколько было видно. Скалы местами поднимались отвесно на десять — пятнадцать метров, местами же представляли хаос крупных и мелких глыб льда, нагроможденных друг на друга. Взбираться на эти груды и без груженных нарт было трудно. Пришлось остановиться для разведки. Макшеев и Боровой вскарабкались на самую высокую грудку и убедились, что и впереди, насколько хватает взор, тянутся такие же груды и скалы.

— Это не похоже на пояс торосов морского льда, — заявил Макшеев, вернувшись к нартам. — Торосы не тянутся на несколько километров в ширину без перерыва.

— Очевидно, мы достигли дна впадины, — сказал Каштанов, — и этот хаос обусловлен напором огромного ледника северного склона хребта Русского, по которому мы спускались.

— Следовательно, все дно впадины занято хаосом льдин, — заметил Боровой. — Остальные склоны ее также должны быть покрыты ледниками, спускающимися на дно.

— А благодаря колоссальной величине впадины она до сих пор не успела заполниться льдом, как заполнены кратеры вулканов Аляски, — добавил Макшеев.

— Но нам необходимо так или иначе перебраться через это дно, чтобы продолжать путешествие на север и выяснить размеры впадины и характер противоположного склона, — заявил Каштанов.

— Всего легче идти вдоль подножия хаоса, чтобы обогнуть его по дну впадины до противоположного склона, — предложил Громеко.

— Но если эта впадина не кратер вулкана, а долина между

* Гипсотермометр состоит из сосуда для кипячения воды с длинной трубкой на крышке, в которую вставляют термометр, чтобы определить точку кипения воды в выделяемых ею парах.

двумя хребтами? — заметил Папочкин. — В таком случае она может тянуться на сотню-другую километров, и мы не успеем закончить пересечение Земли Нансена.

— И куда идти вдоль подножия хаоса: направо или налево, чтобы обогнуть его? — спросил Боровой.

— Пойдем налево; может быть, мы встретим такое место, где хаос позволит перейти раньше на ту сторону без особого труда.

Приняв это решение, путешественники направились налево, то есть на запад, судя по ветру, так как компас по-прежнему не мог успокоиться и показать север. Слева от них поднималась снежная равнина с едва заметным уклоном, справа громоздились ледяные груды и скалы; низкие тучи по-прежнему закрывали небо и даже задевали за вершины более высоких льдин. Около полудня заметили место, где хаос льдин казался проходимым; груды были ниже, кое-где виднелись промежутки. Здесь остановились для устройства четвертого склада, а Боровой и Макшеев налегке направились в глубь ледяного пояса для разведки. К вечеру они вернулись и сообщили, что пояс имеет около десяти километров в ширину, что он проходим, хотя и не без затруднений, и что за ним ровный подъем на противоположный склон впадины.

Преодоление пояса потребовало два дня серьезной работы; часто приходилось прорубать тропу через нагроможденные льдины, чтобы протаскивать нарты одна за другой соединенными усилиями людей и собак. Ночевали, не расставляя юрты, приютившись для защиты от ветра за огромной льдиной, стоявшей отвесно; собаки попрятались в щелях и ямах между глыбами. Но после тяжелой работы все спали крепко, несмотря на стоны и завывания ветра, гудевшего в хаосе на разные лады.

На следующий день выбрались на другую сторону преграды. На ночлеге Боровой зажег спиртовку гипсотермометра в полной уверенности, что он покажет ту же высоту, как и перед ледяным поясом, то есть около девятисот метров ниже уровня моря. Но когда он вставил термометр в трубку кипятильника, ртуть поднялась до 105, затем 110 градусов и все еще шла вверх.

— Стой, стой! — вскричал Боровой. — Куда ты прешь, хочешь разбить стекло?..

— Что такое? В чем дело? — раздалась возгласы.

Все вскочили и столпились вокруг прибора, стоявшего на одном из дорожных ящиков.

— Это нечто невиданное, неслыханное! — воскликнул Боровой прерывающимся от волнения голосом. — Вода кипит в этой проклятой дыре при температуре плюс сто двадцать градусов.

— А это значит?..

— Это значит, что по ледяному поясу мы спустились в какую-то бездну. Я сейчас даже не соображаю, сколько тысяч метров ниже уровня моря соответствуют этой температуре кипения. Подождите, нужно справиться в таблицах.

Он опустил на свой спальный мешок, вытащил из кармана справочник по определению высот, порылся в таблицах и на полях стал вычислять что-то. В это время спутники один за другим подошли к прибору, чтобы убедиться, что термометр действительно показывает +120 градусов. Светлый столбик остановился у этого деления, и сомнений быть не могло.

Царившее молчание среди пораженных изумлением людей нарушалось легким хлопотанием кипевшей в приборе воды.

Но вот раздался глубокий вздох Борового и затем следующие слова, произнесенные торжественным тоном:

— По грубому вычислению, этой температуре кипения при плюс ста двадцати градусах соответствует отрицательная высота в пять тысяч семьсот двадцать метров.

— Не может быть! Вы не ошиблись? — раздались возгласы.

— Проверьте сами! Вот вам таблицы... В них, конечно, нет данных для этой температуры кипения, которую никто никогда не наблюдал вне лабораторий. Приходится вычислять приблизительно.

Каштанов проверил вычисление и сказал:

— Совершенно верно. За эти два дня, карабкаясь через льдины, мы спустились на четыре тысячи девятьсот метров на протяжении каких-нибудь десяти — двенадцати километров.

— И не заметили такого спуска!

— Лезли вниз с высоты Монблана и ничего не знали! Это что-то невероятное!

— И непонятное! Приходится думать, что ледяной хаос — это ледопад на крутом обрыве, ведущем из кратера в жерло этого колоссального вулкана.

— Из которого нам придется теперь вылезать по такому же ледопаду на другую сторону.

— А мне непонятны и эта густая пелена туч, и этот ветер, который упорно дует с юга уже столько дней без перерыва, — заявил Боровой.

Но предположение о втором ледяном поясе не оправдалось. На следующий день путь шел по снежной равнине с пологим подъемом; вследствие этого и благодаря теплой погоде движение стало труднее. Термометр показывал немного выше нуля, снег размокал и прилипал к полозьям нарт, собаки тащились все время шагом. К вечеру с трудом сделали двадцать пять километров. В подъеме местности нельзя было сомневаться, и, устанавливая гипсотермометр, Боровой был уверен, что он покажет меньшую глубину, чем накануне.

Но вода не закипала долго; наконец пошел пар, и Боровой вставил термометр. Немного спустя раздался его крик:

— Это черт знает что такое! Это... это... — Он разразился проклятиями.

— Что такое? В чем дело? Термометр лопнул? — раздались возгласы.

— Я сам лопну или сойду с ума в этой дыре! — неистовствовал

метеоролог. — Посмотрите сами, кто рехнулся — я или термометр?

Все вскочили и подошли к гипсотермометру. Ртуть показывала +125 градусов.

— Мы сегодня поднимались, а не спускались? — дрожащим голосом спросил Боровой.

— Конечно, поднимались! Целый день поднимались. Спору быть не может!

— А вода кипит на пять градусов выше, чем вчера у ледяного барьера! И это значит, что мы сегодня не поднялись, а спустились приблизительно на тысячу четыреста тридцать метров.

— И находимся, следовательно, на семь тысяч сто пятьдесят метров ниже уровня океана, — быстро подсчитал Макшеев.

— Но это же ни с чем не сообразно! — засмеялся Папочкин.

— Поверить в крутой спуск по льдам еще можно было, — прибавил Каштанов. — Но поверить, что мы спустились почти на полтора километра, когда путь явственно шел вверх по уклону, это противоречит здравому смыслу.

— Если только у нас не повальное помешательство, то я с вами согласен! — угрюмо ответил Боровой.

В это время Громeko и Иголкин, выходящие из юрты покормить собак, вернулись, и первый сказал:

— Еще один странный факт! Сегодня заметно светлее, чем вчера у льдов.

— А вчера было светлее, чем по ту сторону барьера, — прибавил Макшеев.

— Совершенно верно, — подтвердил метеоролог. — Самая темная ночь, вроде петербургской белой ночи, была перед ледяным барьером. Мы полагали, что находимся на дне впадины, и ослабление света было понятно: лучи полярного солнца не могут проникать так глубоко.

— Но теперь мы спустились несравненно глубже, а ночь гораздо светлее!

Долго еще обсуждали все эти противоречивые факты, но, ничего не выяснив, уснули. Утром Боровой первый вылез из юрты, чтобы сделать свои наблюдения.

Ветер дул по-прежнему с юга и нес все такие же низкие серые тучи, скрывающие местность на расстоянии сотни-другой метров. Термометр показал -1 градус, шел снег.

— Сегодня нужно проверить, поднимаемся мы или опускаемся, — предложил Макшеев. — У нас среди инструментов есть легкий нивелир и рейки.

Продолжалась та же снежная равнина, но снег немного подмерз и идти было легче. Уклон был небольшой, но несомненно вверх, и несколько нивелировок, произведенных в течение дня, подтвердили то, что видел глаз и что показывали собаки своим ходом.

За день сделали двадцать три километра, так как нивелировки отняли довольно много времени.

Как только юрта была расставлена, Боровой вынул свои приборы; кипятильник показал +128 градусов.

Боровой сочно выругался и плюнул.

— Единственное объяснение, что в этом провалище неприменимы физические законы, установленные для земной поверхности, и нужно вырабатывать новые, — сказал Каштанов.

— Легко сказать — вырабатывать! — сердился Боровой. — На лету их не выработаешь! Сотни ученых десятки лет трудились, а тут все идет насмарку, словно на другой планете. Я не могу примириться с этим и готов подать в отставку!

Все рассмеялись при этой выходке метеоролога, который все-таки взялся за вычисление и объявил, что за день поднялись, то бишь спустились, на восемьсот шестьдесят метров, и место находится на девять тысяч метров ниже уровня моря.

— Я навел справку в руководстве по физике, — заметил Каштанов. — Оказывается, вода кипит при ста двадцати градусах при давлении в две атмосферы и при ста тридцати четырех градусах при давлении в три атмосферы. Сейчас мы испытываем давление приблизительно в две с половиной атмосферы.

— Понятно, что при таком давлении чувствуешь себя скверно и голова идет кругом, — заявил Боровой угрюмо.

Остальные подтвердили, что уже с ночи, проведенной среди льдов барьера, самочувствие ухудшилось, ощущается давление в груди, тяжесть в голове, вялость движений; сон беспокойный, с кошмарами.

— И собачки тоже чувствуют себя плохо, — заявил Иголкин. — Они словно ослабели и тянут хуже, хотя подъем некрутой. Я думал, они просто устали, а дело-то вот в чем!

— Интересно пощупать пульс у всех... — предложил Громеко. — У вас нормальный сколько, Иван Андреевич?

— Семьдесят два... — ответил Боровой, протягивая руку врачу.

— Ну вот, а теперь сорок четыре! Разница чувствительная. Сердце при таком давлении работает медленнее, а это отражается и на самочувствии.

— Что же, если спуск будет продолжаться, то сердце совсем остановится? — спросил Макшеев.

— Ну, не до центра же Земли мы будем спускаться! — рассмеялся Громеко.

— Почему нет? — проворчал Боровой. — Эта чудовищная воронка, может быть, доходит до центра Земли. Я теперь всему поверю. И не удивлюсь даже, если мы выйдем из нее среди льдов Южного полюса.

— Это уж, извините, ерунда! — заметил Каштанов. — Ни сквозной дыры через земной шар, ни воронки до центра быть не может. Это противоречило бы всем данным геофизики и геологии.

— Вот как! А с противоречиями всем законам метеорологии,

которые мы уже наблюдаем, вы миритесь? Вот увидите, и законы вашей геологии полетят кувирком.

Каштанов рассмеялся.

— Метеорология, Иван Андреевич, наука легкомысленная, — сказал он шутиливо. — Она имеет дело с непостоянной средой атмосферы, с ее циклонами и антициклонами, причины которых до сих пор неясны. А геология основана на прочном базисе — твердой земной коре.

— Прочный базис! — вскипел Боровой. — Пока его не потряхнет хорошеньким землетрясением, при котором любой геолог потеряет голову, если не что-нибудь похуже!

Все покатались от смеха.

— И потом, — продолжал метеоролог ядовито, — вы знаете каких-нибудь два-три километра в глубину земной коры, а судите о состоянии недр! И сколько голов — столько гипотез о природе этих недр. По мнению одних — ядро земли твердое, по мнению других — жидкое, по мнению третьих — газообразное. Разберитесь тут!

— Разберемся со временем. Каждая гипотеза, если она обоснована, представляет лишний шаг к познанию истины. А насчет недр вы неправы. В данное время сейсмология, то есть изучение землетрясений, дает нам новые способы узнать больше о состоянии земного ядра... Интересно, что будет завтра, — закончил он. — Теперь каждый день можно ждать каких-нибудь фактов, на первый взгляд непонятных, но слагающихся в общую цепь причин и следствий, когда в них разберешься.

На другой день продолжалась снежная равнина с подъемом вверх, но более слабым; ветер по-прежнему дул с юга, низкие тучи клубились и стлались почти по поверхности земли, скрывая даль. К полудню подъем равнины сделался совершенно незаметным, а под вечер он перешел в спуск — собаки побежали быстрее, так что лыжники едва поспевали за ними. Температу-

ра держалась немного ниже нуля, и путь был легкий. Вдруг Боровой, шедший, как всегда, впереди, замахал руками и закричал:

— Стойте! Подождите! Я боюсь, что мы сбились с пути!

Все подбежали к нему. Он держал в руках компас и упорно смотрел на него.

— В чем дело? — спросил Каштанов.

— Мы идем не на север, а на юг, назад к ледяному поясу. Смотрите, северный конец стрелки показывает не вперед по нашему пути, а назад.

— Когда же вы заметили это?

— Только что. Ведь с тех пор, как компас начал чудить, я перестал доверять ему и вел караван по ветру, который все время дует упорно с юга. Но меня теперь смутил обратный уклон равнины, потому что из воронки мы не могли еще выбраться. Я вынул компас и увидел, что он перестал чудить и показывает направление пути на юг, а не на север.

— Но ветер дует по-прежнему нам в спину!

— Он мог перемениться в течение ночи.

— Нет, — заявил Макшеев, — ветер не переменялся. Мы все время ставим юрту дверью по ветру, то есть на север, чтобы не задувало. Сегодня утром, я помню это твердо, юрта стояла еще по ветру.

— Значит, он менялся постепенно в течение сегодняшнего дня; мы описали полукруг и пошли обратно.

— Или же компас каким-то образом перемагнитился.

— Хоть бы выглянуло солнце или показались звезды, чтобы проверить, куда мы идем, — жаловался Боровой.

— Во всяком случае, следует остановиться на ночлег и проверить с компасом в руках несколько километров нашего пути, который ясно виден по следам на снегу, — заявил Каштанов. — Если мы кружили, это обнаружится быстро.

Поставили юрту. Макшеев и Громеко побежали по следам назад. Боровой вскипятил гипсотермометр, который показал почти то же, что и накануне. Небольшой подъем первой половины дня, очевидно, был уравновешен спуском второй половины. Через два часа следопыты вернулись, они проверили десять километров пути, который шел все время по прямой линии, согласно направлению ветра. Поэтому решили, что последнему можно больше доверять, чем компасу, и что следует идти и дальше по ветру.

И в этот раз темное время ночи так и не наступило; тусклый свет под покровом туч не изменился.

На следующий день уклон местности вниз стал более заметным. Температура поднялась немного выше нуля, снег размокал, и дорога, несмотря на спуск, сделалась труднее. После полудня появились лужицы и небольшие ручейки, которые извивались между неровностями и наконец исчезали в трещинах, забитых снегом. Для ночлега пришлось выбрать возвышенную площадку и окопать юрту канавками, чтобы отвести воду тающего снега.

Устанавливая гипсотермометр, Боровой был уверен, что он покажет еще большее число градусов, чем накануне, так как целый день продолжался спуск на дне загадочной впадины. Но термометр показал 126 градусов, и отрицательная высота местности, несмотря на спуск, не увеличилась, а уменьшилась на пятьсот семьдесят метров. Метеоролог, совершенно растерянный, разразился нервным смехом:

— Новый сюрприз, новое недоразумение! Сегодня утром мы решили не верить компасам, теперь приходится поставить под знак вопроса и гипсотермометр!

Опять все путешественники собрались вокруг шалившего прибора, проверяли его показания, кипятили воду еще и еще раз, но результат получался прежний. Несмотря на ясный спуск, в котором нельзя было сомневаться, потому что ручейки текли в том же направлении, давление воздуха не увеличилось, а уменьшилось. В предшествующие же дни, наоборот, при подъеме давление не уменьшалось, а увеличивалось. Казалось, что законы физических явлений, выработанные поколениями ученых на основании наблюдений на земной поверхности, здесь, в этой впадине полярного материка, были неприменимы или получили совершенно другой смысл. Необъяснимые явления умножались.

Все были заинтересованы и возбуждены, но понять, объяснить никто не мог. Оставалось надеяться, что ближайшее будущее даст ключ к разъяснению загадки.

— Но что за снежная пустыня! — заметил Папочкин. — После встречи с мускусными быками на перевале через хребет можно было надеяться, что следующие дни дадут мне и Михаилу Игнатьевичу какую-нибудь научную добычу. Между тем мы идем с тех пор чуть ли не двенадцать дней, прошли более двухсот пятидесяти километров... и абсолютно ничего, кроме снега и льда.

— И даже Петр Иванович, которому до сих пор везло всего больше по части коллекций, не поживился ничем, — прибавил Громeko.

— Один только Иван Андреевич коллекционирует! — смеясь, заметил Макшеев.

— Я? Что же я собрал за это время? — удивился Боровой.

— Коллекцию непонятных физических явлений, — ответил за Макшеева Каштанов, догадавшийся, на что тот намекает.

— Это очень странная коллекция, но зато легковесная, не то что ваши камни! — смеялся Боровой. — Она напши нарты не задавит!

— Но может оказаться и очень тяжеловесной, в смысле итогов экспедиции. Ведь каждому исследователю хочется найти что-нибудь особенное, ранее неизвестное! Вам повезло до сих пор больше, чем нам.

На следующий день спуск продолжался и стал даже еще заметнее. Ледяная равнина начала распадаться на плоские увалы. Во впадинах между ними текли ручьи, снег размок, и идти на лыжах стало тяжело: лыжи скользили, раскатывались в стороны. Поэтому

способ передвижения изменили: люди уселись на нарты, по двое на каждую; собаки тащили их быстро вниз по уклону; лыжными палками направляли нарты и сдерживали их раскаты на неровностях льда.

Обратили внимание на то, что тучи, клубившиеся по-прежнему низко, имеют не серый, а красноватый цвет, словно их озаряет заходящее, но невидимое солнце.

Ледяная пустыня уходила во все стороны до недалекого горизонта и также казалась красноватой. Это странное освещение на дне глубокой впадины, куда не могло заглянуть низкое полярное солнце, также принадлежало к коллекции необъяснимых явлений, которую собирал Боровой.

В этот день остановились на гребне увала вблизи большого бурного ручья с чистой водой, избавлявшей от необходимости растапливать снег для супа и чая.

НЕОБЪЯСНИМОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СОЛНЦА

После ужина метеоролог установил свой кипятильник в твердой уверенности, что ввиду такого длинного и опасного спуска на протяжении сорока пяти километров ртуть покажет по крайней мере 130 градусов, и снижение будет около десяти тысяч метров, то есть рекордным за все время. Он даже заранее вычислил высоты для точек кипения от 130 до 135 градусов, чтобы огоршить ими своих спутников. Каково же было его удивление, когда термометр показал только 120 градусов!..

— Моя коллекция опять увеличилась, — заявил он торжественным тоном. — Вы, конечно, не сомневаетесь, что мы сегодня ехали все время и очень быстро под гору.

— Ну конечно. Ясно! Вода в гору не течет! — раздался голоса.

— Так. А вот гипсотермометр показывает, что мы ехали в гору и поднялись за день на тысячу семьсот метров с лишком. Как вам это понравится?

После того как все убедились собственными глазами, что Боровой не шутит, он заявил:

— Очевидно, идя и далее все вниз, мы скоро выберемся из этой удивительной впадины, может быть, у самого Северного полюса.

— А я думаю, что готовится какая-то катастрофа! — загадочным тоном произнес Громеко. — В таинственной яме происходит необыкновенное разрежение воздуха, давление падает, предвещая ураган, циклон, тайфун, смерч или что-нибудь подобное. А в ожидании этой пертурбации, чтобы перенести ее спокойно, я предлагаю всем благоразумным людям залезть в спальные мешки.

Все, даже Боровой, рассмеялись и последовали совету врача. Но метеоролог предварительно осмотрел, крепко ли вбиты колья,

хорошо ли натянуты веревки, державшие юрту. Он действительно опасался какой-то атмосферной катастрофы, спал тревожно, присыпаясь и прислушиваясь, не усиливается ли ветер, не начинается ли ожидаемое явление. Но все было спокойно, ветер гудел равномерно, как все это время, сотоварищи похрапывали, собаки сквозь сон ворчали и взвизгивали. И Боровой опускал голову на подушку, стараясь отогнать тревожные мысли и заснуть.

Утром он раньше всех вышел из юрты, чтобы отсчитать показания инструментов, вывешенных на ночь. Остальные путники лежали еще в спальнях мешках.

Вдруг войлочная дверь юрты поднялась. Метеоролог, бледный, с вытаращенными глазами, вернулся в юрту и произнес, заикаясь:

— Если бы я был один, я бы больше не сомневался в том, что рехнулся окончательно.

— Ну, что такое опять? В чем дело? Какая катастрофа разразилась? — послышались вопросы, у одних испуганные, у других иронические.

— Тучи или туман почти рассеялись, и солнце, понимаете ли вы, полярное солнце стоит в зените! — прокричал Боровой.

Все бросились к выходу, толкая друг друга и на ходу одеваясь.

Над ледяной равниной клубился легкий туман, и сквозь него то ярче, то тусклее светил красноватый диск, стоявший прямо над головами, а не низко над горизонтом, как полагалось полярному солнцу в пять часов утра в начале июля под 80 градусом северной широты.

Все стояли, задравши головы кверху, и смотрели молча на это странное солнце, находившееся на ненадлежащем месте.

— Странная эта местность — Земля Нансена, — промолвил Макшеев не то трагическим, не то ироническим тоном.

— Да не луна ли это? — предположил Папочкин. — Может быть, теперь полнолуние?

Боровой порылся в карманном справочнике:

— Теперь действительно полнолуние, но только этот красный диск не похож на луну — и светит сильнее, и греет заметно.

— Может быть, на Земле Нансена... — начал Макшеев.

Но Каштанов перебил его:

— В полярных странах в летние месяцы луна никогда не бывает в зените: или ее совсем не видно, или она стоит очень низко.

— А если это не луна и не солнце, то что же это такое?

Но ответа никто не мог дать. Все продолжали делать догадки и провергать их; затем позавтракали и собрались в путь. Термометр поднялся до +8 градусов. Туман то сгущался, скрывая красное светило, то разрежался, а оно показывалось неизменно в зените, не двигаясь с места. Путь шел по-прежнему вниз по ледяной равнине вдоль берега большого ручья. Уклон как будто становился более пологим.

Собаки бежали дружно, путешественники сидели на нартах, по временам вскакивая, чтобы поправить упряжь или устроить мостик через более глубокое русло.

Как только солнце пробивалось сквозь клубы тумана, все поднимали головы и смотрели на это странное светило, принявшее такое противоестественное положение на небе.

В обед сделали обычный привал.

Полдень, впрочем, показывали только часы, солнце же стояло по-прежнему в зените и, казалось, не думало менять своего места.

— Чем дальше в лес, тем больше дров! — ворчал Боровой. — Солнце и под восьмидесятым градусом северной широты должно перемещаться по небу, а не стоять на одном месте! Ведь Земля-то вертится!

Во время привала он определил высоту солнца, которая оказалась равной 90 градусов.

— Можно подумать, что мы находимся под тропиком в день летнего солнцестояния или под экватором во время равноденствия! — сказал он после наблюдения. — Какую широту прикажете записать? Хоть убейте, а не понимаю, где мы находимся и что вокруг нас происходит. Мысли в голове путаются, и все кажется каким-то странным сном!

Все в сущности разделяли это чувство Борового и совершенно не могли объяснить себе это новое непонятное явление, по своей загадочности превосходящее все остальные: противоречивые показания инструментов, постоянный ветер с одной стороны, беспросветные тучи, ненормальное тепло, красноватый свет и колоссальная впадина с глубиной большей, чем все известные на Земле.

Во время обеда и отдыха строили всевозможные догадки о катастрофах, происшедших с Землей с тех пор, как они на «Полярной звезде» и на Земле Нансена были отрезаны от всякого общения с остальным миром.

ПОЛЯРНАЯ ТУНДРА

Под вечер ледяная равнина превратилась в ледяные увалы. Редеющий туман плыл в воздухе, почти не заслоняя красноватое солнце, которое по-прежнему оставалось в зените, словно издеваясь над путешественниками, продолжавшими с изумлением смотреть на него.

Приближалось время остановиться на ночлег; на ледяном гребне это было не особенно удобно: хотя места было достаточно, но вода далеко внизу, и спуститься к ней по гладкому ледяному откосу было невозможно. Поэтому продолжали ехать в надежде найти более подходящее место, тем более что впереди сквозь туман видна была какая-то темная равнина.

И вот около семи часов вечера ледяные увалы снизились и плоскими белыми языками, словно исполинскими фестонами, окаймляли эту темную равнину, в которую ручьи врезывались неглубокими руслами и текли далее в плоских болотистых берегах. Нарты, съехавшие со льда, сразу остановились на липкой голой земле; собаки высунули языки и отказались везти. Все соскочили с нарт — последний километр ехали уже в напряженном ожидании нового сюрприза, который поднесет им эта странная Земля Нансена в виде бесснежной равнины.

Словно по уговору, люди наклонились, рассматривая и щупая руками эту долгожданную землю после стольких дней, проведенных на снегу и льду. Земля была буро-черная, пропитанная водой; липкая, но не совершенно голая, а покрытая примятыми стебельками мелкой пожелтевшей травки и искривленными стелющимися ветвями приземистого кустарника, лишенного листьев. Нога погружалась в землю сантиметра на четыре, и изпод подошвы струйками и фонтанчиками выжималась желтая вода.

— Как вам это понравится? — проворчал Каштанов. — Под восемьдесят первым градусом северной широты снег исчезает, тепло, как в Финляндии, голая земля и солнце в зените!

— Неужели придется ставить юрту в этом болоте? — печально спросил Папочкин.

— Это не болото, а северная тундра, — пояснил ему Макшеев.

— От этого не слаще, что тундра, — заметил Боровой. — Собаки отказываются везти нарты, а ночевать в грязи действительно не особенно приятно. Лучше уж вернуться на лед!

Все стали оглядываться вокруг в надежде увидеть более сухое местечко.

— Вот там, я думаю, будет хорошо! — воскликнул Громеко, указывая вперед, где над черно-бурой равниной поднимался плоский холм, приблизительно в километре от конца ледяных языков.

— Но как мы туда дотащимся?

— Ничего, доплетемся, будем помогать собакам!

— Попробуем надеть лыжи, чтобы меньше вязнуть.

Действительно, на лыжах идти оказалось легче. Собаки потихоньку тащили облегченные нарты, которые люди сзади подталкивали палками от лыж. В полчаса доплелись до холма, поднимавшегося метров на восемь над равниной и представлявшего сухое и удобное место для ночлега. На нем среди пожелтевшей прошлогодней травы пробивались уже свежие зеленые побеги, а приземистый кустарник наливал почки.

На вершине холма поставили юрту, а нарты и собак расположили ниже на склоне. Позади, на севере, белел ровным, высоким валом край льдов, уходящий в обе стороны за горизонт; впереди черно-бурая равнина уже принимала зеленоватый оттенок.

В полусотне шагов от холма беззвучно струился широкий ручей между топкими берегами. Туман клубился над равниной.

Появлявшееся по временам красноватое солнце по-прежнему стояло в зените, хотя часы показывали уже половину девятого вечера. За этот день отмахали пятьдесят километров.

Пока Боровой кипятил воду, остальные строили догадки, какую температуру кипения покажет инструмент после такого длинного очевидного спуска.

Одни стояли за 125, другие за 115 градусов. Макшеев даже держал пари с Папочкиным.

— Никто из вас не выиграл! — заявил метеоролог, когда наблюдение кончилось. — Термометр показывает только сто десять градусов.

— Все-таки я был ближе к истине, — сказал Макшеев, — я стоял за сто пятнадцать.

— А не думаете ли вы, что лучше будет перебить все эти негодные инструменты? — желчно спросил Боровой.

— Вы, право, слишком принимаете к сердцу непонятные фокусы атмосферного давления, — успокаивал его Каштанов, — как будто считаете себя ответственным за них!

— Не в этом дело, а в том, что инструмент оказывается негодным! Зачем же его тащить?

— Сейчас он может быть бесполезен по неизвестной нам причине, но при дальнейшем ходе путешествия, вероятно, опять будет оказывать нам услуги.

После ужина совещались о дальнейшем ходе путешествия. Если бесснежная тундра простирается и далее к северу, как это ни странно, то значительная часть снаряжения оказывается не только бесполезной, но даже вредной, тормозящей быстроту движения, а именно — лыжи, нарты, собаки и запас их корма, лишняя теплая одежда, значительная часть спирта и даже сама юрта. При установившейся здесь теплой погоде можно было бы довольствоваться легкой палаткой, которая имела в запасе, а топливо пришлось бы собирать в тундре.

Поэтому решили устроить на холме дневку и разослать налегке две партии в разные стороны, чтобы выяснить характер местности и условия передвижения, ожидавшие экспедицию. После этого можно было оставить все лишнее в складе на холме для обратного пути по льдам.

БРОДЯЧИЕ ХОЛМЫ

На следующий день Иголкин и Боровой остались у юрты: первый для надзора за собаками, второй для разных метеорологических наблюдений. Остальные четверо отправились на разведки, разделившись на две партии: Каштанов и Папочкин пошли на юго-восток, а

Макшеев и Громеко на юго-запад. Все пошли на лыжах, но с намерением оставить их, если почва делается достаточно сухой.

Каждый исследователь был вооружен ружьем. Нельзя было думать, что и на тундре не попадетсЯ никакой дичи, как это было на снежной равнине. Беспоконное поведение собак в течение ночи заставляло полагать, что могут встретиться какие-то животные. Свежее мясо было очень нужно не только людям, но и собакам.

Каштанов и Папочкин на своем пути вскоре наткнулись на широкий ручей, за которым тундра продолжалась.

Вскоре она стала настолько сухой, что лыжи пришлось совершенно оставить. Их поставили конусом, связав наверху веревкой, чтобы легче заметить и взять на обратном пути.

На сухой тундре зеленела уже молодая трава, а приземистый кустарник покрылся зелеными листочками и цветами. По равнине клубился туман, местами моросил очень мелкий дождь. Но в промежутках светило и заметно грело красноватое солнце, диск которого все-таки не был ясно виден.

Километрах в десяти от стоянки путники заметили впереди несколько темных крутобоких холмов, очертания которых из-за тумана были нерезки.

— Вот прекрасное место для обзора окрестностей! — воскликнул Папочкин. — На этой гладкой равнине с высоты холма должно быть видно далеко.

— Еще интереснее те коренные породы, которые мы найдем на них, — возразил ему Каштанов. — До сих пор геологическая добыча нашей экспедиции была очень скудна.

— Зоологическая еще скуднее.

— Ну, теперь тундра вознаградит нас. А по форме и цвету этих холмов можно думать, что это куполы базальта или другой вулканической породы.

Оба исследователя пустились почти бегом к желанной цели, которая то виднелась сквозь пелену тумана, то совершенно скрывалась в ней.

Каштанов и Папочкин бежали более четверти часа, а темные холмы казались почти такими же далекими, как вначале.

— Этот проклятый туман ужасно мешает правильной оценке расстояний! — сказал зоолог, останавливаясь, чтобы перевести дух. — Я был уверен, что до холмов недалеко, а мы бежим, бежим, бежим и почти не приблизились. Я запыхался.

— Ну что же, отдохнем! — согласился Каштанов. Холмы ведь не убегут от нас никуда.

Они стояли, опершись на ружья. Вдруг Папочкин, смотревший в сторону холмов, воскликнул:

— Удивительно, если только это не обман зрения! Мне показалось, что наши холмы двигаются.

— Это ползет туман, потому и кажется, — спокойно ответил Каштанов, закуривая трубку.

— Нет, теперь я ясно вижу, что холмы передвигаются! Смотрите, смотрите скорее!

Впереди, недалеко, теперь ясно были видны четыре темные массы, которые медленно передвигались по тундре.

— Холмы базальта или иной вулканической породы обыкновенно стоят на одном месте! — саркастически заметил Папочкин. — Впрочем, в этой стране необъяснимых явлений, может быть, и такие холмы бродят с места на место! Как жаль, что с нами нет Борового!

Каштанов в это время вынул бинокль и направил его на двигавшиеся холмы.

— А знаете ли, Семен Семенович, — сказал он голосом, дрожащим от волнения, — эти холмы подлежат не моему, а вашему ведению, потому что это крупные животные вроде слонов, я ясно различаю длинный хобот.

Они опять побежали вперед и остановились только тогда, когда туман начал снова рассеиваться; темные массы были уже гораздо ближе.

— Ляжем, — сказал зоолог, — иначе они могут заметить нас и убегут.

Они прилегли на тундру. Теперь Папочкин прильнул к биноклю в ожидании удобного момента. Наконец туман рассеялся настолько, что на расстоянии четырехсот — четырехсот пятидесяти шагов можно было ясно различить четырех слоновобразных животных, которые обрывали веточки ползучего кустарника и, красиво изогнув хобот, отправляли их в свою пасть. Трое из них были побольше, а один поменьше.

— У них огромные бивни, — сказал Папочкин, — сильно изогнутые. Тело покрыто шерстью красного цвета. У них короткие хвосты, которыми они весело помахивают. Если бы я не знал, что мамонты исчезли с лица нашей планеты, я бы сказал, что это не слоны, а мамонты... Впрочем, в этой стране необыкновенного, может быть, и мамонты уцелели!

Каштанов в это время вставил патрон с разрывной пулей в свою дальнобойную винтовку и прицелился в ближайшего зверя, повернувшегося левым боком к охотнику.

Раздался оглушительный выстрел. Зверь взмахнул хоботом, упал на колени передних ног; затем вскочил, пробежал несколько шагов и тяжело рухнул на землю.

Остальные шархнулись в стороны, а затем, подняв кверху хоботы и испуская рев, напоминавший протяжное мычание быка, побежали тяжелой крупной рысью по тундре и исчезли в тумане.

Каштанов и Папочкин, сгорая от нетерпения, бросились к добыче. Она лежала на правом боку, разбросав ноги и откинув голову с огромными бивнями. Из зиявшей под лопаткой огромной раны вытекал целый ручеек крови, круглое брюхо еще судорожно вздымалось, хобот вздрагивал.

— Осторожнее, — сказал Каштанов. — В агонии он может так двинуть хоботом или ногой, что переломит нам кости.

Охотники остановились шагах в десяти от слона и рассматривали его с понятным волнением и интересом.

— Я тоже думаю, что это мамонт, — сказал Каштанов. — Огромные размеры (ведь эта махина имеет метров шесть в длину!), бивни, согнутые вверх и внутрь, длинная красноватая шерсть — все это признаки мамонта. Кроме того, слоны в полярных странах никогда не водились, а мамонт жил в сибирской тундре.

— Если бы я не видел его собственными глазами, — ответил Папочкин, — я бы никому не поверил! Это такое открытие, такое открытие!..

— Ну, пожалуй, не больше, чем вся эта глубокая впадина и зеленеющая тундра под восемьдесят первым градусом северной широты. Очевидно, на этом полярном материке, совершенно отрезанном льдами от остальных стран нашей планеты и обладающем мягким климатом, мамонты сохранились до наших дней. Они представляют собой живые окаменелости*...

— Или ископаемую фауну Земли Нансена, приспособившуюся к новым условиям жизни. Очевидно, прежде эта земля не была отделена от других стран льдами и снегами, а имела флору и фауну, общую с севером Америки и Азии. А затем, может быть во время ледникового периода, мамонты нашли здесь свое последнее убежище.

— Теперь оно обнаружено нашей экспедицией! Но что мы будем делать с этим чудовищем? Чтобы доставить его к стану, нужны товарная платформа и паровоз!

— Если мамонт не может быть передвинут к стану, то, во всяком случае, стан может перекочевать к мамонту! — пошутил зоолог.

— Идея! Но если в тундре могут водиться мамонты, то могут также водиться медведи, волки; песцы, вообще какие-нибудь хищники. И пока мы будем переселяться сюда, они успеют попортить нашу добычу!

— Это правда! Нужно сейчас же тщательно измерить, описать, сфотографировать мамонта. На «Полярную звезду» мы захватим разве один зуб, частицы мозга, кожи, мяса в спирту.

— Но хобот, я думаю,отрежем на всякий случай, чтобы показать товарищам. То-то они будут поражены! А потом скушаем его — это будет блюдо, которым не лакомылся еще ни один естествоиспытатель. Хоботы слонов, говорят, превкусны! Но конец хобота нужно сохранить, потому что его никогда еще не находили при трупах мамонта и неизвестно, как он устроен**.

* *Окаменелостями* называют остатки прежде существовавших животных и растений в окаменелом или обугленном состоянии, находимые в горных породах. Они имеют очень важное значение для определения возраста тех слоев земной коры, в которых находятся. Изучением окаменелостей занимается особая отрасль геологии — палеонтология.

** Недавно на Чукотском полуострове был найден хобот мамонта. Конец его доставлен в Академию наук.

Охотники подошли к мамонту, лежавшему уже неподвижно, и приступили к его измерению и тщательному осмотру.

Папочкин мерил, Каштанов записывал; потом последний сфотографировал труп с разных сторон, причем зоолог с гордостью становился рядом или влезал на него для масштаба, восклицая:

— Разве это не чудесно: в отчете экспедиции будет иллюстрация — ученый Папочкин на трупе мамонта, не ископаемого, а ныне живущего!

Окончив свою работу, путешественники отрезали у животного хвост, хобот и клок длинной шерсти, подняли ружья и, нагрузившись, хотели идти к юрте. Но тут зоолог, растерянно оглянувшись вокруг, воскликнул:

— Но в какой стороне наш стан? Кругом ровная тундра, ползет туман, вдаль не видно. Мы заблудились, Петр Иванович! Я решительно не знаю, куда идти...

Каштанов сначала немного оробел при этом возгласе, но потом сказал, улыбаясь:

— Человек, у которого в кармане есть компас, не может заблудиться даже в тумане, если знает, в каком направлении он шел. От места ночлега мы направились прямо на юго-восток, значит, теперь должны идти на северо-запад.

— Но, увидев мамонтов, мы, кажется, бежали не по компасу!

— Нет, прежде чем спрятать компас, я по привычке отметил направление, куда мы бежали. Не беспокойтесь, я вас доведу до юрты!

Каштанов с компасом в руке уверенно направился по тундре, зоолог следовал за ним.

Часа два путешественники шли по равнине. Туман по-прежнему то клубился низко, то рассеивался, позволяя видеть на один — два километра в окружности. Как раз в такой момент Каштанов наконец увидел впереди, немного в стороне от их пути, какой-то странный предмет, возвышавшийся над равниной. Он указал на него зоологу.

— Что же это такое? — спросил последний. — Похоже на остов самодской юрты. Неужели здесь есть и люди!

— Я думаю, что это наши лыжи. Вы забыли, что мы их оставили.

— Ну, значит, мы идем правильно!

Добравшись до лыж, путешественники могли уже не беспокоиться и спрятали компас, потому что лыжные следы виднелись хорошо на влажной тундре. Вскоре вдали показался холм с юртой.

НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ

Когда охотники подошли настолько, что на холме можно было различить не только юрту, но и силуэты людей и собак, Каштанов сказал своему спутнику, обладавшему менее острым зрением и слухом:

— А на стану у нас что-то происходит неладное — люди бегают, собаки заливаются лаем.

Оба остановились, чтобы прислушаться. Действительно, явно доносился неистовый лай собак, затем послышался выстрел, другой, третий...

— Уж не напали ли мамонты или другие ископаемые звери? Я теперь готов поверить! — сказал зоолог.

— Бежим скорее, может быть, наша помощь очень нужна.

Они побежали, насколько позволяли их ноша и усталость. У подножия холма они бросили лыжи и хобот и мигом вбежали наверх.

Собаки рвались и лаяли на привязи, в юрте никого не было. Но на противоположном склоне бежавшие увидели темную массу, возле которой стояли Боровой и Иголкин с ружьями в руках.

В один миг Каштанов и Папочкин очутились возле своих товарищей:

— В чем дело, что случилось?

— А вот полюбуйтесь! — отвечал взволнованный Боровой. — Этот странный зверь напал на собак, или собаки напали на него. Мы сидели в юрте и не видели начала схватки, — одним словом, пока мы выбежали с ружьями, он затоптал у нас двух собак! Ну-с, чтобы остановить это занятие, мы запустили ему пару разрывных пуль в брюхо — и у него произошло смертельное расстройство желудка.

Иголкин увел собак, вертевшихся вокруг убитого зверя, и три путешественника начали рассматривать его. При первом взгляде на голову Каштанов и Папочкин в один голос воскликнули:

— Да это носорог!

— Носорог здесь, на полярном материке? — недоверчиво сказал Боровой. — Правда, что он довольно похож на носорогов, которых я, впрочем, видел только на картинках. Но все-таки может ли быть здесь, в тундре, животное, родина которого под тропиками?! Не могу этому поверить!

— А вы поверите, — перебил Каштанов, — что мы только что охотились на мамонтов, понимаете ли, мамонтов, которые до сих пор считались только ископаемыми животными, существовавшими десятки тысяч лет назад?

— Помилосердствуйте! — завопил Боровой. — Не шутите так жестоко. Я боюсь за свой рассудок. Все, что мы видим за последние дни, так необыкновенно, противоестественно! Мне просто кажется, что я вижу это во сне или же сошел с ума!

— Да успокойтесь, мой дорогой! — вскричал Каштанов, схватив Борового за руку. — Мы все испытываем волнение. Мы тоже поражены тем, что видим за это время. Все это странно, пока необъяснимо, но противоестественного в природе не бывает! Помните, что мы на уединенном полярном материке, глубоко вдавленном в поверхность нашей планеты, отрезанном широким поясом льдов от остальной суши. На таком материке должны быть своеобразные физические условия, благодаря которым продолжает существовать мамонт, давно уже вымерший в других странах. Почему же не мог сохраниться и его современник — носорог?

— Африканский или индийский носорог на полярной тундре!

— Да не африканский, а сибирский, длинношерстный, живший в Сибири в тундрах вместе с мамонтом.

— Вот как! Я не знал, что существовали и такие носороги. Но почему же вы думаете, что это не африканский?

— А вот посмотрите! У него длинная бурая шерсть, тогда как носорог тропических стран голый; размеры его больше, чем у ныне живущих представителей этого рода млекопитающих; передний рог огромных размеров и сплюснен с боков.

Увидев, что Каштанов и Папочкин относятся так спокойно к этому удивительному происшествию, Боровой также успокоился и спросил:

— А где же мамонт, на которого вы охотились?

— Не могли же мы притащить его на себе сюда! — рассмеялся Папочкин. — Мы убили его довольно далеко отсюда, в тундре. Там было маленькое стадо в четыре головы, и наш геолог издала принял их за крутобокие базальтовые холмы! Но потом эти вулканические холмы начали бродить по тундре, к нашему ужасу, ха-ха-ха! А кстати, где наш хобот? Мы принесли только хобот и хвост. Не испортили бы его собаки.

— Идем за ним!

Фотографирование, измерение и описание носорога заняли больше трех часов, и только после этого исследователи подумали, что пора отдохнуть. Завтракая, они вспомнили, что не хватает еще двух товарищей, и встревожились их долгим отсутствием.

— С этим солнцем, вечно стоящим в зените, решительно теряешь всякое представление о времени! — ворчал Боровой. — Утром, в полдень, вечером — все одно и то же! День кажется бесконечным.

— Он здесь действительно бесконечный, если солнце остается в одном пункте небосклона, — подтвердил Каштанов.

— Прошлой так называемой ночью свет все-таки ослабел, — заметил метеоролог. — Хотя вы склонны были объяснить это сгустившимся туманом, но я выходил из юрты около полуночи и обратил внимание, что туман был не гуще, чем днем, а это странное солнце светило заметно слабее, и на его диске как будто видны были большие темные пятна.

— Это очень интересно! — воскликнул профессор. — Почему вы не сообщили нам об этом новом странном факте?

— Странных фактов здесь не оберешься! Да я хотел проверить себя, прежде чем говорить вам. Сегодня около полудня я опять наблюдал это сумасшедшее светило и убедился, что темных пятен нет. Я и думал, что ночью просто ошибся.

— Я думаю, — сказал Папочкин, — что с центральным телом нашей планетной системы случилась какая-то катастрофа, пока мы путешествовали в тумане по Земле Нансена. Поэтому-то оно и очутилось в зените под восемьдесят первым градусом северной широты и светит круглые сутки.

— Может быть, Земля наша повернулась постепенно так, что ее северная полярная область оказалась обращенной прямо к солнцу?

— Это что-то непонятное, — проворчал Боровой. — Как мог без серьезных потрясений произойти в короткое время такой значительный наклон земной оси?

— Мы могли и не заметить эти потрясения в тумане среди льдов. Иначе я не могу объяснить себе это странное положение солнца, — г заставил Каштанов.

— А почему вы уверены, что это светило, которое мы видим теперь, то же самое, которое мы видели в последний раз над гребнем хребта Русского? — спросил Боровой.

— Что же это может быть иное? — удивился Папочкин.

— Почему нельзя предположить с таким же основанием, что Луна загорелась вновь или что в нашу планетную систему залетело случайно новое самосветящееся тело и увлекло за собой нашу Землю в качестве спутника? — с загадочной улыбкой говорил метеоролог.

— Зачем делать разные невероятные предположения! — сказал Каштанов. — Ведь есть же гипотезы, основанные на геологических фактах, что ось вращения нашей Земли перемещалась. Этим объясняют, например, оледенения, имевшие место в некоторые геологические периоды в Индии, Африке, Австралии, Китае, и субтропическую флору других периодов на Земле Франца-Иосифа, в Гренландии и т. п.

— Не спорю, это вам лучше знать. Но я сегодня измерил угловой радиус этого светила, и оказалось, что он равен двадцати минутам, тогда как угловой радиус солнца равен почти шестнадцать минутам, как вы, конечно, знаете*.

— Вот это важный факт! — воскликнул пораженный Каштанов.

— А затем этот красноватый свет вместо желтого?

— Не вследствие ли тумана? — вставил Папочкин.

— Я сам думал так. Но сегодня удалось видеть это светило, когда туман на некоторое время совершенно рассеялся. И диск был все-таки красноватый, какой бывает у солнца, когда оно стоит низко над горизонтом и светит через более влажные нижние слои атмосферы или во время пыльной бури.

— Да, это тоже странно!

— А эти темные пятна, обуславливающие ослабление света в известные часы суток! Сегодня ночью я постараюсь проверить и это. Если они повторятся, то я буду окончательно убежден, что над нами не солнце, а что-то другое.

— Где же, куда же девалось наше солнце? — с тревогой спросил Папочкин.

— Почем я знаю! Это еще одно звено в цепи непостижимых явлений, свидетелями которых нам суждено было сделаться за последние дни.

— Да, целая цепь! — задумчиво сказал Каштанов. — Огромная впадина на материке; странные показания магнитной стрелки; непонятные изменения атмосферного давления; теплая погода под широтой восемьдесят один градус — не случайная, судя по этой границе льдов и зеленеющей тундре; мамонты и носороги, разгуливающие по ней; солнце — не солнце, в зените днем и ночью...

— И еще будет немало, я в этом уверен. Вот идут наконец наши товарищи и несут, держу пари на что угодно, еще один странный факт.

* Размеры диска Солнца, Луны, планет и звезд определяют телескопом и другими оптическими инструментами в минутах градуса небесного свода и называют угловым радиусом.

Все вскочили, всматриваясь в даль, где уже хорошо видны были два человека, несшие что-то темное, подвешенное на длинную палку. Папочкин поставил чайник на спиртовую печь и принялся готовить шашлык из носорожьего мяса, остальные побежали навстречу приближавшимся.

— Ну и намаялись мы нынче! — заявил Макшеев. — Видели и коров, и быков, стреляли, но добыли только теленка и тащим его уже часа три.

— И набрали интересную флору тундры, совершенно своеобразную, я бы даже сказал — ископаемую, если бы не рвал ее сам, — добавил Громеко, за спиной которого болталась набитая ботаническая папка.

Закусывая и попивая чай, Макшеев и Громеко рассказывали о виденном:

— Километров десять по нашему пути шла та же тундра, но более сухая, чем здесь. Затем на ней растительность стала богаче, появились кусты и даже небольшие деревья...

— Полярная береза и полярная ива, но новых видов, а затем и тощая лиственница, — добавил Громеко. — Попались и цветущие растения, частью совершенно незнакомые мне, частью описанные разными исследователями в качестве представителей послетретичной (ископаемой) флоры Канады.

— Мы дошли наконец до узкой, но очень глубокой речки, через которую не было брода, и направились вниз по ее течению. Деревья становились выше человеческого роста, кусты между ними образовали чащу, через которую трудно было пробираться. Вот тут-то мы и набрали на стадо быков, пришедших на водопой.

— Какого вида быков? — с интересом спросил Папочкин.

— Они походили скорее на диких яков, — поправил Громеко, — черные, с длинной шерстью, с огромными толстыми рогами и с горбом на спине.

— Такой вид имели быки, — продолжал Макшеев, — а

другие, очевидно коровы, ростом были немного меньше и с рогами потоньше и покороче; кроме того, там было несколько телят. Я надеялся встретить в тундре только болотную птицу и мелкого зверя, поэтому взял с собой дробовик.

— А я совсем не взял ружья.

— Ну вот и пришлось стрелять только в теленка крупной картечью, которая нашлась в патронташе. Стадо скрылось в чаще, а теленок свалился в речку, откуда мы его выловили и прикончили ножом.

— Теленок весил добрых пятьдесят килограммов, а тащить его домой нужно было двенадцать километров. Поэтому мы для облегчения ноши выпотрошили его, хотя и знали, что Семен Семенович будет недоволен этим.

— Ну, он получил достаточное утешение! — засмеялся Каштанов. — Знаете ли, какой шашлык вы сейчас скушали?

— Какого-нибудь полярного зайца, что ли? Не знаю, есть ли такой вид.

— Не зайца, а носорога, и даже ископаемого!

— Тьфу! Это вы, значит, нашли где-нибудь труп носорога в вечно мерзлой тундре* и решили попробовать мясо, пролежавшее десятки тысяч лет? — удивился Громеко. — Если бы я знал, не стал бы есть. Меня теперь будет тошнить.

— Но шашлык был вкусный, немного жестковат только, — заявил Макшеев.

— И неудивительно, такое древнее мясо!

— А знаете ли вы, — спросил, в свою очередь, Папочкин, — что к ужину мы вас угостим вареным хоботом мамонта?

— Ну, это уж черт знает что такое! — возмутился Громеко. — Что вы, отравить нас хотите, что ли? Пробуете, как действует на желудок современного человека разная геологическая падаль!

Макшеев, который во время своих скитаний по Аляске и Чукотской земле отвык от брезгливости, сказал:

— Я читал, что хобот слона — лакомое блюдо; но хобот мамонта должен быть верхом совершенства.

— Нет, я не стану его есть! — сердился Громеко. — Я лучше поджарю себе телячью печенку, она, по крайней мере, свежая.

Насладившись удивлением своих товарищей, остальные наконец посвятили их в события этого дня, показали им труп носорога, хобот, хвост и клочок шерсти мамонта, и ботаник успокоился. Он принял даже участие в решении вопроса, как и с чем сварить пресловутый хобот, и вынул из кармана несколько головок дикого чеснока, который нашел недалеко от места встречи с быками.

* На севере Сибири в вечно мерзлой почве изредка находят целые трупы животных, существовавших много тысяч лет назад и сохранившихся полностью — с кожей, мясом и внутренностями — благодаря мерзлоте, предохранившей их от гниения. Всего чаще находят трупы мамонта, редко — носорога, еще реже — других млекопитающих. Для изучения и вывоза таких трупов Академия наук снаряжает особые экспедиции.

— Эти овощи будут хорошей приправой к хоботу, — сказал он, — жаль, что их попало так мало.

За ужином решили пробить на том же месте еще один день, чтобы сходить впятером туда, где лежал убитый мамонт, и доставить к юрте запасы мяса и части, подлежащие сохранению.

— Теперь мы можем обсудить серьезно, куда и как нам двигаться дальше, — предложил после ужина Каштанов. — Наша разведка дала некоторый материал для этого. А во время разговоров поможем зоологу отпрепарировать черепа носорога и теленка, назначенные для сохранения... Кстати, Семен Семенович, к какому виду вы относите теленка?

— Если бы я не видел собственными глазами живого мамонта и сибирского носорога, — ответил зоолог, — я бы сказал, что встреченные быки близки к современному яку Тибета. Но теперь я решаюсь думать, что это были первобытные быки, исчезнувшие с лица Земли вместе с мамонтом и носорогом.

ПИСЬМО ТРУХАНОВА

При обсуждении вопроса о дальнейшем маршруте все согласились, что Земля Нансена дала уже экспедиции не только много нового, но и много необъяснимого и что необыкновенные факты множились с каждым днем движения вперед.

Экскурсии последнего дня показали, что впереди за тундрой начинаются леса, идти по которым с нартами и собаками было немислимо; следовательно, приходилось оставить нарты, лыжи, часть груза и собак и идти дальше пешком, унося на себе необходимое.

Между тем было совершенно неизвестно, далеко ли тянутся эти леса и что предстоит встретить за ними. Наиболее вероятным казалось, что тепло, растения и животные ограничиваются дном глубокой впадины Земли Нансена и что дальше, на противоположном склоне ее, опять начнутся снега и льды; следовательно, снова понадобятся нарты, лыжи и собаки.

Ввиду такой возможности целесообразным был и другой план дальнейшего движения: идти по тундре вдоль окраины льдов на нартах, чтобы обследовать окрестность всей впадины, а в глубь ее делать экскурсии налегке. Но тогда середина последней, вероятно наиболее интересная в отношении флоры, фауны, а может быть, и геологии, могла остаться неисследованной. Судя по тому, что с окраины льдов в глубь впадины стекали многочисленные речки, там должны были находиться обширные озера или одно большое озеро.

Каждый план имел свои достоинства и свои недостатки. На который же из них решиться? Боровой, Иголкин и Максеев стояли за маршрут по окраине льдов, тогда как естествоиспытатели, конечно, предпочитали углубиться к цен-

тру впадины, где ожидали найти больше материала по своей специальности.

Наконец можно было разделиться на две партии, направив одну с тяжелым багажом по окраине, другую налегке — поперек впадины, с тем чтобы встретиться на противоположной стороне. Но кто же мог знать, как далеко впадина простирается на восток и на запад и можно ли ее обогнуть? Не окажутся ли препятствия непреодолимыми и не будут ли поставлены обе партии или одна из них в безвыходное положение? Не приведет ли это разделение к гибели всей экспедиции?

Решение оказывалось, следовательно, очень трудным и могло быть чревато тяжелыми последствиями.

Взвесив все это, Каштанов сказал товарищам, спорившим еще с ожесточением, отставивая каждый свое предложение:

— Вспомним, что у нас есть запечатанный пакет, данный нам организатором экспедиции на случай затруднительного положения. Его разрешено вскрыть, когда мы не будем понимать, где мы находимся и что делать дальше. Не полагаете ли вы, что этот момент наступил? За последнее время мы видели столько необъяснимого, необычайного, а теперь даже не знаем, куда направить наши дальнейшие шаги!

Об этом пакете Труханова все остальные забыли, и предложение Каштанова встретило всеобщее сочувствие. Пакет был извлечен из ящика, в котором хранились наиболее ценные инструменты и деньги. Каштанов распечатал его и прочел вслух:

Дорогие друзья!

Минута, когда вы читаете эти строки, будет, быть может, очень тяжелой для вас, но я надеюсь, что ваши ожидания совета и разъяснения не будут обмануты мною.

Я должен сознаться прежде всего, что вовлек вас в настолько рискованное и необыкновенное предприятие, что, если бы вы знали, куда я приглашаю вас ехать, вы бы сочли меня безумным и отказались от экспедиции. Я уже сделал опыт — поделился своим планом с одним ученым и приглашал его организовать экспедицию на мои средства, но он категорически отказался и назвал меня беспочвенным фантазером.

Поэтому единственным способом создать экспедицию для проверки моих теоретических предположений являлось умолчание о ее конечной цели и задачах. Ее надлежало снарядить якобы ради изучения неизвестной еще площади арктической области. Ведь могло оказаться, что мои предположения действительно ошибочны и что экспедиция только и найдет острова или материк, скованный льдами, и, ограничившись их изучением, благополучно вернется назад. Мои затраты на нее и в этом случае не были бы напрасны, так как она доказала бы раз навсегда оши-

бочность моей гипотезы и вместе с тем уничтожила бы последнее большое белое пятно на карте арктической области.

Но перехожу к сути дела. Целый ряд наблюдений на обсерваториях Монблана и Мунку-Сардыка, изучение литературы, данных многих сейсмических станций и исследования над распределением и аномалиями силы тяжести* привели меня к выводу, что ядро нашей планеты имеет совершенно не тот характер, который геологи и геофизики принимают до сих пор. Я убежден, что Земля имеет более или менее обширную внутреннюю полость, пустоту, скорее всего с маленьким центральным светилом, возможно уже погасшим. Эта полость может сообщаться с поверхностью шара одним или двумя более или менее значительными отверстиями, дающими возможность проникнуть на внутреннюю поверхность этого пустотелого шара.

Подтвердить или опровергнуть мои соображения могла только специальная экспедиция, отправленная на поиски одного из указанных отверстий, которые, конечно, нужно было искать в неизвестных еще пространствах обеих арктических областей. Для начала я выбрал северную область, как более доступную для русской экспедиции.

Если вам удалось найти отверстие, попытайтесь спуститься в него. Может быть, вы уже спустились в него незаметно, полагая, что спускаетесь в глубокую впадину материка. Если да и если вы сохранили еще силы и средства для передвижения, попробуйте проникнуть глубже и исследовать, насколько возможно, эту внутреннюю полость, не рискуя только без надобности своей жизнью.

Если эта задача почему-либо окажется непосильной, вернитесь назад, так как уже одно констатирование входа во внутреннюю полость Земли явится громадным открытием, а исследование ее полости может быть поручено новой экспедиции, снаряженной на основании приобретенного опыта. Как истинные ученые, вы, я уверен, будете рваться вперед, когда очутитесь на пороге великих и чудесных открытий. Но прошу вас, обсудите тщательно положение, взвесьте все за и против и поступайте наиболее разумно, чтобы не рисковать потерей уже достигнутого.

Может быть, вы разделитесь на две партии, из которых одна пойдет в глубь полости, а другая останется у входа, чтобы затем идти на выручку первой или доставить науке весть о чудесном открытии.

Я глубоко скорблю, что судьба лишила меня возможности разделить ваши труды, лишения и открытия и что я вынужден ограничиться этим письмом. Если оно ничего не разъяснило вам,

* Аномалии силы тяжести — неправильности в определенных величинах силы тяжести на земной поверхности, положительные и отрицательные, обусловленные строением земной коры.

не считайтесь с ним. Во всяком случае, желаю вам от души всяких успехов.

Н. И. Труханов.

«Полярная звезда».
14 июня 1914 года.

СТРАНА ВЕЧНОГО СВЕТА

С возрастающим интересом и изумлением все члены экспедиции слушали слушали чтение письма ее организатора. Когда Каштанов кончил, на некоторое время воцарилось молчание.

Все обдумывали слышанное и старались применить его к объяснению всех странных фактов и явлений, наблюдавшихся в последние дни.

— Теперь у меня в голове прояснилось, — со вздохом облегчения сказал Боровой. — Я понимаю и это солнце в зените, и тепло, и мамонта с носорогом, и вечные туманы, и фокусы компаса. Только шалости барометра не могу еще объяснить себе как следует.

— Да, почти все понятно! — подтвердил Каштанов. — Я думаю, что спуск в отверстие земного шара начался с перевала через хребет Русский. Ледяной вал, очевидно, представляет самый край,

место перегиба, миновав который мы очутились уже во внутренней полости и пошли вместо севера на юг, как правильно показал компас, хотя направления пути мы не изменили. Затем мы поднимались и перевалили через плоский ледяной хребет, спустились с него и очутились в тундре вблизи оконечности льдов, которые образуются из зимних снегов, наносимых в глубь полости. Мамонт, носорог, первобытный бык сохранились здесь благодаря равномерной, благоприятной для них температуре и отсутствию истребителя — человека...

— Да, мы только что вступили в эту внутреннюю полость и уже истребили трех обитателей ее, — заметил Громеко.

— Солнце, которое мы видим постоянно в зените, это, очевидно, настоящее маленькое ядро земного шара, находящееся еще в раскаленном состоянии и дающее свет и тепло внутренней поверхности толстой и совершенно отвердевшей оболочки, наружную сторону которой мы до сих пор только и знали. Теперь благодаря экспедиции Труханова мы можем ознакомиться хоть отчасти с этой внутренней поверхностью, которая представит нам, несомненно, чрезвычайно много интересного и неожиданного. Ведь на первых же шагах мы уже встретили представителей флоры и фауны, давно исчезнувших на наружной стороне.

— Нам следует окрестить эту новооткрытую страну, а то будем все говорить «внутренняя поверхность» да «внутренняя поверхность»! Это ведь уже не Земля Нансена! — заявил Макшеев.

— Да, она слишком обширна и от Земли Нансена отделена поясом льдов... Как же мы ее назовем? — спросил Громеко.

— В этой стране всегда господствует день. Центральное светило, скрытое в недрах нашей планеты, как бы соответствует представлениям древних народов о божестве огня, таящемся под землей. Я предлагаю назвать светило Плутоном*, а страну — Плутонией, — предложил Каштанов.

Были предложены еще другие названия, но после некоторого спора все согласились, что Плутония — наиболее подходящее.

— Теперь важный вопрос: удовольствуемся ли мы тем, что не только открыли отверстие, но и спустились в глубь его и осмотрели кусочек Плутонии? Не повернем ли назад, к «Полярной звезде», чтобы сообщить Труханову о блестящем подтверждении его выводов? Или же мы попытаемся проникнуть в глубь страны вечного света?

— Конечно, идем вперед! Вперед, пока есть силы и средства! У нас еще много времени! — послышались возгласы.

— И я так думаю, — продолжал Каштанов. — Но как мы организуем дальнейшее исследование Плутонии?

— Я полагаю, — сказал Боровой, — что дальше вглубь, вдали

* Древние греки называли бога подземного мира Плутоном.

от снегов и льдов, являющихся результатом проникновения холода и осадков с наружной стороны Земли, температура будет выше. Нарты, лыжи и собаки будут для нас только обузой, и их нужно оставить здесь.

— Одних собак оставить нельзя. Значит, нужно последовать совету Труханова и отделить часть членов экспедиции — не менее двух человек, потому что кто же решится остаться в одиночестве надолго? Эти двое с собаками, нартами, лыжами и прочим лишним грузом будут ждать здесь, производить наблюдения в тундре и на краю льдов. А если остальные не вернутся к определенному сроку, они направятся назад на одной нарте, чтобы доставить на «Полярную звезду» отчет об открытиях и быть проводниками новой экспедиции, посланной для поисков пропавшей партии и для дальнейшего исследования Плутонии.

— Ну, а как же пойдут через льды эти пропавшие, если они вернутся немного позже назначенного срока? — спросил Макшеев.

— Две нарты, лыжи и склад провизии должны быть оставлены на месте, на случай, о котором вы говорите. Запоздавшим придется идти без собак, тащить самим нарты, что не будет так затруднительно, потому что склады провизии, оставленные по всему пути, позволят сделать груз нарт минимальным.

Все согласились, что этот план наиболее целесообразен, но никому не хотелось остаться в тундре, так сказать, у порога таинственной страны. Приходилось решать вопрос, кто из членов экспедиции более необходим для путешествия вглубь. Таковыми явились прежде всего зоолог, ботаник и геолог, которым в тундре было мало работы; следовательно, Каштанов, Папочкин и Громеко должны были ехать. С другой стороны, Иголкин, единственный неуученый член экспедиции, главной обязанностью которого был уход за собаками, естественно, осуждался на сидение в тундре. Таким образом, оставались еще Боровой и Макшеев, один из которых мог ехать.

Так как каждый из них великодушно уступал другому участие в поездке, соглашаясь остаться, то пришлось бросить жребий. Боровому достался билетик со словом «сидеть», а Макшееву — «ехать».

Обсуждение вопроса об организации партии, отправлявшейся в глубь Плутонии, заняло немало времени. Нужно было выбрать способ передвижения партии и в зависимости от этого решить, что брать с собой. Даже отказавшись совершенно от консервов и рассчитывая добывать себе пропитание исключительно охотой, каждому из путешественников пришлось бы нести на себе порядочный груз, а на торные дороги, конечно, нельзя было рассчитывать.

— А что, если мы возьмем часть собак и навьючим на них груз, хотя бедняжки к этому не приучены и в теплой стране будут чувствовать себя плохо? — сказал Громеко.

— Это проект малоисполнимый, — заметил Макшеев. — Мы рискуем лишиться этих животных, необходимых для обратного пути через льды. Я предложил бы воспользоваться силой более послушной и могучей, которая понесет не только наши вещи, но и нас самих.

— Какая же это сила? — воскликнули остальные.

— Сила воды. Глубокая речка, которую мы встретили сегодня и не могли пройти, течет ведь на юг, куда и нам нужно идти. А в нашем багаже есть две маленькие складные лодки, взятые для переправы через польны при путешествии по льдам. Мы о них совсем забыли, потому что они до сих пор не понадобились. Каждая вмещает двух человек; сядем и поплывем. А когда начнутся леса, устроим плот, если лодки будут слишком нагружены, и будем плыть, пока река будет нести нас.

— Превосходный план! — воскликнул Каштанов.

— И легко и удобно! Плыви да посматривай по сторонам и записывай! — восторгался Папочкин.

— Но только наш кругозор будет ограничен берегами реки, наверно густо покрытыми растительностью: мы будем плыть в зеленом коридоре и ничего не увидим! — сказал Громеко.

— А кто же мешает нам останавливаться, выходить на берег, делать экскурсии, где будет интересно или нужно? Ночевать ведь тоже будем на берегу, — пояснил Макшеев.

— И эти экскурсии будем делать налегке, со свежими силами, без груза за спиной — будет свободнее! — сказал Папочкин.

— Лодка и плот позволят нам меньше стесняться в сборе коллекций. Нести все свои сборы на спине и каждый день увеличивать этот груз было бы не очень легко, — отметил Каштанов.

— Наконец, лодка обеспечит нам большую безопасность от всяких зверей и гадов, живущих в лесах и болотах. Неизвестно, какие еще сюрпризы готовит нам эта таинственная страна, в глубь которой мы направляемся! — заявил Громеко.

— Словом, вы дали нам прекрасный совет, Яков Григорьевич, и заслужили общую благодарность, — заключил Каштанов. — Поэтому я предлагаю назвать реку, по которой мы поплывем, вашим именем. А теперь я бы предложил залечь в наши мешки или на них, потому что тепло, а завтра сделать экскурсию к мамонту и привезти на нартах шкуру, бивни и запас мяса сюда.

— Ведь мы же хотели перенести весь стан к мамонту, — напомнил Папочкин.

— Едва ли это будет лучше. Речка, по которой мы поплывем, течет в противоположной стороне, и удаляться от нее нет смысла. Кроме того, этот холм, на котором мы расположились, имеет много достоинств: он сухой, виден издалека, отдален от края леса с разным зверьем, близок к льдам, обдувается ветром, что для собак имеет большое значение, когда станет еще теплее. С него легко заметить приближение каких-нибудь врагов.

— И он удобен для метеорологических и других наблюдений, — прибавил Боровой. — Мы здесь устроим настоящую станцию, и я надеюсь, что мои барометры начнут показывать изменения атмосферного давления.

НЕПРОШЕННЫЕ МОГИЛЬЩИКИ

Часы показывали уже десять вечера, когда беседа наконец превралась, и все расположились на своих мешках и заснули.

Утром за завтраком обсуждали вопрос, кому идти к мамонту и стоит ли вообще ходить к нему, не лучше ли заняться приготовлениями к отъезду.

— Если бы мы были уверены, что встретим еще мамонтов, то не стоило бы идти к этому; он уже описан и сфотографирован. Но так как вскоре начнется лес, то возможно, что мы их больше не увидим, если они живут только в тундре вдоль окраины льдов, — сказал Каштанов.

Таким образом, поездка к мамонту была решена, и в ней приняли участие четверо людей с тремя нартами и собаками.

При юрте остались Громеко, который хотел еще набрать перед отъездом весеннюю флору тундры вокруг холма, и Каштанов, собиравшийся раскопать склон этого холма, чтобы определить его состав. Этот одинокий холм среди тундры казался ему странным.

Партия отправилась под предводительством Папочкина, знавшего дорогу к месту охоты. По дороге застрелили несколько болотных птиц, бродивших по тундре вблизи речки, и очень странного зайца, похожего скорее на огромного тушканчика* и доставившего зоологу большую радость.

Туша мамонта виднелась вдали, подобно небольшому холму на ровной тундре. Когда приблизились к ней, Иголкин, обладавший более острым зрением, предупредил остальных, что вокруг трупа суетятся какие-то серые звери.

Оставив нарты на некотором расстоянии, охотники осторожно приближались к туше и вдруг остановились изумленные — суетившиеся звери исчезли, словно провалились в землю.

— Эге-ге! — воскликнул Папочкин, когда все подошли наконец к мамонту. — Смотрите-ка, тут кто-то похозяйничал со вчерашнего дня.

Казалось, что вокруг мамонта поработали огромные кроты: кучи земли с корнями кустов вышиной в метр были навалены вокруг туши, и задняя половина последней лежала в яме, почти не поднимаясь уже над поверхностью тундры.

* Тушканчик — маленькое млекопитающее из отряда грызунов с очень короткой шеей, заячьей головой, большими ушами, длинными усами и очень длинным хвостом, короткими передними и длинными задними ногами. Живет в норах, в песчаной почве, питается луковичками и корнями.

— Кто бы это мог быть? — гадали охотники.

— Какие-то опытные могильщики! Мне кажется, что они собирались закопать всю тушу в землю, может быть, чтобы скрыть ее от волков или как запас пищи, — заметил Макшеев.

Иголкин привел одну из собак, которая, понюхав разрытую землю, вдруг бросилась под брюхо мамонта и вытащила оттуда за ногу какого-то странного зверька, отчаянно отбивавшегося короткими лапами и хрюкавшего по-пороссячьи. Его прикончили ножом, отняли у собаки и начали рассматривать. Оказалось, что он очень напоминал барсука и по форме тела и по окраске.

Дальнейшие поиски обнаружили еще несколько подобных животных, притаившихся под тушей, которую они действительно намеревались закопать в землю, чтобы затем постепенно пожирать ее.

Работа этих непрошенных могильщиков сделала снятие шкуры со всего мамонта невозможным, и пришлось ограничиться только левой половиной тела. Затем исследовали внутренности, отрезали переднюю и заднюю ноги, вырубил один бивень, вынули глаз, половину мозга, язык и два зуба. Собак накормили на месте досыта. Несколько крупных кусков мяса от бедра и филе были также положены на нарты, после чего партия потащила потихоньку назад. Могильщик, заяц и птицы составили зоологическую добычу этого дня, которым Папочкин мог быть вполне удовлетворен.

— Пусть могильщики закапывают остальное, — пошутил Бо-

ровой. — Когда у нас не хватит мяса для собак, мы еще раз приедем сюда с Иголкиным за провизией. А может быть, сделаем это и раньше, пока мясо не протухло.

— Тогда захватите с собой и череп, — попросил Папочкин. — Могильщики его, я думаю, хорошо очистят.

Приблизившись к юрте, охотники увидели, что Каштанов и Громеко заняты какой-то странной работой. Они вытаскивали из ямы, вырытой на склоне холма, глыбы какого-то белого камня и складывали их в кучу.

— Этот холм оказался настоящим кладом для нашей экспедиции, — объяснил Каштанов подошедшим товарищам. — Для исследования его состава я вырыл яму в полтора метра и на этой глубине наткнулся на сплошной чистый лед; в другом месте оказалось то же самое. Тогда мне пришла мысль вырыть в глубине холма камеру во льду, которая послужит прекрасным ледником для хранения провизии и шкур. Ведь мамонты или носороги не каждый день будут прибегать к нам на ужин!

— Неужели весь холм ледяной и только сверху покрыт землей? — спросил Боровой.

— Думаю, что так! На севере Сибири попадают такие ископаемые ледники. Это или большой зимний сугроб, случайно уцелевший, или часть отдвинувшейся назад ледяной массы. Она покрылась постепенно илом и песком ручьев, стекавших с ледника, а потому и сохранилась*.

Это открытие Каштанова оказалось чрезвычайно ценным для партии, оставшейся на месте и получившей под самым своим жильем прекрасное хранилище для провизии.

— Мы устроим потом настоящую дверь и большую камеру в глубине, — заявил Боровой.

— А кроме того, выроем в другой части холма вторую пещеру во льду и будем держать там собак, когда станет очень жарко, — прибавил Иголкин.

Разгрузив нарты, все стали помогать Каштанову и Громеко в устройстве помещения, достаточного для хранения всех привезенных частей мамонта и остатков туши носорога. Когда оно было окончено и наполнено, вход в него заложили глыбами льда и загородили лыжами и нартами, чтобы собаки не могли добраться до провизии.

На следующее утро занялись приготовлениями к отъезду. Рассортировали весь багаж. Консервы, спирт, юколу поместили в ледник, нагрузили нарты лодками и снаряжением, необходимым для путешествия в глубь Плутонии. Пообедали в последний раз вместе и двинулись к речке Макшеева, простившись с Боровым, который остался караулить юрту и склад. Иголкин с нартами должен был вернуться к вечеру назад. В плавание решили взять одну собаку

* Холм, очевидно, состоял из ископаемого льда, сохранившегося благодаря вечной мерзлоте на небольшой глубине. Подобные ископаемые льды встречаются нередко на севере Сибири, особенно вблизи берегов Ледовитого океана.

в качестве караульщика; выбрали Генерала. Его остригли, чтобы он меньше страдал от жары, и пушистый пес получил такой курьезный вид, что никто не мог удержаться от смеха. На голове у него был оставлен чуб, на верхней части ног — бахрома и на кончике хвоста — кисточка. Макшеев, который его стриг, заявил, что эти украшения оставляются для того, чтобы собака своим странным видом пугала хищников, с которыми придется встречаться.

Достигнув берега речки, которая имела до шести метров ширины и от одного до двух метров глубины, спустили лодки в воду и уселись в каждую по два: один — на руле, другой — на веслах. Генерал занял место на носу передней лодки, в которой поместились Макшеев и Громеко. Смешная морда Генерала с большими торчащими ушами и чубом между ними поднималась над бортом.

Иголкин оставался на берегу, пока обе лодки, быстро скользившие вниз по течению, не исчезли вдаль. На юрте, которая чуть виднелась на горизонте, Боровой поднял белый флаг. Экспедиция, дружно несшая до сих пор все труды, разделилась, и четыре ее участника поплыли в глубь таинственной страны. Вернутся ли они назад, и если вернутся, то когда, все ли и как?

ВНИЗ ПО РЕКЕ МАКШЕЕВА

Быстро скользили обе лодки вниз по темной воде, спешившей с легкими всплесками на юг, между низкими берегами, с которых свешивались кустики полярной ивы, покрытые свежими листочками. По берегам в обе стороны расстилалась та же ровная тундра с приземистым кустарником, и по-прежнему дул попутный ветер, который путешественники теперь правильно определили как северный, стремившийся со льдов холодного отверстия, с наружной поверхности планеты в ее внутреннюю, теплую полость. По-прежнему туман клубился, то скрывая, то открывая красноватое светило, стоявшее неподвижно в зените. Температура достигла +12 градусов, и туман изредка раздражался мелким дождиком, впрочем быстро прекращавшимся.

Лодки плыли со скоростью до восьми километров в час. Сидевшие на руле вели съемку, отмечая направление всех извилин речки. Проплыв двадцать пять километров, остановились на ночлег.

Небольшая экскурсия по берегу показала, что в тундре кусты поднимались выше и кое-где к ним примешивалась низкорослая лиственница, образуя вместе с ивой и березой небольшие, но очень густые рощицы. Среди кустов были протоптаны узкие тропинки, приводившие к берегу реки и, очевидно, служившие животным для добычи на водопой.

Ночь провели впервые в палатке и без спальных мешков.

— Этот вечный свет, — сказал Макшеев, укладываясь спать, — совершенно нарушает наши привычки и представления. Гово-

ришь — утро, полдень, вечер, глядя на свои часы, а солнце все время стоит в зените и греет одинаково, словно издеваясь над нашей терминологией.

Ночь, или время отдыха, прошла спокойно.

За второй день проплыли полсотни километров и остановились рано, чтобы сделать более продолжительную экскурсию в сторону от речки. Берега ее были покрыты уже более высокими кустами и отдельными деревьями, образовавшими зеленые стены, совершенно ограничивавшие кругозор путешественников.

После обеда Громеко остался у палатки собирать растения, Макшеев с Генералом отправился на запад, а Каштанов и Папочкин — на восток, пользуясь звериными тропами, проложенными через чащу кустов, превышавших уже рост человека. Местами на почве видны были следы различных животных, среди которых зоолог узнал следы мамонта, носорога, крупных и мелких двукопытных, один вид однокопытных. Иногда попадались отпечатки мягких лап хищников различной величины. При взгляде на некоторые из них оба исследователя почувствовали, как у них по спине прошел холодок. Эти следы имели около двадцати сантиметров в длину, а когти, которыми оканчивались пальцы, вдавались в землю на четыре сантиметра. По форме следа зоолог решил, что он принадлежит медведю огромной величины.

— Это, вероятно, пещерный медведь, современник мамонта, — заметил Каштанов. — Он крупнее всех известных нам представителей этого семейства.

— А он не охотится на пещерных людей? — спросил Папочкин.

— Кости, когти и зубы этого медведя, обработанные пещерным человеком, иногда попадались, — ответил геолог. — Но я не знаю, попадались ли кости и черепа этого человека, обработанные медведем!

— Во всяком случае, с ним лучше не встречаться!

— С таким интересным зверем да не встречаться?! Наши предки, вооруженные только дубинами и каменными топорами, одолевали его, а мы, обладая современными ружьями и разрывными пулями, будем его бояться? Это было бы позорно!..

В стороне от реки исследователи вышли на обширную поляну, поросшую густой, но низкой травой, среди которой пестрели различные цветы.

Остановившись среди кустов на опушке, путешественники увидели, что на поляне пасутся порознь и стадами различные млекопитающие, среди которых сразу можно было различить породы, исчезнувшие на поверхности Земли: здесь были черные первобытные быки с огромными рогами и горбами, исполинские олени с рогами соответствующих размеров, дикие лошади небольшого роста, с косматой шерстью, скудным хвостом и короткой гривой.

Пара носорогов уткнулась головами в кусты, а несколько мамонтов стояли небольшой группой и в такт размахивали головами и хоботами, вероятно отгоняя докучливых насекомых. Последних, именно комаров, слепней и мошек, появилось уже довольно много.

Насмотревшись на мирную картину пастбища «живых окаменелостей», Каштанов и Папочкин решили подойти ближе, чтобы сфотографировать некоторых животных. Вдоль опушки они подкрались ползком сначала к группе быков, затем к двум носорогам, которые были сняты в тот момент, когда они играли, неуклюже прыгая друг на друга. Носороги скрещивали свои рога, словно испанские сабли, вытаптывали траву своими тумбообразными ногами и взрывали почву.

На очереди были мамонты, стоявшие ближе к центру поляны. Но, прежде чем охотники успели подкрасться к ним достаточно близко, в противоположном конце поляны, где паслись олени, произошло замешательство: животные внезапно подняли головы, прислушались и сразу пустились бежать, очевидно испуганные каким-то невиданным, но, несомненно, страшным врагом. Олени пробежали мимо мамонтов, которые, в свою очередь, встревожились, и побежали тяжелой рысью, подняв хоботы. И олени и мамонты бежали прямо в сторону притаившихся охотников.

— Когда олени будут шагах в ста от нас, стреляйте в переднего, — быстро проговорил Каштанов. — Я сфотографирую их, когда они остановятся на мгновение, а затем также выстрелю, не то нас могут растоптать.

Папочкин приготовил ружье, и, когда передовой громадный олень с высоко поднятой головой и тревожно раздутыми ноздрями подбежал достаточно близко, раздался выстрел. Пораженный в грудь, олень с размаху упал на колени, а остальные, напирая друг на друга, остановились кучей, вытянув головы.

В это время Каштанов успел снять эту интересную группу, передал аппарат зоологу и, в свою очередь, выстрелил в другого оленя, повернувшегося к нему левым боком. Животное сделало прыжок вперед и рухнуло на землю, остальные круто повернули правую и побежали вдоль опушки.

Мамонты, бежавшие позади оленей, в это время приблизились и остановились перед обеими жертвами охотников. Папочкин успел за это время зарядить оба ружья, а Каштанов сфотографировал группу мамонтов.

— Стрелять, что ли? — спросил зоолог дрожащим от волнения голосом.

— Зачем? Запас мяса у нас теперь достаточный, а мамонта мы уже изучили в тундре. Будем стрелять только в том случае, если они бросятся на нас.

Между тем животные стояли на месте, помахивая хоботами, и словно совещались друг с другом. Их было шесть, в том числе два

подростка с небольшими бивнями и более короткой шерстью. Они скоро успокоились и начали играть друг с другом и резвиться вокруг старых, издававших время от времени тревожный рев. Наконец старый самец повернул вправо, и все стадо последовало за ним вдоль опушки поляны, на которой остались еще только два носорога.

— Кто же напугал мирных травоядных? — спросил Каштанов. — Уж не пещерный ли медведь?

— Или какое-нибудь еще более страшное ископаемое животное из вашего палеонтологического зверинца!

— Кто знает! Но нам, я думаю, лучше не идти в тот конец поляны, потому что зверь может броситься на нас так внезапно из чащи, что мы не успеем даже выстрелить.

— Ну, тогда займемся оленями, их нужно обмерить, освежать и тащить к лодкам.

Олени, застреленные охотниками, принадлежали к исполинскому виду, исчезнувшему на поверхности Земли, где он также был современником мамонта, первобытного быка, пещерного медведя.

Сняв обе шкуры, охотники отрубили задние ноги меньшего оленя и потащились, тяжело нагруженные, к речке, рассчитывая еще раз вернуться за мясом, если их товарищи окажутся менее счастливыми и если неизвестный хищник, бродивший, наверно, вблизи поляны, оставит им еще что-нибудь.

ОХОТА НА ОХОТНИКА

На месте стоянки они застали Громеко, дожидавшегося их прихода с нетерпением. Он обошел окрестности стоянки, набрал растений, ошипал и поставил вариться к ужину гуся, застреленного утром. Внезапно прибежал Генерал, один, без спутника. На шею собаки оказалась записочка, привязанная бечевкой и посланная Макшеевым, который писал: *«Я застрелил крупного хищника, которого не в силах притащить к палатке. Нужно, чтобы Семен Семенович пришел ко мне осмотреть добычу на месте. Генерал з и а е т дорогу, а на всякий случай прилагаю свой маршрут».*

На обороте был набросан карандашом путь, пройденный охотником, с указанием направлений и расстояний в шагах.

Отдохнув немного, Папочкин и Громеко отправились искать Макшеева. Генерал вел их хорошо, но на разветвлениях тропы нередко останавливался в нерешительности, и в этом случае вырвала записка, на которой все перекрестки были обозначены. Охотники шли быстро в течение получаса и уже были недалеко от места, где находился их товарищ, когда оттуда раздался один за другим два выстрела. Генерал с громким лаем бросился вперед, охотники поспешили за ним, опасаясь, что Макшееву грозит беда.

Вскоре они достигли большой поляны, среди которой возвышалась группа кустов и деревьев. Возле нее они заметили желтоватую массу, над которой виднелась голова Макшеева; впереди же на поляне бегало более десятка красно-бурых зверей, в которых нетрудно было узнать волков.

Генерал остановился на краю поляны, не решаясь нападать при таком явном неравенстве сил.

Заметив вышедших на поляну охотников, волки начали отходить в сторону, а Макшеев крикнул:

— Пустите в них пару зарядов дробы, если у вас двустволка; мне жаль тратить разрывные пули!

Громеко поспешно зарядил дробью свою двустволку и пустил один за другим два выстрела в стаю. Волки побежали к кустам, преследуемые Генералом, который по пути прикончил одного из упавших. Охотники подошли к Макшееву и услышали следующий рассказ:

— Достигнув этой поляны, я остановился на опушке, потому что собака стала ворчать и вздрагивать. На поляне я заметил позади этой рощицы несколько пасшихся оленей и решил поохотиться за ними — ведь подобных зверей мы еще не добывали. Я начал подкрадываться по кустам вдоль опушки и вдруг, поравнявшись с рощицей, заметил крупного желтого зверя, также подстерегавшего оленей, — он подбирался к ним из-за рощицы... Я подумал, что эта дичь еще интереснее оленей, и начал уже следить за ней, спрятавшись в кустах на расстоянии всего сотни шагов. Желтый зверь, увлеченный выслеживанием оленей, не замечал меня или же не удостоил своим вниманием двуногое существо, впервые попавшееся ему на глаза. Подкравшись к самой рощице, он поднялся во весь рост, хищно высматривая себе жертву через кусты, которые отделяли его от мирно пасшихся и ничего не подозревавших оленей. Теперь я увидел на светлых боках хищника темные полосы и узнал в нем крупного тигра. Он стоял ко мне левым боком в великолепной позе, и я поторопился выстрелить в него разрывной пулей, которая уложила его на месте.

Олени, испуганные выстрелом, помчались мимо рощицы, увидели бившегося еще тигра и круто повернули от него прямо на меня. Я едва успел отскочить в сторону. Это были великолепные животные — один старый самец с огромными рогами, несколько коров и телят.

Сначала я хотел ободрать тигра сам, но, рассмотрев его, убедился, что он принадлежит к какой-то необычайной породе, вероятно также вымершей там, наверху. Поэтому я подумал, что лучше вызвать зоолога. Хотел было идти сам, но боялся, что какой-нибудь хищник увидит труп и попортит шкуру. Вот почему я догадался послать Генерала, который великолепно исполнил поручение. И хорошо, что я не ушел с поляны, потому что вскоре слышался вой волка — одного, другого, и постепенно на поляне собрался целый десяток. Видя меня возле мертвого зверя, они сна-

чала боялись приблизиться, но потом обнаглели так, что я вынужден был потратить на них пару зарядов...

Зверь, убитый Макшеевым, имел бело-желтую шерсть с темно-бурой полосой вдоль спины и несколькими полосами того же цвета на боках, которые и придавали ему внешнее сходство с тигром; но форма головы и тела, куцый хвост и устройство лап заставили зоолога воскликнуть:

— Это не тигр, а какой-то медведь!

Макшеев был несколько разочарован, но, осмотрев зверя внимательнее, должен был согласиться, что только бурые полосы составляли его сходство с самым свирепым представителем кошачьего семейства, а все остальные признаки указывали на медведя.

— Вероятно, это пещерный медведь, современник мамонта, который до сих пор известен только по частям скелета, — пояснил Папочкин. — Это гораздо интереснее простого тигра.

После обмера с зверя сняли шкуру и унесли ее с собой, захватив также череп и заднюю ногу.

Ужин в этот день был отменный: похлебка из гуся с диким луком, шашлык из оленины и ломтики медвежатины. Впрочем, последние из-за резкого запаха не всем понравились.

В этот день туман был уже менее густой, и Плутон светил через тонкую дымку паров, изредка только совершенно заволакиваясь; температура держалась +13 градусов, ветер был немного слабее.

— Я думаю, — заметил Громеко, — что через день-другой тумана не будет, и мы увидим наконец цвет неба Плутонии.

Время отдыха нарушалось только отдаленным воем волков, вероятно пировавших на полях над трупами оленей, медведя и собственных товарищей. На эти звуки даже Генерал не обращал внимания, лежа у входа в палатку, где дымокур спасал его от назойливых насекомых.

Затем поплыли дальше. Речка сделалась шире и глубже; тяжело нагруженные лодки уже не рисковали задеть кормой за берег или уткнуться в него носом при крутых поворотах русла.

Берега были покрыты сплошной стеной разнообразных кустарников, достигавших уже четырех метров вышины: несколько пород ивы, верба, черемуха, боярышник, шиповник тесно переплетались друг с другом, а над ними местами поднимались вершины белых берез и лиственниц. Термометр показывал +14 градусов, туман только изредка застилал все небо, а большей частью плыл на порядочной высоте подобно большому, но редким и бесформенным облакам, сквозь которые сильно просвечивал красноватый Плутон.

— Туман, вероятно, скоро кончится, — сказал Макшеев, взявший на себя ведение метеорологических наблюдений. — Но кончатся ли эти зеленые стены, кроме которых мы с лодки не видим ровно ничего?

— Если бы мы тащились тяжело нагруженные по чаще леса, то видели бы немногим больше, а быстрота движения была бы несравненно меньше! — заметил Громеко, который как ботаник все-го больше интересовался этими зелеными стенами.

Во время обеденной стоянки на маленькой чистой площадке Каштанов и Громеко отпраздничали в короткую экскурсию в лес, Папочкин занялся ловлей рыбы, а Макшеев полез на дерево, вышавшееся немного над остальными. Вернувшись, он сказал зоологу:

— Скоро местность переменится. Вдали видны плоские высоты с обширными безлесными полянами, и наша речка бежит прямо к ним.

— А вблизи что видно?

— Вблизи только сплошной лес во все стороны, море зелени без полян.

— Наши товарищи, очевидно, скоро вернутся, если везде такая чаще.

Через час ушедшие вернулись почти ни с чем. Они шли все время по тропе между зелеными стенами, набрали немного растений, видели мелких птиц, слышали разные шорохи в чаще, но полян не встретили. Зоолог, оставшийся у речки, оказался более счастливым: на удочку попалось несколько крупных рыб, похожих на сибирского муксуна, и огромная зеленая лягушка, достигавшая тридцати сантиметров в длину.

Отдохнув, поплыли дальше. Часа через два на правом берегу речки показался довольно высокий холм, потом другой, третий; но они были еще покрыты сплошным лесом, состоявшим уже из деревьев умеренного пояса: липы, клена, вяза, бука, ясеня, дуба; в долинах между холмами темнели ели и пихты. Ветви деревьев, оплетенные плющом, хмелем, диким виноградом, вьюнками и пели птицы; по временам замечали белок и бурундуков*, прыгавших с ветки на ветку.

— Во время вечерней экскурсии мы сегодня увидим кое-что новое, — заметил Громеко. — Растительность изменилась и свидетельствует о более теплом климате этих мест.

— Несомненно, — сказал зоолог. — Вчера я чувствовал себя еще на севере Сибири, а сегодня природа напоминает мне мои родные места — юг России.

— Не наткнемся ли мы сегодня уже на настоящих тигров? — предположил Макшеев.

— Пожалуй, правильнее будет не дедиться на партии, а идти всем вместе, чтобы лучше отражать опасности, — предложил Каштанов.

Холмы постепенно становились выше, так что их можно было назвать даже горками; их северные склоны были покрыты густым лиственным лесом, тогда как южные представляли поляны с отдельными деревьями и кустами; кое-где как будто виднелись скалы, возбуждившие громадный интерес геолога.

— Ну, сегодня и геология получит кое-что! — воскликнул Макшеев.

— Давно пора, — мой молоток соскучился по работе. Ведь единственный холм в тундре обманул его ожидания! — смеялся Каштанов.

— А потому остановимся на ночлег, — предложил Громеко, — мы сегодня проплыли около ста километров.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА ХОЛМЕ

Место стоянки выбрали близ подножия высокого холма, отделенного от правого берега реки неширокой полосой высокоствольного леса. Подкрепившись чаем и закуской, отправились вчетвером к холму. У палатки оставили Генерала, привязанного на длинной веревке к дереву.

Через лес нашли тропу, вне которой чаща подлеска была так густа, что без топора нельзя было бы подвинуться ни на шаг, — разнообразные кусты и вьющиеся растения сплетались в сплошную

* *Бурундук* — зверек из отряда грызунов, похожий на белку, отличается от нее меньшей величиной и более светлой желтой шерстью с продольными черными полосами по бокам, а также менее густым хвостом. Живет в лесах Сибири, в норах под корнями деревьев, почему его называют также земляной белкой.

зеленую массу, окаймлявшую тропу с обеих сторон. Через зеленый свод над головами пробивались только отдельные лучи красноватого света.

Охотники подвигались друг за другом молча, с ружьями наготове, посматривая то вперед, то вверх на деревья, где могла внезапно показаться интересная добыча или опасный враг. Но, кроме мелких птиц и белок, не видно было никого.

До склона холма дошли без помехи и начали подниматься на него. Трава оказалась не выше колен, и Громеко, отставая от прочих, увлекся сбором растений.

Пока зоолог осматривал и описывал убитую им большую змею, Каштанов с трудом отбил образчик породы. Это была какая-то странная, очень вязкая порода желто-зеленого цвета с мелкими вкраплениями серебристо-белого металла; рассмотрев ее в лупу, геолог воскликнул с удивлением:

— Знаете ли, из чего состоят эти скалы? Они имеют такой же состав, как и аэролиты* из ряда мезосидеритов, полужелезных, с оливиновой основной массой и включением никелевого железа.

— Что это значит? — спросил Макшеев.

— А это значит, что гипотезы геологов о составе более глубоких частей земной коры оправдываются. Мы, очевидно, находимся в пределах так называемого оливинового пояса** — пояса тяжелых каменных пород, богатых железом и по составу оказывающихся тождественными с каменными метеоритами, которые падают на нашу Землю из межпланетного пространства, представляя осколки мелких планет. Нужно думать, что мы встретим еще сплошные металлические горные породы.

Когда подошел Громеко, набравший целый сноп разных растений, стали подниматься выше по склону, осторожно ступая по траве, в которой могли скрываться ядовитые пресмыкающиеся. Иногда по сторонам действительно слышалось шуршанье, удалявшееся от путешественников, которые не имели желания преследовать беглецов.

На вершине холма тянулась скалистая гряда, и на скалах грелись на солнце многочисленные крупные ящерицы желто-зеленого цвета с темными пятнами, до того похожие на выступы камня, что Каштанов даже схватил одну из них рукой и поплатился за ошибку: ящерица больно укусила его палец. После этого он сначала пробовал молотком все подобные выступы, боясь ошибиться еще раз.

* *Аэролиты*, или *метеориты*, — железные или каменные массы, выпадающие из мирового пространства на Землю в виде кусков разной величины, оплавленных с поверхности вследствие того, что они раскаляются при быстром полете через атмосферу. Они состоят из железа с никелем и другими, более легкими минералами.

** *Оливиновый пояс*, по предположению ученых, залегает на значительной глубине под толщей более легких пород земной коры; он состоит из более тяжелых минералов (в том числе — и в большом количестве — минерала оливина) и отделяет легкие поверхностные слои от металлического ядра Земли.

Северный склон холма, обращенный в сторону влажных ветров, был покрыт густым лесом, проникнуть в глубь которого без топора было трудно. Южный склон, осмотренный охотниками, представлял дуг с отдельными деревьями. С вершины холма можно было обозреть местность на далекое расстояние: на юг, восток и запад уходили подобные же или более высокие холмы до горизонта, на север же они понижались и разбегались, и в этой стороне, вдали, на равнине видна была сплошная полоса лесов, местами только разорванных серебристыми лентами рек.

Охотники сидели на вершине холма, рассматривая даль, когда из леса, оканчивавшегося на северном склоне в нескольких метрах ниже гребня, показалось стадо диких свиней. Передний кабан, с высокой щетиной вдоль хребта, с громадными белыми клыками, остановился и поднял голову с злобно сверкавшими глазками; его пяточок вытягивался и втягивался, нюхая воздух. За ним столпились свиньи и поросята разного возраста. Эти многокопытные по внешности отличались от знакомых зоологу диких свиней разве только более крупными размерами.

— Ну вот и ужин сам пришел к нам! — сказал Макшеев. — Я думаю, что дикий поросенок на вертеле должен быть очень вкусным.

— Особенной нужды в мясе нет, — ответил Громeko, заведовавший провизией, — у нас есть еще оленина.

— Но иметь запас не мешает, охота не всегда бывает удачна.

— А вы знаете, что стрелять свиней небезопасно, — предупредил Папочкин, — разъяренный кабан — страшный противник.

— Поднимемся выше на скалы, куда они не могут взобраться, и подстрелим пару поросят, — предложил Каштанов.

Взобрались на самый гребень. Макшеев заложил патрон с картечью и выстрелил в поросят. Стадо, за исключением трех поросят, забившихся в траве, шарахнулось в разные стороны; но затем вожак и свиньи подбежали к скале и стали кружиться вокруг ее подножия, делая тщетные попытки вскочить на гладкие уступы.

Благодаря этой осаде охотники могли рассмотреть свиней на самом близком расстоянии. Когда любознательность зоолога была удовлетворена, возник вопрос, что делать дальше.

— Ведь они могут продержаться нас здесь целые сутки! Корм у них под носом, а у нас нет, да и сидеть неудобно, — заявил Каштанов. — Придется отгонять их выстрелами.

В это время Макшеев, давно уже наблюдавший опушку леса, воскликнул:

— К нам или к кабанам вдоль опушки подкрадывается крупный зверь. Я вижу только его желтую спину!

— Где, где он?

— Вот там сейчас была видна спина, перед тем кустом, который выдвинулся на поляну. Следите теперь правее куста!

Все устремили взоры на указанный куст, и действительно, пра-

все его показалась буро-желтая, медленно двигавшаяся масса, на которой можно было различить более темные поперечные полосы.

— Опять медведь? — предположил Макшеев.

— А может быть, на этот раз окажется тигр, — сказал Папочкин. — Он крадется по-кошачьи.

— Я думаю, пора стрелять, — заявил Каштанов.

— В кого же стрелять: в зверя или в кабанов?

— Лучше в кабанов. Если они побегут в лес, они наткнутся прямо на хищника, и он займется их преследованием. Если они повернут в другую сторону, он переменит свою позу, и мы сможем лучше рассмотреть его или подстрелить, когда он станет удобнее. А сейчас видна только спина, и выстрел будет неверный.

— Дадим по кабанам сначала один выстрел, а три ружья пусть следят за хищником.

Зоолог, сидевший на выступе скалы, прицелился в вожака, когда последний вскочил передними ногами на уступ, стараясь достать клыками сапог Макшеева. Выстрел на близком расстоянии сразу свалил кабана, остальные испугались и бросились бежать к лесу. Когда они почти достигли опушки, слева от них быстро взвилось буро-желтое тело хищника и настигло кабанов прыжком в несколько метров длины. Двое из них забились под лапами врага, остальные с визгом скрылись в лесу.

— Это не медведь, а тигр! — воскликнул Папочкин, наблюдавший хищника во время его прыжка.

— Конечно, подтвердил Каштанов. — По-видимому, из породы сабельных, судя по огромным клыкам верхней челюсти. Эта порода имела большое распространение в третичный период, но в конце его, вероятно, исчезла.

— Этот уйдет от нас, к сожалению. Смотрите, он потащил свою добычу в лес — должно быть, чувствует, что наше соседство небезопасно! — вскричал Макшеев.

— Ну и пусть — сегодня у нас достаточно материала, — сказал Папочкин, занявшийся обмером убитого кабана. — Поташим мы этого дьявола тоже к лодке или ограничимся поросятами?

— Если он жирен, то сало не мешало бы захватить, — заметил Громеко. — Тогда можно будет жарить мясо на сковороде. Ну, вы кончайте с ним, а я пособираю еще растений.

ЛЕТЧИК ПОНЕВОЛЕ

Каштанов занялся опять изучением скал, Макшеев и зоолог принялись за кабана и поросят, а Громеко перевалил на южный склон холма и медленно спускался вниз, увлекшись сбором растений, среди которых находил много новых видов и родов. Вдруг по холму промелькнула огромная тень, словно от тучки, заслонившей солнце; зоолог и его помощник вздрогнули и подняли головы. Они увидели темную птицу огромной величины, похожую на орла, которая кружила над поляной.

Внезапно она сделала резкий нырок вниз, схватила наклонившегося ботаника за спину и понесла его. Но ноша оказалась слишком тяжелой даже для этого сильного пернатого. Усиленно махая крыльями, птица летела на высоте всего четырех метров, не будучи в состоянии подняться выше, но и не желая бросить свою добычу, повисшую беспомощно в ее когтях.

Папочкин и Макшеев схватили ружья, но первый тотчас же опустил свое со словами:

— У меня патрон с картечью, и я могу поранить ботаника.

Макшеев, зарядивший ружье пулей, назначавшейся для тигра, прицелился и выстрелил, когда птица поравнялась с ним. Она нырнула вниз, выпустила ботаника и, пролетев немного, рухнула на скалы.

Охотники побежали к Громеко, лежавшему без сознания на склоне, лицом вниз. Его толстая вязаная куртка была изорвана когтями птицы, но благодаря тому, что она не обтягивала тело, а лежала свободными складками, когти захватили только ее и лишь сильно расцарапали тело. Ботаника привели в чувство, перевязали раны, и, когда он пришел в себя, Папочкин и Макшеев полезли на гребень холма за птицей. Это был гриф* невиданной величины,

* Гриф — крупная хищная птица, похожая на орла, но имеющая почти голую голову и шею, окруженную воротником из перьев. Водится в более теплых странах и питается преимущественно падалью, которую видит с высоты на огромном расстоянии.

достигавший более четырех метров в размахе крыльев и почти полтора метров от конца хвоста до клюва; оперение было темно-бурое сверху и светло-бурое с темными полосками снизу. Вокруг почти голой шеи красовался большой воротник из грязно-белых перьев, а в начале огромного клюва поднимался большой желтый нарост.

Такая птица могла свободно унести барана, козу, небольшую свинью, но человек в семьдесят килограммов весом был для нее непосильной ношей, и она, очевидно, ошиблась, приняв ботаника за бурое четвероногое, бродившее по траве.

Грифа обмерили и сфотографировали с распростертыми крыльями на скале, куда поднялся и Громеко, чтобы рассмотреть своего обидчика. Он объяснил товарищам, что, когда птица внезапно вцепилась ему в спину, больно ударив с размаху своим телом, он подумал, что сделался жертвой тигра, и лишился сознания.

— Не вернемся ли мы теперь к стоянке? — сказал Папочкин. — Сегодня мы уже подверглись нападению кабанов, грифа, видели близко тигра... Не довольно ли искушать судьбу?

Все устали от ходьбы и волнений и с удовольствием отправились назад, нагруженные поросятами, окороками и жирными боками кабана, горными породами и растениями.

Приближаясь уже к палатке, охотники услышали неистовый лай Генерала и поспешили к нему на помощь. Выбежав на лужайку речного берега, они увидели, что собака лает из-за палатки, а наполовину в воде, наполовину на суше стоит огромный гиппопотам. Чудовище, очевидно, хотело попастьись или повалиться на лужайке, но было озадачено шумом, который подняла собака. Гиппопотам тупо смотрел на этого невиданного беспокойного зверя своими маленькими глазками и по временам разевал свою ужасную пасть с редкими длинными зубами и огромным розоватым языком. При виде этой пасти Генерал начинал выть и визжать от страха.

Заметив людей, выбежавших на лужайку, чудовище неуклюже повернулось передом тела, мягко бухнулось в воду и поплыло вниз по реке, выставляя широкую жирную спину с мелкими бородавками.

— Хорошо, что мы вернулись домой, — заявил Громеко, отвязывая Генерала. — Это чудовище могло бы нам натворить неприятностей: изорвать палатку, перетоптать все вещи и утопить или продырявить лодки.

— А целы ли еще лодки? — воскликнул Макшеев и побежал к берегу, откуда сейчас же крикнул: — Одна на месте, а другая исчезла! Не оборвал ли этот урод ее причал?

— Нужно погнаться за ней сейчас, пока она не уплыла далеко! — вскричал Каштанов, также подбежавший к берегу.

Оба сели в оставшуюся лодку, захватив на всякий случай ружья, и поплыли вниз по течению; вскоре они увидели беглянку, которая, вместо того чтобы плыть спокойно вниз, вертелась на од-

ном месте посреди реки. Они быстро приблизились, и Каштанов хотел уже зацепить ее багром, но лодка внезапно, точно живая, отпрыгнула в сторону и понеслась дальше, но гораздо быстрее течения. Пришлось опять гнаться; Макшеев греб изо всех сил, а Каштанов стоял с багром в руках.

— Да ее кто-то тащит! — воскликнул он, когда лодка, бывшая опять совсем близко, снова начала отдаляться толчками.

— Не подцепил ли ее гиппопотам? Он мог запутаться ногой или захватить зубами причал.

— Он и есть! — вскричал Каштанов, заметивший теперь впереди лодки широкую спину и голову животного, всплывшего подышать.

— Если мы будем стрелять в эту тушу, он поплывет еще быстрее или утащит лодку на дно.

— Остается догнать ее и перерезать веревку, иначе мы не освободим лодку.

Макшеев опять налег на весла. Вскоре ему удалось зацепить беглянку багром и подтянуться вдоль нее к ее носу, плывя на буксире у гиппопотама. Каштанов быстро перерезал туго натянутую веревку, конец которой сразу исчез под водой.

— Еще бы немного, и я бы выбился из сил, — сказал Макшеев, переводя дух после гонки. — Если бы не жаль было заряда, следовало бы пустить этому уроду пулю в спину за такие штуки.

— Мы уплыли далеко от палатки, — заметил Каштанов. — Теперь придется грести против течения. Давайте я сяду на весла, а вы отдыхайте.

Переменились местами, взяли на буксир пойманную лодку и потянулись вверх по воде.

— Глубокой стала наша речка, — сказал Макшеев, пытавшийся подталкивать лодку багром, но не доставший дна, которое было на глубине двух метров. — Недаром в ней появились такие крупные животные. Теперь нам ради предосторожности придется вытаскивать лодки на ночь и во время экскурсий на берег.

Тихо подвигаясь вверх по реке, обе лодки плыли по темной воде между двумя зелеными стенами кустов и деревьев, образовавших непроницаемую чащу. Иные кусты, подмытые рекой, наклонились и спускали свои ветки в воду. На крупных ярко-красных цветах какого-то незнакомого вьющегося растения качались красивые большие бабочки и жужжали пчелы.

Вода журчала под носом лодок, весла мерно плескали, из чащи доносилось щебетанье и пение птиц. Макшеев склонился над бортом и смотрел в воду, следя за рыбами, которые появлялись и исчезали в глубине.

— Как хороша здесь природа, если наблюдать ее с лодки! — промолвил он. — А сойдешь на берег — не проберешься через чащу, не ступишь ни шагу, не наткнувшись на какого-нибудь ядовитого или хищного зверя. Просто трудно поверить, что после многодневной борьбы со льдами, туманами и метелями мы плывем

по реке, текущей по внутренней поверхности нашей Земли. И так близко от этих льдов природа, напоминающая девственные леса Африки или Южной Америки. Интересно бы знать, под какой широтой Северной Америки мы сейчас находимся.

— Это нетрудно определить, если проложить на карту наш маршрут, начиная от ледяного вала. Я думаю, что мы еще только под морем Бофора, под очень высокими широтами или в лучшем случае под тундрой северного берега Аляски. Там чертовский холод, льды, белые медведи, а здесь пышная растительность, тигры, гиппопотамы, змеи.

В это время Макшеев увидел в воде ясное отражение солнца, быстро поднял голову и воскликнул:

— Ба, красное солнышко наконец показалось на чистом небе! Смотрите-ка!

Путешественники, привыкшие видеть Плутона только сквозь более или менее густую пелену тумана или облаков, еще не имели представления о цвете неба и настоящем виде этого светящегося ядра Земли. Теперь же эта пелена разрывалась, образуя кучевые облака, в промежутках между которыми видно было чистое небо, но не голубое, как над внешней поверхностью Земли, а темно-синее.

В зените стоял Плутон, диаметр которого казался немного больше видимого солнечного.

Это подземное, или «внутриземное», светило в общем напоми-

нало солнце, светящее перед закатом или вскоре после восхода через толстый слой атмосферы. На его диске можно было различить довольно много темных пятен различной величины.

— Это центральное светило, или настоящее ядро нашей Земли, находится уже в последней стадии своего горения, представляя потухающую красную звезду. Еще немного — и оно потухнет! На внутренней поверхности воцарится мрак и холод, и вся эта пышная жизнь постепенно погибнет, — сказал Каштанов.

— Хорошо, что мы успели забраться сюда и изучаем ее! — воскликнул Макшеев. — Немного позже нам бы пришлось вернуться вспять — мы бы увидели только черную ночь впереди.

— Ну, я сказал «немного» в геологическом смысле. В переводе на земные годы это, может быть, равносильно целым тысячелетиям, так что наши отдаленные потомки будут иметь еще возможность изучить эту внутреннюю поверхность и даже колонизировать ее.

— Благодарю покорно! Переселиться в страну, осужденную на гибель во мраке вечной ночи!

ТРОПИЧЕСКАЯ ГРОЗА

Так в оживленной беседе незаметно прошло время, и обе лодки причалили к месту стоянки, где Папочкин и Громеко ожидали уже с ужином. Поросенок в вареном и жареном виде, приправленный диким луком, собранным ботаником на холме, оказался очень вкусным. Сообща решили, что впредь нужно обращать больше внимания на съедобные плоды, корни и травы, чтобы сделать пищу разнообразнее. Все овощные и мучные консервы были оставлены в юрте, и с собой из припасов взяты только чай, сахар, кофе, немного сухарей и приправы, как соль, перец, экстракты. Охота и рыбная ловля должны были доставлять главную часть пищи, которую продукты местной флоры могли улучшить.

На время сна вблизи палатки развели большой костер и по очереди караулили, потому что встреча с тигром заставляла опасаться нападения хищников. Каждый караульный действительно слышал в близком лесу разные шорохи, треск, взлеты и крик испуганных птиц, а Генерал часто настораживался и ворчал.

На следующий день в первые часы плавания местность сохраняла тот же характер: продолжались холмы, лесистые с севера, степные с юга, и сплошной лес по берегам реки. Дневную стоянку сделали на левом берегу, на который Каштанов и Громеко полезли после обеда.

В составе флоры оказалось много нового: попадались уже вечнозеленые растения — мирты, лавры, лавровишни. Орешник достигал огромных размеров, не уступая дубам, букам и вязам; на южном склоне попадались бук, кипарисы, туи и тис. Великолепные магнолии распустили свои крупные белые благоухающие цве-

ты. В чаще вдоль реки попадался бамбук и разные лианы. Громеко восторгался на каждом шагу.

Температура воздуха в тени в этот день достигла уже +25 градусов, так как северный ветер, до сих пор сопутствовавший путешественникам, прекратился. Воздух сделался тяжелым, насыщенным испарениями густых лесов. Исследователи лезли по склону холма с трудом, обливаясь потом, хотя солнце светило тускло сквозь пелену облаков.

Под влиянием зноя вся природа словно оцепенела и замерла, птицы и звери притаились в тени.

На вершине холма Каштанов и Громеко присели отдохнуть и, повернувшись лицом на север для осмотра местности, обнаружили причину невыносимого зноя: на горизонте вздымалась зубчатой стеной с фантастическими башнями огромная темно-лиловая туча надвигавшейся грозы, окаймленная спереди сине-багровым валом клубившихся облаков, под которыми сверкали ослепительные молнии; этот вал быстро приближался.

— Нужно бежать к лодкам! — воскликнул ботаник. — Ливень, наверно, будет тропический!

Оба спустились вниз по склону, путаясь ногами в высокой траве и скользя на более крутых местах. Через десять минут они добежали до стана, где Макшеев и Папочкин ждали их уже с нетерпением, не зная, что предпринять. Палатка могла не выдержать потоков дождя и ударов весьма вероятного града. Река могла выйти из берегов, потащить вырванные деревья, так что и в лодках было бы небезопасно. Целесообразнее казалось выгрузить все на берег, вытащить лодки и спрятаться в кусты.

Обсуждая этот план с товарищами, Папочкин вспомнил, что ниже по реке, во время маленькой экскурсии, предпринятой в погоне за большой водяной змеей, он видел в конце холма нависшую скалу, которая могла дать им защиту от дождя. Но нужно было торопиться — гроза быстро приближалась. Все вскочили в лодки, подплыли к скале, и в несколько минут все было выгружено и втащено под навес, оказавшийся достаточно просторным, чтобы вместить не только людей, собаку и вещи, но и самые лодки, которыми загородились со стороны ветра.

Выгнав несколько небольших змей, приютившихся в расщелинах скалы, путешественники могли уже спокойно наблюдать величественное зрелище атмосферной катастрофы.

Сине-багровый вал докатился уже до половины неба и закрыл солнце; снизу он казался теперь совершенно черным. Это была какая-то бездна, которую то и дело прорезывали ослепительные зигзаги молний, сопровождавшиеся такими раскатами грома, каких никто из наблюдателей еще не слышал. То раздавались один за другим оглушительные взрывы, то треск, словно рвались на части огромные куски крепкой материи, то залпы сотен тяжелых орудий.

Близлежащий лес глухо шумел под первыми порывами ветра.

С севера надвигался еще какой-то ужасный грохот, наводивший трепет и постепенно заглушивший даже раскаты грома. Казалось, что оттуда несется исполинский поезд, сокрушающий все на своем пути.

Путешественники побледнели и с тревогой оглядывались по сторонам.

Вихрь уже налетел. В воздухе кружились бесчисленные листья, цветы, сучья, ветви, целые кусты, вырванные с корнем, и птицы, не успевшие укрыться в глубине леса. Становилось все темнее и темнее. Кругом свистело, шипело, трещало в промежутках между оглушительными раскатами грома. Крупные капли дождя и отдельные градины шлепались на землю и в воду, которая бурлила и пенилась. Затем наступила полная темнота и только при свете молний на отдельные мгновения открывалась ужасная картина: казалось, что весь лес поднялся на воздух и несется с потоками дождя и града. Грохот заглушал даже громкий крик на ухо.

Но эта катастрофа продолжалась всего минут пять. Быстро стало светлеть, порывы ветра ослабели, шум и раскаты удалялись на юг, а дождь только накрапывал. Зато река сразу вздулась, сделалась красно-бурой и грязной, покрылась пеной и несла листья, сучья, ветви и целые деревья. По небу мчались еще клочья серых туч, но Плутон уже проглядывал, освещая следы опустошения, оставленные бурей.

Путешественники вылезли из-под навеса и осмотрелись. Оказалось, что возле лодок нагромождена целая куча листьев, веток и сучьев, перемешанных с градинами величиной в грецкий орех. Несколько заостренных сучьев были брошены с такой силой, что пробили парусиновые бока лодок. Нужно было немедленно заняться их починкой. Достали иголки, нитки и кусочки просмоленной парусины и принялись за дело.

Починка лодок заняла около часа, а за это время река вошла опять в свои берега, очистилась от обломков, и можно было продолжать плавание. Черная туча уже исчезла на юге за холмами, и путешественники впервые могли наблюдать безоблачный темносиний небесный свод.

— И подумать только, — сказал Папочкин, уже сидя в лодке, — что прямо над нами, над этим синим небом, на расстоянии примерно десяти тысяч километров, находится такая же земля, с лесами, реками и разным зверьем! Как интересно было бы видеть ее над головой!

— Расстояние слишком велико, — заметил Каштанов. — Слой воздуха такой толщины с пылевыми частицами и парами воды не может быть достаточно прозрачным, а земля покрытая зеленью, отражает мало света, недостаточно ярка.

— А обратили ли вы внимание, — спросил Макшеев, — когда мы вчера осматривали окрестности со сравнительно невысокого холма, что вдаль видно гораздо лучше, чем там, наверху? Мы мог-

ли наблюдать лесистую равнину, вероятно, километров на сто благодаря тому, что поверхность, на которой мы находимся, не выпуклая, как на Земле, а вогнутая. Казалось, что мы стоим на дне плоской чаши.

— Теоретически кругозор наш должен бы быть неограниченным, мы должны были бы видеть местность не на сто, а на пятьсот или тысячу километров, поднимающуюся все выше и выше к небу. Но на большом расстоянии нижние слои воздуха становятся уже недостаточно прозрачными, и очертания предметов делаются постепенно расплывчатыми, сливающимися друг с другом.

— Следовательно, линия горизонта здесь не может быть так резка и отчетлива, как там, наверху. В сущности здесь нет горизонта, а мы видим постепенный переход земли в небо!

— Но только до сих пор вследствие низко стелющихся туч или тумана мы не могли обратить внимания на этот факт.

Под вечер река значительно расширилась, но зато быстрота ее течения уменьшилась, вследствие этого приходилось постоянно работать веслами, чтобы достаточно быстро продвигаться вперед.

В зеленых стенах обоих берегов местами видны были разрывы, куда уходила часть воды в виде узких рукавов или откуда эта вода возвращалась к главному руслу. Среди этого русла появились острова, окаймленные густыми камышами, поднимавшимися над водой.

Огибая один такой остров, путешественники заметили разрыв в поясе камышей, в глубине которого была видна тропинка, уходившая в зеленую чашу. Макшеев направил свою лодку в разрыв, чтобы высадиться на берег и осмотреть остров. Но едва только лодка мягко ткнулась носом в илистый откос, как из зеленой чащи выглянула голова сабельного тигра. Два ослепительно белых клыка, длиной не менее тридцати сантиметров, спускались из верхней челюсти, как у моржа. Зверь, очевидно, был сыт и не намеревался нападать; он широко разинул пасть, словно зевая, затем голова скрылась в чаще. Присутствие этого страшного хищника заставило отказаться от высадки на остров.

На следующий день река опять сузилась, и течение стало быстрее.

Растительность приобретала все более и более субтропический характер: дубы, буки, клены исчезли. Их совершенно вытеснили магнолии, лавры, каучуковое дерево и много других, которые ботанику были известны только по названию и по чахлым экземплярам оранжереи. Впрочем, юкки, веерные и саговые пальмы* было нетрудно определить и с лодки.

Холмы появлялись изредка и стали ниже, но шире. На склонах

* *Саговые пальмы* — единственное семейство из порядка цикадовых в классе голосемянных, с деревьями, похожими на пальмы. У них сильно развита сердцевина, богатая крахмалом и дающая саго. Саговые пальмы растут в жарком климате, где их насчитывают восемьдесят три вида. В прежние геологические эпохи они в составе флоры играли большую роль и появились уже в каменноугольном периоде, а в юрском и меловом были характерны для флоры. Настоящие пальмы появились в конце мелового периода.

они заросли пышными травами, по пояс высотой, и отдельно стоящими деревьями или группами их, напоминая галерейные леса Центральной Африки.

Сплошная чаща тянулась вдоль берегов реки, занимая более низменную местность.

На обед остановились вблизи такого холма, чтобы сделать более продолжительную экскурсию для изучения флоры. Макшеев согласился караулить лодки, а остальные трое после обеда отправились к холму.

ДВИЖУЩИЙСЯ БУГОР

Первые метры дороги пришлось прорубать топором через хаос лиан и кустов. Но затем под высокими зелеными сводами огромных эвкалиптов, миртовых, лавровых и других деревьев, где царил полумрак, подлесок сделался менее густым. Между группами папоротников и стволами деревьев почва была покрыта мхами разных видов и великолепными орхидеями. Высоко вверху трещали насекомые, а внизу все было тихо. Изредка показывалась бесшумно скользившая змея или ящерица.

Ближе к подножию холма лес начал редеть, и красноватые лучи Плутона проникали до земли; здесь было больше жизни, больше кустов, трав и цветов. Охотники напали на тропинку, извивавшуюся между деревьями, и шли по ней, надеясь, что она выведет из леса. Впереди шел Каштанов, за ним Папочкин, оба с ружьями наготове, зорко посматривая вперед и в стороны. Громеко замыкал шествие, часто отставая для сбора растений.

Вдруг Каштанов остановился и поднял руку в знак внимания: впереди слышался сильный треск и легкое ворчанье. Затем на тропе появилось исполинское животное странного вида, похожее на медведя, но с длинным пушистым хвостом и длинной, узкой головой.

— Это муравьед! — прошептал зоолог. — Виды его, известные в Южной Америке, очень смиренные, несмотря на страшный вид и огромные когти. Но они гораздо меньше этого экземпляра, ведь этот имеет более двух метров в высоту!

Между тем муравьед заметил людей, загородивших ему дорогу, и остановился в нерешительности.

— Сойдем с тропы! — прошептал зоолог. — Пусть он пройдет мимо нас и даст себя рассмотреть получше.

Охотники отошли в сторону и спрятались за группу густых кустов. Муравьед постоял еще несколько минут, недоверчиво всматриваясь в лес, затем потихоньку пошел вперед, останавливаясь через каждые пять — шесть шагов и оглядываясь по сторонам. Во время такой остановки Папочкин успел его сфотографировать сбоку, после чего животное, услышав щелк затвора, пустилось бежать, покачиваясь на своих толстых лапах

и вытянув хвост; от носа до кончика хвоста оно имело не менее четырех метров.

Выйдя из леса, путешественники очутились у подножия холма, пологий склон которого тянулся вверх. Каштанов с досадой смотрел на этот однообразный склон, не обещавший ему добычи, тогда как ботаник был в восторге от обилия незнакомых цветов среди густой травы и занялся их сбором. Вдруг геолог заметил у самого подножия холма довольно большой куполообразный бугор, голые скаты которого отливали металлическим блеском.

— Ну вот и для меня пожива! — воскликнул он, вытаскивая молоток и направляясь почти бегом к бугру, в то время как Папочкин занялся ловлей новой ящерицы, спасавшейся от него на небольшом деревце.

Дойдя до бугра, Каштанов остановился в изумлении — бугор был совершенно голый, лишенный даже малейшей травки, и вся его поверхность состояла из шестисторонних пластинок бурого цвета с темными ободками.

Удивленный геолог попробовал отбить молотком кусочек породы, но молоток отскочил от поверхности бугра.

В надежде, что на вершине бугра будет больше трещин, Каштанов полез наверх, что удалось ему не сразу: хотя бугор имел только метра три вышиною, но склоны его были совершенно гладкие. Наверху порода была такая же неуязвимая, поэтому геолог вынул из-за пояса большое зубило, вставил его в бороздку между

двумя пластинками и начал бить молотком по зубилу, острие которого постепенно углублялось в породе.

Вдруг сильный толчок сшиб геолога, стоявшего на голених, и он едва успел ухватиться за зубило, чтобы не скатиться с холма. Толчки продолжались, и Каштанов с недоумением оглядывался. Ему показалось, что вся почва пришла в движение, а деревья закачались.

— Страшное землетрясение! — закричал он своим товарищам, которые были от него на расстоянии сорока шагов. — Вы чувствуете, какие толчки?

Услышав этот возглас, Громеко и Папочкин переглянулись с удивлением. Они не ощущали никаких признаков землетрясения. Но, взглянув в сторону, где находился Каштанов, они были поражены: бугор с геологом медленно перемещался по склону холма.

После минуты недоумения оба побежали наперерез этому странному двигающемуся бугру, основания которого не было видно из-за густой травы. Подбежав ближе, Папочкин воскликнул со смехом:

— Да это исполинская черепаха! Петр Иванович, вы едете на черепахе!

В это время бугор повернулся в сторону преследователей, которые увидели выдвинувшуюся из-под него довольно длинную шею и противную голову, не меньше бычьей, усаженную мелкими щитками. В раскрытой пасти видны были пластинчатые зубы.

Каштанов, понявший в чем дело, оставил свое зубило забитым в панцирь черепахи, соскользнул с нее и отпрыгнул в сторону. Он заметил теперь быстро двигавшийся огромный хвост, похожий на толстое бревно, удар которого мог переломить ноги.

Животное, почувствовав себя свободным, побежало вдоль склона, его голова и хвост скрылись в траве. Оно опять поразительно напоминало движущийся голый бугор.

После обмена шутками по поводу забавного приключения геолога, принявшего живую черепаху за каменный холм, а ее движение за землетрясение, Каштанов заметил товарищам:

— Я полагаю, впрочем, что это была совсем не черепаха, а глиптодон — животное из семейства броненосцев, водившееся на Земле в плиоценовую эпоху третичного периода наряду с огромными муравьями, гигантскими ленивцами, мастодонтами и громадными носорогами. Остатки этих животных найдены в изобилии в Южной Америке.

— Огромного муравья мы ведь встретили в лесу, — напомнил Папочкин.

— Эта встреча меня и навела на высказанную мысль. Ведь если мы в более северном поясе, вблизи границы льдов, встретили в живом состоянии такие окаменелости, как мамонта, длинношерстного носорога, первобытного быка, пещерного медведя, исполинского оленя, которые на Земле жили в послетретичное время, то нет ничего удивительного в том, что южнее, где господствует та-

кое тепло, сохранились формы еще более древнего времени — плиоцена*.

— А еще южнее, развивая вашу мысль, мы должны встретиться и с более древней фауной — миоценовой, эоценовой, меловой, юрской и т. д.? — спросил зоолог с некоторым недоверием.

— Я этому нисколько не удивляюсь, — заметил Громеко. —

С тех пор как мы открыли этот странный внутриземной мир, я перестал удивляться чему бы то ни было и готов приветствовать игуанодонов, плезиозавров, птеродактилей, трилобитов** и другие палеонтологические чудеса.

— В таком случае жаль, что мы не подстрелили муравьеда и глиптодона! Чем мы сможем доказать их существование? Глиптодона я даже не сфотографировал.

— Может быть, мы встретим их еще раз.

— А кстати, пора возобновить запас мяса, — заявил Громеко, — иначе завтра придется есть одно свиное сало.

Во время этого разговора охотники медленно поднялись по склону холма и достигли его гребня, вдоль которого тянулись узкой полоской довольно густые кусты, скрывавшие, к радости Каштанова, небольшие выходы горных пород. Геолог немедленно пустил в дело свой молоток, но Папочкин, пролезший уже через кусты, остановил его возгласом:

— Поттише — на том склоне зверинец травоядных!

Каштанов прекратил стук, спрятал добытый образчик в карман и полез через кусты; Громеко следовал за ним.

На южном склоне холма, еще более пологом, они увидели разнообразных, мирно пасшихся животных. Ближе всего к ним находилось семейство носорогов, сильно отличавшихся как от живущих в Индии и Африке, так и от длинношерстного носорога. Это были

* Геологическая хронология жизни Земли установлена следующая (от современности в глубь времен):

Эры	Периоды
1. Кайнозойская (эра новой жизни)	Четвертичный
2. Мезозойская (эра средней жизни)	Третичный Меловой Юрский
3. Палеозойская (эра древней жизни)	Триасовый Каменноугольный Пермский Девонский Силурийский Кембрийский
4. Протерозойская (эра первого появления жизни) } 5. Архейская (эра безжизненная) }	Различают периоды верхний, средний, нижний в каждой из этих эр. }

В каждом периоде выделяют еще эпохи: в третичном они называются плиоцен, миоцен, олигоцен, эоцен и палеоцен.

** *Трилобиты* — вымерший отряд ракообразных; тело трилобита делилось на три части (откуда и название): головной щит, тело из многих члеников и хвостовой щит. Появились в кембрии и вымерли в пермском периоде. С другими животными, упомянутыми Громеко, мы ознакомимся дальше.

толстые, приземистые, коротконогие твари, похожие на небольших гиппопотамов; но форма головы и короткий толстый рог самца выдавали их породу. У самки вместо рога была только большая мозолеобразная шишка. Детеныш, резвившийся возле матери, походил на огромную ливерную колбасу; чтобы добратся до источника молока, он ложился на землю и протискивался боком под брюхо матери, которая, передвигаясь, придавливала его, что вызывало недовольное хрюканье обиженного малыша.

Немного далее на склоне паслось стадо огромных слонов. Рассмотрев их в бинокль, Каштанов заявил, что это, вероятно, мастодонты; они отличались от мамонта длинными и прямыми бивнями, покатым лбом и более длинным туловищем.

По соседству с ними ходили несколько антилоп огромной величины, буро-желтых с черными пятнами, как у леопарда, с длинными саблевидными рогами. Они передвигались скачками, потому что задние ноги были значительно длиннее передних, — Громеко сначала принял их за огромных зайцев.

На опушке леса находились еще более странные животные, похожие отчасти на жирафа, отчасти на верблюда: сходство с первым состояло в очень длинной шее и голове с небольшими рожками, а признаками верблюда являлись бурый цвет и форма туловища с небольшим горбом. Парочка этих животных, в которых Каштанов признал родоначальника верблюда и жирафа, ходила вдоль опушки, свободно срывая веточки и листья на высоте четырех метров от земли.

Наиболее интересной добычей охотникам показались антилопы и верблюдо-жирафы; поэтому они разделились на три партии: Каштанов направился окольным путем к верблюдо-жирафам, Папочкин — к антилопам, а Громеко должен был сфотографировать носорогов и мастодонтов.

Громеко, соблазненный видом маленького носорога, показавшегося ему достойным вертела, выстрелил и уложил на месте ничего не подозревавшего детеныша. Его родители, вместо того чтобы спастись бегством, как ожидал охотник, обнюхали труп, а затем с громким хрюканьем бросились на ботаника, который имел неосторожность показаться на опушке кустов. Он скрылся опять в кусты и успел отбежать несколько шагов в сторону, когда на том месте, где он только что стоял, раздался треск неистово ломаемых ветвей, и оба носорога, топчя кусты и разбрасывая их мордами по сторонам, появились на гребне холма и побежали дальше. Но, заметив, что их враг исчез, они повернули назад и помчались туда, где колебания кустов выдавали присутствие охотника.

В это время вблизи антилоп раздался выстрел Папочкина, и стадо этих животных понеслось вверх по склону; туда же устремились и мастодонты, подняв хоботы и издавая тревожные трубные звуки. Положение Громеко становилось отчаянным: с одной стороны, ему приходилось следить за носорогами и бегать от них взад и вперед через кусты, а с другой — надвигалась опасность от антилоп и мастодонтов. Но ботанику пришла счастливая мысль:

заметив, что антилопы и мастодонты бегут вверх по склону с разных сторон, но приблизительно к тому же месту гребня, он, вместо того чтобы перебежать от носорогов взад и вперед через кусты, побежал теперь вниз по склону в промежутке между антилопами и мастодонтами, в расчете, что те или другие задержат его преследователей. Этот расчет оправдался: прорвавшиеся опять через кусты разъяренные носороги столкнулись — один с мастодонтами, другой с антилопами; произошло замешательство; первый был сшиблен и затоптан, второй обратил в бегство антилоп и сам побежал за ними, а Громеко остался победителем на поле сражения.

Отдышавшись от безумного бега, он поднялся обратно к кустам, нашел ружье, брошенное при бегстве от носорогов, а затем стал искать свою добычу — маленького носорога, из-за которого натерпелся такого страха. Найти его оказалось нетрудно, потому что круглая туша, напоминавшая добрый бочонок, виднелась издали среди потоптанной травы. Потом он отправился к своим товарищам, и они вместе, тяжело нагруженные шкурами, черепами и мясом, двинулись обратно к стану, где Макшеев уже беспокоился, дожидаясь их. Он сам хоть и сидел на месте, но не остался без добычи. К палатке подкрадывался хищник, вероятно собиравшийся съесть Генерала, но вместо того попавший под пулю, — это было животное, похожее на волка, но с очень большой головой, с кошачьим телосложением и со сравнительно длинной гривой на голове и шее. Каштанов нашел, что это должен быть плиоценовый предок современных волков.

ПЛУТОН ГАСНЕТ

Пока в котле варилось мясо антилопы, а на вертеле жарился целиком молодой носорог, путешественники были заняты приведением в порядок обильных материалов, добытых за день.

Во время этой работы они заметили, что свет ослабел и сделался еще более красноватым, чем обыкновенно. Подняв головы, чтобы выяснить причины этого явления, они убедились, что небо безоблачно, но сам Плутон светит тускло, и на одной половине диска видно много больших темных пятен.

Вместе с ослаблением света началось понижение температуры, достигавшей в этот день уже +28 градусов в тени. Последнее можно было бы приветствовать, но первое внушало некоторую тревогу.

— А что, если Плутон теперь погаснет совершенно? — спросил Громеко, так как во время ужина констатировали, что ослабление света продолжается и количество темных пятен на диске увеличивается.

— И мы вдруг очутимся в полном мраке, за которым постепенно наступит и полярный холод? — прибавил Папочкин.

— А теплая одежда осталась у нас далеко на севере в юрте! — воскликнул Макшеев.

— Я думаю, что это ослабление света — временное явление, — сказал Каштанов. — Плутон, судя по его красному свету и обилию темных пятен, действительно находится в последнем периоде своего горения. Но этот период может продлиться еще сотни и тысячи лет. Звезды, аналогичные Плутону, наблюдаемые в мировом пространстве, по временам меркнут, почти гаснут, но потом опять вспыхивают. Запасы тепла, имеющиеся в их массе, еще очень велики, и кора, образующаяся на их поверхности вследствие охлаждения и представляющая темные пятна, которые мы видим, снова и снова разрывается и расплавляется за счет этих запасов. Угасание светила не может произойти сразу.

— А если горение Плутона прекратится вследствие недостатка кислорода? Ведь нужный для него кислород берется, конечно, из общей атмосферы нашей планеты, всасываемой через полярное отверстие.

— Это очень сомнительно, так как за миллионы лет своего горения Плутон должен был бы сжечь весь кислород нашей атмосферы и обитатели земли давно задохнулись бы в азоте. Процессы горения самосветящихся тел Вселенной известны нам еще слишком недостаточно и, может быть, происходят иначе, чем наблюдаемые нами на Земле. Может быть, кислород образуется там вновь как продукт распада других химических элементов. Открытия последних лет относительно превращений радия заставляют нас уже иначе смотреть на постоянство этих элементов, считавшееся прежде бесспорной истиной.

— Словом, «друг Горацио, на свете есть еще много вещей, которые не снились нашим мудрецам», а в Плутонии мы каждый день убеждаемся в справедливости этого изречения Гамлета, — сказал Громеко и предложил лечь спать, пользуясь темнотой и прохладой.

Животный мир леса также чувствовал, что в природе творится неладное. Птицы совершенно замолкли, и вместо их пения и щебетанья слышались тревожные крики разных зверей. Генерал по временам завывал, подняв голову.

Но путешественники, разложившие костер перед палаткой, спали крепко, не обращая внимания на эти звуки, и проспали значительно дольше обыкновенного.

Постепенно все проснулись, хотя было темно по-прежнему. Все было объято красноватыми сумерками, а диск Плутона был покрыт многочисленными темными пятнами, так что сила света была ослаблена на девять десятых. При этом освещении листва и трава казались почти черными, как и само небо. Вокруг лежала глубокая тишина — ни птицы, ни звери, ни насекомые не проявляли признаков жизни, и только по временам налетавший ветерок шумел в листве. В этой тишине было что-то зловещее.

Посоветовавшись, решили, что рискованно плыть в таких су-

мерках по неизвестной реке между двумя стенами леса, переполненного разными хищниками, которые могли напасть на путешественников. Легко можно было сесть на мель или наткнуться на корягу, что представляло большую опасность для парусиновых лодок.

— А если этот сумрак будет продолжаться целые недели или месяцы? — спросил Громеко. — Неужели мы будем сидеть на месте? Провизии у нас хватит дня на три, на четыре.

— Какой вы чудак! — ответил Каштанов. — Сейчас же делаете самые печальные предположения! Подождем день-другой, а тогда подумаем, ехать ли вперед или назад.

— А на досуге займемся починкой лодок, устройством плота и разными домашними работами, — сказал Макшеев. — Лодки дали уже течь.

С этим предложением все согласились и при свете костра принялись за работы. Починили лодки и спилили несколько крупных бамбуков, росших вблизи стана, что потребовало много времени, так как в распоряжении плотников была только одна небольшая ручная пила. Потом очистили стволы от веточек, распилили их на части той же длины, как и лодки, и связали из них плот шириной в полтора метра, который должен был помещаться между обеими лодками. На плот предполагали класть более объемистые вещи, покрывая их шкурами. Обе лодки, соединенные с плотом, в совокупности представляли нечто вроде парома, прочного, легкого и достаточно поворотливого.

Работы заняли целый день, в течение которого наблюдения за диском Плутона обнаружили, что количество и размеры темных пятен не уменьшились, но и не увеличились. Спать легли рано. Возле палатки горел небольшой костер. Генерал лежал у входа в палатку, и путешественники рассчитывали спокойно спать, выходя только изредка, чтобы подбросить дров.

Но эти надежды не вполне оправдались. Как только в палатке все затихло и в окружающей чаще начинались шорохи, Генерал настораживался и ворчал. Шорохи прекращались, и собака успокаивалась; потом опять начинался шорох, словно какой-то зверь бродил по кустам вокруг лужайки, высматривая добычу, но не решаясь выскочить. Чтобы не быть всем настороже, решили караулить по очереди, и Папочкин первый уселся у костра с ружьем в руках. Шорохи то удалялись, то приближались, и зоолог наконец так привык к ним, что крепко заснул. Огонь постепенно потухал, и костер превратился в кучу тлеющих углей.

Вдруг собака яростно залаяла. Папочкин проснулся и увидел на окраине лужайки крупного хищника, похожего на льва, но с менее длинной гривой и с торчащими из полуоткрытой пасти клыками, как у сабельного тигра. Хищник стоял в нерешительности, а Генерал, заливаясь лаем, отходил, поджав хвост, за костер, поближе к палатке.

Зоолог, быстро пришедший в себя, поднял ружье и выстрелил в

зверя, находившегося на расстоянии шагов двадцати. Пуля попала в грудь, но зверь еще имел силу сделать прыжок, попал в кучу углей, обжег себе брюхо и покатился к палатке; задней лапой он ударил по полотну, разорвал его сверху донизу и зацепил сапоги Макшеева, лежавшие у его изголовья. Передняя лапа в судорожных движениях чуть-чуть не угодила в лицо Каштанова, раздробила карманные часы, лежавшие в шапке на земле, и разорвала шапку в клочья. Генерал, прижавшийся у входа в палатку, был отброшен вглубь ударом третьей лапы, поплатился несколькими царапинами и со всего размаха упал на Громеко, сладко спавшего у задней стенки.

Переполох получился необычайный. Возле палатки в полумраке билось и ревело что-то громадное, и полы палатки разлетались и рвались под его ударами. В глубине палатки Громеко боролся с Генералом, который старался спрятаться за него и которого он принял за какого-то хищника. Каштанов тщетно искал спички, лежавшие в шапке возле часов, и не находил даже самой шапки. Папочкин кричал снаружи:

— Вылезайте скорее с задней стороны! Это лев, которого я не могу прикончить, потому что боюсь попасть в вас!

Наконец зверь, судорожно вытянув лапы, затих: Макшеев нашел спички и зажег свечу; Громеко оставил Генерала, и все трое, полуодетые и перепуганные, отстегнув задние полы палатки, выбрались ползком наружу и осмотрелись. Началось объяснение у потухшего костра, и Папочкин должен был сознаться, что заснул и не поддерживал огонь, почему зверь и решился на нападение.

Убитый зверь оказался сабельным львом, хотя по телосложению походил и на медведя; только форма головы и лап выдавала его принадлежность к кошачьему семейству. Грива была небольшая, почти черная, шерсть на теле желто-бурая, хвост без кисточки. Страшным клыкам верхней челюсти соответствовали когти на громадных лапах. Палатка требовала серьезной починки, так же как и сапоги Макшеева. Часы Каштанова, сплюснутые в лепешку, вместе с изорванной шапкой и раздавленной спичечницей нашлись только после долгих поисков в одном из углов палатки.

Из-за постели Громеко вытащил дрожавшего еще Генерала, осмотрел и промыл его раны. Затем оттащили льва в сторону и решили продолжать прерванный сон. На караул сел Макшеев, и остаток ночи прошел спокойно. Утром сумерки показались менее густыми, и на диске Плутона число и размеры темных пятен как будто уменьшились. Решили еще подождать и принялись за починку палатки, обмер убитого льва и снятие с него шкуры. К обеду стало еще светлее, а немного позже Плутон, словно собравшись с силами, расплавил большую часть пятен, покрывавших его диск, и засиял полным светом, казавшимся особенно ярким после сорокачасового сумрака.

Быстро сложили вещи, нагрузили лодки и плот и поплыли дальше, но не так быстро, потому что судно оказалось недостаточно подвижным и требовало усиленной работы веслами. Местность под вечер этого дня начала меняться, холмы на берегах реки сначала понизились, а затем совершенно исчезли. Вместо густой чащи леса и кустов расстиралась степь с отдельными рощами, где преобладали исполинские баобабы. Только вдоль берегов узкой полосой тянулась пышная растительность с пальмами, бамбуками, лианами, в которой ютились птицы и крупные обезьяны нескольких пород. В степи паслись стада разнообразных антилоп, мастодонтов, носорогов, верблюдо-жирафов, безрогих жирафов и первобытных лошадей. В чаще близ реки держались тигры, гиппопотамы и олени.

ЧУДОВИЩНЫЕ ЯЩЕРЫ И СТРАННЫЕ ПТИЦЫ

Первый ночлег был на большом острове, значительная часть которого также имела степной характер, и только вдоль берега местами тянулись группы кустов и заросли камышей. Палатку поставили на северном конце острова, откуда была видна река, делившаяся на два рукава, каждый не менее сотни шагов ширины.

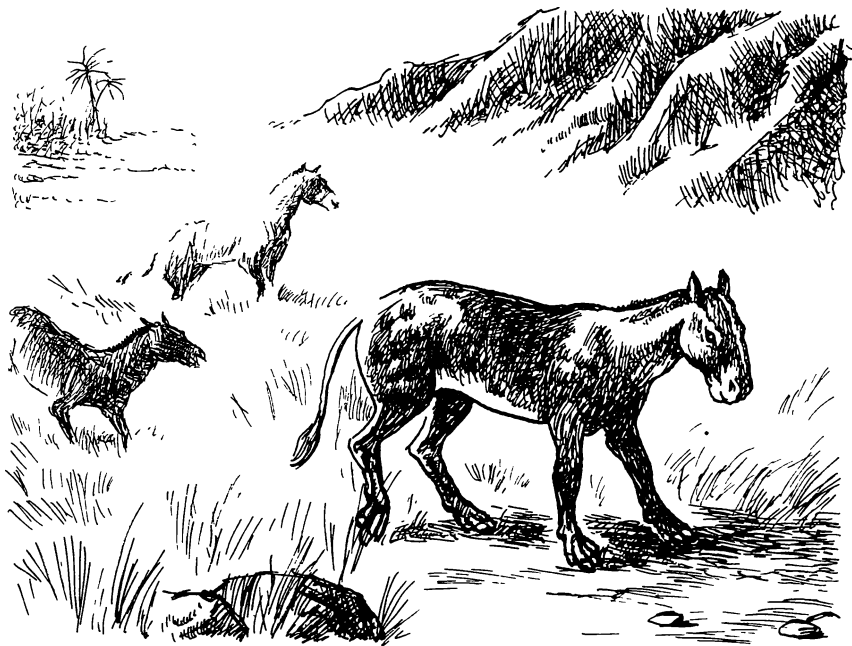
После ужина покой окружающей природы был нарушен шумом. С противоположного берега реки слышались протяжные крики, напоминавшие голоса толпы людей, по временам покрываемые громким отрывистым лаем и воем.

Из зеленой чащи вырвалось, ломая камыши и раздвигая кусты, небольшое стадо красноватых с белыми пятнами четвероногих, которые бросились в воду и поплыли к острову. Вслед за ними выскочила стая пестрых хищников, которые с воем и лаем также поплыли, стараясь догнать и отбить одно животное, уже отставшее и, очевидно, изнемогавшее.

Через несколько минут преследуемые выбрались на остров и пробежали очень близко от палатки. Они походили на лошадей, хотя почти не имели гривы.

Отставшее животное также успело доплыть до острова раньше хищников, но на крутой откос берега могло подняться с трудом и наверху было окружено воющими и лающими преследователями. Собрав последние силы, оно лягало их передними и задними ногами и хватало зубами, но неравная борьба с дюжиной врагов не могла быть долгой. Хищники, увертываясь от ударов, не выпускали жертву из своего круга, выжидая, пока она не обессилит окончательно.

В борьбу вмешались люди: три выстрела в стаю хищников уложили двух из них и обратили остальных в поспешное бегство. Но обессиленная жертва уже не могла воспользоваться неожиданным избавлением. Когда охотники подошли к ней, она уже лежала при

последнем издыхании. На ее шее зияла большая рваная рана, очевидно причиненная зубами одного из хищников при первом же падении на табун, — это и было причиной слабости жертвы, которая на бегу постепенно истекала кровью.

Рассматривая убитых хищников, охотники убедились, что животные принадлежали к примитивным млекопитающим.

Они были величиной с сибирского волка, но туловище напоминало скорее кошачью породу, равно как и длинный, тонкий хвост. Шерсть на спине и боках была темно-бурая, с желтыми продольными полосами, а на брюхе — желтая. Зубы были почти одинаковые — все имели скорее вид клыков.

Жертва хищников заслуживала название лошади только с большими оговорками. Она была ростом не больше крупного осла, но грациознее последнего, так как туловище покоилось на тонких ногах, оканчивающихся каждая не одним копытом, как у настоящих лошадей, а четырьмя. При этом только среднее копыто было сильнее развито, а остальные — зачаточные.

Изучая эту странную лошадь, Каштанов и Папочкин пришли к выводу, что перед ними первобытная лошадь — родоначальница современных лошадей, по всему облику больше походившая на американскую ламу.

На другой день продолжалась степная местность, настоящие саванны или прерии, с высокой травой, с чащами и группами кустов и деревьев по берегам тихой реки и многочисленных островов. На

одном из больших островов путешественники заметили стадо титанотериев — животных, представлявших нечто среднее между гиппопотамом и носорогом.

Путешественники хотели причалить немного ниже за кустами, чтобы подкрасться и добыть одного из титанотериев, но встретили еще более интересного зверя представителя древнейших толстокожих, — четверорогого носорога, спустившегося передними ногами в воду, чтобы утолить свою жажду. Когда плот приблизился к нему, он поднял свою уродливую голову и широко раскрыл пасть, словно хотел проглотить или, по крайней мере, оплевать незваных гостей. По бокам верхней челюсти торчали два длинных желтых клыка; на переносице между маленькими глазами поднимались рядом два небольших рога, повернутых наружу, а за ушами красовались еще два тупых рога, похожих на какие-то обрубки.

Но пока причаливали к берегу и пробирались осторожно через кусты, чтобы сфотографировать это интересное животное, оно отошло от реки и побежало тяжелой рысцой. Преследуя его в надежде, что оно остановится, Каштанов и Папочкин заметили на соседней поляне животное огромной величины, стоявшее возле высокого дерева и обрывавшее на нем листья на высоте около пяти метров. По форме тела и цвету кожи оно походило на колоссального слона, спина которого поднималась на четыре метра от земли; но голова и длинная шея резко отличали его от слонов: голова, сравнительно с массой туловища очень небольшая, напоминала го-

лову тапира с удлинённой верхней губой, которой животное очень быстро захватывало листья целыми пучками.

— Что за чудовище! — прошептал Папочкин. — Тело слона, шея лошади, голова тапира и замашки жирафа.

— Я думаю, — заметил Каштанов, — что нам удалось увидеть редкого представителя подсемейства безрогих носорогов, остатки которого недавно найдены в Белуджистане, почему этот колосс — крупнейший из сухопутных млекопитающих — получил имя белуджитерия*. Он жил в конце олигоцена или в начале миоцена.

— Действительно колосс! — удивился зоолог. — Мне кажется, что я могу, не сгибаясь, разве только нагнув голову, пройти под его брюхом.

— А если поставить возле него взрослого индийского носорога, то спина последнего окажется также на уровне брюха этого колосса, так что он мог бы сойти за его детеныша.

— Как жаль, что нельзя стать возле него для масштаба при фотографировании, — сказал Папочкин, делая снимки. — Хотя животное как будто безобидное, но я бы боялся приблизиться: случайным движением ноги оно может переломать кости.

— Снимите дерево вместе с животным; высоту дерева мы потом определим.

Наблюдатели выждали, пока белуджитерий не отошел в сторону, и посредством горного компаса определили высоту дерева, а также сместили следы ступней, которые сравнительно с ростом животного оказались небольшими.

Под вечер того же дня на берегу большого острова заметили парочку корифодонов, крупных толстокожих, которые по форме тела походили на титанотериев.

При виде плота самец поднял голову и разинул огромную пасть, в которой красовались в каждой челюсти по два довольно длинных и острых клыка.

Высадиться на остров для охоты не удалось, потому что немного ниже на берегу сидел крупный хищник, пожиривший какую-то добычу. При виде плота он поднялся и грозно зарычал.

Это животное отличалось громадным телом на низких и довольно тонких ногах. Морда у него была длинная, похожая на морду борзой собаки. По своей величине зверь не уступал самому крупному тигру, почему путешественники не решились приблизиться к нему.

Таким образом, в этот день не удалось добыть ни одного из этих новых животных.

На следующий день на берегах реки и на островах по временам замечали пасшихся лошадей, титанотериев, четвероногих носорогов, антилоп, хищных кредонов и других животных. Общий облик

* В 1915 году в Тургайской области экспедицией Академии наук найдены остатки подобного же колосса того же подсемейства, названного индрикотерием.

фауны, по мнению Каштанова, выдавал ее принадлежность к начальным временам третичного периода.

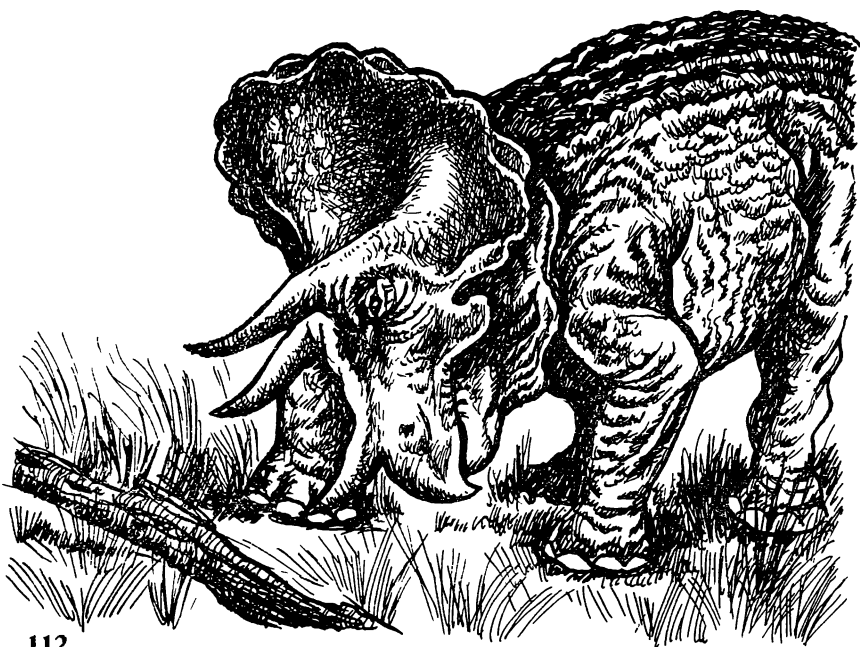
После обеда причалили для экскурсии в глубь степи, чтобы ознакомиться с ее характером на стороне от реки.

Возле одного из озер наткнулись на животное, возбуждившее их особенное внимание. Подобно другим травоядным, оно мирно паслось, пожирая сочные стебли.

Это успокоило охотников, взявшихся было за ружья, когда, пробираясь через кусты к берегу озера, они внезапно увидели чудовище. Даже Генерал, уже привыкший к разнообразным и необыкновенным животным и сразу отличавший хищников от травоядных, обнаружил сильный испуг и, ворча, прижимался к ногам Макшеева.

— Носорог колоссальной величины! — шепнул последний, останавливаясь в кустах, чтобы не испугать чудовище или не раздражить его.

Но животное только на первый взгляд напоминало носорога, так как обладало маленьким рогом на переносице. Пара же больших рогов, возвышавшихся на лбу и направленных вперед, придавала ему сходство с некоторыми быками; во всем же остальном оно отличалось и от носорогов и от быков. Голова по сравнению с туловищем была непропорционально велика, достигая чуть ли не двух метров в длину; задняя часть черепа расширялась в плоский и широкий гребень, который можно было принять за огромные

растопыренные уши, но в действительности это было только украшение или защита верхней половины шеи, покрытое мелкой чешуей, а по наружному краю — острыми зубцами. Этот воротник, несомненно, увеличивал вес и без того огромной головы и мешал поднимать ее вверх.

Передние ноги были значительно короче задних, так что животное двигалось, высоко подняв свой крестец. Когда голова и ноги этого животного скрывались в высокой траве, оно напоминало целый холм, достигавший почти пяти метров в высоту. Массивное туловище его было покрыто панцирем из круглых пластинок, более крупных на спине и боках, мелких на крестце, ногах и брюхе. Туловище оканчивалось недлинным, но толстым хвостом, который служил опорой для задней части тела. От конца морды, представляющего острый клюв, до начала хвоста животное имело около восьми метров.

— Ну и чудовище, ну и чудовище! — шептал Громеко, рассматривая, как и остальные, необыкновенное животное, которое медленно передвигалось вдоль берега озера, пожирая траву и кусты.

— Что это за зверь? — спросил Папочкин.

— Это, должно быть, трицератопс, представитель отряда динозавров, — ответил Каштанов, — к которому принадлежали различные исполинские ящеры.

— Так это пресмыкающееся! Разве были рогатые пресмыкающиеся? — воскликнул Макшеев.

— Отряд динозавров представляет очень разнообразные формы как хищных, так и травоядных ящеров, крупных и мелких, живших, начиная с триаса и кончая мелом.

— Итак, мы уже очутились в меловом периоде*! — воскликнул Папочкин. — И чем дальше мы будем плыть по реке, тем больше должны встречать таких чудовищ.

— Хорошо, если они будут столь же безобидны, как это, — заметил Громеко. — А наткнуться на хищную тварь таких размеров — благодарю покорно! Растерзает прежде, чем успеешь выстрелить.

— Большие животные обычно неповоротливы, — возразил Каштанов. — По-моему, сабельные тигры гораздо опаснее этих исполинов.

— Нужно бы заставить его поднять голову, — сказал Папочкин, — или выманить на более чистое место. Я уже сделал два снимка, но на обоих не видно ног и конца морды.

— Не выстрелить ли в него? — предложил Макшеев.

— Нет, он или испугается и убежит, или бросится на нас. Такую махину, пожалуй, и разрывная пуля не скоро свалит с ног.

— Пустим на него Генерала!

* Меловый период отличался развитием пресмыкающихся, достигавших гигантской величины, но вымерших в конце этого периода. А в начале его появились первые примитивные млекопитающие — маленькие, невзрачные животные.

Дрожавшую и ворчавшую собаку после уговоров и понуканий удалось заставить напасть на чудовище. Она бросилась с громким лаем в его сторону, остановясь все-таки на почтительном расстоянии. Но эффект нападения собаки был совершенно неожиданный. Чудовище ринулось в озеро, разбрызгивая целые потоки воды, и скрылось во взбаламученной, илистой пучине.

Все рассмеялись при виде этого позорного бегства, а Генерал, гордый победой, подбежал к берегу и начал неистово лаять на мутные волны, расходившиеся кругами. Через некоторое время среди озера показались два рога и воротник ящера, высунувшего голову, чтобы подышать. Папочкин, державший аппарат наготове, вынужден был ограничиться снимком головы, потому что ящер, глотнув воздуха и видя, что его странные преследователи стоят на берегу, опять погрузился в воду.

На другом озере Генерал выгнал из густых зарослей целую стаю странных птиц. Они достигали величины очень крупного лебедя, но имели более длинное тело, более короткую шею и очень длинный и острый клюв, усаженный острыми и мелкими зубами. Птицы великолепно плавали и ныряли, охотясь за рыбой. Одну из них удалось подстрелить.

Рассмотрев ее, Каштанов решил, что это, должно быть, гесперорнис, зубастая бескрылая птица мелового периода, близкая по строению тела к современным пингвинам. Крылья ее были в зачаточном состоянии и совершенно скрывались в мягком, волосообразном оперении.

ПОЯС БОЛОТ И ОЗЕР

После трехдневного плавания через страну сухих степей путешественники достигли ее южной окраины, где растительность сразу изменилась. Берега реки покрылись зеленой чащей хвойных деревьев, саговых пальм и папоротников многочисленных видов, большей частью совершенно новых, достигавших высоты человеческого роста. Высокие заросли растений, похожих на камыши, росли в воде вдоль берега, а плоские отмели были покрыты хвощами высотой в полтора метра и с поперечником больше двадцати пяти миллиметров. Из глубины зарослей несло неумолкавшее стреко-тание, а над водой кружились странные насекомые. Они походили на стрекоз, но в размахе крыльев достигали почти сорока сантиметров; тело их, отливавшее металлическим блеском, имело сантиметров двадцать в длину; одни были золотисто-желтые, другие стально-серые, третьи изумрудно-зеленые, четвертые темно-голубые, пятые огненно-красные. В солнечных лучах они порхали, реяли, гонялись друг за другом, издавая мелодичный треск, напоминавший щелканье кастаньет.

Пораженные этой красивой картиной, путешественники сложили весла. Лодка медленно плыла по течению, а гребцы любовались

невиданным зрелищем. Папочкин достал сачок и после долгих попыток поймал одну стрекозу; но, когда он вынимал ее из сачка, она преобильно укусила палец зоолога своими челюстями, и растерявшийся ученый выпустил ее из рук.

Сплошной зеленый барьер, окаймлявший берега, не позволяя причалить, и путешественники, утомленные долгим плаванием, тщетно искали глазами хотя бы небольшую чистую лужайку для ночлега.

Между тем голод давал себя уже чувствовать, а зеленые стены хвощей становились все гуще и гуще.

— Эх, нужно было остановиться в конце степи! — сказал Громеко.

— В другой раз будем умнее, — засмеялся Макшеев.

Километр проходил за километром, а зеленые стены не прерывались. Наконец за поворотом реки, на левом берегу ее, показалась низкая зеленая полоска. В воду выдавалась длинная и узкая коса, переходящая затем в отмель и поросшая только хвощами. За неимением лучшего решили остановиться здесь и расчистить себе площадку. Лодки ввели в заливчик между косой и берегом, вытащили охотничьи ножи и вступили в бой с хвощами. Но это оказалось нелегким делом: толстые стебли, жесткие от обильного содержания кремнезема, плохо поддавались ударам ножа, а срезы оставляли колючие пеньки, на которых нельзя было ни сидеть, ни лежать.

— Попробуем вырвать их с корнем, — предложил ботаник. — Они не должны крепко сидеть в мягком речном наносе.

Совет оказался хорошим: хвощи легко выдергивались из почвы, и через полчаса путешественники расчистили мягкую площадку для палатки и костра. Но костер не из чего было разводить: зеленые хвощи не горели. Нельзя было не только приготовить ужин, но даже сварить себе чай. Кроме того, из хвощей поднялись целые рои растревоженных комаров, в двадцать миллиметров величиной, спастись от которых можно было только дымом костра.

— Пстойте, — сказал Громеко. — Совсем близко, подплывая сюда, я заметил торчавший из чащи ствол сухого дерева. Нужно его добыть!

Вооружившись топорами и веревкой, Громеко и Макшеев отвязали одну из лодок от плота и поплыли вверх по реке. В сотне-другой шагов от стоянки они увидели толстое засохшее дерево с несколькими ветвями, торчавшее в зеленой чаще; но дерево это оказалось на такой высоте над водой, что его нельзя было достать ни рукой, ни топором.

— Попробуем закинуть веревку за сук — может быть, он обломится, — предложил Макшеев.

Громеко удерживал лодку на месте, ухватившись за хвощи, а Макшеев перебросил веревку через толстый сук и начал ее тянуть; сук не обламывался, но все дерево начало трещать.

— Пустите лодку, помогите тянуть! — крикнул он товарищу.

Теперь оба ухватились за веревку, стоя в утлой лодке, и дернули изо всех сил. Дерево рухнуло, ударив с размаху по носу лодки, которая под его тяжестью начала погружаться в воду. Громеко только-только успел схватиться за хвощи и подтянуть к ним корму, как нос лодки скрылся под водой.

— Скандал! Что мы будем теперь делать? — воскликнул Макшеев.

Оба сидели на корме, ногами в воде, одной рукой держались за хвощи, а другой за веревку, которая не позволяла злополучному дереву уплыть по течению.

— Вылезть на берег нельзя, вычерпать воду нечем, остается звать кого-нибудь на помощь, — сказал Громеко.

Оба начали аукать и звать. Сначала никто не откликался, но потом послышался голос Каштанова, спрашивавшего, в чем дело.

— Плывите к нам кто-нибудь на помощь, захватите ведро, наша лодка затонула!

— Сейчас приеду! — раздался ответ.

В это время из воды возле затонувшего носа лодки показалась огромная голова зелено-бурого цвета с короткой и широкой мордой и маленькими глазами под плоским черепом. Животное некоторое время смотрело на оцепеневших от неожиданности людей, а затем, разинув пасть и обнажив несколько рядов острых зубов, начало взбираться на нос лодки, которая под его тяжестью стала погружаться глубже. Показалась короткая и толстая шея, затем часть голого туловища; широкие передние лапы когтями цеплялись за борт лодки.

Отправляясь за дровами так близко от стоянки, охотники не взяли с собой ружей и теперь оказались безоружными лицом к лицу с какой-то рептилией неизвестной породы, несомненно плотоядной и сильной. Их топоры остались на носу и теперь были в воде, уже под лапами врага.

— Скорее привязывайте свой нож к рукоятке весла, — крикнул Макшеев, — а я попробую задержать чудовище другим веслом!

Он вынул свой нож и взял его в зубы, а затем, схватив весло, ткнул его со всего размаха лопастью в полураскрытую пасть. Сильный удар по небу и языку ошеломил животное, которое судорожно сжало челюсти. Послышался треск, острые зубы крошили дерево и впивались в жестяную оковку лопасти. Макшеев толкал весло все дальше в пасть, но оно укорачивалось, потому что челюсти работали и выплевывали осколки дерева, окрашенные кровью.

Но вот Громеко, успевший привязать большой охотничий нож посредством ремешков от сапог к рукоятке второго весла, поднялся позади Макшеева и ударил этим импровизированным копьём в глаз чудовища. Последнее, обезумев от боли, рванулось в сторону, вырвало весло из рук Макшеева и исчезло в реке, показав на

мгновение свою широкую, бурозеленую спину с двойным рядом чешуй вдоль хребта и короткий толстый хвост, который ударил по воде с такой силой, что обоих охотников с ног до головы окатило струями и брызгами воды.

Лодка, отдернутая движением чудовища от берега, окончательно погрузилась в воду.

В это время Каштанов, спешивший на помощь, находился уже недалеко от места катастрофы; выплывая из-за поворота, он увидел водяной смерч, поднятый чудовищем, но не понимал, что случилось. Мимо него, покачиваемое волнами, ныряя и всплывая, пронеслось сухое дерево; гребец принял его за крокодила и хотел ударить багром. Но в это время раздался крик Громеко, не желавшего терять добычу, стоившую таких усилий:

— Бревно, ловите бревно! Это наши дрова!

Каштанов подцепил дерево багром, взял его на буксир и подплыл наконец к стоявшим по пояс в воде товарищам.

После некоторой возни подняли лодку, вычерпали из нее воду и вместе с добычей вернулись к палатке, где Папочкин с остервенением отмахивался от комаров, а Генерал спасался от них, забравшись по уши в воду.

Быстро вытащили бревно на берег, нарубили дров, и вскоре весело затрещал костер; наваленные на него хвощи дали такой едкий дым, что комары обратились в бегство, а у сушившихся возле огня Макшеева и Громеко градом покатались слезы.

Вслушав их рассказ о нападении водяного чудовища, Каштанов заметил:

— Я думаю, что это был ящер, представитель семейства, вымершего к третичному периоду на поверхности нашей планеты.

— Ихтиозавр*, что ли? — спросил Макшеев, помнивший кое-что из курса палеонтологии, пройденного на горном факультете.

— Нет, не он, судя по вашему рассказу. Ихтиозавр был гораздо больше, имел другую форму головы и жил раньше, в юрское время. Ваш приятель походит скорее на небольшого мелового крокодила.

— Да, с ихтиозавром вы бы так легко не справились, — заметил Папочкин, — а плезиозавр имел шею подлиннее вашего весла и живо подцепил бы вас прямо из воды, а не лез бы в лодку.

— Можно надеяться, что мы со временем встретимся и с этими огромными ящерами, — сказал Каштанов, — судя по тому, что,

* *Ихтиозавры* — морские ящеры юрского и мелового периодов с признаками рыб и ящеров (отсюда и название), тело их рыбообразное, без шеи, голова вытянута в клювоподобное рыло, как у дельфина; длинный хвост оканчивается плавником, на спине тоже плавник; передние и задние конечности короткие, в виде плавников; тело покрыто голой кожей. Некоторые виды достигали восьми — девяти метров длины.

продвигаясь вниз по реке, мы встречаем представителей все более и более древней фауны. Сейчас мы уже очутились в середине или даже начале мелового периода.

— Да, как животный, так и растительный мир становится все более и более не похожим на то, что мы привыкли видеть на поверхности земли, — прибавил Громеко. — Перемена совершается постепенно, и мы сразу даже не отдаем себе отчета в ней. А если подумать, то вокруг нас все новое: исчезло множество лиственных деревьев, цветов, злаков, преобладают пальмы, осоковые и голозерные, появились в изобилии тайнобрачные*.

— Это подземное царство таит еще много неожиданного, и нам нужно быть более осторожными. Ни шагу без ружья с разрывной пулей!

— Я думаю, нам следует только немного отдохнуть, пока не сварится ужин, поесть и продолжать путь до более удобного места. На большой костер для защиты от хищников у нас не хватит дров, — заявил Громеко.

Все согласились с этим мнением. Вытащили пострадавшую лодку для просушки и починки, поужинали, поспали часа два вокруг дымокура и снова пустились в плавание, захватив с собой остатки дров. Еще часа два тянулась все та же непроницаемая чаща с каймой камышей и хвощей. В тихих местах рыба плескалась или выскакивала из воды, спасаясь от погони. Иногда можно было заметить, как вслед за выскочившей рыбой из воды на мгновение появлялась противная морда ящера с разинутой пастью, после чего водовороты и расходившиеся круги обнаруживали, что в водную пучину быстро погрузилось крупное тело. По временам беззаботно реявшие стрекозы разлетались во все стороны, прячась в листве и камышах от большой голубой птицы с огромным клювом, которая налетала откуда-то с сильным шумом и на лету хватала зазевавшееся насекомое.

Наконец зеленые стены начали раздвигаться, течение реки стало медленнее, и водная гладь расширялась все больше и больше — река превратилась в озеро, среди которого виднелись острова. Один из островов привлек к себе внимание путешественников. Только одна половина его была занята высокой чащей леса, а другая представляла довольно большую лужайку с несколькими, частью заощими деревьями. К ней и поспешили причалить.

Эта луговая половина острова была покрыта низкой, но жесткой травой, которая при рассматривании оказалась особым видом плауна. Лужайка находилась в верхней половине острова, а ветерок тянул вниз по воде. В топливе не было недостатка; поэтому решили устроить вдоль опушки чащи несколько хороших дымокуров, чтобы выгнать с острова всех хищников и обеспечить себе покой.

* Тайнобрачные растения не имеют настоящих цветов с тычинками и плод-листиками, а размножаются спорами. Они характерны для более древних периодов жизни Земли, начиная с девонского. Примеры тайнобрачных: папоротники, хвощи, плауны, мхи и настоящие грибы.

Когда затрещали костры и клубы дыма потянулись в глубь чащи, из последней начали вылетать мелкие птицы и разные насекомые; некоторые из них падали на землю, и зоолог получил возможность набрать интересную коллекцию незнакомых видов. Затем на лужайку выбежало странное и страшное существо, очень напоминавшее дикобраза, но величиною с крупного быка, — его иглы имели около метра в длину.

Ощетинившись и превратившись в нечто вроде огромного колючего шара, животное пробежало мимо оторопевших людей и скрылось в камышах.

Вслед за ним короткими и высокими прыжками выскочило из чащи животное, облик которого напоминал хищника. Оно было темно-желтой масти с кошачьей головой, довольно длинным и толстым хвостом, короткими ногами и тупой мордой, оскалившей острые зубы. В общем оно было похоже на большую почти в два метра длиной — речную выдру, отличаясь от нее только более заметными ушами и короткой гривой. Хотя оно не обнаруживало намерения нападать и прокрадывалось вдоль опушки к воде, но облик его так заинтересовал Каштанова, что он уложил хищника удачным выстрелом.

Зверь действительно оказался интересным: в его пасти нельзя было различить ни плоских резцов, ни остробугорчатых коренных зубов, как у хищников позднейших времен. Все зубы были более или менее острые, конические, как у пресмыкающихся. Только передние, заменявшие резцы, были немного меньше других и несколько сдавлены, сидевшие по бокам челюсти — несколько больше, а клыки превышали все остальные по величине и выдавались над ними в обеих челюстях, особенно в верхней.

— Вот интересный пример первобытного млекопитающего, имеющего еще зубы ящера, но уже с началом той дифференцировки, которая развилась в позднейшие периоды, — сказал геолог.

Из чащи больше никто не появлялся, так что путешественники могли наконец отдаться давно заслуженному отдыху, конечно, под охраной очередного караульного, поддерживавшего дымокуры, спасавшие от жалящих насекомых. Благодаря этому спали спокойно.

На следующий день продолжалась местность того же характера, как и накануне под вечер. Река окончательно превратилась в озеро с множеством островов, течения почти не было заметно, и все время приходилось работать веслами. Над водой и лесом реяли цветные стрекозы и огромные рогатые жуки, достигавшие тридцати сантиметров в длину; пролетали бабочки, каждое крыло которых могло покрыть руку человека. По временам появлялись странные мелкие и крупные птицы синевато-серого цвета, немного напоминавшие цаплю, только с более короткими ногами, длинным хвостом и коротким клювом, в котором можно было различить мелкие зубы.

Одну птицу удалось подстрелить на лету, и Каштанов демонстрировал своим спутникам это странное пернатое, представлявшее переходную форму между ящерами и птицами. Оно имело размеры журавля и было покрыто сине-серыми перьями; его длинный хвост состоял не только из перьев, как у птиц, но также и из многочисленных позвонков, то есть имел строение хвоста пресмыкающихся, а перья росли по обеим сторонам этого хвоста. На крыльях имелось по три длинных пальца с такими же когтями, как и на ногах, так что эта птица могла лазить по деревьям и по скалам, хватаясь за них и передними конечностями. Рассмотрение животного привело Каштанова к выводу, что оно принадлежало к роду археоптериксов, но отличалось от экземпляров, найденных в верхнеюрских отложениях Европы, значительно большей величиной.

К концу дня берег сделался совсем низменным и на значительных протяжениях представлял болото, заросшее хвощами и папоротниками, над которыми кое-где возвышались группы странных деревьев, приспособленных к существованию в воде. Эти заросли давали приют различным жалящим насекомым, которые с яростью нападали на путешественников при каждой попытке последних причалить к зеленой стене ради коллекционирования, а затем некоторое время преследовали их по воде. Комары длиной в двадцать пять миллиметров, мухи величиной со шмеля, оводы и слепни длиной свыше четырех сантиметров состязались в атаках на людей, которые вынуждены были позорно отступать и начали уже тревожиться при мысли о близком ночлеге среди полчищ этих крылатых мучителей.

Несколько часов плыли по этой болотистой местности, налегая дружно на весла, чтобы скорее из нее выбраться. Животный мир здесь, по-видимому, ограничивался насекомыми, первобытными птицами в воздухе, рыбами и ящерами, таившимися в темной и глубокой воде и выдававшими свое присутствие всплесками и водоворотами. Существование четвероногих наземных животных в болотистых зарослях, по-видимому, было невозможно.

— И какое наземное животное могло бы выдержать укусы этого страшного гнуса? — сказал Громеко, употребляя сибирское выражение для обозначения жалящих кровопийц.

Но вот с юга пахнуло свежестью, и по временам можно было различить какой-то равномерный шум, доносившийся отсюда.

— Впереди большое открытое озеро с голыми берегами или море, — сказал Макшеев. Он первый уловил этот шум.

— Море? — удивился Папочкин. — Неужели в Плутонии имеется даже море?

— Если есть реки, в чем мы не можем сомневаться, они должны впадать в конце концов в какой-нибудь бассейн со стоячей водой. Не могут же реки течь бесконечно.

— А разве реки не могут теряться в болотистых озерах, подобных тому, по которому мы едем, или иссыхать в песках?

— Совершенно верно! Но при обилии воды вероятнее существование открытого бассейна, тогда как полузаросшее озеро, по которому мы плывем, составляет только его преддверие.

МОРЕ ЯЩЕРОВ

Всех интересовал вопрос, какие размеры имеет этот бассейн, не поставит ли он предел их путешествию в глубь Плутонии, потому что пускаться на парусиновых лодках в безбрежное море было бы невозможно.

Через час впереди, в конце широкой полосы реки-озера с почти незаметным течением, показалась синяя кайма. Устье реки было близко. Налегли сильнее на весла и еще через полчаса подплыли к началу озера или моря.

Растительность, окаймлявшая берега реки, не доходила до самого берега моря, а была отделена от воды широкой оголенной полосой песка. Очевидно, прибой волн не давал ей возможности укрепиться у самой воды.

На этом песчаном пляже, обвеваемом морским ветерком и свободном от докучливых насекомых, путешественники расположились на ночлег.

Выгрузив на берег вещи и разложив костер, все побежали к морю, чтобы убедиться, какая в нем вода. Они хотели узнать, является ли море конечным замкнутым бассейном с соленой водой или только большим проточным озером. Кроме того, всем хотелось купаться, потому что за последние дни, с тех пор как убедились в существовании крупных ящеров в водах реки, от купанья пришлось отказаться.

Быстро раздевшись на мягком песчаном берегу, все вошли в мелкую воду, глубина которой увеличивалась очень медленно, и только шагах в пятидесяти от берега вода достигала пояса. Она оказалась заметно соленой, но не в такой степени, как в океанах поверхности земли; ее можно было сравнить с водой Балтийского моря.

Освежившись купаньем, путешественники стали обсуждать вопрос о дальнейшем плавании. Море оказалось не безбрежным: на южной стороне горизонта можно было различить противоположный берег даже простым глазом, а хороший бинокль показывал совершенно отчетливо зеленую стену зарослей, более высокие группы деревьев, местами же темные, лиловатые массы — вероятно, скалы и обрывы. Позади зеленой стены благодаря вогнутости земной поверхности также можно было видеть, но уже менее ясно, сплошную поверхность того же лилового цвета и кое-где группы более высоких гор. Такой характер местности возбудил во всех исследователях желание перебраться на южный берег. Это не было невозможным; до него не могло быть больше сорока — пятидесяти километров, и в тихий день, с легким попутным ветром, позво-

лявшим воспользоваться парусом, можно было бы без особенного риска пуститься в плавание.

Ввиду неудачной охоты последних дней в поясе болот и озер запас мяса иссяк, и на ужин варилась только каша. Но Макшеев и Папочкин предприняли рыбную ловлю; во время купанья они заметили крупную рыбу, поэтому захватили удочки и отправились вверх по берегу реки к тому месту, где она выходила из зарослей и вода была глубже. Довольно долго поплавки оставались спокойными, и рыболовы уже думали переменить место, как вдруг рыба стала сразу сильно клевать.

Макшеев подсек и выбросил на берег крупную рыбу, но у Папочкина добыча оказалась настолько тяжелой, что могла оборвать лесу, поэтому он начал подводить попавшуюся рыбу к берегу, чтобы подцепить ее сачком. И вдруг вода вздулась пузырем, удочка рвануло, и какая-то темная масса унесла пойманную рыбу вместе с крючком; рыболов успел рассмотреть только спину, покрытую крупной чешуей, и короткий хвост.

Макшеев, занятый сниманием своей рыбы с крючка, услыша сильный всплеск воды, закричал:

— Ну и рыбина попалась вам, Семен Семенович, — должно быть, килограммов в восемь весом!

— Не в восемь, а в восемьсот! — ответил пораженный ужасом зоолог. — Она оборвала мою удочку и ушла.

Макшеев подбежал к нему и принес показать свою рыбу. Это было очень странное животное — широкое и плоское, как камбала, покрытое грубой чешуей, состоявшей из пластинок в квадратный сантиметр, с однолопастным хвостом, глазами на одной стороне тела и длинными шипами вдоль спины.

— Можно ли есть такое чудовище? — спросил он с сомнением.

— Конечно, можно, оно похоже на камбалу, хотя и имеет отличия от нее. Я думаю, что это скат. Вообще можно есть всякую свежую рыбу, потому что ядовитыми бывают только у некоторых родов икра, молоки или черная пленка, выстилающая брюшную полость. Если удалить все внутренности, можно есть рыбу и незнакомого вида — разве что мясо ее окажется вонючим или слишком костистым.

— В таком случае попробуем и половим еще. А какой вид имела ваша удравшая рыбина?

— Я думаю, что это была не рыба, а крупный ящер, который оборвал пойманную рыбу и проглотил ее вместе с крючком и куском лесы.

— Эге, видно, и здесь водятся эти хищники! А мы так беззаботно купались в море.

— Да, нужно быть осторожнее. Ведь в морях юрских времен — а это море, по-видимому, перед нами — водились огромные ихтиозавры, плезиозавры и другие хищные ящеры, которым ничего не стоило бы перекусить человека пополам.

— А акулы в те времена еще не существовали?

— Тоже были. Эти хищники известны чуть не с девонского периода и достигали огромной величины. Найдены зубы их длиной в семьдесят сантиметров. Представьте себе пасть, соответствующую таким зубам!

Рыболовы опять закинули удочки и вскоре поймали крупных рыб, похожих на современную стерлядь. Пойманные рыбы были тотчас же вычищены и попали в уху. Пока она варилась, рыболовы наловили еще десяток таких же обитателей глубин.

После ужина все сидели возле палатки, покуривая трубки и обсуждая предстоящее плавание по морю, которое тихо плескалось на песке, усыпанном раковинами моллюсков, возбудивших большой интерес геолога.

Пока товарищи ловили рыбу, он набрал целую коллекцию моллюсков и определил, что они относятся к аммонитам*.

— Смотрите, — прервал беседу возглас Громеко, — какие огромные морские змеи!

На расстоянии около ста метров от берега над поверхностью моря поднялась одна, а затем другая голова, сидевшие на длинной шее; головы были плоские, как у змеи, а шеи грациозно извивались. Казалось, что плывут два огромных черных лебедя, туловища которых чуть поднимались над водой.

— Это не змеи, — сказал Каштанов, разглядывая животных в бинокль. — Я уверен, что это не что иное, как плезиозавры**, присутствие которых в верхнеюрском море вполне возможно.

— Какие чудовища! — заметил Папочкин, также следивший в бинокль за движениями животных. — Я думаю, что шея у них имеет не меньше двух метров в длину.

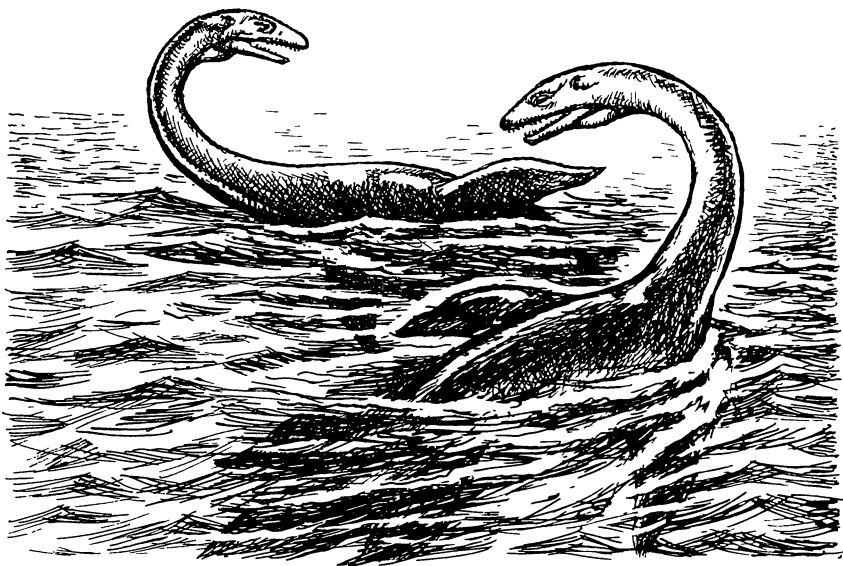
— А к нам в гости они не пожалуют? — спросил Громеко, который помнил еще приключение в лодке с ящером.

— Кто знает! Но я думаю, что на суше они очень неповоротливы, и мы сумеем уйти от них. На всякий случай зарядим ружья разрывными пулями.

Но морские чудовища не обнаруживали желания вылезать на сушу; они начали нырять, преследуя рыбу. Тихо плывя вдоль берега, они высматривали добычу впереди себя, затем быстрым движением шеи и головы схватывали ее, подбрасывали в воздухе и подхватывали уже с головы, чтобы глотать не против шипов и чешуи, а по ним. Движения плезиозавров при этом были очень быстры и грациозны. Но иногда намеченная жертва ускользала, и тогда животное в погоне за ней почти выскаки-

* Аммониты — отряд вымерших головоногих моллюсков с многокамерной, спирально свернутой раковиной. Моллюск занимал только переднюю камеру, подобно современному наутилусу. Особенно много родов и видов аммонитов было в триасовый, юрский и меловой периоды.

** Плезиозавры — морские ящеры юрского и мелового периодов с массивным телом, покрытым голой кожей, длинной лебединой шеей, маленькой головой и двумя парами ластообразных конечностей; достигали трех — пяти метров в длину.

вало из воды, с шумом рассекая волны и вытягивая шею далеко вперед.

Эта рыбная ловля плезиозавров, за которой путешественники следили с большим интересом, кончилась дракой. Оба плезиозавра одновременно схватили одну и ту же рыбу, вероятно достаточно крупную, и каждый старался вырвать ее из пасти другого.

Одному это удалось, и он пустился наутек, второй преследовал его, догнал и обнял своей шеей шею противника, чтобы заставить его выпустить рыбу. Спутавшиеся шеи извивались то в ту, то в другую сторону, темные тела напирали друг на друга, короткие хвосты и ласты-плавники бешено били по воде, разбрызгивая ее фонтанами. Наконец один плезиозавр, рассвирепев, выпустил рыбу, вонзил зубы в шею соперника и повлек его в глубину. Вода долго еще волновалась над тем местом, где скрылись чудовища.

Через час Громеко и Каштанов, собиравшие по берегу выброшенные волнами куски деревьев для ночного костра, увидели темную массу, качавшуюся на волнах. Ее несло вдоль берега, постепенно приближая; наконец она остановилась, вероятно попал на мель.

Возвратившись с дровами к палатке и застав двух товарищей уже спящими, они отвязали одну из лодок и поплыли к темной массе. Оказалось, что это один из плезиозавров, на трупе которого

уже сидели какие-то крупные птицы и клевали его; другие, поменьше, кружились в воздухе над ними, очевидно ожидая своей очереди, чтобы поживиться, и издавая звуки, напоминавшие кваканье огромных лягушек. Движения их при полете напоминали летучих мышей.

Пришлось разогнать стаю несколькими выстрелами, чтобы приблизиться к труп, голова которого с верхней частью шеи держалась только на лоскутах кожи, изорванной зубами соперника. Мертвое животное плыло брюхом вверх, выставив из воды свои огромные ласты-плавники. Брюхо было покрыто голой кожей бурозеленоватого цвета.

Вытащить плезиозавра на берег не было возможности: его туловище имело более двух метров в длину, хвост немного меньше, а шея больше; задние ласты достигали почти полутора метров.

Подстреленные птицы оказались летающими ящерами двух родов: более крупные (птеродактили*) по величине превышали орла, мелкие достигали размеров крупной утки.

Те и другие имели огромную голову с зубастым клювом, голое туловище и летательную перепонку, соединявшую передние и задние конечности, как у летучей мыши. Мелкая порода обладала длинным хвостом.

ПЕРЕЕЗД ЧЕРЕЗ МОРЕ

На следующий день погода оказалась вполне благоприятной для плавания по морю. Небо было почти безоблачно, дул слабый северный ветер, позволявший применить парус, но не разводивший большой волны. Готовясь в путь, тщательно осмотрели лодки и плот и растянули палатку между двумя баграми, служившими вместо мачт. На пирамиде из плавника, сооруженной Макшеевым на берегу, поставили еще жердь с белым флагом, который должен был служить сигналом для обратного пути. Несколько дальше от берега, у самого края зарослей, куда прибой мог достигать только в исключительных случаях, в песке вырыли яму и спрятали в ней собранные коллекции — горные породы, гербарии, черепа, кости и шкуры животных, чтобы не рисковать подмочить их при плавании и не везти лишнюю тяжесть. Над засыпанной ямой устроили вторую пирамиду из плавника, чтобы какие-либо хищники не могли разрыть ее, привлекаемые запахом шкур. В бутылочке подвесили к пирамиде краткое описание пути экспедиции от юрты до берега моря.

* Птеродактили или летающие ящеры, — вымершие пресмыкающиеся юрского и мелового периодов. Имели большие челюсти с коническими зубами, длинную шею, некоторые — длинный хвост. Передние и задние конечности соединялись перепонкой, так что эти ящеры могли летать подобно летучим мышам. Птеродактили были разной величины: от размера мыши до огромных — в метр длины и шесть метров в размахе крыльев.

Покончив с этими работами, путешественники уселись в лодки и пустились в путь, держа курс прямо на юг, к чуть видневшемуся вдаль противоположному берегу. Когда лодки и плот несколько отделились от берега, ветер надул парус, и движение сделалось более быстрым.

Отплыв от северного берега моря, путешественники лучше могли судить о его общем характере. В обе стороны, на восток и на запад от устья реки Макшеева, берег был окаймлен той же высокой зеленой стеной, разорванной в немногих местах устьями подобных же рек. Пирамида с флагом хорошо выделялась на зеленом фоне. Ни гор, ни даже холмов позади полосы зарослей не было видно, и, очевидно, местность, прилегавшая к этому берегу моря, на значительное расстояние представляла низменную равнину, вероятно сплошь лесистую и болотистую.

После двухчасового плавания сделали отдых, предоставив плоту плыть только под парусами.

Море было почти спокойно. Легкий ветерок чуть рябил его поверхность, совершенно пустынную вдаль от берегов. Глубина была велика, так как шнурок с грузом, длиной в сто метров, не достал дна. Других средств измерения у путешественников не было. Отдохнув, они взялись опять за весла и гребли еще час.

Теперь они находились приблизительно на середине моря, потому что оба берега казались одинаково далекими. Вскоре ветер немного посвежел. Поплыли быстрее. Уже хорошо различались высокие утесы черного, лилового и красноватого цвета, поднимавшиеся уступами в глубь страны. Они тянулись вдоль самого берега, а правее уступали место зеленой стене леса; эта стена еще дальше вправо сменялась высокими красноватыми холмами, то доходившими до самой воды, то отделенными от нее узкой полосой зелени.

По мере приближения к берегу море начало оживляться: появились огромные медузы, до метра в диаметре, покачивавшие свои прозрачные студенистые тела на волнах; когда переставали грести, в воде можно было различить стаи мелких и крупных рыб. По временам показывались наутилусы, распутившие свои паруса и красные щупальца поверх белоснежной раковины.

В двух километрах от берега количество обитателей моря сделалось еще больше. Местами водоросли образовывали целые плавающие острова, и весла погружались с трудом в их зеленую мягкую массу; вместе со стеблями этих растений можно было добывать из моря мелкие ракушки, рыбок и насекомых.

Бросили свой импровизированный лот; глубина оказалась двадцать пять метров. Отсюда уже хорошо видна была белая полоса прибора у подножия утесов.

До сих пор плавание шло, как нельзя лучше и походило на увеселительную прогулку. Но путешественникам суждено было испытать и тревожные моменты. Примерно в километре от берега из воды быстро поднялась на расстоянии каких-нибудь тридцати мет-

ров от плота голова плезиозавра и, грациозно покачиваясь на длинной шее, стала подвигаться навстречу. Ящер плыл медленно, разглядывая людей, которых вместе с их лодками и плотом, очевидно, принял за какого-то большого невиданного зверя.

Ружья с разрывными пулями были наготове, и, когда плезиозавр приблизился, грянули два выстрела. Все пули попали в цель; стройная шея содрогнулась, кровь хлынула из полуоткрытой пасти, голова беспомощно повисла на раздробленной шее, и животное начало биться на воде, поднимая такие волны, что мореплавателям пришлось поскорее отплыть подальше, чтобы их не затопило.

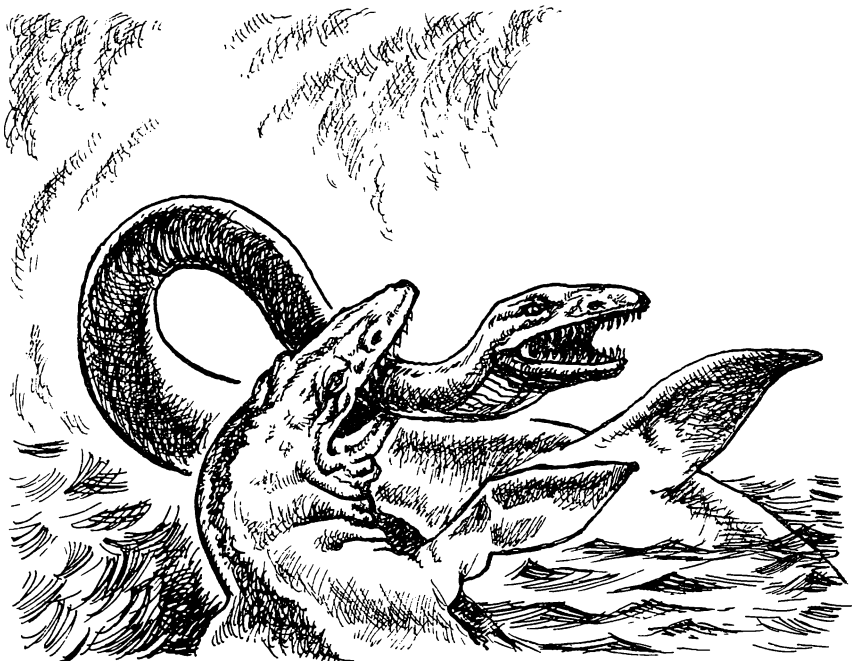
Они усиленно гребли к берегу, когда мимо них, вздымая две гряды волн, словно подводная лодка, промчалась темная масса; из воды выдавалась зелено-бурая спина и длинная огромная голова, напоминавшая голову крокодила. Полуоткрыв пасть, усаженную острыми зубами, чудовище стремилось к умиравшему плезиозавру, рассчитывая на легкую поживу.

— Это, вероятно, ихтиозавр! — воскликнул Каштанов, провожая глазами страшного ящера.

— Ну, эта гадина будет похуже той, — заметил Макшеев: — он свободно может схватить и перекусить пополам человека.

— И его трудно заметить и пристрелить в воде, — сказал Громеко.

Берег был уже недалеко; подплывая к нему, исследователи

имели еще возможность видеть, как молодой ихтиозавр охотился за рыбой, которая спасалась от него, выскакивая из воды, совершенно так же, как выскакивают пескари, голяны, язи, преследуемые прожорливой щукой; пасть ихтиозавра имела большое сходство с пастью щуки.

Отклоняясь от бурунов у подножия обнаженных скал, путешественники гребли к низкому берегу, окаймленному зеленой стеной, где виднелась ровная песчаная площадка, удобная для стоянки. Но море у берега было настолько мелкое, что пришлось вылезть из воды и тащить руками лодки и плот. Переезд через море занял около шести часов, время было близко к полудню, и после обеда и отдыха можно было еще побродить по окрестностям. Плот и лодки вытащили на берег, расставили палатку и стали варить обед. При этом обнаружили, что пресная вода на исходе.

— Мы поступили очень неосторожно, — сказал Папочкин. — Кто знает, есть ли на этом берегу пресная вода? Нужно было взять с собой воды на несколько дней.

— Если мы воды не найдем, придется плыть обратно через море, почти ничего не увидев на этом берегу, — заявил Громеко.

— Я думаю, что ваши опасения напрасны, — успокоил Каштанов. — Если бы этот берег был совершенно лишен растительности, тогда другое дело. Но тогда бы мы, конечно, привезли с собой пресную воду, на эту мысль навел бы нас его пустынный характер.

— Я уверен, что мы по соседству найдем или ручей, или источник, — сказал Макшеев, — потому что эта пышная растительность не может существовать на соленой воде.

После обеда и отдыха зоолог и ботаник отправились в лес за водой, а Каштанов и Макшеев должны были заняться осмотром береговых утесов к востоку от стоянки.

Все вооружились ружьями, заряженными разрывными пулями, на случай встречи с сухопутными ящерами или какими-нибудь другими хищниками. Генерала привязали у палатки, а в стороне разложили большой костер, который должен был пугать незваных гостей.

МИЛЛИОНЫ И МИЛЛИАРДЫ МАКШЕЕВА

Ближайшие утесы почти черного цвета с красными и желтыми пятнами и подтеками на поверхности оказались состоящими из железной руды — сплошного магнитного железняка. Каждый удар молотка по скале обнаруживал эту руду, и только местами можно было заметить гнезда и вкрапления какой-то другой темной породы.

— Какие богатства лежат здесь бесполезно! — воскликнул

Макшеев, когда они осмотрели ряд береговых утесов и везде оказалась руда, с поверхности только немного выветрившаяся и окислившаяся.

— Да, здесь можно было бы устроить рудник, который снабжал бы рудой все человечество на земной поверхности, — заметил Каштанов. — Конечно, раньше пришлось бы построить железную дорогу через Плутонию и Землю Нансена и поставить гигантские ледоколы в море Бофора.

— Это — дело будущего, вероятно не слишком далекого! Когда сократятся запасы железной руды там наверху, и не такие предприятия окажутся выгодными и необходимыми для человечества.

На расстоянии километра от начала утесов дальнейший осмотр берега был остановлен морем, волны которого разбивались у самого подножия отвесных скал, не оставляя даже узкой тропинки для прохода.

— Придется осматривать дальше с лодки в тихую погоду, — заметил Макшеев.

— А пока не попробуем ли мы пробраться вверх по одному из ущелий, мимо которых прошли? — предложил Каштанов.

Вернувшись немного назад, оба исследователя углубились в первое же ущелье, врезанное в утесы железняка. Устье его было завалено громадными глыбами руды, через которые приходилось перелезть с большим трудом.

Во время этого гимнастического упражнения Макшеев вдруг остановился пораженный.

— Посмотрите-ка, что это? — воскликнул он, указывая на блестящую ярко-желтую жилку толщиной в пять — десять сантиметров, пересекавшую огромную глыбу магнитного железняка. — Держу пари на что угодно, что это чистое золото!

— Вы совершенно правы, — ответил Каштанов, — это самородное золото и довольно высокой пробы!

— Ну и богатства здесь валяются! — воскликнул бывший золотоискатель. — Много месторождений золота пришлось мне видеть в Калифорнии и на Аляске, но такой жилы сплошного золота я еще не встречал и даже не слыхивал о чем-либо подобном.

— Мне также не приходилось читать в описаниях о подобных жилах, — подтвердил Каштанов. — Но ведь она проходит только в глыбе, а не в скале, и богатство ее в конце концов ограничивается несколькими десятками килограммов.

— Если есть жила в глыбе, почему не может найтись ее продолжение в утесе, от которого глыба оторвалась?

— Разумеется! Мы, конечно, поищем, но возможно, что она выходит наружу в совершенно неприступном утесе, и мы будем смотреть на нее, как лисица на виноград: «Хоть видит око, да зуб неймет!»

— Нет утесов, не доступных для динамита и горных работ! — с увлечением вскричал Макшеев. — Лишь бы найти ее!

— Я думаю, что интерес этой находки будет для нас чисто теоретический. Мы не можем увезти с собой на наших ладьях не только тонну, но даже и сотню килограммов золота.

— Ну так что же! Увезем сколько можно, а затем снарядим специальную экспедицию в недра земли за золотом.

Осмотрев утесы, возвышавшиеся в устье ущелья над грудой глыб, и убедившись, что в них золота не видно, геологи пошли вверх по ущелью, которое далее немного расширилось. Его бока поднимались отвесно, дно было усыпано щебнем и мелкими обломками. В боках виден был только магнитный железняк, но среди щебня Каштанов заметил и другие породы.

— Вот вам еще золото! — сказал Макшеев, пройдя вверх по ущелью шагов пятьдесят. Он поднял обломок руды, в который золото было вкраплено мелкими точками.

Шагах в двухстах от устья дно ущелья начало подниматься вверх, а затем превратилось в ряд уступов. Преодолев первые из них, геологи остановились перед совершенно отвесной скалой вышиной в четыре метра, преградившей им путь, так как на гладкую стену железняка вскарабкаться не было никакой возможности.

Макшеев с огорченным видом стукнул молотком по отвесной стене и воскликнул:

— Дальше ходу нет, и наши надежды на золотую жилу рухнули!

— Да, придется искать другое ущелье.

— Ну, что это?.. — рассердился Макшеев. — Вместо того чтобы дать нам золото, утес хочет отнять у меня единственный молоток!

Этот возглас объяснялся тем, что молоток словно прилип к стене, и золотоискатель напрасно старался оторвать его.

В это время Каштанов, который рассматривал породу возле уступа, повернулся к ней спиной, на которой висело ружье, и почувствовал, что какая-то могучая сила притянула его к себе. Ружье брякнулось о стену, и геолог оказался не в силах от нее оторваться.

— И сильна же магнитность этой руды! — воскликнул он, сообразив, в чем дело. — Это магнитный железняк притянул к себе и ваш молоток и мое ружье!

— Но как же мы освободим их? Не оставлять же такие необходимые вещи тут на вечную память о нашей неудачной экскурсии!

Каштанов вылез из ремня, а ружье осталось плотно приставшим к стене. В это время Макшеев, взявшись обеими руками за молоток, дернул его изо всех сил и оторвал от стены. Затем оба взялись за ружье и соединенными силами отделили и его от утеса.

— Делать нечего, идем назад! — предложил Каштанов. — С железными предметами в руках мы только измучимся.

— Пойдите, я придумал средство взобраться выше. Ружья мы оставим здесь: в этом голом ущелье никакого зверя быть не может.

— Ну и потом?

— А вот, смотрите!..

Макшеев набрал среди щебня на дне ущелья угловатые, достаточно крупные куски руды и начал их приставлять ровной стороной к отвесной стене уступа; они тотчас же прилипали и держались крепко. Прилипшие куски образовали лестницу, по которой с некоторым риском можно было залезть наверх.

— Удивляюсь вашей находчивости, — сказал Каштанов. — Вы настоящий золотоискатель, который выходит с честью из любого затруднительного положения!

— Благодарю за комплимент! На эту идею меня навел мой молоток. Когда он торчал у стены рукояткой ко мне, а я давил на него рукой и не мог сдвинуть с места, у меня и явилась мысль — вот тебе ступенька лестницы; остальное понятно.

Оставив ружья, патронташи и сумку с собранными образцами руды на дне ущелья, геологи полезли наверх. Впереди лез Макшеев и продолжал лестницу из кусков, которые подавал ему снизу товарищ. Через пять минут оба были наверху.

Ущелье сохраняло тот же характер: отвесные стены справа и слева, ряд уступов на дне и везде сплошная, более или менее магнитная руда. Вскарабкавшись еще шагов на двести, геологи увидели на дне ущелья глыбу величиной с бычачью голову, ярко-желтого цвета, — это было сплошное золото.

— Ну-ка, золотоискатель, унесите-ка этот кусочек к нам в лагерь! — засмеялся Каштанов.

— Да, почтенная штучка, — ответил Макшеев, толкая ногой глыбу, которая и не шевельнулась. — Я думаю, эта штучка весит килограммов восемьдесят и стоит около ста тысяч рублей! Очевидно, золотая жила близко.

Подняв головы вверх, оба начали внимательно осматривать отвесные бока ущелья и вскоре справа, на высоте около четырех метров, увидели среди темного магнитного железняка желтую жилу золота, шедшую наискось; она то раздвигалась до полуметра, то сжималась, давая отпрыски вверх и вниз.

— Миллионы, миллионы перед нами! — вздохнул Макшеев, окинув взором видимую длину жилы. — Здесь десятки тонн золота прямо на виду!

— Вы слишком увлекаетесь золотом, — заметил Каштанов. — Пусть эта жила стоит десятки миллионов, но ведь это только жила! А ее окружает целая гора ценной железной руды, миллиарды тонн, которые стоят миллиарды рублей!

— Но весьма вероятно, что и жила не одна; возможно, что целые участки горы состоят из золота, и тогда его запасы будут стоить тоже миллиарды рублей.

— Если бы мы стали добывать такие массы золота, его рыноч-

ная цена быстро бы упала. Оно потому так дорого, что его в природе мало. А значение золота в жизни человечества гораздо меньше, чем значение железа, без которого современная техника не может обходиться. Уничтожьте золотую монету и бесполезные золотые украшения, и спрос на золото окажется очень небольшим.

— Вы увлекаетесь ролью железа, — возразил Макшеев. — Если бы золота было много, оно заменило бы многие металлы, особенно в сплавах с медью, цинком, оловом. Техника предъявляет большой спрос на прочные, неокисляющиеся металлы и сплавы. Из дешевого золота делали бы бронзу, проволоку и многое, на что теперь поневоле берут медь и ее сплавы.

— Все-таки здесь бесспорно громадные запасы железа и проблематические, сравнительно небольшие запасы золота.

— Ну хорошо, вы берите себе запасы железа, а мне предоставьте золото, когда мы вернемся сюда, чтобы разрабатывать их! — засмеялся Макшеев.

— Могу предоставить вам и железную руду, пусть эти миллионы или миллиарды будут вашей добычей! — ответил такой же шуткой Каштанов.

Вернувшись к берегу моря, исследователи осмотрели еще несколько подобных же ущелий. Везде стены состояли из железной руды, местами с прожилками и гнездами золота. Но толстой жилы, подобной найденной в первом ущелье, больше не встречали, так что Макшеев вынужден был признать, что богатства, представленные железной рудой, несравненно больше, чем те, которые давало золото. Тяжело нагруженные образцами миллионной и миллиардной руды, геологи пришли наконец к палатке, где поразили своим рассказом товарищей, вернувшихся немного раньше.

ЛЕС ХВОЩЕЙ

Песчано-галечный пляж моря был ограничен со стороны суши густой растительностью; друг возле друга стояли огромные хвощи, достигавшие восьми — десяти метров в высоту. Зеленые ветви их начинались на небольшой высоте над землей, так что под ними можно было пробираться только ползком или сильно согнувшись. Между хвощами росли древовидные папоротники разных видов. В общем получалась чаща, почти непроходимая для человека.

Папочкин и Громеко начали искать тропу или естественный разрыв в чаще и наконец нашли узкое сухое русло, пролежавшее по границе между утесом и лесом. Недалеко от моря русло раздвоилось: левая ветвь продолжала идти между утесами и лесом, правая уходила в глубь чащи. Растительность здесь немного изменилась: кроме хвощей и папоротников, попадались саговые и дру-

гие пальмы, которые поднимались на несколько метров выше хвощей. Почва в лесу была покрыта мелкой травой, жесткой, как щетина. Вдоль русла, на краю лесной чащи, теснились и другие растения. Громеко то и дело произносил названия и приходил все больше и больше в азарт.

— Знаете ли, — воскликнул он наконец, — в каком геологическом периоде мы сейчас находимся?

— Уж не в каменноугольном ли? — буркнул зоолог, который не имел пока еще никакой научной добычи в лесу и только переколлот себе руки о колючую траву.

— Эка куда хватили! Разве ихтио- и плезиозавры водились в каменноугольное время? Благодаря общению с геологами мы уже просветились на этот счет. Нет, батенька, мы сейчас в юрском периоде. Смотрите, вот типичный для него папоротник, вот стройное деревце гингко, а эта жесткая трава найдена впервые в юрских отложениях Иркутской губернии на берегу реки Ангары и названа именем геолога Чекановского, открывшего ее.

— Ну и прелесть, стоило ей давать его имя! Она хуже нашей крапивы, и ею может питаться разве какой-нибудь ящер с луже-ной глоткой...

— Легко на помине! — прервал Громеко своего сердитого спутника. — Взгляните-ка на этот маленький следок — это уже скорее по вашей части.

Он остановился среди русла, указывая пальцем на почву. На мелком песке виднелись глубоко вдавленные следы огромных лап с тремя пальцами, оканчивавшимися тупыми когтями; каждый след имел более тридцати сантиметров в длину.

— Ну и чудовище же здесь прошло! — с легкой дрожью в голосе воскликнул зоолог. — Это, конечно, ящер! Но интересно бы знать — травоядный или хищник? В последнем случае встреча с ним будет не особенно приятна.

Папочкин внимательно рассматривал следы, видневшиеся на песке и исчезавшие там, где песок сменялся галькой.

— Странно, что все следы имеют одинаковые размеры, — сказал Громеко. — Передние лапы всегда бывают меньше задних, насколько я знаю. А что это за полоса в промежутке между следами правых и левых ног? Можно подумать, что животное тащило за собой огромное бревно.

Папочкин рассмеялся:

— Это след, оставленный хвостом ящера. И сопоставляя его размеры с одинаковой величиной отпечатков ступней, я полагаю, что животное гуляло только на задних ногах, опираясь на хвост.

— Разве подобные двуногие ящеры известны?

— Известны, и именно из юрского периода. Например, игуанодон, походивший на огромного кенгуру и имевший огромные задние и маленькие передние ноги.

— А чем же он питался?

— Растениями, судя по форме его зубов. Если эти следы действительно принадлежат игуанодону, нам бояться нечего, хотя это чудовище достигало в юрское время от пяти до десяти метров в длину.

— Ну и прекрасно! — вздохнул ботаник. — Я все еще помню того отвратительного ящера, который собирался поужинать мною или Макшеевым на реке.

От разветвления русла путешественники решили идти по правой ветви, тянувшейся к подножию утеса, где скорее можно было встретить источник воды, составлявший главную цель экскурсии. Действительно, вверх по этой ветви почва становилась все более и более влажной, а мелкая растительность вдоль нее все более пышной и разнообразной.

Вскоре впереди между стеблями растений в русле заблестела вода.

— Мы спасены! — воскликнул Папочкин. — Источник недалеко от нашей стоянки.

— А может быть, вода соленая? — поддразнил его Громеко.

— Попробуйте! По виду она пресная.

— Как же вы различаете по виду пресную и соленую воду? Я что-то не умею.

— Вы — ботаник, а не знаете, какие растения бывают вокруг соленой воды!

— Во-первых, здесь юрский период, а какие растения произрастали вокруг юрской соленой воды, мы еще не знаем. Во-вторых, вы сказали, что различаете воду по ее виду, а не по виду окружающих растений.

— Я не так выразился, нужно было сказать: по виду русла. Если бы в источнике была соленая вода, все русло было бы покрыто отложениями разных солей.

Обмениваясь этими замечаниями, Папочкин и Громеко быстро шли вверх по руслу, которое вскоре врезалось узкой щелью в высокие утесы и содержало здесь маленький ручеек пресной воды, постепенно исчезающий в песке. На последнем в изобилии виднелись большие и малые следы ящеров, приходивших на водопой.

— Сколько их тут ходит! — воскликнул Громеко. — Того и гляди наткнемся на такое двуногое чудовище.

Утолив жажду, охотники осторожно, приготовив на всякий случай ружья, пошли дальше по ущелью вдоль ручейка. Оно быстро расширялось и превратилось в котловину, окаймленную почти отвесными темно-красными скалами, красиво оттенявшими зелень кустов и деревьев, росших вдоль их подножия. Среди зеленой лужайки на дне котловины блестело маленькое озеро, на дне которого — очевидно, из почвы — выходили ключи. К озеру через лужайку шла широкая, хорошо протоптанная тропа. Дно еле виднелось через прозрачную воду.

Набрав воды в принесенные с собой жестяные сосуды, охотни-

ки решили спрятаться в кустах котловины, чтобы выждать, не явится ли какое-нибудь животное на водопой. Но минуты проходили за минутами, а никто не появлялся. Только в воздухе над котловиной реяло несколько стрекоз, еще более крупных, чем те, которые оживляли реку Макшеева. Папочкин следил за ними и вдруг схватился за ружье.

— Что вы, уж не в стрекоз ли хотите стрелять разрывной пулей? — рассмеялся Громеко.

— Тише, смотрите туда, на скалу! — прошептал зоолог, указывая на утесы, возвышавшиеся над входом в котловину.

На небольшой площадке стоял на задних лапах, подпираясь длинным и толстым хвостом, небольшой ящер, очень похожий на кенгуру; но только он был темно-зеленого цвета с бурыми пятнами, а голова его напоминала голову тапира с нависшей хоботообразной верхней губой.

— Вероятно, игуанодон! — прошептал Папочкин.

— Жаль, что не кенгуру, — заметил ботаник. — Кенгуру мы бы скушали на ужин, а ящера есть, пожалуй, не решимся.

— Милый мой, не забывайте, что мы в юрском периоде и птиц или млекопитающих не найдем для продовольствия. Если мы не хотим умереть от голода, нам придется перейти на мясо ящера. Несмотря на ваши ботанические восторги, вы пока еще не нашли съедобных корней, плодов или трав. Не жевать же нам хвощи или эту поганую чекановскую траву!

— А рыба? Ведь в море рыба водится.

— Почему вы не боитесь есть рыбу, а боитесь питаться мясом травоядного ящера? Это все предрассудки, которые приходится забыть в этом подземном царстве.

Грянул выстрел. Животное сделало прыжок и тяжело грохнулось на лужайку. Когда оно перестало биться, охотники вылезли из своей засады и подошли к нему.

Молодой ящер был ростом выше человека; его неуклюжее тело покоилось на толстых и длинных задних ногах и толстом, в конце сразу утончавшемся хвосте; передние ноги были коротки и тонки и имели по пяти пальцев с небольшими острыми когтями, тогда как на задних было по три пальца с большими, но тупыми когтями. По всему складу тела было очевидно, что животное предпочитало вертикальное положение горизонтальному, так как при последнем его задняя половина поднималась значительно выше передней. Голова была большая, довольно противного вида, с обвисшими мясистыми губами и маленькими глазками. Тело было совершенно голое, как у лягушки, а кожа на ощупь такая же скользкая и холодная.

— На вид он не очень аппетитен! — воскликнул Громеко, тыкая сапогом в толстую ляжку ящера. — Нечто вроде огромной лягушки!

— Если французы с удовольствием едят фрикасе из лягушек, то почему бы русским путешественникам не покушать бифштекс

из игуанодона? Но займемся сначала его описанием, а потом четвертованием.

Обмерив, описав и сфотографировав ящера, охотники отрезали у него мясистые задние ноги, весившие каждая почти шестнадцать килограммов, и пошли назад к стану, тяжело нагруженные провизией и водой.

Мясо ящера, поджаренное ломтиками на сковороде, оказалось настолько вкусным и нежным, что даже Громеко, питавший отвращение ко всяким пресмыкающимся и земноводным, посл его с аппетитом.

За ужином обсуждали план дальнейшего путешествия. Способ передвижения на лодке, оказывавший до последнего времени такие услуги, теперь, по-видимому, был неприменим, если только с юга в море не впадала река, вверх по которой можно было бы плыть. В первую очередь и нужно было искать устье такой реки.

Во время поисков можно было обследовать и местность по этому берегу и в зависимости от ее характера решить вопрос о дальнейшем маршруте на случай, если бы никакой реки не оказалось. Тогда пришлось бы идти дальше пешком, что, конечно, сильно ограничивало путешествие.

ХИЩНЫЕ И ТРАВояДНЫЕ ЯЩЕРЫ

На следующий день довольно сильный ветер развел на море порядочную волну, и брызги прибоя долетали даже до палатки. В такую погоду плавание на утлом судне было невозможно, и путешественники решили вчетвером сделать экскурсию в глубь неизвестной страны, пользуясь руслом, пересекавшим лес.

Так как нельзя было предполагать, что морские ящеры нападут на пустую палатку, возле нее оставили только Генерала, но не на привязи, чтобы в случае опасности он мог спрятаться в чаще.

Выше того места, где русло разделялось на две части, вдоль левой ветви, по которой направились охотники, с обеих сторон продолжалась стена хвощей и папоротников. Только кое-где по чаще извивались узкие тропы, протоптанные небольшими животными. В воздухе над вершинами деревьев реяли огромные стрекозы и другие насекомые таких же громадных размеров; изредка проносились небольшие птеродактили, преследовавшие этих насекомых. Но лесная чаща казалась совершенно мертвой, необитаемой: не слышно было ни пения птиц, ни шорохов, которыми так изобиловали леса по берегам реки Макшеева. Только один раз шедший впереди Громеко заметил на узкой тропе какое-то темное животное величиной с небольшую собаку, но оно скрылось так быстро, что он даже не успел прицелиться. Пришлось довольствоваться охотой за насекомыми, и Папочкин добыл мотылька в тридцать пять сантиметров шириной, усевшегося на цветок пальмы, и несколько жуков величиной с большой кулак, которые предельно кусались и царапались.

Наконец лес кончился, и охотники вышли на обширную поляну, поросшую той же жесткой травкой, а местами, где почва была влажная, — плаунами, мхами и небольшими кустами стелющихся папоротников. На юге поляна доходила до крутого и голого склона темно-красных гор, поднимавшихся метров на двести и рассеченных глубоким ущельем; оттуда, вероятно, вытекала вода, заболачивавшая поляну и во время дождей сбегавшая по руслу в море. Поляна имела больше километра в длину и от ста до двухсот метров в ширину.

Геологов манило к себе ущелье в горах, и все направились к нему. Но, отойдя немного, заметили, что на северной окраине поляны, за выступами леса пасется небольшое стадо ящеров.

Одни, стоя на задних лапах, обрывали своими толстыми губами листья пальм и молодые, более нежные побеги хвощей и папоротников. Другие же, исключительно молодые, кормились травой, смешно подняв свой толстый зад выше головы и размахивая хвостом. Иногда они начинали резвиться и гоняться друг за другом то на четырех, то на двух ногах, делая неуклюжие прыжки.

Нельзя было упустить такой интересный случай — сфотографировать пасущихся и играющих игуаноносов. Путешественники

быстро вернулись к опушке леса и стали подкрадываться вдоль нее к стаду. Им удалось приблизиться и сделать первый снимок, когда игуанодоны внезапно встревожились: взрослые перестали есть, насторожились и затем испустили резкий свист. Услышав его, молодые поднялись на задние ноги и, неуклюже переваливаясь, подбежали к родителям, которые окружили их кольцом, обратившись спиной наружу.

Второй и третий снимки увековечили эту тревогу игуанодонов, которая оказалась не напрасной. С противоположного конца поляны вдоль опушки леса огромными прыжками в несколько метров длиной приближалось чудовище, которое охотники приняли сначала за игуанодона.

Оно было такого же роста и также пользовалось для передвижения только задними ногами; но когда оно приблизилось, можно было заметить, что оно отличалось от травоядных ящеров более стройным телом и несравненно более быстрыми движениями. Подскакав к кругу игуанодонов, чудовище остановилось и издало громкое шипение, на которое его противники ответили протяжным, жалобным свистом. Затем оно начало кружиться короткими скачками вокруг ящеров, но со всех сторон встречало поднятые зады и тяжелые размахивающие хвосты последних. Удар хвостов или массивных задних ног, вероятно, имел ужасную силу.

Убедившись в невозможности проникнуть в круг и похитить одного из детенышей, хищник внезапно сделал огромный прыжок

через головы защитников и обрушился на столпившихся в центре, прижавшихся друг к другу молодых игуанодонов. Трусливые травоядные бросились враспынную, спасаясь от врага, который успел схватить одного из молодых и сразу перекусил ему горло.

Разные моменты нападения также были сфотографированы, после чего раздались два выстрела и хищник растянулся рядом со своей жертвой. Когда он перестал двигаться, охотники приблизились и могли рассмотреть этого нового представителя крупных пресмыкающихся. Он действительно походил на игуанодонов своими длинными задними ногами и толстым хвостом, служившим опорой телу.

Передние ноги были очень короткие и оканчивались четырьмя пальцами с острыми когтями. На короткой шее сидела небольшая голова с огромной пастью, усаженной острыми зубами, и на переносице возвышался короткий и плоский рог, служивший скорее украшением, чем орудием нападения.

Два меньших рога поднимались над глазами, а от затылка вдоль спины и хвоста тянулся ряд мелких, но острых шипов. Голая морщинистая кожа была серо-зеленого цвета. Животное достигало пяти метров в длину и обладало, несомненно, огромной силой, а о его ловкости и смелости можно было судить по нападению на стадо игуанодонов.

Рассмотрев убитого ящера, Каштанов нашел, что это должен быть цератозавр из того же отряда динозавров, к которому принадлежат и игуанодоны и другие сухопутные ящеры мезозойской эры.

— Надеюсь, что этого отвратительного хищника мы есть не будем! — сказал Громеко, когда было окончено измерение и описание животного.

— Отчего же? Если бы не было другого мяса, пришлось бы удовольствоваться и этим, — ответил Макшеев. — Но мы можем воспользоваться игуанодоном, которого хищник успел загрызть.

— Только нужно его хорошо припрятать. Иначе птеродактили не оставят нам ни кусочка. Смотрите, они уже почуяли поживу!

Действительно, над поляной уже кружили летучие ящеры, издавая свое хриплое кваканье. Поэтому охотники отрубили задние ноги молодого игуанодона и спрятали их в чаще, подвесив к ветвям, а затем направились к ущелью через поляну, опустевшую после битвы и выстрелов.

УЩЕЛЬЕ ПТЕРОДАКТИЛЕЙ

Устье ущелья было широкое, и по его дну извивался ручеек, окаймленный группами папоротников. На крутые склоны растительность не поднималась; они были голые, скалистые, красноватого, черного или желтого цвета. Каштанов и Макшеев поспешили

к скалам. Громеко занялся поисками новых растений вдоль берегов ручейка, а Палочкин — охотой за громадными бабочками.

Первый утес, к которому подошли геологи, был темно-красного цвета. Каштанов ожидал опять встретить в нем железную руду, но, отбив кусок и рассмотрев его под лупой, он покачал головой и промолвил:

— Это что-то новенькое!

Несколько кусочков, отбитых в других местах, имели такой же характер, но твердые и гладкие скалы не давали возможности отбить более крупный образец. Тогда оба геолога соединенными силами начали разбивать глыбу той же породы, лежавшую у подножия. Наконец она дала трещину и развалилась на две части; в ее ядре блеснули жилки и гнезда белого металла.

Каштанов наклонился и воскликнул с удивлением:

— Самородное серебро, очевидно, в сплошной красной серебряной руде!

— Опять миллионные богатства! — усмехнулся Макшеев.

После находки сплошной золотой жилы, значение которой так раскритиковал его ученый товарищ, Макшеев относился немного презрительно к дарам минерального царства этой волшебной страны.

Подвигаясь далее вдоль подножия утеса, геологи скоро достигли места, где темно-красный цвет сменялся черным с желтыми и красными пятнами и жилками. Здесь опять оказался сплошной магнитный железняк. Немного далее, более разрушенные, изрытые ложбинками утесы были ярко-желтого и зеленовато-желтого цвета. В них Каштанов признал свинцовые охры и окисленные свинцовые руды, в которых на глубине мог быть скрыт массивный свинцовый блеск.

Еще дальше вверх по ущелью на склоне возвышался большой утес, привлекавший к себе внимание своим темно-зеленым цветом; издали казалось, что он покрыт мхом или лишаями. От этого утеса молоток отскакивал со звоном, и только с большим трудом удалось отбить небольшие кусочки, которые еще более увеличили удивление Каштанова.

— Самородная медь сплошной массой, с поверхности окислившаяся! — сказал он.

— Ну и богатства в здешней стороне! — воскликнул Макшеев. — Какой руды хочешь — той и просишь. Хоть ставь тут универсальный металлургический завод!

— Да, когда на наружной поверхности нашей планеты руды не будет хватать для растущих потребностей человечества, ему волей-неволей придется спуститься сюда за нужными металлами. Тогда и льды, и туманы, и вьюги будут человеку ничем.

— Или же люди просверлят туннель-шахту через земную кору, чтобы добраться кратчайшим путем к этим огромным запасам! — пошутил Макшеев.

В это время над геологами, увлекшимися осмотром ископаемых

богатств, быстро пронеслась большая тень, и одновременно послышался возглас Громеко:

— Берегитесь летучего ящера!

Оба схватились за ружья и подняли головы. На высоте метров двадцати над ними реяло огромное животное темного цвета; по его полету нетрудно было узнать летучего ящера из породы птеродактилей; он был значительно крупнее тех, которых видели на берегу моря, и имел около шести метров в размахе крыльев. Опустив вниз голову с огромным клювом, ящер высматривал себе добычу и глядел с удивлением на невиданных двуногих тварей.

Но охотникам некогда было ждать разрешения его сомнений, так как ящер, обрушившийся с такой высоты на свою жертву, мог убить или сильно поранить ее когтями или зубами. Макшеев быстро прицелился и выстрелил. Птеродактиль метнулся в сторону, усиленно замахал крыльями, отлетел и уселся на выступе скалы, где начал мотать головой, раскрывая и закрывая зубастую пасть.

— Должно быть, ему немного попало! — заметил Макшеев, не решаясь стрелять еще раз, потому что животное сидело слишком далеко.

В это время на лужайке, где оставались зоолог и ботаник, раздался громкий крик и вслед за ним выстрел.

Из-за ряда хвошей и папоротников, отделявших русло ручья от подножия скал, вылетел второй птеродактиль, уносивший в своих лапах какой-то большой темный предмет. Предположив впопыхах, что ящер унес одного из товарищей, Каштанов выстрелил в свою очередь. Разбойник взмахнул крыльями, выронил ношу и сам полетел кувырком за стену деревьев.

Геологи бросились в эту сторону, чтобы подать помощь товарищу, свалившемуся с высоты нескольких метров. Но, пробившись через чащу, они столкнулись с бежавшими им навстречу Громеко и Папочкиным.

— Вы оба живы и целы? Кто же из вас только что выпал из когтей ящера?

Товарищи дружно рассмеялись.

— Ящер унес только мой плащ, в который я завернул собранные растения и положил на лужайке. Он, очевидно, принял его за какую-то падаль, — объяснил ботаник.

— А я стрелял ему вслед, но, вероятно, промазал! — добавил зоолог.

Успокоившись насчет судьбы товарищей, геологи пошли вместе с ними туда, где еще трепыхался подстреленный ящер. При приближении людей он вскочил на ноги и бросился им навстречу, взмахивая одним крылом и волоча другое, очевидно сломанное.

Он бежал, переваливаясь, как утка, вытянув вперед огромную голову, раскрыв пасть и издавая злобное кваканье. Мясистый нарост на его переносице налился кровью и стал темно-красным.

Ящер достигал человеческого роста и, несмотря на рану, мог оказаться опасным противником, так что пришлось прикончить его вторым выстрелом.

Пока Каштанов и Папочкин изучали птеродактиля, Макшеев и Громеко отправились искать похищенный плащ. Они осмотрели лужайку до подножия скал, лазили по чаще, но ничего не нашли.

— Вот так история, куда же он девался? — ворчал ботаник, отирая пот, катившийся градом с лица. — Не мог же он проглотить мой плащ!

— Я прекрасно видел, что ящер выронил его после выстрела, — подтвердил Макшеев.

В это время второй птеродактиль, до сих пор сидевший на выступе скалы, взлетел на воздух, спланировал к вершинам хвощей и подцепил на одном из них какой-то темный предмет, с которым полетел дальше.

— Черт возьми, — воскликнул ботаник, — это опять мой плащ! Мы искали его на земле, а он остался на деревьях.

Макшеев уже целился в пролетавшего мимо ящера, но внезапно плащ развернулся — сноп растений посыпался вниз, а испуганное животное выпустило из когтей свою добычу. Охотник опустил ружье.

— Эти птеродактили, очевидно, не отличаются особенной сообразительностью, если таскают несъедобные вещи, — сказал Громеко, направляясь к упавшему плащу.

— А может быть, они умнее, чем вы думаете. Не хотели ли они похитить ваш плащ и ваше сено, чтобы устроить своим детенышам более комфортабельное гнездо? — пошутил Макшеев.

— Сено? Как вы непочтительно выражаетесь о моих ботанических сборах! А чтобы доказать ум ящеров, не скажете ли вы, что он унес мой плащ, чтобы одеть своих голых детенышей?

— Нет, этого я не скажу! — рассмеялся Макшеев. — Разве что летучие ящеры играли роль царей юрского периода и стояли на очень высокой ступени развития... Но зачем вы набрали столько одинаковых растений? — прибавил он, увидев, что ботаник подбирает разбросанные по лужайке стебли, выпавшие из плаща и похожие на камыши.

— А вот догадайтесь, что это такое, — ответил Громеко, подавая своему спутнику один из стеблей.

— Какой-то камыш, по-моему, толстый и довольно колючий. Им могут питаться разве какие-нибудь игуанодоны.

— Вы угадали, игуанодоны едят его с удовольствием, но и мы не откажемся от этого камыша.

— Неужели? Он годится разве для супа?

— Нет, не для супа, а для чая. Разломайте-ка стебель.

Макшеев переломил стебель, из которого вытекла какая-то прозрачная жидкость.

— Попробуйте сок этого презренного камыша.

Сок оказался липким и сладким.

— Неужели это сахарный тростник?

— Если не сахарный тростник, растущий в настоящее время на поверхности нашей планеты, то во всяком случае сахароносное растение.

— Как же вы догадались, что оно сладкое?

— Во рту молодого игуанодона, которого задавил хищник на поляне, я видел стебель какого-то растения; на ощупь оно показалось мне липким. Я стал искать, где оно растет, нашел его в изобилии вдоль ручья и, конечно, попробовал сок. Наши запасы сахара на исходе. Можно заменять сахар соком этого тростника и даже вываривать из него сахар. Видите, мое сено в иных случаях приносит прямую пользу.

Вернувшись к убитому птеродактилю, Громеко показал и остальным товарищам свою находку, из-за которой произошло заключение с плащом. Все одобрили его план и решили на обратном пути нарвать побольше тростника, чтобы попробовать устроить выварку сахара.

Охотники направились дальше по ущелью, на дне которого протекал ручеек, окаймленный узкой полосой мелких хвощей и жесткой травы.

Скоро теснина превратилась в настоящую щель, все дно которой было покрыто водой. Стало темно, мрачно и сыро. Охотники шли гуськом: впереди Макшеев с ружьем в руках, позади Каштанов, пробовавший молотком утесы.

Но вот впереди стало светлее, показалась зелень. Щель быстро расширилась и превратилась в довольно большую котловину, окруженную скалами, внизу отвесными, а выше отступавшими уступами во все стороны, образуя амфитеатр. Дно котловины было покрыто сочной и зеленой травой, в центре находилось озеро, из которого и вытекал ручеек.

— Фу, как здесь воняет! — воскликнул Громеко, как только охотники подошли к озеру.

— Действительно, пахнет очень скверно, словно падалью! — подтвердил Макшеев.

— Уж не минеральное ли это озеро — например, с серными источниками? — предположил Папочкин, наклоняясь к воде.

Охотники начали оглядываться по сторонам и обратили внимание на странное шипение, чередовавшееся с визгом, напоминавшим визг пробки, водимой по стеклу. Эти звуки раздавались сверху, со стен котловины, но никого не было видно.

В это время над лужайкой мелькнула большая темная масса и опустилась на один из уступов, откуда навстречу ей визг и шипение раздалось особенно громко.

— Птеродактиль! — воскликнул Макшеев.

— Очевидно, здесь гнезда летучих ящеров, — догадался зоолог.

— Ну вот вам и источник вони! Эти животные, вероятно, очень неопытны.

Ящер, спустившийся на уступ, вскоре поднялся и, заметив в котловине людей, начал кружиться над ней, издавая отрывистое кваканье. На утесах визг и шипение сразу прекратились.

— Ишь, замолчали детеныши!

— Интересно было бы раздобыть яйца и молодых птенцов из гнезд, — сказал зоолог.

— Попробуйте-ка залезть на эти кручи, вступить в бой с родителями. Они вам покажут, где раки зимуют!

— Э, да их тут много! — воскликнул Каштанов, указывая на другого птеродактиля, высунувшегося из-за выступов, тогда как еще два уже реяли в воздухе.

— Что же, начнем пальбу? — предложил Макшеев, которому хотелось заглядеть свой промах.

— Зачем? Одного мы уже добыли и рассмотрели, а заряды нужно беречь, — предупредил Каштанов.

— И дадим лучше отбой. Налево кругом! Пока все гнездилища не встревожились, — сказал ботаник: пребывание в зловонной котловине было ему не по вкусу.

Над лужайкой летали и квакали уже несколько ящеров, и охотники сочли более благоразумным последовать совету Громеко. Проходя к выходу в щель, они заметили у подножия стены целые кучи костей разной величины, перемешанных с пометом птеродактилей.

— Мы попали в помойную яму гнездилища ящеров! — пошутил Макшеев.

— Они устроились тут в безопасном месте, — это настоящая крепость.

— Вероятно, на их яйца и детенышей покушаются другие ящеры, — пояснил зоолог. — Обратите внимание, что хотя это пресмыкающиеся, но повадки у них уже птичьи.

— Совершенно верно. Наличие крыльев позволило им изменить образ жизни своих далеких предков.

— Все-таки жаль, что мы не могли узнать, как устроены их гнезда и какой вид имеют яйца и детеныши, особенно насиженные яйца.

— Я думаю, что они не высидивают яйца, как птицы, — заметил Каштанов, — а предоставляют эту обязанность солнцу, как другие пресмыкающиеся.

— Не горюйте, мы где-нибудь найдем еще яйца игуанодонов или плезиозавров, — утешал Громеко зоолога.

— Если они будут свеженькие, устроим себе колоссальную яичницу. Воображаю, как велики яйца этих тварей — одного хватит на нас всех! — шутил Макшеев.

Вернувшись обратно через ущелье на поляну у подножия возвышенности и набрав по дороге сладкого тростника, путешественники направились к месту, где был убит хищный ящер.

Здесь царило большое оживление. В воздухе носились взад и вперед летучие ящеры разной величины; трупы цератозавра и игу-

анодона были покрыты этими животными. Отрывая куски мяса от туш, одни пожирали их на месте, другие же уносили на юг, к ущельям гор, где, очевидно, находились их гнездилища. Визг, кваканье и шипение раздирали уши.

При приближении людей вся стая, пировавшая на трупах, всполошилась. Одни взлетели и начали кружить над поляной, другие, переваливаясь на своих коротких ногах и волоча полураспущенные крылья, отбежали в сторону. Они, очевидно, наелись так, что им трудно было летать. Папочкин успел сфотографировать два момента этого переполоха.

Наевшиеся ящеры не нападали на людей, нарушивших их трапезу, а только оглашали воздух различными звуками, выражавшими, вероятно, неудовольствие.

Захватив в чаще спрятанные окорока игуанодона, охотники направились через лес по тому же сухому руслу. Приближаясь уже к котловине, Громеко, шедший впереди, вдруг остановился и указал своим спутникам на отпечатки огромных ступней, глубоко вдавленные во влажный песок русла.

— Это не игуанодон, — заметил Папочкин. — Животное шло на четырех ногах. Смотрите, вот следы задних ног с тремя пальцами, а вот следы передних с пятью!

— И ступни имеют другую форму и бóльшую величину, чем у игуанодонов, — добавил Каштанов.

— А по ступне можно ли узнать, хищное это животное или травоядное? — спросил Макшеев.

— Я думаю, что оно травоядное. Пальцы оканчиваются не когтями, а чем-то вроде копыт, которыми хватать нельзя.

— А вот и отпечаток хвоста, более короткого и тонкого, чем у игуанодона, — заметил зоолог, указывая на впадину, извивающуюся между отпечатками ног.

— Во всяком случае, животное очень крупное и, очевидно, находится около нашего озера, потому что обратного следа нет, — сказал Громеко.

— Да, поэтому ружья наготове и будем осторожны! — предупредил Макшеев.

Медленно, шаг за шагом, охотники подвигались вверх по руслу, зорко всматриваясь вперед. Но никто не появлялся, только стрекозы и жуки реяли и летали над вершинами хвощей и папоротников. Пройдя по узкому зеленому коридору до утесов, охотники остановились в нерешительности.

Шепнув товарищам, чтобы они подождали, Макшеев пробежал по ущелью и затем подал сигнал, чтобы остальные присоединились к нему. В котловине все спрятались за деревья у ее входа и могли наблюдать интересное зрелище.

На лужайке паслось чудовище, превосходившее по своим размерам и по своему странному виду все, что путешественники до сих пор видели в Плутонии — стране вымерших исполинов.

Животное достигало восьми метров в длину и четырех метров

в высоту. Передние ноги были значительно короче задних, и массивное туловище наклонено вперед, оканчиваясь поразительно маленькой головой, похожей на голову ящерицы. Вдоль спины тянулись двумя рядами щитки, или пластинки, торчавшие вверх и несколько вбок, подобно крылышкам. Четыре пары самых крупных поднимались над туловищем, три пары маленьких — над толстой шеей и две пары — над хвостом. Менее массивный и более короткий, чем у игуаноносов и цератозавра, хвост нес еще три пары длинных шипов пониже пластинок. Голая морщинистая кожа чудовища была кое-где усеяна бородавкообразными возвышениями, более многочисленными и мелкими на шее и голове, более редкими и крупными на туловище и хвосте. Темно-бурые пятна и разводы на грязно-зеленом фоне кожи усиливали отталкивающий вид животного.

Оно спокойно паслось на берегу озера, захватывая пучки сладкого тростника и мелких хвощей своей большой пастью, размеры которой никак не соответствовали маленькой голове. При движении туловища щитки на спине делали небольшие взмахи, словно крылья.

— Точно крылышки амура! — прошептал Макшеев.

— Хорош этот амур юрского периода! — засмеялся Громеко. — Я никогда не мог себе вообразить, что могут существовать подобные страшилища.

— Этот страшный вид, щитки, шипы, бородавки, разводы —

все это средства для отпугивания врагов этого мирного и, вероятно, совершенно безобидного животного, — сказал зоолог, сделавший уже несколько снимков. — А как зовут этого амура? — обратился он к геологу.

— Это, конечно, стегозавр — самый оригинальный из того же отряда динозавров, к которому принадлежат и игуанодоны, и цератозавр, и виденный нами раньше трицератопс. В верхнеюрское время существовало несколько родов этих чудовищ, остатки которых были найдены в Северной Америке.

Наглядевшись на ящера, охотники произвели из своего убежища выстрел, отдавшийся эхом от скал, а затем хором закричали дикими голосами. Испуганное животное опрорхметью бросилось бежать, переваливаясь, подобно иноходцу, причем спинные щитки ударялись друг о друга, издавая громкое хлопанье, словно кастаньеты.

Когда оно скрылось из виду, охотники вышли из своей засады, набрали воды из озера и побрели вниз по руслу к своему стану, предвкушая обед из жареного молодого игуанодона и отдых на берегу спокойного моря.

ОГРАБЛЕНЫ ДОЧИСТА

Но каково было их изумление, когда, выйдя из леса на берег моря, они увидели, что палатка исчезла.

— Мы, вероятно, ошиблись и вышли в другое место, — предположил Каштанов.

— Не может быть! — ответил Макшеев. — Мы только что перелезли через загородку, которую соорудили вчера в устье сухого русла вблизи стоянки.

— Верно. Но, в таком случае, где же палатка?

— А где все вещи?

— Где Генерал?

Пораженные путешественники побежали к месту, где должна была стоять палатка. На этом месте не было ничего: ни палатки, ни вещей, ни даже лоскутка бумаги. Остались только потухшее и остывшее уже огнище и отверстия в почве от вынутых палаточных кольев.

— Что это значит? — сказал Громеко, когда все четверо столпились у следов своего костра, на котором рассчитывали жарить игуанодона.

— Решительно ничего не понимаю, — упавшим голосом пробормотал Папочкин.

— Ясно, как день, что нас дочиста обокрали! — воскликнул Макшеев.

— Но кто, кто? — кричал Каштанов. — Ведь это могли сделать только разумные существа, а мы таковых не встречали на всем нашем пути с тех пор, как покинули «Полярную звезду».

— Не могли же растащить наши вещи игуанодоны!

— Или стегозавры!

— Или плезиозавры!

— А не унесли ли их проклятые птеродактили в свои гнезда? — предположил Громеко, вспомнивший о приключениях своего плаща.

— Это невероятно! И палатку, и посуду, и постели, и всякие мелочи! Я не могу допустить с их стороны такого проявления ума и хитрости, — ответил Каштанов.

— А наши лодки? — воскликнул Макшеев.

Все побежали к окраине леса, где перед уходом в экскурсию спрятали в чаще лодки и весла. То и другое оказалось в целости.

— Мы оставили наш плот на берегу моря против палатки, — заявил Громеко. — А теперь он также исчез.

— Что же мы будем делать? — воскликнул зоолог, выражая общее недоумение. — Без палатки, без запасов и одежды, без посуды мы погибнем на берегу этого проклятого моря!

— Обсудим хладнокровно наше положение, — предложил Каштанов. — Прежде всего отдохнем и подкрепим свои силы: усталость и голодный желудок — плохие советчики. Мясо мы принесли с собой, разведем костер и поджарим его.

— И попьем водицы с сахаром! — прибавил Громеко, указывая на принесенную жестянку с водой и большой пук сладкого тростника.

Разложили костер, нарезали мясо кусочками, нанизали их на палочки и поставили к огню жарить. Усевшись вблизи костра, посасывая стебли тростника и запивая водой, продолжали обсуждение таинственного исчезновения палатки.

— Мы теперь в положении Робинзона на необитаемом острове! — пошутил Макшеев.

— С той разницей, что нас четверо и что у нас есть ружья и некоторый запас патронов, — заметил Каштанов.

— Нужно пересчитать их и расходовать крайне осмотрительно.

— В моей фляге стакана два коньяку, — заявил Громеко, носивший этот напиток, как врач, для экстренных случаев.

— А у меня в сумке маленький чайник, складной стакан и несколько заварок чая, — прибавил зоолог, не ходивший в экскурсии без этого запаса.

— Это хорошо! По крайней мере, можно будет изредка полакомиться чаем, — сказал Макшеев. — У меня в карманах, к сожалению, кроме трубки, табаку, компаса и записной книжки, нет ничего.

— И у меня также, если не считать наши молотки.

— Шашлык готов! — возгласил ботаник, следивший за палочками с мясом.

Каждый взял свою палочку, и все принялись за еду. Но мясо не было посолено и не отличалось приятным вкусом.

— Придется поискать соли на берегу моря! — заметил Макшеев. — Нужно было хоть обмакнуть мясо в морскую воду.

Пока ели мясо, чайник зоолога вскипел, и каждому по очереди достался стаканчик чаю, подслащенного соком тростника. Напившись и закурав трубки, возобновили разговор о плане дальнейших действий. Все согласились, что нужно сейчас же начать преследование похитителей, выяснив направление, по которому они ушли с вещами.

— Нужно тщательно осмотреть ближайшие окрестности нашей стоянки, — предложил Макшеев. — Похитители могли прийти и уйти или по воздуху, как предполагает Михаил Игнатьевич и что мне кажется невероятным, или по воде, воспользовавшись нашим плотом, или по суше. Но до воды они также должны были идти по суше. Следовательно, если они не явились по воздуху, они оставили следы в ту или другую сторону от нашей палатки.

— Жаль, что мы сразу не подумали об этом, а бегали взад и вперед и могли уже затоптать следы похитителей.

— Вдоль утесов на восток пройти далеко нельзя, как мы убедились вчера, — продолжал Макшеев. — По руслу они тоже едва ли ушли: оно загорожено, и, кроме того, мы никого не встретили и подозрительных следов не видели. Следовательно, следы похитителей нужно искать или на самом берегу моря, или на запад вдоль этого берега.

— Совершенно верно! — заметил Каштанов. — Эти два направления наиболее вероятны.

— Итак, приступим к делу. Так как в отношении выслеживания я гораздо опытнее вас всех, — закончил Макшеев, — то я попрошу вас посидеть на месте, пока не изучу окрестности стоянки.

Опустившись на колени, Макшеев начал тщательно изучать почву вокруг того места, где стояла палатка; затем он передвинулся к берегу моря, осмотрел место, где лежал плот, вернулся назад и направился на запад вдоль морского берега. Отойдя шагов двести, он воткнул сухую палку в песок и вернулся к своим товарищам.

— Наше имущество похищено не людьми и даже не ящерами какого-либо рода. Его утащили какие-то крупные насекомые, судя по следам их ног, которые видны всюду; их очень много, несколько десятков. Сначала я подумал, что вещи стащили к плоту и увезли по воде, но оказалось, что до самой воды следы не доходят и нет никаких признаков того, чтобы плот стаскивали в воду. Он исчез совершенно непонятным образом. Палатки и вещи частью унесли, частью тащили по песку на запад, вдоль берега моря. Похитители имеют шесть ног, а туловище их достигает около метра в длину, судя по его отпечаткам на песке.

— Здоровые твари! — воскликнул Папочкин.

— Но что же случилось с Генералом? — спросил Каштанов. — Убили ли его, утащили ли живым на съедение или он убежал куда-нибудь, испугавшись грабителей?

— Следов Генерала много вокруг палатки, но они большей частью перекрываются следами насекомых, следовательно, старше их. Свежей крови нигде не видно, нет и каких-либо частей растерзанных собакой насекомых. Я думаю, что Генерал убежал от многочисленных и невиданных врагов и прячется в чаще. Впрочем, нужно еще обследовать почву вдоль края леса.

С этими словами Макшеев опять приступил к изучению следов от места, где стояла палатка, к опушке леса. Вдоль последней он прошел несколько раз взад и вперед, внимательно осматривая почву, наконец остановился и подозвал товарищей к себе.

— Вот здесь Генерал ушел в чащу; но с ним перед тем что-то случилось: он волочил задние ноги по земле.

Обрубив охотничьим ножом нижние ветви хвощей, Макшеев пополз, согнувшись, в чащу, все время призывая свистом собаку и останавливаясь в ожидании ответа. Наконец послышался слабый визг, и немного спустя из-под нависших ветвей выполз Генерал, но в ужасном виде. Все тело его вздулось, а задняя половина бесильно волочилась по земле.

— Что с тобой, Генерал, бедная собачка? — говорил Макшеев, поглаживая голову животного, которое с приветливым визгом лизало его руки.

Инженер ползком вылез назад из темной чащи, а вслед за ним выползла и собака, вызвавшая своим жалким видом общее сочувствие.

— Похитители переломили ей позвоночник, — предположил Папочкин.

— Не думаю! — возразил Громеко, осматривая собаку. — Конечно, нет, — продолжал он, — скорее всего, они ранили Генерала отравленными стрелами. На спине у него несколько маленьких ранок с запекшейся уже кровью, а позвоночник цел.

— При чем тут стрелы? — удивился Макшеев. — Ведь похитители были насекомые!

— Я и забыл! В таком случае они ужалили или укусили собаку ядовитыми челюстями или жалом.

— Что же нам делать с Генералом? Можно его вылечить?

— Я думаю, можно. Если бы яд был смертельный, собака уже издохла бы. К несчастью, наша аптечка похищена с остальным имуществом. Придется попробовать холодные компрессы.

Макшеев взял Генерала, жалобно визжавшего, на руки и понес к берегу моря. Громеко начал поливать его тело водой. Собака сначала порывалась вырваться и визжала, но вскоре холод оказал свое действие, и она затихла. Тогда ее положили задней половиной тела в воду.

Пока ботаник возился с Генералом, остальные вытащили из чащи обе лодки и весла, спустили их на воду и сложили в них оставшееся имущество, бывшее во время злополучной экскурсии с собой. Затем двое сходили опять к озеру в скалах, чтобы попол-

нить запас пресной воды, а остальные в это время поджарили запас мяса игуанодона, чтобы не останавливать преследование похитителей из-за приготовления пищи.

За час времени, понадобившийся на все сборы, опухоль у Генерала заметно уменьшилась, и он начал подниматься на ноги. Решено было взять его в лодку, двоим ехать в лодках с имуществом вдоль берега, а двоим идти по следам похитителей, пока они держатся берега. Таким образом, лодочники могли в случае надобности подать помощь пешеходам или взять последних в лодки, а пешеходы могли остановить лодочников, как только следы отклонятся в глубь страны.

ПО СЛЕДАМ ПОХИТИТЕЛЕЙ

Макшеев и Громеко пошли пешком, Каштанов и Папочкин отправились в лодках, не отставая от пешеходов, но и не опережая их. К счастью, погода была тихая, и море чуть плескалось на пляже. Макшеев шел впереди по следам похитителей, по временам останавливаясь и обмениваясь замечаниями с ботаником. В одном месте, например, были видны отпечатки многих похищенных вещей, которые похитители сложили на землю, очевидно, при отдыхе; в другом оказались ясные отпечатки плота, при виде которых Макшеев воскликнул:

— Загадка с плотом также разъяснилась: похитители унесли и его на себе.

— На какого беса? — спросил Громеко.

— А на какого беса им понадобилась наша палатка, постель и прочие вещи? Ведь они унесли даже образчики золотой и железной руды, которые мы с Петром Ивановичем вчера набрали.

— Просто непостижимо, что это за звери! Можно подумать — разумные существа. Я не удивлюсь, если они раскинут палатку, будут спать на наших постелях и есть из нашей посуды.

— Все может быть в этой чудесной стране минувших геологических периодов. Не могли разве некоторые насекомые в юрские времена подняться до высокой степени умственного развития и играть роль царей природы?

— Да ведь и в современном периоде есть умные насекомые, живущие обществами по известным законам, например пчелы или муравьи.

— Пойдите, вы мне подали мысль! Уж не муравьи ли утащили наше имущество?

— А почему не пчелы или осы?

— Если судить по нравам муравьев наружной поверхности нашей планеты, то им более подходит роль похитителей. Ведь муравьи тащат в свой муравейник всякую дрянь, даже совершенно им ненужную, и обладают громадной силой сравнительно со своей величиной.

— Да, пчелы гораздо слабее и собирают в улей только мед и пыльцу цветков, а осы тащат съестное. Кроме того, и те и другие крылаты, а наши грабители, по-видимому, бескрылы.

— Я тоже так думаю, хотя и крылатые насекомые могли тащить по земле такие предметы, которые слишком тяжелы для переноса по воздуху.

— В общем, мы, кажется, на правильном пути: первое подозрение — на муравьев, второе — на ос, третье — на пчел.

— И те, и другие, и третьи принадлежат к насекомым, кусающимся или жалящим и вводящим в рану яд. Я думаю, что они и ужалили Генерала, когда он защищал от них палатку.

— Верно! Укусы этих насекомых сопровождаются опухолью, сильной болью, а если принять во внимание их величину, то можно допустить и временный паралич под действием яда.

Так, обмениваясь соображениями насчет природы похитителей, наши путешественники прошагали часа два и за это время сильно устали, так как песок пляжа был довольно рыхлый и трудный для ходьбы.

— Ну, я больше не могу! — сказал наконец Громеко, останавливаясь и вытирая пот, катившийся градом по лицу. — Сегодня ужасно душно и ни ветерка.

— Зато море спокойно, и наши товарищи не отстают от нас.

— Не переменится ли нам с ними? Мы устали работать нижними конечностями, а они — верхними.

— Сумеют ли они идти по следам похитителей? Впрочем, попробуем.

Макшеев окликнул пловших в лодках. Когда они причалили, он показал Каштанову и Папочкину следы насекомых и некоторое время шел с ними, наблюдая, как они будут разбираться в этих следах. Потом он и ботаник забрались в лодки и взялись за весла.

Местность сохраняла все тот же характер. Вдоль берега моря тянулся песчано-галечный пляж шириной в сотню-другую шагов, заливаемый, очевидно, волнами во время сильных бурь. Его окаймляла сплошная стена хвощей и папоротников, в которой только изредка показывалась узкая брешь — сухое русло, подобное осмотренному накануне. На песке под лучами солнца грелись игуанодоны, убежавшие в лес при приближении людей и лодок. На море по временам появлялись плезиозавры и плавали, грациозно изогнув шеи, словно огромные черные лебеди. Над лесом нередко пролетали летучие ящеры, высматривавшие, нет ли поживы на берегу моря.

Часа через два после того, как Макшеев и Громеко забрались в лодки, впереди показались красноватые холмы, доходившие до берега моря и прерывавшие стену леса. Здесь оказалось более глубокое и широкое сухое русло, уходившее в глубь страны, отделяя окраину леса от холмов, представлявших скопление мелкого красноватого песка. Следы похитителей поворачивали вверх по руслу, и пешеходы крикнули пловшим в лодках, что нужно причалить к берегу.

Убедившись, что похитители действительно свернули с морского берега в глубь страны, путешественники начали совещаться.

Им приходилось теперь, бросив лодки, продолжать преследование пешком.

Но за целый день экскурсии, ходьбы, хлопот и волнений они сильно устали; кроме того, Генерал был еще слишком слаб. Поэтому решили отдохнуть несколько часов на берегу моря, дававшего прохладу, на которую нельзя было рассчитывать вдали от воды в этот ужасно душный и знойный день.

Вытащив лодки на берег, быстро развели костер, поджарили мясо и сварили чай; Генералу сделали опять холодные компрессы.

Подкрепив свои силы, трое легли спать прямо на песке, а четвертый остался на карауле, так как нужно было принять меры предосторожности против нападения ящеров и таинственных насекомых.

Три часа прошли благополучно. Последнее дежурство досталось Каштанову. Он лежал на песке, почти у самого берега, размышляя о дальнейшей судьбе экспедиции, которая станет печальной в случае, если не удастся отбить свое имущество у похитителей. Мало-помалу под влиянием невыносимой духоты он начал дремать и вдруг проснулся от кошмара: ему приснилось, что

на него навалился исполинский ящер и огромным липким языком лижет его лицо.

В ужасе, со стоном, он раскрыл глаза и увидел прямо над собой морду Генерала, положившего одну лапу ему на грудь и жалобно визжавшего.

Верный пес не напрасно разбудил Каштанова. Подняв голову, последний увидел, что горизонт на севере совершенно потемнел: надвигалась тропическая гроза, уже испытанная путешественниками на реке Макшеева. Доносился непрерывный грохот, и темная стена туч беспрестанно разрывалась яркими молниями.

Терять время было некогда — нужно было уходить дальше от берега моря, которое могло разбушеваться не на шутку.

Каштанов разбудил спящих. Решили бежать в холмы, потому что в лесу было не менее опасно, чем на берегу моря. Лодки потащили с собой, опасаясь, что волны смоют и унесут их.

Поднявшись на гребень первой гряды холмов, в которых Каштанов сразу признал морские дюны*, путешественники увидели, что за ней открывалась глубокая долина, параллельная берегу моря и совершенно бесплодная, как и оба склона гряды. Везде виднелся тот же красноватый песок, который пылал под лучами Плутона, еще не скрытого грозной тучей.

В этой долине путешественники решили переждать грозу. Перевернув лодки дном вверх, они укрылись под ними. Это была их единственная защита от ливня, так как непромокаемые плащи были похищены, как и остальная одежда.

Гроза не заставила себя долго ждать. Сине-багровый вал навалился уже на половину неба. Плутон скрылся, быстро темнело, и первые порывы ветра пронесли над долиной, срывая с гребня дюн струйки песка. Дюны словно задымилась, воздух наполнился горячим песком и сделался еще удушливее. Но вот налетел и ураган. Каштанову, выглянувшему из-под лодки, показалось, что вся первая гряда дюн поднялась в воздух и ринулась в долину. Песчинки сыпались целыми потоками на лодки. Лес хвощей, который был виден в широком устье долины, трепетал под напором бури. Стройные стволы хвощей гнулись почти до земли, ветви извивались в воздухе, словно пряди зеленых волос; летели сорванные верхушки, сучья, стебли. Сумрак то и дело исчезал в ослепительных вспышках молний, после чего казался еще гуще. Гром гремел не умолкая.

Но вот по лодкам забарабанили крупные капли дождя и полил ливень, сразу очистивший воздух от песка и пыли. Хотя ветер еще бушевал, но намокший песок уже не поднимался в воздух. Несмотря на массы низвергавшейся воды, со склонов дюн стекали только небольшие и быстро исчезающие ручейки, так как песок жадно поглощал воду.

* Дюны — холмы и гряды сыпучего песка на плоских берегах озер, морей и рек, где песок, принесенный водой, по высыхании подхватывается ветром, накапливается у препятствий и образует высокую гряду.

Быстро промчалась гроза. Плутон начал проглядывать сквозь разрозненные тучи. Дождь кончился, и путешественники хотели вылезти из-под лодок, где им приходилось полулежать в духоте. Но не тут-то было — лодки нельзя было приподнять, они были придавлены кучами песка, нанесенного бурей и намоченного водой, под тяжестью которого их дно прогибалось.

— Мы арестованы под лодкой! — воскликнул Папочкин. — Помогите нам освободиться!

— Мы сами арестованы! — ответил Макшеев, сидевший с Каштановым и Генералом под другой лодкой.

— Что вы думаете делать?

— Собираемся вырыть себе проход в рыхлом песке под бортом лодки.

— Идея! Мы сделаем то же самое.

Некоторое время все было тихо, только слышалось пыхтение людей, рывших себе ход в песке, словно кроты.

Затем из-под носа одной лодки выполз на животе грязный и встрепанный Макшеев, вслед за ним Каштанов и наконец Генерал, а из-под второй лодки показались зоолог и ботаник.

Потом пришлось освободить лодки от наваленного на них песка и тащить их вниз по долине к сухому руслу. Но, добравшись до русла, путешественники остановились в изумлении: здесь катила свои бурные, желтовато-красные воды большая речка, по которой нельзя было плыть, но и вброд перейти ее также было невозможно.

— Продолжать преследование невозможно! — огорченно воскликнул Громеко. — Придется ждать, пока не сбежит вода.

— Это не так страшно, — заметил Макшеев. — Гораздо печальнее то, что вода в русле и дождь повсюду уничтожили следы похитителей, и мы не будем знать, куда они направились.

— Эх, зачем мы только сделали привал! — с досадой сказал Папочкин. — До ливня мы, наверно, успели бы отмахать десяток километров и, может быть, добрались бы уже до убежища грабителей.

— Ну, сделанного не вернешь! Я полагаю, что искать это убежище придется недолго. Не могли же они тащить наши вещи целые десятки километров, — утешал Каштанов.

Вода в русле убывала на глазах путников, и через полчаса остались только лужи в углублениях почвы.

— В путь! Вода скатилась! — сказал Макшеев.

— Но что же мы будем делать с лодками? Не тащить же их за собой в глубь страны неизвестно сколько километров! — сказал Каштанов.

— Придется их оставить вблизи моря, но только нужно спрятать как-нибудь от тех же таинственных грабителей.

— Закопаем их в песок, — предложил Громеко.

— Хорошая мысль! Песок рыхлый, и, хотя придется работать руками, другого выхода нет.

ЦАРИ ЮРСКОЙ ПРИРОДЫ

Зарыв лодки, путешественники направились вверх по руслу, в котором вода уже не текла. Но большие лужи и липкая глина местами заставляли вылезать на тот или другой берег. Шли осторожно, зорко поглядывая по сторонам и держа ружья наготове на случай неожиданной встречи с похитителями. Слева от русла тянулся тот же лес хвощей, папоротников и пальм, тогда как справа одна за другой возвышались гряды красноватых голых дюн. Убежище грабителей могло быть как в лесу, так и среди дюн.

Через некоторое время наткнулись на что-то темное, лежавшее в русле и полузанесенное песком и илом; откопали его и увидели перед собой огромное черного муравья, тело которого достигало около метра в длину, голова была немного меньше человеческой, а скрюченные в предсмертной борьбе лапы оканчивались острыми когтями.

— Вот царь природы юрского периода! — воскликнул Каштанов.

— Если их колонии или общежития так же населены, как муравейники на земной поверхности, нам придется иметь дело с тысячами врагов, — сказал Папочкин.

— Да, врагов хищных, умных и беспощадных! — прибавил Громеко.

В это время Генерал, который плелся позади и иногда ложился отдыхать, подошел ближе. Увидев мертвого муравья, он с остервенением бросился на него, издавая злобное ворчанье.

— Эге, узнаешь, брат, одного из тех, кто тебя искушал! — воскликнул Макшеев, удерживая собаку.

Немного далее встретили труп второго муравья, а потом и третьего. Очевидно, ливень застиг некоторых похитителей еще в пути, и вода унесла их.

— Эти черные дьяволы перемочили и перепортили все наши вещи! — воскликнул в отчаянии Громско.

— Да, сомнительно, чтобы у них хватило ума расставить палатку и спрятаться в нее вместе с вещами! — подтвердил Папочкин.

— Я думаю, что они добрались в свое жилище раньше ливня, — заявил Макшеев. — Ведь нужно вспомнить, что они двинулись в путь гораздо раньше нас, а мы еще в двух местах отдыхали по нескольку часов.

Прошли еще километра два в молчании. За руслом лес начал редеть, и в нем появились многочисленные тропинки. На песчаных грядах, особенно же в долинах между ними, уже видна была растительность: кусты, пучки трав, мелкие хвощи.

Вдруг Макшеев остановился и указал своим спутникам на ближайшую долину между двумя грядами, где по песку двигались два темных тела, то тащившие, то катившие какой-то белый шар.

— Муравьи?

— Очевидно! Что же они тащат? У нас ничего круглого и белого не было.

— Нашли какую-то другую добычу.

— Не отобьем ли мы ее у них?

— Нет, лучше спрячемся и затем пойдем по их следам — они приведут нас к муравейнику.

— Только держите Генерала, чтобы он не бросился на них.

Путешественники отошли немного назад и укрылись за опушкой леса. Вскоре из-за кустов в устье долины показались муравьи, катившие перед собой по песку большой белый предмет яйцевидной формы.

— Неужели яйца этих муравьев так велики? — спросил Макшеев.

— Нет, это скорее яйцо какого-нибудь летающего ящера, которое они стащили и катят в свое жилище, — сказал Папочкин.

— А как вы думаете, эти яйца ящеров съедобны?

— Почему же нет? Едят ведь яйца черепах, почему не съесть яйцо ящера?

— Это нужно принять во внимание, — заметил Громеко. — Теперь, при скудости нашей пищи и необходимости беречь заряды, яичница была бы очень кстати.

— Для такого огромного яйца нужна соответствующая сковорода, которой у нас нет.

— Обойдемся и маленькой! Пробьем в яйце дырочку с одной стороны, перемешаем палочкой желток и белок, подсыплем соли и будем брать на сковороду сколько нужно.

— Но у нас вообще-то сковороды нет — муравьи утащили нашу кухню.

— А я и забыл. Но нельзя ли устроить сковороду из яичной скорлупы, — осторожно отрезать верхушку яйца и на ней жарить?

— На чем же? У нас нет масла.

— Есть сало игуанодона.

Пока охотники обменивались этими кулинарными соображениями, муравьи докатили яйцо до берега русла и остановились в нерешительности, так как берега его были обрывисты. Сбросить яйцо с обрыва было нетрудно, и на мягком песке оно бы не разбилось, но поднять его на ту же высоту на другом берегу казалось слишком трудной задачей для муравья.

Насекомые между тем бегали вокруг яйца и вдоль обрыва, шевеля сажками и касаясь ими друг друга, очевидно советуясь.

Затем один спустился в русло, осмотрел противоположный берег, постоял перед ним, словно в раздумье, наконец побежал вдоль него, часто останавливаясь и осматривая обрыв.

Шагах в пятидесяти дальше он нашел менее крутое место, которое показалось ему подходящим для устройства спуска. Он и начал устраивать его, работая передними ногами и челюстями отрывая глыбы земли и оттаскивая их в сторону.

Второму муравью, оставшемуся у яйца на карауле, скоро надоело ждать, он также спустился в русло и побежал по следам товарища, который был скрыт от него поворотом берега.

— Не стащить ли нам яйцо, оставленное муравьями? — предложил Громеко.

Эта мысль сначала понравилась, но затем возникли некоторые сомнения.

— Во-первых, они могут заметить нас, и мы преждевременно выдадим им свое присутствие; во-вторых, не найдя оставленного яйца, они начнут его искать в окрестности, а мы, вместо того чтобы идти по их следам к муравейнику, будем прятаться в кустах и потеряем время, — заявил Каштанов, отвергая предложение ботаника.

Но в это время Папочкин заметил в той же долине между песчаными грядами еще одну пару муравьев, которые катили второе яйцо.

— Теперь, пожалуй, ваши доводы — не трогать первое яйцо — отпадают, — сказал он.

— Ну, тогда скорее за работу!

Макшеев и Громеко перебежали русло, подняли вдвоем яйцо, имевшее полметра в поперечнике, и перенесли его в свое убежище на опушке.

Затем Макшеев рукой осторожно затер следы ног в русле, которые могли указать муравьям, если они были достаточно умны, куда делось яйцо.

Вскоре в русле показались оба муравья, бежавшие к оставленной добыче. Взобравшись на берег и не найдя яйца, они начали бегать взад и вперед, подбегали друг к другу, шевеля сяжками и, очевидно, находясь в смущении.

В это время в устье долины показались муравьи, катившие второе яйцо. Увидев их, первые кинулись им навстречу и — очевидно, предположив, что вторые похитили их добычу, — начали ее отнимать.

Началась свалка: муравьи привстали на четырех задних ногах, поднимая переднюю пару и стараясь вцепиться челюстями в шею противника и перегрызть ее. В пылу борьбы одна пара приблизилась к берегу русла и свалилась с обрыва. При падении один муравей очутился на другом, воспользовался удобной минутой и почти откусил голову соперника.

Оставив последнего, он побежал на помощь товарищу, изнемогавшему в борьбе; вдвоем они быстро одолели врага и покатали яйцо к руслу.

Путешественники следили с большим интересом за боем, но никак не могли решить, которая пара муравьев одержала верх, потому что всех этих насекомых совершенно нельзя было отличить друг от друга.

Победившие муравьи остановились у берега русла, посовещались, затем скатили в него яйцо и покатали его вверх.

В нескольких местах, где противоположный берег казался им более низким, они останавливались и пробовали поднять яйцо наверх. Но их когти были недостаточно сильны, чтобы пробить твердую скорлупу, яйцо скользило в их лапах и падало назад.

Добравшись до того места, где в береге русла был выкопан спуск, муравьи заметили его, осмотрели и сделали попытку втащить яйцо наверх, подпирая его своими туловищами. Это им удалось, и они покатали его дальше по тропинке, уходившей в глубь леса. На основании действий этой пары приходилось думать, что победили вторые муравьи.

Теперь оставалось идти по тропинке вслед за муравьями. Но, не зная, как далеко придется еще идти, нужно было сначала разделиться с яйцом, отнятым у муравьев; нести его было тяжело, а катить по лесу неудобно. Поэтому быстро развели огонь в яме, выкопанной в песке, испекли яйцо целиком вкрутую, разделили на части, а из скорлупы сделали несколько тарелок и сковороду.

После ужина путешественники пошли в глубь леса по тропинке, хорошо вытоптанной, но узкой и неудобной. На высоте одного метра от земли ветви хвощей сллетались так, что приходилось ползти или идти согнувшись; по всей вероятности, только муравьи пользовались этой тропой.

Через полчаса лес начал редеть; муравьиная тропа часто раздваивалась, пересекалась другими, и Макшееву приходилось тщательно высматривать след яйца, в то время как Каштанов вел глазомерную съемку, чтобы иметь карту местности, населенной их врагами.

— Странно, что мы до сих пор в лесу не встретили ни одного муравья, — сказал Каштанов.

— Они, вероятно, имеют определенные часы для отдыха и сна, а другие животные не смеют приближаться к муравейнику.

Но вот впереди показался широкий просвет. Очевидно, лес кончился, а на поляне за ним мог быть муравейник. Поэтому нужно было удвоить осторожность. Зоолог и ботаник остались с Генералом, а Каштанов и Макшеев отправились на разведку.

Дойдя до края леса, они остановились под защитой последних деревьев и начали осматривать местность. Лес сменялся обширной поляной, вернее пустырем, почти совершенно лишенным растительности, — только кое-где торчали объединенные стебли. Среди этого пустыря, недалеко от опушки леса, возвышался огромный плоско-конический холм, метров двенадцати вышиной и более ста метров в поперечнике, состоявший из наложенных друг на друга древесных стволов.

При помощи бинокля можно было различить, что стволы расположены не в беспорядке, а по известной системе, образуя сложную, хотя и грубую постройку. Во многих местах на различной высоте темнели входные отверстия, но муравьев нигде не было видно — они, несомненно, спали.

Пустырь был замкнут со всех сторон лесом, возвышенностями и дюнами, и муравьи являлись единственными хозяевами его. В его западной части, вдоль подножия дюн, вероятно, протекал ручеек, судя по полосе зеленой травы и кустов, резко выделявшихся на желтом фоне песка.

КАК ПРОНИКНУТЬ В МУРАВЕЙНИК

Осмотрев местность, Каштанов и Макшеев вернулись к своим товарищам, чтобы обсудить дальнейшие шаги.

— Напасть на спящий муравейник нетрудно, — сказал Каштанов, — но будет ли это целесообразно — не знаю. Нам ведь неизвестно, в какой части этого огромного сооружения сложены наши вещи, мы легко можем заблудиться в лабиринте ходов.

— Внутри, наверно, темно, а у нас нет ни свечей, ни фонарей, — заметил Папочкин.

— Можно устроить факелы — я видел в лесу смолистые деревья, годные для этой цели, — заявил Громеко.

— Идя с огнем, мы, несомненно, разбудим муравьев и подвергнемся нападению, которое должно кончиться печально для всех нас, — сказал Макшеев.

— Да, их, должно быть, сотни, если не тысячи, и сколько бы мы ни уложили выстрелами и ножами, в конце концов нас все-таки загрызут или зажалят до смерти.

— Но что же нам делать? — пробормотал Каштанов. — Мы не можем отказаться от своих вещей: они необходимы нам для обратного пути.

— А если поджечь муравейник с одной стороны? Муравьи начнут спасать свои запасы, и в том числе наши вещи, которые вытасят наружу.

— Прежде всего они будут спасать своих личинок и куколок, а вещи могут за это время сгореть. Но если они даже успеют вынести вещи, то все-таки нам придется отнимать их силой.

— Не выкурить ли муравьев дымом, а потом, когда они покинут свое жилище, отправить за вещами?

— Этот план уже лучше, но в ходы, наполненные дымом, мы сами не сможем проникнуть, а когда дым рассеется, муравьи тоже могут вернуться.

— Положение, кажется, остается безвыходным!

— Вот что, — предложил Макшеев, — я лягу вблизи муравейника и притворюсь мертвым. Муравьи потащат меня в свое жилище, и там я, может быть, сумею разведать, где лежат наши вещи, а в следующую ночь успею вытащить их наружу.

— Этот план слишком рискован, — возразил Каштанов. — Муравьи могут утащить вас не целиком, а растерзав на куски. Но допустим даже, что они потащат вас целиком и не умертвив, как же вы в темноте, да еще в положении трупа сумеете ориентироваться в лабиринте ходов, чтобы потом найти дорогу наружу.

— Я возьму в карман клубок ниток и, выпуская постепенно нить, сумею по ней выбраться, как Тезей по нити Ариадны из лабиринта.

— Хорошо, если муравьи не заметят этого и не станут подбирать вашу нить. А есть ли у вас нитки?

Клубка ни у кого не было, и этот рискованный план также был забракован. Все сидели, понурив головы, придумывая новые планы, которые также приходилось отбрасывать как невыполнимые.

— Вот что я придумал, — заявил Каштанов, — нужно отравить или оглушить муравьев ядовитыми газами, чтобы они оставались в оцепенении в течение времени, необходимого нам для поисков наших вещей в муравейнике. Такими газами являются хлор, бром и сернистый газ. Следовательно, нужно прежде всего найти материал для приготовления достаточного количества газов. Хлор можно добыть из поваренной соли, которая имеется в море. Бром, вероятно, имеется в золе водорослей, растущих в этом море, но добыть его будет еще труднее, чем хлор. Всего легче было бы приготовить сернистый газ, если мы только найдем серу, серный колчедан или другую сернистую руду. Свинцовый блеск мы уже видели в ущелье птеродактилей; может быть, он найдется и здесь, в утесах возвышенности.

— Но ведь на поиски материала и изготовление газа понадобится немало времени! — сказал Макшеев.

— Что же делать! На несколько дней нам хватит наличных зарядов для добычи пищи. Лучше подготовить способ наиболее верный — рискованные способы останутся у нас в запасе на случай крайности.

— Следовательно, нам нужно убираться отсюда, ничего не сделав с грабителями?

— Лучше уйти, пока муравьи нас не заметили, и не возбуждать их подозрительности поспешными попытками. Если мы их потревожим, они сделаются более осторожными, расставят караулы у входа, будут обыскивать окрестности и затруднят нам дальнейшие шаги; ведь мы еще не знаем, на каком уровне развития стоят эти цари юрской природы.

Все согласились с Каштановым, хотя и не без чувства досады на необходимость отказаться от немедленной расправы с грабителями. Решили вернуться к песчаным дюнам и вдоль русла проникнуть на возвышенность в поисках серы или сернистых руд.

Путешественники прошли к руслу вдоль опушки леса; никаких животных, даже насекомых не было видно, — очевидно, муравьи систематически охотились за всякой дичью в окрестностях муравейника. Только изредка над пустырем проносился какой-нибудь ящер, спешивший дальше. Русло тянулось вдоль окраины пустыря, а немного далее вверх врезывалось в песчаные холмы, пролегая в довольно глубокой долине. Здесь по обоим берегам росли кусты, небольшие хвощи, сладкий тростник, папоротники. Вверх по этой долине путешественники подвинулись еще на несколько километров и затем решили основательно отдохнуть после тревог и переходов, продолжавшихся целые сутки. Воды в ручье было уже много, а тень пальм и хвощей манила к себе. Сварили чай, поужинали оставшимся в запасе яичным желтком и спокойно выпались. Но затем появление муравьев по соседству заставило поторопиться с завтраком, чтобы поскорее уйти подальше от муравейника и не выдать его обитателям свое присутствие.

Через несколько километров песчаные склоны долины уступили место скалистым, так как русло начало врезаться в столовую возвышенность. В поисках сернистых руд Макшеев и Каштанов шаг за шагом осматривали скалы: один на правом, другой на левом склоне, что, конечно, замедляло движение. Папочкин и Громеко оставались вблизи русла с ружьями наготове, чтобы добыть какую-нибудь дичь или отразить нападение ящеров или муравьев, но последние не встречались. Местность постепенно становилась все более пустынной, даже вдоль ручья деревья и кусты росли уже более редко, и только узкая полоса травы и сладкого тростника везде еще окаймляла его берега. Наличие последнего очень радовало путешественников, так как он остался их единственной пищей в этой пустыне.

Из животных им попадались только огромные стрекозы, ряв-

шие над водой, и изредка птеродактили, охотившиеся за этими насекомыми. Воздух был совершенно спокоен, лучи Плутона жгли немилосердно в узкой долине, голые склоны которой были нагреты, словно печь, и только близость воды, которой можно было постоянно утолять жажду и смачивать голову, поддерживала путешественников и позволяла им двигаться вперед.

Поиски сернистых руд пока были безуспешны.

Обеденный привал сделали на берегу ручья; сварили чай, сосали сладкий тростник и разделили последний сухарь.

— Вечером нам придется попробовать стрекозу или подстрелить птеродактиля, — печально сказал Папочкин, собирая последние крохи сухаря.

В ГЛУБЬ ЧЕРНОЙ ПУСТЫНИ

Отдохнув, продолжали путь вверх по долине. На обоих склонах тянулись те же черные, мрачные скалы, разбитые трещинами то на огромные неуклюжие кубы, то на стройные тонкие столбы. Растительность вдоль ручья становилась все беднее, хвощи попадались реже, папоротники и пальмы совсем исчезли, и только трава и сладкий тростник продолжали окаймлять берега ручья.

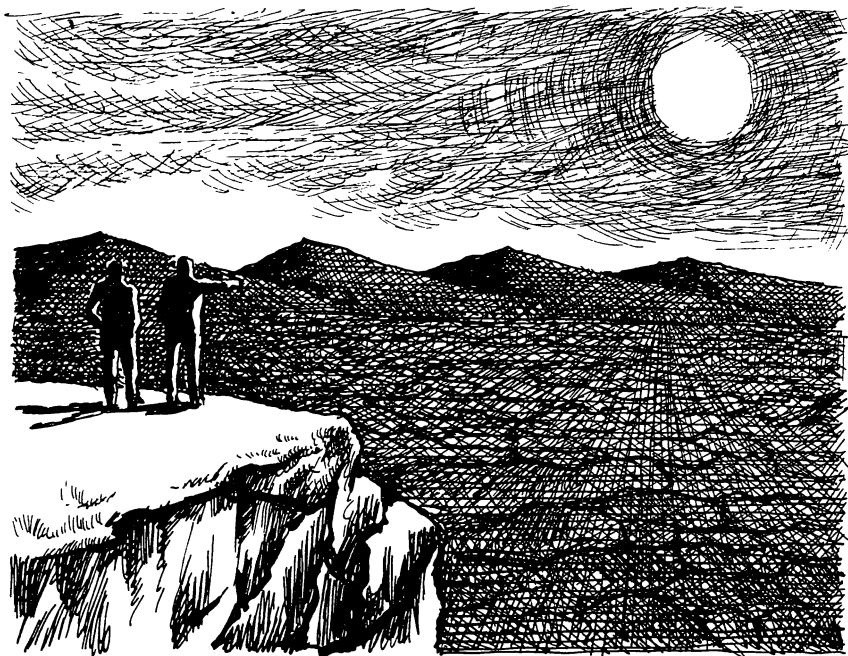
На ночлег остановились у последнего сухого дерева, чтобы воспользоваться им в качестве топлива. Сварили чай и пили его в большом количестве с соком тростника, чтобы обмануть голод, так как никакой дичи не попало.

После чая Макшеев и Каштанов вздумали подняться на склон долины, чтобы осмотреть местность. Последняя представляла собой равнину, расстилающуюся во все стороны на далекое расстояние; только на юге, километрах в двадцати, над ней поднималась группа плоско-конических гор.

Когда оба исследователя отошли на несколько десятков шагов от края обрыва, так что долина ручья совершенно скрылась из виду, они почувствовали все мрачное величие окружавшей пустыни.

Черный голый утес, усыпанный крупными и мелкими осколками, отделившимся от него под влиянием высокой температуры вечно греющих лучей, представлял почву этой пустыни. Нигде ни кусочка, ни былинки, один черный камень под ногами до горизонта, небо с красноватым Плутоном над головой — абсолютная, непроходимая пустыня, грозившая верной смертью от голода и жажды смельчаку, который решил бы надолго углубиться в ее необозримые просторы.

У черного камня, нагретого Плутоном, было жарко, как у раскаленной печи, а сверху жгли отвесные лучи Плутона, от которых решительно негде было укрыться. Только горы, поднимавшиеся на юге, вносили маленькое разнообразие в ужасную, подавляющую монотонность пустыни, потому что они были не

черные, а изобиловали белыми, красными и желтыми полосами и пятнами.

Рассмотрев местность, Каштанов сказал своему спутнику:

— Я думаю, что нашему проникновению в глубь таинственной страны поставлен недалеко отсюда окончательный предел. Долина, по которой мы идем, вероятно, оканчивается там, у группы гор, и я боюсь, что дальше расстилается такая же мрачная пустыня, абсолютно непроходимая без специального снаряжения, без больших запасов воды, провианта и топлива.

— Неужели вся остальная часть внутренней поверхности Земли представляет такую же раскаленную пустыню?

— Вероятно, что так; по крайней мере до окрестностей входного отверстия у Южного полюса, если такое существует. Ведь влагу, необходимую для растительности и животной жизни, внутренняя поверхность получает через эти отверстия. Очевидно, море, которое мы переплыли, составляет последний резервуар этой влаги.

— Но, как мы видели, господствующие здесь северные ветры могут заносить эту влагу и дальше.

— За последнее время мы этих ветров не ощущали, кроме редких бурь с грозами. По-видимому, последние тучи, приходящие с севера, разряжаются над морем и в ближайшей к югу от него полосе, а дальше над этой раскаленной пустыней несутся только остатки влаги, воздух не насыщается ими и дожди невозможны.

— Значит, мы дойдем только до этих гор на юге?

— Да, доберемся до них и увидим, правильны ли мои соображения.

— Что же делать, если на этом пути мы не найдем нужных нам сернистых руд?

— Эти горы, судя по их форме и цвету, вероятно, представляют потухшие вулканы, а на склонах вулканов почти всегда можно найти серу. Я убежден, что там мы найдем все необходимое.

— И повернем назад?

— Я думаю, нужно воспользоваться тем, что мы уже проникли так далеко от моря, и сделать еще экскурсию на юг, чтобы убедиться, что пустыня непроходима. Тогда наша совесть будет спокойна — мы сделали все, что в человеческих силах.

— Но, может быть, в другом месте море проникает дальше на юг, а следовательно, даст нам возможность проникнуть дальше.

— Если мы отнимем у муравьев наши вещи, то можем проехать вдоль берега моря на восток и на запад и убедиться в этом.

Насмотревшись на пустыню и бросив прощальный привет синей поверхности моря и его зеленым берегам, которые чуть виднелись на севере, за краем пустыни, геологи направились обратно к своему лагерю. Когда они спускались по расселине, скользя на осыпях и прыгая с глыбы на глыбу, они слышали один за другим два выстрела.

— Что это? Неужели муравьи забрались так далеко и напали на наших товарищей? — заметил Каштанов.

— Нужно поспешить на помощь! — ответил Макшеев.

Удвоив быстроту спуска, они через несколько минут достигли подножия склона и бегом направились к месту стоянки.

Но их тревога оказалась напрасной: не муравьи напали на товарищей, а благосклонная судьба послала голодающим запас провизии.

Сидя на берегу ручья, Папочкин и Громеко заметили черную тень, пронесшуюся над ними. Они подняли головы и увидели, что над долиной кружит большой птеродактиль, внимание которого, может быть, привлекла блестящая на солнце жестянка. Недолго думая они схватили ружья и выстрелили, когда ящер, описывая новый круг, спустился ниже. Одна пуля попала, и животное свалилось. Это был очень крупный экземпляр длиной от головы до кончика хвоста больше полутора метров, так что его туловище имело много мясистых частей.

Насытившись ужином из ящера, залегли спать, поочередно карауля, так как мясо, разложенное на камнях для провяливания, нужно было беречь от летучих ящеров, которые могли сюда залезть.

На следующий день движение вверх по долине продолжалось; путешественники были нагружены запасами сушеного мяса, а также сладкого тростника и топлива, так как опасались, что всего

этого выше по долине уже не встретят. Долина действительно становилась все более и более пустынной, и растительность на берегах ручья попадалась все реже. Сернистая руда не встречалась, и теперь Каштанов возлагал единственную надежду на вулканообразные горы в верховьях долины, которые к концу длинного перехода казались уже совсем близкими. Немного не доходя их, долина сузилась и превратилась в короткое ущелье, которое вывело путешественников в котловину, расположенную у самого подножия гор.

К всеобщему удивлению, на дне котловины оказалось довольно большое озеро, скалистые берега которого местами были покрыты зеленью — небольшие хвощи, папоротники и тростник росли группами на более отлогих участках берега, прерывавшихся невысокими скалами. Это озеро представляло удобное место для стоянки, где можно было оставить лишний груз, чтобы подняться налегке на горы в поисках серы или сернистых руд.

Расположившись в тени папоротников, путешественники вздумали выкупаться в темной спокойной воде озера, которое походило на большое гладкое зеркало в раме черного дерева с изумрудными вставками. Папочкин, раздевшийся первым, храбро нырнул с головой в воду, но тотчас же вынырнул и выскочил на берег с возгласом:

— Вода горячая, дух захватывает!

Остальные стали пробовать воду — кто рукой, кто ногой — и убедились, что зоолог прав.

Громеко вытащил карманный термометр, единственный уцелевший из инструментов экспедиции благодаря тому, что он всегда был при ботанике. Опущенный в озеро, он показал 40 градусов по Цельсию.

— Ну, это еще не так страшно! — сказал ботаник. — Сорок градусов Цельсия равны тридцати двум градусам Реомюра, а это температура горячей ванны, которую вполне можно выдержать.

Но горячая ванна в жаркий день не могла освежить, так что путешественники ограничились только тем, что помылись основательно, употребляя вместо мыла белый тонкий ил, который лежал толстым слоем на дне озера. Он был нагрет еще больше, чем вода, и положительно обжигал погруженные в него ноги, зато пенился подобно мылу и прекрасно заменял его.

— Вот еще неожиданное богатство, остающееся без употребления в этой стране чудес! — сказал Макшеев, усердно натираясь илом.

— Да, предприимчивые люди создали бы громадное дело. «Целебное мыло из недр земли излечивает всякие болезни, начиная от насморка и кончая раком», — приблизительно так гласили бы рекламные, которыми были бы наводнены страницы газет и журналов! — смеялся Громеко, относившийся иронически к богатствам, возбуждавшим предприимчивый дух прежнего золотоискателя.

— Уж если говорить о богатствах Плутона, то нельзя забывать и животный мир! — воскликнул Папочкин, сушившийся на солнце после «ванны». — Я бы организовал акционерную компанию для вывоза всех этих «живых окаменелостей» и снабжения ими зоологических садов и музеев всех государств поверхности нашей планеты. Такая компания имела бы огромный успех — больше ваших горнопромышленных предприятий, потому что золото, медь, железо — все это имеется в достаточном количестве и там наверху, а живых мамонтов, плезиозавров, птеродактилей там нет.

— Меня интересует это горячее озеро, — сказал Громеко. — Я уже раньше заметил, что вода в ручье тепловата, но приписывал это ее нагреванию в голой долине с черными склонами; теперь ясно, что ручей получает свое тепло из этого озера.

— Мы, несомненно, находимся у подножия старых вулканов, — пояснил Каштанов, — и озеро получает приток в виде горячих ключей, выходящих из нагретых еще недр вулкана.

— Нужно обследовать это озеро по всей его окружности и выяснить этот приток, — заявил зоолог.

— Вот вы и займитесь этим вдвоем с Михаилом Игнатьевичем, пока варится ужин, а мы пойдем на разведку к вулкану, — предложил Каштанов.

Одевшись после «ванны», он и Макшеев обогнули западный конец озера, из которого вытекал ручей, просачивавшийся между наваленными черными глыбами, и начали подниматься на совершенно голые и усыпанные черным щебнем холмы, лежавшие у подножия вулкана. Перевалив через них, разведчики очутились у подножия первой большой горы, на крутом склоне которой можно было различить потоки лавы, излившейся в разное время из кратера на вершине горы и застывшей на поверхности то округленными волнами, то хаотически нагроможденными друг на друга глыбами.

Рассматривая более старые потоки, поверхность которых была местами желтая, красная и белая, Каштанов объяснил своему спутнику, что здесь находится охра, нашатырь* и сера.

— Ну вот и сера, которая нам так нужна! Но только здесь ее немного и собирать трудно, а в кратере, надеюсь, найдем ее больше.

Карабкаясь по глыбам потока, разведчики через час достигли вершины горы. Она была плоская, и в центре ее зияла черная пропасть с почти отвесными стенками.

— Вот и кратер довольно солидных размеров.

— К несчастью, совершенно недоступный.

* *Нашатырь* — соединение аммиака с хлором в виде белой соли, которая при нагревании улетучивается; встречается в расщелинах лавы и вулканов; изготавливается также искусственно для применения в медицине и технике. *Охра* — минеральная краска от желтого цвета до буро-красного; представляет собой водную окись железа в смеси с глиной и известью.

— Обойдем его кругом — может быть, найдется удобное местечко для спуска.

Вершина горы также состояла из застывшей глыбовой лавы. С вершины открывался обширный вид в обе стороны. На севере, у подножия холмов, лежало озеро в своей зелено-черной раме. Оно имело форму почти правильного круга и, быть может, тоже представляло кратер еще более древнего вулкана. На восток и на запад спускались огромные лавовые потоки, постепенно терявшиеся в виде гряд и стен черных скал на поверхности пустыни. На юге поднималась немного выше вторая гора — очевидно, главный конус вулкана, закрывавшая дальнейший вид; с первой горой она была соединена узкой и скалистой седловиной.

Обогнув кратер с запада и убедившись, что с этой стороны спуск в него тоже невозможен, разведчики прошли по седловине на вторую гору. Ее вершина имела также глубокий кратер, но разорванный на юго-востоке громадной выемкой, от которой вниз по склону шел гигантский лавовый поток — вероятно, продукт последнего извержения вулкана.

Эта выемка в вале кратера позволяла спуститься на его дно без особого риска.

Теперь вид на юг был открыт. В ближайшем соседстве с главным вулканом возвышалось еще несколько низких вулканов с обвалившимися кратерами, за ними до горизонта расстилалась та же черная пустыня, которой, казалось, не было конца.

— Да, дальше на юг, в глубь Плутонии, здесь хода нет! — воскликнул Макшеев, впиваясь своим острым взором в даль. — Километров на сто не видно ничего, кроме черного камня.

— И экскурсировать в эту сторону нечего! — прибавил Каштанов. — Осмотрим вулканы, наберем серы — и назад к муравейнику отбивать наше имущество.

Вид с вершины горы произвел на них удручающее впечатление.

Под ногами наблюдателей тянулась группа черных гор, изрезанных глубокими ущельями, словно морщинами, с желтыми, белыми и красными пятнами, словно набрызганными гигантской кистью неопытного маляра, а затем во все стороны шла черная ровная пустыня без единого признака жизни, безотрадный простор которой под красноватыми лучами Плутона имел особенно злоеущий характер.

— Это царство смерти, более ужасное, чем полярные снежные пустыни! — воскликнул Каштанов.

— Да, если бы дух зла существовал, то лучшего местопребывания ему не найти, — подтвердил Макшеев.

— Вы подали хорошую мысль. Назовем эту местность пустыней Дьявола.

— А эти вулканы — трон Сатаны. Мне так и рисуется злоеущая картина: в те дни, когда Плутон меркнет и воцаряются красноватые сумерки, из кратера поднимается дух зла, похожий на исполинского птеродактиля, носится над этими горами и над пустыней, оглашая воздух своим воем, купается в волнах горячего озера, отдыхает на черных высоких скалах, любуясь своим царством...

Осмотрев местность и заметив наиболее удобный пункт для спуска в кратер, разведчики пошли к озеру, выбирая более прямой путь от главной вершины, чтобы отправиться на следующий день четвером за серой.

ЭКСКУРСИЯ В КРАТЕР САТАНЫ

На следующий день все четверо отправились к главному вулкану, захватив с собой на всякий случай одно ружье, немного жареного мяса и сладкого тростника. Остальное имущество можно было оставить у озера под наблюдением Генерала, так как полное отсутствие животных в этой пустыне позволяло надеяться на его невредимость.

Путь шел сначала через низкие горные черные холмы и гряды потоков, потом по склону главного вулкана вдоль огромного потока, начинавшегося у бреши кратера. Через полчаса добрались до нее и начали спускаться вглубь по глыбам застывшей лавы, представлявшим нечто вроде лестницы для исполинов.

Спуск продолжался полчаса и привел на дно кратера, которое

представляло площадку с засохшей, растрескавшейся черной грязью, прежде, очевидно, покрытой водой исчезнувшего озера. За площадкой круто поднималась противоположная стена, густо покрытая белыми, желтыми и красными налетами и натеками. В желтых налетах нетрудно было узнать самородную серу в виде мелких и крупных кристаллов, сидевших в пустотах лавы или покрывавших ее поверхность нетолстым слоем.

Вынув охотничьи ножи, путешественники принялись соскабливать налеты и отделять более крупные кристаллы, складывая добычу в свои заплечные мешки. Когда последние были наполнены, оказалось, что в каждый поместилось около шестнадцати килограммов.

— Шестнадцать килограммов серы дают свыше одиннадцати тысяч литров сернистого газа, — заметил Каштанов, — а шестьдесят четыре — почти сорок пять тысяч литров. Я думаю, что этого достаточно для муравейника.

— Больше мы и не можем унести, — сказал Папочкин. — У нас есть еще ружья и некоторые запасы, а тащить это все на себе придется два дня.

— Кое-что можно навьючить на Генерала, — предложил Макшеев. — Он уже поправился, сегодня целый день отдыхает и унесет на своей спине килограммов тридцать. До озера под гору мы эти тридцать килограммов донесем, поэтому наберем еще серы, чтобы хватило.

Позавтракав и отдохнув, путешественники набрали еще килограммов тридцать, которые Макшеев поместил в свою рубашку, сделав из нее мешок. В одной из трещин наскребли также горсть поваренной соли.

Во время отдыха Каштанов полулежал, прислонившись к стене кратера, и внезапно ощутил резкие удары, доносившиеся из глубины горы.

«Неужели вулкан не потух?» — подумал он.

Но, не имея опыта в изучении действующих вулканов, он не придал значения этим звукам и даже не сказал о них своим товарищам.

Когда же сбор второй партии серы был окончен и все четверо опять уселись на дне кратера, чтобы отдохнуть перед подъемом и спуском с тяжелым грузом на плечах, Каштанов вспомнил о звуках и приложил ухо к скале. Удары слышались еще яснее, и ощущалось даже легкое дрожание утесов.

— Я, может быть, ошибаюсь! — воскликнул он, вскочив со своего места. — Но мне кажется, что нам здесь мешкать нечего: в недрах вулкана идет какая-то работа. Уж не готовится ли он к извержению? послушайте сами!

Приложив ухо к стенке кратера, все убедились в справедливости его слов.

— Может быть, извержение и не состоится; может быть, оно произойдет через неделю или через месяц, но я не поручусь, что оно не случится сегодня! — заявил профессор.

— Совершенно верно, и сидеть на дне кратера нечего, тем более что нам предстоит нелегкий подъем до его края, — согласился Громяко.

Взвалив тяжелые мешки на плечи, путешественники полезли вверх по лестнице исполинов. Но подъем с ношей шел не так скоро, как спуск, и только через час они были наверху. Оглянувшись назад, они убедились, что их поспешность была вполне своевременна: со дна кратера поднимался тонкий столб желтоватого дыма, в воздухе запахло серой и хлором.

Содрогание стенок кратера уже настолько усилилось, что ощущалось под ногами. Нужно было торопиться, потому что с минуты на минуту извержение могло начаться взрывом лавовой пробки, закупорившей жерло кратера. Не теряя времени, путешественники начали спускаться по той же дорожке, по которой пришли, и через два часа были у озера, где соскучившийся Генерал приветствовал их радостным лаем и визгом.

Впрочем, вулкан не торопился начинать свою деятельность. Над его вершиной виднелся только тонкий столб буроватого дыма, поднимавшийся вертикально на огромную высоту и там рассеивавшийся.

У озера не слышно было подземных ударов, и все было спокойно.

Когда все сгрузили мешки с серой возле остального имущества, Папочкин спохватился, что забыл свое ружье в кратере или на вершине, где два раза останавливались для отдыха. Заявив об этом товарищам, он сказал, что вернется сейчас к вулкану за ружьем.

— У нас есть еще три ружья, а в муравейнике четвертое запасное, так что можно обойтись без оставленного и незачем подвергать еще раз опасности, которой мы избегли, — заметил Каштанов.

— Вулкан только дымит, — твердил зоолог, очень любивший свою двустволку, отличавшуюся верным боем, и огорченный своей забывчивостью. — Пока вы отдыхаете, я успею сбегать.

— Спускаться в кратер дымящегося уже вулкана нельзя, потому что вы задохнетесь от ядовитых газов. А наиболее вероятно, что вы оставили ружье именно на дне кратера. Следовательно, ваша затея все равно невыполнима, — убеждал Каштанов.

— Нет, я вспоминаю, что скорее всего оставил ружье на краю кратера еще перед спуском, чтобы не таскать его напрасно вниз и вверх по скалам. А добежать до края кратера не так уж долго и опасно, — твердил зоолог.

— Извержение может начаться каждую минуту. Не знаю даже, благоразумно ли мы поступаем, оставаясь до завтра на берегу этого озера — не лучше ли подальше уйти от вулкана.

Но все очень устали от восхождения и спуска с тяжелой ношей на спине. Вид вулкана не внушал особых опасений, а озеро находилось на расстоянии около двух километров по прямой линии от кратера, то есть сравнительно далеко, и можно было надеяться,

что его берегам непосредственная опасность не может угрожать; поэтому решили ночевать у озера, рассчитывая присутствовать хоть при начале такого грандиозного явления, как извержение вулкана.

Но тишина продолжалась только часа четыре. Спящие внезапно были разбужены страшным грохотом и колебаниями почвы. Им показалось, что их подбросило в воздух и что они падают в озеро.

Все вскочили на ноги, испуганно озираясь; почва дрожала под ногами, и деревья на берегу озера раскачивались в разные стороны.

Вершина вулкана была окутана густой завесой черного дыма, которую прорезали, подобно молниям, раскаленные камни, выбрасываемые из кратера.

Извержение началось.

— Где же Папочкин? — воскликнул Макшеев, заметивший, что их только трое.

— Не сбросило ли его толчком в озеро? Он лежал ближе всех к его берегу, — предположил Громеко.

Но поверхность воды была покрыта только мелкой рябью, очевидно обусловленной сотрясением почвы. Круговых волн, которые указывали бы, что в воду только что свалилось тяжелое тело, не было видно.

— Не убежал ли он с перепугу вниз по долине?

— А не ушел ли он все-таки к кратеру за своим ружьем? — заметил Каштанов.

Последнее предположение показалось наиболее правдоподобным, потому что зоолог отличался упрямством. Он, очевидно, подождал, пока его товарищи уснули, и отправился к вулкану.

Когда все призывы и поиски вокруг озера оказались тщетными, пришлось признать, что зоолог ушел за ружьем.

— Хорошо, если он еще не дошел до вершины вулкана, когда извержение началось, — заметил Каштанов. — В противном случае он несомненно погиб.

— Что же нам делать? — воскликнул Макшеев. — По-моему, нужно бежать к нему на помощь!

— Подождем некоторое время, — предложил Громеко. — До дна кратера и обратно три — четыре часа хода. Если он ушел в девять, как только мы уснули, он через полчаса или час должен вернуться.

— А за это время ход извержения покажет, можно ли подняться к кратеру без крайнего риска.

— Но ведь это ужасно — сидеть бездейтельно на месте и ждать, вместо того чтобы спешить на помощь товарищу!

— Да, это ужасно, но мы можем спасти его только в том случае, если он еще не дошел до кратера и только ранен упавшим камнем. Если же он оказался на вершине или в самом кратере во время взрыва, то он безусловно погиб, если не от камней, то от газов. Пытаясь теперь проникнуть на вершину вулкана, мы това-

рища не спасем, а рискуем судьбой всей экспедиции. Смотрите, что там делается!

Последние слова Каштанов произнес при виде огромного облака паров, вырвавшихся из кратера вулкана.

ПРОБУЖДЕНИЕ ВУЛКАНА

Через несколько секунд раздался оглушительный грохот, словно гора разлетелась на части или взлетела на воздух. Облако помчалось вниз по склону, чудовищно разрастаясь вверх и в стороны и превращаясь быстро в лилово-черную тучу или целую стену туч, которые клубились, перемешивались, свивались, озаряемые ослепительными молниями. Эта стена неслась по склону со скоростью поезда, и через несколько минут ее конец был уже у подножия вулкана, а верхний край поднимался, клубясь, гораздо выше его вершины.

— Это совсем напоминает страшное извержение Лысой горы на острове Мартиника, погубившее в мае тысяча девятьсот второго года город Сен-Пьер с его двадцатью семью тысячами жителей в течение нескольких минут! — воскликнул Каштанов. — Эта туча, так называемая жгучая, или палящая, состоит из страшно сжатых и перегретых водяных паров и газов, переполненных горячим пеплом, и несет не только мелкие камни, но и громадные глыбы.

— Наше счастье, что туча направилась не к озеру, а в другую сторону, иначе нас постигла бы участь жителей Сен-Пьера! — заметил Громеко.

— Да, она, очевидно, воспользовалась той же брешью в крае кратера, по которой прошли и мы, и поэтому направилась на юго-восток, по последнему потоку лавы.

— Что же будет дальше? — спросил Макшеев.

— Эти палящие тучи могут повторяться через известные промежутки времени — часы или дни, а затем появится лава.

— Но могут ли следующие тучи направиться в другую сторону, чем первая, — например, к нам?

— Если край кратера не изменился при страшном взрыве, сопровождавшем выход первой тучи из жерла, то и следующие тучи, скорее всего, сохранят направление первой. В противном случае, они пойдут по новому пути.

— Следовательно, могут направиться и в нашу сторону?

— Конечно, но пока мы будем надеяться, что этого не случится, и до поры до времени мы здесь в сравнительной безопасности.

Во время этой беседы туча, расплываясь в стороны, закрыла значительную часть восточного склона горы, но двигалась вниз уже медленнее и росла главным образом вверх. Все три путешественника стояли безмолвно, созерцая ужасное и величественное зрелище.

И вдруг из-за гребня ближайшего холма подножия вулкана по-

явился Папочкин. Он бежал стремглав без шапки, с развевающимися волосами, перепрыгивая через глыбы, заграждавшие ему дорогу. Его товарищи бросились ему навстречу, засыпая вопросами. Но он так запыхался от быстрого бега и волнения, что не мог говорить. Только отлежавшись в тени деревьев у озера и проглотив несколько чашек холодного чаю, он пришел в себя и начал свой рассказ:

— Несмотря на ваши убеждения, я решил сходить за ружьем к вулкану, который казался мне мало угрожающим. Я надеялся, что ружье осталось на одном из двух привалов, сделанных нами во время подъема или, в крайнем случае, на вершине. Я дождался, пока вы крепко уснули, и около десяти часов ушел налегке, взяв только несколько стеблей тростника. На месте первого привала ружья не оказалось, а так как вулкан не усиливал своей деятельности, я пошел дальше. Но ружья не было и на месте второго привала. Я поднялся уже очень высоко, и до вершины оставалось не больше полукилометра. Проклятый вулкан по-прежнему слабо дымил, и возвращаться не хотелось.

Я уже поднимался к бреши в крае кратера, и мне казалось, что я вижу свое ружье, прислоненное к глыбе лавы в сотне шагов впереди, когда внезапно раздался сильный грохот и из жерла выбросило массу дыма, поднявшегося вверх. Я остановился в нерешительности. Идти дальше было уже опасно, а повернуть назад обидно, когда до ружья было так близко. Но посыпавшиеся сверху мелкие камни и комья грязи вывели меня из нерешительности. Они сыпались градом вокруг меня, и один ком так саданул меня по плечу, что я вскрикнул; должно быть, он набил мне здоровый синяк — я с трудом двигаю рукой. С минуты на минуту можно было ждать нового взрыва и бомбардировки более крупными и раскаленными камнями. Я побежал вниз быстро, как только было возможно на неровном пути. Через полкилометра раздался второй взрыв, после которого вершина вулкана скрылась в дыму. Порывом воздуха унесло мою шляпу; вокруг меня опять начали падать камни, а я все бежал и бежал. Последний страшный взрыв, когда я был недалеко от подножия, бросил меня со всего размаха на землю, и я чуть не вывихнул себе руки. Поднявшись, я увидел эту ужасную тучу и, собрав последние силы, побежал, боясь, что она меня догонит и задушит.

— Да, вы счастливо избежали ужасной опасности! — сказал Каштанов, когда зоолог окончил свой рассказ.

— И в наказание за свое упрямство потеряли шляпу и устали, как ломовая лошадь! — прибавил Громеко.

— Будем рады, что наш товарищ вернулся, и обсудим, что делать дальше, — заметил Макшеев.

— Нужно уходить подальше от этого ужасного вулкана! — воскликнул Папочкин.

— Да вы разве в состоянии идти сейчас? Вы еще не успели отдохнуть от вчерашней ходьбы и прибавили к ней новую. Ложитесь и спите, часа два мы можем подождать.

— А не лучше ли нам действительно отодвинуться подальше от вулкана, хоть на два — три километра? — предложил Макшеев. — Его соседство начинает становиться опасным, а мы находимся у самого подножия вулкана.

Громеко также поддержал это мнение. Решили отойти на поверхность черной пустыни вблизи края ущелья, где озерная котловина переходила в долину ручья. С этого пункта можно было наблюдать дальнейший ход извержения вулкана. Наполнили жестянку водой, навьючились серой и припасами. Два мешка серы приспособили в виде вьюка на Генерала, который сначала протестовал и пытался сбросить тяжелый груз, но потом смирился и поплелся потихоньку рядом с людьми, вместо того чтобы рыскать по сторонам в поисках какой-нибудь поживы.

Из озерной котловины поднялись по невысоким уступам на поверхность черной пустыни, по которой прошли километра два, и остановились у того места, где ущелье расширялось в долину. Извержение как будто приостановилось, первая жгучая туча уже рассеивалась, вершина горы очистилась от дымовой завесы, и из кратера поднимался только тонкий столб черного дыма. Рассмотрев вулкан в бинокль, Каштанов заметил, что его вершина претерпела некоторое изменение во время первых взрывов: край кратера с восточной стороны понизился, и вершина казалась срезанной наискось.

Понемногу все путешественники задремали, расположившись вокруг мешков с серой на голой поверхности пустыни. Так прошло часа три, когда снова страшный грохот разбудил спящих и приковал их взоры к вулкану. Из кратера опять вырвалась злобная туча и понеслась вниз по склону, но в этот раз прямо на северо-восток, к котловине озера. Каштанов следил по часам за движением тучи, разраставшейся, как и первая, в высокую и широкую стену серо-лилового цвета. Через четыре минуты после взрыва стена надвинулась уже на озеро и скрыла его от взоров наблюдателей.

— Туча движется со скоростью курьерского поезда, около шестидесяти километров в час! — воскликнул Каштанов.

— Какое счастье, что мы ушли оттуда!

— Да, путь тучи изменился градусов на восемьдесят против первого направления — очевидно, вследствие разрушения краев кратера.

— А что было бы, если бы мы остались у озера? — поинтересовался Папочкин.

— На основании наблюдений, сделанных экспедицией, снаряженной Французской Академией наук для изучения Лысой горы на Мартинике, я могу сказать, что мы были бы обожжены и задушены в атмосфере перегретого пара с пеплом, составляющего главную массу тучи, или были бы убиты камнями, которые в изобилии несутся в ней. Она переносит даже глыбы в четыре — шесть кубических метров на несколько километров от вулкана. На своем

пути туча уничтожает все: животных, растения, и после нее остается пустыня — голая полоса горячего пепла, больших и малых камней, обгоревших деревьев и почерневших тропов.

— Что же могло сделаться с озером?

— Оно завалено горячим пеплом, камнями, вышло из берегов и превратило ручей, который из него течет, в грязный и горячий поток, вероятно кратковременный...

В это время жгучая туча пронеслась через котловину озера и поднялась на черную пустыню километрах в двух от того места, где находились путешественники. Несмотря на такое расстояние, люди почувствовали жгучее дыхание тучи в виде сильного и горячего вихря, который заставил их броситься на землю и закрыть лицо руками и одеждами. Они пролежали так около получаса, обливаясь потом, пока не установилось равновесие в атмосфере.

Подняв головы, они увидели над пустыней длинную и высокую стену клубов белого и серого пара, которая тянулась в одну сторону еще километров на десять дальше места, где они находились, и поднималась вверх на полторы тысячи метров. Воздух все еще был душливый и горячий.

— Уйдемте подбру-поздорову подальше от этого ужасного вулкана! — воскликнул Громеко. — Кто знает, не вздумает ли он выбросить следующий заряд прямо в нашу сторону?

— Да, мы уже испытали, как трудно стало дышать в двух километрах от края тучи. Можно себе представить, каково было бы нам в ее объятиях!

Собрав свое имущество, путешественники пошли по пустыне на север, постепенно приближаясь к долине речки, куда они намеревались спуститься в первом удобном месте. Но когда они подошли к краю долины и бросили взгляд вниз, оказалось, что спокойный чистый ручеек превратился в бурный грязно-белый поток, вышедший из своего русла и бешено мчавшийся по дну долины, уничтожая растительность берегов.

— Стоит ли спускаться вниз? — спросил Каптанов своих товарищей. — Идти по ровной пустыне легче, чем по песчаному дну долины, а пить воду ручья, переполненного грязью, теперь уже нельзя.

Все согласились продолжать путь по пустыне и спуститься в низовьях долины, где склоны были более изрыты оврагами. Шли недалеко от края обрыва и время от времени подходили к нему, чтобы взглянуть вниз. Бурный поток через час-другой после второго извержения начал уже убывать и вскоре совершенно иссяк. Видны были только голое русло, поваленные с корнем деревья, вырванные кусты, трава, прибитая к почве и занесенная грязно-белым илом.

— Вулкан отомстил нам за то, что мы похитили из него серу! — пошутил Макшеев. — Он уничтожил ручей, чтобы уморить нас жаждой.

— Да, теперь насчет воды нам будет плохо, — заметил Гро-

меко, — и нужно беречь наш запас, пока мы найдем другой источник в окрестностях муравейника.

— И это может помешать немедленной осаде муравейника.

Несмотря на тяжелый груз и палящий зной черной пустыни, путешественники сделали усиленный переход и остановились на ночлег, только спустившись на дно долины, недалеко от ее выхода из столовой возвышенности и от муравейника. Каштанов и Макшеев отправились на разведку, чтобы изучить внимательно крепость своих врагов. Они поднялись на поверхность пустыни и прошли на восток вдоль края обрыва, с которого можно было хорошо рассмотреть муравейник.

Он имел вид громадного холма, сложенного из сухих стволов и ветвей и состоящего из целого ряда этажей. На уровне земли были расположены главные входы, по одному с каждой стороны света, невысокие, но настолько широкие, что в них могли пройти четыре или пять муравьев рядом. В этих входах происходило непрерывное движение: одни муравьи выходили целыми колоннами, направляясь в разные стороны за добычей пищи, другие возвращались парами и порознь и тащили стволы деревьев, ветви, мертвых и живых насекомых, личинок, куколок, стебли тростника, с которыми скрывались в глубине своей крепости.

В вышележащих этажах также чернели отверстия на различной высоте и в различных местах. Но они служили, очевидно, только для притока воздуха и, может быть, на случай нападения

врагов — для выхода защитников. Они были уже и ниже главных, так что по ним мог выходить один муравей за другим. Из этих отверстий время от времени также показывались муравьи, бежали по уступам муравейника, вероятно осматривая, все ли в порядке.

— Не помешает ли это обилие отверстий нашему плану? — спросил Макшеев. — Если движение воздуха по муравейнику будет слишком свободно, сернистый газ начнет быстро выходить и не окажет должного действия.

— Сернистый газ тяжелее воздуха и только постепенно вытеснит последний, — ответил Каштанов. — Кроме того, важные части муравейника — склады личинок, куколок, яиц, запасы пищи, — вероятно, находятся в глубине, может быть в камерах, вырытых в почве. Сернистый газ пойдет сначала в эти более глубокие части, а потом уже начнет распространяться в верхние этажи. Впрочем, часть отверстий можно будет заткнуть, если мы увидим, что тяга слишком сильная.

— А не заложить ли горящую серу в верхние отверстия?

— Это может вызвать пожар всего муравейника. У нас ведь нет никаких несгораемых подстилок жаровен, сковород, что ли, и серу пришлось бы класть прямо на сухое дерево.

— Можно воспользоваться скорлупой яйца игуанодона, из которой сделаны наши временные тарелки и блюдо.

— Их всего пять, а отверстий гораздо больше.

— Нужно попытаться раздобыть сегодня еще одно или два яйца, тогда можно будет устроить еще с десятков чаш для сжигания серы.

— Это идея! Времени до вечера у нас еще много, сделаем экскурсию в пески, откуда муравьи таскают эти яйца.

Окончив осмотр муравейника, Макшеев и Каштанов возвратились к месту стоянки и сообщили свой план товарищам.

Все охотно согласилось сходить на следующий день в песчаные холмы за яйцами, пока Макшеев и Каштанов будут заняты измельчением серы.

ГИБЕЛЬ МУРАВЕЙНИКА

Когда последние партии муравьев вернулись домой и муравейник успокоился, путешественники приступили к исполнению своего плана. За день вся сера была истерта в порошок при помощи плоских камней. Наполнив ею заплечные мешки и захватив блюда из яичной скорлупы, все направились к муравейнику, где каждый должен был положить в одном из главных входов свою порцию серы, рассыпав ее грядкой поперек хода, чтобы газ направлялся в глубь сооружения. Зажегши серу, нужно было заложить выход стволами, взятыми со стен, а затем забраться по наружной поверхности и расставить в ближайших отверстиях блюда с остальной

серой, чтобы отравить воздух во всей нижней части муравейника и воспрепятствовать муравьям спастись вверх. Чтобы сера на блюдцах не горела слишком быстро и не могла зажечь сухие бревна постройки, она была слегка смочена водой.

Этот план был в точности исполнен, но только в двух главных выходах, обращенных на юг и на запад, Макшеев и Громеко неожиданно встретили караульных муравьев. К счастью, муравьи были полусонные и не успели поднять тревогу, как их убили ударами ножей.

Путешественники зажгли серу и отошли в сторону, дожидаясь на страже с ружьями в руках, чтобы истреблять спасающихся. Через четверть часа из нескольких отверстий самых верхних этажей, в которых сера не была положена, появились муравьи, тащившие большие белые свертки — очевидно, куколок. Они бежали с ними по поверхности муравейника, спускаясь вниз, но, не достигнув земли, падали, отравленные дымом серы, горевшей у нижних входов. Только несколькими удалось спуститься на землю, и они принялись растаскивать бревна, загораживавшие один из самых главных входов, очевидно полагая, что этим они спасут своих задыхающихся в глубине сотоварищей. Но эти неожиданные спасители были истреблены несколькими выстрелами. Больше никто не появлялся — все население муравейника, захваченное врасплох, погибло.

Когда сера догорела и из всех отверстий потянулся легкий сизый дымок, доказывавший, что весь муравейник наполнен сернистым газом, Папочкин задал вопрос, совершенно естественный, но до сих пор не приходивший никому в голову.

— Как же мы сами-то попадем в глубь этого сооружения? Ведь оно и для нас отравлено надолго!

— Нужно разгородить нижние отверстия, чтобы усилить доступ воздуха, а затем ждать, может быть, несколько дней, пока сернистый газ постепенно не улетучится, — ответил Каштанов.

— Ждать так долго без дела — слишком скучно, заметил Макшеев. — Нельзя ли устроить какую-нибудь усиленную вентиляцию, чтобы выгнать газ?

— Посредством чего? Огонь разводить нельзя из-за опасности пожара, а других приспособлений у нас нет.

— Если бы нам удалось застрелить игуанодона или крупного птеродактиля, — заявил инженер, — я бы смастерил из его свежей шкуры большой мех.

— Это идея! Но из чего мы сделаем трубы для вдувания воздуха в глубь муравейника?

— А хвощи разве не годятся? — предложил Громеко. — Ведь их стволы пустотелые, и нужно только пробить перегородки между отдельными коленами, чтобы сделать из них прекрасные длинные трубы. А их уже можно соединить друг с другом.

— Голь на выдумки хитра! — согласился Папочкин. — И я убеждаюсь все больше и больше, что мы, подобно Ро-

бинзону, выпутаемся из всякой беды, которую еще уготовит нам судьба.

— И даже лучше Робинзона, — заметил Каштанов, — потому что он был один, а нас четверо, и все мы специалисты разного рода. Нам было бы стыдно, если бы мы на общем совещании не могли придумать выход из любого затруднительного положения.

— Итак, за дело! — воскликнул Макшеев. — Двое из нас с Генералом пойдут на охоту, а остальные займутся изготовлением труб. Материал под руками — почти весь муравейник сложен из сухих стволов хвощей.

Папочкин и Громеко вернулись к месту стоянки, отвязали Генерала, принесли оставшееся имущество ближе к муравейнику и затем отправились вдоль опушки леса на восток.

Макшеев и Каштанов направились к муравейнику, но, не дойдя до него десятка два шагов, почувствовали резкий запах сернистого газа. Они начали кашлять и убедились, что подойти ближе невозможно.

— Придется подождать еще!

— Займемся пока доставкой замазки для труб, — предложил инженер. — В русле ручья, после того как сбежал бурный поток, вызванный извержением вулкана, осталось очень много липкой белой гязи. Нужно натаскать ее сюда, пока она не высохла.

Захватив заплечные мешки, освобожденные от серы, оба отправились к руслу и в несколько приемов натаскали целую кучу гязи, представлявшей превосходную замазку. Кучу покрыли мешками и лишней одеждой, чтобы предохранить от жгучих лучей Плутона.

Затем начали раскалывать стволы хвощей при помощи ножей, клиньев и большого камня, служившего вместо молота, и уничтожать перегородки между коленами, после чего обе половины ствола снова склеивались посредством замазки, и получившаяся труба обвязывалась в нескольких местах гибкими прутьями.

Таким образом в течение нескольких часов была изготовлена дюжина труб, длиной около шести метров каждая. Так как стволы к вершине были заметно тоньше, то трубы нетрудно было соединить, вставляя узкий конец одной трубы, обильно смазанный замазкой, в широкий конец следующей.

К концу этой работы явились и охотники, доставившие шкуру игуанодона.

Из более тонких стволов хвощей Макшеев устроил стан для меха. Когда мех был сделан, его установили у одного из больших входов в муравейник. Затем в последний начали спускать приготовленные трубы, одну за другой, узким концом вперед, постепенно подвигая их в глубь галереи и наращивая с широкого конца. Постепенно все двенадцать труб исчезли в темноте галереи, откуда газ выходил еще в изобилии, так что приходилось прерывать работу и отбегать в сторону, чтобы отдышаться на свежем воздухе. Широкий конец последней трубы вставили в мех, туго обвязали — и импровизированный вентилятор был готов.

После ужина немедленно начали проветривание муравейника, меняясь у меха, так что трое могли спать, пока четвертый работал мехом.

Проветривание вскоре начало оказывать действие — выделение газа из всех отверстий усилилось. Неожиданную помощь оказала также налетевшая гроза с сильным ветром, но почти без дождя. Порывы ветра проникли в отверстие муравейника, вытесняя газ из верхних ярусов.

Утром приступили к осмотру муравейника, вооружившись небольшими факелами, которые Громeko приготовил из сухого ствола очень смолистого хвойного дерева. Галерея, по которой были проложены трубы вентилятора, шла в глубь муравейника с пологим уклоном вниз. Она имела более двух метров в ширину, но только полтора метра в высоту, так что приходилось идти согнувшись. Уже недалеко от входа начали попадаться трупы муравьев, застигнутых газом во время бегства, и чем дальше, тем их было больше, так что ниже конца труб вентилятора приходилось уже очищать себе дорогу, отбрасывая трупы в сторону.

Галерея оканчивалась в центральной большой камере, в которую сходились, подобно радиусам, и остальные три главных хода. Эта камера была уже врыта на глубину четырех метров в почву равнины, но свод ее состоял из стволов хвоющей, расположенных очень искусно по радиусам, подобно стропилам плоско-конической крыши цирка. В промежутках между устьями четырех главных галерей в стенках камеры открывались другие четыре хода, шедшие также по радиусам, но с уклоном от центра к окружности и врытые целиком в землю, представлявшую собой очень плотный морской песок с прослоями гальки. В камере трупы муравьев, куколок и личинок, которых первые спасали, лежали целыми грудами, так что приходилось карабкаться через них.

Путешественники пошли наугад в один из нижних ходов, дно которого было все устлано трупами. Этот ход был такой же низкий, как и верхние, и, чтобы не идти почти на четвереньках, путешественники были вынуждены складывать трупы один на другой вдоль стен, очищая себе проход посередине. Этот ход, углубляясь в землю, привел на расстоянии семидесяти шагов от центральной камеры к поперечной галерее, которая имела уже почти два метра вышины, так что в ней можно было выпрямиться. Эта галерея шла по окружности под всей площадью муравейника и представляла его важнейшую часть, так как справа и слева от нее располагались отдельные камеры различной величины и с различным назначением: в одних лежали рядами белые куколки, похожие на детские трупы, завернутые с головой в саван; в других порознь и кучами валялись мертвые личинки — толстые белые черви, подобные обрубкам бревен; в третьих были разложены яйца муравьев, напоминавшие желтоватые караваи хлеба. Все камеры, занятые этими будущими поколениями муравьев, располагались с одной стороны кольцевой галереи, именно с внутренней, тогда как с наружной

стороны находились камеры со складами съестных припасов: грудами сладкого тростника, молодых стеблей кустов и трав, различных насекомых — стрекоз, жуков, червей, гусениц, — целых или разорванных на куски и издававших зловоние, которое не заглушалось даже запахом сернистого газа, более заметным в этом ярусе муравейника.

Осмотрев ряд камер по обе стороны кольцевой галереи, путешественники наконец, к своей великой радости, нашли похищенное у них имущество: все вещи были сложены в одной из наружных камер одна возле другой и в относительном порядке. Здесь была и палатка, и ящики с инструментами и припасами, и сумки с одеждой и бельем, топор, ружье, посуда и даже образцы железной руды и золота, принесенные с первой экскурсии в береговые ущелья и не уложенные еще в мешки с коллекциями.

Вещи перенесли в два приема: сначала в центральную камеру, а затем вынесли их из муравейника на свежий воздух, показавшийся удивительно приятным после часового пребывания под землей в атмосфере, пропитанной зловонием гниющих насекомых и остатков сернистого газа.

Отдохнув и пересмотрев свои вещи, среди которых запас табаку особенно обрадовал курильщиков, лишенных его целую неделю, путешественники захотели осмотреть еще верхние надземные ярусы муравейника, чтобы иметь полное понятие об его устройстве.

Оказалось, что надземная система имела главной целью защиту подземных частей от непогоды и врагов. Ходы в этой постройке, также идущие радиусами, были узкие и низкие и в каждом ярусе сходились в небольшой центральной камере. Для сообщения между ярусами служили короткие и круто наклоненные ходы.

ПЛАВАНИЕ НА ЗАПАД

После странствования по черной пустыне и в безводных окрестностях муравейника, где в последнее время с трудом добывали грязную воду из ямы, вырытой в русле иссякшего после извержения ручья, путешественники с восторгом приветствовали морской берег и искупались в чистых водах моря Ящеров. Затем они откопали лодки и возобновили свое плавание.

Каштанов после знакомства во время экскурсии к вулкану с характером этой страны почти не питал надежды на возможность дальнейшего путешествия к югу; ему казалось наиболее вероятным, что к югу от моря Ящеров залегла на многие тысячи километров бесплодная и безводная пустыня, проникнуть в глубь которой при наличных средствах экспедиции нельзя было и думать.

Но исследовать насколько возможно западный конец или западное продолжение моря было интересно и необходимо.

Плыли вдоль берега, представлявшего огромные и бесплодные песчаные дюны, с которыми путешественники достаточно ознакомились во время экскурсии к вулкану. Поэтому плавание продолжалось безостановочно до окончания песков, которые тянулись вдоль берега на двадцать пять километров. Море в этой части оказалось мелким, и в разных местах сквозь воду краснели обширные отмели, которые приходилось объезжать, отдаляясь от берега. Вблизи берега совсем не попадались плезиозавры и ихтиозавры, предпочитавшие глубокую воду. Зато между отмелями видно было множество мелкой рыбы, которая здесь пряталась от хищников, беспощадно истреблявших ее в других частях моря. Местами морское дно было сплошь покрыто пышными и разнообразными водорослями, доставлявшими обильную жатву как ботанику, так и зоологу. Последнего интересовали морские ежи, звезды, плеченогие, брюхоногие и пластинчатожаберные моллюски, которыми кишели эти подводные заросли.

Наконец пески отодвинулись от берега, уступая место узкой полосе леса хвощей, папоротников и пальм. Здесь наши исследователи сделали привал для обеда, а потом поплыли дальше. Количество отмелей в море все увеличивалось, и появились даже низменные острова, сплошь заросшие мелким хвощом и тростником. Пески отодвигались все дальше, и их красноватые гребни уже почти скрывались за береговым лесом; количество островов все

увеличивалось, и море превращалось в огромную тихую реку, разбившуюся на рукава. Даже вода стала почти пресной.

— Очевидно, с запада в море впадает большая река, и мы уже попали в ее дельту, — заметил Каштанов.

— Да, здесь уже нет прибой и поэтому нет песчаного побережья, на котором так удобно было ставить палатку, — сказал Макшеев.

— И нам придется ночевать в чаще среди туч насекомых, — пожаловался Папочкин.

Насекомые действительно появились в изобилии. Над водой и зеленью островов реяли разноцветные стрекозы, иногда преследуемые небольшими летучими ящерами. В чаще хвощей и тростника пели исполинские комары, и издаваемые ими звуки можно было слышать на расстоянии нескольких метров. По стеблям ползали огромные жуки — черные, красные и бронзовые, иногда они падали в воду и барахтались, стараясь уцепиться за нависшие листья.

Несколько часов плыли между низменным южным берегом, занятым непроходимым, сплошным лесом, и лабиринтом островов, также не представлявших удобного места для стоянки.

Оставалось расположиться на отдых в лодках, причалив к берегу, и ограничиться сухоядением, потому что топлива не было совершенно.

Все приуныли от перспективы бесконечной войны с комарами.

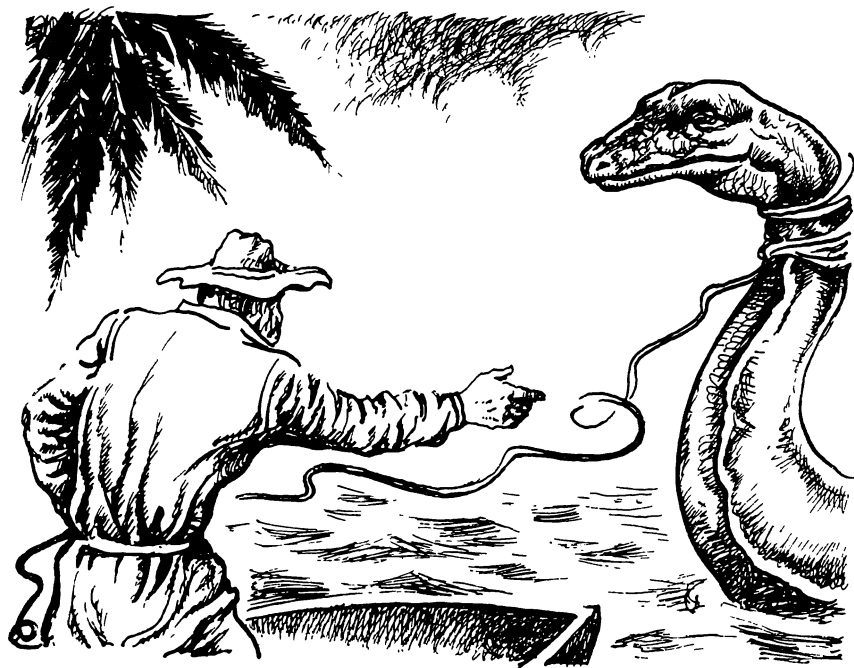
Маленькое приключение подняло настроение путешественников. Они плыли очень близко от зарослей большого острова, высматривая, нет ли где-нибудь сухого дерева среди бесконечной зелени хвощей и мелких папоротников.

— Ура! — воскликнул внезапно Громеко, когда лодки обогнули выступ и впереди открылась новая полоса берега. — Смотрите, какое славное бревно, и невысоко над водой, словно для нас приготовлено!

Действительно, из зеленой стены высывалось больше чем на два метра толстое бревно зелено-бурого цвета — очевидно, ствол большого хвоща, сваленный бурей. Гребцы налегли на весла и направили лодки к самому краю зарослей.

Макшеев встал на носу с багром, а Громеко с веревкой, чтобы закинуть ее на бревно и втащить его в лодку. Он искусно кинул веревку, к концу которой был прикреплен груз, и она обернулась несколькими кольцами вокруг бревна. Но бревно грациозно изогнулось и скрылось в зарослях, унося с собой веревку, конец которой ботаник от неожиданности выпустил из рук. Хвощи и папоротники трещали и колебались, словно среди них двигалось какое-то огромное тело.

— Вот так бревно! — воскликнул, смеясь, Макшеев, успевший рассмотреть маленькую голову, которой оканчивалась длинная

шея. — Михаил Игнатьевич хотел поймать ящера арканом. Зачем же вы выпустили веревку? Нужно было тащить добычу в лодку!

— Так шею диплодока* вы приняли за бревно? Ха-ха-ха! — смеялись Папочкин и Каштанов.

— Он держался совершенно неподвижно, а тело было скрыто в чаще, — оправдывался сконфуженный ботаник.

— Ха-ха-ха! — заливались остальные.

— Вы напрасно смеетесь! — рассердился Громеко. — Я должен напомнить вам, что и вы делали подобные ошибки. Кто-то из вас принял мамонтов за базальтовые холмы, а еще кто-то прокатился на глиптодоне, которого принял за скалу и начал обрабатывать ее зубилом!

Но это напоминание только увеличило всеобщую веселость, и в конце концов Громеко также расхохотался.

Усталость, комары, отсутствие топлива были забыты, все наперебой вспоминали разные курьезные случаи путешествия.

Когда смех затих, Макшеев, прислушиваясь, заявил:

— Впереди должно быть более открытое море: я слышу шум прибоя.

Гребцы подняли весла и также прислушались — с запада действительно доносился слабый шум.

* Диплодок — пресмыкающееся из отряда динозавров, вымерших ящеров; достигал двадцати четырех метров в длину и пяти метров в высоту; имел очень длинную шею, длинный хвост и небольшую голову.

— Если так, то наляжем на весла! Там, где есть прибой, найдется и удобное место для ночлега и дрова для костра.

— Но сначала наполним наши жестянки водой, которая сейчас совсем пресная, не то придется опять искать какой-нибудь ручей, — заметил Громеко.

Последовали этому мудрому совету и наполнили водой все свободные сосуды, затем дружно взялись за весла и через полчаса выплыли из лабиринта островов на открытую воду. Берега отдалялись в обе стороны, и море уходило на запад за горизонт. Вместе с тем на южном берегу опять появился широкий голый пляж, на котором и расставили палатку...

Это второе море, соединенное с первым длинным и узким проливом с островами и мелями, было такое же, как и первое.

На северном берегу была видна только зеленая полоса леса, тогда как на южном позади леса тянулись темные обрывы столовой возвышенности. Над зеркалом вод ряли стрекозы, с пронзительным свистом и кваканьем кружились летучие ящеры, а по временам то тут, то там поднимались шеи и головы плезиозавров.

— Уж не ошиблись ли мы в лабиринте островов и не выехали ли обратно в море Ящеров? — заявил Папочкин, когда зашел разговор о необычайном сходстве обоих морей.

— Сходство, конечно, большое. Но вы забыли про песчаные холмы южного берега. Если бы мы ошиблись и поехали на восток — ведь по этому Плутону, вечно торчащему в зените, ориентироваться нельзя, — мы должны были бы долго ехать в виду этих дюн, — сказал Каштанов.

— Но не видно реки, текущей с юга, по которой мы могли бы продвинуться еще в эту сторону, — горевал Громеко.

— Имейте терпение, малодушный! Мы только что выехали в это море, а вы уже жалуетесь.

Но терпение действительно подверглось испытанию. Проплыли несколько часов, а характер южного берега не менялся: все тот же лес без перерыва, все те же обрывы плоских высот позади него. Становилось скучно. Плезиозавры, летучие ящеры, стрекозы сделались настолько обыденным явлением, что на них обращали не больше внимания, чем на каких-нибудь лебедей, ворон, жуков при плавании на реке земной поверхности. Только изредка икhtiозавры нарушали однообразие и заставляли гребцов братья за ружья, когда вблизи лодки внезапно появлялась широкая буро-зеленая спина или противная голова этого страшного хищника.

СВЕРХЧУДОВИЩА

Так прошла половина дня, и гребцы начали поглядывать уже на берег, высматривая местечко с топливом для обеденного привала. Утром они наловили опять много рыбы и теперь собирались жарить ее.

— Вон впереди, на берегу, какие-то кучи бревен! — воскликнул наконец Макшеев.

Направили лодки так, чтобы постепенно приблизиться к берегу, и налегли на весла в ожидании вкусного завтрака.

Но когда бревна были еще в сотне метров, Каштанов, всмотревшись пристальнее, заявил:

— Это совсем не кучи бревен, а какие-то животные огромной величины, мертвые или спящие.

— Осторожнее, держите дальше от берега! — крикнул Макшеев, заметивший, что куча шевелилась.

Лодки остановились на расстоянии шагов двухсот, и гребцы с удивлением и с ужасом смотрели на берег, на котором лежали друг возле друга, вытянувшись на песке, четыре каких-то чудовища. Туловища их вздымались над пляжем, подобно длинным холмикам метра в четыре вышиной. Вдоль спины шел узкий и плоский гребень, но без щитов и шипов, как у стегозавра, а совершенно гладкий и, по-видимому, голый. Бока животных были песочно-желтого цвета с длинными и узкими темными продольными полосами, так что издали производили впечатление кучи бревен, наложенных одно на другое.

Расстояние близкого расстояния трудно было поверить, что это не четыре штабеля бревен, а чудовищные животные, длиной не менее пятнадцати семнадцати метров; но эти штабеля вздымались с боков при дыхании, иногда вздрагивали, а хвосты шевелились в воде, поднимая рябь на ее зеркальной поверхности.

— Как бы заставить их встать? — проговорил Папочкин. — Нужно же рассмотреть их как следует и сфотографировать.

— Несколько разрывных пуль нетрудно послать в эти туши, — заметил Макшеев. — Но не кончится ли это очень плохо для нас? Если чудовища разъярятся и бросятся к нам, они нас проглотят в одно мгновение.

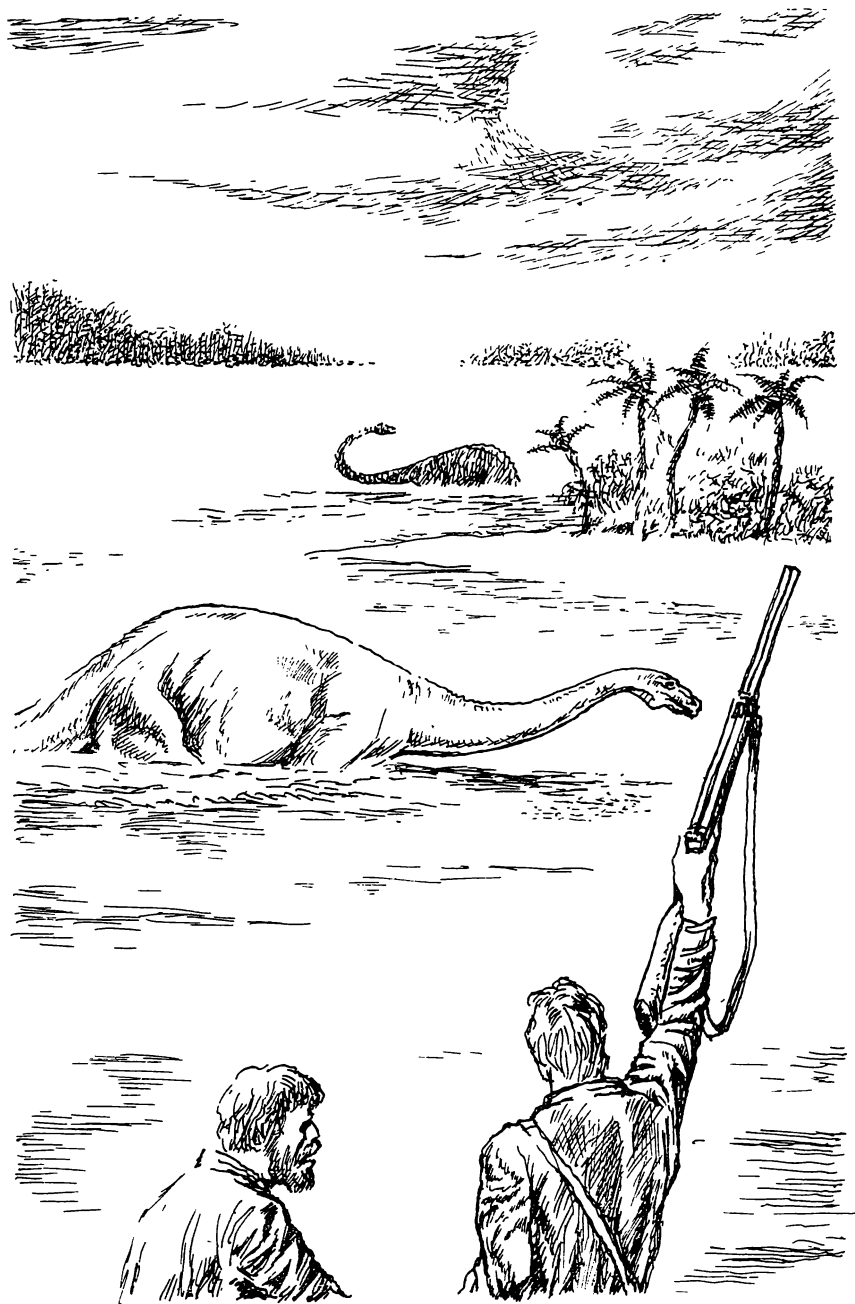
— А хищники это или травоядные? — поинтересовался Громеко. — Что это колоссальные ящеры, я не сомневаюсь.

— Я полагаю, что это не хищники, — сказал Каштанов. — Таких огромных размеров хищники никогда не достигали; для них нужно было бы слишком много животной пищи, а природа в этом отношении соблюдает известную экономию. Вспомните, что все наиболее крупные животные современности, как слоны, носороги, бегемоты, киты, — не хищники.

— Ну, в таком случае можно поохотиться на них! Поглядите, сколько мяса: можно накормить целый батальон! — заявил ботаник, хватаясь за ружье.

— Подождите немного, — предупредил его Каштанов. — Пусть они даже не хищники, но разъярить их едва ли будет благоразумно: они могут броситься к нам и утопить наши лодки, словно скорлупки.

— А если выстрелить в воздух или пустить в них заряд дроби, чтобы они встрепнулись? — не унимался Громеко. — Дробь только пощекочет этих великанов.

— Ну хорошо, только подплывем сначала так, чтобы быть против них, но на расстоянии хотя бы ста метров от берега. Если эти животные сухопутные, то они так далеко в воду не полезут.

Когда лодки очутились против чудовищ, продолжавших спокойно лежать. Громеко выпустил в них двойной заряд дробы. Дробь или звук близкого выстрела, отдавшегося эхом от стены леса, заставили животных вскопичить на ноги.

Чудовища как-то странно замотали своими длинными шеями, оканчивавшимися головкой, маленькой до смешного в сравнении с громадным телом, хотя и достигавшей семидесяти пяти сантиметров в длину, а затем тяжелой рысцей, неуклюже переваливаясь, побежали вдоль берега. Ноги у них были короткие и слабые сравнительно с массивным телом.

— Я думаю, что это бронтозавры — самые крупные травоядные ящеры верхнеюрского времени, быстро исчезнувшие на земле вследствие своей неуклюжей организации и отсутствия органов защиты, — сказал Каштанов.

— Кто же мог нападать на этих колоссов? Ведь они имеют не меньше пятнадцати — восемнадцати метров в длину, больше четырех метров в высоту, — поинтересовался Макшеев.

— И, несмотря на эти размеры, хищнику, например цератозавру, ничего не стоит перегрызть шею такому чудовищу, не говоря уже об истреблении его яиц и детенышей.

— Они и в Плутонии, по-видимому, немногочисленны, — заметил Папочкин.

— Мы уже видели много игуанодонов, птеродактилей, ихтио- и плезиозавров, а этих встречаем в первый раз. А так как чудовища оказались трусливыми, то я предлагаю подплыть ближе к берегу, чтобы фотография вышла немного крупнее.

Ящеры побежали на запад, то есть в ту же сторону, кудаплыли наши путешественники, и, отбежав около полукилометра, остановились. Поэтому через короткое время лодки, приблизившиеся к берегу, очутились опять против них. Папочкин сделал два снимка и, приготовившись к третьему, попросил ботаника выстрелить, чтобы снять животных во время неуклюжего бега.

На этот раз заряд дробы, пущенный в ящеров с близкого расстояния, произвел иной результат. Вместо того чтобы возобновить свое бегство вдоль берега, чудовища, толкая друг друга, бросились в воду, вздымая огромные волны и целые фонтаны брызг, долетавших до неосторожных мореплавателей. Громеко, стоявший в лодке, окаченный с головы до ног, потерял равновесие и бултыхнулся в море с ружьем в руках; Папочкин едва успел спрятать аппарат под свою куртку, самоотверженно подставляя голову холодному душу. Каштанов и Макшеев, сидевшие на корме и, к счастью, не выпустившие весел из рук, употребляли крайние усилия, чтобы удерживать лодки против набегавших одна за другой волн и не дать им залить и потопить себя.

Если бы эти гиганты направились прямо к лодкам, гибель пу-

тешественников была бы неминуема — они были бы смяты и потоплены со всем своим имуществом под напором чудовищных тел, так как глубина, на которой они остановились, оказалась не более двух метров. Но ящеры побежали наискось, словно не замечая преследователей, и остановились, когда вода покрыла их туловища и значительную часть шеи. Над поверхностью волновавшегося моря виднелись только четыре уродливые головы, поворачивавшиеся в разные стороны и словно старавшиеся рассмотреть странных врагов или уяснить себе причину переполоха.

В это время Громеко уже вынырнул и подплыл к лодкам, отнесенным волнами несколько в сторону от места катастрофы. Его время падения он не выронил своего ружья и теперь держал его над головой, ухватившись за борт лодки, пока товарищи не пришли к нему на помощь и не вытащили из воды.

Он промок, конечно, до нитки, перемочил все содержимое многочисленных карманов — записную книжку, часы, медицинский набор, кисет с табаком, потерял трубку и ругался по адресу виновников приключения.

— Нужно причалить к берегу, — заявил он наконец, выпустив весь заряд своего негодования. — Хотя Плутон греет хорошо, но если не протереть сейчас инструменты и не высушить записную книжку у костра, они заржавеют, а все мои записи пропадут.

— А бронтозавры? — испугался Папочкин. — Мы расположимся на берегу, а они вылезут из воды и пожелают познакомиться с нами поближе.

— Ну что же, вы тогда сфотографируете их с близкого расстояния.

— Благодарю покорно! Если они захотят порезвиться на месте нашего привала, нам придется удирать в лес и лезть на деревья...

— Я думаю, — заметил Каштанов, — что эти чудовища очень трусливы и не отличаются умом. Они нам неопасны, если мы не будем так неосторожны, как были только что. Причалим, займемся нашим завтраком и будем наблюдать за ними.

Высадились на берегу, набрали топлива на опушке леса и приступили к приготовлению завтрака, недоверчиво поглядывая в сторону бронтозавров. Последние все еще стояли в воде на том же месте, не решаясь вылезти на сушу.

— Эти животные, очевидно, не умеют плавать, — заметил Папочкин. — Они спасаются в воде от своих сухопутных врагов и, пока мы не уедем, не вылезут на берег.

Пока жарилась рыба, Громеко разложил на песке свою одежду и белье, предоставив лучам Плутона высушить их, сам же в костюме Адама занялся чисткой инструментов и просушкой записной книжки. Позавтракав, полежали на песке, наблюдая за ящерами, которые не двигались с места, а затем все поплыли вдоль берега в том же направлении. Через несколько километров южный берег начал заметно отклоняться к югу, но лежащий впереди длинный мыс, покрытый лесом, заграждал вид в эту сторону. Когда его

обогнули, надежда на то, что море распространится далеко на юг и даст возможность плыть на лодках дальше, в глубь Плутонии, не оправдалась. Море образовало только большой залив, и в нескольких километрах виден был его берег.

Так как в залив с юга могла впадать значительная река, решили плыть в этом направлении. Через час достигли южного берега и убедились, что здесь действительно имеется река, но небольших размеров. Но в одной лодке можно было попытаться сделать экскурсию в глубь страны, скрытой в этом месте стеной леса от морского берега. Поэтому у устья речки выбрали место для стоянки. Экскурсию предположили сделать только вдвоем, оставив двух других при палатке, так как печальный опыт на берегу моря Ящеров показал, как опасно оставлять имущество под охраной одного Генерала. Муравьи могли быть и в этой местности южного берега, достаточно отдаленной от уничтоженного муравейника.

БРАНДЕР КАШТАНОВА

Захватив с собой провизию, запасную одежду и заряды на случай, если экскурсия затянется на несколько дней, Каштанов и Папочкин отправились на одной лодке вверх по речке. Так как глубина была небольшая, а течение довольно быстрое, они заменили весла шестью, которыми упирались в дно. Узкое русло было окаймлено с обеих сторон высокой стеной леса; нередко хвощи, папоротники и пальмы, склоняясь над водой, почти сходились вершинами, и речка текла под высоким зеленым сводом, через который слабо проникали лучи света.

Здесь было сумрачно и прохладно. Лодка тихо скользила по воде, и только слышно было журчание под ее носом и скрип шестов, упирающихся в галечное дно.

В более открытых местах зеленого коридора ряли и звенели стрекозы, глухо жужжали большие жуки, а при слабых порывах ветра чуть шептали и шумели большие листья пальм и ветви папоротника и мягко шуршали хвощи.

Через несколько километров зеленые стены сразу расступились, и открылась большая поляна, которую речка пересекала поперек. Почва ее была покрыта очень скудной и мелкой растительностью — щетками жесткой травы нескольких видов.

— Уж не начинается ли эта речка вблизи той же группы вулканов, которую мы обследовали? — заметил Папочкин.

— Возможно, и в таком случае нам нечего будет делать, — согласился с зоологом Каштанов. — Хотя большое количество воды в речке позволяет надеяться, что ее верховья находятся значительно дальше, среди черной пустыни.

Проплыв еще километра три поперек поляны, исследователи увидели впереди, где речка суживалась, перекинутое с одного бе-

рега на другой довольно толстое бревно, висевшее так низко над водой, что лодка не могла пройти под ним.

— Можно подумать, что это мост, который кто-то устроил себе через речку! — засмеялся зоолог. — Во всяком случае, нужно причалить к берегу и убрать эту преграду.

— Э, ведь действительно похоже на мост! — воскликнул Каштанов, когда они подошли к преграде и увидели, что она состояла не из одного бревна, а из трех, аккуратно положенных рядом.

— Да, речка едва ли могла так уложить эти стволы, — согласился Папочкин. — Но если это мост, то кто же его построил? Неужели в этой юрской стране есть люди? Это было бы крайне интересно!

— В юрское время не было высших млекопитающих, как вы знаете. Даже птицы были представлены только формами, переходными к ящерам.

— Но не ящеры же устроили мост!

— Вы забыли про муравьев. Существа, которые настолько умны, что строят сложные жилища по определенному плану, вполне способны построить и мост, так как плавать не умеют и воды боятся.

— Вы правы! Вот и жилища этих проклятых насекомых! — воскликнул Папочкин, указывая на запад.

В этой стороне действительно виднелся огромный муравейник, совершенно того же типа, как и уничтоженный путешественниками.

Сбросить сухие и легкие стволы хвощей в речку было делом нескольких минут, после чего путники направились к лодке, чтобы продолжать плавание. Но, к своему изумлению, они увидели, что в лодку уже забрался незванный пассажир — муравей, который ощупывал усиками их вещи, тогда как другой стоял на берегу.

— Эге, эти черти уже тут как тут, а наши ружья в лодке!

— Берите нож, сначала атакуем того, который на берегу. Я спереди, а вы забегайте сзади.

Оба подбежали к насекомому, которое при виде врагов приняло оборонительную позу, прижавшись к кустику. Каштанов занял его внимание, наступая с ножом, а в это время Папочкин, нагнувшись через кустик, рассек муравья пополам.

Но он не заметил, как муравей, бывший в лодке, быстро выскочил на берег и вцепился своими челюстями сзади в его икру. Зоолог вскрикнул от боли и неожиданности.

Прибравший на помощь Каштанов рассек и этого муравья, но с трудом освободил товарища: пришлось разрезать вцепившуюся голову на несколько кусков.

Рана, причиненная насекомым через толстый шерстяной чулок, была невелика, но яд укуса быстро действовал, и нога начала гореть и деревенеть.

— Присядьте пока на землю, я сейчас достану нашатырный спирт и бинты из походной аптечки, — сказал Каштанов.

— Нет, нет, помогите мне сойти в лодку! Оглянитесь!

По поляне к ним быстро приближались десятка два муравьев; еще несколько минут — и пришлось бы вступить в неравный бой. Не теряя времени, Каштанов взял зоолога, с трудом волочившего ногу, под мышки, спустил его с откоса в лодку, затем вскочил сам, и перед самым носом подбежавших врагов лодка отошла от берега.

Продолжать экскурсию нечего было и думать: один гребец лежал без сил на дне лодки и стонал от боли, а всполошенные муравьи могли преследовать слишком медленно идущую против течения лодку и не давать ей пристать к берегу. Поэтому Каштанов недолго думая повернул лодку вниз по течению и взялся за весла; он старался держаться середины речки, чтобы избежать нападения насекомых. Папочкин с трудом снял обувь с раненой ноги, достал нашатырный спирт и бинт; нога уже распухла, покраснела, и каждое движение вызывало сильную боль.

Через полчаса лодка приблизилась к опушке леса, окаймлявшего поляну с севера и отделявшего ее от моря. Врагов уже не было видно, и Каштанов решил остановиться, чтобы устроить раненого поудобнее. Он разостлал плащи на дне лодки, уложил на них Папочкина, достал запасную рубашку и, смочив ее водой, положил в качестве охлаждающего компресса на раненое место — это облегчило боль, и зоолог задремал. Отдохнув немного, Каштанов поплыл дальше.

Перед началом зеленого коридора речка давала небольшое колено. Когда лодка обогнула его, впереди открылась картина, которая заставила Каштанова вздрогнуть. Быстрым движением весла он пригнал лодку к берегу, где, уцепившись за кусты, остановил ее и скрыл от взора врагов.

Последние были близко. Несколько десятков их суетились на левом берегу речки в самом начале коридора; они перегрызали стволы хвощей, росших над водой, и роняли их в речку, сооружая препятствие, через которое лодка не могла пройти. Нельзя было сомневаться, что они хотели отрезать своим двуногим врагам путь отступления к морю. Положение становилось отчаянным: один Каштанов и раненый зоолог не в состоянии были пробиться через преграду, охраняемую многочисленными насекомыми.

«Один укус при неравной борьбе с ними, — подумал Каштанов, — и я сделаюсь беспомощным, как и Папочкин. Повернуть назад и толкаться вверх по речке? Но и там муравьи могут напасть рано или поздно; и все равно речка остается единственным путем бегства из их владений. Нужно пробиться во что бы то ни стало. Может быть, их испугают выстрелы, а если нет? Всех не перебьешь, они попрячутся в лесу, а когда я начну возиться над разрушением преграды, они нападут целым полчищем», — думал Каштанов.

В этом безвыходном положении Каштанову внезапно пришла мысль, которая, казалось, обещала полный успех в случае быстрого воплощения ее в дело. Муравьи, занятые работой, еще не затопили лодки, прижавшейся к берегу среди кустов. Поэтому Каштанов начал, избегая резких движений, потихоньку тянуться назад, вверх по речке, цепляясь за кусты, чтобы вернуться за поворот русла, где берег совершенно скрывал его от насекомых. Здесь начиналась опушка леса, изобиловавшая сухими стволами хвощей и вообще валежником. Причалив к берегу и привязав лодку со спавшим зоологом, Каштанов стащил в речку несколько толстых стволов, наскоро скрепил их гибкими прутьями кустов и затем навалил на этот плот огромную кучу стволов, стеблей и хворосту, перекладывая сухой материал зелеными ветвями хвощей и стеблями тростника.

Когда куча была готова, Каштанов вернулся в лодку и тихонько поплыл вниз по течению, а плот, привязанный к длинной жерди, толкал перед собой по воде, совершенно скрываясь за ним от взоров неприятеля. За поворотом речка текла совершенно прямо к тому месту, где муравьи сооружали преграду, которая отстояла еще на сотню метров. Подтянув плот к лодке, Каштанов поджег кучу и поплыл дальше, по-прежнему толкая плот перед собой. Огонь постепенно разгорался, охватывая горючий материал, а из зелени, проложенной слоями, пошел густой черный дым.

Когда лодка и плот были в сотне шагов от преграды, Каштанов пустил плот по течению, а сам взялся за шест, чтобы задержать лодку посреди речки. Гигантский костер поплыл к преграде и остановился перед ней, обдавая клубами едкого дыма и языками пламени рабатовавших насекомых. Часть последних, обожженная или оглушенная, свалилась в воду, остальные сбежали на берег и столпились кучей, пораженные невиданным зрелищем. Тогда Каштанов зарядил двустволку мелкой картечью и начал угощать муравьев, подплывая к ним все ближе и ближе, целым рядом выстрелов. Треск страшного, невиданного огня, языки пламени, клубы дыма, непрерывные выстрелы, поражавшие насекомых, произвели на последних такое впечатление, что уцелевшие и легко раненные пустились наутек. От горевшего плота занялась и преграда, состоявшая наполовину из сухих стволов, и, пока гремели выстрелы, огонь охватил всю ее среднюю часть.

Убедившись, что враг бежал, Каштанов причалил к берегу у самого пожарища, прикончил ножом раненых муравьев, а затем принялся уничтожать преграду, сбрасывая горевшие сухие и дымившие зеленые стволы в воду. Через четверть часа препятствие исчезло, и догорающий костер на плоту поплыл дальше по реке, а вслед за ним, не стараясь его обогнать, плыла лодка с человеком, перехитрившим своих многочисленных и умных врагов.

Вниз по течению реки плавание в этом зеленом коридоре шло быстрее, и вскоре впереди в просвете показалась уже синева морской глади.

Приближаясь к устью речки, Каштанов услышал выстрелы, лай Генерала и крики товарищей. Он налег на весла, через несколько минут причалил к берегу и с ружьем в руках бросился к месту стоянки.

СРАЖЕНИЕ С МУРАВЬЯМИ

Проводив товарищей в экскурсию, Макшеев и Громеко занялись ужением рыбы в устье речки. Промысел оказался таким удачным, что через час одному пришлось уже приступить к чистке рыбы и развешиванию ее на протянутых веревках для вяления впрок.

Пока Макшеев продолжал ловлю, ботаник облазил опушку леса, собирая растения, и при этом обнаружил саговую пальму, которой решил воспользоваться. Вдвоем ее срубили, раскололи вдоль и, вынув съедобную сердцевину, разложили ее для просушки на одеялах.

Окончив эту работу, поставили на огонь котелок с ухой и уселись, обсуждая, чем заняться после обеда.

— Отлучаться далеко мы не можем, — заметил Громеко, — тем более что оставить рыбу на попечение Генерала нельзя.

— Конечно, — согласился Макшеев, — хотя это и верный пес,

но вряд ли устоит от соблазна покушать вволю вяленой рыбы и вспомнить свою родину.

— Ну что ж, наловим еще рыбы и сделаем большой запас ее для себя и для собаки. Кто знает, скоро ли попадется опять такое рыбное место. А это ящерное мясо мне, признаться, не по вкусу, все время ем его с отвращением. Во время еды я всегда стараюсь думать, что это осетрина или белужина, а не родственник лягушки или ящерицы.

В это время уха начала закипать, и Громеко направился к одеялам, чтобы взять саго для заварки.

— Ой, смотрите скорее на запад! — закричал он Макшееву, оставшемуся за палаткой у костра.

Макшеев выбежал на пляж.

С запада вдоль берега моря двигались чудовища, в которых по полосатым бокам нетрудно было узнать бронтозавров.

Они шли медленно, обрывая молодые листья с верхушек пальм и папоротников, по временам останавливаясь возле дерева, казавшегося особенно вкусным.

— Ну, что нам делать, как вы думаете? — спросил Громеко. — Мы знаем, что эти чудовища трусливы и на нас не нападут первые. Но они перетопчут и передавят нам и рыбу и палатку, если мы пустим их сюда.

— Придется стрелять, — сказал Макшеев, — сначала дробью, а если это не поможет, разрывной пулей.

Оба подняли ружья, прицелились в группу чудовищ, и четыре выстрела прокатились глухо над берегом.

Неожиданный шум и дробь, посыпавшаяся на животных, донельзя их перепугали. Но вместо того чтобы повернуть назад, неуклюжие махины бросились в воду и побежали мимо стоянки вдоль берега в небольшом расстоянии от него, вздымая волны и фонтаны брызг.

Неудачливые охотники в несколько мгновений были промочены с головы до ног, удерживая лодку, чтобы ее не снесло в море. Одна из набежавших волн подмыла воткнутый в песок шест, к которому была привязана веревка с вялившейся рыбой, другая плеснула на одеяло с сушившимся саго. Рыба с веревкой упала на песок, а саго намокло.

— Тыфу, окайные! — выругался Макшеев, отряхиваясь после душа. — Все-таки напакостили!

— Ну, вот нам и работа! — утешил его Громеко. — Мы не знали, чем заняться после обеда, а они об этом позаботились. Теперь нужно всю рыбу опять обчистить, а саго обмыть в речке и сушить.

— И сначала самим обсушиться! А уха наша, наверно, вся выкипела...

Бронтозавры, описав полукруг по воде, опять вылезли на берег, восточнее устья речки, и продолжали бежать по пляжу.

— И им, видно, досталось на орехи, ишь, как улепетьваются! — злорадствовал Макшеев, раздеваясь у палатки, пока Громеко снимал котелок с ухой.

Развесив платье для просушки и водрузив шест с веревкой на прежнее место, путешественники в костюмах Адама принялись за свой обед. Генерал, наевшись с утра рыбьих голов и внутренностей до отвала, растянулся на песке и задремал. Ни он, ни занятые едой люди не заметили, как из леса, недалеко от стоянки, вышли один за другим шесть муравьев, остановились, осмотрелись и столь же бесшумно скрылись в чаще.

Покончив с обедом, Макшеев и Громеко прилегли в палатке и закурили трубки, прежде чем приняться за очистку рыбы от лишнего песка.

Вдруг Генерал заворчал, вскочил и бешено залаял. Выбежав из палатки, Громеко и Макшеев увидели, что их стоянка окружена муравьями. Одна колонна отрезала их от устья речки, вторая надвигалась с другой стороны к веревке с рыбой и к одеялу с саго.

— А ружья-то у нас не заряжены! — завопил Громеко, бросаясь к патронташу.

— Берегите картечь! — кричал Макшеев, торопливо заряжая двустовковую. — Палите в правых, а я в левых!

Правая колонна уже набросилась на рыбу и стаскивала ее с веревки, а левая была в двадцати шагах от палатки, когда грянули первые выстрелы. Гром, дым и падение подстреленных смутили

насекомых, и передние остановились в нерешительности. Но задние напирали, привлекаемые запахом рыбы, и рать опять двинулась вперед. Стоя у входа в палатку, в которую забился ошетиившийся и лаявший Генерал, охотники заряжали ружья, чтобы дать еще залп, а затем, вооружившись ножами и прикладами, вступить в рукопашную с врагами, надвигавшимися со всех сторон. Но борьба казалась безнадежной ввиду неравенства сил.

Вдруг из кустов устья речки один за другим раздались два выстрела в задние ряды муравьев, а затем оттуда выбежал Каштанов, в руках которого был пылающий пук хвороста. Размахивая им вправо и влево, он бросился прямо в стаю насекомых, которые шархнулись в разные стороны.

Макшеев и Громеко со своей стороны кинулись к костру и начали бросать головни в муравьев. Это средство помогло — первая колонна была рассеяна и позорно бежала в чашу, оставив убитых, раненых и обожженных на поле сражения.

Покончив с врагами этой колонны, все трое, с Генералом, набравшимся храбрости, атаковали с огнем и ножами в руках насекомых, занятых уничтожением рыбы. Часть поплатилась за свою жадность, другие успели бежать, унося в челюстях рыбу или куски намокшего и слипшегося саго. Два муравья потащили за собой все одеяло, но были настигнуты и убиты. Генерал приказывал раненых, перегрызая им шею.

Когда последние беглецы скрылись в лесу, путешественники могли передохнуть и подсчитать свои трофеи и ущербы. Мертвых и тяжело раненных муравьев оказалось сорок пять.

Вместо пятидесяти рыб на веревке осталось только пятнадцать, да несколько штук, очевидно потерянных врагами при бегстве, подобрали у опушки леса. Больше половины саго было съедено или затоптано в песок. Громеко получил легкий укус в руку, а Каштанов в ногу, но толстый сапог не поддавался и предохранил его от муравьиного яда.

— Как вы кстати явились! — сказал Макшеев, когда, осмотрев поле сражения, все трое уселись у палатки. — Без вашей поддержки и выдумки с огнем мы бы не справились с этим полчищем, и они закусали бы нас до смерти.

— А где вы оставили Папочкина? — спохватился Громеко.

— Ах, я и забыл в пылу битвы, что Семен Семенович лежит у меня еще в лодке!

— Лежит? Почему лежит? Что с ним случилось? Он жив?.. — посыпались вопросы товарищей, понявших теперь причину неожиданно быстрого возвращения Каштанова.

— Жив, жив! У нас тоже было столкновение с муравьями, и Семен Семенович получил такой укус в ногу, что стал инвалидом. Помогите перенести его в палатку.

— Одну минуту! Дайте нам одеться, — сказал Громеко, только теперь обративший внимание на то, что он, как и Макшеев, до сих пор оставался полуголым.

— Да, действительно, почему вы оба в таком странном виде? — засмеялся Каштанов. — Вы разве купались, когда на стан напали муравьи?

— Нет, нас опять выкупали бронтозавры, — отвечал Макшеев и, одеваясь, рассказал, как все произошло.

Наскоро облачившись, Макшеев и Громеко последовали за Каштановым к речке, где последний, бросившись в атаку на муравьев, оставил лодку с Папочкинм, который спал так крепко, что не слышал ни выстрелов, ни криков, и проснулся только тогда, когда его подняли за руки и за ноги, чтобы отнести в палатку.

Уложив Папочкина, путешественники развесили уцелевшую рыбу, перетаскали мертвых муравьев в море, и только после этой неприятной работы Каштанов, доедая оставшуюся уху, рассказал товарищам о своих приключениях во время неудавшейся экскурсии.

Так как можно было опасаться, что муравьи, дважды пострадавшие от незваных пришельцев, вернутся в огромном количестве, чтобы отомстить за свое поражение, то возник вопрос, как быть дальше. Папочкин и Громеко советовали немедленно продолжать плавание, чтобы убраться подальше от муравейника. Но Каштанову хотелось продолжать экскурсию вверх по речке, прерванную из-за муравьев, так как она давала возможность проникнуть в глубь таинственной черной пустыни, и Макшеев поддерживал этот план. Для его осуществления нужно бы было так или иначе покончить с хитрыми насекомыми, при существовании которых экскурсия была бы под непрерывной угрозой. Поэтому решили обождать до вечера, а затем плыть к муравейнику и поджечь его. В случае удачи этого замысла путь вверх по речке становился свободным и можно было совершать экскурсию вчетвером на обеих лодках, оставив плот и лишние вещи в чаще на берегу моря.

СОЖЖЕНИЕ МУРАВЕЙНИКА

Отдохнув основательно, Каштанов и Макшеев отправились в лодке, захватив ружье, топор и вязанки хвороста. Папочкин не мог еще двигаться, а у Громеко от укуса разболелась рука. Поэтому оба инвалида остались караулить палатку. Плавание шло быстро по знакомым уже местам. Миновали остатки преграды, сооруженной муравьями, где еще дымились догоравшие стволы и чернели трупы насекомых. Затем выехали на поляну и из-за кустов осмотрели местность вокруг муравейника, чтобы не натолкнуться невзначай на врагов. Но никого не было видно. Насекомые, очевидно, предавались отдыху в недрах своей крепости. Проплыли немного дальше — к бывшему мосту через речку, от которого к муравейнику вела торная дорога, проложенная его обитателями.

Оказалось, что муравьи успели уже построить новый мост.

Лодку привязали к кустам ниже моста, взвалили на плечи вязанки хвороста, взяли ружья, заряженные на всякий случай картечью, и пошли к муравейнику. Не доходя до него, присели за кустами у дороги, чтобы понаблюдать еще некоторое время и убедиться в том, что никто не помешает исполнению задуманного плана.

Все было тихо, и можно было приступить к работе. В каждый из главных входов положили вязанку хвороста, а поверх нее наиболее сухие и тонкие стволы, взятые из самой постройки.

Затем подожгли костер самого отдаленного западного входа и побежали стремглав — один к северному, другой — к южному входу, чтобы поджечь их и затем сойтись у восточного входа, где закончить поджог и, в случае надобности, бежать к лодке.

Каштанов, поджигавший костер у северного входа, в глубине галереи заметил муравья, подбежавшего к заграждению. Он притаился за костром в надежде, что насекомое выйдет наружу и тогда можно будет прикончить этого часового, чтобы он не поднял тревоги. Но муравей, осмотрев костер и попытавшись растащить его, убежал вглубь, очевидно за помощью. Тревога начиналась, и нужно было спешить к последнему выходу.

Макшеев оказался уже здесь; он торопливо поджигал костер и встретил товарища словами:

— Скорее, скорее! Нужно спастись к лодке.

Оба побежали во весь дух, но по дороге остановились, чтобы взглянуть назад. Из устья восточного входа вырывалось уже огромное пламя. С северной стороны муравейник также пылал в нескольких местах, и из многих верхних ходов валил густой дым. Но с южной стороны, где Макшеев очень торопился при виде встревоженных насекомых, огонь был слабый, и на этой стороне из всех верхних ходов выбегали один за другим муравьи. Одни тащили яйца или куколок, спускаясь с ними вниз, и относили их в сторону; другие суетились без толку взад и вперед, подбегая к огню или к дымившим отверстиям, падали обожженные или оглушенные.

— Плохо удалось наше предприятие! — заметил Каштанов. — Часть муравьев успеет спастись, будет блуждать без пристанища по стране и нападет на нас. Придется завтра же убираться подальше.

— А сейчас нам тоже нужно убираться подальше! — вскричал Макшеев, указывая на колонну насекомых, бежавших по дороге к мосту.

— Не за водой ли они побежали, чтобы тушить пожар? — пошутил Каштанов, пустившись рысью рядом с товарищем.

Муравьи, несомненно, заметили поджигателей и гнались за ними. Они бежали быстрее, чем люди, и расстояние между теми и другими все уменьшалось.

— Я больше не могу, сердце не выдержит! — задыхаясь, крик-

нул Каштанов, который по своим летам и по образу жизни не мог долго тягаться с Макшеевым.

— Остановимся и дадим залп, — предложил последний.

Они успели перевести дух, пока насекомые не приблизились на пятьдесят шагов, и затем выстрелили. Передние в колонне упали, задние остановились. Их было больше десятка, но за ними на некотором расстоянии следовал второй отряд.

Собрав последние силы, преследуемые добежали до моста в то время, когда резерв подошел к месту сражения.

— Черт возьми! Где же наша лодка? — воскликнул Макшеев, добежавший первым до берега реки.

— Что вы, неужели ее нет?

— Нет, она исчезла бесследно!

— Здесь ли она была привязана?

— Здесь, я хорошо заметил место... А вот и веревка, которой она была привязана, висит себе на кусте!

— Кто же отвязал и увел лодку?

— Может быть, сама отвязалась и уплыла вниз по речке.

— А может быть, муравьи угнали ее.

— Что же нам делать?

— Перебежим пока через мост и разрушим его за собой, — предложил Каштанов. — По крайней мере, речка отделит нас от погони.

Не теряя времени, оба перешли по гнущемуся под их тяжестью мостику на другой берег. Преследователи были уже в сотне шагов от речки.

— Перетащим бревна к себе, а то, пожалуй, муравьи их опять выловят, — предложил Макшеев.

Через минуту, когда передние муравьи подбежали к берегу, оба бревна лежали уже у ног путешественников. Глубокая речка отделяла их от преследователей, которые остановились у берега в замешательстве. Их было около двадцати, но на дороге были видны еще новые подкрепления, спешившие на помощь. Позади них, в глубине поляны, муравейник пылал, как огромный костер. Пламя поднималось высоко вверх, и клубы черного дыма вились в спокойном воздухе, образуя черный столб, тянувшийся на огромную высоту.

— Можно подумать, что это извержение вулкана! — засмеялся Макшеев. — Мы им все-таки хорошо отплатили за все каверзы.

— Но не достигли желаемого результата — не очистили местность от них — и теперь должны позорно отступать перед насекомыми.

— Как мы только доберемся до моря?

— Идти вдоль берега речки через лес нечего и думать.

— Там скоро не проберешься, а муравьи могут обогнать нас и напасть на наших товарищей.

— Вот что: если нельзя идти — поплывем. Из этих двух бревен нетрудно сделать плотик, а вода понесет нас скорее, чем наши ноги.

— Идея! Но сначала нужно разогнать муравьев, чтобы они не помешали как-нибудь нашему отплытию!

Зарядив ружья, путешественники дали четыре выстрела в кучу насекомых, толпившихся на противоположном берегу. Больше десятка попадали, некоторые скатились в воду, остальные разбежались в стороны. В несколько минут бревна, составлявшие мост, были спущены на воду, наскоро связаны гибкими прутьями, срезанными в кустах; оба вскочили на импровизированный плот и оттолкнулись от берега, бросив последний взгляд на пылающую крепость своих врагов. Вода быстро понесла их вниз, а ружья служили вместо шестов, чтобы отталкиваться от берега, когда плот одним или другим концом слишком приближался к нему. Несколько муравьев некоторое время бежали вдоль речки, но течение было быстрее их, и они постепенно отставали.

За коленом речки, перед опушкой леса, где Каштанов устраивал свой плавающий костер, пловцы с радостью увидели свою лодку, прижатую течением к берегу и застрявшую в кустах.

Плот также принесло к этому месту; они поймали беглянку, уселись и налегли на весла.

Через полчаса они благополучно приплыли к своему стану.

НОВАЯ ЭКСКУРСИЯ В ГЛУБЬ СТРАНЫ

Неудачный поджог муравейника заставил путешественников немедленно покинуть стоянку на берегу залива, так как при всякой экскурсии в глубь страны они рисковали встретиться с озлобленными насекомыми, лишившимися жилища и бродящими повсюду, и должны были бы тратить на войну с ними всю свою энергию и огнестрельные припасы, которых оставалось не так уж много. Да и на самой стоянке они рисковали ежеминутно подвергнуться нападению муравьев, которое могло кончиться печально.

Вопрос, продолжать ли плавание вдоль южного берега моря Ящеров на запад или же вернуться и плыть на восток, обсуждался очень горячо во время раннего завтрака. И наконец решили плыть еще на запад.

Поплыли прежним порядком, вблизи берега, и скоро выбрались из залива. Южный берег и далее был утомительно однообразен. Проведя две недели среди животного и растительного мира юрского периода, наши путешественники уже так привыкли к нему, что находили его довольно однообразным. Им хотелось теперь проникнуть дальше на юг, в надежде встретить еще более древнюю флору и фауну, испытать новые приключения и получить новые впечатления.

Но этот дальнейший путь на юг был прегражден пустыней, а плавание на запад или на восток обещало им только все те же картины юрской природы. И все начали уже подумывать об обратном пути на север.

На берегу в нескольких местах замечены были муравьи, из чего можно было заключить, что этот род насекомых распространен по всему южному берегу моря Ящеров и они действительно являются царями юрской природы.

— Счастье еще, что они часть времени проводят в муравейнике! — заметил Папочкин. — Иначе от них не было бы житья.

— Да, эти твари хуже сабельных тигров и хищных ящеров. Те и другие не доставили нам и сотой доли тех неприятностей и тревог, которые причинили муравьи, — согласился Макшеев.

Ночевали на пляже. Решили плыть еще один день дальше на запад, и если в этот день не удастся проникнуть на юг, то повернуть обратно.

Этот последний день принес желанную перемену. Берег моря вскоре начал сильнее уклоняться на юг, сохраняя тот же характер. Через несколько часов плавания стало видно, что зеленая стена леса скоро кончится и далее начнутся утесы.

— Опять та же столовая возвышенность, а на ее поверхности черная пустыня! — воскликнул Каштанов, изучавший в бинокль местность, лежащую впереди. В его голосе было слышно разочарование.

Но когда подплыли к концу леса, оказалось, что между ними и подножием столовой возвышенности расположен большой залив, в глубине которого открывалась зеленая долина; на заднем плане последней поднималась группа высоких остроконечных темных гор.

— Опять вулканы! Но на этот раз совсем недалеко от берега моря! — воскликнул Громеко.

Лодки направились к южному берегу залива в устье долины, где виднелась ровная площадка песчаного пляжа.

В долине протекал довольно большой ручей, окаймленный деревьями, кустами и лужайками. Палатку раскинули на пляже. На лужайках вдоль ручья видели жуков, стрекоз, мух, заметили следы игуанодона и летучих ящеров, но муравьев не нашли.

После обеда направились к вулканам, но из предосторожности лодки, палатку и лишние вещи спрятали в чащу леса, подвесив некоторые из них даже на деревьях. Генерала взяли с собой.

Путь шел вверх по долине вблизи ручья. Рощи по его берегам не представляли непроходимой чащи и были пересечены тропинками игуанодонов. В утесах обоих склонов Каштанов определил породы, встреченные гораздо севернее; именно на реке Макшеева, — оливиновые с вкраплениями никелевого железа. Но только здесь эти вкрапления часто превращались в большие гнезда, диаметром от половины до одного метра, состоявшие из сплошного металла.

— Ведь это же прекрасный материал для переработки в сталь! — воскликнул инженер, остановившись в изумлении и восторге перед

высокой отвесной стеной, в которой большие и малые гнезда металла, тускло блестевшие под лучами солнца, были рассеяны в изобилии.

Он смотрел на эту стену с таким же вождением, с каким дети разглядывают сладкую булку, полную изюма.

— Эх, какой колоссальный завод можно было бы основать тут! — сокрушался он.

— Несмотря даже на муравьев? — с улыбкой спросил Каштанов.

— Несмотря ни на что! Разве в случае необходимости разработки этих сокровищ люди остановились бы перед полным истреблением надоедливых насекомых? В погоне за золотом европейцы вытеснили воинственных краснокожих, людоедов-австралийцев, бушменов и кафров. Одной пушки и нескольких десятков гранат достаточно, чтобы истребить все муравейники этого берега с их населением.

Над зеленой долиной по временам проносились взад и вперед крупные птеродактили, высматривая добычу; очевидно, где-нибудь по соседству на неприступных утесах было их гнездилище. Нападать на людей они не решались, но, когда Генерал слишком опережал путешественников или отставал от них, над ним появлялся ящер и кружил в воздухе в ожидании удобного момента для нападения. Громеко два раза стрелял по летучему хищнику и во второй раз подшиб его. Раненое животное осталось барахтаться на вершине большого папоротника.

Встретили стадо игуаноносов, которые отдыхали на лужайке у подножия скал, но охоту на них отложили до обратного пути, чтобы не нагружаться мясом.

Через три часа спокойного хода достигли того места, где долина круто поворачивала на запад. Далее ее правый склон образовывался из откосов группы вулканов. Путь сделался труднее, приходилось то и дело пробираться по лаве, карабкаясь по ее черным глыбам.

На маленькой лужайке, где было удобное место для ночлега и несколько сухих хвощей для костра, сложили принесенные с собой запасы и лишние вещи, чтобы налегке обследовать местность.

Между концами двух широких потоков лавы, спускавшихся с вулкана, лежало небольшое озеро — в полсотню метров в диаметре, — окаймленное группами небольших пальм, хвощей и узкой полосой тростников. Ручеек вытекал из этого озера, пробиваясь по лаве нижнего потока. Поверхность озера была гладкая, как зеркало, и отражала в себе до мельчайших подробностей и зеленую раму, и черные потоки лавы, и мрачные обрывы столовой возвышенности.

— Вот чудесное местечко для отшельника, который захотел бы уйти навсегда от суеты мирской! — воскликнул Папочкин. — Он выстроил бы себе хижину под защитой черной стены и жил, предаваясь созерцанию ясного неба, вечного солнца и величественного вулкана на берегу мирного озера в тени пальм.

— И в один прекрасный день погиб бы под градом камней или под потоком лавы, извергнутом этим коварным вулканом, — заметил Каштанов.

— Или еще раньше умер бы от голода, ибо, насколько могу судить, эти пальмы не дают съедобных плодов, а тростник не сладкий, — прибавил Громеко.

— И не видно никакой дичи, — сказал Макшеев.

— Какие вы все жалкие реалисты, не даете даже помечтать! Отшельник мог бы завести пашню, садик, огород. Вода есть, а на старой лаве отлично растет виноград и...

Зоолог не успел кончить свою фразу, потому что со стороны вулкана, главная вершина которого была скрыта ближайшими нагромождениями лавы, раздался гул, подобный грому, и через несколько минут вокруг путников упал дождь мелких черных лапилли (камешков).

— Вот вам! Его величество предупреждает, что он не даст отшельнику разводить виноград на старой лаве... — засмеялся Макшеев.

— Осмотрим озеро и вернемся назад к нашим вещам. Здесь менее безопасно, — предложил Каштанов.

Пока путники спускались по лаве к озеру, раскат повторился и опять посыпались лапилли.

— Вулкан сердится на незваных гостей! Он боится, что мы похитим сокровища из его кратера, как похитили серу из кратера Сатаны, прежде чем он успел проснуться.

— Назовем этот вулкан Ворчуном! — предложил Громеко.

Это название было принято сочувственно и занесено на карту, которую набрасывал Каштанов. Озеро получило название Отшельничьего, а ручей, вытекавший из него, — имя Папочкина.

— Вот мы и увечковечили ваши воздушные замки! — смеялся Макшеев, записывая эти имена.

Вода озера оказалась холодной и пресной, на вкус даже напоминавшей сельтерскую, так

как из нее при легком подогревании выделялись пузырьки углекислоты.

Обойдя озеро кругом и наткнувшись на удобное место, путники с удовольствием выкупались в его живительной воде и узнали, ныряя, что глубина его не превышает трех метров. Ни рыбы, ни водяных растений, ни насекомых в нем не было.

Так как было еще рано возвращаться на место стоянки, решили взобраться на столовую возвышенность. Это было нетрудно, потому что верхний поток лавы упирался в обрыв возвышенности, и глыбы представляли нечто вроде гигантской лестницы, так что, карабкаясь с глыбы на глыбу, путники скоро очутились наверху.

На востоке у их ног, в глубокой яме, лежало озеро, а за ним поднимались черные, изрытые склоны Ворчуна, над которым царил его крутобокая вершина. Из нее поднимался столб черного дыма, тянувшийся в спокойном воздухе на огромную высоту. На юг, запад и север расстилалась черная пустыня, совершенно такая же, как вокруг группы вулкана Сатаны. На севере она упиралась в море, а в другие стороны уходила до горизонта.

— Ворчун гораздо выше Сатаны, и склоны его конуса круче, — заметил Каштанов.

— А начавшееся извержение помешает нам забраться на его вершину, — добавил Макшеев.

— Увидим завтра. Серы нам теперь не нужно, и мы можем повернуть назад в любой момент.

Спустившись обратно к озеру и проделав тот же путь через лавовые потоки, путники через час очутились на месте своей стоянки.

«ШАЛОСТИ» ВОРЧУНА

Но Ворчун не дал им выспаться как следует. Через несколько часов они были разбужены ужасным грохотом и вскочили перепуганные.

— Неужели и этот вулкан выбрасывает палящие тучи? Смотрите, что там творится! — воскликнул Громеко.

Ворчун был окутан густыми черными тучами, которые спускались все ниже по склону и вместе с тем расплзались во все стороны. Чувствовался заметный запах серы и хлора. Тучи клубились, освещались яркими молниями, а грохот, вырывавшийся из недр вулкана, сливался с раскатами грома.

— Нет, — заметил Каштанов, — палящей тучи нам бояться нечего. Это извержение носит другой характер, именно типа Везувия. Сейчас выбрасываются пепел и бомбы, а потом, вероятно, появится и лава.

— Наше восхождение, конечно, ухнуло.

— Понятно! Было бы безумно лезть на вулкан в такое время.

— Что же мы будем делать?

— Посидим еще здесь или продолжим прерванный сон, а затем пойдем назад к морю.

— Почему же не сейчас?

— Интересно наблюдать извержение так близко.

— А если на нас посыплются бомбочки?

— Едва ли — мы тут у самого подножия, и так далеко они не летают.

— А если лава захватит нас?

— Лава течет медленно, и от нее всегда можно уйти, даже пешком.

— Ну, тогда останемся и посмотрим работу Ворчуна. Но не мешает за это время позавтракать.

Разожгли костер, поставили чайник и за едой наблюдали за вулканом.

Он совершенно скрылся в тучах, и даже небо в зените было подернуто серой дымкой, сквозь которую Плутон казался красным диском без лучей, бросавшим зловещий, тусклый свет на мрачные окрестности вулкана.

Вскоре начал падать черный пепел, тонкий, как пудра, сперва отдельными частицами, потом все гуще и гуще, так что чай пришлось пить, закрывая кружки рукой, чтобы не наглотаться вулканической пыли. Постепенно почернели и трава, и тростник, и листья пальм, а вода в ручье стала похожей на чернила.

— Хорошо, что мы догадались набрать воды в нашу жестянку, — заметил Макшеев. — Иначе остались бы на целый день без воды... Но что это за шум?

Так как грохот вулкана ослабел, то в промежутке между раскатами грома можно было слышать глухой шум, подобный реву морского прибоя, постепенно усиливавшийся. Путешественники переглядывались в недоумении.

— Уж не палящая ли туча? — с тревогой спросил Папочкин.

— Нужно бежать скорее наверх! — вскричал Каштанов. — По ручью несется вал воды или грязевой поток. Я и забыл о возможности этого. Берем пожитки — и на гору!

Живо были опорожнены недопитые кружки, собраны вещи и ружья, и все побежали вверх по лавовому потоку, карабкаясь по глыбам, спотыкаясь, стараясь подняться на достаточную высоту над руслом ручья.

Когда они наконец остановились, чтобы перевести дух, на высоте около пятидесяти метров над местом стоянки и оглянулись, их взору представилась картина, показавшая, что поспешное бегство было вполне своевременным. По руслу, шедшему со склона вулкана, несся бешеный поток черной воды, срывающий большие глыбы застывшей лавы со своих берегов. Через несколько минут грозный вал вышиной метра в три докатился до места, где они только что беспечно пили чай, и в одно мгновение в его грязных волнах скрылись зеленые кусты, закачались и повалились пальмы, сломанные или вырванные с корнем, и вся площадка исчезла, словно ее и не было.

— Ловко работает! — воскликнул Папочкин. — Мы вовремя убрались!

При своем бегстве путешественники поднялись выше этого лавового потока, и с того места, куда они забрались, видны были внизу и та и другая вершины. Грязевой поток прошел по правой вершине, и теперь все повернулись в сторону левой, чтобы посмотреть, что там делается. Через несколько минут по тесной долине левой вершины прикатил второй грязевой поток, но двигавшийся медленнее, так как вода была переполнена пеплом и мелкими камешками и представляла жидкую черную кашу, в струях которой крутились кусты, вырванные с корнем, и стволы пальм.

— Их несет с берегов озера, где мы были вчера! — воскликнул Папочкин.

— Вот вам и тихое, идиллическое убежище отшельника! Озеро уже не существует — все затоплено грязью, — сказал Каштанов.

— Да, здешние вулканы оказываются очень беспокойными соседями! — заметил Громеко. — Сатана угостил нас палящей тучей, а Ворчун — грязью.

— И все-таки мы спаслись и тут и там и видели грозные и интересные явления природы, — сказал Каштанов.

— А теперь мы отрезаны от моря и наших лодок! — воскликнул Папочкин в унынии. — Смотрите, справа и слева бурные потоки, а позади нас — Ворчун, который может устроить нам еще какое-нибудь угощение.

Действительно, путешественники, укрывшиеся от грязевых потоков на скале вулкана, очутились в осадном положении и не могли направиться вниз по долине к морю. А позади них вулкан продолжал гроыхать.

— Если теперь прикатит еще сверху лава, мы будем между огнем и водой. Приятная перспектива! — заявил Громеко.

— Да, Ворчун еще не сказал своего последнего слова, — заметил Макшеев.

— Я думаю, что наши тревоги преждевременны, — успокоил их Каштанов. — Грязевые потоки скоро сбегут, и мы пойдем к морю, прежде чем лава, если таковая вообще направится в эту сторону, доберется до нас.

— А пока нас тут промочит до нитки! Укрыться-то негде, — ворчал Папочкин.

Зоолог был совершенно прав. Уже некоторое время из туч, распространившихся от вулкана, накрапывал дождь, на который путешественники не обратили внимания, занятые грязевыми потоками. Теперь дождь усилился, и все начали осматриваться по сторонам, чтобы найти хоть какую-нибудь защиту. Рассчитывая на хорошую погоду, продолжавшуюся уже много дней, путешественники пошли в экскурсию налегке — без плащей и палатки — и теперь ничем не могли защититься.

— Мне кажется, что там, выше, где столько крупных глыб лавы, мы скорее найдем какое-нибудь убежище, — сказал Макшеев, указывая вверх по склону.

— И очутимся еще ближе к вулкану! — вздохнул Папочкин.

— Вольному воля — оставайтесь здесь под дождем, а мы полезем! — заявил Громеко.

Но зоолог не захотел отстать от компании, и все пошли вверх по крутому потоку. И камни и обувь уже намокли, и идти было скользко и трудно. Впрочем, скоро добрались до большого вала из навороченных одна на другую глыб, обозначавшего конец более молодого потока, излившегося поверх старого. Между глыбами кое-где оставались промежутки, достаточные для приюта одного человека. Все четверо разместились по этим норам, а мокрый Генерал залез к Макшееву, который был не особенно доволен этим соседством. Достаточно намокшие люди, скорчившиеся в неудобных позах на неровных камнях, переживали довольно неприятные минуты и, чтобы поддержать хорошее расположение духа, перекликались из своих убежищ друг с другом, когда грохот Ворчуна немного затихал.

Дождь лил не переставая. Скоро и по поверхности лавового потока потекли струйки и ручейки грязной воды, наполненной пеплом, и доставили укрывшимся новые неприятности. Одному обдало

холодным душем бок, другому спину. Папочкин, растянувшийся на животе в низкой и длинной норе, почувствовал воду под собой. Он вылез наружу и начал бегать между глыбами в поисках лучшего места.

Макшеев, видевший эту сцену, хохотал: ему удалось приютиться вместе с Генералом в маленькой пещерке в лаве.

— Это не Ворчун! — кричал зоолог, карабкаясь по глыбам под дождем. — Это черт знает что: Плакун, Мокрун, Дождюн!..

— Водолеем назовем его, — предложил Макшеев.

Но Папочкин уже не слышал. Он нашел низенькую расселину и заполз в нее головой вперед. Только она оказалась слишком короткой, и ноги остались снаружи, под дождем.

Вдруг ужасающий грохот потряс воздух. Путешественникам показалось, что камни раздавят их, как мышей в ловушке. Все выскочили из убежищ.

— Землетрясение! — вскричал Громеко.

— Вулкан взорвался и рухнет на нас! — вопил Папочкин.

— Неужели палящая туча?! — прошептал Каштанов, бледнея.

Через завесу дождя и туч ничего не было видно, и после первых мгновений испуга все немного успокоились. Но вот с глухим треском вблизи них грохнулась бомба, величиной с голову, покрытая спиральными бороздами, и начала шипеть, трещать и дымиться под дождем. По сторонам, справа и слева, вверху и внизу, то тут, то там также слышны были удары и треск падавших камней.

— По местам скорее! — крикнул Макшеев. — Ворчун открыл пальбу снарядами крупного калибра!

Все поторопились залезть в свои норы, откуда с замиранием сердца, но с интересом наблюдали, как падали и шипели бомбы разной величины. Иные, ударившись о глыбу, разлетались на осколки, словно гранаты. Зато ливень быстро прекратился. Порыв горячего ветра пронесся вниз по склону, запахло серой и гарью. Тучи начали рассеиваться. Снаряды перестали падать. Макшеев решил выглянуть из пещерки.

— Ворчун снял свою шапку и показал нам свой красный язык! — вскричал он.

Остальные тоже повылезли и подняли головы.

Наверху, между черными тучами, по временам открывалась вершина вулкана, на которой с одной стороны свесился короткий огненно-красный язык лавы, словно дразнивший людей, которые осмелились нарушить вековое уединение горы.

— Да, это появилась лава! — заявил Каштанов.

— Час от часу не легче! Сначала он хотел затопить нас в грязи, потом залить водой, потом пришибить бомбами, а так как все это не помогло, то пустил в ход последнее средство и хочет залить нас лавой! — шутил Громеко.

— Мужайтесь, Семен Семенович! Теперь уж вам крышка, — смеялся Макшеев.

— Ну вас! — огрызнулся зоолог. — Если бы опасность была

так велика, вы бы сами задали лататы, как перед грязевым потоком.

— От лавы мы уйдем не торопясь! — заметил Каштанов.

Но уходить было некуда. В обоих руслах все еще бушевали грязевые потоки. А наверху красный язык быстро удлинялся, по временам исчезая под клубами белого пара, выделявшегося с его поверхности.

— Ворчун вымочил нас, а теперь высушит! Когда лава подойдет близко, мы сначала высушим на себе платье, а потом...

— А потом вымокнем опять при переправе через поток, если не утонем в нем, — закончил Папочкин шутку Громеко.

Но благодаря очистившемуся от пепла и туч воздуха проглянул Плутон и быстро начал обсушивать склоны вулкана. Черные глыбы лавы дымились, словно подогретые подземным огнем.

Путешественники сняли свое платье и развесили его на камнях, предварительно выжав воду. Громеко разделся даже донага и, согреваясь лучами Плутона, советовал остальным товарищам последовать его примеру.

— А если Ворчун угостит нас новой порцией снарядов? Сидеть в норах голыми будет не особенно удобно! — заметил Макшеев.

— Раз показалась лава, взрывы и извержение рыхлого материала обыкновенно прекращаются, — пояснил Каштанов.

— Но если придется удирать от лавы, мы не успеем одеться.

В эту минуту над вершиной вулкана вырвалось белое облако паров, и над краем кратера показалась огненная стена, быстро ползшая вниз.

— Первый поток лавы ушел в долину озера, — заметил Каштанов, — а этот, пожалуй, может и до нас добраться.

— А через сколько времени? — поинтересовались остальные.

— Может быть, через час, может быть, и позже. Это зависит от свойства лавы. Если лава тяжелая и легкоплавкая, она жидка и течет быстро, а если лава легкая, вязкая, богатая кремнеземом, она трудноплавкая и движется медленно.

— Какой же лавой угощает нас Ворчун?

— До сих пор, насколько было видно по старым потокам, он изливал тяжелую лаву. Вероятно, такая же будет и в этот раз. Вообще, по характеру всех пород, которые мы встречаем в Плутонии, очень тяжелых, богатых оливином и металлами, трудно ожидать, чтобы здешние вулканы могли изливать легкую кремнеземистую лаву.

— Следовательно, нам нужно убираться отсюда поскорее.

— Да, но я надеюсь, что, прежде чем лава доберется до нас, грязевые потоки иссякнут и мы свободно переберемся через русло того или другого.

Плутон, не закрываемый больше тучами, и горячий ветер, дувший с вулкана, скоро высушили одежду путешественников, которые оделись и в ожидании возможности уйти продолжали наблюдать вулкан. Конец длинного языка лавы уже скрылся за гребнем склона, очевидно спускаясь в долину бывшего озера у западного подножия Ворчуна. Новые порции лавы, поднимавшиеся из кратера, изливались отчасти по этому пути, отчасти же севернее и, вероятно, образовали второй поток, спускавшийся на северный или северо-западный склон; в последнем случае он должен был течь в сторону наблюдателей. Но из-за ближайших нагромождений лавы они не могли видеть, куда направляется этот поток.

Количество грязной воды в обоих руслах, особенно в левом, заметно уменьшилось, и по ним катился уже не бешеный поток, а небольшая грязная речка, через которую можно было рискнуть перейти в брод.

В БЕЗВЫХОДНОМ ПОЛОЖЕНИИ

Так прошло полчаса. Извержение продолжалось спокойным темпом, и взрывы в кратере слышались только изредка и слабые. Но вот выше по склону, над местом, где сидели наблюдатели, послышался глухой шум и шорох, напоминавший звуки, раздающиеся на большой реке во время сильного ледохода. В этой стороне поднимался гребень из громадных глыб лавы — очевидно, фронт старого потока, остановившегося на этом месте.

— Пожалуй, пора уходить, — сказал Каштанов, вставая, — лава уже недалеко.

Все направились вниз по склону, к месту своего ночлега на берегу ручья, по временам оборачиваясь и оглядываясь назад, туда, где шум все усиливался. Там, над гребнем старого потока, уже показался фронт нового; но он совсем не представлял стену огненно-красной лавы, как рисовали себе три наблюдателя, кроме Каштанова, знакомого с этими явлениями. Этот фронт имел вид черного вала из глыб различной величины, который подвигался вперед под действием какой-то невидимой, но чудовищной силы.

Глыбы медленно ползли, надвигаясь одна на другую, с треском и скрипом: одни скатывались с гребня вниз, а на месте их появлялись новые; другие катились довольно далеко вниз по склону, с грохотом ударяясь и разбиваясь о неровности поверхности старого потока или глыбы, лежащей на ней. Из промежутков между глыбами вала то и дело вырывались струи и клубы белого пара, местами взвивались синие огоньки или же появлялись огненные пятна, словно отдельные горящие еще угли в потухающем костре, подернутом пеплом. Но этот костер двигался вперед, словно огромное ползущее чудовище под колеблющимся панцирем из черных чешуй, ползущее и изрыгающее жгучее дыхание и ядовитые испарения.

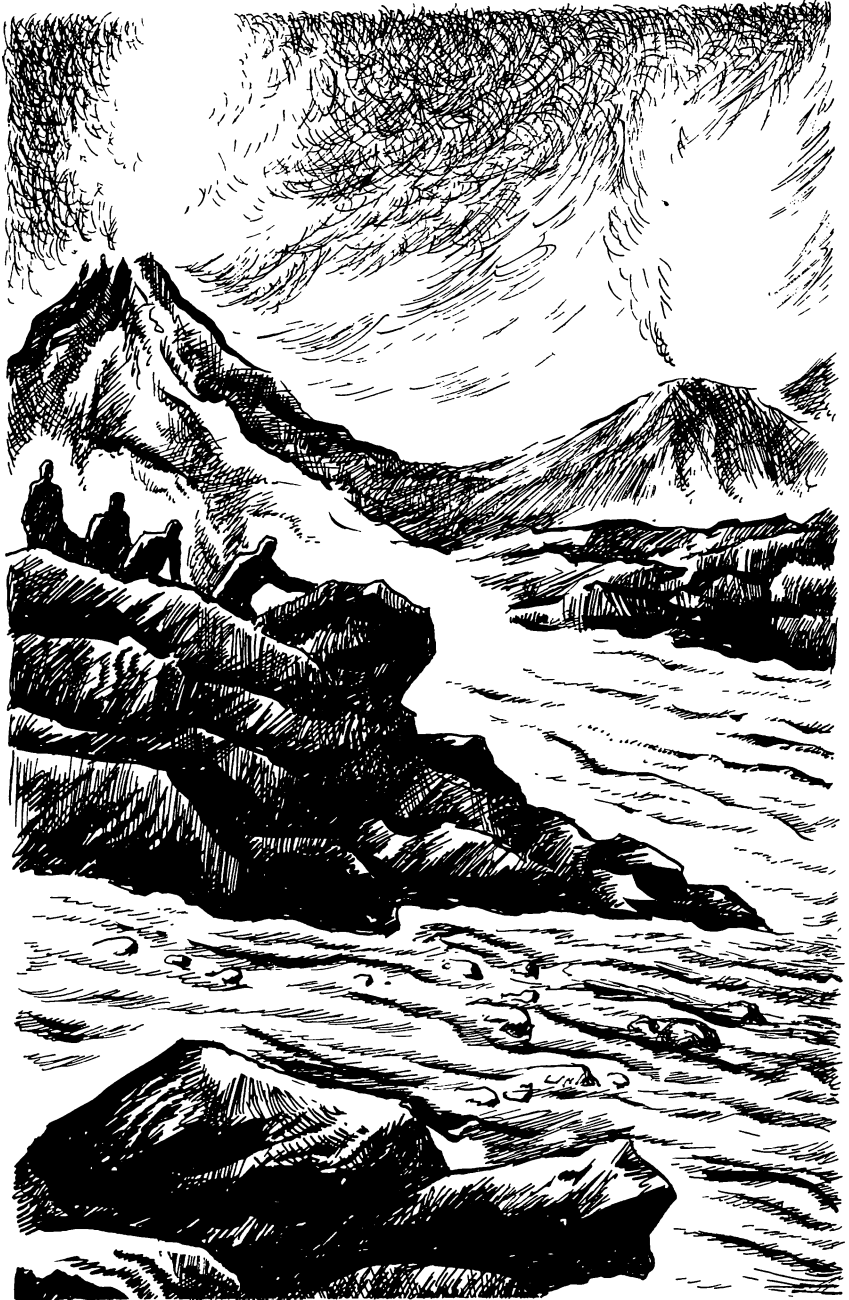
Спасаясь от глыб, катившихся по склону, путешественники подбежали к руслу правой вершины ручья, немного выше места своего ночлега; оно представляло неровно-бугроватую поверхность со струившимися по ней грязными ручейками. Недолго думая путешественники смело шагнули вперед, но уже на втором шагу погрузились по колено в вязкую грязь. Послышались возгласы неудовольствия:

— О черт! Влопались! Ноги вытащить нельзя, такая вязкая трясина! Словно тесто...

Громеко, шедший немного позади остальных и увязший менее глубоко, наконец вытащил свои ноги из сапог, оставив последние в грязи, а затем с берега русла, став на твердую глыбу, с трудом вытащил и сапоги. Остальные трое стояли в беспомощном положении и не могли двинуться ни взад, ни вперед, словно мухи на липкой бумаге.

А между тем фронт лавового потока неуклонно двигался вперед, и до него оставалось не более двухсот метров вверх по склону. Положение завязших становилось трагическим: вблизи не было ни бревна, ни доски, ни даже жерди, чтобы положить ее на грязь и помочь товарищам высвободить ноги.

Но Громеко не растерялся. Он живо набросал несколько плоских кусков лавы от берега русла по направлению к Папочкину, как наименее тяжелому. Затем сбросил с себя мешок с вещами, ружье и верхнюю одежду и, засучив штаны выше колен и пробравшись по лаве к зоологу, помог ему освободиться от груза. А

потом, взяв его под мышки, полегоньку вытащил из грязи. На Папочкине были не сапоги, а шнурованные ботинки, которые не могли слезть с ног и потому не остались в грязи. Затем сообща устроили вторую дорожку из плит к Макшееву и вдвоем вытащили его, но без сапог. Каштанова — самого рослого и грузного из всех — вытащили втроем, также без сапог.

Тем временем фронт лавового потока надвигался все ближе и уже обжигал путешественников своим раскаленным дыханием. Поэтому некогда было выкапывать увязшие глубоко сапоги, а приходилось скорее спастись от лавы.

Подобрав свое имущество, злополучные исследователи побежали вдоль русла, вниз, высматривая местечко понадежнее.

Но везде была та же предательская серая грязь, в которую уже не рисковали соваться.

Так в бесплодных попытках дошли до места ночлега, где в русле стояло целое озерко. Воды в нем было мало, но дно представляло ту же грязь неизвестной толщины.

А лавовый поток медленно, но неуклонно надвигался сзади.

Шорох, шуршанье и треск перекатывавшихся глыб, шипение паров не умолкали ни на мгновение. Пахло серой с хлором, жар становился все сильнее...

У озера, на месте слияния обеих вершин ручья, путешественники перебежали через конец старого потока к руслу у левой вершины. Но и последнее представляло такую же полосу вязкой грязи. Оставался еще один путь — идти вчерашней дорогой вверх вдоль этого русла к озеру Отшельничьему, чтобы убежать от второго потока лавы, рискуя наткнуться на первый. Это русло суживалось между отвесными обрывами столовой возвышенности и склоном вулкана, и здесь можно было надеяться найти узкое место, где было бы нетрудно перемостить грязь глыбами лавы или перепрыгнуть через нее. Такое место вскоре и нашлось, но на другом берегу русла возвышались отвесные скалы в несколько метров вышины. На них невозможно было взобраться, нельзя было также пройти вверх или вниз вдоль их подножия, так как оно было окаймлено той же грязью.

Обессиленные беготней и волнением, путешественники уселись на глыбах возле грязи и опустили головы, им оставалось ждать неминуемой смерти: или задохнуться в грязи, забравшись в нее при попытке перебраться через русло, или изжариться и сгореть на берегу, когда лавовый поток достигнет их. И то и другое было одинаково мучительно, и у каждого из людей, попавших в это отчаянное положение, возникала мысль о самоубийстве, если иного выхода не будет.

Отдохнув немного, Каштанов заметил, что фронт лавы движется медленнее. Он вскричал, вскакивая:

— Идемте скорее дальше вверх по этому берегу ручья! Мы успеем пройти мимо конца лавы — она почти остановилась!

— Но если мы от этой лавы уйдем, то наткнемся на ту, ко-

горая затопила Отшельничье озеро и повернула, конечно, вниз по руслу! — безнадежно заявил Папочкин.

— Это единственный шанс для нашего спасения! — настаивал Каштанов. — Во-первых, выше по руслу мы, может быть, найдем брод через грязь в таком месте, где утесы левого берега доступны. Во-вторых, весьма вероятно, что оба лавовых потока не сливаются один с другим, а следовательно...

— ...следовательно, между ними должно быть более или менее широкое пространство, свободное от лавы! — воскликнул Макшеев, доканчивая мысль.

— Да, и на этом промежутке мы можем выждать, пока поверхность грязи не засохнет настолько, что выдержит нашу тяжесть.

— Ура! — закричали Громеко и Папочкин.

Все встали и с новым подъемом энергии зашагали на юг, вдоль русла, карабаясь по вчерашнему пути через остатки старых потоков. Слева над ними, в сотне-другой шагов, тянулся фронт лавы, от которого веяло жаром. Но лава надвигалась медленно, и они постепенно увеличивали расстояние между собой и этим черным валом, несшим с собой смерть. Вскоре можно было заметить, что этот вал загибается вверх, поднимаясь по склону вулкана. Фронт лавы был благополучно обойден.

— Ну, от этого мы ушли! — сказал Макшеев, облегченно вздохнув.

Русло представляло в нескольких местах сужения, где можно было перепрыгнуть через грязь. Но везде на противоположном берегу поднималась отвесная стена, преграждавшая путь. Приходилось двигаться дальше. Вскоре путешественники начали подниматься на поверхность самого высокого застывшего потока на западном склоне вулкана, за которым находилась котловина озера. Поднявшись наверх, они увидели, что их шансы на спасение очень увеличились.

Этот старый поток разделил новую лаву на две части и сам поднимался между ними в виде плоского горба. С его гребня, где путники спокойно уселись, можно было видеть впереди под ногами котловину, в которой вчера лежало, словно зеркало в зеленой раме, мирное озеро, приведшее в такой восторг Папочкина. Теперь на этом месте не было ни озера, ни пальм, ни травы, а расстилалось поле серой грязи с отдельными лужами черной воды. Со стороны вулкана на него надвигался фронт второго потока, и вследствие соприкосновения горячих глыб лавы с мокрой грязью у подножия вала раздавалась непрерывная канонада маленьких взрывов, выбрасывавших облачка белого пара.

Хотя от места, где расположились путешественники, было шагов пятьсот — шестьсот до потоков горячей лавы, но сильно сказывалось соседство раскаленных полей. Температура была адская, тем более что и Плутон совсем не заслонялся тучами и жег непрерывно.

Сидя бездеятельно на месте, люди изнывали от жары и сбро-

сили с себя лишнюю одежду. Начали ощущаться голод и усталость. Ночь они не доспали, а потом все время бегали и волновались.

— Эх, — пожаловался Папочкин, — чайку бы напиться! Жара невыносимая!

— Жара ужасная, а дров нет! Разве сбегать и поставить чайник на свежую лаву? — пошутил Макшеев. — Там он живо закипит!

— А вода у нас есть?

— Воды осталось еще изрядно, — объявил Громеко, освидетельствовав жестянку.

— Ну что же, давайте хоть закусывать, если чая не будет. Есть хочется ужасно!

Все уселись в кружок, достали вяленую рыбу и галеты и с аппетитом пообедали, запивая водой.

— Мы сегодня утром сделали крупную оплошность, за которую теперь и платимся, — заявил Каштанов.

— А именно?

— Убегая от приближавшегося грязевого потока, мы бы должны были перебраться сразу через ручей на тот берег, а не лезть вверх. Мы бы теперь были уже на берегу моря и не спасались бы от лавы и грязи.

— Да, с того берега путь к морю был свободен.

— Ну, не совсем! По долине ведь пронесся двойной грязевой поток и, вероятно, всю ее залил.

— И захватил бы и нас в этой долине!

— Но мы могли подняться наверх, на черную пустыню, и идти к морю поверху.

— Да, сплеховали! Впопыхах кто же мог сообразить все последствия. Тогда казалось наиболее правильным — спешно подняться выше, чтобы убежать от потока.

— Нет, если бы на нашем месте были люди, хорошо знакомые с действующими вулканами, они бы лучше рассудили, в какую сторону нужно спасаться.

— А я думаю, — заметил Папочкин, — что мы сделали крупную оплошность уже вчера, когда остались ночевать у подножия вулкана, несмотря на признаки начавшегося извержения.

— Но мы же остались, чтобы увидеть это извержение.

— Вот и увидели! Я, по крайней мере, удовлетворен на всю жизнь и впредь буду держаться подальше от этих беспокойных гор. Сатане я пожертвовал свое ружье, а Ворчуну...

— Ворчуну мы с Макшеевым пожертвовали свои сапоги, а это гораздо чувствительнее. У вас сапоги на ногах, а вы ворчите! Нам же придется шагать без сапог до моря по раскаленным камням черной пустыни.

— Вы правы — я в лучшем положении и должен умолкнуть.

— Что же нам теперь делать?

— Что делать? Только и остается лечь спать, если можно уснуть на этих жестких, неровных камнях.

— Попробуем. Но по очереди одному из нас придется дежурить, чтобы наблюдать за вулканом. Он может выкинуть еще какую-нибудь штуку.

— Сколько же времени будем спать?

— А сколько позволит Ворчун.

— Это максимум. А минимум — пока не подсохнет грязь в русле настолько, что можно будет перейти через него.

Так и сделали: трое кое-как прикорнули на глыбах лавы, четвертый бодрствовал, наблюдая за состоянием вулкана и высыханием грязи. Последнее, несмотря на жар, испускаемый потоками лавы и лучами Плутона, подвигалось медленно, и только часов через шесть грязь стала проходимой.

Собрав пожитки, путешественники направились к руслу и один за другим, по очереди, перешли благополучно через грязь. Затем полезли по расселине, карабкаясь с глыбы на глыбу, с уступа на уступ, подсаживая друг друга, и через полчаса выбрались на поверхность черной пустыни, где были уже в безопасности и могли вздохнуть свободно.

Папочкин повернулся лицом к вулкану, снял шляпу, раскланялся и произнес:

— Прощай навсегда, старый Ворчун! Спасибо за твое угощение и внимание к нам.

Все улыбнулись. Каштанов вскричал:

— Эх, будь у меня сапоги, не ушел бы я отсюда!

— А что бы вы делали здесь?

— По черной пустыне можно пройти дальше на юг и посмотреть, что находится за вулканом.

— Та же пустыня! Это видно и отсюда.

— Кроме сапог, у нас не хватает и провизии, — заметил Макшеев.

— И почти нет воды, — добавил Громеко, встряхнув жестянку.

— Вы правы — нужно спешить к морю. Но эти черные камни пустыни страшно накалены. У меня такое ощущение, словно я стою на горячей плите. А толстые носки за время бегания по лаве почти изорвались.

— Придется разорвать наши рубашки и обмотать ими ноги, — предложил Макшеев. — Идти босиком совершенно невозможно.

Во время этого разговора и он и Каштанов все время приплясывали, поднимая попеременно то одну ногу, то другую, чтобы дать им остынуть. Теперь они сняли с себя рубашки, обернули ими ноги, обвязали их ремешками от ружей и, бросив последний взгляд на окутанный черными тучами вулкан, бодро зашагали по пустыне на север. Идти было легко: поверхность пустыни была совершенно ровная, представляя местами голую массу зелено-черной древнейшей лавы, выглаженную ветрами, местами же усыпанную мелкими обломками. Как и в пустыне вокруг вулкана Сатаны, здесь тоже не было признаков какой-нибудь растительности. Чер-

ная равнина простиралась до горизонта. Над ней чистое небо и в зените красноватый Плутон, заливавший эту равнину своими лучами, отражавшимися от гладкой поверхности так, что последняя сверкала миллионами зеленоватых огоньков. Путникам приходилось закрывать или щурить глаза, чтобы не утомлять их этой массой света и блеска.

Они пошли на северо-восток, чтобы выйти к низовьям ручья, где только и можно было найти удобное место для спуска с возвышенности. Через три часа приблизились к краю обрыва и начали искать подходящую расселину. Долина, накануне еще представлявшая зеленый оазис, теперь была совершенно опустошена грязевым потоком: деревья были повалены, кусты вырваны и унесены потоком, лужайки занесены грязью. Только кое-где у подножия обрыва уцелели клочки зелени. При виде этой печальной картины разрушения путники вспомнили, что на обратном пути собирались поохотиться на игуаноносов в низовьях долины.

— Они, вероятно, убежали к морю!

— Или погибли в грязи.

Последнее предположение оправдалось. Немного дальше путники обратили внимание на то, что над долиной кружили птеродактили, словно воронье над падалью. Подойдя ближе, они увидели, что на дне долины идет кровавый пир. Из грязи большими буграми выдавались трупы нескольких игуаноносов, на которых расселись десятки летучих ящеров. Они рвали своими

зубастыми клювами мясо и внутренности, ссорились и дрались, стоня друг друга, взлетали вверх и опять садились. Визг и кваканье не прекращались ни на минуту.

— Вот и наша дичь! — сказал Громеко при виде этой отвратительной картины. — Что мы теперь будем делать?

— Мы можем подстрелить птеродактиля, — предложил Макшеев.

— После того как они наелись падали? Благодарю покорно!

— Но мы ведь уже пробовали их.

— Не зная, что они питаются и падалью. Да и ели-то потому, что другого мяса не было, когда нас ограбили муравьи.

— Но теперь у нас тоже нет мяса.

— Есть вяленая рыба в лодках, да и свежей наловим в устье речки.

— Вы забываете, что речки уже нет, — сказал Каштанов. — Да и весь залив моря, наверно, переполнен грязью, которую принес поток, так что рыба или подохла, или ушла подальше в море.

— Я боюсь, что у нас и пресной воды не будет, — заметил Громеко.

— Верно, ведь речки-то нет.

— А я боюсь, не погибли ли все наши вещи, спрятанные в чаще. Они лежали недалеко от речки и невысоко над ее уровнем. Если грязевой поток был столь же стремителен в устье долины, как и выше, он мог все унести в море или, в лучшем случае, залить грязью.

Это сообщение Макшеева сильно обеспокоило всех и, забыв о птеродактилях, они поспешили дальше. Впрочем, Папочкин все-таки успел сфотографировать это пиршество птеродактилей.

Недалеко от устья долины нашелся крутой и узкий овраг, по которому удалось спуститься вниз. Всем хотелось бежать, чтобы скорее добраться до моря. Но не тут-то было. Грязь, разлитая повсюду, хотя и не толстым слоем, еще недостаточно засохла, и ноги вязли или прилипали на каждом шагу. Уже издали было видно, что грязевой поток и в устье поработал изрядно. Речка в низовьях протекала по узкому коридору между стенами хвощей и папоротников. Теперь там была проложена широкая просека, а наваленные деревья были занесены грязью. Но и вне этой полосы, по которой пронеслась главная масса воды, поток поработал: весь лес в устье долины был затоплен грязной водой, оставившей после себя повсюду толстый слой грязи.

Увязая в этой грязи, путники наконец добрались до берега залива и ахнули. Вместо чистой голубой воды перед ними расстились бурые помои, по поверхности которых плавали листья, ветви, сучья, кусты и целые стволы, выброшенные потоком в море. Макшеев и Громеко побежали к чаще, где были спрятаны лодки и вещи, почти уверенные, что все унесено, потому что признаки опустошения были видны везде, и даже пляж близ устья речки был покрыт слоем грязи.

— Ура! — раздались их возгласы. — Все цело, идите на помощь!

Вещи уцелели благодаря тому, что были сложены в лодки, а последние покрыты палаткой и плотом и, кроме того, крепко привязаны к деревьям. Все вздохнули свободно и принялись откапывать лодки и перетаскивать их и вещи на берег моря, где, подальше от устья речки, нашлось местечко, не покрытое грязью. Но так как речка иссякла, приходилось убираться из этого уголка, который накануне так очаровал всех. Продолжать плавание на запад было рискованно, так как в эту сторону южный берег моря представлял голые утесы столовой возвышенности — черной пустыни, и не было надежды найти пресную воду.

— Не имея запаса воды, мы не можем ехать на запад, тогда как на востоке нам известен источник, возле которого мы ночевали, — заключил Громеко обсуждение вопроса, куда плыть.

ОБРАТНОЕ ПЛАВАНИЕ

Через час путешественники уже плыли по заливу, превратившемуся в грязную лужу. Они обогнули мыс и повернули на восток, вдоль однообразного низкого берега с возвышающейся стеной леса. Все усиленно гребли, чтобы скорее добраться до пресной воды, где можно было бы наконец отдохнуть и выспаться после всех трудов и волнений последних двух дней.

Эта поспешность не помешала, однако, сделать привал для охоты за игуанодонами, замеченными в одном месте на пляже.

На следующий день плавание продолжалось столь же энергичным темпом, и к вечеру достигли злополучного места в устье речки Муравьиной, той самой, на которой находился сожженный муравейник. Здесь был песчаный пляж и пресная вода, а дальше уже не было удобных мест для стоянки.

Остановились на ночлег, который не был нарушен никакими приключениями.

Еще один день прошел в плавании на восток через пролив между островами, разделявшими Восточное море от Западного.

В этот раз выбрали путь вблизи северного берега, чтобы определить положение устья реки, которая оказалась значительно больше реки Макшесва, но имела, по-видимому, такой же характер. Ее низкие берега были покрыты сплошным лесом, доходившим до воды и не оставлявшим ни единой пяди земли для стоянки. Пришлось пообедать всухомятку на лодках.

Во время отдыха после еды Папочкину внезапно пришла мысль, которой он не замедлил поделиться с товарищами.

— Ведь мы сейчас у северного берега моря, не так ли? — вскричал он радостно.

— Ну конечно! — ответил Каштанов.

— Так будем держаться его и дальше до самого устья реки Макшеева: этим мы избежем опасного переезда через море.

— Но ведь мы же собирались основательно обследовать южный берег на восток от места первого осмотра! — заявил Громеко.

— Не пора ли нам подумать об обратном пути ко льдам? — продолжал зоолог.

— Почему же так скоро?

— Потому что путь вверх по реке потребует в три или четыре раза больше времени, чем вниз, — придется все время идти на веслах против течения.

— Ну так что же, у нас времени много.

— Не так, чтобы очень. Ведь август уже на исходе. На берегах этого моря, вероятно, вечное лето, но там на севере, ближе ко льдам, наверно, бывает и зима. Если мы поздно двинемся в обратный путь, мы рискуем захватить холода и, вместо того чтобы плыть по реке, которая покроется льдом, будем тащиться пешком по снегу...

— Без лыж и без теплой одежды! — прибавил Макшеев.

— Это соображение, конечно, очень важно, и его надо принять во внимание, — заметил Каштанов. — Но еще одна неделя, которую мы уделили бы для дальнейшего изучения южного берега моря, не уменьшит заметно время, остающееся для обратного пути.

— Есть еще соображение! — настаивал Папочкин. — Все наши экскурсии по южному берегу моря наталкивались на опасности и препятствия, связанные с муравьями. Едва ли приходится сомневаться в том, что и в других частях южного берега водятся эти зловредные насекомые. Борьба с ними требует большого расхода огнестрельных припасов, а у нас их осталось не так много. Нужно их поберечь на обратный путь для охоты и для защиты от хищников.

— И, наконец, — поддержал его Громеко, — мы едва ли найдем что-нибудь новое на южном берегу моря за те три — четыре дня, которые можем посвятить дальнейшему плаванью на восток. Мы уже видели, что в эту сторону на большое расстояние тянутся отвесные обрывы столовой возвышенности, а с вершины вулкана Сатаны мы не видели на востоке ничего, кроме черной пустыни.

— В лучшем случае откроем еще одну речку и в ее верховьях еще группу вулканов, которые снова угостят нас каким-нибудь сюрпризом, — прибавил Папочкин, не забывший свои злоключения. — Два раза мы спаслись почти что чудом. Благоразумно ли еще раз испытывать судьбу?

— Итак, я вижу, что остаюсь в одиночестве, — сказал не без досады Каштанов. — Трое стоят за обратный путь, и доводы их очень основательны. Придется уступить голосу благоразумия.

— Следовательно, мы поплывем теперь вдоль северного берега? — спросил Громеко.

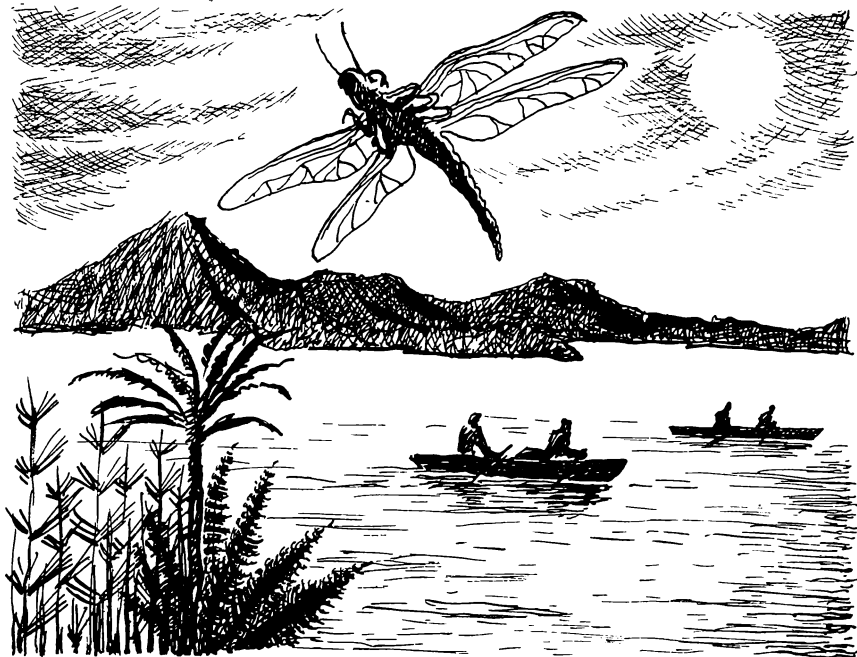
— Ну конечно, раз мы решили прекратить исследование южного.

— Тогда нужно набрать пресной воды теперь же, потому что сегодня мы едва ли успеем доплыть до устья реки Макшеева, а есть ли ближе ее другая речка, нам неизвестно.

Наполнив обе жестянки водой из устья большой речки, которую окрестили рекой Громеко, путешественники продолжали плыть среди мелей и островов ее дельты, стараясь не уклоняться от северного берега. Последний имел здесь такой же низменный характер, как у устья реки Макшеева, но только был лишен песчаного пляжа, и чаща леса и тростников доходила до самой воды. Постепенно острова начали редеть, потом исчезли, и берег стал отклоняться заметно на север. На южном берегу против этого места началась область песчаных дюн; вдали видна была группа вулкана Сатаны, который все еще продолжал выбрасывать довольно густой дым, застилавший эту часть горизонта.

Плавание оживлялось насекомыми, реявшими над водой и над зеленой стеной; по временам мелкими летучими ящерами, охотившимися за стрекозами, и головами плезиозавров, появлявшимися над зеркалом моря на порядочном расстоянии от берега. Вблизи последнего вода была очень неглубока, и весла по временам почти касались дна.

Кое-где в зеленой стене тростников, окаймлявших лес, были протоптаны широкие дорожки, настоящие зеленые коридоры, по

которым, вероятно, пробирались к воде различные травоядные и хищные ящеры, населявшие чашу.

На следующий день путешественники еще до обеда приплыли к устью реки Макшеева, которое легко узнали по сооруженной ими пирамиде.

Здесь провели почти сутки, чтобы сделать последние наблюдения на берегу моря, наловить и навялить рыбы в устье речки, починить лодки и плот для долгого плавания вверх по реке.

Это плавание шло довольно медленно. Приходилось работать веслами без перерывов, уделяя на отдых, еду и сон только самое короткое время.

Успевали проплыть в сутки всего только тридцать — сорок километров, в зависимости от быстроты течения.

Задерживали плавание также и приключения с ящерами, с хищными и травоядными млекопитающими, так как, сберегая снаряды, путешественники стреляли только для добычи свежего мяса или в случае нападения.

За время первых недель этого плавания природа не обнаруживала заметных изменений. Но дальше, когда начались листовенные леса более умеренного климата, оказалось, что листья на деревьях уже пожелтели и опали, и, чем дальше к северу, тем больше встречалось обнаженных от листвы растений.

Изменилась и погода: хотя Плутон стоял по-прежнему в зените, но густые тучи все чаще и чаще заслоняли его, дул прохладный северный ветер и часто моросил осенний мелкий дождь. В промежутках, когда небо прояснялось, становилось опять жарко, но средняя температура все больше и больше понижалась.

Ненастье в виде сильных дождей с холодным встречным ветром все чаще тормозило или даже прерывало плавание, — приходилось укрываться в палатке и согреваться у костра. Путешественники, пробывшие несколько месяцев в очень теплом и сухом климате, стали более чувствительными к холоду и сырости.

В поясе, где жили мамонты, длинношерстные носороги, исполинские олени и первобытные быки, путешественники застали уже начало зимы. Температура держалась около нуля и поднималась выше только изредка, при ясном небе. Но небо большей частью было скрыто сплошной пеленой густых туч, сыпавших по временам снегом; дул холодный северный ветер. Вместе с тем вода в речке начала заметно убывать, а ее узкое русло было уже стеснено ледяными краями. Только середина ее вследствие более быстрого течения оставалась свободной от ледяного покрова; можно было думать, что через день-другой придется прекратить плавание. Плот же, соединявший и облегчавший лодки, был уже раньше брошен из-за уости фарватера. Сильно нагруженные лодки медленно пробирались одна за другой по быстрой речке, и скорость движения уменьшилась до пятнадцати — двадцати километров в день.

Между тем до холма с юртой оставалось еще более ста километров.

По берегам, в лесах и на полянах, лежал тонкий слой снега.

ЗАГАДОЧНЫЙ СЛЕД

Однажды после ужина Громеко и Макшеев отправились ловить рыбу на мягкий песчаный откос, желтевший на берегу среди увядшей и побитой морозами травы. Макшеев уже забросил удочку и следил за поплавком, как вдруг заметил на песке рядом с отпечатком своего сапога ясный след босой ноги человека.

«Странно, — подумал он, — я как будто еще не снимал сапог, да и доктору едва ли понадобилось это в такую прохладную погоду».

Он наклонился и начал рассматривать след; след был оставлен левой ступней крупного размера и превышал даже след сапога инженера, нога которого была не из маленьких. Ступня была плоская. Человек, оставивший след, очевидно, всегда ходил босиком. Но всего замечательнее было то, что все пять пальцев, отчетливо отпечатавшиеся на песке, были очень длинные, а большой палец далеко отстоял от остальных. Казалось, что это был след не ноги, а громадной руки с очень длинной ладонью.

Немного дальше Макшеев увидел след и правой ноги, но большая часть ее была уже под водой и сглажена ею. Очевидно, субъект пошел вброд через речку, так как обратных следов вверх по откосу не было видно.

— Михаил Игнатьевич, подите-ка сюда на минутку! — воскликнул Макшеев.

— В чем дело? Подождите немного, у меня клюет! — ответил ботаник.

— Бросьте вашу рыбу, идите посмотрите — я нашел что-то любопытное!

— Ну что такое? Рака, что ли, или черепаху?

— Нет, след босой ноги человека на песке.

— Не может быть!

Громеко оставил свою удочку и побежал. Рассмотрев с удивлением след, он согласился, что форма ноги, оставившей след, очень странная.

— Не обезьяна ли прошла здесь? — предположил он.

— Здесь, в субполярной местности, среди лиственниц и берез?

— Кто знает! Если мамонты и носороги, близкие родичи которых теперь живут там, на поверхности Земли, только в теплом климате, могут жить здесь, в северных лесах и тундрах, то почему не может быть и обезьяны, приспособившейся к этому климату?

— Пожалуй, вы правы. Нужно позвать сюда зоолога и геолога — они лучше рассудят.

— Ловите свою рыбу, а я съезжу за ними.

Громеко поплыл к месту стоянки и привез товарищей.

— Это огромная обезьяна, — предположил геолог.

— А я думаю, что это скорее обезьяноподобный человек, — заявил зоолог. — Смотрите, он шел только на ногах, не опираясь на руки. Обезьяна, спускаясь довольно круто к воде, наверно, стала бы и на руки, но следов рук не видно.

Тщательный осмотр местности обнаружил на обоих берегах тропинку, а в речке неглубокий брод. На тропинке следы видны были менее ясно, но по расстоянию между ними можно было судить, что субъект был ростом не менее ста восьмидесяти сантиметров.

— Что же вы обнаружили? — спросил Макшеев, когда они подошли к нему.

Пока товарищи изучали следы, он и Громеко возобновили рыбную ловлю.

— Вероятнее всего, что следы оставил обезьяноподобный человек, шедший по хорошо пробитой тропе к известному ему неглубокому броду через речку, — заявил Каштанов.

— Следовательно, сюда, в Плутонию, раньше нас забрались какие-то люди?

— И вдобавок ходят босиком, хотя уже падает снег! Переходят преспокойно вброд через ледяную воду! — воскликнул ботаник.

— Вероятно, какие-нибудь дикари? Недаром у них форма ноги почти не отличается от обезьяньей.

— Нежелательно было бы встретиться с ними! Они, пожалуй, людоеды.

— Ну, муравьи нас не одолели, хотя помешали нашей работе, а с дикарями мы бы так или иначе поладили.

Теперь приходилось быть особенно настороже, чтобы не подвергнуться нападению врасплох. Во время отдыха поочередно дежурили и весь следующий день зорко смотрели по сторонам.

Но еще через день плавание прекратилось. С севера налетел продолжительный буран, речка замерзла и даже покрылась слоем снега сантиметров в пятнадцать.

Чтобы не бросать лодок и не тащить имущество на себе, решили сделать полозья, поставить на них лодки с вещами и, придерживаясь русла речки, где не мешали ни кусты, ни деревья, тащить их за собой по снегу. Но идти без лыж по свежему рыхлому снегу и тащить за собой тяжелые сани было нелегко, так что за день проходили только километров двенадцать — пятнадцать. Плутон больше не показывался из-за густой пелены туч, и температура опускалась до 5 и даже 10 градусов ниже нуля. В тонкой палатке и тонкой одежде было очень холодно, и во время отдыха поочередно дежурили, чтобы поддерживать огонь у входа в палатку. В борьбе со стужей и снегом совсем забыли о первобытных людях. Впрочем, следов больше не встречали. Все живое, по-видимому, откочевало на юг, и редкие леса под белым саваном погрузились в зимнее безмолвие.

Только на восьмой день после начала санного путешествия поредевший лес кончился, и на северном горизонте показались белые увалы — конец льдов, и на фоне их с трудом можно было различить темную точку — юрту на холме, который почти сливался с равниной тундры.

Оставался еще десяток километров тяжелого пути, и затем предстояло свидание с товарищами и отдых в теплой юрте после многонедельного странствования. Через три часа они были только в километре от нее и с минуты на минуту ждали, что услышат лай собак, что из юрты выбегут люди и поспешат к ним навстречу с нартами и лыжами. Но никого не было видно, никто не лаял, и юрта, полузанесенная снегом, одиноко чернела на вершине холма, словно покинутая обитателями. У путешественников возникали тревожные вопросы, которыми они перебрисывались:

- Неужели они спят по целым дням?
- Почему же не видно и не слышно собак?
- Не случилось ли что-нибудь скверное?

Напрягая все силы, путники ускорили свое движение по глубокому и рыхлому снегу равнины, в котором нога погружалась почти до колена.

Вот холм уже совсем близко, но на нем по-прежнему все было безмолвно и пусто. У его подножия путники остановились и хором закричали:

- Эй-эй, Боровой, Иголкин! Вставайте, встречайте!

Повторили призыв еще и еще раз, но ответом была та же могильная тишина. Кричавшие не на шутку встревожились.

— Если наши товарищи не умерли, то можно объяснить их молчание только тем, что они отправились куда-нибудь на нартах на охоту за крупным зверем, — сказал Макшеев. — Тем более, что нет и собак.

— Но мы уже целую неделю не видели никакой дичи, — возразил Папочкин.

- Потому-то они и ушли куда-нибудь подальше на юг.

— Не пошли ли они нам навстречу ввиду нашего долгого отсутствия? — предположил Громеко. — После того как начались холода и пошел снег, они должны были вспомнить, что мы ушли в легкой одежде и без лыж.

— Это мало правдоподобно, потому что они знали, по какой речке мы поплыли, а разойтись по ней с нами они не могли, — заметил Каштанов.

— Я думаю, что в юрте мы найдем разрешение загадки, — сказал Макшеев. — Но раньше обогнем весь холм, чтобы посмотреть, нет ли каких-нибудь следов, которые мы можем нечаянно затоптать.

Оставив сани у подножия, все четверо пошли вокруг холма, тщательно рассматривая поверхность снега. Но никаких следов, ни свежих, ни старых, на этой поверхности не оказалось, и можно

было утверждать, что, с тех пор как снег покрыл землю, никто не поднимался на холм и не спускался с него.

В ПОКИНУТОЙ ЮРТЕ

Войлочная дверь юрты, обращенная на юг, была закрыта и снаружи завязана: следовательно, юрта была пуста. Приподняв войлок, путешественники вошли. Юрта имела жилой вид. У задней стенки были сложены экспедиционные ящики с инструментами, коллекциями и более ценным имуществом. Висели ружья, патронташи, платье товарищей, а у боковых стенок были свернуты их спальные мешки. В центре юрты чернело огнище, и на треноге висел даже чайник; рядом лежала кучка дров и хвороста. Все имело такой вид, словно товарищи отлучились ненадолго.

При виде всех этих признаков тревога вошедших усилилась. Их товарищи не ушли ни на охоту, ни на экскурсию, потому что и ружья и спальные мешки остались в юрте. Приходилось думать, что какие-то — враги хищники или люди — напали на них врасплох где-нибудь поблизости от юрты, например возле ледника или на тундре у его подножия. А собаки, лишившись хозяев и мучимые голодом, погибли или разбежались. Но если напала орда, то почему она не разграбила юрту?

Более внимательный осмотр вещей обнаружил, что чайник, ружья, вообще все вещи покрылись слоем пыли. Макшеев поднял крышку чайника: остатки чая на его дне оказались покрытыми густой плесенью. Стало совершенно ясно, что люди покинули юрту уже давно.

— А это что такое? — спросил Каштанов, указывая на странный деревянный предмет, стоявший на одном из ящиков и не замеченный раньше.

Все обступили ящик. На нем оказалась Фигурка мамонта, очень грубо вырезанная из дерева. Она была покрыта бурыми мазками и слоем сала, так что было даже противно притронуться к ней.

— Не занялся ли Иголкин со скуки скульптурой? — предположил Папочкин.

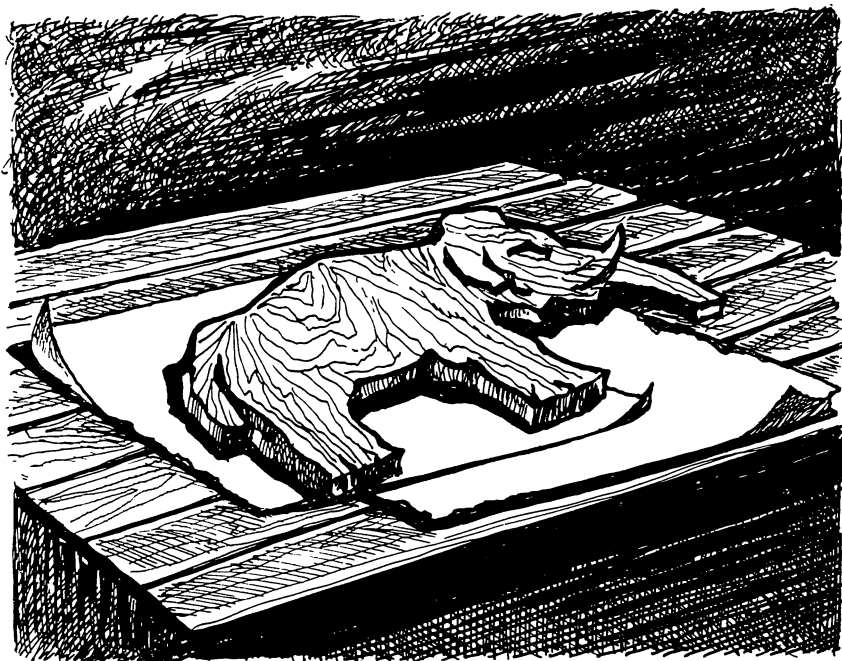
— Нет! — сказал Макшеев. — Это, несомненно, идол. Его мазали кровью и салом убитых животных в виде жертвоприношения. Наши товарищи нашли его где-нибудь.

— Да, сопоставляя эту находку со следами на песке, нельзя сомневаться, что здесь живут какие-то первобытные люди, — заметил Каштанов.

— Они убили или увели с собой наших товарищей! — вскричал Громеко.

— Почему же они не разграбили вещи?

Макшеев взял фигурку, чтобы лучше рассмотреть ее. К обще-

му удивлению, под ней оказались две бумажки, аккуратно сложенные. Каштанов поспешно развернул их и стал читать вслух.

Первая бумажка от 25 сентября гласила:

Извещаю, что мы в плену у диких людей, неожиданно появившихся в тундре. Они захватили нас две недели назад врасплох, безоружными в леднике, где мы проверяли склад, и уехали с собой в леса. Юрту и склад не тронули, но не дали нам ничего взять с собой: собаки побежали за нами. Нас не обижают, кормят и даже окружают почестями, вероятно считая колдунами или богами, но не пускают, строго караулят и отняли у нас сапоги и почти всю одежду. Сами ходят совершенно голые, живут в шалашах из жердей и шкур, огня не знают, едят сырое мясо. Оружие у них исключительно костяное и деревянное — копыя, стрелы и ножи. В орде больше ста человек, но преобладают женщины; охотятся мужчины и женщины. Мужчин мало, они щедры, а женщины рослые и сильные. Их тело покрыто довольно густыми волосами, и они вообще похожи на больших обезьян (без хвоста), но обладают речью, которую мы уже научились понимать. Поэтому мы узнали, что нашу юрту они считают чем-то вроде жилища богов и ходят туда поклоняться. Мы воспользовались этим, чтобы послать эту записку, как жертву богу. Они обещали положить ее в юрте. Увели нас на юго-восток, вниз по речке, через которую мы с вами ходили за убитым

мамонтом, километров на 50—60. Мы думаем, что вам удастся освободить нас без кровопролития, явившись в облике богов. Привезите нам теплую одежду, спичек и табаку. Лето провели хорошо, в складе много припасов.

Боровой, Иголкин.

Второй листок был от 2 ноября.

Стало холодно, и часто перепадает снег. Дикие собираются откочевать дальше на юг, где теплее. Мы сами пользуемся огнем, на котором жарим мясо и у которого греемся. Но дикари боятся огня и окружили нас еще большим поклонением. В плену нас держат главным образом женщины, которым мы нравимся, потому что мы красивее и сильнее мужчин их племени. Мужчины же с удовольствием помогут нашему освобождению. Посылаем последнюю записку, потому что дикие больше к юрте ходить не будут. Но по пути на юг, вероятно вдоль той же речки, мы будем оставлять записки на каждом ночлеге или по дороге, будем накалывать их на кусты, чтобы вы могли выследить нас. Если нам не удастся освободиться хитростью при помощи мужчин, тогда вы выстрелами известите нас о своем приближении. Наступайте открыто, стреляя залпами в воздух, чтобы поразить дикарей и заставить их покориться нашей воле. В крайнем случае подстрелите несколько женщин. Мы не унываем и не боимся, только страдаем от холода и от однообразной мясной пищи. Тревожимся за вас, почему вы не возвращаетесь. Благополучно ли путешествие?

Боровой, Иголкин.

— Они живы! — воскликнул Громеко.

— Нам нужно спешить на выручку товарищей, ведь уже почти три месяца, как они в плену: сегодня пятое декабря, — заявил Громеко, заглянув в свой дневник.

— Они пишут, что дикие люди здесь ничего не тронули, — сказал Макшеев. — Следовательно, нарты и лыжи должны быть в леднике вместе с запасами провизии; нужно сейчас раскопать вход в склад и начать приготовления к отъезду.

— Да, в юрте все как будто на месте; должно быть, и склад цел, если только дверь в него не осталась открытой и собаки не растащили провизию, — заметил Папочкин.

После тяжелого пути по снегу, ночлега в тонкой палатке и питания одним мясом и сухарями теплая юрта и запасы разных консервов сделали жизнь путешественников гораздо приятней. Они решили отдохнуть несколько дней, снаряжаясь в то же время в новое путешествие, которое могло затянуться на несколько недель в зависимости от того, как далеко откочевали первобытные люди.

Весь холм вокруг юрты был покрыт довольно глубоким снегом. В складах все было в целости, и нарты с лыжами были сейчас же извлечены для осмотра и починки. Большой склад был заперт на стоящей прочной дверью; благодаря этому хищники ничего не утащили, несмотря на отсутствие людей и собак. Заботливые отшельники наготовили на зиму много копченого мяса, которое было теперь очень кстати, так как избавляло от необходимости тратить время на охоту.

Несколько поодаль на холме стояла небольшая метеорологическая будка, сооруженная Боровым. Инструменты были в исправности. В юрте нашелся метеорологический журнал, по которому можно было судить о климате второй половины лета и начала осени в тундре.

Решили взять юрту с собой, а все лишние вещи сложить в склад, запереть его на замок и вход завалить снегом, чтобы совершенно скрыть его от незваных гостей.

Сообразно с этим решением приготовили для путешествия две нарты, шесть пар лыж, провизию на месяц, теплую одежду, спальные мешки. Отобрали также некоторое количество сахара, конфет, ножей, иглол, ниток, бус и колец для подарков дикарям в случае добровольной выдачи пленных. Кроме этого, захватили с собой также спирт и коньяк, чтобы в случае надобности подпоить стражу.

ПО СЛЕДАМ ТОВАРИЩЕЙ

После трехдневного отдыха на холме двинулись в путь, сначала на юго-восток к речке, за которой Каштанов и Папочкин впервые охотились на мамонтов, а затем вниз по течению последней.

На второй день нашли поляну на левом берегу речки, где находилось прежде стойбище первобытных людей; от него осталось десятка два остовов шалашей, представлявших собой жерди, составленные конусом, как в чумах хантэ и эвенков Азии.

На одной из жердей была приколото бумажка со следующим текстом:

Здесь мы жили в плену все время до откочевки на юг. Сегодня орда уходит. С дороги, может удастся бе...

Конец записки, очевидно, был оторван...

Решили продолжать путь по речке, тщательно высматривая поляны на расстоянии каждых пятнадцати — двадцати километров, вероятно составлявших дневной переход орды, нагруженной всем домашним скарбом и потому двигавшейся медленно. На опушках этих полян могла уцелеть записка пленных товарищей.

К вечеру того же дня действительно встретили большую поляну и на одном из кустов записку, привязанную ниточкой к ветке. Она гласила:

Передвигаемся километров двадцать в день, то по тропам в лесу, то прямо по воде, которая уже очень холодна и местами глубиной выше колена. Но этим людям все нипочем. Нам отдали часть одежды, но на ночлеге снова отбирают ее и дают звериные шкуры, чтобы защититься от холода. На перекочевке они шалашей не ставят, а спят под кустами. Мы спасаемся только благодаря костру, который поддерживаем поочередно все время, пока стоим на месте.

Боровой.

На следующий день прошли километров сорок, но не нашли ни одной записки; может быть, ее сорвал ветер или стряхнул какой-нибудь зверь.

Шли еще день и после обеденного привала опять нашли записку такого содержания:

Люди снимают наши бумажки с кустов, если заметят, и хранят, как талисманы. Они думают, что мы оставляем их в жертву злему духу, приносящему зимний холод и снег. Поэтому нам удастся оставлять записки в исключительных случаях, но по пути у самой речки мы будем накалывать пустые бумажки на ветви, чтобы вы знали, что мы прошли. Когда достигнете местности, где снега не будет и где речка не замерзла, будьте особенно внимательны. Мы думаем, что орда остановится там надолго.

Боровой.

Так шли еще шесть дней, изредка находя записку в несколько слов, чаще же пустые бумажки, наколотые на кустах возле речки; на десятый день пути слой снега стал очень тонким, а лед на речке под ногами иногда потрескивал. Температура держалась только на один — два градуса ниже нуля. На следующий день пришлось сойти с речки, так как лед сделался слишком тонким и местами открылись большие полыньи. Путешественники отыскали тропу, извивающуюся то по лесу, то вдоль берега речки, и пошли по ней. К концу перехода слой снега был не толще четырех сантиметров, а по речке лед держался только у берега.

Наконец, на двенадцатый день пути, остались только небольшие сугробы снега под защитой кустов и в лесу, так что нарты приходилось тащить по слою опавших листьев, покрывавших тропу. Перед обедом опять нашли записку, в которой сообщалось, что на состоянии одного перехода должна быть большая поляна, где орда собирается остаться на зимовку, если снег не прогонит ее дальше.

Теперь пришлось удвоить внимание, чтобы не наткнуться случайно на людей, рыскающих в окрестностях своего стойбища; один из путешественников шел вместе с Генералом впереди нарт, в качестве разведчика.

На ночлег остановились на небольшой поляне вблизи речки. После ужина Макшеев и Каштанов отправились вперед на разведку. Пройдя километра три, они услышали впереди какой-то шум, отдельные крики и осторожно подкрались к опушке большой поляны. На противоположной стороне они увидели стойбище первобытных людей.

Оно состояло из двенадцати конических шалашей из жердей, покрытых звериными шкурами и расположенных по кругу на небольших промежутках один от другого, отверстиями внутрь круга; в центре последнего находился тринадцатый шалаш меньших размеров, возле которого пылал костер. Нельзя было сомневаться, что в этом шалаше живут пленные товарищи. По размерам остальных шалашей Макшеев определил, что орда состоит приблизительно из сотни взрослых.

В круге среди шалашей видны были только дети, бегавшие большей частью на четвереньках и похожие на черных бесхвостых обезьян. Они играли, прыгали, дрались и ссорились, испуская резкий визг. У входа в один из шалашей сидел на корточках взрослый мужчина, тоже похожий на обезьяну. В бинокль можно было рассмотреть, что тело его покрыто темными волосами. Лицом он походил на австралийца, но имел еще более выдающиеся челюсти и очень низкий лоб. Цвет лица был землисто-бурый; под подбородком чернела небольшая борода, показывавшая, что это мужчина.

Вскоре из того же шалаша высунулся второй человек; чтобы выйти, он толкнул первого коленом в спину. Сидевший качнулся вперед и вскочил на ноги, так что оба очутились рядом. Оказалось, что второй был выше и значительно шире в плечах и в бедрах, поэтому первый возле него производил впечатление тщедушного подростка. Лицо у этого второго было менее безобразно, а волосы на голове длиннее и свешивались космами на плечи. Тело было покрыто менее густыми волосами, особенно на груди, форма которой обнаруживала, что это женщина.

Женщина направилась через круг к центральному шалашу. Она шла, немного наклонившись вперед и переваливаясь. Ее руки, опущенные вниз, немного не доходили до колен; мускулы рук и ног были сильно развиты. Приблизившись к шалашу пленников, она упала на колени перед костром, протянула к нему руки с умоляющим жестом, а затем на четвереньках поползла в шалаш.

— Пришла в гости к нашим товарищам! — сказал Каштанов.

— Не воспользуемся ли мы малолюдием стойбища, чтобы дать им знать о нашей близости? — предложил Макшеев.

— Каким образом? К ним нельзя подойти незаметно.

— Дадим выстрел-другой из леса — они догадаются, потому что сами предложили этот способ извещения.

— А диких это не встревожит?

— Они ведь не знают огнестрельного оружия и не поймут, в чем дело.

— Не бросятся ли они искать нас?

— Думаю, что нет. Они будут испуганы и не посмеют.

— Ну что же, попробуем!

Путешественники отошли немного назад в лес и дали один выстрел, потом через несколько минут другой и вернулись опять к своему наблюдательному посту на опушке.

Стойбище было встревожено. Возле каждого шалаша теперь стояли несколько взрослых, преимущественно женщин, и детей разного возраста. Все смотрели в сторону, откуда раздались непонятные звуки, и что-то говорили. Возле центрального шалаша у костра стояли пленники. Они были обнажены до пояса, а ниже пояса одеты в оборванные остатки брюк; их кожа была темно-бронзового цвета, волосы нечесаны, лица обросли длинными бородами.

Они также смотрели в сторону опушки, и их лица выражали радостное изумление.

И вдруг оба, очевидно сговорившись, повернулись в сторону выстрела и подняли руки. Немедленно и все дикие люди попадали на колени и припали лицами к земле. Воцарилась тишина. Когда Иголкин встал, сложил руки рупором и, обратившись в сторону леса, начал кричать:

— Почти все мужчины орды ушли утром далеко на охоту, а завтра туда же пойдут женщины, чтобы помочь разделить и унести добычу. Останутся только старики и дети. Тогда и приходите

освободить нас. Принесите нам белье и одежду. Все ли у вас благополучно, все ли вернулись? Покажите, что вы поняли меня, сделав еще выстрел, если все хорошо, и два, если не совсем ладно.

Макшеев немедленно отполз немного назад и выстрелил. При звуке выстрела Иголкин опять поднял руки вверх, а люди, поднявшиеся с земли, пока он кричал, и смотревшие на него с недоумением, опять упали ниц.

Дав им полежать немного, Иголкин встал и, обратившись лицом к огню, запел громким голосом веселую матросскую песню. Первобытные люди подползли ближе и расположились большим кругом вокруг костра, перебрасываясь отдельными возгласами удивления. Очевидно, их пленники до сих пор не делали ничего подобного.

Макшеев насчитал около пятидесяти взрослых, большинство которых были женщины. Подростков и детей разного возраста было гораздо больше. Они стояли и сидели вне круга взрослых, и по их лицам было видно, что песня Иголкина доставляет им большое удовольствие, тогда как взрослые были поражены и отчасти даже испуганы ею.

Попев минут десять, Иголкин опять поднял руки, а затем он и Боровой, сидевший во время пения неподвижно у костра, направились в свой шалаш. Слушатели тоже стали расходиться. Но две женщины подошли к шалашу пленников и сели у его входа, очевидно намереваясь охранять их сон.

Стойбище скоро затихло, и только догоравший костер потрескивал среди опустевшего круга.

Каштанов и Макшеев вернулись к своим спутникам, передали им все, что видели и слышали, и сообща обсудили план освобождения товарищей.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ПЛЕННИКОВ

Выспавшись основательно, путешественники сложили все вещи на нарты и приготовили все к немедленному отъезду. Затем отправились к стану дикарей, захватив с собой одежду и обувь для пленников, ружья для них и пакеты с подарками для диких людей. Приблизившись к поляне, они услышали доносившиеся оттуда крики и лай собак. Очевидно, люди еще не ушли. Поэтому путешественники, крадучись, подошли к опушке и стали наблюдать из-за кустов.

Они увидели, что все стойбище пришло в движение. Круг между шалашами был заполнен собиравшимися на охоту. Женщины и мужчины выносили из жилищ копыя, дротики, скребки, связки ремней. Дети сновали повсюду между ними, трогали оружие, получали пинки, визжали и выли. Подростки пробовали дротики, осматривали копыя и, испытывая их острие, покалывали в шутку

друг друга. Десятка полтора собак, в которых нетрудно было узнать принадлежавших экспедиции, но полуодичавших, держались вне круга, в стороне от шалашей, очевидно собираясь сопровождать охотников, а в ожидании ссорились и грызлись друг с другом.

Наконец все оружие было вынесено, и взрослые, вооружившись копьями, двинулись толпой на восток. За ними шли подростки, несшие дротики, ножи и ремни; они, очевидно, играли роль оруженосцев и носильщиков добычи. Дети, кто на двух ногах, кто на четырех, бежали сзади и по сторонам с визгом и криками. Собаки следовали поодаль. В конце поляны дети отстали и повернули назад, а толпа охотников, насчитывавшая не менее полусотни человек, вытянулась гуськом по тропе, постепенно скрываясь в лесу.

На стойбище теперь видны были только старики, занявшиеся уборкой шалашей и вытряхиванием шкур, служивших подстилкой и покровом для спящих. Из некоторых шалашей вылезли сторбленные старухи и уселись у входа; выползли самые маленькие дети, а грудных младенцев выносили на руках и клали на шкуры возле шалашей на время их уборки.

Только возле шалаша пленников остались три взрослые женщины, очевидно исполнявшие обязанности караульных. Одна из них занялась разрезкой шкур костяным ножом на ремни; другая строгала таким же ножом палочки для стрел, а третья раскальвала толстые кости, чтобы получить острые осколки для наконечников копий и стрел.

Вскоре из шалаша вышел Иголкин, полуобнаженный, как и накануне, подбросил дров в костер и сел возле женщин. Поговорив с ними о чем-то, он достал свой большой матросский нож и начал помогать нарезать ремни; при его помощи дело шло заметно быстрее. Затем показался и Боровой, но он не принялся за работу, а стал смотреть в сторону, где накануне раздались выстрелы товарищей.

При виде этой сцены мирного сотрудничества человека двадцатого века и людей каменного века наблюдатели в кустах не могли удержаться от улыбки. Малочисленность оставшихся людей и примитивность их вооружения внушали им уверенность в успешном освобождении товарищей добром или силой. Но нужно было выждать еще часа полтора или два, чтобы охотники отошли достаточно далеко и не могли услышать ни призывов, ни выстрелов и чтобы даже караульные женщины не могли догнать их и вернуть в короткое время.

Дети, провожавшие охотников, постепенно возвращались назад и затевали разные игры в круге и вне его. Они боролись, кувыркались, дрались, а некоторые, постарше, метали дротики в воздух или в покрывки шалашей.

Разрезав шкуру, Иголкин пошел в свой шалаш и вынес оттуда кусок мяса, разрезал его на кусочки, нанизал на палочки, приготовленные для стрел, и воткнул последние в землю возле костра, чтобы изжарить этот шашлык. Очевидно, пленники еще не завтра-

кали и собирались поплотнее закусить перед бегством. Когда мясо поджарилось, оба уселись недалеко от костра и принялись уплетать шашлык. Иголкин время от времени подносил кусочек мяса то одной, то другой из работавших возле огня женщин, но те смеялись и отворачивались. Потом одна из них принесла из своего шалаша большой кусок сырого мяса, и они стали есть его в таком виде, отрезая костяными ножами длинные и тонкие полоски, которые давали также подбегавшим к ним детям.

Когда завтрак кончился, сидевшие в засаде, взглянув на часы, убедились, что прошло уже достаточно времени.

Они вышли из леса, выстроились в ряд и, подняв ружья и стреляя поочередно холостыми зарядами в воздух, быстро направились к шалашам.

При первых же выстрелах в стойбище все затихло. Сидевшие люди вскочили, стоявшие застыли на месте, повернувшись лицом к подходившим, которые издавали такие страшные звуки, подобные грому. Когда путешественники вступили в круг шалашей, люди распростерлись на земле перед ними в безмолвии и только самые маленькие дети заревели от страха.

Подойдя к шалашу пленников и передав им одежду и ружья, путешественники продолжали поочередно стрелять, пока Иголкин и Боровой одевались. Макшеев сказал Иголкину:

— Растолкуйте людям, что вы достаточно гостостили у них и что за вами пришли теперь еще более могущественные волшебники. За гостеприимство, оказанное вам, им принесли дары, чтобы они помнили о необыкновенных пришельцах, спустившихся из страны вечных льдов. Скажите им, чтобы они не смели преследовать нас, в противном случае они будут жестоко наказаны. Скажите, что боги льдов умеют делать не только гром, но и молнии, поражающие непослушных.

Когда Иголкин и Боровой вышли из шалаша переодетые, их товарищи прекратили стрельбу. Иголкин лучше овладевший языком благодаря своей общительности, обратился к распростертым на земле с речью, в которой, в общем, повторил сказанное ему Макшеевым. Но в конце он прибавил, обращаясь к трем женщинам, караулившим их:

— Эти дары отдайте старшим, когда они вернутся с охоты, пусть они разделят их. Еще мы оставляем вам огонь, которым вы можете теперь пользоваться, но не давайте ему никогда умереть, питайте его, как мы питали. И еще повторяю приказ — не гонитесь за нами. Мы уходим туда, в страну вечных льдов, а когда станет опять тепло, вернемся к вам.

Когда он кончил и положил пакеты с подарками у входа в свой шалаш, все шестеро, опять стреляя поочередно в воздух, прошли через круг между распростертыми людьми, не смевшими пошевелиться, и скрылись в лесу.

На опушке они остановились на минуту, чтобы посмотреть, что станут делать люди. Последние, когда выстрелы прекратились, на-

чали подниматься с земли и негромко переговариваться, очевидно обсуждая необычайное происшествие. Часть столпилась вокруг костра, переданного в их владение, и смотрела в огонь, лишившийся своих хозяев, словно он мог объяснить им что-нибудь. Вскоре две из караульных женщин, вооружившись копьями, побежали в ту сторону, куда ушла орда, очевидно чтобы сообщить ей о происшедшем. Третья женщина осталась у шалаша пленников, вероятно для того, чтобы дети и подростки не растащили подарки, к которым она сама не смела притронуться.

Пройдя к нартам, оставленным в лесу, путешественники направились на север, в обратный путь. Нарты приходилось тащить по узкой тропинке, покрытой опавшими листьями.

Отдаляясь от стойбища, Иголкин по временам издавал резкий свист, к которому приучил собак. Последние все время держались вокруг орды, повинувшись этому свисту. Иголкин кормил их отбросами, но собаки сильно одичали, так как первобытные люди боялись их и не допускали к шалашам. Часть собак погибла в борьбе с разными хищными зверями, остальные ушли теперь с ордой на охоту, и на свист каюра прибежали только пять собак, оставшихся в окрестностях стойбища. Они следовали в некотором отдалении за нартами, но в руки не давались и огрызались на подбежавшего к ним Генерала. Их нужно было в течение нескольких дней приручать кормлением, чтобы получить упряжку хотя бы для одной нарты.

Прошагав двенадцать часов и сделав около пятидесяти километров, расположились наконец на ночлег, уверенные, что их уже не догонят.

НАПАДЕНИЕ ПЕРВОБЫТНЫХ ЛЮДЕЙ

На ночлег остановились на большой поляне. Юрту поставили на всякий случай среди поляны, чтобы никто не напал неожиданно из-за кустов. Караулили поочередно. Кроме того, собаки, по-видимому, узнали юрту и расположились на снегу по соседству; к самой юрте Генерал их еще не допускал.

Во время дежурства Каштанова Генерал встревожился, заворчал, потом начал лаять, не переставая. Каштанов заметил, что вокруг всей поляны кусты слегка шевелятся и потрескивают. Он немедленно разбудил товарищей, которые выскочили с ружьями.

Убедившись, что неожиданное нападение не удалось, люди вышли из леса, окружили всю поляну и стали теперь медленно и нерешительно сходить к юрте. Это были женщины, вооруженные копьями и державшие в зубах ножи. За ними видны были девочки с дротиками. Но пустить оружие в дело они не решались: видимо, надеялись взять колдунов голыми руками, как в первый раз, чтобы заставить их вернуться в стойбище. Поэтому Иголкин удержал товарищей от немедленной стрельбы, собираясь поговорить с ордой,

но на всякий случай предложил заменить пулю в одном стволе каждого ружья патроном с мелкой дробью.

— Дробью по ногам с них будет достаточно, — сказал он. — А если, паче чаяния, это не подействует, тогда уж угостим их пулями.

Когда женщины приблизились шагов на тридцать, Иголкин замахал руками и закричал:

— Стойте, слушайте! Я запретил вам преследовать нас. Вы не послушались. Наши огненные стрелы готовы, и кто посмеет подойти ближе, будет поражен ими! Уходите назад!

Остановившиеся дикари выслушали слова Иголкина и стали переговариваться. Потом одна из женщин крикнула что-то, а другие в знак согласия замахали руками.

— Они приглашают нас двоих вернуться к ним — орда не может без нас жить. А остальные пусть уходят... — перевел Иголкин, а потом закричал: — Волшебники не могут жить долго с людьми! Мы уходим на зиму в свои шалаши на больших льдах, а весной вернемся. Уходите скорее!

Но часть женщин подвинулась на несколько шагов вперед, а одна из оруженосиц с юношеской дерзостью быстро бросила дротик, который пролетел мимо правого уха Каштанова и вонзился в юрту.

— Ну, делать нечего, надо стрелять, пока они не осмелели! — вскричал Боровой. — Дробью по ногам в разные места круга, там, где они стоят кучкой! Раз, два, три!

Грянуло шесть выстрелов, и в ответ на них из разных частей кольца женщин раздались крики и вопли раненых. Повернувшись кругом, все бросились бежать к лесу; многие хромали, оставляя на снегу капли крови. Девушка же, пустившая стрелу в Каштанова, после нескольких шагов упала и осталась лежать неподвижно.

— Ну, что же дальше? — спросил Громеко, когда последние беглецы скрылись в кустах. — Ждать еще нападения или они больше не посмеют?

— Я думаю, с них достаточно, — заметил Иголкин. — На всякий случай зайдем в юрту, чтобы дротик какой-нибудь шальной девчонки не попал в нас.

Предосторожность эта оказалась излишней. Женщины с воем удалялись все дальше, и скоро все затихло. Собаки перестали лаять, устремились к упавшей девушке и жадно лизали теплую кровь, лившуюся из раны. Иголкин, а вслед за ним и другие побежали туда же, чтобы отогнать одичавших собак.

Осмотрев упавшую, путешественники увидели, что рана только одна — на правой ляжке, но кровь льется сильно.

— Странно, мелкая дробь не могла сделать такую рану, — заметил Папочкин.

— Кто-нибудь из нас по ошибке выстрелил из ствола, заряженного пулей.

— Это я целился в нее! — заявил Каштанов.

— Бедняжка жива, — сказал Громеко, исследовав лежавшую, — она только лишилась сознания от испуга и боли. Пуля прошла через мягкую часть ноги, не задев кость, но здорово разорвала ей мускулы.

— Что же мы будем делать с ней? Остальные ведь убежали.

— Придется взять ее с собой как пленницу. А когда поправится, отпустим на волю.

— Отпустить?! — возмутился Папочкич. — Ни в коем случае! Мы ее доставим на «Полярную звезду» как великолепный экземпляр первобытного человека, близкого к обезьянам. Какой это будет клад для антропологов!

Громеко сходил в юрту за перевязочными материалами, оставил кровь, забинтовал рану. Во время этой операции девушка открыла глаза и, увидя себя окруженной колдунами, вся затряслась от страха.

Она была невысокого роста, но стройная, еще не обладавшая ни массивными формами, ни крепкой мускулатурой, как взрослые женщины. Тело ее сзади было покрыто короткими, но довольно густыми черными волосами. На лице, ладонях и подошвах волос не было. Голова была покрыта недлинными, слегка волнистыми волосами. Форма ступни являлась как бы промежуточной между человеческой и обезьяньей с сильно развитыми пальцами и далеко отстоявшим от остальных большим пальцем.

Рассмотрев лицо девушки, Боровой воскликнул:

— Да ведь это Катю, моя приятельница!

— Вы разве отличали их друг от друга? — спросил Каштанов. — Насколько я мог заметить, они все похожи одна на другую.

— Это только на первый взгляд, а если присмотреться, разница есть. И мы многих знали по именам, особенно подростков и детей. Катю мне часто приносила мясо, корешки и вообще лакомые, по ее мнению, кусочки, выказывая этим свое расположение.

— Поэтому-то она и осмелилась пустить дротик в одного из похитителей ее милого! — засмеялся Макшеев.

— Да, на четыре сантиметра левее — и я остался бы без глаза, — заявил Каштанов.

После перевязки Катю хотели перенести в юрту, но она стала рваться из рук и выть, выкрикивая что-то. Иголкин разобрал, что она просит оставить ее умереть на месте, а не уносить для съедения в шалаше.

— Почему для съедения? — удивился Громеко. — Разве они людоеды?

— Да, убитых или тяжело раненных на охоте или в драке они преспокойно съедают.

— Так вы ее успокойте, скажите, что мы ее не съедем, а положим в шалаше спать. А когда она поправится, отпустим к своим.

Иголкин с трудом убедил девушку, а Боровой взял ее руку, после чего она успокоилась и позволила себя унести. В юрте Катю

положили на постель, она вскоре уснула, не выпуская руки Борового.

Так как время, назначенное на ночлег, уже кончалось, начали собираться в путь; развели огонь, поставили чайники, стали завтракать. Иголкин, выходявший из юрты набивать чайники снегом, заметил, что по опушке леса бродят еще собаки, очевидно прибежавшие с людьми и отставшие теперь от них. Может быть, вид юрты напомнил им о той вкусной юколе, которой их когда-то кормили, и они стали вспоминать своих прежних хозяев. На свист матроса собралось еще двенадцать собак, так что, считая Генерала и первых пять примкнувших к путешественникам, можно было с грехом пополам запрячь все три нарты.

— Чем же мы будем кормить их? — спросил Иголкин. — Ведь удержать их при юрте и приручить можно только кормом.

— У нас было взято провизии на месяц, — сказал Громеко. — Дней через семь-восемь мы доберемся до холма. Следовательно, есть запас ветчины, который можно уделить им.

— Много давать им не нужно! — прибавил Боровой. — Они побегут порожняком вслед за нами, в расчете на обед и ужин.

Собакам после завтрака уделили обрезки, кости и по кусочку мяса, а затем стали укладывать. На одну нарту с войлоком и жердями юрты положили Катю, а на другую — все остальное. Снег позволил уже пользоваться лыжами, так что, несмотря на увеличившийся груз, можно было двигаться быстрее, чем накануне. Когда поезд тронулся и Катю увидела, что ее увозят не в ту сторону, где находилось стойбище ее орды, а в противоположную, она вскрикнула, соскочила с нарты и бросилась бежать, но, сделав несколько шагов, упала. Когда ее окружили и хотели поднять на нарту, она начала сопротивляться, дралась кулаками и пыталась укусить.

Из объяснений Иголкина она, по-видимому, поняла, что ее отвезут назад к стойбищу и там отпустят, а между тем колдуны хотели увезти ее с собой к большим льдам. Пришлось связать ей руки и привязать к нарте, чтобы предотвратить новые попытки к побегу. Бедная Катю тряслась от страха и всхлипывала в полной уверенности, что ей не миновать съедения.

В этот день с обеда уже перешли на русло речки, где снег лежал менее толстым слоем и был уплотнен ветрами, так что нарты и лыжи зарывались меньше, чем на тропе в лесу. Поэтому движение шло достаточно быстро, и за день прошли опять пятьдесят километров.

На ночлеге караулили по очереди, но все было спокойно. Катю целый день отказывалась от пищи, и на ночлеге ее пришлось оставить связанной под надзором караульного. При виде блестящих ножей, которыми белые колдуны резали ветчину во время обеда и ужина, она вся дрожала и с ужасом глядела на движения рук, очевидно ожидая, что вот-вот настанет ее черед быть зарезанной.

Так продолжалось путешествие на север, и на восьмой день

пути вышли в тундру, а к обеду достигли холма. Катю постепенно успокоила за свою участь, привыкла к колдунам и начала принимать сырую пищу. Есть что-нибудь вареное или жареное она с отвращением отказывалась. На третий день пути ей развязали руки, а на пятый — и ноги, когда она обещала, что не убежит.

ЖИЗНЬ В ПЛЕНУ

Во время этого путешествия Иголкин и Боровой постепенно рассказывали о своей жизни с первобытными людьми, а Каштанов записывал их рассказ.

Со дня ухода экспедиции на юг оставшиеся в юрте Иголкин и Боровой занялись устройством метеорологической будки для установки инструментов и прочной двери в складе-леднике для защиты его от своих собак и других хищников. Покончив с этой работой, они приступили к устройству новой галереи во льду холма, ниже по склону, чтобы дать собакам приют от жары, которая постепенно усиливалась и заставляла собак убежать к окраине льдов, мало-помалу отступавшей на север. Пока не были окончены эти срочные работы, на охоту ходили только изредка, для пополнения запаса пищи, но потом стали охотиться ежедневно, чтобы накопить запасы мяса на зиму — и в сушеном виде для собак, и в копченом для людей. Возвращаясь из лесу с нартой, прихватывали всегда и дров, так что постепенно накапливался запас дров для холодных месяцев.

На охоте попадались мамонты, носороги, первобытные и мускусные быки, исполинские и северные олени. На речках и в тундре били гусей, уток и других птиц, которыми главным образом и питались. Мясо крупных животных сушили и коптили. Дела было по горло, и в хлопотах часто недосыпали. На охоте бывали разные приключения, которые, впрочем, кончались благополучно.

Первое время после отъезда товарищей на юг погода все улучшалась, покров туч все чаще разрывался, и Плутон светил по нескольку часов сряду, так что температура повышалась до 20 градусов в тени, и в тундре настало полное лето. Но с половины августа начался поворот к осени, Плутон стал чаще скрываться в тучах, по временам шел дождь, после которого в тундре поднимались туманы.

Температура постепенно понижалась и в начале сентября, иногда при сильных северных ветрах, падала до нуля. Листья стали желтеть, и к половине сентября вся тундра уже лишилась зеленой летней одежды, оголилась, побурела. Изредка перепадал снег.

Готовясь к зиме, Иголкин и Боровой пересмотрели всю провизию, консервы и вещи в складе и часть их перенесли в юрту. Они были заняты этим второй день и только что заперли склад, соби-

раясь обедать, как внезапно на них напали дикие люди, подкравшиеся с другой стороны холма. Боровой и Иголкин, не помышлявшие о возможности существования людей в Плутонии, кроме ножей, не имели при себе оружия: напавшие же были вооружены копьями, ножами, стрелами, так что сопротивление было невозможно. Но, рассмотрев белых людей, юрту и метеорологическую будку, к невиданным пришельцам отнеслись с уважением и повели их в свое стойбище.

Последнее оказалось недалеко — километрах в десяти от юрты, среди мелкого леса (потом пленники узнали, что орда только накануне прикочевала с востока). Когда пленников привели, первобытные люди долго совещались, что с ними делать: мужчины предлагали принести их в жертву богам, но большая часть женщин решила иначе. Они, по-видимому, думали, что присутствие необыкновенных пришельцев в орде сделает последнюю могущественной, принесет им успех на охоте, в столкновениях с другими ордами, и потому решили не отпускать пленных, не делать им зла, а поселить их в отдельном шалаше посреди стойбища.

Орда в это время собирала разные ягоды и какие-то съедобные корешки в тундре для зимних запасов и провела несколько дней на одном месте. Но затем большой снег заставил откочевать километров на сорок на юг, где более высокий лес защищал их от холодных ветров.

Первое время пленники чувствовали себя очень скверно. Им давали есть только сырое мясо, ягоды и корешки. Спать приходилось на грубо выделанных звериных шкурах и такими же шкурами укрываться от холода. Объясняться с людьми они могли только знаками и все еще не знали, какая участь их ожидает. Убежать не было возможности, потому что их караулили зорко.

После перекочевки на новое место — большую поляну среди леса — люди стали рубить из сухих тонких деревьев жерди для своих шалашей. Всюду валялись сухие ветки, кора, обрубки жердей, и при виде их Иголкин вспомнил, что у него в кармане сохранилась коробка спичек, так как в складе он зажигал фонарь. Набрав сухих веток, он сделал себе костер. При виде огня люди бросили работу и сбежались к костру. Они были поражены этим невиданным явлением, а когда пламя обожгло им руки, костер сделался предметом их поклонения, и к пришельцам, владевшим огнем, почувствовали еще большее уважение. С тех пор костер горел у шалаша пленников непрерывно, и они стали жарить на палочках мясо, которое им приносили.

Вскоре пленники научились понимать язык этих людей, очень несложный. Круг понятий был ограничен охотой, едой и примитивной обстановкой жизни, их язык состоял из односложных и двусложных слов без склонений, без глаголов, наречий, предлогов, так что речь дополнялась мимикой и телодвижениями. Считать умели только до двадцати по пальцам рук и ног.

В каждом шалаше жили несколько женщин и мужчин, связан-

ных друг с другом групповым браком, а также дети этой групповой семьи, в которой ребенок имеет одну мать и несколько отцов. Мужчины ходили на охоту и изготовляли осколки кремня для копий, дротиков, ножей и скребков. Женщины собирали ягоды и корешки, выделывали шкуры, принимали участие в облавах на крупных зверей, когда требовались силы всей орды.

Охотились люди за всякими животными, попадавшимися им, и ели как мясо, так и все внутренности, а также червей, улиток, гусениц и жуков. Охотники наедались теплым мясом и пили кровь только что убитых животных, а остатки и шкуры уносили домой в стойбище. Крупных животных — мамонтов и носорогов — они окружали и загоняли в волчьи ямы, вырытые на звериных тропах в лесу, и там добывали камнями и копытами.

На охоту ходили группами по семьям или соединялись по две-три семьи, а на крупного зверя, которого нужно было загонять облавой, шла вся орда, кроме двух-трех женщин, остававшихся караульными при пленных. Эти женщины кормили грудных младенцев всех шалашей, матери которых долго не возвращались с охоты.

На охоте были несчастные случаи. Хищники, а также мамонты и носороги наносили иногда раны и повреждения своим преследователям. Своих убитых или тяжело раненных охотники съедали.

Общий вид первобытных людей, по словам Борового, можно

было охарактеризовать так: они имели большую голову на коротком и объемистом туловище с короткими, грубыми и сильными конечностями. Плечи были широки и сутуловаты, голова и шея наклонены вперед. Короткий подбородок, массивные надбровные дуги и покатый лоб придавали им сходство с человекообразной обезьяной. Ноги были несколько согнуты в коленях. Первобытные люди ходили, наклонившись вперед, а сидели во время еды и работы на корточках.

На основании рассказов Борового и Иголкина об этих людях, а также осмотра их оружия и изделий Каштанов пришел к выводу, что это племя имело много общего с неандертальцами, жившими в Европе в среднем палеолите, то есть в древнекаменном веке, одновременно с мамонтом, длинношерстным носорогом, первобытным быком и другими животными ледниковой эпохи.

Эти первобытные люди имели только очень грубые каменные орудия, которые изготовлялись из осколков кремня в виде скребков (для обработки звериных шкур), топоров и ножей, наконечников для копий и дротиков, служивших для охоты. Острые осколки вставляли также в отверстия, выдолбленные в дубинках, которые превращались в грозное оружие.

Огонь, разведенный пленниками, люди называли маленьким солнцем и поклонялись ему. Благодетельное действие огня они испытали во время большой перекочевки на юг, на которую их вынудило начало зимы в поясе северного леса. Тащить с собой жерди для шалашей было слишком тяжело, а вырубать новые на месте каждого ночлега — слишком долго, поэтому во время перекочевки ночевали прямо под кустами в лесах, где холодный ветер сильно чувствовался. Подсаживаясь к костру пленников, они скоро убедились в его согревающем действии, и скоро вся орда стала ночевать вокруг костра и ревностно собирать для него дрова. Но разводить отдельный костер для себя никто из них не решался, и пленники не наводили их на эту мысль, чтобы оставаться единственными хозяевами огня и не уменьшать свое обаяние в глазах орды. Они предвидели, что со временем, если освобождение затянется, положение сделается трудным.

Пленники с усиливавшейся тревогой считали уходящие дни осени и гадали, скоро ли могут вернуться товарищи с юга и освободить их. Зима постепенно надвигалась с севера, и в недалеком будущем предстояла новая перекочевка еще дальше от холма на краю льдов. Поэтому можно себе представить, с каким восторгом они услышали выстрелы, известившие их о близости освобождения.

ОПЯТЬ В ЮРТЕ

К своему холму на краю льдов путешественники прибыли к последней неделе декабря и решили отдохнуть, празднуя Новый год, успех экспедиции на юг и освобождение пленников. Провизии

и дров было запасено достаточно, и пока не было надобности отлучаться в лес или в тундру.

Расчистили площадку, поставили юрту и провели по снегу, достигшему глубины более метра, траншею к складу, собачьей галерее и метеорологической будке. Затем можно было отдыхать. В юрте горел небольшой костер, было тепло и уютно. Все шестеро в промежутках между трапезами, прогулками и сном беседовали, рассказывая о своих приключениях и вспоминая разные эпизоды из путешествия на юг или из жизни в орде.

Кату была безмолвной участницей этих бесед и проникалась все большим уважением к белым колдунам, которые имели в своем распоряжении столько странных вещей. Ее нога начала поджигать, и она могла уже понемногу ходить. Часто заставляли ее возле юрты сидящей на корточках, с взором, устремленным на юг, где на горизонте виднелась темная полоса лесов. Ее, очевидно, тянуло к своему племени.

Иголкин уговаривал Кату остаться с ними и потом уехать вместе через льды в теплую страну, где она увидит все чудеса, созданные белыми людьми. Но она упрямо качала головой и твердила:

— Я лес, шалаш матери, мясо, кровавое мясо, охота, вело село!

Путешественники все же надеялись, что постепенно она привыкнет к ним и наконец согласится ехать. Каким триумфом для экспедиции был бы живой экземпляр первобытного человека!

Когда морозы усилились, она начала мерзнуть, но отталкивала одежду, которую ей предлагали. Выходя из теплой юрты на воздух, она куталась только в свое одеяло. В работах по уборке юрты, мытью посуды, возобновлению траншеи в снегу, подноске дров она не принимала никакого участия. Она спрашивала у Иголкина, сколько у него жен, ходят ли они на охоту, велика ли орда, к которой принадлежат белые колдуны, и с недоверием качала головой, когда ей рассказывали о жизни европейцев, о городах, морях, кораблях и т. п. Единственным ее занятием в промежутках между едой и сном было строгание палочек для дротиков и вырезывание из мягкого дерева тальниковых дров очень грубых фигурок мамонтов, носорогов, медведей и тигров. Она сделала целую коллекцию этих идолов, поклонялась им и все просила у Иголкина крови, чтобы вымазать их. Но путешественники на охоту не ходили, в тундре не было видно ни зверей, ни птиц, и ее желание нельзя было удовлетворить.

В январе начали делать небольшие экскурсии на нартах, чтобы приучить к упряжке собак, которые уже прикормились, привыкли к прежним хозяевам и жили в ледяной галерее под холмом, кроме Генерала, оставшегося при юрте в качестве караульного. Когда собаки привыкли к упряжке, стали делать более далекие экскурсии по тундре, к краю лесов, за дровами, запас которых был на исхо-

де. В эти экскурсии ходили поочередно впятером с тремя нартами, оставляя кого-нибудь одного в юрте сторожить Катю.

Однажды в конце января очередь остаться караульным в юрте выпала Папочкину. Катю всегда внимательно следила за уезжавшими в сторону леса и не могла дождаться их возвращения: она надеялась, что они встретят какую-нибудь дичь и привезут ей свежего кровавого мяса, по которому она тосковала. Но надежды ее были напрасны, так как никакой дичи не встречалось.

Просидев часа два после отъезда остальных в юрте у огня, Папочкин со скуки задремал и, вероятно, проспал довольно долго. Когда он проснулся, Катю в юрте не было. Он выбежал наружу и увидел уже далеко на юге, среди белоснежной равнины, черную точку, все более удаляющуюся. Пленница взяла его лыжи, на которых научилась ходить, и он не мог преследовать ее без лыж по глубокому снегу. Она захватила также свое одеяло, начатый окорок ветчины, висевший в юрте, большой нож и коробку спичек, с которыми выучилась обращаться.

Вернувшись к вечеру, товарищи узнали о бегстве Катю и были очень раздосадованы. Папочкину пришлось выслушать немало упреков за свое ротозейство. Но преследовать беглянку нечего было и думать: она успела уйти слишком далеко, и нужно было снаряжать в погоню за ней целую экспедицию, с риском все-таки не догнать. Катю бежала налегке и привыкла во время охоты делать до ста километров в день; экспедиция же с нартами могла делать

едва ли половину этого расстояния. Идти же отвоевывать девушку у ее родичей, вопреки ее желанию, не имело никакого смысла.

К счастью, до побега успели сфотографировать Катю несколько раз спереди, сбоку и сзади, а также обмерить по всем правилам антропологии, снять гипсовую маску с ее лица и сделать оттиски рук и ног.

Пуститься в обратный путь по льдам, чтобы застать наверху уже достаточно длинный день и добраться к началу лета до южного берега Земли Нансена, можно было не раньше конца марта или даже начала апреля. До отъезда оставалось еще почти два месяца. Это время решено было употребить на тренировку людей и собак в более продолжительных экскурсиях с нартами. В последние дни на окраине лесов стали замечать свежие следы оленей, вероятно северных, а также мускусных быков и волков. Поэтому, удалившись на расстояние одного-двух дней пути от юрты, можно было рассчитывать на охоту. Свежее мясо было очень нужно и людям и собакам: ветчина сильно надоела, да и количество ее вследствие прожорливости Кату очень поубавилось. Приходилось беречь запас ветчины для дороги, а до отъезда добывать для пропитания дичь. На эти экскурсии ходили поочередно втроем с двумя нартами и палаткой, тогда как трое людей и одна упряжка собак оставались в юрте, отдыхая от предыдущей поездки.

В ГЛУБЬ ЛЬДОВ

В конце марта путешественники решили тронуться в обратный путь через льды. Метеорологическая будка была оставлена на месте, и в ней, а также в складе под холмом, были помещены в запаянном ящике краткие сведения о составе экспедиции, открывшей Плутонию, и главных результатах поездки на юг. Чтобы первобытные люди, посещения которыми холма следовало ожидать с наступлением лета, не унесли ящики и не разорили будку, на полочке в последней была расставлена часть деревянных идолов, вырезанных Катю, а на полу будки в качестве жертвоприношения сложены все накопившиеся кости, пустые жестянки от консервов и тому подобный хлам. До всего этого додумался Иголкин, ближе сошедшийся с дикими, чем ученый Боровой.

Нарты, порядочно нагруженные коллекциями, провизией и имуществом экспедиции, потянулись через белоснежную тундру к подножию льдов.

Этот обратный путь через Землю Нансена затянулся на целый месяц: преодоление ледяного хаоса, долгий подъем на хребет Русский и спуск с него по ледопадам глетчера, упорные ветры, дувшие навстречу, перегруженность нарт, недостаточное количество собак — задерживали движение и потребовали напряжения всех

сил. Частые метели также задерживали движение, но зато давали людям и собакам лишние часы отдыха. За ледяным хаосом началась уже смена дня и ночи, которую давно не наблюдали путешественники. Из складов провизии, оставленных на пути, некоторых не удалось найти, но на мысе Труханова нашли новый склад с годовым запасом провианта, сооруженный «Полярной звездой», и в нем записку, сообщавшую, что судно остановилось на зимовку в десяти километрах восточнее мыса. С высоты последнего судно было видно вдаль, и на половине пути к нему произошла радостная встреча. Даже Труханов выехал на нарте, которую тащили молодые собаки, родившиеся на «Полярной звезде» во время плавания. Приветствиям и расспросам не было конца. Труханов просиял, услышав, что его предположения о внутренности Земли блестяще оправдались.

НАУЧНАЯ БЕСЕДА

Через несколько дней по возвращении экспедиции на «Полярную звезду» разыгралась обычная для этих широт сильнейшая пурга, прекратившая всякие прогулки и работы на свежем воздухе. Коротали время в кают-компани, обмениваясь впечатлениями о зимовке среди льдов и путешествии в Плутонию. Труханов особенно интересовался подробностями спуска в подземный мир, который сопровождался различными непонятными для экспедиции явлениями.

— А знаете ли, Николай Иннокентьевич, — сказал Каштанов, — что ваше письмо, вскрытое в тот день, когда мы увидели мамонтов в тундре, сменившей льды, объяснило нам, куда мы попали, но не удовлетворило нас. Мы хотели бы знать, на чем было основано ваше предположение, что земной шар пустотелый, — предположение, которое так блестяще оправдалось.

— Если хотите знать, — ответил Труханов, — идея эта не моя и даже не новая. Ее высказывали больше ста лет назад некоторые ученые Западной Европы, и я наткнулся на нее, просматривая старые журналы, заинтересовался и занялся проверкой, которая убедила меня в ее правдоподобности.

— Не поделитесь ли вы с нами вашими доказательствами?

— С удовольствием. Если хотите, сделаю вам сегодня же вечером подробный доклад.

Вечером в кают-компани состоялась интересная научная беседа.

Рассмотрев кратко воззрения древних народов о плоской Земле среди первобытного океана и учение Аристотеля о шарообразной форме Земли, Труханов остановился подробнее на взглядах нового времени.

— В конце восемнадцатого века ученый Лесли утверждал, что внутренность Земли заполнена воздухом, самосветящимся вследст-

вие давления. В этом воздухе движутся две планеты — Прозерпина и Плутон...

— Плутон? — не удержался Боровой. — Мы, следовательно, не придумали ничего нового для внутреннего светила!

— Да, это имя у вас предвосхитили, — продолжал Труханов. — И некоторые ученые даже высчитали пути этих планет, приближение которых к земной коре будто бы производит магнитные бури и землетрясения. По мнению Лесли, на внутренней стороне Земли, освещаемой мягким электрическим светом, царствует вечная весна, и поэтому там существует чудная растительность и своеобразный мир...

— И он был совершенно прав! — воскликнул изумленный Папочкин.

— Вход в земную внутренность, по учению Лесли, должен находиться около восьмьдесят второго градуса северной широты...

— Но ведь это же изумительно! — всплеснул руками Максеев. — Как он мог указать так точно? Мы нашли южный край этого входа под восьмьдесят первым градусом с чем-то.

— Лесли определил его по месту наибольшей интенсивности северных сияний, так как предполагал, что последние исходят именно изнутри Земли, представляя электрические лучи, освещающие внутренность Земли. Учение Лесли нашло многих сторонников, и даже вполне серьезно разбирали вопрос о снаряжении экспедиции внутрь Земли.

— Вот так так! — улыбнулся Громеко. — И в этом отношении у нас чуть не явились предшественники?

— Но экспедиция не состоялась, потому что авторитетные ученые того времени — Бюффон, Лейбниц, Кирхер — высмеяли гипотезу Лесли, назвав ее фантазией. Они отстаивали огненно-жидкое ядро Земли, одно общее или с многочисленными второстепенными очагами, которые назывались *пирофилияциями*. В конце восемнадцатого века стройная гипотеза Канта-Лапласа об образовании всей нашей планетной системы из газообразной раскаленной туманности завоевала почти все умы и отодвинула на задний план все другие.

Но Кормульс в тысяча восемьсот шестнадцатом году доказывал, что Земля внутри пустая и кора ее имеет не более трехсот английских миль толщины.

Галлей, Франклин, Лихтенберг и Кормульс старались объяснить явления земного магнетизма и его вековые изменения с точки зрения существования гипотетической внутренней планеты. Немецкий профессор Штейнгаузер в тысяча восемьсот семнадцатом году считал существование этой планеты, которую он называл Минервой, почти несомненным.

Возникли опять проекты экспедиции внутрь Земли. Отставной пехотный капитан Симмес, живший в Сен-Луи в штате Миссури, в апреле тысяча восемьсот восемнадцатого года напечатал в газе-

тах письмо и разослал его во многие учреждения Америки и Европы, адресованное «всему миру», с девизом «свет дает свет, чтобы открыть свет до бесконечности».

Вот что он писал:

Земля внутри пустая и обитаемая. Она содержит ряд концентрических сфер одну в другой и имеет у полюсов отверстия шириной от 12 до 16°. Я готов прозакладывать свою жизнь за истинность этого и предлагаю исследовать эту пещеру, если мир поможет мне в этом предприятии. Я приготовил к печати трактат об этом предмете, в котором привожу доказательства вышеуказанных положений, даю объяснения различных явлений и разгадываю «золотую тайну» доктора Дарвина. Мое условие — патронат этого и новых миров. Я посвящаю (завещаю) его моей супруге и ее десяти детям. Я избираю доктора Митчелль, сэра Дэви и барона Александра фон Гумбольдта в качестве своих покровителей. Мне нужно только сто смелых спутников, чтобы выступить из Сибири в конце лета с северными оленями на саях по льду Северного моря.

Я обещаю, что мы найдем теплые и богатые земли, изобилующие полезными растениями и животными, а может быть, и людьми, как только минуем 82 градус северной широты. В следующую весну мы вернемся.

— Что же, состоялась эта экспедиция? — спросил Каштанов.

— К несчастью или, если хотите, к нашему счастью, она не состоялась. Письмо Симмеса обратило на себя внимание, и в редакции газет и журналов, а также к ученым посыпались вопросы заинтересованных читателей. Предложение отважного капитана, не боявшегося оставить после себя вдову и десять сирот, обсуждалось в печати, но ни ста смелых спутников, ни денег на экспедицию не собрало. Ученые, избранные покровителями, вероятно, сочли бедного Симмеса просто фантазером или сумасшедшим. Дело в том, что многие были убеждены в существовании пустоты внутри Земли и нахождении там планеты, но в существование отверстия, через которое можно было бы проникнуть внутрь, не верили.

Так, физик Хладни в статье о внутренности Земли, вызванной письмом Симмеса и напечатанной в ученом журнале, указал, что отверстие невозможно: если бы таковое когда-либо существовало, оно бы неминуемо заполнилось водой. Крайне медленное движение планеты, обнаруженное Штейнгаузером, Хладни объясняет тем, что оно происходит в весьма плотной среде сдвинутого воздуха, может быть, под влиянием притяжения Солнца и Луны. Он строит еще следующие интересные предположения, не выдавая их, конечно, за бесспорные: так как при сильном сжатии воздуха выделяется тепло, а сильно нагретое тело должно светиться, то в центре

земной пустоты, где давление со всех сторон наибольшее, страшно сжатый воздух должен образовывать светящую и согревающую массу, нечто вроде центрального солнца.

Обитатели внутренней поверхности Земли, если таковые существуют, видят это солнце всегда в зените, а вокруг себя — всю внутреннюю поверхность, освещенную им, что должно дать очень красивую панораму.

Гипотезы о внутренней планете держались некоторое время. Бертран в тридцатых годах прошлого века

также полагал, что земной шар пустой и в этой пустоте находится магнитное ядро, которое перемещается под влиянием комет от одного полюса Земли к другому.

В девятнадцатом веке наибольшее число приверженцев имела гипотеза об огненно-жидком ядре Земли, согласно учению Канта-Лапласа. Ее защитники спорили только по вопросу о том, какую толщину имеет твердая земная кора; одни находили достаточной кору в сорок — пятьдесят километров толщины, другие же вычисляли ее в сто километров, а третьи даже от тысячи двухсот семидесяти пяти до двух тысяч двухсот двадцати, то есть от одной пятой до одной трети земного радиуса. Но такая толщина коры противоречит вулканическим и геотермическим явлениям Земли, как противоречит им гипотеза, предполагающая, что Земля представляет совершенно остывшее твердое тело. Поэтому в качестве корректива защитники толстой коры принимают, что среди нее еще сохранились отдельные бассейны расплавленной массы, которые и являются вулканическими очагами.

Поэтому во второй половине девятнадцатого века больше сторонников получила четвертая гипотеза, гласящая, что Земля имеет твердую нетолстую кору, твердое ядро и в промежутке между ними более или менее толстый слой расплавленных пород — так называемый оливиновый пояс.

Твердое ядро допускается на том основании, что ближе к центру Земли вследствие громадного давления, существующего там, все тела, несмотря на высокую температуру, превышающую во много раз их точку плавления (при нормальном давлении), должны быть в твердом состоянии.

Земная кора состоит из более легких пород, а в оливиновом поясе сосредоточены более тяжелые, богатые оливином и железом; в самом ядре преобладают наиболее тяжелые вещества — например, металлы. Полагают, что железные метеориты, которые состоят преимущественно из никелевого железа, представляют обломки планетных ядер, а каменные метеориты, состоящие из оливина и других богатых железом минералов с вкраплениями никелевого железа, дают нам понятие о составе вещества оливинового пояса.

Эта гипотеза и сейчас еще имеет много сторонников, но наряду с ней за первенство борется и другая, именно гипотеза Цеприца, которая воскресила в новой форме учение Лесли и других ученых конца восемнадцатого и начала девятнадцатого века.

Эта гипотеза исходит из того физического закона, что при высоких температурах, которые непременно должны существовать в недрах Земли, все тела должны быть в газообразном состоянии, несмотря на огромное давление.

Вам известно, что существует так называемая критическая температура газов, при которой они не сжимаются и не переходят в жидкость ни при каком давлении. Несомненно, что в центре Земли эта критическая температура превзойдена во много раз. Поэтому самое ядро должно состоять даже из так называемых одноатомных газов, потерявших уже свои характерные химические свойства, так как молекулы их уже распались на атомы под влиянием высокой температуры. Это ядро окружено слоем газов в перегретом надкритическом состоянии, в свою очередь, окруженным слоем обыкновенных газов.

Далее следует слой жидкости, вещества в расплавленном состоянии, затем слой жидкости густой, вроде лавы или смолы, и еще слой, переходный от жидкости к твердому телу, в так называемом скрыто-пластическом состоянии, сравниваемый по консистенции с сапожным варом.

Наконец, сверху находим твердую кору. Все перечисленные слои, конечно, не отграничены резко друг от друга, но связаны постепенными переходами, вследствие чего при движении Земли эти слои не могут перемещаться друг относительно друга, влиять на приливы и отливы, на перемещения земной оси. Относительно толщины земной коры существует разногласие. Шведский геофизик Аррениус предполагает, что газообразное ядро занимает девяносто пять процентов земного диаметра, огненно-жидкие слои — четыре процента, а твердая кора — только один процент, то есть имеет около шестидесяти четырех километров толщины. Другие же дают коре мощность более зна-

чительную — в восемьдесят, сто и даже тысячу километров. Но более тонкая кора, шестьдесят — сто километров, не больше, лучше согласуется с явлениями вулканизма, горообразования, геотермическими и тому подобными.

Вы видите, что эта гипотеза воскресила учение Лесли и других, правда без внутренних планет и наружных отверстий, оправдала даже мнение капитана Симмеса о концентрических сферах. Но об обитаемости недр Земли при температуре, разлагающей даже атомы газов, конечно, не могло быть и речи...

— А между тем они обитаемы! — воскликнул Каштанов. — И, снаряжая туда экспедицию, вы ведь предполагали эту обитаемость?

— Совершенно верно, и теперь я перехожу к изложению своей гипотезы, — ответил Труханов. — Я давно уже являюсь сторонником гипотезы Цеприца и производил наблюдения и вычисления для ее дальнейшего развития и подтверждения. Наблюдения касались определения силы тяжести, явлений геомагнетизма и распространения землетрясений.

Как известно, волны землетрясений распространяются не только по твердой земной коре, но и по прямому пути через недра Земли. Поэтому если случится землетрясение у наших антиподов, то чувствительные инструменты уловят две серии ударов — сначала идущие по кратчайшему пути земного диаметра, а затем уже распространяющиеся по земной коре, то есть по периферии шара. Скорость распространения сотрясений зависит от плотности и однородности среды, и по этой скорости можно судить о состоянии среды.

И вот целый ряд наблюдений на разных сейсмических станциях Земли и в особенности моей обсерватории на Мунку-Сардыке, где я установил новые, чрезвычайно точные и чувствительные инструменты на дне глубокой шахты, у подножия горного хребта, обнаружили факты, не согласные с гипотезой Цеприца. Оказалось, что земное ядро должно состоять не из сильно уплотненных давлением газов, а, наоборот, из разреженных, немного развее плотнее нашего воздуха, занимающих около трех четвертей диаметра. Иными словами, это газообразное ядро должно иметь примерно восемь тысяч километров в диаметре, так что на долю жидких и твердых слоев остается не более двух тысяч четырехсот километров толщины с каждой стороны. А среди газообразного ядра приходилось допустить существование твердого или почти твердого тела, то есть внутренней планеты диаметром не более пятисот километров.

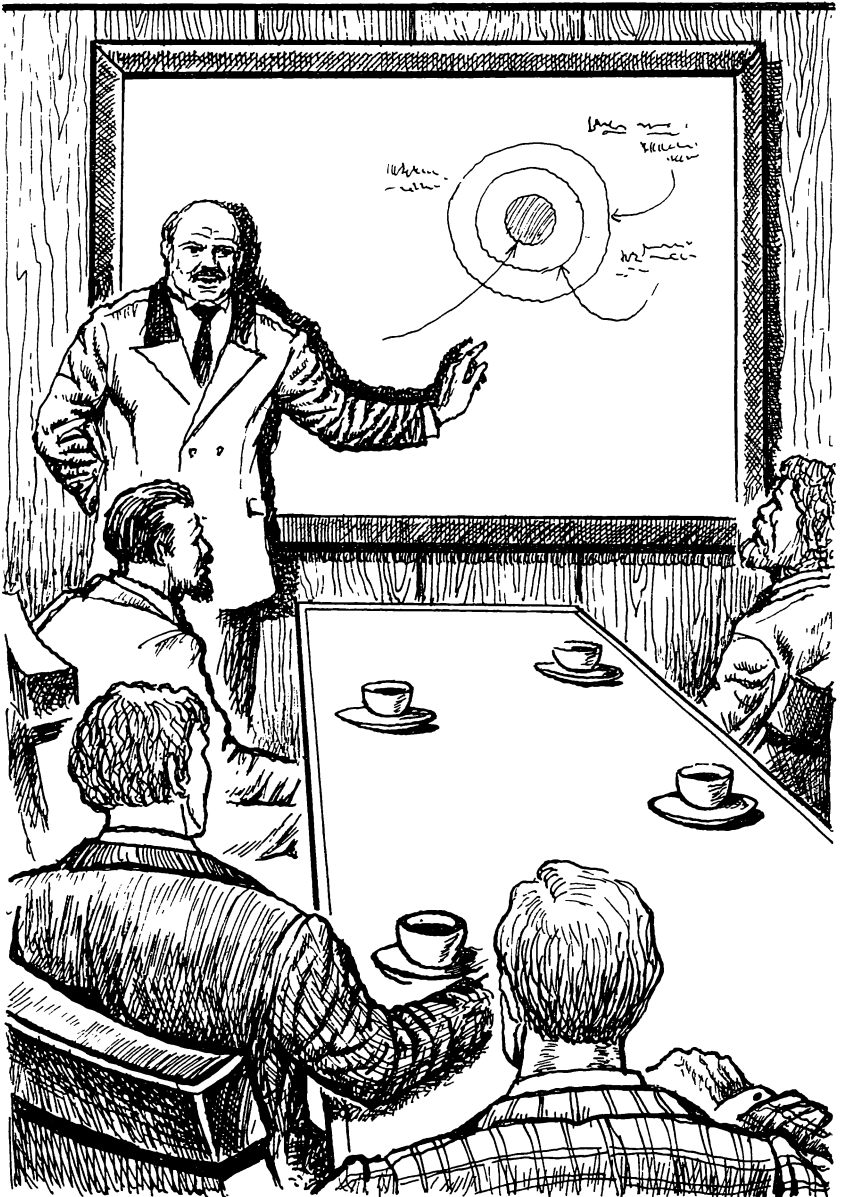
— Как вы могли определить диаметр этого невидимого тела? — поинтересовался Боровой.

— Очень просто. Это тело попадалось на пути ударов только тех землетрясений, которые случались прямо на антиподах моей обсерватории, именно в Тихом океане к востоку от Новой Зеландии.

дии; если же землетрясение случилось в самой Новой Зеландии или в Патагонии, то на прямом пути его распространения твердого тела не оказывалось. Целый ряд наблюдений позволил определить максимальные размеры этого тела, конечно, с приблизительной только точностью.

Итак, эти наблюдения показали, что внутри Земли имеется большое пространство, занятое газами, мало отличающимися по плотности от воздуха, а среди них в центре находится внутренняя планета диаметром не более пятисот километров. В общем, эти наблюдения лучше согласовывались с гипотезами более старых ученых, а не Цеприца. Но в таком случае возникает сомнение в правильности всех подсчетов распределения тяжелых веществ в земной коре. Средняя плотность Земли, как известно, составляет пять и пять десятых, а плотность горных пород в поверхностном слое коры только два и пять десятых — три и пять десятых и даже меньше, если принять во внимание большие массы воды океанов. Поэтому ученые считают, что по направлению к центру должны залегать вещества все более высокой плотности, достигающей у центра ядра десяти — пятнадцати. Но если внутри Земли большое пространство занято газами с плотностью воздуха, среди которых помещается маленькая планета, то приходится принять совершенно иное распределение плотностей в земной коре, окружающей внутреннюю пустоту с газами. Я принимаю, что легкая поверхностная часть коры имеет около семидесяти семи километров толщины, тяжелая внутренняя часть с большим содержанием тяжелых металлов имеет две тысячи триста километров и внутренняя полость газов — четыре тысячи километров (включая и планету); в сумме это равно шести тысячам тремстам семидесяти семи километров — радиусу Земли. Если принять среднюю плотность тяжелой части коры в семь и восемь десятых, то плотность Земли в целом и будет пять и пять десятых соответственно определениям геофизиков...

На доске, имевшейся в кают-компании, Труханов выполнил перед слушателями все вычисления объема и веса составных слоев Земли, чтобы доказать распределение масс, предполагаемое им. Приняв в таком измененном виде гипотезу Цеприца, Труханов рассмотрел вопрос, как образовалось отверстие, сообщающее земную поверхность с внутренней полостью, по которому должны были вылететь сгущенные и горячие газы из полости. Отметив частое падение на Землю из космического пространства каких-то небесных тел, называемых метеоритами, Труханов высказал предположение, что когда-то на Землю упал огромный метеорит, который пробил кору толщиной в две тысячи триста семьдесят семь километров и остался внутри, превратившись в планету Плутон. В доказательство возможности такого падения он указал на огромную впадину, называемую метеоритным кратером, известную в штате Аризона Северной Америки и представляющую выбоину, сделанную когда-то огромным метеори-

том, судя по найденным во впадине его обломкам. Но этому метеориту не удалось пробить кору, он отскочил и, вероятно, упал в Тихий океан, тогда как Плутон пробил кору и остался внутри.

— Когда же случилась эта катастрофа? — спросили слушатели.

— Не позднее юрского периода, судя по тому, что в самой отдаленной части внутренней полости, достигнутой экспедицией, найдены представители юрской фауны и флоры, которые переселились в эту полость с поверхности Земли после образования отверстия, выхода через него газов и охлаждения внутренней полости. А позже таким же путем постепенно переселялись туда фауна и флора мелового, третичного и четвертичного периодов, последовательно отгесняя в глубь полости пришельцев предшествующего времени*.

Пока Земля Нансена скована льдами, внутренняя полость гарантирована от проникновения в нее представителей современной флоры и фауны с земной поверхности. И только человек двадцатого века в вашем лице отважно преодолел эту преграду и проник в таинственную страну, где чудесно сохранились благодаря постоянному климату и жизненным условиям представители флоры и фауны, давно исчезнувшие на Земле. Вы открыли этот палеонтологический музей, о существовании которого я не мог и думать.

— Вы прекрасно обрисовали заселение внутренней поверхности, — заметил Каштанов, — хотя палеонтологи, может быть, найдут и спорные пункты в ваших предположениях. Но я хотел еще спросить: куда же исчезли обломки земной коры, получившиеся при образовании пробоины?

— Я полагаю, что более мелкие были выброшены обратно вырвавшимися из недр газами, а более крупные могли частью сплавиться вместе с метеоритом в светящееся тело Плутона, частью могли упасть на внутреннюю поверхность и образовать там холмы и целые плоскогорья. Может быть, те большие холмы из оливиновой породы, богатой железом, которые вы открыли на берегах реки Макшеева в ее среднем течении, представляют такие обломки; может быть, и все плато черной пустыни на южном берегу моря Ящеров состоит из подобного огромного обломка, — все это требует дальнейшего изучения.

— А вулканы, потухшие и действующие, которые мы нашли на этом плато, — как объясните вы их существование?

— Мне кажется, это нетрудно. Согласно гипотезе Цеприца, поверхность слоев или поясов, состоявших из газов, располагался слой огненно-жидкий. После образования пробоины, когда газы устремились в нее и давление внутри Земли начало резко ослабевать, часть

* Читатели, интересующиеся более полным изложением доклада Труханова, могут найти его на стр. 347 — 369 издания «Плутонии», напечатанного в 1941 году Издательством детской литературы в Москве.

этого слоя должна была превратиться в пары и газы, а остальная представляла кипящее огненное море. Пары и газы постепенно вышли через отверстие, температура и давление во внутренней полости все более понижались, и лавовое море начало покрываться твердой корой. Сначала последняя была тонка и слаба, часто разрывалась под напором газов и паров, продолжавших еще выделяться из расплавленной массы. Но постепенно она окрепла, прорывы случались все реже и реже, — как на поверхности Земли в первый период ее жизни. Вулканы показывают только, что на некоторой глубине под этой корой сохранились еще бассейны с огненно-жидкой лавой, которая и производит извержения, как на земной поверхности, с той разницей, что продукты представляют сплошь очень тяжелые переполненные железом породы, каких мы на Земле не знаем.

— Но ведь если внутренняя поверхность представляла сначала огненное море, как вы сказали, — заметил Макшеев, — то обломки коры, упавшие в него, должны были утонуть в нем или расплавиться.

— Это необязательно, — вступился Каштанов. — Мелкие обломки, конечно, расплавились, но крупные благодаря своим размерам — ведь они могли достигать нескольких километров в диаметре — подверглись расплавлению только отчасти. Что же касается их погружения в глубь огненного моря, то это зависело от их удельного веса. Если они были легче расплавленной массы — а это вполне допустимо для части обломков, — то они плавали на ее поверхности, подобно льдинам на море, и, подобно льдинам, по краям и снизу таяли.

— Я не настаиваю на своей мысли, — заявил Труханов, — это было первое предположение, которое пришло мне в голову при вашем вопросе. Все это требует дальнейшего исследования. Мы знаем теперь только узкую голоску Плутонии вдоль реки Макшеева и по берегам моря Ящеров. А что представляет эта огромная страна в обе стороны от реки? Далеко ли уходит черная пустыня на юг? Что лежит за этой пустыней? Нет ли там опять оазисов жизни?..

— Мне кажется, что нет, — заметил Папочкин, — и вот почему. Влагу, без которой жизни быть не может, приносят ветры, дующие с севера, из отверстия. Эта влага — продукт главным образом земной поверхности. Как мы убедились, дожди не распространяются дальше южного берега моря Ящеров. Ветры оставляют всю свою влагу на этом сравнительно небольшом расстоянии от отверстия, а за морем, на всем остальном пространстве внутренней поверхности, залегает безводная и бесплодная пустыня застывшей лавы. Я думаю даже, что первоначально юрская жизнь распространялась на очень близкое расстояние от отверстия, и только постепенно, по мере того как количество влаги в виде речек и озер увеличилось благодаря постоянному притоку ее через отверстие, эта жизнь продвигалась все дальше и дальше на юг. Может быть,

и море Ящеров образовалось сравнительно недавно, и потому вода его не так солонa, как вода океана.

— Ну, с этим нельзя согласиться, — сказал Каштанов. — Если бы это море образовалось недавно, в нем не могли бы жить представители юрской фауны, подобно рыбам, ихтиозаврам и плезиозаврам. Ни рыбы, ни ихтиозавры не могли переселиться с земной поверхности внутрь посуху, подобно муравьям, или по воздуху, подобно птеродактилям. Из этого следует, что в пробойну все-таки проникло море, хотя бы на непродолжительное время, — и узким проливом.

— Но позвольте! — воскликнул Папочкин. — Как могло море проникнуть вслед за метеоритом внутрь? Оно встретило бы раскаленные газы и огненную поверхность, и все завры и рыбы дали бы только колоссальную уху, но не потомство.

Все рассмеялись, но Каштанов возразил:

— Вы делаете слишком поспешные выводы из моих слов, Семен Семенович. Я же не говорил, что море проникло вслед за метеоритом. Последний упал, как предполагает Николай Иннокентьевич, в триасовый период, а фауна моря юрская. Следовательно, мы имеем достаточный промежуток времени для выхода газов и охлаждения внутренней полости. Может быть, в другой части Плутона море Ящеров тянется значительно дальше на север, указывая тот путь, по которому морская фауна переселилась когда-то внутрь.

— Вот видите, сколько вопросов, крайне интересных и важных, возникает тотчас же, как мы начинаем рассуждать о природе Плутона! — сказал Труханов. — И каждый из нас может наметить их целый ряд по своей специальности. А в итоге — необходимо снарядить вторую экспедицию для дальнейшего исследования Плутона. Не так ли?

ЭПИЛОГ

Наступил и прошел май, но не принес еще долгожданной весны. Хотя солнце уже не сходило с горизонта, только немного спускаясь на севере и поднимаясь на юге, но грело оно слабо, и снег таял только на южной стороне корпуса судна и на крутых береговых утесах. Кроме того, солнечные дни часто сменялись пасмурными; поднимался ветер, крутился снег, нередко разыгрывалась настоящая пурга, и, казалось, возвращалась зима. Этот свежий снег постоянно задерживал таяние старого, уже осевшего и готового превратиться в воду при первых же достаточно теплых днях. Они случились только в первой половине июня и принесли наконец долгожданную весну.

С утесов стекали бесчисленные ручейки, на маленьких оголившихся площадках появились крошечные цветы, распускавшиеся на глазах; в лужицах, согретых солнцем, копошились

какие-то водяные насекомые, неизвестно откуда явившиеся. Но море, крепко скованное льдами, еще дремало. Впрочем, в тихие дни с верхушки мачты можно было различить далеко на юге темную полосу воды.

— В этом году весна здесь запоздала! — заметил как-то капитан собравшимся на палубе путешественникам, которым из-за воды, покрывавшей лед почти всюду, теперь приходилось большую часть дня проводить на судне.

— Да, в прошлом году мы в это время уже подплывали к берегу этой земли.

— Потому что сильные ветры разволновали море и разбили лед. А теперь вот уже десять дней, как тихо или дует слегка южный ветер.

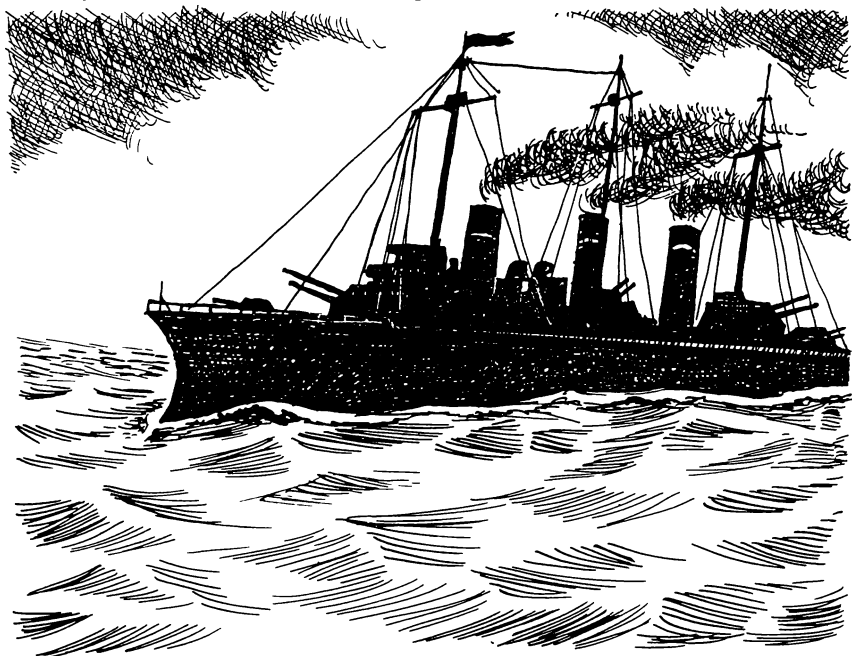
— Не придется ли зимовать второй раз, если море не вскроется? — заинтересовался Папочкин, которому становилось скучно.

— Ну нет! В июле, самое позднее в августе, море очистится, даже если ветров не будет.

— В июле или августе! — воскликнули Громеко и Макшеев. — Половину лета просидим еще здесь?

— Да, в полярных плаваниях с этим нужно считаться. В плохие годы только один или полтора месяца остается для навигации; в хорошие — два-три месяца.

Терпение населения «Полярной звезды» действительно под-

верглось долгому испытанию. Июнь простоял тихий, но во второй половине пасмурный и холодный. По ночам подмерзало, иногда шел снег, и в такие дни казалось, что лето уже кончилось.

Наконец в начале июля налетевшая с востока буря хотя и засыпала все снегом, но разломала лед, и судно, давно уже обколотое, готовое к плаванию, простилось салютом с печальной Землей Нансена и направилось на юг.

Однако погода все еще стояла пасмурная и сырая, часто шел дождь или снег; иногда туманы заставляли стоять целые часы.

Только в начале августа «Полярная звезда» вырвалась из плена и полным ходом пошла по Берингову проливу. Все вздохнули свободно. Оставалось две — три недели плавания до Владивостока.

В половине августа плыли на широте устья реки Камчатки; берега полуострова, конусы вулканов и дымящаяся Ключевская сопка хорошо виднелись вдаль. День выпал на редкость тихий и ясный, и бурное Берингово море расстилалось, словно зеркало, до горизонта. Благодаря прозрачности осеннего воздуха на юго-востоке чуть виднелись вершины острова Беринга, ближайшего из группы Командорских. С этой стороны полным ходом шло большое судно, как будто направлявшееся в Нижне-Камчатск.

— Вероятно, русский крейсер, который дежурит в этих водах, — сказал Макшеев на вопрос собравшихся на палубе товарищей, находившихся в самом радужном настроении по случаю спокойного моря и успешного плавания.

— Кого же тут караулить? — поинтересовался Каштанов.

— Хищников — американцев и японцев. Командорские острова известны как лучшее, если не единственное в мире, лежбище ценного морского котика, количество которого вследствие беспощадного истребления стало быстро уменьшаться. Поэтому наше правительство допускает бой котика только в определенное время года и с разными ограничениями относительно самок и молодняка. Но жадные промышленники стараются обойти запрещение. Поэтому острова часто посещаются судами военного флота, имеющими право останавливать подозрительные суда, плавающие в этих водах.

— Пожалуй что и нас осмотрят! — воскликнул Труханов. — Крейсер держит курс прямо на нас.

Действительно, крейсер, крупное трехмачтовое судно, шел полным ходом наперерез «Полярной звезде». На нем уже можно было различить блестящие дула орудий, группу людей на капитанском мостике. И вдруг из одного из орудий вырвался клуб дыма, прокатился гром выстрела, и одновременно на мачте взвился сигнал: «Остановитесь или буду стрелять».

«Полярная звезда» послушно застопорила машину. По морским

правилам, капитан, как только заметил крейсер, отдал приказ поднять русский флаг. Но крейсер не последовал этому примеру.

Пассажиры столпились у борта, рассматривая быстро приближавшееся красивое судно.

— Что такое? Это не русский крейсер, он называется «Фердинанд», и название написано латинскими буквами! — воскликнул капитан, наблюдавший в подзорную трубу.

— Какое же право он имеет останавливать русское судно в русских водах? — удивился Каштанов.

— Какой национальности этот «Фердинанд»? Германский, вероятно?

— Сейчас узнаем! — ответил капитан, просматривавший карманный морской календарь.

— Нашел! «Фердинанд» — крейсер австро-венгерского военного флота, построен в тысяча девятьсот девятом году, сто-ко-то тонн водоизмещения, десять орудий такого-то калибра и т. д., двести пятьдесят человек команды, скорость хода и т. д.

В это время крейсер совсем приблизился, замедлил ход и остановился в кабельтове от «Полярной звезды», с него тотчас же спустили шлюпку, и можно было видеть, как человек двадцать матросов, вооруженных ружьями, и два офицера сошли по трапу. Шлюпка направилась к «Полярной звезде», пассажиры которой, капитан и вся команда столпились у борта в полном недоумении. Но для приема непрошенных гостей пришлось волей-неволей спустить трап.

На палубу поднялись оба офицера и десять матросов.

— Это русский судно? — спросил старший из гостей, поднося правую руку к козырьку фуражки.

— Русское. Яхта «Полярная звезда», частная собственность, — ответил Труханов.

— Ви сам капитан?

— Нет, я владелец судна.

— Торговый судно или китобой?

— Ни то, ни другое. «Полярная звезда» везет научную экспедицию из плавания по Ледовитому океану. Но я хотел бы знать, на каком основании вы останавливаете русское судно в русских водах и подвергаете нас допросу?

— На основании военно-морской прав и военной положений.

— Что такое? Какое военное положение? В чем дело? — посыпались вопросы встревоженных донельзя пассажиров.

Офицер улыбнулся:

— Ви ничего не знаете? Ви давно плавают на Ледовитый океан?

— С весны прошлого года.

— Diese Russen sind wie vom Himmel gefallen! (Эти русские

словно с неба свалились!), — обратился австриец к своему товарищу, который, видимо, плохо понимал по-русски, а теперь тоже улыбнулся и ответил:

— Sie wissen gar nichts von Kriege! (Они ничего не знают о войне!)

Затем старший продолжал:

— Так я вам объявляйт, что Австро-Венгерская империя и Германская империя уже целый год ведут война с Россией, и ми, крейсер императорски флот «Фердинанд», будем взять ваш судно как военный приз. Понимайт?

— Но моя яхта не военное судно, а научное, мирное. Частные суда не конфискуются.

— Мирный судно? А это что такое? — Австриец указал на маленькую пушку на носу, служившую для салютов и сигналов. — Это орудий!

Труханов только улыбнулся.

— Всякий мирный судно, — продолжал австриец, — можно вооружайт, привозить десант, военный груз, военный почта. Мирный судно нужно забирайт, нишего не поделайт!

— Нельзя ли мне переговорить с командиром крейсера?

— А ви немецкий язык говорить, понимайт?

— Нет, но говорю по-французски и по-английски.

— Карашо! Поедем крейсер.

Офицер сказал что-то вполголоса своему товарищу и затем спустился с Трухановым в шлюпку, понесшюся к крейсеру. Второй офицер и вооруженные матросы остались на «Полярной звезде».

Каштанов, хорошо говоривший по-немецки, вступил в беседу с офицером, который охотно отвечал на вопросы и ознакомил пассажиров с главными событиями, приведшими в июле 1914 года к европейской войне. И незаметно прошло время до возвращения Труханова. Последний прибыл с двумя офицерами и еще несколькими невооруженными матросами.

— Нам предстоит высадка на берег Камчатки, — заявил он. — Пойдем в каюты укладываться, пока «Полярную звезду» поведут под конвоем к берегу. Ее конфискуют безусловно со всем грузом.

В каюте без присутствия австрийцев, которые остались распоряжаться на палубе, Труханов рассказал следующее:

— Командир крейсера объявил мне то же, что и этот офицер. Сначала он, посоветавшись со своими помощниками, хотел нас увезти в качестве пленных. Я ведь прекрасно говорю и понимаю по-немецки, — пояснил Труханов, — но нарочно скрыл это, чтобы узнать, о чем они будут говорить между собой по поводу своих намерений. И вот я узнал, что у них мало провианта и они рассчитывают пожитьяся нашими запасами. Поэтому лишние рты в виде пленных им не нужны. Хотя один из помощников настаивал, что они должны увезти, по крайней мере, всех, кто моложе сорока

пяти лет, как военнообязанных, то есть всех, кроме меня, но командир успокоил его тем, что, пока мы доберемся с Камчатки до Москвы, война, наверно, будет кончена разгромом России и Франции.

— Итак, — продолжал Труханов, — они решили высадить всех, но позволяют взять с собой только необходимую одежду, немного припасов и принадлежащие каждому деньги, но не экспедиционную кассу. Она и все прочее подлежат конфискации.

— Как, и все коллекции, все результаты экспедиции?! — воскликнул Папочкин с негодованием.

— Да, все безусловно! Дневники мы, конечно, попрячем по карманам, но фотографии, черепа, шкуры, гербарии и так далее придется оставить. Они обещают, что все это в целости и сохранности будет доставлено в Вену и выдано нам по окончании войны.

— Если по дороге туда их не пустит ко дну французская или русская подводная лодка или мина! — возмущенно заметил Боровой.

— Это вполне возможно! — продолжал Труханов. — Тем более, что в войну вмешалась Англия...

— Словом, экспедиция ограблена дочи́ста, как тогда, когда нас обчистили муравьи, — грустно усмехнулся Макшеев.

— Есть некоторая возможность вернуть наше имущество, — сказал Труханов. — Из их намеков я догадался, что у них где-то поблизости есть база, скорее всего на Командорских островах, откуда шел к нам крейсер. Они отведут туда «Полярную звезду». По прибытии во Владивосток мы сообщим это нашим военным судам и базу накроют.

— Ну, когда-то мы доберемся туда!

— Во всяком случае, это единственная надежда. А теперь давайте укладываться.

Все разошлись по каютам. «Полярная звезда» шла уже полным ходом к Камчатке под конвоем крейсера, держа курс на Усть-Камчатск, первое жилое место к северу от Петропавловска на берегу моря. Вскоре приунывшие пассажиры собрались со своими чемоданами и узлами на палубе, где австрийцы подвергли багаж легкому осмотру, но не рылись в нем и не лазали в карманы. Поэтому Макшеев избег опасности лишиться своего золота, которое он пересыпал в широкий кожаный пояс золотоискателей, представляющий длинный и узкий мешочек. Навьючив на себя целый пуд, инженер сделался очень неповоротливым. Но колбаса, начиненная золотом, которой он опоясался, была скрыта под кухлянкой, и австрийцы не обратили внимания на неуклюжесть ее носителя. Коллекция и все экспедиционное имущество, давно упакованные в ящики для перевозки по железной дороге, были сданы австрийцам по описи. О том, где в действительности побывала экспедиция, им, конечно, не сообщили.

— Мы побывали в Чукотской земле, зимовали на острове Врангеля, — заявил Труханов офицеру, принимавшему имущество, который сочувственно закивал головой и сказал:

— Мой отец бил в полярной экспедиция, Земля Франц-Иосиф, австрийский корвет «Тегетгоф»... Ви, конечно, читаль?

— О да! — улынулся Труханов.

Под вечер оба судна остановились у длинной косы в устье реки Камчатки, за которой находится небольшой рыбачий поселок. Быстро сгрузили пассажиров и их багаж на три шлюпки и свезли на берег. Иголкин и капитан немедленно отправились в поселок добывать средства передвижения. Остальные стояли на берегу и с грустью смотрели, как подняли на борт шлюпки и как оба судна повернулись и полным ходом ушли в море. Уже в сумерки, прежде чем пришли люди с лошадью — единственной в поселке, — суда скрылись в вечерней мгле.

Нашим путешественникам пришлось прожить в Усть-Камчатске целых десять дней ввиду отсутствия средств передвижения. Редкое население по реке Камчатке было усиленно занято рыболовством вследствие начавшегося осеннего хода рыбы, и бросать промысел, дающий людям и собакам пищу на всю зиму, ради перевозки многочисленной компании в батах (долбленых лодках) вверх по реке, никто, конечно, не имел никакого желания. Только Иголкин, торопившийся к жене в Петропавловск, взяв с собой Генерала, отправился этим путем и повез письмо губернатору. В этом письме Труханов сообщал о конфискации «Полярной звезды», о вражеской базе на Командорских островах и просил помощи.

В конце августа японская рыболовная шхуна зашла в Усть-Камчатск и согласилась доставить за большие деньги всех высаженных в Японию. Чтобы очистить место для пассажиров, ей пришлось оставить часть своего груза.

Это путешествие, продолжавшееся три недели, было далеко не из приятных. Одни разместились на палубе, другие в трюме между бочками с рыбой. Питались по-японски — рыбой, рисом и чаем, испытали сильную качку, туманы, дожди и метели. Возле Курильских островов чуть не потерпели крушение на рифах во время бури. В заливе Терпения японцы хотели всех посадить под предлогом, что японский Сахалин — та же Япония, и согласились везти дальше лишь за добавочную плату.

В Вакканай, на северной оконечности Хоккайдо, северного из японских островов, измученные пассажиры сами покинули шхуну, так как дальше, в порт Хакодате, можно было ехать по железной дороге скорее и удобнее.

Из Хакодате — на южном конце острова и почти на широте Владивостока — сообщение с последним было довольно частое и правильное. После ряда опросов и формальностей, вызванных тем, что и Япония присоединилась к воюющим державам на стороне Антанты, почтовый пароход быстро доставил всю компанию во Владивосток.

Велико было изумление путешественников, когда они, подъезжая к пристани, заметили среди судов на рейде «Полярную звезду», на палубе которой маячил часовой. Быстро навели справки, и оказалось, что губернатор Камчатки, получив письмо Труханова, но не располагая судами достаточной величины для нападения на австрийский крейсер, радировал во Владивосток. Посланный отсюда быстроходный крейсер нашел на Командорских островах «Полярную звезду», но австриец успел заблаговременно скрыться.

Командир порта, сообщивший эти сведения, тут же разочаровал наших путешественников, уже рассчитывавших на возврат своих коллекций. «Полярная звезда» была обобрана австрийцами дочи́ста — коллекции, снаряжение, припасы, даже обстановка кают и ценные части машины были увезены, так что судно пришлось тащить на буксире. Без ремонта оно не могло уже плавать, и Труханову пришлось согласиться на предложение морского ведомства отдать его на время войны для вестовой службы.

Удрученные путешественники сели в сибирский экспресс и направились на родину. Обсудив создавшееся положение, они решили, что до окончания войны, на близость которого все еще рассчитывали, и до возвращения коллекций и фотографий об экспедиции в Плутонию нужно молчать. Чем могли они доказать, кроме своих слов, что Плутония с ее чудесами существует и что в нее можно проникнуть? Всякий здравомыслящий человек признал бы их доклад сплошной фантазией, а докладчиков — врялями или помешанными.

Но война затянулась, за ней последовали революция и другие события... Миновало десять лет, участники экспедиции рассеялись; одни были убиты на фронтах, другие умерли. Коллекция и документы неизвестно где находятся. На их получение Труханов, вернувшийся в свою обсерваторию на Мунку-Сардыке и живущий там отшельником, уже не надеется.

Случайно в руки автора попал дневник и рисунки одного из умерших участников экспедиции. По этим материалам и составлена настоящая книга.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Прочитав это описание необычайного путешествия в недра Земли, приключения шести отважных исследователей и их наблюдения над подземным миром, некоторые молодые читатели приходят к выводу, что все описанное автором является действительно-стью.

Автор получил уже немало писем от читателей «Плутонии», в которых они совершенно серьезно спрашивают, почему не снаряжаются новые экспедиции для исследования этого подземного мира, почему не найдено вторично и не изучено отверстие среди льдов Арктики, ведущее в недра Земли. Их интересует также дальнейшая судьба инициатора экспедиции Труханова и ее участников.

Поэтому автор в послесловии к новому изданию «Плутонии» должен объяснить, что путешествия в Плутонию никогда не было и быть не могло, потому что нигде в пределах Арктики и вообще на Земле нет такого отверстия, по которому люди могли бы спуститься в недра Земли. Хотя жерла вулканов представляют каналы, уходящие более или менее глубоко в земную кору, но у действующих вулканов они заполнены расплавленной лавой или горячими удушливыми газами, а у потухших вулканов забиты застывшей лавой.

Неправдоподобен поэтому известный роман Жюль Верна «Путешествие к центру Земли», в котором исследователи спускаются вглубь по жерлу одного из вулканов Исландии, а выносятся обратно на плоту по жерлу одного из вулканов в Средиземном море. Очень слабо описан в этом романе и подземный мир.

«Плутония» написана мною с целью дать нашим читателям возможно более правильное представление о природе минувших геологических периодов, о существовавших в те далекие времена животных и растениях в занимательной форме научно-фантастического романа. Для этого я воспользовался гипотезой, которая совершенно серьезно обсуждалась в заграничной научной литературе сто с лишним лет назад и имела многочисленных защитников. Они утверждали, что земной шар пустотелый, что недра его освещены маленьким светилом и населены. В главе «Научная беседа» эта гипотеза изложена подробно, и Труханов, конечно, защищает ее. Эта гипотеза давно уже отвергнута наукой, и хотя мы в точности еще не знаем, каково состояние земного ядра, но можно поручиться, что ни внутреннего светила, ни отверстия, ведущего в недра, не существует. Несмотря на это, указанная гипотеза показалась автору более подходящей для научно-фантастического романа, чем жерло вулкана, принятое Жюлем Верном.

Автор надеется, что это издание «Плутонии» побудит советскую молодежь ближе заинтересоваться геологией и поможет привлечь к изучению этой интересной науки, к исследованию земных глубин, ископаемых богатств и остатков исчезнувших животных и

растений новые силы, необходимые для дальнейшего развития и успеха советской науки о Земле и ее истории.

Русские путешественники и ученые открыли уже немало местонахождений исчезнувших животных и растений в различных частях нашей обширной Родины. Нельзя не упомянуть открытия профессором В. П. Амалицким богатых остатков пермских пресмыкающихся, хищных и травоядных, в красных песчаниках берегов Северной Двины; добытые там кости, в виде полных скелетов, выставлены в Палеонтологическом музее в Москве. Академик А. А. Борисьяк открыл в третичных отложениях Тургайской области остатки самого крупного из травоядных млекопитающих, получившего название индрикотерия, по имени сказочного зверя индрика. В Северной Сибири русские ученые открыли трупы мамонтов с кожей, шерстью и внутренностями, сохранившиеся в вечномёрзлых четвертичных отложениях. В осадках пустыни Гоби в Монголии я обнаружил зуб носорога, чем было доказано, что впадины этой обширной области не были заняты морем, как предполагали иностранные ученые. За последние тридцать пять лет экспедиции Палеонтологического института Академии наук СССР, изучавшие впадины Гоби в Центральной Азии, нашли в их отложениях очень богатую фауну: черепах, земноводных, пресмыкающихся, млекопитающих и птиц разных эпох мелового и третичного периодов, а также стволы крупных деревьев, показавшие, что в течение этих периодов впадины не представляли пустынь и полупустынь, как в настоящее время, а содержали многочисленные озера и леса с разнообразной фауной и флорой. На берегах Амура А. Н. Криштофович обнаружил остатки огромного мелового пресмыкающегося, украшающие теперь Геологический музей в Ленинграде. Остатки низших животных, кораллов, разных моллюсков, иглокожих, ракообразных, листьев, коры, стволов растений разного геологического возраста, собранных нашими учеными, находятся в музеях многих университетов и геологических институтов Советского Союза.

ГЕРМАН ЧИЖЕВСКИЙ

*В делях
времени*

ВСТУПЛЕНИЕ

Однажды поздней осенью, когда хмурое, непроницаемое небо источало сырость и грусть и сквозь холодную пелену тумана бледным пятном проглядывала луна, я набрался мужества и отправился в путь. Я посетил загадочные страны Времени, страны, где не ступала нога человека. Путешествие заняло не больше месяца. Месяц в привычных условиях — не такой уж длительный срок. Но там, где я побывал, тридцать дней показались мне длиннее многих лет.

Это было рискованным предприятием — прогулка во времени по местам, из которых можно было и не возвратиться. Но странное чувство руководило мной: я знал, что опасность велика, и все же не мог противостоять жгучему желанию найти и увидеть то, что искали, но не находили, не видели другие. Любезность моего друга, о необычайном опыте которого так обстоятельно и подробно рассказывает Герберт Уэллс, дала мне единственную в своем роде возможность проникнуть за пределы нашего времени и побывать в запретных странах.

СНОВА МАШИНА ВРЕМЕНИ

Я повстречался с ним на лестничной площадке нового дома в Черемушках, где он командовал грузчиками, таскавшими старую, громоздкую мебель через узкую парадную дверь.

Я уже с неделю жил в этом доме и остановился посмотреть на нового соседа. Как раз в это время в дверь со страшным треском и скрежетом протискивали какой-то странный, обмотанный брезентом механизм.

— Осторожнее! — закричал новый жилец, и в тот же момент створки двери, еще сияющей нетронутой свежей краской, с жалобным визгом снялись со своего места и обрушились на спины рабочих...

— Осторожнее! — присоединился к нему и я, стараясь перекричать поднимающийся шум.

Незнакомец повернулся ко мне. Это был высокий сухопарый старик с характерным гладко выбритым лицом, с глубокими морщинами по сторонам тонкогубого рта.

— Судя по вашему интересу к моим делам, вы — мой ближайший сосед, — сказал он.

— Мне не нравится, когда ломают двери в моем доме, — рассердился я.

Он холодно и насмешливо рассмеялся, глядя на меня в упор. Я перевел взгляд на его машину. Во время возни брезент сполз с нее, и что-то странно знакомое почудилось мне в очертаниях никелированной блестящей станины, упершейся в нижнюю ступеньку.

— Машина времени?! — вырвалось у меня.

— Здесь на каждом шагу сталкиваешься с поклонниками мистера Уэлса, — недовольно проворчал старик и тоже посмотрел на машину. — Придется все-таки ее разобрать. Или ее, или этот дом, — пробормотал он и повернулся ко мне спиной.

В совершенной растерянности я спустился с лестницы и, только оказавшись на улице, услышал, как он крикнул мне вслед: «Заходите как-нибудь под вечер!»

В этот день я опоздал на заседание ученого совета и боюсь, что мое выступление было несколько сумбурным. Фантастические мысли роем шмелей шумели в моей голове. «Путешествие по времени! — без конца повторял я. — Нет, нет, это совершенно невозможно!» Возбуждение не оставляло меня весь день, и это неудивительно, принимая во внимание мою специальность — палеонтологию.

К вечеру третьего дня я не выдержал и пошел к нему. «Он поставил машину, конечно, или в кабинете, или в гостиной», — думал я, нажимая кнопку звонка. Он открыл мне сам, жестом пригласил в свой кабинет и так же молча указал на кресло. И тогда я напал на него:

— Где ваша книга?! Почему весь мир знает о вашем замеча-

тельном эксперименте только со слов Герберта Уэллса? Неужели нет даже рукописи, дневников?! Вы лишаете науку и человечество исключительно ценных наблюдений и обобщений. И потом — трудящееся человечество мыслит будущее бесклассовым и счастливым...

Кажется, я продолжал бы долго, но он мягко прервал меня:

— Все это правильно. Но в конце прошлого века я имел основания опасаться, что мир пойдет по другому пути. И я хотел предупредить людей о грозящей опасности вырождения...

— Вы хотели предупредить? — перебил его я. — А ваше путешествие в будущее? Ведь вы как будто видели то, что ожидает наших потомков?!

— Нет.

— Ну конечно! — воскликнул я. — То, что описано Уэллсом, вы видеть не могли. Но ведь вы путешествовали?

— Нет, я не рисковал. Рассказал же я обо всем этом только из добрых побуждений. Мистер Уэллс настаивал, чтобы этот обман не был раскрыт. Так было бы поучительней для наших современников.

— Значит, весь мир свыше полувека пребывал в заблуждении?..

— Вероятно, так. Но Машина времени существует, она не вымысел. И вы можете ее посмотреть.

— Невероятное признание!.. — пробормотал я растерянно. — И вы позволите объявить о нем?!

— Сделайте милость. Мир идет к коммунизму, и нет смысла пугать людей мрачными сказками. Теперь человечество на верном пути и не нуждается в моих мемуарах.

Придя в себя и поразмыслив, я сказал:

— Герберт Уэллс оказал хорошую услугу человечеству, подарив ему свой прекрасный роман «Машина времени». Помимо чисто литературных достоинств, этот роман заставляет задуматься об отдаленном будущем человеческого рода. Только невежды и люди, не видящие дальше сегодняшнего дня, могут не оценить призыва Уэллса к бдительности!

Мнимый Путешественник по времени повернул ко мне свое худое, бледное лицо.

— Я до сих пор не знаю, кто вы, — сказал он и добавил: — Я имею в виду вашу профессию.

Я ответил. Тогда он прямо сказал:

— Догадываюсь, что вы неспроста зашли ко мне. Вам нужна моя машина?

— Если быть искренним, — нетвердо проговорил я, — то да.

Мы оба замолчали. Взгляд его серых глаз остановился на мне не то выжидательно, не то сочувственно, но с холодком. Он несколько мгновений пристально рассматривал меня. Я смущенно сказал:

— Вероятно, это слишком смело с моей стороны и невежливо.

Но он вновь перебил меня:

— Отчего же?.. Я вас, кажется, понимаю. Вы хотите исследовать время? — В его голосе зазвучали теплые нотки. — Ваше смущение служит вам оправданием. Но вы извините мои колебания. Вы понимаете, конечно, какую огромную ответственность за вашу жизнь я должен взять на себя. Вы, может быть, думаете, что я дорожу машиной? Нет. Мне в моем возрасте она ни к чему. Ею должны воспользоваться молодые. Она для них. Но путешествие на ней опасно. Вы, разумеется, понимаете почему? — Он испытующе поглядел на меня. (Не слишком уверенно я кивнул.) Он продолжал: — Вы можете не вернуться. Никогда не вернуться в наше время!.. Если случится что-нибудь с вами или с машиной, вы затеряетесь в прошлом или будущем, как иголка в стоге сена.

Я перевел взгляд с его лица на окно. Спускались сумерки, мир погружался в тишину, и я вдруг всем существом ощутил ужас при мысли о возможности бесследно исчезнуть в пучине прошлого... За окном в отдалении милиционер настойчиво втолковывал мальчугану лет четырех, что не следует пугать голубей. Мальчуган, видимо, не соглашался с ним. Они неторопливо прошествовали через огороженный участок и скрылись за молодыми липами, провожаемые дружным хлопанием голубиных крыльев. «Вот таким может остаться последнее воспоминание о моем времени!» — подумал я.

Ровный бесстрастный голос произнес:

— Вам придется изучить ее механизм.

— А? — спохватился я. — Да, да, конечно. Все это так неожиданно. Я так рад!.. Ваша любезность...

— Допустим. Но вы, по-видимому, намеревались отправиться в путешествие немедленно? Разочарую вас. Как шофера в клубе, я буду вас обучать управлять ею. Будет и стажировка. На это уйдет недель четыре-пять. Затем я прочту вам свой собственный, единственный в своем роде курс «Ориентация во времени». Без этих специальных навыков вы не сможете определить время, в котором вы окажетесь. Вы будете метаться в безднах прошлого, потеряете ориентировку и вряд ли сумеете вернуться в наш век. Только на бумаге все выглядит просто, будто примитивная культура всегда предшествует более развитой цивилизации. Я говорю об этом на тот случай, если в пути у вас откажет «индикатор времени». Он укажет вам «местонахождение» во времени — до минуты! Риск, разумеется, велик, но и соблазн не мал. Так что готовьтесь к турне по времени! — добавил он в заключение и поднялся.

Мой визит к этому интересному человеку занял не меньше часа. С той поры я все свободные вечера проводил у нового соседа, прилежно усваивая премудрости путешествия по времени. Разумеется, я решил посетить далекое прошлое. Ведь я — палеонтолог, а палеонтология — наука о жизни, исчезнувшей задолго до появления человека, о животных и растениях, изображение которых можно видеть теперь только в музеях и на страницах специальных

книг. Располагая чудесной машиной, я имел перед зоологами, биологами, ботаниками и собратьями-палеонтологами то завидное преимущество, что мне незачем было скитаться по бездорожью с рюкзаком, присматриваясь к обрывам по берегам рек и оврагов, и ползать на головокружительной высоте, прижимаясь к шершавым скалам, только для того, чтобы найти выпавший из бездны времени невзрачный обломок. Я должен был только раскрыть пошире глаза и смотреть вокруг на то, чего еще никто не видел. Я мог надеяться открыть тайну возникновения живого из неживого, тайну красной соленой крови, тайну первого стремительного прыжка и истошного вопля настигнутой жертвы. Я мог надеяться увидеть первый взмах крыла, усаженного перьями, и первое молоко, жирной густой струйкой стекающее на маленький розовый язычок подслеповатого, беспомощного существа, которое, спустя сотню миллионов лет, преобразилось в человека. Я был полон самых радостных надежд и смутных, но осязаемых опасений...

Наступил день моего отъезда.

Проводив меня в кабинет, где стояла машина, Мнимый Путешественник по времени наскоро повторил последние полезные советы. Он настойчиво заклинал меня не оставлять механизм надолго без присмотра и, конечно, не удаляться от него.

— Не забыли взять фотоаппарат? — спохватился он, когда я уселся на жесткое сиденье машины.

— Об этом я позаботился прежде всего, — ответил я и указал на кожаные футляры, лежавшие поверх фляг и термосов. Два «Ленинграда», «Старт» и семь сменных объективов.

— Отлично, вы не останетесь без доказательств, как Челленджер у Коан-Дойля, — улыбнулся он. — В добрый путь!

Он кивнул мне, потом повернулся и тихо притворил за собой дверь гостиной. Я услышал, как в замочной скважине повернулся ключ, помедлил и, решившись наконец, обеими руками потянул на себя рычаг...

СРЕДИ УМЕРШИХ МИРОВ

Не знаю почему, но инстинктивно я зажмурился. Мысли вдруг сразу разбежались, как трусливые кролики при виде коршуна. Странная пустота возникла в голове. Появилось отвратительное ощущение падения в пропасть. Тело утратило вес, и к горлу подступила тошнота.

Когда я открыл глаза, все пространство вокруг было исчерчено быстро сменявшимися темными и серыми полосами. Судя по стрелкам на индикаторах, мгновение назад машина молнией пронеслась через царствование египетского фараона Рамзеса II, а три секунды спустя я уже углубился в середину палеолита. Остановись машина в этот момент — и мне открылись бы становища первобытных людей возле зияющих пещер во всем их диком своеобраз-

зии. Но я не задерживался, торопясь начать захватывающий обзор истории мира с того момента, когда наша Земля, новорожденная планета, едва начала остывать и покрываться непрочной корочкой затвердевшей магмы. Я собирался опуститься на самое дно океана Времени...

Машина стремительно разгонялась, стрелки индикаторов двигались все быстрее. Сначала я ликовал, но потом мне стало как-то не по себе. Прошло около часа, индикаторы показывали, что все возможные стадии жизни на планете уже закончились или, правильнее сказать, еще не успели возникнуть, а машина с непрерывно возрастающей скоростью продолжала падать в бездонную пропасть миллионов, сотен миллионов, миллиардов лет.

Я лежал, откинувшись, в кресле, затянутый ремнями, и в оцепенении глядел перед собой. Серое мерцающее пространство вокруг гудело на высокой ноте, словно я находился возле мачты с проводами высокого напряжения. Странная мысль поразила и оглушила меня: сейчас я был единственным живым существом на всей планете, а может быть, и в ближайшей части Вселенной! Холодок ужаса подступил к сердцу, еще немного — и меня захлестнет волна безудержного, истерического страха...

Назад! Назад!! Я потянулся к рукояти управления и, собрав остаток сил, одним толчком отодвинул ее от себя.

Инерция у Машины времени оказалась огромной. При максимальном торможении она стремглав пронесла меня в седое первозданное прошлое еще на десятки миллионов лет!

Затем на краткий миг стрелки на индикаторах остановились и снова завертели, но в обратную сторону. Машина отпрянула назад. Я уменьшил скорость до минимума, лишь немного опережая естественное течение времени. Вокруг потемнело, и я почувствовал все усиливающийся жар. Стало нестерпимо душно. Я начал задыхаться, словно попал в раскаленную печь. Темнота сгущалась. И вдруг на меня обрушились потоки горячей воды. Я успел сообразить, что через секунду сварюсь заживо, и, хватая обжигающий воздух раскрытым ртом, рванул рычаг.

Мокрый, задыхающийся, ошеломленный тем, что произошло, я тем не менее сообразил: это была уже не космическая фаза в истории планеты. Формирование Земли закончилось, начиналось геологическое время. Я побывал где-то между космической эрой и архейской, когда возникли первые живые существа.

В то далекое время ужасающей силы горячие ливни непрерывно проливались на раскаленные кристаллические скалы безжизненной планеты и, шипя и взрываясь, обращались в пар. Сотни миллионов лет поверхность Земли не видела Солнце. Чудовищные, в десятки километров толщиной одеяла туч, низко нависавшие над голгой буро-черной пустыней, скрывали звездное небо, обращенные в пар реки, моря и океаны. Лишь дрожащие ветви молний, полыхавшие от горизонта до горизонта, под неумолчный грохот освещали сиреневым и фиолетовым пламенем остывающий мир. Но

понемногу земная кора остывала, в толщах туч появились просветы. Становилось светлее.

Как пуст и страшен был этот мир, мир резких контрастов, встававший в красно-бурых и желто-черных тонах! Ливни кипящими потоками стекали с голых утесов, и земля мгновенно поглощала их. Выжженные теснины сжимали реки. Глыбы скал были иссечены трещинами, обнажавшими рудные жилы, затоплены лавами. Груды камня, похожие на кучи мертвых костей, громоздились у подножий острых хребтов. По всему лицу планеты зловещими опухолями вздымались кратеры вулканов. Багровые от зарева извержений ночи сменялись днями, желтыми от сернистого дыма.

Но наступила архейская эра — два миллиарда лет до нашего времени, когда первобытные моря во впадинах Земли перестали кипеть и испаряться. Пройдет еще немного времени, и они станут теплыми, как вода в ванне. И вот тогда в них начнутся чудесные превращения.

Жизнь возникла именно в воде, потому что без нее невозможно представить себе живой организм. Все химические процессы и обмен веществ мыслимы только в организме, насыщенном водой. Но каким образом возникла жизнь?

В те невообразимо давние времена океаны представляли собой густые «рассолы», растворы всевозможных солей, щелочей и металлов. Эти вещества не могли не вступать в реакции друг с дру-

гом. Образовывались все более сложные и все более стойкие молекулы, некоторые их виды обладали свойствами присоединять к себе из окружающего «рассола» новые вещества. Так начались самые сложные химические процессы превращения неживого вещества в простейшие живые организмы. Эти процессы продолжались сотни миллионов лет, и вот непрозрачной белесой мутью поплыли по течению рои крохотных полупрозрачных существ. Воды были насыщены этой «живой пылью», и понадобился бы электронный микроскоп, чтобы разглядеть каждую отдельную «пылинку».

Живые «пылинки» гибли массами, течение увлекало их в места, где вода кипела над жерлом подводного вулкана, или во мрак неведомых глубин, где под чудовищным давлением и в вечной темноте эти искорки жизни быстро погибали. Но гигантские молекулы возникали невероятно быстро: погибших сменяли мириады новых.

Возможно, они были похожи на нынешние вирусы. Но они могли расти. Они увеличивались в размерах и усложнялись, причем усложнение это шло разными путями. Некоторые виды микроорганизмов, достигнув определенной стадии развития, как будто на ней и останавливались. А другие продолжали изменяться. Менялась их структура, менялись способы обмена с окружающей средой. Менялась и сама среда. Из недр океанов росли континенты. Горные массивы проваливались бесследно под собственной тяжестью. Становилось то прохладнее, то теплее, воды океанов становились то более пресными, то более солеными. Природа словно ставила над жизнью эксперименты. Она необыкновенно точно отбирала существа с признаками, имевшими будущее, и развивала их; она же безжалостно «выпальвала» и уничтожала существа с признаками, которые не давали преимуществ или тормозили развитие в суровой борьбе за существование. Так развивался мир простейших существ.

Слизистые комочки становились крупнее. Они «научились» делиться и передавать прогрессивные признаки по наследству. Взаимодействуя с окружающей средой, они все более усложнялись, отдельные их группы все резче отличались друг от друга по способу существования.

Одни из них приобрели способность создавать свои крохотные тельца из углерода атмосферы с помощью солнечной энергии. Их пищей были простые неорганические соединения. Они стали простейшими растениями — синезелеными водорослями. Другие, давшие начало животному миру, продолжали строить свои ткани из органических веществ, которые они тоже получали из окружающей среды. Естественный отбор делал их все сложнее и обособленнее. Это из них постепенно сложилось все то разнообразие живого, которое теперь изумляет нас.

Никто никогда не наблюдал, как белковые тела преодолели бездонную пропасть, отделяющую их от первых организмов с кле-

точным строением. Чтобы преодолеть ее, понадобились сотни миллионов лет, а еще немного спустя появились и многоклеточные существа. Это было чрезвычайно важным событием в истории жизни.

Дело в том, что одноклеточный организм лишен возможности гибко и быстро прогрессировать. Одиночная клетка занята одновременно самыми различными делами: она заботится о питании, выполняет все сложные функции пищеварения, дышит (как амeba), двигается, заботится о защите и о многих других делах. Освободить себя хотя бы от одной из этих функций она не может, это было бы для нее губительным. На выполнение же всех этих функций уходит вся энергия клетки. У нее как бы не остается сил на то, чтобы, кроме того, еще расти и усложняться. Вот почему все высшие животные и растения — многоклеточные.

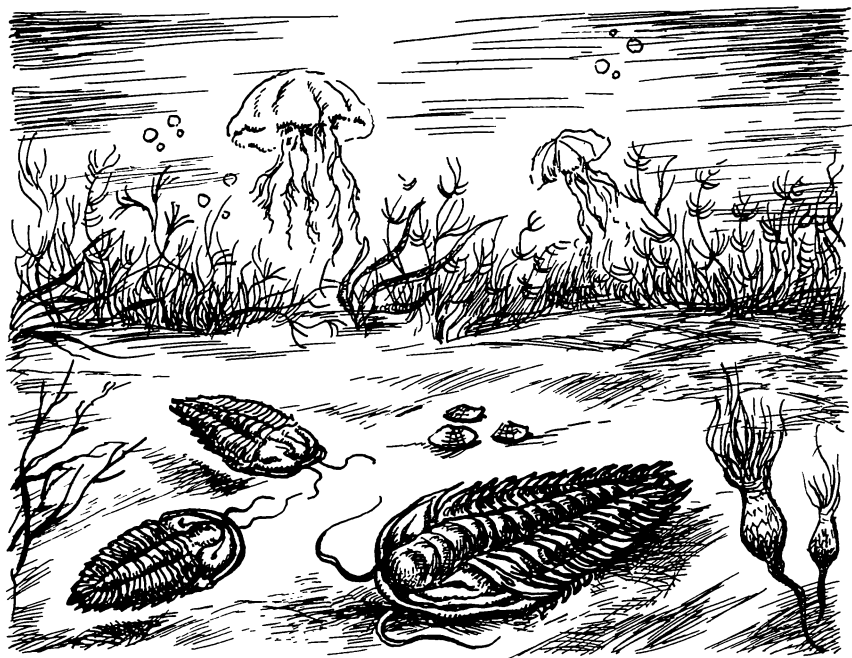
В сложных многоклеточных организмах различные группы клеток выполняют разные функции. Одни служат для дыхания, другие перерабатывают питательные продукты в вещества, удобные для усвоения, третьи разносят питательные соки всем клеткам. Все функции в живом организме поделены между большими группами клеток, и каждая группа занята каким-либо одним или несколькими делами «по специальности».

Древние многоклеточные организмы тоже пошли по разным путям развития. Некоторые осели на дно и прикрепились к нему, навсегда потеряв возможность передвигаться. Другие приобрели способность двигаться произвольно. Так появились, с одной стороны, водоросли, губки, а с другой — медузы и сифонофоры, кораллы, мшанки. Их появление относится к очень отдаленным временам, и тем не менее они почти не изменились до наших дней. После этого жизнь развивалась в водах морей и океанов еще около шестисот миллионов лет.

И сейчас животных, обитающих в воде, гораздо больше, чем на суше. Мы знаем, что жизнь в морях неизмеримо богаче и разнообразнее. В наше время в океанах и морях живет свыше ста пятидесяти тысяч видов животных и примерно десять тысяч видов водорослей. Ими пройден грандиозный путь эволюционного развития. Великими событиями была насыщена история жизни на заре времен с момента появления первых живых пылинок. Вот основные: возникновение многоклеточных организмов, появление и расцвет беспозвоночных и водорослей и возникновение позвоночных животных.

ПОДВОДНЫЕ ДЖУНГЛИ СИЛУРА

Указатель геологического времени засвидетельствовал, что машина вырвалась в силурийский период, и я поспешно схватился за рычаг управления. Едва сквозь серую пелену «межвременного» пространства проступили яркие пятна нормального мира, как машина очутилась по щиток индикаторов в теплой спокойной воде.

Я расстегнул ремни и вскарабкался на сиденье с ногами. Убедившись, что машина стоит прочно, я выпрямился во весь рост и огляделся.

Видимо, машина угодила на мелководье силурийского моря. Глубина здесь была невелика, всего около метра. Яркое солнце насквозь пронизывало толщу воды, песчаное дно усеивали светлые пляшущие зайчики. Мне была видна каждая песчинка. Вокруг машины копошились десятки и сотни странных животных, напоминающих теперешних мечехвостов, мокриц и раков. Я без труда узнал в них трилобитов — их тела отчетливо делились на три части, чем они и заслужили свое название (трилобит — значит трехдольчатый). Они были разного цвета, некоторые окрашены очень пестро. Величина их тоже была разной, я видел мальков с пшеничное зерно и настоящих исполинов длиной в метр.

Трилобиты были одеты в панцирь, но он покрывал мягкие части животного не сплошным щитом, а отдельными сегментами. Трилобит мог свободно свернуться кольцом, как это делают в минуту опасности мокрицы.

Видимо, на этом заливе трилобиты чувствовали себя особенно привольно. Они энергично двигались во всех направлениях, ползали по песку и проплывали над дном. Некоторые копошились в ямках, вырытых в песке и иле. У трилобитов было множество плавательных ножек, выступающих по бокам панциря наподобие весел у галеры, одинаково годных и для плавания и для разгребания

песка. Трилобиты питались гниющими остатками животных и растений, поэтому их называют мусорщиками палеозоя.

Насмотревшись на трилобитов, я обратил внимание на морских ежей, напоминавших дыни, яблоки и тыквы. Даже слепящие блистки солнца не мешали различить причудливый дырчатый орнамент, покрывавший их филигранные панцири. Между ежами, как страшные медузы-горгоны, высились офиуры. Они имели вид толстого приземистого ствола с пятью отростками, которые бесконечно ветвились, устилая дно красными, бурыми и черными шевелящимися нитями. Тут же копошились голотурии, цистоидеи, морские яблоки — известные «фрукты» подводного сада.

Недалеке плавали граптолиты. Они напоминали большие слизистые шары, качавшиеся на поверхности. Большой сверкающий мешок лежал на нескольких маленьких, вокруг которых, как розовая бахрома, свешивались иссеченные прорезами перья.

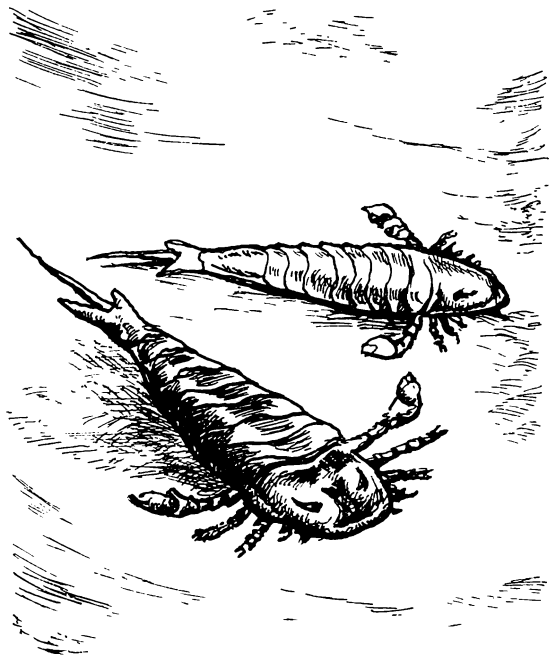
Покой и довольство царили на мелководье. Трилобиты звучно терлись друг о друга жесткими панцирями. Большой проворный трилобит нежно-розового цвета, торопливо взмахивая ногами-веслами, настойчиво преследовал своего более мелкого собрата, и оба скрылись в карминных зарослях мшанок и ленточных водорослей.

Внезапно из этих зарослей пурпурной молнией вырвалась гигантская остроконечная стрела. Она пробурала воду в двух метрах от машины и с пронзительным скрипом воткнулась заостренным концом в основание крупной губки, равнодушно возвышавшейся в копошащейся гуще трилобитов.

Собрав венцом пурпурные щупальца, из раструба узкого трехметрового конуса, увязшего в волокнистой массе губки, медленно высунулся крупный спрут — ортоцератит. В его больших блестящих глазах то раскрывалась, то смыкалась поперечная щель зрачка.

Пытаясь освободить свою раковину, он несколько раз подряд выбросил мощные струи воды, которые могли бы придать ему стремительность и ударную силу артиллерийского снаряда. Но расписанная узорами конусообразная раковина только еще глубже вошла в ткань губки. Тогда спрут пришел в неистовство. Губка и раковина затряслись от бешеных толчков, поднялись и рассеялись тучи песка и ила. Затем спрут внезапно затих. С чувством омерзения я увидел, как его щупальца зашевелились и, вытягиваясь, стали расходиться в стороны, нащупывая опору. У него было не менее десятка щупалец, и каждое было усеяно, как струпами проказы, толстыми, кровавого цвета присосками. Прошла минута, другая, щупальца напряглись, зарываясь в песок. Неожиданно раковина качнулась и, выскользнув из недр губки, мягко упала на дно.

Только теперь я заметил, что волнистый песок вокруг губки покрывают свернувшиеся в маленькие мешковидные шары и многоугольники трилобиты. Некоторые из них лежали неподвижно, будто приклеенные ко дну, другие с видимым трудом передвигали свое неуклюжее тело, заключенное в твердый хитиновый панцирь.

Появление на мелководье спрута-ортоцератита вызвало среди трилобитов настоящую панику. Началось истребление. На моих глазах нервно подергивающиеся щупальца ортоцератита быстро опрокидывали на спину одного трилобита за другим. Трилобит снизу беззащитен. Заработал страшный попугающий клюв спрута, и обломки скорлуп медленно поплыли по едва заметному течению. Трилобиты либо не могли, либо не надеялись спастись бегством. Они сворачи-

вались широким плоским кольцом и замирали, подставляя врагу хитиновую скорлупу, или, поднимая облачка мути, зарывались в ил.

Но пиршество спрута продолжалось, клюв с хрустом раздирает тела, пока какой-то новый темный инстинкт или удовлетворенный аппетит не оторвали ортоцератита от обильного стола, и он внезапно унесся вдаль и скрылся в темных расщелинах подводных рифов, в темной массе подводных джунглей, колышущейся у многоцветной поросли кораллов. Но там были не заросли безобидных водорослей, а укрепившиеся на камнях жесткие известковые стебли сидячих спрутов-лилий. Эти, густо сидевшие, гладкие и суставчатые, расширились сверху наподобие чашечек цветка, из которых частой бахромой подымался букет обманчивых лепестков-щупалец.

Вдруг чудовищная малиновая клешня, щелкнув, вцепилась в манжет моих мокрых брюк.

Я мгновенно потерял интерес к фауне силура и с силой выдернул ногу, едва не потеряв равновесие. Мой несообразительный противник отпрянул и попятился. С внутренней дрожью и отвращением рассматривал я эту первобытную диковину длиной в три метра, в которой было нечто и от громадного рака, и от скорпиона. Это и был ракоскорпион-птеригот. Весь членистый, вооруженный огромными клешнями, со множеством простых граненых глаз, усыпавших радужными чечевицами выпуклую головогрудь, он поплыл, огибая машину, взмахивая хвостом с роговой шпорой на

конце и загребая им воду, как веслом. Только первобытные спруты, «упакованные» в свои толстостенные раковины, могли противостоять его нападению. Только несъедобные известковые губки и кораллы могли не опасаться его. А его соперниками могли быть только другие ракоскорпионы, например стилонур с непомерно длинными и тонкими ходильными ногами и плавательными ножками. К счастью, птеригот почему-то перестал интересоваться мной и уплыл в заросли.

А поодаль, в открытом океане, уступами гигантской лестницы громоздились коралловые рифы. Местами они сверкали снежной белизной, которая казалась даже неуместной среди ярко окрашенного растительного и животного мира теплых лагун и солнечного моря, обрамленного глыбами мертвого и живого камня. Белая пена покрывала шестигранные ноздреватые пирамидки, конусы и призмы, возведенные крошечными созданиями-строителями, которые тесно лепили друг к другу свои узорчатые соты. Живые вырастали на мертвых и потом погибали, чтобы, в свою очередь, стать надежным фундаментом для следующих поколений.

Я взглянул в сторону берега, подернутого туманной дымкой испарений. Где-то там, в сотне метров от меня, у границы, извечно отделяющей воду от суши, шла молчаливая упорная миллионлетняя борьба за жизнь.

Выброшенные на берег водоросли слабыми зелеными стебельками тянулись навстречу ветру и солнцу, ласковому и щедрому, гневному и беспощадному. Эти хилые растения были пионерами наземной флоры. Жизнь наступала на сушу.

БЕСПОЗВОНОЧНЫЕ И ПОЗВОНОЧНЫЕ

Предками трилобитов и всех других силурийских животных, да, по сути, и нашими предками, были родственники медуз — гребневки. Это были, вероятно, неплохие пловцы, но какая-то неясная причина заставила их сменить способ передвижения. Они перестали плавать и начали ползать по дну. Постепенно тела их сплющились, голова развилась, брюшная и спинная часть стали более четко выражены. Через несколько миллионов лет они превратились в морских червей.

Морские черви ползали быстро. У них увеличивались мышечные волокна, сформировались нервная, пищеварительная и кровеносная системы и многие другие органы. Появились кольчатые черви — кольчецы, они дали начало членистоногим животным. Придатки по бокам тела превратились в суставчатые ножки, которые обрели способность к сложным движениям. Наметился и развился головной мозг, нервная система намного усложнилась, глаза стали очень совершенными органами. Так постепенно сформировались мокрицеподобные трилобиты, ракоскорпионы и многие

другие ракообразные. Затем, миллионы лет спустя, возникли насекомые, многоножки, пауки.

Сравнительная анатомия, палеонтология и эмбриология в один голос утверждают, что предками насекомых, многоножек и пауков были различные группы кольчатых червей. Пауки и их родственники произошли от одной группы кольцецов, многоножки и насекомые — от другой, а раки — от третьей. Моллюски тоже произошли от кольцецов, но у них выработался иной тип строения, не членистый, а так называемый концентрированный. Все основные классы моллюсков появились более пятисот миллионов лет назад.

Но это произошло еще на заре жизни — в архейскую и протерозойскую эры, а я находился уже в палеозойской эре.

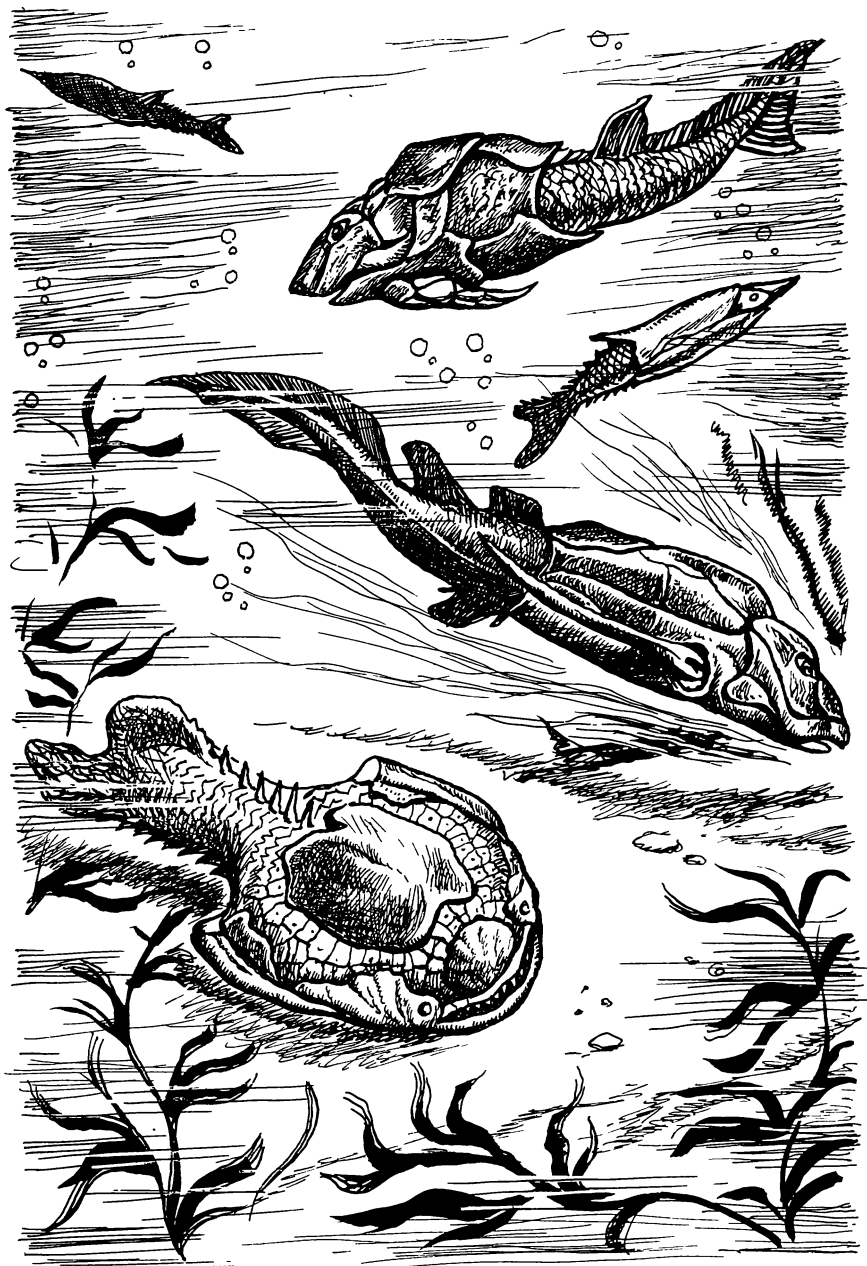
Силурийский период принадлежит к палеозойской эре — эре древней жизни. Она началась пятьсот миллионов лет назад и продолжалась свыше трехсот миллионов лет. На ее протяжении жизнь в разных формах продолжала свое развитие. В обширном мире медуз, морских губок, иглокожих, к которым относятся морские ежи, офиуры, морские лилии, морские звезды, появились более сложно устроенные организмы: трилобиты, ракоскорпионы, неуловимые и могучие «ракеты моря» — спруты.

В конце силурийского периода, около четырехсот миллионов лет назад, появились рыбы. Их происхождение долгое время было загадкой для ученых.

От известных уже нам обитателей древнего океана до рыб путь немалый. Их строение слишком различно.

Тайна была открыта сравнительно недавно. Стало ясно, что рыбы тоже произошли от морских червеобразных животных. Ближе всего они стояли к миногам и миксинам. Эти древние рыбы имели много общего с живущим в наше время маленьким рыбообразным животным — ланцетником. Ланцетник и сейчас обитает в теплых южных морях в песчаном грунте. Он очень интересен тем, что совмещает в себе признаки строения как беспозвоночных, так и позвоночных животных. Его длинное, заостренное книзу тело похоже на медицинский ланцет и состоит, как и у червеобразных, из ряда четко выраженных сегментов. С другой стороны, многое в ланцетнике роднит его с низшими хордовыми — асцидиями, или оболочниками. Как известно, основное отличие хордовых от беспозвоночных состоит в том, что они имеют спинную хрящевую струну, или окостеневший позвоночник. У таких животных головной мозг расположен перед передним концом хорды. Позвоночные, или хордовые, бывают снабжены сложно устроенными органами для дыхания — жабрами или легкими.

Те животные, которые могут быть названы первыми позвоночными, внешне весьма напоминали рыб. Но они были без челюстей и не имели парных плавников. Тело их было заключено в пан-

цирь, сплошным тяжелым щитом покрывавший голову и переднюю часть туловища до хвоста.

«Тяжелое вооружение» погубило их, когда появились гораздо более подвижные конкуренты — хрящевые рыбы. А затем и они утратили былое величие и, если не считать акул и некоторых других рыб, ведущих свое начало из седых глубин времени, отступили перед полчищами прожорливых костистых рыб.

Исследователи долгое время не могли определить, в пресной или соленой воде возникли позвоночные.

Присутствие в морской воде в большом количестве растворенного кальция и окостенение хрящей в результате отложений кальция словно само собой подводит нас к логическому выводу, что это окостенение могло скорее начаться у рыб, живущих в морской воде. Однако в речной воде тоже растворен кальций, а позвоночник мог развиваться в результате активного противодействия текущим водам. Это противодействие требовало значительного мышечного напряжения, и понадобился костный прочный стержень, пронизывающий все тело, к которому могли прикрепляться сильные группы мышц. Известно, что соленость морской воды в те времена была невелика и, очевидно, позволяла рыбам довольно свободно переходить из воды с меньшей соленостью в большую, и наоборот. Так что до сих пор вопрос о возникновении позвоночных окончательно не решен.

ПЛАВНИК ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ЛАПУ

Как мы уже говорили, растения совершили «подвиг»: они вышли из воды и заселили сушу. Это были псилофиты — странные и слабые растеньица, не выше четверти метра, немного похожие на плауны. Выполнив эту величайшую из задач природы, псилофиты обессилели и потеряли способность к дальнейшим изменениям, и уже другие растения, грубо оттеснив их, предприняли вторичное решительное и прочное завоевание суши. Победители в слепой и свирепой борьбе за существование не оставляют места побежденным. Поэтому низкорослые растеньица со слабыми корнями, впервые принесшие на сушу зеленый цвет, были истреблены и исчезли.

Вслед за растениями на сушу поползли первые животные. Это были кольчатые черви, предки дождевых червей, моллюски, древние пауки, многоножки и животные, которые позже превратились в насекомых. В авангарде «наступления» шел, по-видимому, скорпион. Но у него уже были не плавники, а суставчатые ножки, и дышал он в отличие от морских скорпионов не жабрами, а «легкими» — трахеями. Он был покрыт хитиновым покровом, непроницаемым для иссушающих солнечных лучей, и хитин помог ему остаться на берегу, когда моря начали отступать и заливы пересохли. Не имей скорпион такой надежной защиты, он высох бы от зноя, как это случается с медузами.

И здесь, конечно, не обошлось без жертв: несомненно, что бесчисленные поколения скорпионов погибли, не вынеся суровых требований, поставленных перед ними жизнью. Но все-таки погибали не все, а те, что выжили, перестали возвращаться в воду.

Многие из первооселенцев суши словно «законсервировали» себя в первоначальном виде. Пройдут сотни миллионов лет, а пауки все так же останутся пауками и скорпионы останутся скорпионами.

В то время происходило много событий.

Там и сям на плоских материках застаивалась вода. Появлялись озера, лагуны и бесчисленные лужи солоноватой воды. Кое-где песчаные валы полностью отрезали их от океана. Зеленоватые полосы засохшей тины выступали по краям водоемов. Вокруг растлались пески, местами окрашенные красным налетом окиси железа. И надо всем этим тяжелым пышащим шаром медленно катилось по бесцветному небу солнце.

В полдень уколы его жгучих стрел становились нестерпимы и от них с сухими щелчками лопались камни. Дрожали марева над раскаленными песками. Сухие вихри жадными языками слизывали тучи песка и, покрутив, засыпали ими полосы растрескавшейся солончаковой грязи.

Тысячи тонн воды громоздились в небе ослепительными белыми башнями и холмами облаков. Водоемы мелели, некоторые пересыхали совсем. Грозовые ливни наполняли их снова. Эти усыхающие солоноватые лужи кишели жизнью. В них копошились черви и плавали трилобиты.

А в тех лагунах, которые не потеряли связи с океаном, оцепенело застыли в мягких волнах ила, как в подушках, чудовища в панцирях — панцирные рыбы. Они пугали всех своим устрашающим видом и размерами. Их головы и туловища были покрыты прочными изогнутыми щитками. Стараясь передвинуться, они взмахивали, как птицы крыльями, своими плавниками.

Это движение поднимало муть, ил серым землистым облаком оседал на голый рыбий хвост. Несмотря на свою внешность, панцирные туши были не опасны. Они лишь могли рыться в иле и засасывать его.

Их ленивые тела, до половины забитые в костяной мешок, были лишены внутреннего скелета. Только здесь, на этих скудных илистых пастбищах, панцирные рыбы чувствовали себя в относительной безопасности. Иногда в пору ливней или в жестокие штормы, когда морские валы перекатывались через песчаные барьеры, в тихих затонах появлялись непрошенные гости. Море выбрасывало акул и скатов, удары их могучих несимметричных хвостов поднимали бурю в зацветших полусонных прудах. Или в буйной ярости волны выкидывали на берег исполинские колеса, подернутые радужной рябью. Там, где эта двенадцатиметровая спираль раскручивалась, в воздухе взвивались десятки упругих змей с мускулистыми присосками. Окруженный венцом щупалец, хищно и холодно глядел на мир чудовищный спрут-аммонит.

И тогда в водах, тронутых гнилью, принималась за работу смерть. Каждый спасался, как только мог: старались слиться с илом панцирные рыбы, мокрицеподобные трилобиты — потомки покорителей моря, свергивались в шары, пряча внутрь ножки-плавники. Но проворные челюсти акул и смертоносные щупальца спиритов находили своих жертв всюду. Оседали в вязкую муть обломки опустевших панцирей и скорлуп.

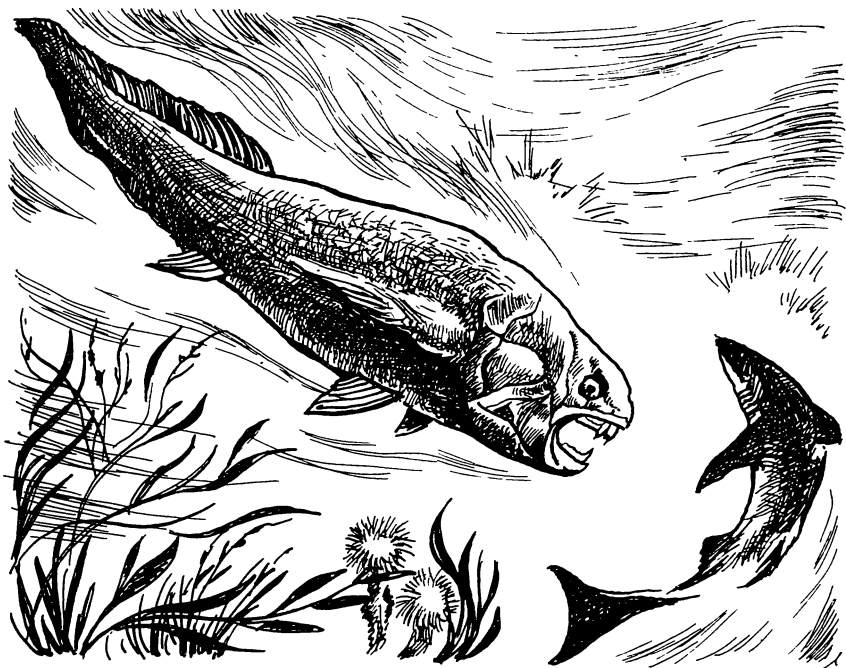
Там, где стоячие затоны сменяли море, нашли приют небольшие неказистые рыбки. Их телам недоставало стройности и обтекаемости. Они были похожи на небрежно выточенный брусок, а чешуя их напоминала насечку на напильнике. Эти рыбки были неважными пловцами и предпочитали ползать по дну в мелких укромных местах, цепляясь за тину двумя парами длинных узких плавников. Это были очень странные плавники, меньше всего они годились для плавания: колючие лучи топорщились в них, как растопыренные пальцы. Это были рыбы кистеперы.

В стоячей воде было смертельно душно, и рыбы приподнимались на плавниках, глотком захватывая воздух с поверхности. С этими беднягами природа шутила злые шутки: когда вытяжные насосы засухи забирали слишком много воды, рыбы оказывались в просяхающей тине. Тесня друг друга и толкаясь, они забирались в последнюю яму с мокрым илом в поисках уходящей влаги.

Потом они делали отчаянные попытки доползти на своих растопыренных плавниках до ближайшей поблескивающей лужи. Они глотали сухой воздух и захлебывались, и десятки их так и оставались на раскаленной песчаной косе: подсохшие жабры лишали их кислорода, и они умирали от удушья. И только самые сильные и выносливые, давя издыхающих червей и подминая под себя обмякшие водоросли, добирались до цели, скатившись по берегу, и, обессиленные, с болезненно пульсирующими сердцами, погружали головы в теплую воду.

Этим рыбам помогло то, что в их плавниках было больше мускулов и сам плавник напоминал лапу. Их плавательный пузырь, оплетенный сетью кровеносных сосудов, еще не был легкими, но уже не боялся воздуха. Если бы не недостаток кислорода, то рыбы не стремились бы выйти на сушу, ибо здесь эти нескладные создания были в большей безопасности, чем в родной стихии. Так, ковьяля на плавниках, они добирались до затонов, берега которых заросли растениями.

Плавники были парными — передние и задние — и довольно мясисты, а их длинные стержни покрыты чешуей. У некоторых из кистеперов плавники расщепились на пять гибких лучей; такими конечностями было удобнее пользоваться на суше: мускулы четко сгибали их в сочленениях, отдаленно напоминавших пятипалую кисть. Кистеперы уже утратили ненужный на суше рыбий хвост, он вытянулся и остался без плавника. Кости их головы разрослись в плоские тяжелые костяные щиты, костяные бляхи усеивали кожу. Тела, цвета тины, были сплюснуты и широки.

Некоторые кистеперые рыбы — остеолепиды — оказались наиболее склонными к прогрессивным переменам, они-то и дали начало первым четвероногим.

Растения в девоне, а это был уже девон — триста десять миллионов лет назад, мало напоминали те, что мы привыкли видеть вокруг себя. Выросшие в иле, невысокие, они казались ветвящимися трубочками. Внутри трубочек проходил древесный остов, не позволявший им обвисать, а на верхушках над водой набухали темные гроздьи спор. Их мелкую пыль разносил ветер, и на влажном жирном иле каждая пылинка прорастала в новую зеленую трубочку.

...Вдруг внезапный всплеск вернул меня к действительности. Спутнув стайку мальков, большой кистепер, спасаясь от хищника, выпрыгнул на сушу. Вихляясь и изгибаясь, он поволок свое неуклюжее туловище по растрескавшейся глине. Он словно шел на плавниках, да и были ли они уже плавниками? Скорее всего это были плавники-ноги.

Но пора в путь. Я медленно потянул рычаги.

В СУМРАКЕ БЕЗМОЛВНЫХ ЛЕСОВ

Силурийский период остался далеко позади, пора было тормозить, но меня вновь охватило отвратительное чувство беспомощности и страха. Даже сейчас мне неприятно вспоминать об этом,

но тогда волнение достигло наивысшей степени. Моя рука с побелевшими суставами рефлексивно сжимала рукоять.

— Ну, кажется, пора, — как можно тверже сказал я вслух самому себе, когда стрелка на указателе поползла через первые миллионы лет каменноугольного периода, и судорожным движением нажал на рычаг.

Когда машина остановилась, я опять обнаружил, что сижу с зажмуренными глазами. Воздух был теплый и влажный, в нос бил отвратительный запах гнили. Я открыл глаза, но ничего не увидел. Меня окружала крошечная тьма. Тогда я сообразил, что оказался в одной из бесчисленных ночей середины каменноугольного периода.

Прислушиваясь к странным шорохам, я безуспешно пытался нащупать в рюкзаке фонарь, но нашел только спички. Никогда еще ночь не казалась такой непроглядной. Тропические ночи на экваторе в наше время могли показаться прозрачными сумерками по сравнению с обступившей меня угольной чернотой.

Но если мне не могли помочь глаза, то другие органы чувств не бездействовали. В особенности обоняние. В жарком воздухе стоял густой, тяжелый смрад застойных маслянистых болотных вод, болотных трав и сырой ржавой заплесневелой земли. Временами к душному тошнотворному запаху гниющих растений и трупов примешивался дурманящий запах грибов и, что было уже совсем непереносимо, душливая вонь сернистых газов. Дышать в этой затхлой оранжерейной атмосфере было трудно. Кислорода явно недоставало, ритм дыхания учащался. Теплая липкая сырость невидимым покрывалом легла на лицо и руки.

Во мне вдруг проснулся острый интерес к этому игравшему со мной в прятки миру, и я чиркнул спичку... Но едва вспыхнул маленький огонек, как совсем рядом раздались звуки, похожие на глубокие затихающие всхлипывания. Я поднял спичку над головой, но только угол рамы моей машины тускло блеснул во тьме.

Эти жуткие всхлипывания напоминали жалобные стоны человека, передаваемые по уличному громкоговорителю. Странное гулкое эхо наполнило все пространство вокруг.

Вторая зажженная спичка вырвала из мрака буро-зеленый огромный ствол, который, как многоглазый великан, глянул на меня ромбическими струпами от опавших листьев. Я судорожно вытащил сразу несколько спичек, зажег их и смотрел, смотрел, не в силах оторваться, на жесткие выпуклые ромбы на шкуре живого патриарха каменноугольных лесов — лепидодендрона диаметром в три или четыре метра... А по сторонам его из отпрянувшей темноты смутно выступили силуэты других величественных колонн.

У подножия этих гигантов, в зеленых пузырях накипи и в какой-то ядовитой пороши, виднелись их ветвящиеся корни; от ствола отходил в сторону один крупный корень, который затем расщеплялся надвое, и так несколько раз. Окаменелые пни с такими огромными корнями палеонтологи называют стигмариями.

Догоревшие спички погасли, и в ту же секунду дремотную тишину всколыхнул квакающий рев. Как будто взревел огромный бык, захлебываясь и пуская пузыри в невидимой воде. Этот крик гулко разнесся в отдалении, и снова вспугнутое эхо заметалось в недрах полузатопленного молчаливого леса от ствола к стволу, то убегая и замирая, то возвращаясь и пронсясь где-то поблизости, пока не утонуло в мягкой замшелой чаще.

Я истратил полкоробка спичек, стараясь разглядеть ближайшие метры окружавшего пространства. Потом я долго сидел в кромешной тьме и в душных испарениях, нетерпеливо ожидая рассвета и едва удерживаясь, чтобы не спрыгнуть с кресла и устремиться в недра каменноугольного леса.

Внезапно небо на западе озарилось кровавым светом. Видимо, где-то за горизонтом началось извержение вулкана, но я даже не обернулся, пораженный видом фантастических силуэтов четко выступивших на фоне словно подоженных туч.

Перистые канделябры, гигантские пушистые хвосты, чудовищные шишки листьев по концам развилин и ажурные, тончайшей работы кружева ветвей, похожие на пальмы, но с рисунком изящней и нежней, заткали пылающий небосвод в сорока — пятидесяти метрах над моей головой.

Это была буйная флора примитивов. Мхи, плауны, хвощи и папоротники наших дней довольствуются положением, мало отличным от удела трав. Грибы, как известно, тоже не претендуют

на видное место в современном учебнике ботаники. Но здесь эти растительные чудовища, насквозь пропитанные дурно пахнущей гнилой водой, превзошли по пышности величавую и расточительную щедрость нынешних тропических лесов.

Я засмотрелся на прямые, как колонны, без ветвей сигиллярии, похожие на ламповый ершик с густой щетиной из листьев, потом перевел взгляд на рубчатые стволы лепидодендронов с редкими, похожими на растопыренные пальцы ветвями. А позади меня тонула в красноватой мгле поросль гигантских тридцатиметровых каламитов, похожих на тысячекратно увеличенные хвощи. Каламиты поднимали над водой десятки ярусов палочковидных звездчатых ветвей, кружками опоясывавших ствол.

Это были потомки и преемники псилофитов. Они заселили все пространство: и открытые воды, и заболоченные почвы. Земля этого периода почти не знала солнечных лужаек и полей, а если изредка они и попадались, то их спешили захватить древовидные семенные папоротники и усыпанные иглами исполины кордаиты, ставшие впоследствии предками наших хвойных.

Эти размножавшиеся спорами чешуйчатые гиганты, отмерев, падали пластами на дно болот, озер и заболоченных заливов. Веками они заносились осадками и уплотнялись, покрывались сверху новыми пластами и все больше сдавливались и спрессовывались, пока, вовлеченные в круговорот химических превращений, не обращались многие десятки миллионов лет спустя в плотный блестящий антрацит.

Тучи над лесом разгорались, будто объятые пожаром, а с запада, все нарастая, надвигался гул, перемежающийся по временам с гневным грохочущим рокотом.

Огненный смерч на западе дрожал и вибрировал, и среди чернильных пятен и штрихов, которыми был испещрен весь участок леса, тут и там на глянцевитых со струпами стволах плясали и кривлялись зловещие блики.

«Теперь достаточно света», — подумал я и ступил на зыбкую почву девственного леса. По щиколотку погружаясь в жижу, с трудом вытаскивая ноги, я медленно пошел между стволами прямо вперед, навстречу свету, балансируя, чтобы не потерять равновесия. Впереди громоздились поваленные полусгнившие стволы.

Глаза постепенно привыкали к красному сумраку, я стал лучше видеть. Величавость и суровость этого леса действовали угнетающе. Напрасно было бы искать в нем светлую веселую листву или хотя бы скромно окрашенные цветы. Не было и пестрокрылых бабочек, суетливых шмелей и пчел, невозможно было бы увидеть и ярких жуков, хотя лес изобиловал насекомыми от корней и до вершин. Не успев сделать и десяти шагов, я наткнулся на лесного клопа-левиафана величиной с перепела и тут же поспешно отпрянул в сторону, потому что увидел спускавшегося на меня громадного паука. Он висел, покачиваясь, с растопыренными коленчатыми ногами, на конце толстого, сверкавшего рубиновыми искрами

шнура. Мне на мгновение представилось, что, попав в соответствующего размера паутину, человек мог бы запутаться в ней, как в капроновых шнурах или в сетях для ловли зверей.

Отойдя подальше от паука, я заметил тускло мерцавшее радужное пятно вытянутой формы. Это было чудовище, похожее на сверчка или кузнечика, но размерами с крупную ворону. Заря в неурочный час разбудила это фантастическое существо, и оно громко и недовольно скрипело челюстями. Другое такое же создание, но в тусклом монашьем одеянии, издавало жалобный скребущий звук.

Две меганейры-стрекозы, треща полуметровыми крыльями, кинулись на третью и жадно растерзали ее. Затаив дыхание, в немом изумлении я наблюдал за молниеносными перипетиями разыгравшейся воздушной драмы: не успели изломанные слюдяные крылья опуститься вниз, как сине-зеленые красавицы, покончив с ужином и подругой, взмыли к небу и, сверкнув на миг роскошной россыпью огней, скрылись в перистых султанах папоротников.

Я продолжал свой путь, а кругом шныряли полуметровые тараканы, и в затяжных прыжках проносились гигантские блохи.

Отсветы вулкана по-прежнему танцевали в небе и опаляли облака, озаряя местность неверным мигающим светом. Подо мной чмокала и хлопала трясина, и не раз мне приходилось балансировать на одной ноге, пока глаза, утомленные багровым светом, различали очередную шаткую опору. Мягкие, пушистые кочки и полузатонувшие и наполовину истлевшие стволы лесных исполинов усевали дно леса. Под корой и в дуплах, в гниющей дрове — всюду, покрывая землю, копошились бледно-зеленые, полупрозрачные скорпионы и многоножки, во много раз превосходившие размерами тропических сколопендр...

Я шел, увязая в скользкой мякоти кочек, тыча перед собой обломком каламитовой палки. Вдруг одна из кочек, едва я ступил на нее, сдвинулась с места и поплыла, издавая глухие булькающие звуки, а я, провалившись по колено в воду, растерянно следил за ней.

Я, конечно, отлично знал, что каменноугольный период — это «рай» амфибий и что в каждой лесной прогалине их должно быть несметное количество. И все же столкновение носом к носу с трехметровым чудовищем, плоским, с широкой мордой в треть длины туловища и с пастью, усаженной по краям и на небе крокодильими зубами, застигло меня врасплох. Животное широко распахнуло вместительную пасть с мясистым розовым языком и, приподняв голову, как это свойственно крокодилам, побежало ко мне.

Слабые коротенькие лапки этой каменноугольной химеры явно не соответствовали своему назначению. Нелепое толстобрюхое существо, стегоцефал, так откровенно жаждавший контакта с человеком, на каждом шагу тыкался мордой в болотную жижу, но это не смущало его.

Меня охватило бешенство: тупая, жадная безмозглая тварь, ед-

ва ушедшая в развитии от примитивных рыб, возымела намерение закусить мною. Я крепко сжал в руке каламитовую палку.

Тут он набросился на меня. Я увернулся и изо всех сил треснул его палкой по спине. Стегоцефал только ухнул, неуклюже повернулся и напал снова. Тогда я стал колотить его по чему попало, пока случайно не повредил ему глаз. Он завертелся от боли, хватая зубами стволы растений и перемалывая их в щепы. Так я и оставил его беснующимся, вертящимся по кругу — чудовищную зубастую лягушку с коротким толстым хвостом и уродливыми маленькими лапами. Скоро его скрыли от меня деревья, и только злобное уханье и бульканье еще долго преследовало меня.

Вдруг я увидел сразу трех дипловертебронов. Эти существа не превышали двух третей метра. Они безмятежно нежились над водой на большой коряге упавшего каламита и смотрели на меня сонными глазами. Их короткие хвосты свисали в воду, и, если бы светило солнце, можно было бы подумать, что они специально приползли сюда принять солнечные ванны. У самой воды в развилке корней гигантского лепидодендрона неподвижно лежало животное, похожее и на рыбу и на земноводное. Его тело было толстым и плоским, с крохотными лапками. Я не без труда узнал в нем зогирина. Передние лапы были хорошо видны, но задней половины туловища не было совсем, она точно была отрублена топором. Зогирина был бездыханен, с впавшими мутными глазами. А между тем эта тварь даже для земноводного имела внушительные размеры — свыше четырех с половиной метров, и справиться с ним мог только еще более крупный хищник.

Я не стал задерживаться возле жертвы богатырского аппетита и, повернувшись, едва не попал в предусмотрительно открытую пасть эриоса. Полуметровый панцирноголовый гад с короткими толстенькими ножками являлся образцом бесчисленных живых капканов, усеивавших все леса на планете и подстерегавших свой обед в молчании и неподвижности.

ЖИВЫЕ КАПКАНЫ КАРБОНА

Стоило только поискать, и я мог бы обнаружить их сотни на каждом квадратном километре. Задумчиво неподвижные, с устремленным в поднебесье взглядом они с бесконечным терпением ждали, когда случаю будет угодно накормить их. Даже наши современные крокодилы, прекрасные образцы невозмутимости, могли бы позавидовать выдержке стегоцефалов каменноугольного периода. Их иногда называют также лабиринтодонтами, что означает «лабиринтозубы», поскольку на разрезе зубы этих земноводных имеют сложный запутанный рисунок лабиринта.

Происшествие со стегоцефалом заставило меня насторожиться. Я понимал, что если пасть одного из них захлопнется у меня на ноге — это грозит большими неприятностями: сила их гигантских

челюстей — это сила мощной пружины медвежьего капкана, а может быть, и еще больше. Вереница острых зубов, обрамляющих пасть, или раздробит мне кости, или чулком снимет с них мускулы... А в здешнем климате даже легкая царапина в несколько часов превратится в гноящуюся рану.

Исполненная неподвижности задумчивость стегоцефалов навела меня на мысль: всегда ли они сознают, когда что-либо попадает им в пасть. Мне пришлось видеть, с какой неувлимой стремительностью захлопывалась пасть стегоцефалов. Это происходило словно автоматически, без участия их «сознания», и мечтательное выражение так и не исчезало с их морд.

Я немного сбился с пути и в поисках машины вышел к болоту, уходившему на сотни метров в темную глубину леса из полузатопленных сигиллярий.

Здесь я был свидетелем картины, какую никому и никогда еще не приходилось наблюдать. Я оказался в настоящем «раю амфибий». Болото кишело ими. Поваленные стволы создавали нечто вроде помостов, на которых, словно мухи, сидели амфибии. Одни из них неподвижными, ярко размалеванными чучелами высывались из воды, и только ритмичная пульсация горлового мешка говорила о том, что это живые существа. Другие с характерной для амфибий и рептилий внезапной сменой покоя и стремительного движения то быстро семенили, загребая лапами по полусгнившим бревнам, то застывали, будто примеряясь для следующего броска. Разноголосые булькающие и похожие на мычание звуки не умолкали на этом «амфибном курорте».

Я вернулся к Машине времени. Она вся была изукрашена брызгами тины и грязными следами четырехпалых лап.

На востоке, разгоняя полумрак, в побледневших скачущих бликах пламени извергающегося вулкана всходило солнце. С чувством облегчения, весь в грязи, перепачканный и промокший, я взобрался на Машину и без сил упал в кресло... Только через час я смог взяться за рычаги и продолжать свое путешествие.

В НЕДРАХ ОТЖИВАЮЩЕГО МИРА

В каменноугольном периоде климат Земли был жаркий и влажный — парниковый. Плоские берега материков были заболоченными и низменными. На них поднимались гигантские леса, почти затопленные пресными и морскими водами. Эти сумрачные пышные леса представляли как бы промежуточную среду между водой и сушей.

Именно такая среда могла взрастить громадных родичей теперешней лягушки, древнейших амфибий-стегоцефалов. Мы уже знаем, что эти существа прибегали к пассивному способу питания. Они подстерегали добычу, лежа в болотах с распахнутыми пастьями, — настоящие живые капканы с огромными челюстями, покры-

тыми по краям рядами мелких зубов, и с редкими, но крупными колющими зубами на нёбе.

Организм амфибий словно остановился на полдороге между чисто водным существованием и сухопутным. Голая кожа не защищала их организм от высыхания, и они должны были оставаться в сырых местах. Они не могли размножаться без воды, поскольку их яйца и личинки развиваются лишь в воде. Они вообще не могли жить без воды, потому что в начальный период жизни дышали жабрами и только потом, в зрелом возрасте, переходили на легочное дыхание.

Пока вся планета представляла собой гигантское болото, процветал мир амфибий.

Их незыблемое благополучие, длившееся свыше ста миллионов лет, впервые пошатнулось в пермский период, двести двадцать миллионов лет назад. С его началом открывается эпоха значительных поднятий земной коры, одновременно в ряде мест на планете наступают оледенения. Воздух над мутно-зелеными просторами дебрей стынет, климат суровеет, резче, четче проступают климатические зоны планеты. Теплолюбивые леса карбона исчезают, сменяясь прохладными пустынями.

Среди лабиринтодонтос стали возникать животные с гораздо более совершенной организацией. Это были рептилии, и первые из них появились в каменноугольный период. Рептилии откладывают яйца прямо на суше, а их кожа с роговым чехлом чешуи защи-

щена от высыхания, что позволяет им жить даже в сухом климате.

Невыгодные для амфибий перемены оказались очень выгодными для рептилий. Их организм был лучше приспособлен к наступившим переменам, и они сделались энергичными завоевателями обширных пустынных пространств внутри материков.

Если не считать насекомых, именно рептилии стали первыми сухопутными существами, в дальнейшем же они завоевали и море и воздух. Так в пермский период начинается пышный расцвет рептилий. Они заняли обширные территории с умеренным климатом, где стала процветать совершенно особая фауна.

Тогда же, в пермский период, среди рептилий зародились существа с признаками самой совершенной организации. Это были непосредственные предки млекопитающих, так называемые звероподобные, или зверозубые ящеры. Несмотря на то что расцвет млекопитающих наступил значительно позднее, это было гигантским шагом вперед в эволюционном развитии природы, и в сравнении с ним дальнейшее усиление класса рептилий и их необычайно бурное развитие в мезозойской эре было только временным и, вероятно, случайным торжеством менее развитых живых существ над более развитыми, торжеством, обусловленным исключительно благоприятными условиями.

Это происходило двести миллионов лет назад. В течение пермского периода стегоцефалов снова оттеснили обратно в воду, и в следующем периоде, триасовом — первом периоде следующей эры — мезозойской, стегоцефалы вымирают, и амфибии навсегда теряют свое значение. Пермский период является одним из самых важных в истории позвоночных животных.

ОПАСНАЯ ВСТРЕЧА

Я оказался в пермском периоде в тот утренний час, когда небосвод окрасился теплыми тонами рассвета, а в свежем воздухе, колыхаясь, тлел туман. Я слез с машины и медленно, непрестанно оглядываясь, пошел между громадными валунами, разбросанными вокруг. Среди них подымались огромные зеленоватые стволы кордаитов, хвощеподобных каламитов стало намного меньше, а те, которые остались, сделались гораздо ниже. Бесконечные безрадостные леса из лепидодендронов, сигиллярий и древовидных папоротников поределели. Земля будто облысела и открыла огромные оголенные пространства. Болота и реки обмелели, и изнеженная растительность, нуждавшаяся в непомерных количествах воды, теперь оскудевала и жалась к сильно сократившимся топам.

Место было открытое, и моя машина виднелась издалека.

Подернутые тонкой прозрачной дымкой редющего тумана, предметы вокруг меня казались плоскими декорациями, словно нарисованными и вырезанными из картона или фанеры. Кругом ца-

рила тишина, нарушаемая лишь звоном невидимого ручья, как вдруг в отдалении возник легкий гул или рокот, словно тяжело груженный товарный состав проезжал по небольшому железному мосту.

Низкий хриплый рев покатился по окрестности. И в тот же миг почва под ногами дрогнула, заколебалась и скользнула влево, весь пейзаж передо мной как бы сместился. «Землетрясение», — понял я, и в тот же момент меня бросило оземь. Рокот быстро замирал вдали. Отряхивая с колен пыль, я прислушался. Чего-то недоставало?! Да, замолкло журчание ручья!

В эту минуту интуиция подсказала мне, что я являюсь объектом пристального наблюдения. На лбу у меня выступила холодная испарина. Я невольно попятился к машине.

Тот, кто рассматривал меня, таился среди громадных валунов. Когда я пошел, он стал красться параллельно мне, двигаясь совсем неслышно. На какое-то мгновение я успел увидеть его через плечо: зверь был крупнее любого тигра, его покрывала чешуя землистого цвета. Затем я увидел его еще раз, когда он глядел в мою сторону, высунувшись из-за камней. Его огромную узкую голову можно было сравнить с топором дровосека. Как у всякой рептилии, щеки его не прикрывали великолепного набора больших желтых зубов и огромных, торчавших вниз клыков в верхней челюсти.

Мощь и свирепость этого приземистого массивного существа не вызывали сомнений. Не в силах оторвать от него глаз, я думал: «Так вот что за свирепый ящер назван именем профессора Иностранцева!» Да, иностранцевия выглядела весьма внушительно.

Пока я с лихорадочной поспешностью изыскивал пути спасения, иностранцевия повела себя так же, как и уссурийские тигры в клетке, когда к ним выпускают козленка. Тигры пятаются от него в испуге, потому что никогда не встречали такого животного в тайге.

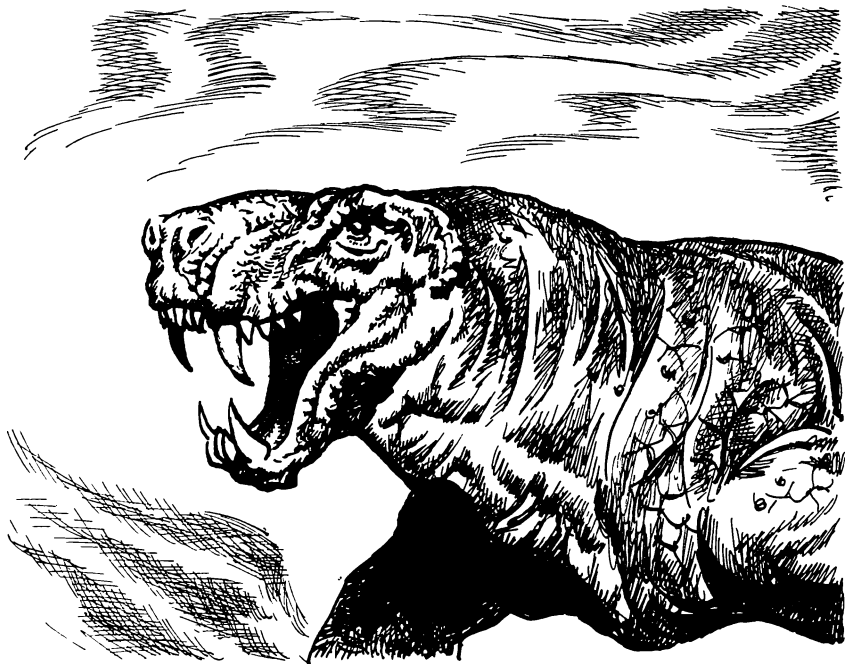
Иностранцевия не напала на меня: я со своей незнакомой и странной для нее внешностью, да вдобавок ко всему и двуногий, принадлежал к неизвестному ей миру, а поэтому вызывал недоверие и боязнь. Разгадав ее страх и колебания, я сделал шаг в ее сторону — это был мой единственный шанс. Тогда она медленно повернулась и, неуклюже переставляя короткие массивные, с огромными когтями лапы, стала удаляться.

Мне хотелось узнать, куда ведет хищный инстинкт этого тяжеловесного ящера, и я на некотором расстоянии последовал за ним.

СХВАТКА В ПАПОРОТНИКАХ

Неожиданно иностранцевия резко свернула в сторону и в один момент проглотила живьем батрахозавра, или лягушкоящера — небольшое животное, стоящее по уровню развития где-то между амфибиями и рептилиями.

Рептилий здесь было много, и они поспешно разбежались при

появлении иностранцев. Местность постепенно полого понижалась, видимо какие-то «компасы» вели моего зверя к реке. Его длинное узкое туловище продиралось через колючую зелень цикадовых пальм и беннетиттов с венцом листьев на высоком, в жестких черешках, стволе. Это была уже сухолюбивая флора, лишь по берегам рек и в болотах доживали свой длинный век исполины каменноугольного периода.

Неширокая река катила передо мной свои воды, и на противоположном берегу я заметил целое стадо странных созданий, названных в палеонтологии мосхопсами. Передние ноги мосхопсов были удивительно велики, очень массивной была и передняя часть крупного тяжелого туловища.

Обогнув песчаный косогор, я оказался над местом недавнего побоища.

Под широкими вайями папоротников еще сейчас шла какая-то возня. Судя по всему, минут двадцать назад небольшая группа иностранцев и их столь же огромных свирепых родственников — амалицкй, блуждая по прибрежным зарослям, наткнулась на медлительное стадо растительноядных парейзавров, бегемотоподобных ящеров, приземистых и крайне неуклюжих, покрытых мелкими костяными шишками. Я подоспел уже к моменту несомненного и полного торжества огромных холоднокровных тиранов с короткими хвостами и двадцатисантиметровыми саблеподобными клыками.

Две иностранцевии сидели на распластанных среди хвощей тушах парейазавров, чем-то напоминающих исполинских черепах. «Моя» иностранцевия немедленно присоединилась к пирующим, и через минуту я уже не мог отличить ее от других. В вывалившихся из растерзанных тел внутренностях копались варанопсы, похожие на полуметровых такс с чрезмерно длинными голыми хвостами. Стайки проворных двуногих ящеров величиной с петуха и с петушиными повадками, с миниатюрными головками и поблескивавшими желтыми глазами суетливо бегали вокруг мелкими частыми шажками, путаясь под ногами своих могучих «патронов». Странно было думать, что именно они являются предками грядущих властелинов Земли — динозавров. На огромном пространстве возле побоища песок был залит кровью и истоптан запачканными в крови следами. Некоторые следы можно было принять за отпечатки человеческих рук и за куриные следы.

Припав к холодному песку, укрывшись за перистыми листьями папоротников и бочонкообразными стволами цикадовых пальм, я всматривался в шевелящиеся груды темных чешуйчатых тел, откуда доносилось прерывистое урчание. От саговников странно пахло: это распустились за ночь большие, с блюдце величиной, розовые, белые и желтые цветы, почти в шахматном порядке усеивавшие их стволы.

Среди хищников вспыхивали ссоры. Одна иностранцевия с прокушенным черепом в конвульсиях сползла со спины добычи и тотчас же сделалась предметом самого пристального внимания юрких мышевидных существ с острыми бугорчатыми зубами. Началась шумная драка.

Вдали у трупов парейазавров хлопотали две амалицкии и одна иностранцевия. Иностранцевия первой накинулась на показавшуюся сквозь ребра печень. Видимо, в этом было усмотрено нарушение этикета, и нарушителя немедленно схватили за заднюю лапу и за хвост. Послышался лязг зубов и шум завязавшейся борьбы. Минуту спустя иностранцевия была сброшена в чашу хвощей, получив и раздав изрядное число ударов и укусов.

Выброшенная из-за «стола», она не захотела вновь ввязываться в неравную драку. Поспешно отбежав в сторону, она набросилась на одинокую амалицкию, нейтралитет был сразу утрачен, и над трупами завязалась всеобщая битва. Все кусались, царапали когтями, полосовали друг друга клыками. Все оказались недовольны друг другом, и родовых различий не делалось. Так кончили свои дни еще одна иностранцевия и две амалицкии.

Утолив жажду крови, покрытые зияющими ранами, прихрамывая и припадая на искусанные и парализованные конечности, прихитившие, усталые, сытые и сонные, чудовища разбрелись по зарослям, чтобы впасть в оцепенение, подобное спячке, и переварить свою долю мяса, крови и костей.

Я так загляделся на эту сцену, что перестал обращать внимание на все остальное. И вдруг я почувствовал резкую боль. Ощу-

щение было такое, словно кожу на руке ниже локтя больно ждали кусачками.

Я мгновенно обернулся: изящный двуногий ящер величиной с фокстерьера настойчиво предлагал мне свою дружбу. Чешуйчатый, весь в синих и малиновых разводах, он так и подпрыгивал от нетерпения и щипал мою руку беззубой и безгубой мордой — клювом. Он был так настойчив в проявлении своих чувств, что пришлось крепко стукнуть его по голове. Однако мне не удалось окончательно прогнать его, он отбегал, шипел, раздувал нижнюю часть шеи, квохтал совсем как курица, только более сипло, и снова возвращался. Не успел я оглянуться, как к нему на помощь сбегалась целая стая других мелких хищников — пермоцинодонов. Почему-то им понравились концы пальцев у меня на руках, и некоторые даже подпрыгивали, чтобы ущипнуть их.

Спасаясь бегством, я ускорил шаги и неожиданно очутился в местности, напоминающей пойму реки, изобиловавшую большими лужами и озерами.

«ПАРУСА» В ЛЕСУ

На земле было очень сыро, пахло гнилью. Здесь было царство ущербного рода стегоцефалов. Я вскоре заметил очень своеобразное существо — двинозавра. Эта амфибия интересна тем, что у нее на всю жизнь сохранились характерные для личинок наружные жабры, как, например, у современного аксолотля.

Я стал вспоминать, были ли среди встреченных мною сегодня животных предки млекопитающих.

Этих животных ученые ищут среди так называемых синапсид — большой группы рептилий пермского периода, у которой имелся ряд признаков, сближающих их с млекопитающими.

В их черепе исчезают многие костные элементы, исчезает теменной глаз, затылочный мышцелок становится двойным, как у млекопитающих, зубы приобретают различное строение и делятся уже на резцы, клыки и коренные. У других, менее прогрессивных рептилий ничего подобного не было. Некоторые из синапсид приближались к млекопитающим и по скелету конечностей. Сейчас еще довольно трудно сказать, какие именно животные стали предками млекопитающих. Одно время полагали, что ими могли быть цинодонты из синапсид, но это недостаточно подтвержденная версия. Поиски продолжаются...

Едва я миновал озерца дурнопахнущей воды со змеевидными обитателями и стал медленно подниматься на пологий склон большой возвышенности, как показалось существо с метровым парусом на спине... Парус протянулся от головы на короткой шее до хвоста. Подобно спинному плавнику у рыб, парус-перепонка был натянут на метровые невральные отростки позвонков. И, как реи на мачтах парусных кораблей, эти отростки имели поперечные пе-

рекладины-шипы на разной высоте, сидевшие перпендикулярно к перепонке.

Этот громадный хищник — диметродон с трудом волочил по земле полуобглоданные останки амфибии-эриопса. Завидя меня, он остановился. Мне показалось, что он медленно «соображает», как ему поступить в таком непредвиденном случае.

Вдруг он выпустил добычу из пасти, и я услышал шипение и свист, будто диметродон заранее предостерегал меня от возможной попытки за-

владеть его соблазнительным блюдом. В густом сумраке чащи глаза его горели зловещим сине-зеленым пламенем.

Мы стояли друг против друга в напряженном ожидании — отступить значило навеки уронить собственное достоинство. Я сделал резкое движение, хлопнул в ладоши... и он напал! Приподнявшись на своих коротких, но сильных лапах и вытянув стрелой напрягшийся хвост, он разинул зубастую пасть и проворно заземенил мне навстречу. Отпрянув в сторону, я пропустил его мимо себя.

Диметродон пробежал метров жость, остановился и стал медленно и недоуменно озираться по сторонам. Мой прыжок в сторону означал для него исчезновение, и тупая рептилия, потеряв меня из виду, не могла понять, что произошло.

Я решил наказать ее за дерзость. Осторожно подкравшись сзади и внезапно выскочив из-за укрытия, я толчком ноги в основание паруса опрокинул животное на бок. Его попытки освободиться и выпрямиться были тщетны. Я закрепил его парус палкой, воткнутой в землю, и пошел отыскивать свои следы, чтобы вернуться к машине. Был момент, когда мне показалось, что я сбился с пути, но в действительности до машины было лишь полторы или две сотни метров.

Я переоделся, вытер лицо и руки одеколоном, забрался на сиденье и мгновенно заснул...

Не знаю, какие добрые духи охраняли мой сон, но проснулся

я от неистовой тряски. Серые сумерки заползали в самые темные уголки леса, небо покрывали темнеющие свинцовые облака. Сырой, промозглый туман потянулся из низин языками и щупальцами, разливаясь по окрестностям. Машину тряс крупный тонкоспинный ящер эдафозавр, зажавший в зубах хрустальный стержень. Из молочного марева торчала его спина, украшенная зубчатым гребнем. Я пихнул его ногой, но он продолжал с бесцельным упрямством механизма трясти и раскачивать машину. Волны поднимавшегося тумана достигли меня и залили, погрузив в зловонные испарения болот.

«Едва возможно дышать, — подумал я, — вероятно, здесь все еще мало кислорода в атмосфере и много, очень много углекислоты. Вот почему так пышно разрастались на болотах леса...» Мне казалось, что еще немного, и я захлебнусь этой холодной липкой жижей, от которой першило в горле.

«Пора в путь», — решил я.

Машина тронулась, зубы парусного хищника со скрежетом соскользнули, и он остался навсегда в прошлом, раздосадованный, угрюмый, недоумевающий. Никто никогда не расскажет ему, что он повстречался с пришельцем из далекого будущего. А я стремглав мчался в мезозой, в сказочное царство гигантских рептилий.

ТИТАНИЧЕСКИЙ ОХОТНИК

Судя по указателю, палеозойская эра кончилась и началась другая — мезозойская, эра «средней жизни», нечто напоминающее наше средневековье. Итак, я перенесся в одну из стран геологических, палеонтологических, климатологических и прочих грез. Дорого бы дали исследователи самых различных специальностей за то, чтобы на полчаса окунуться в эту эпоху чудес, в эру, граничащую с нашей кайнозойской, но совсем нам чуждую.

Эта эра началась двести миллионов лет назад, а конец ее наступил за шестьдесят или семьдесят миллионов лет до появления человека.

Сто сорок миллионов лет примитивной жизни взрастили самых ужасных исполинских хищников, когда-либо существовавших на планете, в сравнении с которыми наши теперешние львы, тигры и медведи могли бы показаться добродушными игривыми щенками и котятками. А между тем по уровню и сложности развития и общей организации современные хищники не знают себе равных.

Я прибыл в мезозой к концу дня. Тени уже начинали густеть и удлиняться, воздух был теплый и прозрачный. Совсем рядом широкая и, вероятно, неглубокая река неслышно катила свои воды; вязкие берега ее заросли чем-то вроде тростников, едва различимых в меркнувшем свете заката.

Слева вдали темнела группа странных деревьев с поникшей зеленью, которая бесформенными клочьями торчала из ствола. Ство-

лы были высокие, сужающиеся кверху конусом, толщиной у основания в несколько обхватов. Я узнал в этих деревьях знаменитые болотные кипарисы — таксодиумы. В наше время в устье реки Миссисипи измерили несколько экземпляров старых болотных кипарисов; оказалось, что в отдельных случаях болотные кипарисы имеют в обхвате на уровне воды (они растут на болотах) тридцать три метра при высоте тоже в тридцать три метра!

Весь противоположный берег был покрыт саговыми пальмами. За ними поднимались давно исчезнувшие с лица Земли беннеттиты, тоже похожие на пальмы, а на моем берегу, в километре от меня, виднелись необычного вида сосны араукарии — хвойные деревья с опрокинутым зонтом сучьев на вершине.

Я расположился на песке возле машины. Темнело скорее, чем хотелось бы, почти так же быстро, как в тропиках... Впрочем, я и находился в тропиках.

В мезозое различия в климатических поясах стерлись, и на всей планете был ровный, теплый климат. Повсюду поднимались леса из красных деревьев и секвой, из тюльпанных деревьев, гинкго и магнолий, предоставляя в своих чащах убежище полчищам сумеречных хищников.

Я находился в мире плоских материков, мелководных заливов, лениво текущих болотистых рек, широких полузатопленных низин с пышными коврами сочных высоких растений в поймах.

Воздух был очень сырой и душный. Временами поднимался слабый ветерок, вызывающий озноб. А между тем в центре материков были места, схожие с нашими пустынями, где очень редко или совсем не выпадали дожди.

Мое внимание привлекло светлое пятно, возникшее в восточной части небосклона. С каждой минутой становилось светлее: это наша неизменная спутница — луна, затуманенная испарениями болот, поднималась над горизонтом. Она-то осталась, какой была! Или нет? Возможно, двести миллионов лет назад она вращалась быстрее... Но туманная пелена не позволяла разглядеть форму пятна на бледном диске.

Что это?!

Низкий вибрирующий рокот взмыл к мутному небу. «Как быть с машиной?» — спросил я себя, но не о машине мне следовало беспокоиться. Даже заметив машину, мезозойское чудовище вряд ли заинтересуется ею. Оно просто не заметит ее или сочтет за какое-нибудь необычное дерево или куст. Такие бесполезные вещи не вызовут у них интереса.

Я еще ранее заметил густой кустарник и теперь во весь дух устремился к нему, чтобы спрятаться и наблюдать за всем происходящим.

А вот и он. Он был намного выше телеграфного столба и шагал на задних лапах. Его темно-серый, почти черный силуэт четко рисовался на фоне араукарий. Через минуту, если он не изменит направление, он приблизится вплотную к моим кустам. А что, ес-

ли он вздумает «пройтись» и дальше?.. Мне придется, как кролику, метаться между его ногами. А вдруг он все-таки захочет поближе познакомиться с машиной? Тогда я пропал! Я не успею добраться до нее и исчезнуть. Он может раздавить ее, как жалкий каркас из проволоки. И я навеки останусь здесь!.. Мне оставалось только ждать и надеяться, проклиная себя за легкомыслие.

Пока я мучился сомнениями, чудовище приближалось. Это было что-то вроде исполинского кенгуру со змеиным застывшим взором и мордой удава. Его чешуйчатая кожа поблескивала под красноватыми лучами низкой луны, а огромные, с тарелку величиной, глаза горели зловещим кровавым пламенем. По земле, подминая растения, волочился тяжелый мускулистый хвост, подпорка к могучему двенадцатитонному туловищу. Передо мной был величайший наземный хищник, когда-либо попиравший землю, — тираннозавр-рекс, гроза и ужас всего живого на планете.

Огромный гад внезапно и стремительно, по-змеиному повернул сплюснутую с боков высокую двухметровую голову. Глаза его были обращены вперед, и он рассматривал предметы одновременно обоими. Как и у всех рептилий, у него было недостаточно развитое обоняние, но очень совершенное зрение.

Но этот зоркий беспощадный взор может зафиксировать лишь то, что движется, меняет место.

Мозг колосса настолько мал и не развит, что на все неподвижные предметы он не обращает внимания, просто не различает их.

Если присмотреться к нашим теперешним ящерицам, к их повадкам, к пластике их движений, и представить их увеличенными в сотни и тысячи раз, а многих из них — поднявшими на задние ноги, то можно получить некоторое представление о том, как приблизительно выглядели динозавры. Но далеко не все. Большинство из них вообще не имеет аналогии по своему внутреннему строению и внешнему виду ни с одним из известных нам животных. Их поражающее своеобразие ни с кем и ни с чем не сравнимо...

Тираннозавр-рекс ходил на мощных задних ногах, и ступни его с кривыми когтями на трех пальцах достигали иногда метра в длину. Четвертый палец был обращен назад, как у кур, и представлял дополнительную опору для громадного тела. Зато передние ноги были недоразвиты, имели только по два крохотных пальца и были так малы, что не дотягивались до морды. Для схватывания и удержания добычи они были слишком слабы и являлись бесполезной обузой.

Я сидел, скорчившись в неудобной позе, не смея пошевелиться. Тираннозавр находился в такой опасной близости, что до меня доносился острый сильный запах, напоминавший запах мускуса с примесью еще чего-то менее неприятного и даже ароматичного. Вдруг напряженный взгляд хищника что-то заметил вдалеке, и гигант резко сбавил шаг. Его мерцавшие багровым пламенем глаза обратились в противоположную от меня сторону.

Громоподобный гул разорвал дремотную тишину, и, придав-

ленный этими раскатистыми звуками, я в неодолимом ужасе приник к траве, пока они не сменились хриплым квакающим кашлем.

Десятиметровый повелитель всего живого увидел добычу и огромными, по три-четыре метра, размашистыми скачками устремился к ней. Я почувствовал, как дрогнула и загудела от топота земля.

Я выбрался из своего укрытия, разминая ноги, и вдруг сообразил, что с ближайшего пригорка мне откроется грандиозная картина схватки. Я во весь дух побежал к холму. Понадобилось не больше пяти минут, чтобы достичь его подножия, и еще несколько, чтобы взобраться на вершину.

Равнина подо мной была залита лунным серебром, там и здесь темными пятнами выступали рощи.

Внизу я заметил своего ночного гостя. Он был уже далеко. Наклонившись и вытянув палкой хвост, он с огромной скоростью пересекал равнину. Отсюда я мог различить и его добычу: целое стадо растительноядных динозавров. С высоты холма мне было видно, как они плещутся среди осоки в излучине реки. В бинокль я рассмотрел, что это были так называемые утконосые динозавры. Их морды были вытянуты в форме утиного клюва. Они в огромном количестве населяли Землю в мезозое и достигали внушительных размеров, иногда свыше десяти метров высотой.

Утконосые динозавры, или гадрозавры, были еще массивнее и крупнее, чем несшийся к ним хищник. Они передвигались, как и

тираннозавр, на двух ногах и внешним видом тоже очень напоминали кенгуру.

Но вот они заметили страшного врага, быстрыми шагами приближавшегося к ним.

БИТВА У РЕКИ

Я отчетливо видел, что гадрозавры испуганы. Они в смятении сбились в кучу и топтались, подминая камыши и осоку, бестолково размахивая тяжелыми хвостами, которые могли легко переломить позвоночник лошади. Затем они все разом со страшным шумом, вздымая фонтаны брызг, беспорядочной толпой устремились на середину реки. Некоторые поплыли и достигли другого берега.

В невообразимой панике были сбиты с ног и затоптаны два менее рослых ящера и один неповоротливый детеныш. Теперь я отчетливо слышал громовое рыкание тираннозавра. Шум и смятение усилились, но стаду удалось спастись вплавь, а хищник не решился последовать за ним в воду. Его добычей стали растоптанные ящеры.

В бинокль я видел, как тираннозавр вспрыгивает на бьющиеся в агонии тела и разрывает их когтями задних лап.

Только научный интерес заставил меня досмотреть до конца эту отталкивающую сцену... По укоренившемуся инстинкту тираннозавр с размаху наносил удары по уже бездыханной жертве узкой тяжелой мордой. Таких сокрушающих ударов не мог бы выдержать никто: они должны были дробить позвоночники и ребра. Я увидел, как пришли в движение челюсти, как они вырывали или, правильнее, «выстригали» громадные куски сочащегося кровью мяса.

Голова хищника то стремительно, то неторопливо наклонялась за новым лакомым куском, и кинжалы-зубы без видимого усилия, словно нож в масло, погружались в распростертую тушу. Не жуя, он мощными толчками проталкивал куски мяса в глотку.

При свете месяца мне был виден оскал его зубов; чудился хруст дробящихся костей. Около часа я наблюдал за тираннозавром. Неприятное зрелище испортило мне настроение, и я решил вернуться к машине и провести ночь в кресле.

Ночь длилась, казалось, без конца, луну закрыли тучи, и я остался в совершенной темноте. Держа руку на рычаге, я вслушивался в ночные шумы. Я различал взвизги, свист, шепот и сонное бормотание из кустов, в которых прятался от тираннозавра. В середине ночи меня разбудили звуки, похожие на мычание коров. Еще раз, уже ближе к рассвету, меня испугал дикий скрежет, наполнивший, казалось, всю равнину. По временам доносились звуки, напоминавшие пыхтение паровоза. Несколько раз я замечал какие-то светящиеся призраки. Первый раз они медленно пересекли пространство передо мной, потом, уже перед рассветом, бледное зеленоватое привидение пробежало галопом, сотрясая землю.

Предположения палеонтологов о том, что в мезозое были светящиеся животные, подтверждалось.

Долгожданный рассвет застал меня вконец измученным. С первыми проблесками зари я спустился с машины. После ночных кошмаров меня слегка знобило, и я не мог даже подумать о еде.

Первое, что бросилось мне в глаза, это бесчисленное множество разных следов, оставленных ночными посетителями поляны. Следы были отчетливо видны на сыром песке, и их цепочки разбегались во всех направлениях. Здесь были следы, подобные куриным, миниатюрные изящные отпечатки, коротенькими шажками убежавшие через дюны. Встречались отпечатки средних размеров с искривленными расставленными пальцами и почти совсем круглые по метру в диаметре. Виднелись следы трехпалых, четырехпалых и пятипалых лап. Большинство следов принадлежало динозаврам.

Пока солнце еще не поднялось и не пригрело холоднокровную фауну, постараемся разобраться в вопросе, кто такие динозавры, как они появились и чем они замечательны.

История динозавров начинается с триаса. Как известно, мезозойская эра подразделяется на три неравных периода: триасовый период (триас) продолжительностью в тридцать пять миллионов лет, юрский период (юра) продолжительностью тоже в тридцать пять миллионов лет и меловой (мел) длительностью в семьдесят или семьдесят пять миллионов лет.

Родоначальниками динозавров были древние ящеры — архозавры. Это были свирепые хищники. Всякой другой пище архозавры предпочитали мясо. Передвигались они весьма необычным способом: чаще всего на задних ногах. Это давало им значительное преимущество — они издали могли высматривать добычу и раньше других замечать врагов. Передними ногами они могли драться и подносить ко рту пищу. Как и большинство других ящеров, архозавры откладывали яйца.

ДИНОЗАВРЫ, ИЛИ ДИВОЯЩЕРЫ

Потомки архозавров особенно размножились во второй половине мезозойской эры. Они отличались исключительным разнообразием. Некоторые остались хищниками с короткими передними ногами. Все они обладали толстым и очень сильным хвостом, который был как бы балансиром и уравнивал переднюю часть тела, поэтому хвост ящеры держали на весу, а сидя, опирались на него.

Несмотря на то что эти ящеры держались стоя и передвигались шагом или прыжками, они все же больше напоминали в этом положении животное, поднявшееся на дыбы, чем стоящего человека.

Другие потомки архозавров вернулись к более свойственному животным способу передвижения на четвереньках. Возникнув от одного хищного предка, не все из них в дальнейшем остались пло-

тоядными. Большинство динозавров перешло на растительный способ питания.

Мир динозавров настолько своеобразен — и внешне и образом жизни, — что необходимо несколько подробнее остановиться на некоторых его странных и интересных особенностях.

Греческое слово «динозавр» советский палеонтолог и писатель Иван Антонович Ефремов удачно заменяет русским — «диво-ящер». Оба эти слова сходны в том, что указывают на какие-то удивительные особенности этих рептилий. «Динозаврами» предложил называть этих животных английский зоолог и палеонтолог профессор Ричард Оуэн. Динозавр — в переводе означает «ужасный, чудовищный, кошмарный ящер». Но не всегда их внешний вид был таким устрашающим, как, например, у тираннозавра.

Самой странной особенностью ранних динозавров является, конечно, способ передвижения на двух ногах. Даже поздние динозавры, вновь ставшие четвероногими, происходят от двуногих предков.

«Двуногость» вообще возникла у рептилий еще с каменноугольного периода. Она явилась своеобразной реакцией организма рептилий на условия существования, в которые поставила их природа. До сих пор вопрос о «возникновении двуногости» в классе рептилий остается одним из наиболее интересных.

Самые древние пресмыкающиеся возникли и обитали среди обширных болот и громадных затопленных лесов на прибрежных низменностях и в дельтах рек. Когда растительность с узкой береговой полосы стала проникать в глубинные части материков, места обитания рептилий неизмеримо расширились.

Однако для них это было сопряжено с рядом трудностей. Первая состояла в необходимости выйти из относительно прохладного сумрака густых чащ на открытые, оголенные места под убийственный жар тропического солнца. Организм рептилии легко перегревается, так как он не обладает сложной си-

стемой регулирования температуры, хорошо развитой лишь у птиц и млекопитающих. Поэтому на открытые пространства рептилии выходили только ночью, когда спадала жара.

Чтобы жить на незатененных древесной растительностью возвышенных участках, часть рептилий перешла к обитанию в реках, из которых они выходили крайне редко, или вблизи рек, чтобы иметь возможность охлаждать тело в воде.

Но, конечно, такое вынужденное «купание» не могло помочь всем рептилиям. При энергичном движении любой организм сильно перегревается, и, если он не защищен от перегрева — «внутреннего» и солнечного, — животное быстро погибает.

Тело млекопитающего перегревается реже. Во-первых, из-за постоянной температуры тела и, во-вторых, из-за особого устройства кожных покровов. У рептилий кожа всегда сухая, потому что лишена потовых желез, которые своими выделениями охлаждают тело. В коже млекопитающих, напротив, таких желез очень много. Некоторые из этих желез превратились даже в молочные железы. К тому же млекопитающие «энергичнее» рептилий, потому что им свойствен гораздо более высокий обмен веществ. Уже хотя бы поэтому млекопитающим незачем было «обучаться» ходить на двух ногах. С рептилиями дело обстоит совсем иначе.

Почему? Да потому, что двуногий способ хождения, оказывается, самый экономный в смысле физических усилий. Рептилии,

гораздо менее «энергичные», чем млекопитающие, не могли миновать в процессе эволюции стадию «двуногости».

И еще одна причина должна была способствовать тому, чтобы ранние архозавры поднялись на задние ноги.

Дело в том, что самым развитым органом чувств у рептилий является зрение. Прекрасно развиты они и у птиц — прямых наследников рептилий. Для рептилии, живущей в густой растительности, возникает необходимость обозревать окрестность поверх зарослей, — для этого она должна держать голову высоко над землей, чтобы вовремя заметить опасность или высмотреть добычу. Поэтому первые же динозавры стали ходить на двух ногах.

Чем объяснить, что многие динозавры достигали исполинских размеров? В самом деле, они были величайшими сухопутными животными на планете. Палеонтологи иногда впадали в ошибки, чтобы правдоподобно объяснить их гигантизм. Так, например, случилось с идеей о болезненном увеличении гипофиза в мозгу у четвероногих динозавров. Это болезненное состояние важнейшей железы могло вызвать, по мнению ученых, увеличение размеров тела. Но вряд ли подобное объяснение может быть удовлетворительным.

Имеются и более серьезные объяснения их необыкновенной величины. Ученые этого направления объясняют его особыми условиями, в которых обитали некоторые рептилии. В мезозое, как и в каменноугольном периоде, материки располагались низко, особенно в юрском периоде. Отлогие берега с едва заметным уклоном уходили к океану. Побережья образовали широкие отлогие отмели, обильные пищей.

Эта зона долго пустовала, потому что никто не мог поселиться в ней. Сюда докатывались огромные приливные волны, бороться с которыми большинству животных было не под силу. Ветры и волнения здесь очень сильно нагоняли воды, и уровень волн намного поднимался. Гигантские волны проносились на целые километры, сметая все, что не было прикреплено ко дну, и внезапно повышая уровень вод в прибрежных водоемах на несколько метров.

Обитатели прибрежий могли жить лишь в затопленных лесах или на берегу под защитой береговых рифов. И миллионы квадратных километров «угодий» пустовали.

Только чудовищной величины животные, бронтозавры, диплодоки, брахиозавры, в несколько десятков тонн весом, с огромными когтями, могли сопротивляться опрокидывающим ударам волн. Они не тонули и завладели этой зоной обитания, где у них не было конкурентов.

Внешне бронтозавр был похож на громадного удава, «продетого» сквозь туловище гигантского слона. В крохотной головке помещался мозг размером не более грецкого ореха. Для сравнения заметим, что двадцать мозгов бронтозавра (имеется в виду мозг, находящийся в голове) равны по весу одному человеческому мозгу. Но зато мозг у него не один, у него их три. Второй мозг поме-

щался в области передних конечностей и представлял собой расширение или вздутие спинного мозга, а третий мозг, во много раз превосходящий по размеру головной, располагался в области крестца. Второй и третий мозг заведовали движениями соответственно передних и задних ног и длиннейшего хвоста. Без участия мозга мощные пласти мышц на конечностях оставались бы неподвижными. Эти конечности заканчивались большими когтями, которыми бронтозавры — жители прибойной полосы — цеплялись за дно.

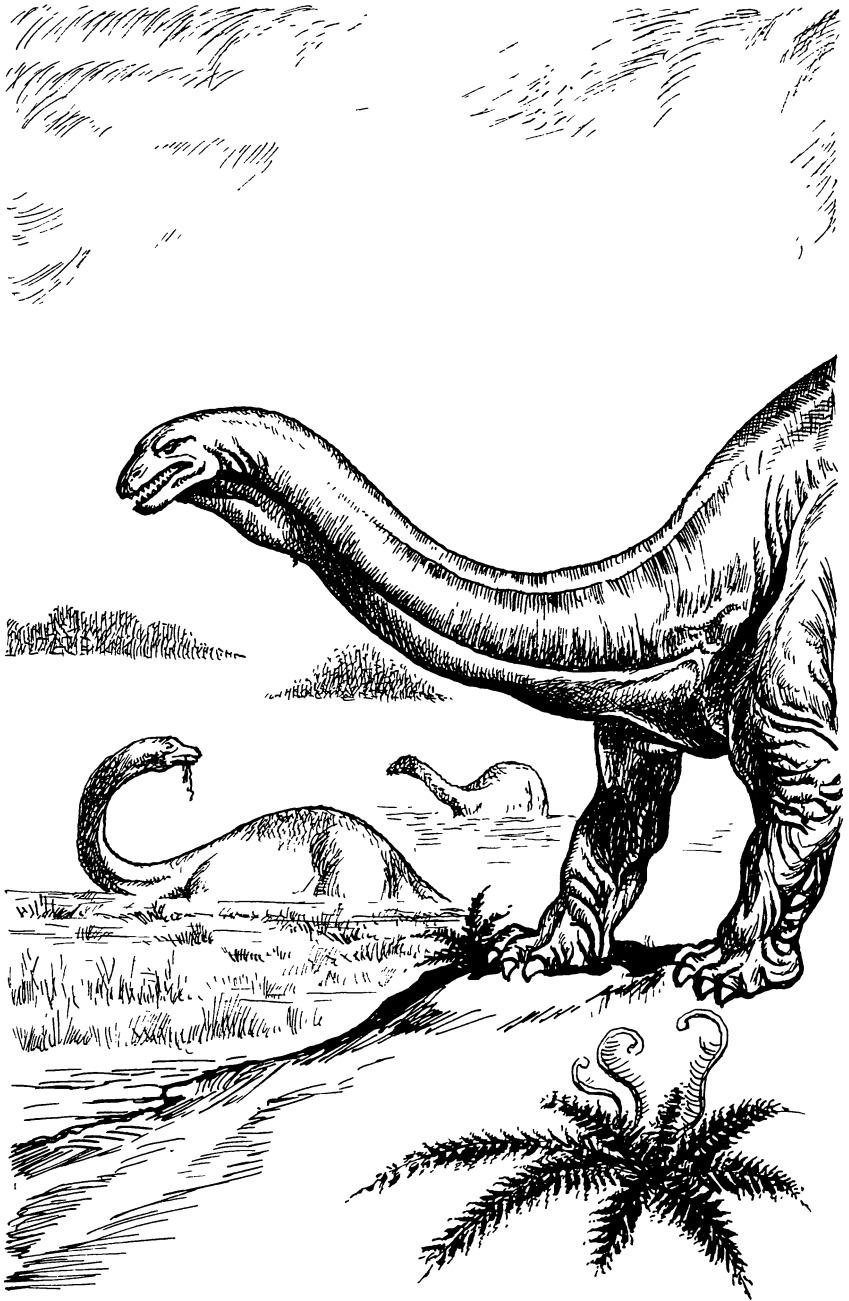
Бронтозавры медленно и грузно двигались вдоль берега, выставляя над водой лишь верх спины и время от времени голову. Бронтозавры обитали на глубине всего в четыре-пять метров, но и сюда не решались заходить даже самые большие хищники, так называемые карнозавры.

На глубине семи-восьми метров бродили диплодоки. Диплодок означает «двудум»: утолщение его спинного мозга над передними конечностями намного меньше, чем в области крестца, и обычно в расчет не принимается. Диплодоки были похожи на бронтозавров, но их тело намного легче. Их третий мозг даже в большей степени, чем у бронтозавров, превосходил передний. Диплодоки были гораздо длиннее бронтозавров, они достигали тридцати метров, но, возможно, несколько уступали им в весе.

А в глубине залитых вытягивали на толстых гибких шеях крошечные головки с ноздрями на макушке буро-зеленые брахиозавры. За всю свою историю планета не рождала больших сухопутных чудовищ: весом и размерами они уступали только крупным китам. У бронтозавров и диплодоков передние ноги были короче задних и менее массивны, поэтому задняя часть их туловища возвышалась над передней. У брахиозавров было как раз наоборот: их передние ноги по величине и по мощности превосходили задние, и тело круто поднималось в передней части, где от самого высокого места прямо вверх отходила мощная шея. Брахиозавры, вероятно, достигали тридцати пяти метров длины и шестидесяти тонн веса! Высотой они были, возможно, метров пятнадцать, а может быть, и больше. Четыре крупнейших африканских слона, поставленные друг на друга, не дотянулись бы до головы брахиозавра.

Предполагают, что все эти чудовища могли подниматься на задние ноги. Перенесенные на улицы современного города, брахиозавры заглядывали бы в окна пятого и шестого этажей, а поднявшись на задние ноги, пугали бы жильцов квартир на восьмом и девятом этажах...

Вздыхая снопы брызг, словно полупогруженные в воду броненосцы, они выходили ближе к берегу: их голая мокрая кожа вбирала тепло первых солнечных лучей, на них с глухим громоподобным шумом обрушивался прибой, до самой макушки обдавая пеной. Но гиганты ничего не замечали, нежась на длинных многокилометровых отменях. Они стояли почти не шевелясь, устойчивые и неподвижные горы. Только маленькие до нелепости челюсти с длинными слабыми зубами непрерывно захватывали, не жуя, все

новые и новые охапки водорослей. Чтобы прокормить эти груды мяса, требовалось свыше полутонны сочного зеленого корма каждый день.

Итак, гигантизм некоторых динозавров не был ни случайным, ни болезненным явлением, но возник как основное приспособление к условиям, в которых могли существовать только гиганты. Большой гипофиз им нужен был, чтобы животные быстрее достигали роста, необходимого для особых условий их жизни.

Еще одной особенностью гигантских растительноядных ящеров, удивляющей исследователей, являются их очень слабые челюсти. Действительно, все эти бронтозавры, диплодоки, брахиозавры, чтобы удовлетворить свою поистине фантастическую потребность в пище, должны были ежечасно поедать огромное количество растительной массы. Однако ни зубы их, ни относительно слабый челюстной аппарат явно не годились для такой непрерывной работы.

Как же им удавалось справляться со своим необыкновенным аппетитом?

Вероятнее всего, в мезозое могли существовать не дошедшие до нас питательные водоросли и другие растения, планктон, икра и личинки, которых прибой в огромных массах подгонял к берегу. Они могли служить питательной пищей для огромных животных. Прибрежные гиганты, являясь своего рода четвероногими китами, вряд ли могли ловить рыб и питались растениями и беспозвоночными.

С середины мелового периода полоса низменностей стала уменьшаться, а когда площадь обитания крупных животных сокращается, то это ведет не к уменьшению численности этих животных, как может показаться, а к вымиранию.

Кто же обитал в зонах, располагавшихся выше по берегу?

В широких устьях рек, поросших топкими лесами болотных кипарисов, в бесчисленных болотах и протоках жили различные утконосые динозавры. Более глубокие места занимали динозавры с дополнительными воздушными камерами в носовых костях, сложным устройством дыхательных путей и длинным узким рылом. Мелководные участки были населены ширококрылыми траходонтами; их образ жизни был схож с жизнью теперешних бегемотов.

В третьей зоне, далеко вторгшейся в материк, все растительноядные динозавры имели мощное, тяжелое вооружение в виде рогов, шипов и брони. Появление этих приспособлений не случайно. В этой же зоне обитали самые крупные на планете хищники — карнозавры, и здесь находились их охотничьи угодья.

Но если крупные хищники карнозавры населяли лишь третью зону, то, очевидно, бронтозавры и брахиозавры находились в безопасности?

Вероятно, так оно и было. Глубины, на которых жили растительноядные исполины, вообще были недоступны карнозаврам, а когда эти колоссы выходили на берег класть яйца, то нападение

на такую живую гору вряд ли могло окончиться успехом даже для самого большого хищника. Бронтозавр мог легко искалечить или убить его ударами хвоста или просто-напросто раздавить.

КАК РАЗВИВАЛИСЬ ДИНОЗАВРЫ

Экспедиции, работавшие на раскопках в пустыне Гоби, несколько раз находили гнезда с яйцами. Высказывались предположения, что это яйца крупных черепах. Но новейшие исследования показали, что это яйца динозавров. Яйца динозавров были обнаружены в разных местах, но эти находки были немногочисленны, хотя в мезозое количество их кладок должно было быть огромным, соответственно огромной численности динозавров на планете.

В реках Южной Америки речные черепахи в течение года откладывают миллионы яиц, переполняя ими все речные отмели. Столь же невероятно многочисленны и кладки крокодилов. Но кладки динозавров должны были исчисляться десятками миллионов штук! Венгерский палеонтолог Нопша полагает, что яйца динозавров могли быть до девяноста сантиметров длиной, при тридцати или несколько менее сантиметров в поперечнике, с тупозакругленными концами.

Не сохранились яйца в изобилии, по-видимому, потому, что не имели твердой скорлупы. Возможно, часть динозавров рождала

живых детенышей. Обитателям же приморских зон необходимы были особые места для кладок в чужой, более высоко расположенной зоне.

Если считать, что динозавры откладывали яйца с кожистой мягкой оболочкой, то для их сохранения нужна была повышенная влажность, какая бывает в глубине болот. Поэтому могли возникнуть сезонные передвижения динозавров в местах кладок, а это приводило к частой гибели динозавров в чуждых им местах.

По всей вероятности, при постоянном обитании части динозавров в болотах твердая скорлупа на яйцах была излишней. Вместе с тем невероятное множество яиц, которое они откладывали в разное время года, создавали накопления во много сотен тысяч тонн питательных веществ, и ими безусловно могли кормиться мелкие динозавры и первые примитивные млекопитающие того времени.

Если бы кладки происходили на сухих твердых почвах, то это потребовало бы твердой скорлупы, и мы могли бы эту скорлупу обнаружить. С другой стороны, на сухих местах яйца сделались бы более доступными для мелких млекопитающих, которые ими питались. Но и в болотах яйца не были в безопасности: им постоянно грозило затопление.

Но вот «младенец» динозавр покидал скорлупу. Крупные динозавры уже обладали весьма сложной организацией, а это должно было надолго замедлять их возрастное развитие. Детеныши, вероятно, были малы и долгое время беспомощны.

Ходьба на двух ногах тоже была трудна для ящеров, и детеныши должны были, очевидно, пройти элементарный «курс обучения двуногости». Это обучение было необходимо для выработки сложных нервных рефлексов, автоматизировавших равновесие. Ходьба на двух ногах была особенно сложна для детенышей хищников, так как растительноядные динозавры, обитая в воде, загребали передними лапами воду, чтобы сохранять равновесие. Хищные динозавры балансировать при ходьбе передними лапами не могли, так как эти лапы были слишком миниатюрны. Впрочем, детеныши четвероногих динозавров тоже были беспомощны.

Поэтому непременно должно было осуществляться одно из нескольких условий, обеспечивающих само существование динозавров: либо они должны были класть огромное число мелких яиц, так как детенышей постигала массовая гибель, как это можно наблюдать у крокодилов; либо их яйца должны были быть очень велики, а период развития яиц должен был быть длительным, как у черепах; либо забота о детенышах не ограничивалась охраной и включала длительное кормление и обучение.

Динозавры не могли класть крупные яйца потому, что у животных, ходящих на двух ногах, таз очень сужен. Через малое отверстие в костях таза не могут проходить большие яйца. А детеныши, развившиеся из маленьких яиц, должны быть совсем беспомощны и массами погибать. Срок развития от маленького нелепого создания до сложного организма массивного взрослого дино-

завра очень долог. Но, может быть, динозавры проявляли заботу о потомстве? Едва ли. Мозг у всех без исключения динозавров очень мал, поэтому «воспитателями» они быть не могли. Все эти противоречия могли остановить дальнейшую эволюцию динозавров и в конце концов привести их к гибели.

Все двуногие динозавры ходили с наклонной провисающей передней частью туловища. У растительноядных динозавров угол наклона был очень велик, хищные же динозавры — карнозавры ходили и бегали почти выпрямившись. Они были очень подвижны. Конечно, трудно ожидать, что хищники весом в восемь — двенадцать тонн могут передвигаться прыжками. Прыгать и скакать могли только разве мелкие и средние динозавры. Но гигантские карнозавры могли стремительно бегать, как куры — «рысью». Таким аллюром они быстро настигали любую жертву.

Интересен их способ нападения. У карнозавров шейные позвонки не только очень велики и расширены, но уплощены и имеют косые суставные площадки. Это говорит о том, что голова карнозавра была всегда поднята и малоподвижна. Поэтому нападали карнозавры чрезвычайно своеобразным способом: они с размаху били жертву мордой, вкладывая в удар вес туловища, которое, как в цапфах, поворачивалось в тазобедренных суставах. Именно поэтому, вероятно, панцирные растительноядные динозавры были защищены главным образом сверху.

Все большие хищные ящеры обладали бинокулярным зрением. Они видели предметы обоими глазами — таким стереоскопическим зрением обладают только современные хищные млекопитающие и человек. Оно помогает животному лучше рассматривать предметы и рассчитывать расстояние для прыжка, удара и бегства.

Мы уже говорили, что у хищных динозавров передние ноги, вернее, лапы, очень малы. Сразу же следует отметить, что они малы далеко не у всех. Передние конечности резко уменьшены у поздних, самых крупных хищников. Объясняется это тем, что гигантская голова представляла сама по себе большую нагрузку на переднюю часть тела. Поэтому, чтобы облегчить переднюю часть, произошло сокращение размеров передних конечностей, иначе выпрямленное двуногое хождение было бы непосильно для хищника.

Но поскольку крохотные передние лапки с двумя слабыми пальцами не могли практически помочь при еде, то кости черепа обрели необычайную подвижность. Эта подвижность позволяла передней части черепа двигаться относительно задней, что давало ящеру возможность проталкивать в глотку крупные куски без помощи передних лап.

Хищные динозавры при нападении пользовались не только зубами, но и задними лапами, снабженными серповидными когтями. Размеры узких и высоких когтевых фаланг, одетых сверху острыми, как ножи, роговыми когтями, достигали метра. Коготь длиной в метр!.. Едва ли можно думать, что такие чудовищные когти являлись собой бесполезное украшение.

О кожном покрове динозавров мы можем строить только предположения.

Кожа траходонтов, известная по сохранившимся «мумиям», была толстой и покрытой костными бляхами. Такая кожа должна была мешать быстрым движениям, но она предохраняла динозавров от солнечного перегрева. Кожа у хищников была, по-видимому, голой, она должна была больше подвергаться нагреву, поэтому дневная активность хищных ящеров была ограниченной.

Чем меньше животное съедает пищи, тем меньше резерв его энергии. Оно скорее устает и становится вялым. Объем брюшной полости динозавров был чрезвычайно мал, и поэтому они не могли быть очень активными животными.

Динозавры были как бы сплюснены с боков. Самые крупные из них не составляли исключения. Бронтозавры, диплодоки и центриозавры были значительно уже крупнейшего наземного млекопитающего — индрикотерия. Утконосые динозавры, напоминавшие образом жизни теперешних бегемотов, были еще уже. Сечение туловища млекопитающих значительно более кругло, чем у динозавров, и включает поэтому намного больший объем. Эта «сплюсненность» динозавров указывает на замедленный процесс и пищеварения и дыхания. Динозавры ели медленно и помногу. Они могли в случае необходимости подолгу голодать, как это свойственно современным рептилиям — например, крокодилам, змеям, черепахам. Некоторые черепахи могут обходиться без пищи до шести лет.

Все динозавры были наземными животными, а те многочисленные рептилии, которые жили одновременно с ними и завоевали море и воздух, отнесли к совершенно иным семействам, и о них будет рассказано ниже.

Наука склонна рассматривать динозавров как сборную группу, состоящую из двух различных отрядов и сильно отличающихся друг от друга, хотя произошли они, несомненно, от общего предка. Один отряд — это «зауришии», или ящеротазовые, и другой — «орнитишии», или птицетазовые.

В палеонтологической систематике оба эти отряда входят в подкласс архозавров. Но между ними столь же мало родства, как и между другими потомками архозавров: крокодилами, летающими ящерами и возникшими позднее птицами.

Деление динозавров на два крупных отряда произведено на основании различий их тазовых костей. У ящеротазовых динозавров таз имеет трехлучевое строение, а у птицетазовых — четырехлучевое, очень сходное с тазом птиц. Таким образом, всех динозавров, как бы они ни отличались внешне друг от друга, причисляют к той или другой группе.

В свою очередь, каждый из отрядов подразделяется на подотряды. Ящеротазовые подразделяются на два подотряда — подотряд теропод, куда вошли все виды, которые ходили на двух ногах и вели хищный

образ жизни, и подотряд зауропод, куда вошли самые крупные четвероногие динозавры, ведущие полуводный образ жизни и питающиеся растениями. Разделили и отряд птицетазовых динозавров.

Таким образом, к настоящему времени классификация динозавров приобрела такой вид:

О Т Р Я Д З А У Р И Ш И И (ЯЩЕРОТАЗОВЫЕ):

П о д о т р я д т е р о п о д :

Цулурозавры: мелкие примитивные тероподы.

Орнитомимиды: более развитые (специализированные) тероподы.

Карнозавры: гигантские хищные тероподы.

Прозауроподы: тероподы с рядом признаков зауропод.

П о д о т р я д з а у р о п о д : гигантские растительноядные динозавры, обитатели заболоченных мест, самые большие и тяжелые сухопутные животные.

О Т Р Я Д О Р Н И Т И Ш И И : (ПТИЦЕТАЗОВЫЕ)

П о д о т р я д о р н и т о п о д ы : древние двуногие динозавры..

П о д о т р я д с т е г о з а в р ы : четвероногие растительноядные динозавры с двойным рядом защитных пластин и шипов вдоль спины и хвоста.

П о д о т р я д а н к и л о з а в р ы : похожие на черепаха четвероногие динозавры, наделенные тяжелым панцирем.

П о д о т р я д ц е р а т о п с ы : рогатые, похожие на носорогов и буйволов растительноядные динозавры, ходившие на четырех ногах.

Расцвет динозавров приходится на юрский и меловой периоды. В это время, главным образом в меловой период, они приходят к вершине развития по разнообразию и по величине.

Не все динозавры жили одновременно, некоторые из них последовательно возникали и вымирали. Поэтому и мы в нашем путешествии едва ли сможем увидеть всех: к тому моменту, когда мы остановились в мезозое, одни из них уже вымерли, другие еще не возникли. Наше знакомство с самым огромным хищником всех времен и широт — тираннозавром-рексом и утконосыми динозаврами из орнитопод, или птиценогих, говорит о том, что Машина времени перенесла нас в последний период мезозойской эры — в меловой. Иными словами, в период, отстоящий от нашего времени на сто миллионов лет, когда могущество великого мира динозавров, а с ними и всех ящеров, достигло вершины и начинало клониться к упадку.

УТРО В МЕЗОЗОЕ

...Солнце поднялось уже высоко, и утренний туман клубился и исчезал под его теплыми лучами. Оглядевшись, я решил предпринять вылазку в зеленый прозрачный лес араукарий. За ним виднелись красные скалистые утесы. Я направился к ним, чтобы подняться и осмотреть местность, пока меловые страшилища не пробудились от тяжелого оцепенения сна. Подняться на утес было трудно, но зато с его вершины передо мной открылись чарующие ландшафты мезозоя.

Всюду виднелись густые темно-зеленые леса, вдали широкие мелководные заливы глубокими языками вторгались в сушу, влажное дыхание теплых морей и океанов обвевало одетую в буйную растительность землю.

Как и в каменноугольном периоде, на Земле снова настало вечное лето: окаменелые деревья, найденные во многих местах мира, на Аляске и в Гренландии, показали, что в мезозое климат был ровным, теплым и влажным. Узнали это потому, что годовичные кольца древесины на этих стволах слились, а это показывает, что дерево растет равномерно, безостановочно, круглый год.

В лесах росли красные и мамонтовые деревья, стройные темно-зеленые кипарисы, раскидистые кедры, араукарии, увенчанные шишками величиной с человеческую голову, коричневые деревья, магнолии, папоротниковые и финиковые пальмы и саговники — с

коротким толстым стволом, из верхушки которого торчал пышный пучок ярко-зеленых длинных перьев. Вслед за солнцем поворачивали свои листья-веера на длинных черешках деревья гинкго, на гигантскую высоту вздымали шатры буйной зелени тюльпанные деревья с мощными стволами и ликвидамбары с листьями, как у нашего клена.

Это был несколько необычный, но тем не менее самый настоящий тропический лес из вечнозеленых хвойных деревьев и пальм. Одни из них

растут и в наши дни, другие встречаются очень редко, а иные исчезли безвозвратно.

Только к концу мелового периода, когда стало холоднее и близилась новая геологическая революция, эти леса сменились новыми, почти такими, как наши современные.

Это великое изменение лесов произошло как раз накануне гибели ящеров, оно словно предвещало, что время ящеров кончается, наступает царство млекопитающих. Но я находился где-то в меловом периоде, когда признаков упадка ящеров еще нельзя было заметить.

Несколько позже наступило обновление лесов, вскоре должны были вырасти новые деревья: дубы, буки, тополя, ивы, березы, виноград, а на лужайках и прогалинах появиться знакомые нам цветы и травы — первые травы за всю историю растений на планете. Эти перемены вызвали, в свою очередь, появление новых насекомых: в мезозое распространились муравьи, пчелы, осы, бабочки, жуки заплясали над ковром из полевых цветов. Именно тогда появились и, к сожалению, существуют до сих пор назойливые мухи и несносные комары.

Направо, в километре от меня, странные ящеры с лошадиными по форме головами возвышались над пальмами, обгладывая их вершины. Это игуанодоны — птиценогие динозавры. На передних и задних ногах у них копыта, а первый палец передней ноги противостоял всем остальным и нес костяной шип-кинжал. Это орудие защиты. Передними ногами и длинным, как у жирафы, языком игуанодон притягивал к морде ветви.

К птиценогим орнитомимам принадлежали различные растительноядные чудовища с одинаковым строением тела. Они отличались друг от друга главным образом только строением головы.

Кроме игуанодонов, их всех можно назвать утконосыми динозаврами. У них широкий «утиный» клюв, сдавленный с боков высокий и мощный хвост, очень удобный при плавании, и кожные перепонки между пальцами передних ног. Задние ноги, возможно, тоже имели перепонки, натянутые между тремя пальцами.

Все они ходили на двух ногах и, только когда щипали растения, опускались на четвереньки. Их голая морщинистая кожа, темная на спине и серая на брюхе, была усеяна плотными мелкими бляхами шестигранной формы, совсем как шестиугольники пчелиных сот. Каждая группа птиценогих держалась несколько обособленно.

Я видел, как пересекали речку лучшие пловцы среди динозавров — траходонты. Замечательны они были тем, что пасть их представляла собой сплошную «батарею» из зубов.

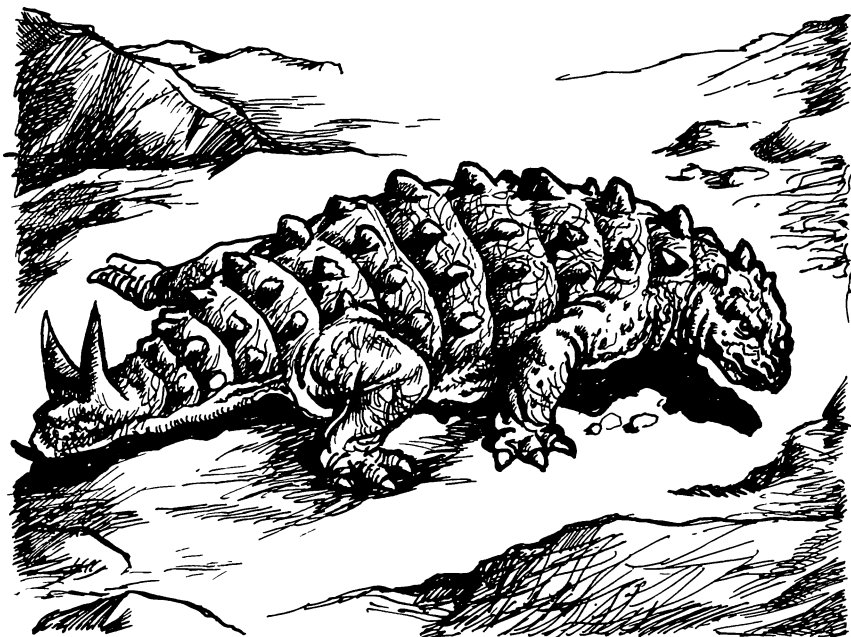
Тут же плескались и фыркали рептилии со странными наростами на головах — в форме топоров и петушиных гребней, с узкими округлыми наростами на макушках и на затылках, с костяными вздутиями на носовой и лобной части.

Самым большим «модником» из утконосых динозавров был паразауролоф. Над его головой возвышался длинный костяной гре-

бень, который в виде изогнутого костяного пера выступал далеко позади затылка. Причем этого ему показалось недостаточно, и он «перенес» на самый конец пера свои ноздри. Наука пока не может объяснить, чем вызывалось такое своеобразное строение голов динозавров. Возможно, все эти наросты и прочие костяные образования на голове как-то помогали их владельцам дольше оставаться под водой, когда утконосы поедали водоросли на дне рек, озёр, заливов и болот. Современные черепахи могут оставаться под водой около часа. Вероятно, и утконосы динозавры обладали такими же возможностями или могли забирать под воду большой запас воздуха для дыхания.

На поляне под моим утесом появились настоящие живые броненосцы — анкилозавры. Они выползли на поляну, волоча брюхо по земле, точно огромные черепахи, усаженные костяными шишками, бляхами на туловище и булавами с кинжалами и массивными дисками на конце хвоста. Недаром их называют рептилиями-танками.

С другой стороны поляны в темных провалах зелени появились приземистые шестиметровые ящеры-стиракозавры, чем-то похожие на носорогов. Их удивительные головы были вооружены страшным оружием: на носу торчал длинный рог, а на затылке поднимался костный «воротник», усаженный по краям длинными изогнутыми шипами. Они принялись пастись, постукивая по земле копытами и тупо озираясь по сторонам.

НАШЕСТВИЕ ГОРГОЗАВРОВ

Все вокруг дышало довольством и покоем. Плоскоголовые ящеры с третьим глазом посередине темени грелись на открытых пространствах. Вот робко показалось маленькое существо, компсогат — ящер величиной с кошку. Набравшись смелости, он длинными упругими скачками, непрерывно озираясь по сторонам, перебежал поляну и замер, притаившись в голубом сумраке густых зарослей. И вдруг появилась смерть.

Хищные ящеры — горгозавры, блестя змеиной кожей, с головой гадюки и пастью аллигатора, приближались к поляне.

Они то застывали, то рывками подвигались вперед, и в их движениях чудилось нечто и от птицы, и от змеи. Еще минута, и тяжеловесные хищники, вооруженные зазубренными зубами-кинжалами, оказались среди броненосцев-анкилозавров.

Ящеры-танки отчаянно сопротивлялись, размахивая хвостами с булавами и дисками и сокрушая и измочаливая саговники и низкорослые беннетитты. Увертываясь от их ударов, горгозавры движением чудовищных задних ног, какое можно видеть у кур, когда они разгребают землю, опрокидывали брюхом вверх несчастных вегетарианцев. И тогда челюсти поражали незащищенное брюхо беспомощной жертвы. Хищники не жевали, они втягивали кровь, вырывали и заглатывали куски мяса по несколько килограммов.

Пять алчущих крови двуногих разбойников нагло творили расправу. Паника объяла анкилозавров, оставшихся в живых свидетелей грозного вторжения. В слепом и неодолимом стремлении спастись, они с шипящим ревом обратились в бегство. Они лезли друг на друга, опрокидывали более слабых, падали сами и подминали собственных детенышей, совершенно обезумев от беспредельного ужаса.

Три хищника отделились от группы и, повинувшись темному древнему инстинкту — преследовать и поражать всех, кто убегает, — рванулись вслед за ними. Но тут они с разгону налетели на тупо взиравших на эту кровавую суматоху стиракозавров, которые невозмутимо пощипывали стебли низкорослых папоротников.

Стиракозавры дрогнули и все разом, как по команде, попятись, сохраняя на огромных рогатых мордах все то же сосредоточенное, туповато-изумленное выражение.

Ближайший к стиракозаврам горгозавр, на одно мгновение припав к земле, едва уловимым броском метнулся к застывшему в оцепенении буйволородному чудовищу. Еще краткий миг, и тяжелая оскаленная морда хищника обрушилась... на пронзивший ее крепчайший рог.

Горгозавр конвульсивно дергал головой, стараясь освободиться, а большая серая капля медленно сползала по его жесткой щеке к зубам...

Выврав рог из еще живого хищника, стиракозавр, ослепленный злобой, не издав ни звука, часто перебирая ногами, устремился

прямо вперед и был мгновенно со страшным хрустом повергнут на землю и раздавлен прыгнувшим сбоку ему на спину горгозавром.

Во вновь возникшем смятении участники и свидетели трагедии повели себя по-разному. Горгозавры, поколебавшись, обратились в бегство, обгнав ковьялюющих рептилий-танков.

Ощетинившись огромными рогами на костяных воротниках, стиракозавры зигзагами носились по поляне, калеча и убивая все живое. Один из них с разбегу всадил рог в своего сородича, но тот, словно и не почувствовав этого, продолжал нестись по лугу, увлекая за собой невольного обидчика и не замечая даже, что тот волочится за ним. Этот случай еще раз убедил меня в невероятной живучести рептилий, если у них не затронут жизненно важный центр.

Но вот место двойного побоища опустело.

Кто оказался победителем, осталось загадкой. Возможно, исчерпав свои силы в битве, участники ее исчерпали и свою жестокость. На поляне осталось много трупов и изувеченных издыхающих рептилий.

КРЫЛАТЫЕ ХИМЕРЫ

Но что это? Со стороны солнца ко мне приближалось множество каких-то черных точек. Они быстро увеличивались и наконец черными теньями заметались над поляной. Это были крылоящеры, или птерозавры — летающие ящеры, настоящие живые драконы из страшных сказок. Их привлекли сюда трупы, и воздух наполнил своеобразным шумом их крыльев.

В мезозое летающие ящеры занимали место, среднее между птицами и летучими мышами. Они летали, когда Земля еще не знала оживленных стай птиц всевозможных цветов и оттенков, соперничающих в красоте с бабочками и цветами.

Их крылья не были похожи ни на крылья птиц, ни на крылья летучих мышей. Летательная перепонка птерозавра тянулась от его бедра во всю длину тела до последнего пальца верхней конечности. Палец этот отличался невероятной длиной, превосходившей более чем вдвое длину туловища, и им птерозавр управлял главной частью летательной перепонки. Остальные четыре пальца были гораздо меньше.

Огромная голова, расположенная под прямым углом к шее, с заостренной наподобие клюва мордой, придавала ящеру очень странный вид. Птерозавры легко могли выдержать экзамен на хорошего, хотя и не слишком грациозного летуна. Недаром его мозжечок — отдел мозга, ведающий сложными движениями, — занимал почти всю довольно вместительную черепную коробку. Однако стоило ему нечаянно порвать перепонку хотя бы одного крыла, и он навсегда превращался в неуклюжего наземного ящера.

Между тем эти «драконы» тучей покрыли ясное небо. Они ле-

тали группами и в одиночку. Голые и отвратительные летучие ящеры, мелкие — не крупнее воробья, средние, гиганты птеранодоны — до восьми метров в размахе крыльев, покинувшие гнездилища в прибрежных утесах ради поживы на земле, ящеры бесхвостые и с наконечниками на длинном хвосте в форме червонного туза, реяли над поляной. Рои насекомых жужжали в кустах — стрекозы, жесткие жуки и мухи, похожие на бабочек. Драконы, снижаясь, ловили мимоходом самых крупных. Некоторые ящеры издавали крик, похожий на скрип дверей или на хриплый отрывистый собачий лай.

Этих летающих чудовищ неясный, но непреодолимый инстинкт влек к одним и тем же местам охоты. Вероятно, вид местности, повторенный неисчислимо множество раз, пробуждал в их памяти образы трепещущих, растерзанных, слабых созданий. По-видимому, тот же инстинкт заставляет и пчел возвращаться издалека и разыскивать свой улей.

Полет от далеких мест ночлега до этой поляны был для птерозавров труден, несмотря на пронизанные воздухом как у птиц пустые трубки костей. Десятками они опускались на мой утес и ближайšie скалы и деревья, отдыхали, подвешиваясь, как летучие мыши, вниз головой, цепляясь за отвесные кручи и по-старушечьи ковыляя на ровных площадках скал. Отсюда они должны были бросаться вниз, чтобы расправить крылья, и только потом начинать полет. С ровной земли они, как и наши летучие мыши, не могли подняться.

Я с неприятным чувством сторонился этих дурно пахнущих летучих созданий, когда они бесцеремонно садились рядом, норовя зубастыми клювами ухватить меня за ноги.

Но вот уже то один, то другой опускается на обильную падаль. Не проходит и десяти минут, как внизу закипает пир. Не садясь, а оставаясь в воздухе и часто махая крыльями, птерозавры вырывают клочья мяса и взмывают вверх, выискивая скалу или дерево, где можно присесть и проглотить слишком большой кусок.

ПОХИТИТЕЛИ ЯИЦ

На четверть часа над злосчастной поляной и ближайшими окрестностями воцарилась относительная тишина, прерываемая лишь шелестящим шумом крыльев пировавших птерозавров. На примятых травах и в растоптанных кустарниках валялись мертвые или издыхающие рептилии. Земля покрылась липкими дымящимися каплями и потоками. Изредка конвульсивные подергивания гигантских туш заставляли взмывать ввысь летающих ящеров.

Я с облегчением стер с лица холодную испарину, выступившую при виде кошмарной битвы колоссов.

Но вот стая двуногих стройных ящеров обегает стороной поляну. По-видимому, они не плотоядные, их челюсти лишены зубов

и одеты роговым чехлом. Но почему они озираются так воровато, хотя и с удивительным изяществом?

Я уже собрался спуститься с утеса, но остановился понаблюдать за ними.

Они что-то ищут, осматривают землю, будто читая по следам. И принимают решение. Вот они поскакали к краю поляны, где бесконечными дюнами тянется намытый морем песок. Они проворно разгребают песок и снова оглядываются по сторонам. Что это у них в лапах?

Так вот почему они не нуждаются в зубах! Не для того же они раскопали в песке эти яйца, чтобы окружить их в отсутствие родителей материнской заботой... А чтобы прокусить скорлупу, зубы необязательны. Здесь большую помощь окажет клюв. Теперь ясно, кто передо мной.

Это орнитомимиды — рептилии, напоминающие бескрылых хищных птиц. Они могут служить наглядным примером крайней специализации в животном мире, когда вся анатомия и поведение животного приспособлены к «негласному» питанию украденными яйцами. Даже их длинные тонкие ноги приспособлены к стремительному бегству от разгневанных родителей.

А передние лапы, которые так легко двигаются в разных направлениях, — ведь это скорее руки, которыми удобно брать и таскать яйца из чужих гнезд.

И так миллионы лет вынужденного опасного воровства... Мел-

кие по сравнению со своими «кормильцами», они расплодись во множестве. Типичные обитатели дыр и щелей чудовищного фантастического мира, они своими налетами на места кладок, где зрели яйца исполинов, бессознательно сокращали численность царствующих фамилий этой эпохи...

Но горе похитителям чужого добра, если их заставляли врасплох! Наказание было самым действенным: раскроенный череп, если родитель был вегетарианцем, и немедленное съедение, если родитель оказывался хищником...

Но вот яйца благополучно вырыты и взяты. Тонконогие похитители полакомятся ими в более безопасном месте, а пока они поспешно и незаметно скрываются, каждый с одним яйцом, бережно прижимая его лапами-руками к груди. Ну что ж, счастливого пути! Сытный вам обед на этот раз!..

УЖАСЫ МОРЯ

Моря мезозоя были населены ящерами. Я стоял под ярким солнцем у моей машины и смотрел в сторону искрившегося блестящими залива.

В море кипела жизнь. Куда бы я ни посмотрел, мой взгляд падал то на выставленный спинной плавник, то на исполинский раздвоенный хвост.

В белой пене, как поплавки, качались и уносились вниз головоногие, похожие на силурийских спрутов — с телами упругими, как резина, с десятками цепких щупалец, усыпанных присосками и крючками. Их раковины, длинные многометровые конусы в пестром орнаменте, завитые, как раковина чудовищного прудовика, скрученные гигантскими узкими колесами по несколько метров в диаметре, ярко и сложно окрашенные, громоздились на берегу исполинскими кучами известкового мусора.

Временами над водами залива показывалась морда ихтиозавра. Его мощное веретенообразное тело стремительно пронеслось под поверхностью воды, как торпеда, вызывая водовороты. Вода над ним вскипала, крутилась и пенилась.

Ихтиозавры не были рыбами, но они плавали так же проворно, как и их добыча, одетая радужной чешуей. Смело вторглись в открытый океан, они полностью порвали с сушей. И если даже такие отличные пловцы, как морские крокодилы, выходили на берег, чтобы закопать в песке яйца, то ихтиозавры совершенно не нуждались в выходе на сушу.

Я вспомнил, какое удивительное сочетание заключает в себе ихтиозавр: у него зубы крокодила, тело дельфина, плавники акулы, хвост рыбы, спинной плавник кита, его глаза окружены специальными кольцами для защиты от ударов волн, подобно таким же образованиям у черепах, ящериц, крокодилов. Ихтиозавры наделены способностью рождать живых детенышей, как млекопитающие, и обладают повадками тигров морей — касаток.

Ихтиозавры занимали такое место среди древних рептилий, какое сейчас занимают в классе млекопитающих дельфины и кашалоты.

Щедрая природа создала этот интереснейший гибрид в двенадцать метров длины и позволила ему захватить инициативу в морях и океанах на сто миллионов лет!

Не все ихтиозавры бороздили моря в продолжение всего этого времени: некоторые из них не пережили даже триаса. Таким недолговечным рыбащерам оказался омфалозавр; питался он, не в пример прочим своим сородичам, брюхоногими моллюсками. Его череп в соответствии со способом питания был короток и массивен, а зубы похожи на пуговицы; такими зубами удобно раздавливать раковины моллюсков.

Даже при самом беглом осмотре залива в бинокль я легко различал несколько видов ихтиозавров. Одни из них были с высоким телом, другие с тонким вытянутым туловищем. Были здесь рыбащеры с широкими плавниками — эвриптериги и с плавниками узкими — стеноптериги. Был ихтиозавр с челюстями разной длины: длинной верхней и очень короткой нижней. Главным органом плавания у всех у них был сильный хвост и все они имели гибкие мощные лапы, в которых число отдельных мелких косточек доходило до ста. Гладкая, как у кита, кожа не имела признаков чешуи.

Некоторые особенности ихтиозавров в строении черепа, зубов и позвонков роднили их со стегоцефалами — «панцирноголовыми» рептилиями.

Ихтиозавры были великолепными пловцами. Они могли упорно и подолгу преследовать добычу под водой, но время от времени вынуждены были подыматься на поверхность, чтобы возобновить запас воздуха в легких.

Над зеленой гладью залива я давно заметил чьи-то длинные, словно лебединые, шеи. Они взвивались на несколько метров над водой, и издали их можно было принять за гигантских морских змей. Они быстро и грациозно изгибались, погружались в воду, их пасти, вооруженные оскаленными крокодильими зубами, выхватывали что-то из воды.

Откатившаяся волна на мгновение обнажила широкое уплощенное туловище с плавниками. Да это плезиозавр!

Плезиозавры резким движением выбрасывали голову навстречу добыче, никогда не зная промаха, вода хлопотала и поднималась пузырями, разбиваемая плавниками-веслами, каскады брызг и тучи пены то и дело скрывали этих свирепых морских хищников. Они дольше других водных рептилий истребляли население океанов и исчезли лишь тогда, когда рептилии уступили просторы равнин, морей и воздушного океана новой, более приспособленной к жизни смене.

Существовало много видов плезиозавров, и они сильно отличались друг от друга, в особенности в отношении длины шеи. Разница эта становится особенно заметной, если на одном конце

воображаемой шкалы поставить плезиозавра-эласмозавра с хлыстовидной шеей из семидесяти шести позвонков, а на другой — браухениуса, шея которого состояла всего лишь из тринадцати позвонков.

Плезиозавру-эласмозавру принадлежит первенство среди всех позвоночных по количеству шейных позвонков: ни одно животное, вымершее или современное, не превзошло эласмозавра в этом отношении! Пользуясь таким завидным преимуществом, он мог прямо из воды хватать мелких ящеров, неосторожно приблизившихся к берегу, и низко пролетавших птерозавров.

Плезиозавры часто вступали в злобные схватки друг с другом из-за добычи. Иногда они покидали воду и, подобно тюленям, тяжело выползали на прибрежные отмели.

А далеко от моего утеса, в туманной дымке испарений тропического океана, возле увитых зеленью берегов, на месте теперешней Австралии, то ныряя за акулами, то подхватывая задремавшего у поверхности спрута, с шумом и грохотом работая двухметровыми лапами-плавниками, бороздили зеленовато-перламутровые просторы страшные чудовища — плиозавры. Они были самыми опасными хищниками мезозойских океанов. Их трехметровые пасти способны были расщепить и проглотить любую, самую крупную добычу. В наши дни они являли бы собой настоящий бич всех купающихся. Им не составило бы труда охотиться за людьми в воде и проглатывать их, как мы проглатываем сливу, даже не перекусывая, лишь сомкнув исполинские челюсти-капканы. Одним из самых крупных плиозавров был кронозавр. Его туловище с головой в треть тела достигало пятнадцати — семнадцати метров.

К концу мезозойской эры, когда стал клониться к упадку жестокий мир ихтиозавров, плезиозавров и плиозавров, в океанах появились змееподобные рептилии — мезозавры. Они были огромны, не менее четырнадцати-пятнадцати метров длиной, гибки и ловки, как змеи. Извиваясь всем телом, они стремительно носились по вспененному морю, пронизывая встречные волны. У них, как и у змей, нижняя челюсть не была цельной, а состояла из четырех отдельных костей, соединенных легко растяжимыми связками.

Эта особенность позволяла им очень широко разевать пасть и заглатывать крупную добычу. Среди мезозавров встречались гиганты двадцати метров длиной.

Что же могло вынудить ящеров вернуться в море?

Возможно, они искали там более обильную пищу или спасались от слишком размножившихся наземных плотоядных ящеров. Прибрежная мелководная полоса мезозойских морей была очень богата жизнью, поэтому обитатели районов с менее обильным столмом устремляются на побережье.

В непрерывно протекающем эволюционном процессе возникли и специализировались те виды животных, которые успешнее других обеспечивали себя пищей. Почти все морские рептилии были хищниками; растительноядные животные не смогли так же хорошо

приспособиться к водной стихии, ибо они искали и находили себе пропитание на подводных пастбищах прибрежной полосы.

Еще в девонском периоде произошло событие, которому мы обязаны тем, что являемся людьми. Рыбий плавник превратился в пятипалую ногу. Но, вернувшись в воду, рептилии оказались перед необходимостью обратного процесса: обратить лапы в плавники.

Эволюция, помимо других свойств, замечательна еще и тем, что она необратима. Однажды возникший биологический признак не может вновь исчезнуть без следа. Раз возникшее может лишь преобразоваться во что-то новое, быть может, внешне схожее с пройденным этапом, но в действительности навсегда запечатлевшее все достигнутые этапы в восходящем развитии.

Таким образом, рептилии и в океане сохранили все признаки, приобретенные при наземной жизни, они не обратились ни в рыб, ни в амфибий. В частности, несмотря на значительные изменения, которые претерпела нога водного ящера, она не превратилась в настоящий плавник, каким обладают рыбы.

Рептилии продолжали дышать легкими, а не вернулись к жабрам, несли яйца или рождали детенышей живыми, а не начали метать икру. Вместе с тем некоторые из них заимствовали у рыб форму, потому что эта классическая обтекаемая форма позволила им успешно проталкивать тела в неподатливой водной среде.

Большое количество и разнообразие остатков водных ящеров, обнаруженных палеонтологами, говорит о том, что в мезозойской эре они были исключительно широко распространены в морях нашей планеты.

ПОЯВЛЕНИЕ КРЕОДОНТОВ

Когда приоткрываются двери прошлого, мы видим устремленные на нас бессмысленные взоры чудовищ. У этих фантастических порождений прошлой жизни размеры тела намного опережали развитие их нервной организации.

На страницах нашей книги уже находили приют странные создания царства беспозвоночных, амфибий и рептилии. Теперь мы начинаем знакомство с необычайными животными мира млекопитающих. Свист и шипение динозавров сменяются ревом хищников креодонтов и низким мычанием бесчисленных стад копытных — мы вступаем в мир высших форм жизни, в мир кайнозоя, последней эры истории эволюции, начало которого отстоит от нашего времени почти на семьдесят миллионов лет.

На своей Машине времени я вторгся в кайнозой в сумерки. Нельзя думать, что четкая граница резко отделила мезозой от кайнозоя. Просто на моем указателе из-под зеленого козырька ограничителя медленно выплыла в прорезь и задрожала комбинация цифр, обозначающая наступление кайнозойской эры.

Я находился в палеоцене, первой и самой древней эпохе третичного периода, которым начиналась кайнозойская эра. Длительность этой эпохи определяется геологами в восемь миллионов лет. Я знал, что «всего» за несколько миллионов лет до этой моей остановки вымерли динозавры, плезиозавры, мозазавры, птерозавры и большинство других рептилий, и от их величайшего многообразия остались лишь черепахи, змеи, ящерицы и крокодилы. На первый план быстро выдвигались еще недавно угнетенные и отверженные птицы и млекопитающие.

Начинается бурный расцвет теплокровных животных, они развиваются в огромное количество разных видов и завоевывают воздух, как когда-то насекомые, а после них — рептилии. Они становятся хозяевами суши и морей, и если с сухопутными зверями по величине успешно соперничали динозавры, то с современными громадами океанов — китами, синими полосатиками или финвалами — сравниться не может ни одно животное во всей истории жизни.

Палеоцен, «эпоха древней жизни», не мог особенно заинтересовать меня хотя бы потому, что в нем еще не успели возникнуть законченные характерные группы животных и растений. Фауна палеоцена очень однообразна и состояла главным образом из животных, которые могли быть с одинаковыми основаниями отнесены и к безобидным травоядным и к хищникам. Млекопитающие отчетливо разделились на растительноядных и хищников только в эоцене, следующей эпохе третичного периода. Растения в палеоцене тоже еще переживали стадию изменения. С самого начала кайнозойской эры происходит вытеснение старых голосемянных растений новыми — покрытосемянными. Это дубы, буки, грабы, тополи, аралии, платаны, мирты, лавры, березы, клены, грецкие орехи, ольха, ель, сосна, пихта, лиственница. Еще более древние деревья: туя, тис, секвойя, болотный кипарис.

Странно, однако, что в ископаемом состоянии до нас дошли исключительно древесные породы. Травяная растительность обнаружена во всем ее разнообразии лишь в последних эпохах третичного периода. До сих пор ученые не могут объяснить этот странный факт. Либо трав вообще не было в начале кайнозоы, что выглядит невероятным, либо, что кажется более правдоподобным, по тем или иным причинам ископаемые травы попросту не найдены.

Я должен был разгадать эту тайну и поэтому остановился в палеоцене. Едва корпус машины перестал вздрагивать, я спрыгнул с ее рамы на землю... Трава! Кругом расстился мягкий упругий травяной ковер. Сгоряча я сорвал несколько пучков и бросил на сиденье, затем, успокоившись, стал собирать образцы более тщательно.

Неподалеку орешник тесно сплелся с молодой порослью красного дерева, над ними простирали кожистые листья высокие, увитые лианами деревья, похожие на фикусы. В то время на Земле

не существовало климатических поясов, и везде поднимались леса, состоявшие из деревьев, которые в наше время принадлежат к тропическому поясу, субтропикам и умеренной зоне. В наш век в джунглях не найдешь березу, и леса из фикусов не произрастают в Подмоскowie. Но в палеоцене теплый климат был повсюду, и повсюду росли одни и те же деревья.

Вслушавшись в шелест ветерка, я принялся собирать «образцы». Было около девяти часов вечера, смеркалось, и вскоре я принялся рвать траву безо всякой системы, стараясь только выдергивать ее с корнем.

И вот, когда я решил, что трав достаточно и пора подумать о ночлеге, произошло неожиданное.

За темневшим слева массивом леса внезапно вспыхнули искры, мерцающие зеленоватые искры. Я выпрямился, вглядываясь в сгущающийся мрак. Искры медленно и бесшумно перемещались.

«Это креодонты!» — мелькнула мысль, и я стал тихо отступать к машине. Действительно, близкого знакомства с ними завязывать не следовало.

Креодонты — самые древние и примитивные хищные млекопитающие. Они имели длинный и покаты́й череп с гребнями для прикрепления сильных шейных мышц. Мозг их был удивительно мал и примитивен для млекопитающих. Креодонты процветали и в эоцене, пока их добычей оставались медлительные тупые травоядные. Но, когда появились быстрые копытные, сообразительности

креодонтов не хватило для организованного преследования новой добычи, и они быстро вымерли.

Я находился недалеко от машины, когда несколько пар вспыхивающих огоньков вдруг быстро метнулись в мою сторону. Все происходило в глубокой тишине, хищники не выдавали себя ни единым звуком.

Позабыв про разложенные для просушки пучки трав, я вскочил на сиденье. Какие-то крылатые насекомые ударились о мое лицо. Позади из черноты мрака, испещренного зелеными вспышками, вырвался низкий гортанный вой. Потом я услышал частое сопение и хрипы, а зеленые огоньки задвигались быстрее. Послышался шорох и шлепанье тяжелых лап.

Я схватился было за рычаг движения, но передумал и зажег фонарик. Сильный луч света разорвал мрак. Я увидел застывших на миг больших зверей, величиной с медведя, но похожих и на медведя и на собаку.

Арктоионы — медведесобаки! Я погасил фонарь. Рычащие хищники разом бросились на меня, но машина тронулась, и рев зверей внезапно оборвался.

ПРЫЖОК В ВОЗДУХ

Следующую остановку я решил сделать десять миллионов лет спустя — в разгаре эоцена, второй эпохи третичного периода. Но прежде чем рассказать об удивительных приключениях, выпавших там на мою долю, я должен сделать небольшое отступление. Дело в том, что пришло время поговорить о птицах.

Их история началась давно. Они были современниками динозавров в позднеюрское время, но ни в какой мере не были их родичами. Напрасно мы стали бы искать их предков и среди летающих ящеров, как это пробовали делать в старину некоторые ученые.

Но их не зря называют возвеличенными рептилиями: действительно, и те и другие имеют столь много общего, что, когда в зольенгофенских сланцах в Германии были найдены их распростертые скелеты, наука остановилась перед выбором: признать ли это существо ящерицей, одетой перьями, или рискнуть назвать настоящей птицей...

И, как всегда случается в подобных случаях, мнения разделились. Немецкие ученые склонялись к первому варианту, но крупнейший английский зоолог Ричард Оуэн считал иначе. Он первый изучил эти остатки по материалам Британского естественно-исторического музея, и ему открылись доказательства их принадлежности к птицам, которыми не располагали другие исследователи. Так впервые в литературе появилось слово «археоптерикс» — «первоптица», которое с тех пор не сходит со страниц научных изданий, и пернатые обрели наконец своего прародителя.

Однако, установив своих непосредственных «родителей», птицы продолжают оставаться без изначальных предков. Археоптерикс — это уже настолько птица, что она сама должна была иметь свою весьма длинную историю.

Никто не знает, когда и при каких обстоятельствах чешуи рептилий обратились в перья и организм с переменной температурой преобразился в теплокровный, с постоянной, весьма высокой температурой.

Основное отличие птиц от рептилий — это перья и постоянная температура крови. Все прочие признаки могут быть порознь найдены у различных рептилий.

Еще в триасе, полтора-два миллиона лет назад, существовали мелкие ящеры — псевдозухи, похожие на возможного предка птиц компсогнату и тоже бегавшие на двух ногах. Их передние лапы должны были редуцироваться — уменьшиться и постепенно исчезнуть. Ибо один из непреложных законов биологии гласит, что никакой орган не может сохраняться в неизменном состоянии, если он не выполняет своей функции.

Но с этими двуногими рептилиями все произошло совсем по-другому. Спасаясь от своих многочисленных и проворных врагов, они стали пользоваться передними ногами для того, чтобы влезать на деревья. Окраска их стала пестрой, незаметной среди яркой листвы, испещренной солнечными бликами.

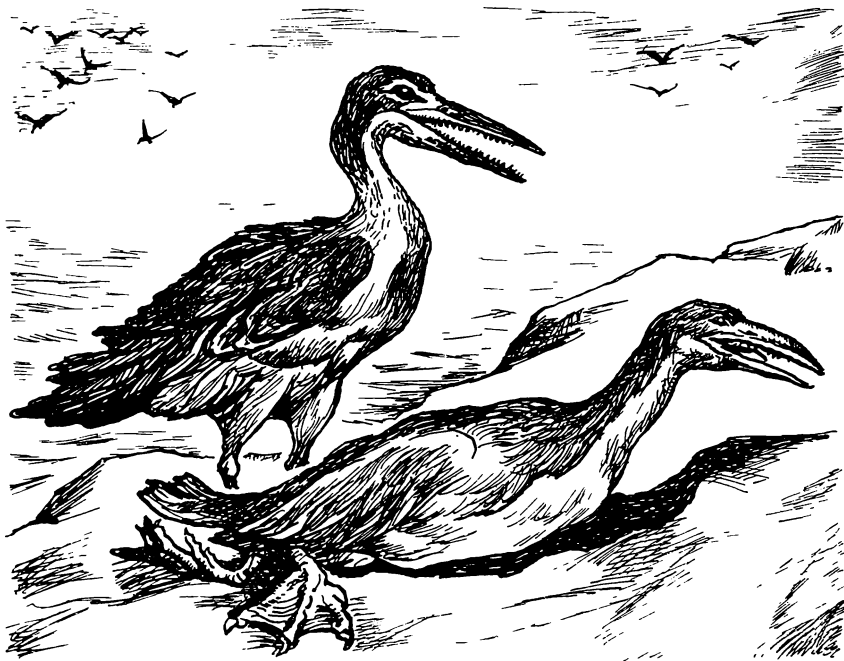
Освоившись с лазаньем по ветвям, они начали совершать прыжки, которые требовали и точного глазомера и каких-то поддерживающих в планирующем полете «приспособлений». И вот тогда чешуя на их теле удлинилась и расщепилась особенно на передних конечностях. Так постепенно начали формироваться крылья.

Но это лишь один из возможных путей развития оперенности.

Второй, менее вероятный, состоит в том, что мелкие ящеры, подобные описанным и также бегавшие на задних конечностях, помогали себе при этом передними лапами, загребая ими воздух, наподобие того, как это замечается при беге у страусов. При этом выживали те ящеры, у которых передние лапы приобретали удлиненную перообразную чешую.

Археоптериксы были самыми примитивными птицами. На «эволюционной лестнице» птиц они занимают самое низкое место. Они были величиной с ворону, с головой, лишенной перьев и покрытой чешуей. Череп и вместимость мозговой коробки у археоптерикса вполне птичьей, но челюсти снабжены зубами, и сами зубы, сидевшие каждый в отдельной ямке — альвеоле, унаследованы от рептилий. Белок глаза был защищен склеротикой — тонкими прозрачными костными пластинками, которые отсутствуют у современных птиц и являются характерной чертой рептилии.

Ребра первоптицы были лишены того отростка, который, опираясь на соседнее ребро, увеличивает прочность грудной клетки, и тоже походили больше на ребра рептилий. Но особенность, ко-

торая выдает этих птиц с «головой», — это наличие у них брюшных ребер, образование, которое имеется в наше время, например, у крокодилов.

Грудина археоптерикса была снабжена килем, к которому крепились сильные летательные мышцы. Передние конечности повторяли строение конечностей рептилий, они даже несли три пальца с коготками, зато задние ноги у них были вполне птичьи. Имелся длинный ящерообразный хвост — по длине он превосходил шейный и туловищный отделы вместе взятые. С обеих сторон хвост был покрыт длинными рулевыми перьями: они сидели парно и росли наклонно назад.

Аэродинамические показатели археоптериксов были плохие, и летали они, конечно, слабо, гораздо хуже, чем их соперники — птерозавры. Их полет больше напоминал порхание с большими промежутками планирующих спусков. Жить на совершенно открытой местности они не могли. Вероятнее всего, они обитали на покрытых растительностью берегах рек и озер, а при опасности скрывались в чаще ветвей, куда они не только взлетали, но главным образом карабкались, подобно белкам, пользуясь когтями на крыльях.

В самом конце мезозойской эры, семьдесят миллионов лет назад, гигантские стаи птиц размерами с голубя с оглушительным шумом уже подымались с песчаных отмелей. Это были интересные птицы-рыболовы ихтиорнисы. Они прекрасно держались в воздухе

и клювом с мелкими, загнутыми назад зубами вылавливали рыб из волн, бросаясь на них сверху. Они жили целыми колониями и превратили многие острова в гигантские птичьи базары.

Появились птицы, напоминающие гагар, — гесперорнисы. Они не летали, у них совсем не было крыльев, их грузные метровые тела поддерживались далеко отставленными назад и вывернутыми в стороны лапами. Это было настолько неудобно при передвижении по суше, что гесперорнисы вынуждены были, наклоняясь вперед и отталкиваясь от почвы, совершать неуклюжие прыжки. Зато они были превосходными ныряльщиками, пловцами и рыболовами.

РАЗУЧИВШИЕСЯ ЛЕТАТЬ

Как видно, не все птицы овладели совершенным полетом. Некоторые из них словно забыли, что имеют крылья, и, обнаружив отсутствие достойных соперников, начали увеличиваться в размерах и избрали «пешее» хождение единственным способом передвижения.

В эоцене многие из таких бегающих птиц стали грозой слабых. Их чудовищные серповидные клювы вершили расправу над всеми, кто оказывался слабее, а среди сравнительно мелких примитивных млекопитающих того времени таких было большинство. Это были настоящие тираны открытых пространств, и архаичным мелким млекопитающим того времени приходилось платить им дань «натурой» — своими растерзанными телами.

Пернатые убийцы рыскали на равнинах и лесных прогалинах, голодными пронзительными криками распугивая все живое. Их клекот порождал неприятное и злое эхо. Они бродили и вслушивались в шорохи, трели и пiski жизни, несшиеся к ним отовсюду.

Некоторые ученые высказывали мысль, что все разнообразные группы нелетающих птиц произошли от каких-то древних примитивных птиц, которые никогда не поднимались в воздух. Но как ни привлекательно своей простотой такое объяснение, оно совершенно неверно.

И вот почему.

Даже в меловом периоде у еще зубастого ихтиорниса были большие сильные крылья, а такая крупная птица, как водоплавающий гесперорнис, никак не может быть названа примитивной, хотя она и не могла летать. Широко известно также, что и в других высших группах птиц некоторые виды утрачивали способность к полету: новозеландская нелетающая пастушка, исполинская гагарка, дронт. Они не умеют летать, но произошли они, без сомнения, от летавших предков, что становится ясным каждому, кто изучит их.

Почему же могла быть утрачена способность летать, с такими большими усилиями и жертвами приобретенная птицами? Почему, овладев удивительным мастерством опираться крыльями на воздух,

как мы опираемся ногами о землю, птицы с такой легкостью отказались от этого изумительного достижения эволюции?

Объясняется это тем, что в самом полете «для полета» птицы никогда не нуждались. Полет первоначально явился для них лишь средством избежать врагов.

В самом деле, если нет хищников, способных охотиться на данный вид птиц, то у нее отпадает необходимость летать. Нетрудно убедиться, что нелетающие птицы в основном обитают в тех районах нашей планеты, где фактически нет опасных для них хищников. Например, Новая Зеландия, где совсем недавно обитали огромные страусообразные птицы, лишена опасных животных. В Австралии до появления человека и завезенной им собаки динго практически некому было охотиться на эму и казуаров. Остров Мадагаскар, видевший оперенных гигантов, несших самые огромные из яиц, какие только высиживались «под солнцем», почти свободен от опасных млекопитающих.

В более трудном положении оказывается африканский страус и южноамериканский нанду. Но следует помнить, что живут они на открытых пространствах, где четвероногим преследователям невозможно приблизиться незамеченными к «дозорным», бдительно наблюдающим за всем происходящим вокруг стаи. И, когда подается сигнал опасности, стая с невероятной быстротой ищет спасения в бегстве.

По-видимому, если нет к тому препятствий, происходит возврат птиц к «пешей» форме обитания. Когда же этот процесс оказывается завершенным, то исчезают или уменьшаются в размерах крылья, ослабляется хвост и резко усиливаются ноги

Ныне существующие тинамы дают нам возможность представить такой путь развития бегающих птиц. Тинамы, которые могут рассматриваться как страусообразные птицы, живут в Южной Америке. По внешнему виду они напоминают тетеревов или перепелов, но отличаются от них тем, что это, в сущности, бегающие птицы. Они пользуются крыльями лишь в случае опасности.

Перелетать они могут лишь короткие расстояния, редко превышающие сто или двести метров. Затем они долго и проворно бегут по земле. Хвост у них уже отсутствует, но еще сохранилась грудина с килем, чего нет у других страусоподобных птиц. Вероятно, они являются реликтами, сохранившимися почти без изменений с третичного времени. Подобные им птицы, утратившие зубы и имеющие вполне развитые крылья и выпуклую грудину для прикрепления летательных мускулов, могли послужить исходной группой для появления птиц, которые летали сравнительно плохо и приспособились к обитанию на земле в местностях, где для этого существовали благоприятные условия.

Некоторые из них могли со временем утратить способность к полету и развиваться, постепенно приближаясь к страусообразному типу. В других местах они не в состоянии были выдержать соревнования с летающими видами и вымерли.

НА ВОЛОСКЕ ОТ ГИБЕЛИ

Итак, я остановился в эоцене, и эта эпоха, отстоящая от нас на полсотни миллионов лет, встретила меня неожиданностью.

Я «прибыл» в эоцен в середине дня и осторожно спустился на плотный песок. Справа и впереди горбились дюны, облитые теплыми солнечными лучами. Они отбрасывали удивительные сиреневые тени. Солнце стояло высоко, и от песка, как от нагретых печей, поднималось тепло. На волнистых склонах дюн, овеванных и причесанных ветрами, четко выделялись многочисленные следы.

Как неумелые стежки ребенка, впервые севшего за швейную машину, они перекрещивались и расходились, обегая песчаные склоны с застывшими гребешками ряби. Все вокруг было так буднично, так знакомо, даже шелестевшие под ветром косицы травы в редких зеленых кустах, что я невольно оглянулся на указатель времени. Указатель уверенно свидетельствовал, что я нахожусь в эоцене.

В полукилометре от меня начинался лес, состоявший из красных деревьев, а еще левее, там, где он был реже, высились крутые обрывы старых, с мягкими очертаниями меловых скал. Кое-где в скалах виднелись большие округлые пустоты, зиявшие в ярком свете дня почти черными провалами. Они напоминали пустые глазницы огромных мертвых чудовищ, и я как замороженный уставился на них. Вдруг издалека донеслись необыкновенные звуки, похожие на причмокивания, и смолкли. Я завертел головой, всматриваясь в дюны. Наступила звенящая тишина. Заслонившись рукой от слепящего солнца, я выждал несколько минут. Я думал, что вот-вот увижу что-нибудь необычное, но не увидел ничего. От сильного блеска рябило в глазах, дюны выглядели безжизненными и безмятежными, какая-то птица, похожая на нашего жаворонка, уныло посвистывала, глубоко ныряя в бесцветное небо. Тревога показалась мне напрасной. Успокоенный, я сделал несколько шагов от машины. И хотя неопределенное беспокойство вскоре снова овладело мной, я продолжал медленно идти к меловым скалам. Уже сотни метров отделяли меня от машины, когда у себя за спиной я услышал явственные взмахи крыльев, как если бы где-то поблизости петух взлетел на забор.

Я обернулся и только тогда заметил какое-то лохматое двуногое существо, торопившееся ко мне сбоку по гребню дюны метрах в ста пятидесяти. Оно приближалось со стороны солнца, и мне был виден только темный неряшливый силуэт. Однако и этого было достаточно, я сразу понял, что за существо в птичьем облике преследовало меня.

Скалы находились ко мне ближе, чем машина, и я бросился бежать к ним. «Только бы добежать до пещер!» — думал я.

Я мчался к скалам с быстротой, какой никак не ожидал от себя, размахивал руками, словно сама смерть гналась за мной по пятам. И, конечно, так оно и было... «Что она сделает с маши-

ной?» — мелькнула вдруг мучительная мысль и пропала. Даже этому тигру на птичьих ногах железный и кварцевый скелет машины должен был показаться несъедобным. Шум крыльев позади меня стал громче, и я понял, что пернатое чудовище догоняет меня.

Я бежал так, что песок горстями летел из-под каблуков, но у меня уже темнело в глазах, сердце словно разбухло и бешено колотилось где-то в горле. Радужные круги застилали все вокруг, ноги отказывались слушаться, а в груди как будто кто-то царапал железными когтями.

Внезапно прямо перед собой я увидел серые каменные стены в грязных потеках и выставил руки, чтобы не удариться головой. Я повернул, стукнулся плечом о выступ камня и почувствовал, что падаю на какую-то прохладную темноту...

Я очнулся в полумраке на холодной земле. Первое, что я услышал, было какое-то тарахтение, которому вторило слабое эхо в пещере. Левое плечо и скула ныли от ушиба, я с усилием поднялся и взгляделся в узкую полосу света, проникавшую снаружи. Мне стало ясно, что помешало моему преследователю втиснуться за мной в пещеру: за первым широким входом находилась узкая горловина, сквозь которую я пролетел боком. Эта горловина и не пустила ко мне пернатого хищника — незначительная случайность помогла мне в эту тяжелую минуту.

Опустившись на землю я увидел, что нахожусь в глубокой сухой расселине, за истекшие тысячелетия промытой ливнями в меловых породах. Удовлетворенный, еще нетвердо ступая, я направился к горловине, чтобы поближе взглянуть на врага, подстерегавшего меня под горячими лучами солнца у выхода из пещеры.

Я высунул голову и увидел гигантскую птицу — диатриму. Она была двух с половиной метров высотой, покрыта тяжелым волосовидным оперением цвета воронова крыла с медным отливом и внешне похожа на казуара. У нее были массивные ноги с четырьмя пальцами, короткая толстая шея и несуразно огромная голова с узким, как топор, хищным клювом. Но крылья ее были так малы, что терялись в оперении. Разумеется, они не могли удержать такое чудовище в воздухе. Диатрима была бегающей птицей, подобно страусу или казуару.

Так состоялось знакомство человека середины двадцатого века нашей эры и огромного нелетающего орла, вымершего за сорок миллионов лет до появления первого человека.

Я сидел в полутьме и раздумывал, что делать дальше. Иногда, слышав шорох и повернувшись к светлевшей щели, я видел, как мой бдительный страж просовывал сплюснутую с боков голову в мое убежище и старался протиснуться внутрь. Тогда я имел удовольствие видеть в двух метрах от себя серповидный клюв и как бы прилизанную голову с малиновыми ободками вокруг больших желтых глаз. Сделав несколько безуспешных попыток дотянуться

до меня, злобная голенастая птица снова принималась топтаться снаружи, прохаживаясь аршинными шагами то совсем рядом, то на некотором расстоянии от пещеры, щелкая время от времени полуметровым клювом и сердито причмокивая. Несмотря на относительную прохладу, меня начинала мучить жажда.

«Должно быть, она надеется взять меня измором», — подумал я, в десятый раз выглядывая наружу. Только позднее я сообразил, что сам во всем виноват. Метрах в пяти от моей машины была кладка яиц диатримы. Это были большие яйца, едва присыпанные песком. Трудно было сказать, высиживала ли она их или предоставляла роль наседки солнечным лучам. Во всяком случае, сейчас вид у нее был злой и голодный. Утренняя охота, вероятно, ей не удалась, а здесь совсем рядом засела добыча, и голодная диатрима не могла вернуться к яйцам, чтобы ее не упустить.

День близился к исходу.

Мне оставалось только ждать. «Вечером, когда солнце зайдет и наступит прохлада, диатрима должна будет непременно вернуться к кладке, чтобы согреть яйца теплом своего тела», — размышлял я.

Или я оказался прав, или ей надоело подстергать меня, но диатрима сняла осаду. Скрип ее шагов на песке неожиданно стал затихать, и, бросившись к выходу, я увидел, что она, вскидывая голову, словно верблюд, зашагала через пески к машине.

Как только диатрима скрылась за дюнами, я поспешно выбрался из пещеры и побежал к лесу. Оттуда можно было незаметно наблюдать за ее поведением. Я взобрался на дерево. Одного взгляда в сторону машины было достаточно, чтобы понять: дело плохо. Диатрима уселась на песок в нескольких шагах от машины. Именно тогда я понял, что рядом находится кладка. Переходя от дерева к дереву, с холма на холм, укрываясь в пахучих темных ветвях молодых мамонтовых деревьев, я приглядывался к грозной птице. Да, это был опасный противник.

УБИЙЦА В ПЕРЬЯХ

Быстро наступали сумерки, и я решил провести ночь не на дереве, а в пещере. Забаррикадив вход принесенными из леса сучьями, я устроился на подстилке из мягкой душистой хвои и заснул. Рано утром я вышел и, спрятавшись за дюнами, наблюдал, как вереница каких-то странных животных переправлялась влпавь через широкий поток. Это были крупные приземистые существа с темными полосами вдоль длинного массивного туловища, с тонким длинным хвостом. Они отличались гибкостью и какой-то особенной пластичностью в движениях и плыли легко и свободно, без напряжения противостоя довольно быстрому течению. Они выбрались на берег в нескольких десятках метров от меня и, отряхнувшись как собаки, затерялись в бесконечных вереницах дюн.

Я вышел из-за укрытия и осмотрел их следы — пять пальцев с копытцами. Да, жаль, что эти животные так быстро скрылись. Это были знаменитые фенакоды — очень любопытные животные, которые совмещали в себе признаки хищников и копытных. Их описание можно найти в любом учебнике зоологии.

Еще недавно их признавали за родоначальников наших лошадей, но это неверно — они появились слишком поздно и имели слишком крупные размеры для родоначальной формы. Их длинный и низкий череп со слабо развитым мозгом и весьма развитыми клыками был очень сходен с черепом креодонтов.

Фенакоды были мало похожи на копытных, они напоминали больше примитивных хищников и находились на стадии перехода к травоядному образу жизни — на это ясно указывали их зубы.

Я вернулся к скалам и нашел пернатую красавицу на месте — возле машины на кладке. Очевидно, она была очень голодна, потому что, не поднимаясь с места, старалась дотянуться клювом до чего-то в песке.

Я тоже был голоден и, уныло побродив возле скал, направился в пещеру. Все утро я думал о том, какую прекрасную яичницу можно было бы сделать из яиц диатримы.

Неожиданно я вновь услышал странный крик, похожий на громкий хруст, и быстро выбежал из пещеры. Чудовище в перьях вытягивало свою короткую шею, щелкало клювом и дергало головой. Такой возбужденной я видел ее только накануне, когда она преследовала меня. Но теперь она смотрела в другую сторону. Что с ней? Она видит или врага или добычу! Но, что бы она ни видела, мне не следовало попадаться ей на глаза.

Однако я должен был узнать, что так взволновало ее. Где ползком, где нагнувшись, я проскользнул мимо разъяренной птицы и высунул голову над гребнем дюны.

Неподалеку, по склонам песчаных холмов, поросших кустиками травы, бродили низкорослые существа на толстых лапах. Они находились против поднимавшегося утреннего солнца, но в их облике и движениях мне почудилось что-то очень знакомое. Ну конечно, это были фенакоды. Они мирно паслись, время от времени затевали оживленные игры, гонялись друг за другом по верхушкам холмов и скатывались по их склонам, поднимая тучи песка. Животные были упитанны и сильны.

«Интересно, враги они или добыча диатримы?» — подумал я. Хотя вряд ли фенакоды могут причинить ей вред, да, пожалуй, и они ей не под силу: как-никак, а фенакоды достигают почти двух метров в длину... Мои размышления были прерваны появлением ее «пернатого величества» собственной персоной. В тот момент я не догадывался, как она может быть сильна и агрессивна.

Она мчалась по песку, горизонтально вытянув шею, высоко поднимая ноги и помогая своими «цыплячьими» крыльями, как призовой скакун на треке. На ходу она громко и неумолчно тарактела, что, очевидно, выражало высшую степень возбуждения и

гнева. Фенакоды, сгрудившись в толпу, с беспокойством ожидали приближения двуногого чудовища и вдруг, как по сигналу, сорвались с места и, цепочкой сбежав с холма, исчезли по другую его сторону.

Я даже ахнул от разочарования! Но диатриму это исчезновение нисколько не смутило: она с удвоенной энергией мчалась к дюнам, скрывшим беглецов, и вот она уже достигла подножия, в несколько скачков взобралась наверх и, еще отчаяннее взмахнув крохотными крыльями, стремглав кинулась вниз по склону.

«Теперь и мне не следует медлить», — подумал я и пустился во весь дух к разделившим нас холмам. А что, если она вздумает вернуться? Впрочем, так бегают лишь тогда, когда собираются гнаться за врагом по меньшей мере километров десять. Я с трудом взобрался на вершину дюны. Отсюда открылся широкий вид на песчаный пляж у реки и на закруглявшуюся в отдалении равнину, покрытую застывшими волнами песка. По этим волнам, как корабли, то спускаясь в лощины, то взлетая на гребни, тянулись фенакоды, уходившие галопом, а за ними, огромными скачками перемахивая песчаные хребты, несло пернатое чудовище. Диатрима мчалась так, что, казалось, будто она не касается земли. Ни одна лошадь не могла бы долго выдержать такой скачки по песку... Меня вдруг охватил какой-то безудержный и нелепый спортивный задор. Словно болельщик на футбольном матче, я размахивал руками и кричал что-то вроде: «Давай, давай!»

...Между тем фенакоды, выбиваясь из сил, скакали по песку. Их полосатые шкуры блестели от пота. Не меняя аллюра, они косились на преследователя через плечо. Видимо, им стало ясно, что столкновения не избежать, и их «строй» смешался: отставший фенакод прибавил прыти и оказался впереди, а вожак перешел в арьергард. Пернатый гигант уже шлепал за ними по пятам, как вдруг фенакоды, как по команде, разбежались в разные стороны.

Вожак, над которым уже был занесен смертоносный клюв, внезапно повернулся и сделал огромный скачок назад, к горлу птицы. «Вот он, извечный прием всех хищников!» — подумал я. Но, вероятно, в быстроте и точности движений рептилии и птицы превосходят млекопитающих, потому что диатрима в тот же миг отбила нападение, и ее клюв до самых глаз обогрился кровью. Раненое животное, отброшенное страшным ударом, упало навзничь, перевернулось на бок и сделало попытку подняться, но второй удар в затылок снова поверг его на песок. Фенакод забился на песке, брыкаясь и окрашивая песок кровью, а клюв чудовища стал методично подыматься и падать. Я отвернулся и, испытывая неприятную слабость в коленях, сбегал с дюны вниз. Я не шел, а плелся, увязая по щиколотку в песке, усталый и голодный, инстинктивно, как к дому, направляясь к машине. После насыщенных опасностями «будней» больше всего мне хотелось отдохнуть и успокоиться.

И, только когда вдали блеснули на солнце металлические поверхности машины, я сообразил, что теперь могу делать все, что мне заблагорассудится. Я мог позавтракать и умчаться в будущее или позавтракать и, не сходя с машины, продолжать наблюдения. Кстати, я вспомнил о грандиозной яичнице из яйца диатримы. До машины оставалось шагов двадцать, когда навстречу мне со скрипучим писком, путаясь в собственных ногах, бросились три птенца — зеленоватосиние, с белыми клювами, чуть ли не больше их самих.

Пока я с изумлением разглядывал этих юных чудовищ, одно из них успело слегка поранить меня

клювом. Они были настоящими убийцами с первой же минуты рождения, как и их мамаша, и мне пришлось отбиваться ногами. Неподалеку; за кучей песка, валялись обломки толстой кремовой скорлупы с мелкими пятнышками, будто от раздавленных вишен. Продолбить такую скорлупу стоило, вероятно, немалых усилий, но достаточно было взглянуть на этих милых, бойких птенчиков, на их тяжелые клювы, чтобы проникнуться уверенностью в том, что будь даже скорлупа вдвое толще — она не задержала бы их ни на одну лишнюю минуту. Воспользовавшись тем, что внимание птенцов отвлекла какая-то несчастная ящерица — они мигом собрались вокруг нее и принялись за трапезу, — я обошел их и нагнулся над местом кладки в надежде все-таки найти хоть одно целое яйцо.

Яйцо я нашел, но, пока я извлекал его из песка, оно треснуло, скорлупа стала разваливаться у меня под пальцами, и наружу выглянул новый младенец. Не затрудняя себя попытками сбросить осколки скорлупы со спины, он ударом клюва рассек мне до кости мизинец, вскочил и, спотыкаясь и падая, помчался к своим пирующим братьям. Там, едва добежав, он тотчас же затеял с одним из них драку по всем правилам, а я, перевязав свой палец, стал собирать для коллекции обломки скорлупы.

Бойцы между тем дрались с возрастающим пылом. Они пригибали головы к песку, топорщили мокрые перья и ожесточенно насакивали друг на друга, норовя выклевать глаза или ранить противника грязными кривыми когтями. В конце концов один из них — не знаю уже какой — ухватил клювом шею противника, точно в ножницы, и, понатужившись, повалил на землю.

Но тут на вершине холма появилась уродливая тень, это возвращалась моя диатрима с добычей. Драка сейчас же прекратилась, и птенцы, все четверо, еле удерживая громадные головы на тонких шеях, помчались ее встречать, а я поспешно вскарабкался на машину, вынул и раскрыл зонт и, заслонившись им, положил руку на рычаг.

Диатрима трудилась с похвальным упорством, то клювом, то мощной когтистой лапой волоча тушу фенакода к своей кладке. Кажется, она несколько удивилась неожиданному появлению птенцов и остановилась, разглядывая их. А они, не обращая на нее никакого внимания, всюю клевали свежее мясо. Тогда вздохмаченная и неряшливая мамаша снова потащила тушу к моей машине. Затаив дыхание я следил за ней из-за зонта.

Должно быть, она приняла машину с зонтом за что-то новое и даже усомнилась в том, что вокруг нее топчутся ее собственные дети. Диатрима рассталась с тушей и, подойдя к птенцам, еще раз глубокомысленно оглядела их. Может быть, она их пересчитывала. Я с треском закрыл зонт, сунул его в багажник и надавил на рычаг. Последнее, что я увидел в эоцене, был громадный, обращенный в мою сторону, изумленно разинутый клюв, заляпанный сохнувшей кровью.

В ДЖУНГЛЯХ ОЛИГОЦЕНА

Машина времени подо мной дрогнула и накренилась. Раздался скрежет металла по камню, какая-то ветка хлестнула меня по лицу, и я зажмурился. Несколько квадратных листьев упало мне на колени.

Меня обдало влажным воздухом теплицы. Густые тяжелые запахи сырой земли, эфирные ароматы цветов и листьев с примесью терпкого кислого запаха растительной гнили насыщали красноватый сумрак. Ребристые стволы деревьев отливали карминными и красными тонами. Высоко над головой мелкой частой голубой мозаикой проглядывало небо.

Все видимое пространство между ветвистыми колоссами ликвидамбарами щетинилось серо-зелеными иглами перистых пальм с проступавшими кое-где гигантскими шарами веерных пальм. Какое-то движение рядом привлекло мое внимание: странный темный комок побежал по слежавшейся листве. Это оказался мохнатый, в форме полумесяца фиолетовый паук величиной в кулак. Паук убежал, угрожающе поднимая перед собой две передние лапки. Откуда-то на него упала капля, он сжался и отпрыгнул на целый метр в ворох листьев, прикрытый сверху папоротником.

Джунгли! Я всегда мечтал вот о таких нетронутых, облаканных солнцем дебрях. «Так можно, пожалуй, просидеть вечность», — подумал я и поискал глазами паука, но он скрылся. Тогда я пожалел, что не поймал его. И опять я сидел целую минуту, глубоко и спокойно вдыхая напоенный лесными испарениями ароматный воздух, наслаждаясь и сумраком, и видом голубоватой глянцево-листвы. Я находился в олигоцене, в последней эпохе третичного периода, за тридцать с лишним миллионов лет до нашего времени.

«Рискнем!» — решил я и шагнул на мягкую подушку изумрудных мхов.

В воздухе стоял приторно сладкий запах цветов. Мох на стволе ближайшего дерева был влажен, на мои руки и лицо падали капли, будто из неплотно закрытого крана. В сырой духоте мое лицо скоро сделалось влажным.

Поминутно озираясь и вслушиваясь в шорохи, я направился к прогалине, утопавшей в солнечных лучах. Не то комары, не то москиты немедленно обнаружили меня, и все вокруг тонко зазвенело от их толпящегося роя. Ослепительные столбы солнечного света разбрызгивались мириадами мерцающих вспышек на ребрах плотных, словно лакированных листьев, и мошкара бесчисленными искорками блестела в этих вспышках. Бурные и зеленые петли и бичи лиан щетинились изогнутыми колючками и зубцами. Пройдя еще несколько шагов, я приблизился к прогалине. Прогалина? Передо мной расстиралась до горизонта строгая парковая саванна с редкими группами деревьев. Но прежде чем выйти на опушку, я решил немного выждать в примыкавших к ней кустах.

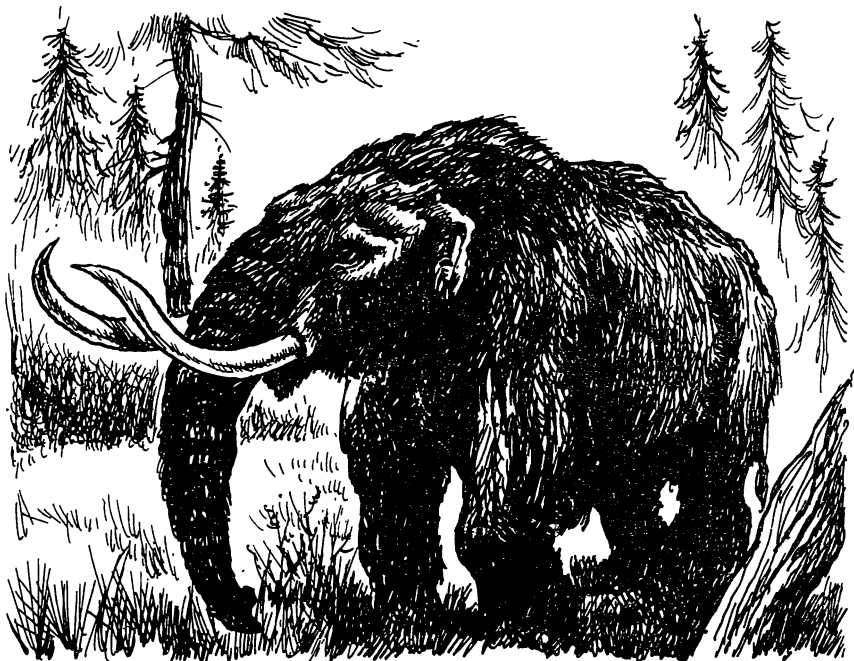
На саванне было пусто. Только раз вдаль пронеслась легкая стайка тонконогих лошадей размером в шотландскую овчарку — возможно, это были мезогиппусы, предки современного коня, — да прокрался в траве желтый с коричневыми подпалинами зверь с ужасными клыками, свисающими из верхней челюсти. Прошло с полчаса; время от времени где-то вкрадчиво шуршали травы, но увидеть, кто скрывался в них, мне не удавалось.

И вдруг за спиной у меня совсем близко раздался звук, будто лопнул туго натянутый канат. В один миг я был на ногах и напряженно всматривался в глубину леса.

С огромной высоты падала оборванная кем-то большая черная лиана. Она рушилась, цепляясь за ветки и соседние лианы, увлекая их своей тяжестью. Сбитые ею, поплыли в лучах солнца кремовые лепестки неведомых цветов.

В глубоких, почти сине-зеленых тенях задвигались серо-голубые силуэты. Даже здесь, в джунглях, эти силуэты казались гигантскими. «Да ведь это мастодонты!» — едва не вскрикнул я. Я стоял и смотрел, как они протягивают хоботы и обрывают охапки листьев, неуклюже ворочаясь среди деревьев, и тут их вожак заметил меня: Он выставил хобот, со свистом втягивая воздух. Огромная морщинистая змея, извиваясь и нервно вздрагивая, раздвинула разделявшую нас листву и замерла, словно всматриваясь. Шаги и шорохи в зарослях мгновенно затихли.

Затем вожак шагнул в мою сторону, и его рыло, длинное, с

четырьмя торчащими вперед и в стороны бивнями, просунулось сквозь ветки. Маленькие свиные глазки следили за мной, подстерегая каждое мое движение. Я шевельнулся, и вытянутый хобот дрогнул и сократился, будто что-то кольнуло его. В любой миг могло начаться нападение.

Но оно все не начиналось. Слабая надежда блеснула в моем сознании. Почему чудовище сделало в мою сторону только шаг? Ответ был один: приблизиться ко мне ему мешали три исполинских дерева, которые он должен был обойти. Остальные мастодонты, казалось, не интересовались мной. Так продолжалось несколько минут. Как сквозь сон наблюдал я, как мастодонты за спиной вожака начали проявлять признаки нетерпения, шумно терлись шероховатыми боками, толкались, проявляя желание продолжать прерванный путь. Видимо, именно это беспокойство стада вынудило вожака перейти к действиям.

Моя повесть о скитании по дебрям времени никогда бы не была написана, если бы вновь не вмешался случай.

Один из гигантских стволов, загораживавших дорогу динотерию, оказался мертв и, полусгнивший, держался на ветвях и лианах соседних деревьев. Едва четырехметровый вожак начал протискиваться ко мне, мертвое дерево скрипнуло и качнулось. Я стремительно кинулся в сторону.

Мастодонт продолжал ожесточенно проталкивать свой грузный торс между стволами, когда полуистлевший исполин начал медленно, как это бывает на экране при замедленной съемке, падать, обламывая соседние сучья и разрывая сомкнутый полог листвы. Но он не упал. Придавив спину мастодонта, он навалился на стволы и ветви живых деревьев и остановился в наклонном положении, раскачиваясь и вздрагивая.

Я не берусь судить о вокальных возможностях современных нам слонов, но зажатый в тиски между огромными стволами мастодонт взревел так, что у меня подогнулись колени. Объединенные джазы всего мира не могли бы извлечь из своих шумных инструментов ничего более пронзительного и оглушающего. Затем рев прекратился. Живая гора пыхтела, ворочалась и сотрясала прижавший ее тяжелый ствол. Мастодонт рухнул на колени, и его бивни зарылись в землю. Сырое прогнившее дерево, постепенно опускаясь все ниже, всей тяжестью давило на несчастное животное... И снова грозный и жалобный рев огласил джунгли.

Я кинулся бежать, не думая ни о чем, стремясь только уйти, не слышать этих ужасных воплей. Силы начинали мне изменять. Я спотыкался о корни, падал, запутавшись ногами в стеблях вьющихся растений, вскакивал и снова бежал, бежал, бежал. Потом под ногами у меня оказалась тропа. Прохладный сумрак начинал густеть — оттого ли, что день клонился к закату, или потому, что тропа вводила меня в глубь олигоценых джунглей...

НЕОЖИДАННОЕ СПАСЕНИЕ

Тропа, покрытая неясными следами, вела в низину, тонувшую в белом саване тумана. Ключьями серой ваты висел он, цепляясь за колючки зарослей. Иногда все пропадало за белесым маревом. Несколько раз я ударялся головой и грудью о низко нависшие ветви.

Безмолвие дремлющих джунглей нарушил зловещий крик потревоженной птицы, где-то в стороне мне почудилось приглушенное хлопанье крыльев. Позади возник вкрадчивый, нерешительный шорох, он то стихал, то возобновлялся. Неприятно и пугающе проскрипело дерево...

И вдруг громкий захлебывающийся кашель и пронзительный истошный хохот сумасшедшего прокатились над низиной. «Что это?! — срывающимся от волнения шепотом спросил я себя. — Какая-нибудь древняя гиена? А может быть, и что-нибудь похуже?»

Современные нам гиены поедают падаль и нападают даже на львов, если те ослаблены болезнью. Древние же гиены, более крупные, чем теперешние, могли объединяться в стаи и преследовать вполне здоровую добычу. С другой стороны, гиены — и в джунглях?

Звенящие рои mosкитов продолжали виться вокруг меня. Я повернул и, следуя едва приметной тропой, пошел искать машину. В ушах стоял несмолкаемый перезвон капель в листве пропитанного сыростью леса. Местность полого повышалась. Туман рассеивался, становилось светлее. Слева протянулись желто-зеленые заросли бамбуков. Я продирался через поросли низкорослых веерных пальм, когда слабый хруст и ослабленный расстоянием едкий запах зверя заставил меня остановиться. Инстинкт подсказал мне, что это хищник.

Я мгновенно присел и беззвучно повалился боком в сторону от тропы под укрытие папоротников. Бежать было мокро и неудобно, но я не смел пошевелиться. Храп и тягучий гортанный крик, как бы стелясь по земле, докатились до меня. На сиренево-зеленом фоне лиан и кустарников, среди хаоса тусклых бликов и мутноватого света, скользнул длинной пологой дугой, весь распластавшись в широком упругом прыжке, крупный зверь, весь в продольных переливчатых полосах рыжих и черных тонов.

Я слышал, как затрясся толстый сук, кто-то пронзительно взвизгнул, а затем послышался упругий удар о землю: хищник «снял» кого-то с ветки и мягко, но грузно соскочил вниз. И не держал ли он сейчас в пасти нашего зазевавшегося предка?..

Резкие всхрипы, временами прорывавшиеся у хищника, постепенно затихали, по-видимому, он удалялся. У меня отлегло от сердца.

Нетвердо ступая и напряженно вслушиваясь, я продолжал свой путь. Волнение, вызванное пережитой опасностью, еще не утихло,

и я с трудом перешагивал через высокие досковидные корни баньянов и фикусов. Почва на оголенных местах была красной. «Красноземы — обычная почва тропиков», — вспомнил я. Меня знобило, хотелось лечь и хоть немного отдохнуть. Но надо было идти дальше, мне казалось, что я вот-вот выйду к Машине времени.

Но я не вышел к ней и через час. Преодолевая густое сплетение тростников, пробираясь в пышной зелени магнолий, я медленно продвигался вперед. Каждый мой шаг был

мучителен. Наконец деревья стали крупнее и реже, меня обступили сал и акации, под ногами снова открылась почва. Прохладный полумрак сменился ослепительными вспышками солнца, прорывавшимися кое-где сквозь многоярусную листву. Деревья вновь превратились в мощные колонны, возносившие высь лиственные шатры. Матовые белые цветы свешивались с ветвей и вырастали прямо из стволов. Ботаники называют это явление каулифлорией. Гигантские лианы, толщиной в торс человека, застыли в сомнительной неподвижности, соединяя вершины деревьев и их подножия подобно стоячему такелажу кораблей. Тени становились все бледнее, на земле часто попадались пестрые пятна колоний грибов и какие-то лилового цвета мхи. А с листьев все время сочилась вода, как будто там, наверху, при ясном небе все время моросил дождь, и я промок до нитки.

Я был рад, что меня пока не донимали древесные пиявки и странствующие муравьи. В наше время им предпочли бы встречу с тигром.

По-видимому, я возвращался не той тропой: не слышно было и жалобных воплей мастодонта, которые могли бы служить ориентиром. Впрочем, мастодонт мог либо вырваться из ловушки, либо погибнуть.

Я достиг места, где среди пятен сгустившейся темноты сверкала под солнцем листва кустарника и казалась особенно яркой роща бананов. Где-то недалеко журчал ручей, и мне захотелось осве-

житься в его прохладной воде. Но меня подстерегали неожиданности.

Берег ручья был покрыт высокой жесткой травой. Дальше крупные ползучие растения неизвестных пород приютились между крупными деревьям, протягивая к небу большие овальные веера. Множество цветов и лазящих растений с чешуйчатой корой цеплялось за обнаженные стебли кустарника, похожего на южноамериканскую юкку.

С того места, где я стоял, открывался вид на широкую заводь, укрытую справа в голубоватой тени. На спокойной поверхности воды лежали округлые листья и матовые бело-розовые цветы.

Огромные животные, способные помериться силами со слонами, стояли и лежали в самой глубокой части заводи. Передо мной были бронтотерии, величайшие из травоядных, если не считать индрикотериев. Это были красавцы, и ради того, чтобы увидеть их, стоило несколько часов проблуждать по лесу. Они походили на исполинских горбатых носорогов со странной прогнутой мордой, украшенной двумя парами своеобразных тупых рогов. Стремясь поглядеть на них поближе, я стал красться вперед и вдруг с шумом обрушился в какую-то яму, скрытую подгнившими корнями. Когда я, проклиная свою неловкость, выбрался наружу и встал, над кустами со стороны заводи возвышалась гигантская тень, заслоня солнечный свет. Я попятился.

Один из бронтотериев вздумал уяснить причину внезапного шума и, раздвинув уродливой головой колючий кустарник, бессмысленно поводил ею, приноживаясь и вращая белками глаз. Должно быть, он уловил новый для него и странный запах человека и теперь решал, означает ли этот запах мир и возможность безмятежно нежиться в прохладных струях или угрозу.

И тогда я совершил непростительную глупость: кинулся бежать сквозь кустарник в глубь леса. Бронтотерий тотчас заметил меня и принял решение не в мою пользу.

Я помню, что кусты терновника показались мне дальше, чем были на самом деле, и меня словно обожгло пламенем, когда я погрузился в их колючие недра. Я круто повернул и притаился за высокими корнями большого замшелого дерева. Огромный, лишенный сообразительности бронтотерий, кряхтя и пыхтя как паровоз, грузно пробежал мимо. Земля глухо прогудела, и топот стих. Пока бронтотерий раздумывал, пытаюсь как-то объяснить мое исчезновение, и старался отыскать меня по запаху, я получил небольшую передышку.

Я уже решил, что он не вернется, но эхо тяжелых шагов и отчаянный треск ветвей известили меня, что я ошибся. Бронтотерий медленно приближался с подветренной стороны. Видимо, у него было отличное чутье, и рано или поздно он должен был открыть мое убежище. Тогда я решил перебраться на противоположную сторону ствола. Но я не успел. Широкие стреловидные листья лиан заколебались, когда я пролезал под ними, и мой противник сра-

зу рысью направился ко мне. Огромная морда нависла надо мной, трехпалая тумбовидная нога с шумом опустилась на хрустнувшие корни в пяти шагах от меня. И тогда я, ломая ногти, захватил горсть земли и полусгнивших листьев и с силой метнул в отверстую слонявую пасть. Он вскинул голову и остановился как вкопанный. Следующая порция грязи залепила его правый глаз. Бронтотерий был невероятно грузен, весил несколько тонн и поворачивался медленно. А я вертелся вокруг него, ошеломляя его ложными наскоками, забрасывая пригоршнями земли, и выскивал пути спасения.

Надо мной сравнительно низко свисала лиана.

«Вот бы мне сноровку Маугли!» — мелькнула мысль и, пока бронтотерий отфыркивался и тряс головой, я подпрыгнул и повис в узловатых петлях лианы. Гигант, заметив мой маневр, сперва ничего не понял, а затем, нагнув голову с тупыми рожками на кончике носа, бросился ко мне. Я висел на высоте трех с половиной метров от земли, а лиана свисала еще ниже!

Я увидел его прямо под собой, затем меня сильно качнуло, жесткая щетинистая шкура ободрала мне ногу, лиана лопнула, и я шлепнулся прямо на круп животного, широкий, как обеденный стол, и покатый назад. По-видимому, моим приключениям во времени пришел конец...

Но оказалось, что я спасен. Я кубарем скатился на землю, а тупое чудовище в ужасе, храпя и взвизгивая, бросилось прочь, натываясь на деревья и топча кустарники. Через минуту его топот и пыхтение замерли вдаль.

Я долго лежал в куче ветвей, приходя в себя от пережитого и стараясь унять бившую меня нервную дрожь. Все тело ныло, точно избитое палками, а царапины горели и кровоточили... «Надо искать машину», — вспомнил я и, с трудом поднявшись, снова отправился на ее поиски.

ЗВЕРИ АРСИНОИ

Лес внезапно расступился, и я очутился на краю обрыва, уступами спускавшегося в широкую низину, которая простиралась до горизонта. Перед моим изумленным взором в лучах низкого закатного солнца вставали на равнине кроваво-красные пирамиды, шпили, башни — удивительные изваяния, созданные ветрами из красного песчаника. Зрелище было великолепное.

Оловяные останцы были сложены из горных пород различной твердости, и даже горизонтальные слои песчаников неодинаково сопротивлялись выветриванию. Менее прочные породы скорее разрушались, осыпались и выдувались могучими вихрями, крутившимися в долине, словно в гигантской чаше. Между слоями пород potvrдже постепенно возникали выемки и желоба, обегавшие все останцы на одном уровне, а самые твердые слои выступали на их боках выпуклыми горизонтальными галереями.

Стоя у самого края пропасти, я обозревал величественную панораму. Неподвижная, точно замершая, долина купалась в прозрачной лиловой дымке, едва колышущейся под жгучими потоками солнечного света. Густые леса на отдаленных холмах просвечивали сквозь дымку смягченными голубоватыми тонами. Тишина почти осязаемым покрывалом была заброшена на ландшафт.

Там, далеко внизу, у подножий пылавших огнем эловых монуменов, на сочных лугах паслись какие-то стада. «Надо узнать, кто это», — решил я.

Я знал, что вблизи стад травоядных всегда скрываются хищники. Близился вечер, я был голоден, шатался от усталости и все еще не нашел Машину времени. Благоразумнее было бы вернуться и продолжать поиски, но любознательность взяла верх, я должен был все увидеть и узнать. У меня, наверное, был странный вид, когда, одетый в лохмотья, я бесшумно крался по краю пропасти, освещенный удивительным лимонно-желтым светом.

Я стал спускаться наискось, направляясь к ближайшему уступу, где виднелось дерево, похожее на кедр. Обрыв был крутой, и временами мне приходилось цепляться за приютившиеся на склонах молодые деревца и нещадно царапавшийся колючий кустарник. Кое-где попадались осыпи, которые я обходил стороной. Сверху, от опушки леса, донесся плаксивый звериный вой. Его уродливо и насмешливо передразнила птица. По краю обрыва над моей головой проскакала стая каких-то мелких полосатых хищников.

Достигнув уступа, я немного передохнул возле дерева и продолжал спуск. К счастью, дальше склоны были более пологими. Не прошло и получаса, как я оказался в долине и поспешно перебежал к подножию одного из гигантских красных столбов.

Отсюда я мог наблюдать зверей, которые через десятки миллионов лет будут названы арсиноитериями в честь египетской царицы Арсинои. Четвероногие слоноподобные исполины светло-серыми и голубоватыми пятнами неторопливо двигались на оранжевых и зеленых просторах долины.

Это были удивительные животные, напоминавшие одновременно и слонов и носорогов. Их массивные конечности с пятью широко расставленными пальцами были одеты копытами. На носу у них красовалась пара огромных тяжелых рогов, которые сидели параллельно, а на лобных костях торчала еще одна пара маленьких, торчащих в стороны. Большие рога срастались основаниями, образуя сплошной костный свод. Это были грузные и, по-видимому, очень сильные животные с непропорционально крупной головой и довольно длинным хвостом.

Я оказался прав, когда подозревал, что вблизи стад травоядных непременно окажутся в изобилии и хищники. Вероятно, они скрывались в склонах обрыва с его расщелинами, оврагами и пещерами.

Арсиноитерии вдруг перестали щипать траву и сгрудились по-

лумесяцем, вогнутой стороной к долине. Они протяжно ревели, и иногда до меня доносился низкий глухой рокот, похожий на приглушенное расстоянием бормотание. Я немедленно вскарабкался на площадку, созданную ветром в громаде останца на высоте моего роста, и стал ждать.

Арсиноитерии тоже ждали, опустив голову, почти касаясь травы рогами, нетерпеливо роя землю передними ногами. Морды их побелели от выступившей пены, прямые хвосты поднялись и молтались, как палки с кисточкой на конце.

Несколько десятков большеголовых, крупных хищников с телом длиной в полтора метра внезапно выскочили из-за пригорка, на ходу разбились на несколько разрозненных стай и почти одновременно приблизились к травоядным колоссам. Пять или шесть особенно отчаянных подскочили к ним совсем близко.

И тут мне пришлось убедиться, что у арсиноитериев, этих любопытнейших созданий, неизвестно откуда и как пришедших в мир и так же внезапно оставивших его, очень своеобразный нрав. Они были наделены неукротимой и жестокой волей, не знающей колебаний. Пожалуй, они вели себя как современные носороги, только более хладнокровно.

Полумесяц их строя вдруг превратился в почти прямую шеренгу, и эта шеренга, сначала медленно, а затем все быстрее и быстрее покатила навстречу стае гиенодонов. Хищники даже не успели остановиться. Как живые дредоуты среди утлых рыбацких

лодок, арсиноитерии шли через волну осаждавших. От их двояных рогов не было спасения, ничто не могло сдержать их уверенных, несущих смерть движений. Оставляя за собой втоптанное в песок трупы, они бежали бок о бок, не нарушая строя, к бесплодным осыпям у подножия обрыва. Там они круто повернули и, никем не преследуемые, размашистым шагом направились в сторону леса каменных столбов, широкие, будто расплющенные подножия которых вскоре заслонили их от моего восхищенного взора.

Растерянные, деморализованные хищники металась по долине. Печальное красное око солнца, слегка перечеркнутое малиновыми и темно-серыми полосами облаков, смотрело на место побоища. Живые с испугом обегали истерзанные и изувеченные мертвые тела, и головы их кружились от крепкого металлического запаха напивавшейся кровью земли. Затем, словно по волшебству, оставшиеся в живых скрылись.

Я почувствовал, что нахожусь в последней стадии изнеможения. Излишне рассказывать о моих торопливых поисках чего-либо съедобного, чтобы утолить голод. Это оказалось сравнительно нетрудно, так как растительность олигоценна уже принимала формы нашего времени. Достаточно упомянуть, что найденные орехи оказались съедобны, а бананы — просто вкусны.

О возвращении наверх, в джунгли, сейчас было страшно и подумать. Надо было дожидаться утра. Ввалив на плечо связку бананов, я вновь забрался на свою наблюдательную площадку.

Здесь, в быстро темнеющей долине, на земле, по которой до меня не ступала нога человека, в мире все еще диком и юном, со страшной определенностью чувствовалась оторванность от нашего времени и враждебность окружавшей меня теперешней жизни.

Ночь наступала быстро. Стая каких-то невидимых существ наподобие южноамериканских ревунов огласила джунгли наверху истошными воплями и гудением. Вечер мало-помалу наполнился сиплыми и гортанными криками, воплями и шорохами крадущихся в догорающей заре по чуть приметным тропинкам чутких обитателей джунглей и долины.

Я сидел неподвижно, прижавшись спиной к шершавому камню, и всматривался до боли в глазах. То близко, то далеко мелькали светлячки. Иногда они загорались то в траве, уже едва различимой, то на коре ближайшего дерева. Над долиной повис густой сиреневый сумрак, источавший на западе туман и мглу, но вершины отдельных, самых высоких останцев все еще краснели, как тлеющие угольки.

В ДОЛИНЕ ПЛАМЕНЕЮЩИХ МОНУМЕНТОВ

Луна серебряным шаром всплыла над иззубренным горизонтом и озарила долину пепельным светом. Мне показалось, что вдали, среди изломанных теней, отбрасываемых останцами, движутся ги-

гантские жирафы. Вглядевшись пристальнее, я понял, что это величайшие из сухопутных млекопитающих — безрогие носороги индрикотерии. Они были крупнее слонов и мастодонтов, крупнее динотериев, и в них действительно было что-то от жирафа с толстыми массивными ногами и могучей шеей.

Я сидел неподвижно, то всматриваясь в мерцающую под лунной долину, то поднимая глаза к мигающим точкам звезд, и слушал приглушенную симфонию олигоценовой ночи. В симфонии этой звучали звоны и трели сумеречных насекомых, громовые рыки скрытых во мраке хищников, хватающие за душу голоса жуткой радости и смертельной тоски, обрывки охотничьих песен джунглей, сонные, похожие на серебристый всплеск волны птичьего голоса. Речитативом в этом бескрайнем море звуков катился над долиной лягушачий хор. Эта симфония казалась для меня обретенной смыслом речью чужого языка. Так мощно мог биться пульс жизни только в периоды небывало бурного ее расцвета.

Что-то отчетливо звякнуло у меня за спиной. Быстро обернувшись, я смутно различил в густом полумраке огромную серую массу, неслышно ступавшую между недвижимыми каменными башнями. Только сухой тихий шелест задетого куста и лязг когтя о камень выдали присутствие неведомого существа. Я замер. Нечто жуткое, горбатое, размером со слона, бесшумно проследовало мимо на мягких лапах и скрылось в угольно-черной тени.

И вдруг оглушающе громоподобные звуки, в которых смешались гнев и безбрежное море тоски, прокатились над землей. Волосы мои поднялись дыбом. Я с замиранием сердца ждал, что гора обрушится на мою голову, — так силен и раскатист был этот вопль. Говорят, что, когда современный лев издает рык, обратив пасты к земле, он вырывает яму звуковым ударом. Я не знаю, провалилась ли земля в том месте, где олигоценовое чудовище изливало свой гнев и жалобы настороженно смолкнувшему миру, но нервы мои оно разрывало в клочки.

Затем я увидел его. Оно семенило по долине в неверном свете луны. Вообразите себе животное с внешностью гиены и размерами слона, с головой в полтора метра, составляющей четвертую часть его длины, с торчащей дыбом жесткой шерстью на шее и горбатой спине. Вот кто достиг максимума по размерам и мощи из всех наземных хищных млекопитающих. Последний из креодонтов, эндрюсарх, злобный и невероятно сильный зверь уходящего прошлого, и его удивительное внешнее сходство с гиеной лишь усиливало чувство беспредельного ужаса... У него была необычайно широкая грудь и узкий таз. Я поразился, как круто спускалась вниз его спина и насколько задние его ноги короче и слабее передних, толстых, мускулистых, необычайно мощных. Широкие короткие уши были обращены вперед и, словно раструбы звукоулавливателя, вслушивались в ночные шумы. Да, это был эндрюсарх, существо по массивности и величине почти легендарное среди хищников, последний представитель в древнем хищном семействе мезонихид.

Креодонт с огромными тупыми зубами... Его подхваченный эхом рев давно смолк в просторах ночи, породив настоящую какофонию панически перекликавшихся голосов.

Эндрюсарх перешел вброд речку и, поднявшись по крутому левому склону, углубился в чашу высоких кустарников. Но как коню не укрыться среди вереска, так и бересклетовый кустарник не мог скрыть эту гигантскую тушу. Тут луна озарила дальние отроги долины, и я рассмотрел неподвижные фигуры высоконогих индрикотериев. Они стояли сомкнутой группой, и их гордые головы вышались над землей почти на шесть метров.

Индрикотерии чувствовали себя беспокойно. Вот один из них повернулся и с достоинством, неторопливо, иноходью направился в глубину долины и исчез во мраке. Никто из оставшихся не повернул головы, и все продолжали смотреть в направлении приближавшегося чудовища.

И вдруг долина вновь огласилась грохочущим ревом эндрюсарха. Опять дрогнули и закачались скалы, и на осыпи загремели и застучали, сталкиваясь, камни, несущиеся вниз по склону. Группа индрикотериев попятилась. «Как они могут выдержать эту какофонию стоя?» — в ужасе подумал я, прижимая к ушам ладони, и в ту же минуту одно огромное животное рухнуло на бок и конвульсивно задергалось. Луна освещала часть его спины и ноги, все остальное тонуло в тени деревьев.

Хищный гигант остановился, затем опять двинулся вперед ко-

выляющим шагом и поднял на уровень плеч огромную, в густой шерсти голову. Мне почудилось, что блеснули оскаленные зубы. Донеслось вкрадчивое клокочущее ворчание. Эндрюсарх снова опустил морду, втянул голову в плечи, и медленно, вперевалку, приближался к безрогим носорогам, пристально глядясь в их безмолвную группу. Видимо, он опасался встретиться с разъяренными самками с детенышами. Остановившись прямо перед ними, он повернулся вполборота. Даже на него величина этих живых громад произвела впечатление несокрушимой мощи. А может быть, он проверял их реакцию на свое присутствие?..

Индрикотерии, наконец, преодолели оцепенение, и все, кроме упавшего, шагнули ему навстречу. Они принюхивались, горизонтально вытянув шею. Эндрюсарх медленно заковылял, обходя их, и они стали поворачиваться за ним, раздвинув губы и обнажив короткие толстые клыки.

И вдруг эндрюсарх оступился и покачнулся, едва устояв на ногах. Индрикотерии сейчас же осмелели: один из них проворно вырвался вперед и, поднявшись на задние ноги, сделал выпад передними. Хищник безмолвно съехался, отпрянул, затем с опущенной головой бросился на другого исполина и толчком плеча опрокинул его. Индрикотерии взревели — это был крик, напоминающий скрежет железнодорожного состава при резком торможении, — и разом, лавиной обрушились на эндрюсарха, поднимаясь на дыбы и нанося удары передними ногами. Наверное, только ребра слона и эндрюсарха могут вынести такие тумачи: бык или лошадь были бы немедленно расплющены. Но эндрюсарх только шире расставил задние ноги, чтобы устоять. А затем он тоже пустил в дело передние лапы.

Длинные когти прочерчивали в воздухе широкие дуги, с громким хрустом срывая с боков гигантов длинные полосы шкуры вместе с толстыми слоями жира. Огромные травоядные, храпя от боли, продолжали наскакивать, они избивали эндрюсарха ногами и пробовали кусать. Эндрюсарх выжидал. Индрикотерии в этой свалке сломали строй, они толкались и мешали друг другу, стараясь дотянуться до противника. Некоторое время ничего нельзя было рассмотреть в этой гуще гигантских, отчаянно борющихся тел. И вдруг, издав короткий свистящий рык, эндрюсарх набросился на великана помоложе и схватил его за горло. Метровые челюсти сомкнулись, как капкан, и раздавили хрящ. Индрикотерий с хрипом повалился. Эндрюсарх сразу же взвился на задние лапы и награбил другого индрикотерия оглушительной затрециной. Тот рухнул на колени, и хищник всей тяжестью прыгнул на него. Сквозь ворчание и хрип слышался сухой треск ломающихся ребер. Оставшиеся индрикотерии, зализывая на ходу широкие рваные раны, иноходью ушли в темноту. Они проиграли битву.

Эндрюсарх опустил огромную узкую голову на лапы, лежавшие на повергнутой жертве, поглядел им вслед и не спеша приступил к трапезе, вновь и вновь оглашая долину стонами и надрывным плачем, словно сожалея о понесенных миром утратах.

В полном изнеможении я растянулся на холодном камне, не замечая ни поднявшегося после полуночи холодного ветра из низины, ни мелкого дождя. Я чувствовал себя настолько разбитым, что погрузился в сон, иногда просыпаясь с мыслью о том, что теперь хищник сыт и если откроет мое убежище, то вряд ли тронет меня, а уж завтра я примусь за поиски моей машины как следует.

Рассвет застал меня уже в пути. Мной руководила одна мысль: как можно скорее найти машину. Я вскарабкался на обрыв и снова вошел в джунгли. Было сыро и холодно. Я влез на королевскую пальму, но обзор местности не дал почти ничего. Повсюду простирался нескончаемый величавый лес. Ориентирование по странам света тоже не могло помочь, ибо во время своих блужданий я много раз менял направление.

Машину я обнаружил только после шестичасовых энергичных поисков. Маленькие примитивные предки узконосых обезьян, полуметровые парапитекусы живописной группой расположились на ее станинах и сиденье. Я похолодел от ужаса: стоило лишь слегка подвинуть рычаг, и машина безвозвратно канет в вечность, как камень, брошенный в пруд. Потом я вспомнил, что в предвидении подобной случайности рычаг стоит на предохранителе.

Новые мои знакомые встретили меня грустными взглядами огромных задумчивых глаз на крохотных смысленных мордочках. Я пробовал прогнать их, но они сопротивлялись и с тем же серьезным и грустным выражением в глазах пытались вцепиться мне в волосы. Их остроконечные нижние челюсти с совсем маленькими клыками подергивались в предвкушении удовольствия.

Их упрямство вывело меня из себя. Пришлось выломать палку и напасть на них. Парапитекусы уступили машину и принялись кидать в меня сучья и все, что попадало им под руку. Это было словно последним прощальным приветом олигоцена. Я уселся в кресло и тронул рычаг.

ПЕРНАТЫЕ ГИГАНТЫ

Следующая остановка была в миоцене, эпохе третичного периода, после олигоцена и отделенной от нашего времени пропастью в двадцать миллионов лет.

Для миоцена характерно распространение широких зон прохладного морского климата, расселение растений умеренного пояса, появление нескольких родов обезьян, начало и быстрая эволюция пастбищных млекопитающих и появление разнообразных мастодонтов, которые быстро заселяют огромные пространства Северного полушария.

Но больше всего меня интересовали здесь гигантские нелетающие птицы. Свое знакомство с ними я не мог ограничить только наблюдениями над диатримой. В разное время существовало несколько родов таких птиц. Известны великаны, превосходившие размерами даже диатриму, — из них наиболее изучены фороракос и бронторнис.

Миоцен, конечно, был замечателен не только ими, но я надеялся, что счастье и здесь будет благоприятствовать мне и я продолжу знакомство с пернатыми гигантами прошлого. Так и случилось.

Едва я остановился, как машину второй раз за мое путешествие захлестнули волны. Подо мной оказалась мелководная, но довольно широкая речка, и машина с плеском погрузилась в воду, всколыхнув со дна ил, быстро поплывший по течению.

Я не торопился перебираться на берег и был прав. Увидев любезных хозяев здешних мест, я на всякий случай взялся за рукоять рычага. Эти хозяева обладали очень впечатляющей внешностью. Это были величественные красавицы в перьях, ростом от трех до трех с половиной метров, и несколько птенцов ростом с ягненка, маленьких, глупых и игривых, с наслаждением предававшихся веселым свалкам между собой. Они толпой спешили ко мне.

«Интересно, любят они мочить ноги в воде? Если любят, то боюсь, что мне придется с ними расстаться», — подумал я.

Они со своей стороны, после первых приветственных возгласов, хриплых и пронзительных, похожих на скрип несмазанного колодезного ворота, тоже, по-видимому, сделали свои выводы. Очевидно, мое внезапное появление из пустого пространства и падение в воду как раз тогда, когда они собирались всей семьей утолить жажду, показалось им весьма странным.

Я смотрел на них и думал, что вот такие мастодонты птичьего мира едва не стали приемниками ушедшего со сцены мира ящеров.

Эволюция будто невзначай на одну «палеонтологическую минуту» остановила на них свое благосклонное внимание. Но то был лишь мимолетный каприз природы, которая почти тотчас же исправила свою ошибку.

Нетрудно было заметить, что толпившиеся у воды голенастые птицы являлись форораками. Форораки были ближайшими роди-

чами современной нам южноамериканской пампасовой птицы ка-риама. Они держали туловище не горизонтально, как диатрима, а сильно наклоненным назад, как это можно видеть у аистов и журавлей. Бросалась в глаза экзотичность их оперения. Спина и крылья были окрашены в мутный зеленовато-серый цвет, переходивший на груди в ядовитую изумрудную зелень, ноги были черными, а шея и голова ярко-желтыми, с карминно-красным клювом.

Они огромными шагами расхаживали по берегу, то и дело поглядывая на меня, но не проявляя желания вступить в воду. Впрочем, один из птенцов все-таки решил завести со мной дружбу и попытался перейти речку вброд. Он уже ступил было в прибрежную тину, однако внушительный материнский пинок отшвырнул его в сторону, и он пошел прочь, взволнованный и оскорбленный до глубины своей цыплячьей души. Я вздохнул с облегчением, поскольку своим примером малыш мог увлечь и взрослых, а их огромные железные клювы не располагали к близкому знакомству.

Довольно скоро птицы потеряли интерес ко мне и только изредка оглядывались в мою сторону. Они бродили по мокрому речному песку на отмелях и переворачивали клювами камни, иногда что-то склевывая. Они вскидывали головы, делали глотательные движения, и вздутый комок медленно спускался по горлу. Может быть, они лакомились речными крабами?

Затем эти странные птицы удалились. К этому времени я уже был на другом берегу. Местность представляла собой равнину, наминавшую пампасы Патагонии. Я пообедал консервами и прошелся вдоль берега, не решаясь отходить далеко от машины, потому что форораков на равнине оказалось довольно много.

Они группами бродили вдалеке — то шагом, высоко и как-то нелепо выбрасывая ноги, то широкой рысью, вскидывая в такт бега головами. Я отметил, что им ничего не стоит пересечь все видимое пространство за какие-нибудь три-четыре минуты. Форораки бежали необычайно быстро и с необыкновенной легкостью, как страусы. Когда одна группа пробежала в полукилometре от меня, послышался гул, как если бы проскакал целый табун лошадей.

Начинало смеркаться. Звезды вдруг стали проступать горстями на потемневшем небосводе, и мне почудилось, что я рассмотрел созвездие Южного Креста, видимое только из Южного полушария. В спустившейся темноте я почти на ощупь переправился на свой полузатопленный механизм.

Вскоре над берегом показались уже хорошо знакомые мне долговязые голенастые силуэты. «Неужели они так скоро захотели пить?» — удивился я, не догадываясь об истинной цели их второго визита.

Но это была засада у водопоя. Разойдясь по берегу, птицы спустились под обрыв к самой воде и, постояв немного, присели на песок, поджав под себя ноги, как куры.

Первыми появились маленькие безрогие оленьки-бластомерик-

сы. Два из них были сразу же умерщвлены внезапно поднявшимися гигантами: крепчайшие клювы рассекали их тельца надвое. Затем я разглядел на берегу силуэт размером с крупного волка. Он крадучись шел к воде, но внезапно заподозрил что-то и широко скачками кинулся назад. Кажется, это был протилацин — хищник с короткими лапами и большой головой. Насколько я мог судить, ему тоже не удалось спастись от пустившихся в погоню форораков, но в темноте различить было трудно.

Было за полночь, когда я тронул рычаг движения. Установив его так, чтобы обгонять естественный бег времени, я уснул и проснулся на рассвете, через несколько тысячелетий. На Земле все еще продолжался миоцен, но местность изменилась. Машина стояла теперь посреди равнины. Невдалеке темнела опушка леса. В нескольких метрах от меня стоял безгорбый верблюд-альтикамел и опасно косился в мою сторону. В стороне бродило стадо таких же животных, но мое внезапное появление их не интересовало. Альтикамелы были высоконоги и длинношеи и казались худыми. Их ноги внешне очень напоминали ноги верблюда, но были намного стройней. Как и современные верблюды, их миоценовые предки были миролюбивы, и я спокойно сошел с машины.

На равнине показался дицератерий — небольшой носорог с двумя рогами. Рога располагались у него не один позади другого, а на самом конце рыла, рядом, как рога у арсинотерия несколько миллионов лет назад. На всякий случай я вернулся к машине и стал наблюдать за его приближением.

Известно, что современные носороги часто почти беспричинно впадают в ярость. Их миоценовым родичам также была свойственна эта черта характера. Обладая, как все носороги, слабым зрением, он не заметил мою машину и пробежал иноходью метрах в ста от нее, направляясь к лесу. Он мчался с храпом, шумно дыша и довольно быстро, насколько позволяли ему короткие толстые ноги. На опушке он оступился, тяжелой глыбой вломился в кусты и со страшной силой ткнулся мордой в древесный ствол. Удар, видимо, оглушил его, потому что он повалился на бок и остался лежать под деревом. А преследуемый альтикамел преспокойно вернулся на равнину и как ни в чем не бывало вновь принялся щипать жесткую травку.

Затем из леса вышло стадо энтелодонтов — гигантских свиней с рылом длиной в целый метр. В бинокль были хорошо видны их клыки, стертые, а у некоторых и почти сплюснутые жесткими корнями, составлявшими для этих тварей обычную пищу. Эти огромные неопрятные звери имели свирепую внешность и походили сразу на африканского бородавочника и на дикого кабана. В противоположность свиньям они были лишены «пяточка» и не рыли носом землю. Я видел, как чудовищные кабаны принялись рвать клыками выступавшие из земли корневища.

Тут внимание мое привлекло новое животное — моропус из семейства халикотериев. По внешнему виду и по величине он напоминал лошадь и отчасти крупную ламу с очень покатою спиной и огромными когтями на расщепленных когтевых фалангах пальцев.

Голова моропуса по строению типична для растительноядных, и, когда вместе с нею были найдены и конечности с большими загнутыми когтями, ученые долго не могли примириться с мыслью, что и то и другое является частями одного животного. Тогда решили, что когтями моропус притягивал к себе ветки деревьев с побегами и листьями или вырывал ими из земли клубни и корни. Поэтому я с удвоенным вниманием наблюдал за его поведением в бинокль, чтобы иметь возможность выяснить способ его питания. Некоторое время он прогуливался среди деревьев, но я так и не мог решить, высматривает ли он ветки с листьями понежнее или по одному ему известным признакам определяет места в земле с сочными клубнями.

В это время гигантские свиньи затеяли шумную возню за кустами жимолости, и, взглядевшись, я был неприятно удивлен тем, что они грызлись между собой над тушей оглушенного или уже мертвого дицератерия. Энтелодонты пожирали его. Как и теперешние свиньи, энтелодонты были всеядны и свободно переходили от растительной пищи к мясной. Стадо в три десятка голов так усердно трудилось над тушей дицератерия, что туша колыхалась и вздрагивала, будто была живой.

Отвернувшись от этого зрелища, я уселся на сиденье машины, взялся за рычаг и простился с эпохой миоцена.

В «СЛОНОВЬЕЙ» ТРАВЕ

День моего пребывания в плейстоцене, первой эпохе четвертичного периода, или антропогена, не был похож на предыдущие. От наших дней меня теперь отделяли какие-то полмиллиона лет, но ни разу еще я не испытывал такого странного чувства тревоги, как в первые же минуты после остановки машины в зарослях высокой жесткой «слоновьей» травы, способной полностью скрыть всадника на лошади.

Вокруг непроницаемой стеной поднимался лес гигантских колючих стеблей. Было очень тепло, почти жарко, легчайший ветерок, лениво шевеливший верхушки трав у меня над головой, совсем не умерял духоту, и скоро одежда на мне стала сырой и неприятно липла к телу. Я сошел с машины и попытался раздвинуть траву, но тотчас же порезал об нее руки и лицо.

Порезы эти скоро воспалились и стали весьма болезненны. Хотя я смазал их одеколоном, они распухли; откуда-то появившиеся назойливые мухи, среди которых нельзя было найти и двух одинаковых, принялись с громким жужжанием виться вокруг меня. Большинство мух напоминало оводов и слепней.

Солнце поднялось уже высоко и стало припекать, а я все размышлял о том, что мне делать. Было ясно, что оставаться дальше в этой вынужденной изоляции я не имею права. Мне надо было знать, что представляет собой мир по другую сторону зарослей. К тому же я очутился в невыгодном положении в случае внезапного нападения.

Вокруг звучали трели, жужжание и тонкий звон разных насекомых и незнакомых мне птиц. Эти звуки рождала земля, высокие травы и начинавшее выцветать от зноя небо. Все вокруг было залито ярким светом. Сонные ароматы прелой земли и растений поднимались дурманящими запахами и струились прозрачными дрожащими змейками над поникшими метелками трав.

Вдруг где-то далеко, пронзительно и одиноко, трижды прокричала птица. Ее неприятный резкий голос напоминал размеренные удары гонга. Это словно послужило сигналом: в ту же минуту докучавшие мне мухи и слепни гудящим роем метнулись ввысь и унеслись прочь. Почувствовав тревогу, я сделал шаг к машине. Маленький остромордый зверек, прервав на мгновение бег, выставил из-за колючих стеблей щетинистое рыльце и, опасливо нюхнув воздух, едва уловимым движением вновь юркнул в непроницаемые травяные дебри.

Затем неслышно, но ощутимо задрожала земля. Так продолжалось минут пять... Земля содрогалась все сильнее. Одновременно я ощутил странный запах, в котором чувствовалась примесь мускуса. «Что это может быть?» — подумал я. Земля уже гудела, словно вдали проходила колонна танков. Я решил пробиться через заросли и рассеять неизвестность.

У меня не было южноамериканского ножа — мачете, удобного в таких случаях, но в числе прочих вещей я захватил с собой длинный хирургический нож, достаточно тяжелый, чтобы заменить мачете.

Пока я занимался приготовлениями к штурму обступившей меня травы и надевал кожаную куртку, чтобы защититься от порезов, гул и содрогание почвы становились все сильнее. Быстро сунув руки в перчатки, я схватил нож и кинулся в бой. Заросли поддались, и я начал неистово врубаться в их душные недра. На каждом шагу меня подстерегала неожиданность. Оглядываясь, я видел в конце узкой просеки угол моей машины. Это несколько успокаивало меня, но ни в какой мере не гарантировало спасения в случае внезапной опасности.

Минут через двадцать я заметил, что трава стала значительно ниже, а вскоре сразу перешла в низкорослый кустарник, напоминавший жасмин. Я остановился.

Впереди начиналась прерия с группами серых деревьев, а слева, совсем близко, виднелась опушка редкого леса из великолепных широколистных гигантов.

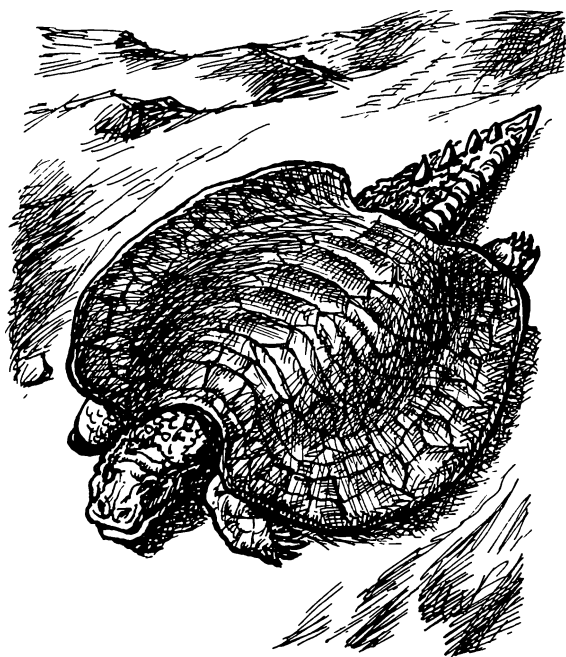
Я быстро осмотрелся и сразу же увидел тех, чьи шаги колебали землю.

ЧУДОВИЩА ПЛЕЙСТОЦЕНА

На исполинских черепах — вот на кого больше всего походили эти чудовища, и их было великое множество. Они бежали рысью, припадая на передние короткие и массивные лапы, поддерживающие пятиметровое туловище. Спины этих приземистых броненосцев покрывала масса многоугольных пластин, сросшихся в сплошной костяной панцирь. Мозаика пластин продолжалась и на узкой высокой голове и покрывала длинный хвост, охватывая его, как пирамиду, кольцами костяных шипов. У некоторых хвосты оканчивались массивной булавой с торчащими по сторонам остриями. Мне представился замечательный случай: я увидел одно из чудес четвертичного периода — стада переселявшихся глиптодонтов.

Глиптодонты — это великаны броненосцы, млекопитающие, ставшие неуязвимыми для хищников. Их лапы оканчивались копытами, которыми можно было пользоваться как лопатами, и в случае опасности они быстро зарывались в землю, подставляя врагу твердый, как валун, спинной щит.

Глиптодонты питались падалью и насекомыми; по-видимому, они разрушили и опустошили термитники и муравейники в той местности, откуда они теперь пришли, и голод гнал их на новые места. Над ними густым звенящим облаком вились мириады мух и порхали какие-то длинноклювые птицы.

Животные двигались широким потоком, часто подбирая что-то на земле.

Как ящеры-анкилозавры, они были животными-танками в классе млекопитающих. Я долго наблюдал за ними и слышал скрежет их панцирей, когда они сталкивались друг с другом. Нестройно бегущая толпа этих массивных живых холмов, на целый метр превышавших рост человека, производила неизгладимое впечатление.

Вдруг сильный треск заставил меня обернуться.

На опушке леса качалось дерево, возле которого возвышалось новое чудовище. Это был зверь угольно-черного цвета, в сидячей позе превосходивший крупного слона. Величайший из ленивцев-мегатерий протягивал свою словно обрубленную сверху морду к пышной листве. Сидя на задних ногах и коротком хвосте, он обхватил ствол облюбванного дерева передними лапами с длинными кривыми когтями и раскачивал его, вкладывая в это занятие ту-пую настойчивость и упрямство.

Мегатерий был всегда голоден. Влезать на деревья, как это делают современные ленивцы, он не мог из-за огромного веса, и он ломал деревья, чтобы добраться до верхних ветвей. Сейчас он сидел в задумчивой позе и медленно, лениво прожевывал охапки листьев, время от времени перетаскивая свое тяжелое тело к еще нетронутым ветвям. Родичи мегатериев — наши современные ленивцы — часами неподвижно висят под ветками в лесах тропической Америки и являются образцами малоподвижности в чрезвычайно активном мире млекопитающих.

Мегатерий, видимо, не заботился ни о чем другом, кроме еды, и отвлекался от процесса пережевывания только для того, чтобы выбрать очередной платан или бук с пышными развесистыми ветвями. Вот он вытянул длиннющий язык, стараясь дотянуться им до соблазнительного пучка сочных листьев.

Вдали виднелись качающиеся, несмотря на безветрие, деревья.

Поглядывая на ленивого гиганта, я зашагал к лесу. Вдруг меня покрыла огромная тень. Послышался шум громадных крыльев. Одним прыжком я очутился в зарослях. Гигантский гриф-тераторнис оперенным планером с пятиметровым размахом крыльев проплыл надо мной. Он мог бы без труда подняться в воздух с такой ношей, как человек, и унести его за десятки километров. Снизу, на фоне сияющего неба, он казался темным, а кольцо пуха у основания голой шеи — бледно-кремовым. Упустив добычу, гриф медленно полетел прочь с визгливым кудахтающим плачем.

Выждав немного, я вышел к опушке леса, где виднелись многочисленные следы деятельности мегатериев. На земле валялись большие обглоданные ветви, сучья и целые стволы. На коре устоявших деревьев и на прижатой траве были заметны глубокие царапины от страшных когтей. Пройдя еще немного, я убедился, что попал в настоящее царство тяжелоходов-мегатериев.

Здесь были звери величиной от кошки до крупного трогонтериевого слона. Их грязная жесткая щетина была разных цветов — от черного и темно-коричневого до светло-серого. По-моему, самые молодые животные были и самыми светлыми. Укрытый ветками сассафраса, я имел возможность рассмотреть их во всех подробностях. Совсем рядом я видел огромные мохнатые бока с комьями налипшей и просохшей грязи. В густой свалывшейся щетине, местами спадавшей прядями длинных черных волос, торчали кусочки коры, щепки и стебли трав.

От мегатериев исходил неприятный запах. Почти все они сидели в одинаковых позах, подпираясь хвостом. Одного мегатерия я застал в тот момент, когда он с величайшим трудом передвигался к другому дереву. Это требовало от него таких усилий, что невольное вызывало сочувствие.

Огромные когти на передних лапах и короткие мощные задние конечности не позволяли мегатериям свободно ходить, опираясь на ступню, и исполинские ленивцы были вынуждены, растянувшись на брюхе во всю свою длину и вцепившись когтями в землю, конвульсивными движениями подтаскивать вперед заднюю часть туловища, повторяя эти утомительные движения по многу раз.

Морда мегатерия была мясиста, а нижняя челюсть так велика, что составила больше половины черепа. Огромная длинная розовая пасть с толстой нижней губой, которую ленивец складывал так, что она делалась похожей на детский совок для песка, производила неприятное впечатление. Эти медлительные гиганты плейстоцена, казалось, все время чего-то опасались. Они непрерывно озирались по сторонам с глупым и выжидающим выражением на мордах, покрытых щетиной, словно иглами дикобраза.

Я долго разглядывал этих зверей, которые если не спали, то кормились, уничтожая несметные вороха зеленых веток и листьев. А тем временем в небе собирались грозовые тучи. День потемнел. Рваные клочья серых облаков, будто обрывки грязной бумаги, наплывали со всех сторон и медленно заволакивали небо. Ветер уси-

лился, зашумели деревья. Мегатерии один за другим, как будто нехотя, но довольно проворно, опираясь на локти и подтягивая заднюю часть, один за другим покидали опушку, скрываясь в грозно рокочущую чащу буйного тропического леса.

Я подошел к вековому тюльпанному дереву, которое огромным зеленым шатром покрывало пространство в десятки квадратных метров. Делом двух или трех минут было подняться до его нижних ветвей. Там я удобно устроился на кряжистом суку, с удовольствием думая о том, что еще способен устраиваться с комфортом не только в кабинетном кресле...

Отсюда, в просвет между стволом и низко свисавшими пучками изрезанных четырехугольных листьев, видны были джунгли.

Я вглядывался в их недра, где кончался солнечный свет и где через все мыслимые оттенки зеленого, красного, коричневого и даже синего цветов взор погружался в глубокие, почти черные провалы мрака. Игру красок создавали цветы и листья, то матовые с бархатистой каймой, то глянцевые, хорошо отражавшие жгучие лучи полуденного солнца, жесткие, с восковым налетом.

Вершины деревьев в тяжелых шатрах из листьев с шумом наклонялись и выпрямлялись, упруго раскачиваясь из стороны в сторону и задевая друг друга сучьями. Иногда этот шум переходил в рев и грохот, но сила ветра внезапно убывала, и наступала короткая тишина. А затем новый бешеный порыв внезапным ударом обрушивался на зеленых исполинов, и они напрягались так, что их стволы звенели и скрипели...

Откуда-то слева выбежало стадо могучих древних слонов. В шуме и суете, с трубным ревом они тяжело бежали по склону холма вдоль опушки, их вытянутые морды оканчивались толстым недлинным хоботом, свисавшим между прямыми блестящими бивнями. Было видно, как горбами вздувались у них под шкурой огромные тугие мышцы. Это были страшные всепокрушающие бивненосцы, ростом несколько ниже современных нам слонов. Земля сотрясалась от топота сотен ног. Ветер слабел. Дневной свет продолжал медленно угасать по мере того, как все новые и новые участки неба исчезали за непроницаемой завесой надвигавшихся ливневых туч.

Внезапно стадо повернуло и ринулось к моему дереву. Оцепенев от неожиданности, я молча глядел на стремительно надвигавшиеся желтые сточенные бивни. Земля загудела еще сильнее, но теперь слышен был только истошный вой толстокожих великанов. И тут, в разгар всей этой суматохи, я обнаружил причину их испуга.

К выпуклому боку одного из слонов словно прирос гигантский карминный цветок. Выгнув спину, резко откидываясь назад и вновь припадая к шее первобытного слона, висела, распластавшись, исполинская кошка, сочетание медведя, огромной рыси и тигра — саблезубый тигр махайрод.

Этот немыслимый гибрид раз за разом с ужасающей силой бил

свою жертву двумя клыками-кинжалами, свисавшими из его верхней челюсти. Дюймовая кожа слона была уже пробита во многих местах, и там, где были разорваны крупные артерии, фонтанами была кровь. Хищник старался дотянуться до черепа. Толстокожий гигант кричал от боли. Он бежал, отставая от товарищей, теряя вместе с кровью силы. Потом на всем бегу он оступись, качнулся и упал — сначала на колени, а затем на бок, придавив нижнюю часть тела убийцы. Саблезубый тигр нашел в себе силы выбраться из-под навалившейся туши и вяло отползти в сторону — для того только, чтобы оказаться под ногами обезумевшей от страха и ярости старой слоницы с полувзрослым детенышем...

Вероятно, махайрод был парализован, так-как задняя часть его туловища волочилась по земле. Он отбивался от слоницы передними лапами, и ему удалось удачным ударом сломать ей нижнюю челюсть и выбить правый глаз. Но в следующий момент он был поднят на бивни и с огромной силой брошен спиной на ствол дерева. Затем тяжкие удары тумбовидных ног обрушились на него. Когда растоптанный, буквально размазанный по земле красивый и могучий зверь навсегда затих, слоны с гулким топотом исчезли в чаще.

В шуме начавшейся грозы послышался громовой рев, и из-за деревьев появился второй саблезубый красношерстный хищник. Подойдя к распластанному трупу своего сородича, он обнюхал его и вдруг низко и хрипло замыкал. Это было и трогательно и жутко...

Снова поднялся ветер, молнии польхнули сразу с нескольких сторон, и в наступившем мраке стал слышен нарастающий шум ливня. Мне показалось вначале, что плотная многоярусная завеса ливня над моей головой окажется непроницаемой для дождя, но потоки воды вскоре обрушились на меня и в один миг промочили меня до костей. Я заглянул вниз. Вопреки моим надеждам, саблезубый тигр, не обращая внимания ни на ливень, ни на молнии, по-прежнему восседал на туше мастодонта и неторопливо глотал кусок за куском. Намокшая шерсть облепила его, по морде стекала вода, и он казался странно тощим и голым, но это нимало не смущало его. Я оказался в ловушке. Только в сумерках зверь расстался с остатками обеда и останками своего собрата, медленно и понуру направился к кустарникам и скоро пропал из виду.

Я вспомнил, что в конце третичного и в начале четвертичного периода не только махайрод обладал кинжаловидными клыками. Такими же страшными орудиями располагал, например, другой саблезубый тигр, смилодон, а еще ранее — в олигоцене — гоффонеус. У всех у них за счет гипертрофированного развития верхних клыков соответственно уменьшились клыки в нижней челюсти. Раствор же их раскрытых челюстей намного превышал прямой угол.

Другим опасным чудовищем, современником саблезубых тигров, был пещерный всеядный медведь. Зубы его стали плоскими, а огромные когти на мускулистых мощных лапах были не способны схватывать добычу. Этот гигантский медведь, намного превосходивший размерами своих нынешних родственников, устраивал логова в пещерах. Наши первобытные предки не умели строить жилища и были вынуждены силой «выселять» постояльцев пещер — всех этих медведей, гиен, леопардов, львов, устраивая им жаркие сражения. Как правило, все виды пещерных хищников отличались крупными размерами, и борьба с ними была очень трудна и опасна и, вероятно, далеко не всегда заканчивалась победой первобытного человека.

Но пора было возвращаться к машине.

ЛЕДНИКИ СПУСКАЮТСЯ В РАВНИНЫ

Великое оледенение сыграло огромную роль в жизни нашей планеты. Ледниковая эпоха началась примерно шестьсот тысяч лет назад, вместе с началом четвертичного периода, когда с полюсов огромными языками потянулись гигантские глетчеры. Климат изменился, в большинстве мест Земли он начал принимать черты полярного и умеренного поясов.

Иногда думают, что тяжелые испытания, выпавшие на долю животных и растений из-за резкого похолодания в плейстоцене, никогда не случались до этого.

Так ли это? И да и нет.

Такого мощного развития ледников, как в период великого плейстоценового оледенения, действительно никогда в истории Земли не происходило. Но вообще похолодания и оледенения издавна были знакомы нашей планете. Их было несколько.

Самое раннее оледенение наступило больше чем полмиллиарда лет назад. Его назвали гуронским, потому что следы его — мощные остатки ледниковых морен — обнаружены в окрестностях озера Гурон в Северной Америке. В начале кембрийского периода наступило второе оледенение, особенно заметное по моренам в Австралии и Индии. Третье оледенение произошло в начале девонского периода, оно хорошо изучено в Южной Африке. Исключительно четкие признаки оледенения обнаружены на исходе каменноугольного периода в Южной Америке и Южной Африке, Индии и Австралии. Тогда ледяные щиты пробороздили континенты планеты в четвертый раз. Следовательно, когда ледяные шапки с севера и с юга надвинулись на нашу планету в плейстоцене, это случилось уже в пятый раз. Может ли это случиться снова? Без сомнения. Мы живем в начале послеледниковой эпохи. От того места, где сейчас находится Ленинград, ледники отступили какие-нибудь двенадцать — пятнадцать тысяч лет назад. Наше время — это первое потепление после отступления ледников. В дальнейшем климат Земли, возможно, будет становиться теплее. Можно даже ожидать нового возрождения огромного острова Гренландия: на его вытуженной ледниками поверхности вновь зазеленеют мирты, лавры, магнолии, тутовые деревья, фикусы, пальмы и виноград. А затем вновь по лицу Земли медленно прокатится волна холода. Но на этот раз она не принесет столько бедствий. Человечество будет заранее ожидать ее первых вестников и спокойно включит термоядерные отопители планеты. Сложнейшие автоматы, которые заменят человека у пультов машин, станут веками и тысячелетиями следить за термометрами по всем материкам, регулируя поступление тепла. Ледниковые эпохи с их стынувшими зеленоватыми ледяными полями, безмолвием морозных тысячелетий и студеными снежными ветрами отойдут в область преданий.

Причины оледенений неизвестны. Предложены различные объяснения, но все они содержат те или иные недостатки и противоречия. Пробовали ссылаться на горообразовательные процессы, но никакие горы не могли бы послужить причиной появления таких огромных толщ льда. Астрономические явления? Возникла идея о том, что солнечная система периодически проходит через более теплые и более холодные области пространства. Допускали перемещения полюсов на планете. Рассматривали гипотезу о существовании в Галактике огромных облаков космической пыли, которые могли поглощать часть солнечных лучей.

Другие исследователи видели причину оледенений в том, что временами атмосфера наполнялась вулканической пылью: это увеличивало рассеяние света и вело к понижению температуры. Ин-

тересной оказалась мысль, что главной причиной колебаний климата являлось изменение количества углекислоты в атмосфере. Оно зависит от вулканической деятельности. Понижение ее содержания ведет к похолоданию, а увеличение всего на несколько процентов — к резкому повышению температуры. Таким образом, эпохи, когда вулканы «дымили» наиболее интенсивно, становились наиболее теплыми, а замирание вулканизма вело к охлаждению планеты.

Как мы уже говорили, плейстоценовый ледниковый период начался около шестисот тысяч лет назад. Необычайное и устрашающее зрелище представилось бы нам, если бы мы могли взглянуть с высоты на бескрайние поля голого льда, простиравшиеся от Гренландии и Северного Ледовитого океана к югу, покрывшие большую часть Европы, огромные площади Северной Азии, Канаду и северную часть Соединенных Штатов Америки. Толщина этого льда достигала сотен метров, а в отдельных местах — до километра. Общая площадь ледяного щита была близка к пятидесяти двум миллионам квадратных километров, а объем — свыше пятидесяти миллиардов кубических километров! Около пятидесяти двух миллиардов кубических километров воды лишился Мировой океан, и уровень его понизился, по мнению некоторых ученых, на триста метров! Широкие полосы суши, ныне скрытые под водой, простирались вдоль берегов.

В продолжение всей ледниковой эпохи толщина и размеры ледника менялись. Он то наступал, то отступал и почти полностью исчезал, климат в эти межледниковые промежутки становился иногда теплее, чем в настоящее время. Таких промежутков было четыре. Не нужно думать, однако, что температура на планете намного понижалась во время максимальных оледенений. Это неверно. Сильное охлаждение имело место разве лишь вблизи от ледяных стен. На юге продолжали существовать тропические леса и теплолюбивые животные. Средняя температура планеты упала лишь на пять-шесть градусов. Но и этого оказалось достаточным, чтобы возникли и начали свое движение огромные массы льда.

В начале первой половины великого оледенения растения и животный мир значительно отличались от современного. На тучных заливных лугах и опушках лесов паслись косяки лошадей и неисчислимые стада крупных длиннорогих бизонов. В лесах и на опушках бродили лоси и крупные олени с невиданно ветвистыми рогами. Громадные слоны — трогонтерии, предки мамонтов, обрывали зеленые ветви с деревьев. Эти слоны были самыми крупными; они превосходили мамонтов и современных слонов. Было много диких верблюдов и винторогих антилоп. На них охотились опасные хищники того времени: пещерные львы, называемые еще тигрольвами, так как они имели в своем строении признаки тигров. Пещерные львы, пещерные медведи и пещерные гиены значительно отличались от ныне живущих хищников, но уже не было большого различия между современными и плейстоценовыми куницами, зайцами, шакалами, волками и лисицами.

По мере медленного, но неуклонного продвижения ледников появляются зоны умеренного климата и тундры, полного развития достигают тайга, смешанные леса, новые черты появляются в об­лике степей. Не все животные вынесли великое похолодание. Одни из них вымерли, другие откочевали к теплому югу, третьи сумели видоизмениться и приспособиться к холодам. На равнинах Северной Европы и Азии широко распространились полярные животные — северные олени из Северной Америки, мускусные быки, ныне обитающие лишь в Гренландии и на североамериканских островах, лемминги, песцы, белые куропатки. Среди заснеженных равнин буро-рыжими холмами выступали многочисленные мамонты, потомки колоссальных трогонтериевых слонов, и их неизменные спутники, огромные волосатые, или шерстистые носороги. Крупные длиннорогие бизоны и первобытные быки уже сильно измель­чали; странные животные единороги, или эласмотерии, многие виды голых носорогов, пещерные медведи, пещерные гиены, пещерные львы вымерли. Даже в Крыму обитали в то время белые куропатки, песцы, зайцы-беляки, северные олени, полярные яв­оронки. А мамонты и шерстистые носороги водились на юге Испа­нии, в Италии, в Закавказье. Европа, Азия и Северная Америка надолго стали их второй родиной. Последние мамонты вымерли около десяти тысяч лет назад в эпоху вновь начавшегося потеп­ления. Оно вызвало массовую гибель животных, приспособившихся к суровым ледниковым условиям.

За последние двадцать тысяч лет климат Земли существенным образом не менялся и напоминал современный. Именно в это вре­мя окончательно сформировался мир растений и животных, кото­рый мы знаем. И именно в это время на Земле воцарился новый хозяин — человек.

КОСТРЫ

Ранние предки человека из млекопитающих появились уже в самом начале кайнозойской эры, семьдесят миллионов лет назад. Эти мелкие примитивные звери обитали в лесах и хорошо приспособились к жизни на деревьях. Возможно, это были эоценовые но­таркты или адаписы. Они напоминали современных лему­ров — обитателей острова Мадагаскар, «заповедной страны лему­ров». Череп нотаркта был длинный и узкий, глаза располагались по бокам головы. Он был обитателем Северной Америки, и его останки най­дены в штате Вайоминг. Адапис найден во Франции, голова его была более высокой и короткой. Есть все основания полагать, что эти древесные зверьки и были предками обезьян. Для обезьян ха­рактерно то, что на протяжении всей своей истории они оставались жителями лесов. В частности это относится к так называемым че­ловекообразным обезьянам. На земле эти обезьяны чувствовали себя настолько неуверенно, что, например, один профессор надеж­

но удерживал от побега пойманных шимпанзе только тем, что вырубил все деревья и кустарники вокруг рожи, куда эти шимпанзе были выпущены.

Нам почти неизвестны все звенья длинной цепи, которая через вереницу предков связывает нотаркта или адаписа с человеком. Отсутствие материала объясняется тем, что остатки этих обитателей лесов чаще всего полностью разрушаются у подножий древесных стволов бактериями-сапрофитами и животными —

поедателями падали. Только в исключительных случаях возникали условия, которые позволяли их скелетам окаменеть.

Изучив строение современных высших обезьян, можно составить представление и о непосредственных предках человека. Из четырех видов человекообразных обезьян самыми отдаленными нашими родственниками являются, конечно, гиббоны из Индокитая и с Малайского архипелага. Череп гиббона выдает его принадлежность к более примитивным обезьянам, хотя и имеет достаточно крупное мозговоеместилище. Появился гиббон, вероятно, в олигоцене тридцать миллионов лет назад и в процессе эволюции превратился в одну из самых приспособленных к жизни на деревьях обезьян. При первом взгляде на гиббона поражает необычайная длина его рук. При вертикальном положении тела он ладонью достает землю. Такие руки позволили гиббонам стать непревзойденными акробатами лесов.

Гораздо ближе к нам стоят орангутаны, человекообразные обезьяны с островов Суматра и Борнео. Как и гиббоны, они ведут древесный образ жизни, но их руки не столь длинные, как у гиббонов, и в вертикальной позе достигают только голеностопных суставов. А самыми близкими родичами человека являются африканские гориллы и шимпанзе. Размеры черепной коробки у этих обезьян больше, чем у орангутана. Руки у них спускаются лишь немного ниже колен. Их появление на Земле относят к концу миоцена, или к самому началу плиоцена. Ни гориллы или шимпанзе,

ни тем более гиббоны, ни орангутаны не могли стать нашими предками. Однако далекие предки этих огромных обезьян одновременно явились и предками человека. Они были обитателями лесов и походили, по-видимому, на шимпанзе.

Преобразование первобытной обезьяны в обезьяно-человека произошло более миллиона лет назад. Это превращение могло случиться только потому, что какие-то причины вынудили ее покинуть деревья и перейти к жизни на земле. Все обезьяны, в том числе и человекообразные, всегда были и будут обитателями тропических лесов. Их появление и распространение в третичном периоде, в эпоху пышного произрастания джунглей, вполне понятно. Но невозможно представить себе причину, которая бы вдруг заставила древнюю обезьяну спуститься в полные опасностей и неудобств нижние этажи леса. Поводом к возникновению новых видов животных всегда служила какая-либо настоятельная необходимость, а в данном случае она явно отсутствовала. Первобытный глухой лес не мог стать местом формирования человека. Предки людей ни за что не стали бы без крайней необходимости спускаться с ветвей и осваивать жизнь на земле. Безлесная местность представляла для них почти непреодолимый барьер. Кажется, ничто не могло помешать ранним примитивным обезьянам продолжать оставаться обезьянами, все более и более совершенствуясь в жизни на деревьях и приобретая все меньшее сходство с человеком. Чтобы превратиться в людей, им надо было прежде всего спуститься на землю.

Что же могло заставить наших предков покинуть спасительные ветви? Конечно, не голод: ведь на земле пищи для них было еще меньше, чем на деревьях, а врагов — значительно больше. Помимо всего прочего, на земле они были почти беспомощны. Не могли они, с другой стороны, превратиться в человекоподобные существа на деревьях и уже потом оставить свое прыганье и лазанье по ветвям. Напротив, только очутившись на земле, предки людей стали превращаться в человеческие существа. Те обезьяны, которые не перешли к жизни на земле, навсегда остались обезьянами.

Приходится признать, что спуститься с деревьев их заставило очень важное обстоятельство: огромные массивы лесов севернее и южнее нашего теперешнего тропического пояса начали редеть. Правда, обезьяны испытывали «склонность обращаться в людей» далеко не всюду, где гигантские леса заменялись саваннами. Например, с павианами в Восточной Африке этого не произошло. Их предки обитали на деревьях, а нынешние павианы населяют горные районы Абиссинии и живут среди скал. Приспособившись к жизни на земле, они остались все же весьма низкоорганизованными обезьянами. Не от их предков ведет свою родословную человек, и не всякая обезьяна, начавшая жизнь на земле, способна была подарить миру человека. Предки людей были намного более высокоорганизованными обезьянами, чем предки павианов.

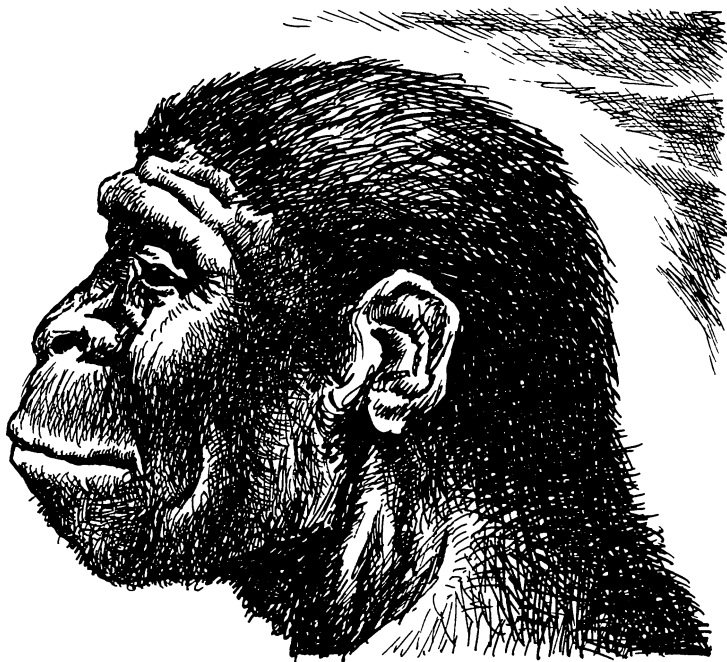
В третичном периоде возникли первые большие складчатые це-

пи гор: Альпы, Пиренеи, Карпаты, горные хребты Азии. Когда дыхание гигантских ледников уничтожило миллионы квадратных километров тропических лесов и забнувшие обезьяны очутились на земле, они часто оказывались в ловушке: с севера на них медленно, но неотвратимо наступала холодная искрящаяся стена льда, по утрам окутанная туманом, а отступление к югу отрезали иззубренные хребты. Пространство между неприступными горами и придвигавшимся ледником неумолимо сокращалось, в продолжение тысячелетий все более охлаждался воздух. Суровая жизнь в этой полосе и могла способствовать превращению высокоорганизованных обезьян в человеческие существа. Прошли сотни тысячелетий, и обезьяна перестала быть лазающим животным, она освоилась с передвижением в беслесной местности.

Однако человек все же не мог бы появиться, если бы его предки — обезьяны не оказались способны к тому, чтобы в конце концов встать на задние лапы и освободить передние, превратив их в руки. Спасаться от врагов на открытой местности бегом они не могли, они были чрезмерно медлительны. Но жизнь на деревьях выработала у них привычку держаться вертикально, и на земле, поднявшись на задние ноги, эти обезьяны высматривали врага поверх препятствий и вовремя прятались от него. Освобожденная рука наряду с зубами использовалась в борьбе с хищниками и для ловли добычи. В новой обстановке вертикальная поза давала обезьянам большие преимущества.

Став жителями равнин, наши предки так никогда и не выработали способности бегать быстро, а это говорит о том, что не стремительным бегом, а иными средствами защищали свою жизнь эти наземные обезьяны. Зубы обезьян, которые произошли от насекомыхоядных животных, тоже не представляли надежного средства в борьбе с врагами. Единственным надежным органом в этих целях могла стать рука. На ней не было длинных острых когтей, которыми можно было бы царапаться, но она была сильная, подвижная и, главное, обладала способностью схватывать предметы. Нетрудно представить, как обломок палки у наших предков превратился в надежное орудие защиты. Сначала это движение могло быть чисто инстинктивным: при внезапной опасности зажать в лапе обломок палки, как при жизни на деревьях — схватиться за ветвь. Способ обороны внушительного размера дубиной оказался, по-видимому, достаточно надежен. Увеличивался размах руки, значительно сильнее становился удар, сама рука страдала намного меньше. Менее одаренные обезьяны, которым слабость координации движений не позволяла пользоваться палкой, должны были чаще гибнуть.

Так в результате естественного отбора постепенно возникло существо, которое неплохо ходило на задних ногах, защищалось от многочисленных врагов ударами тяжелой дубины и уже значительно отличалось от человекообразной обезьяны. Естественный отбор на способность защитить себя и детенышей в среде этих полуобезьян-полулюдей сохранял только тех, которые обладали наибо-

лее развитым мозгом и, значит, сообразительностью. Это главным образом и стимулировало развитие интеллекта. Но, став орудием защиты, обломок дерева одновременно превратился и в орудие нападения. Способность добывать в труднейших условиях пищу оказывала сильное воздействие на естественный отбор. Каждое такое существо должно было уметь выслеживать и убивать небольших животных для пищи. Часто в пылу битвы или преследования вместо палок и сучьев использовали камни. Ими били и их бросали в добычу и во врага. Но, когда эти дикие орды случайно открыли пользу соединения обломка камня с палкой, это был в развитии первобытных людей момент величайшей важности. Каменные орудия дали им в руки исключительно сильное оружие. Открытие или изобретение искусственных орудий в целях защиты и нападения было абсолютно необходимым условием в жестокой и безжалостной борьбе за существование. Без них наших предков ожидало бы полное вымирание.

Наши обезьяноподобные предки были стадными животными, когда они жили на деревьях, такими же ордами они продолжали жить и на открытых равнинах. Такие орды постоянно кочевали в поисках местностей с наиболее обильной пищей. Их уже не влекло обратно на деревья — эволюция приобрела настолько четко выраженное направление, что возврата вспять быть не могло.

Ни Америка, ни Австралия не были колыбелью обезьянолюдей. Территорией, на которой они возникли, был юг Азии и Африки.

Здесь создались условия, приведшие к возникновению первых примитивных людей. В конце мезозойской эры там обитали многочисленные растительноядные и хищные динозавры и с ними — маленькие первые млекопитающие. Климат был очень теплым, и вся эта обширная территория была покрыта богатой растительностью. Однако начиная с олигоцена климат здесь стал прохладнее, и постепенно на месте тропических лесов стали образовываться обширные травянистые равнины. Повидимому, именно здесь и в горных районах появились первые обезьянолюди — питекантропы, и отсюда они медленно распространились на запад, юго-запад и юго-восток. Это были прямоходящие низкорослые существа с сильно покатым лбом и мощными надглазничными дугами. Кости их черепа имели значительную толщину. Питекантропы жили в окружении крупных человекообразных обезьян, макак, тапиров и носорогов, бегемотов, оленей и антилоп, быков, слонов, медведей, гиен, тигров и саблезубых тигров-махайродов. Надо полагать, что наибольшую опасность для наших предков представляли обычные тигры и их гораздо более крупные и страшные саблезубые сородичи. Но добычей этих опасных хищников чаще становились копытные животные, и их встречи с питекантропами бывали довольно редки. В условиях тропического климата и обилия дичи жизнь обезьянолюдей текла сравнительно благополучно.

В Азии в это время формировался новый, более высокоорганизованный тип первобытного человека — синантроп. Синантроп еще обладал очень низким черепным сводом, сильно покатым лбом, тяжелыми надглазничными дугами, выступающими вперед челюстями, тупым подбородком и заостренным затылком. Держался он несколько прямее, чем питекантропы. Его окружала фауна более прохладного климата: первобытные быки, различные носороги, дикие кабаны, лоси, олени, медведи, древние слоны, львы и волки. Синантроп уже изготовлял примитивные каменные орудия, лакомился костным мозгом, раздробляя трубчатые кости, изготовлял чаши из черепов животных и умел пользоваться костром. Есть основания считать, что синантроп не только поддерживал постоянный огонь, но даже умел его добывать. Спустя десять тысяч лет в процессе дальнейшей эволюции возник более современный тип человека — первобытные люди, или неандертальцы.

Настоящим пещерным человеком был неандерталец. И появился он с юга Азии, расселившись постепенно по Европе, Азии и Африке. Неандертальцы были очень выносливы и умели приспосабливаться к разнообразным климатическим и природным условиям. Это были люди небольшого роста — около ста шестидесяти пяти сантиметров, чрезвычайно коренастые, ходили они, сгибая в коленях ноги. Черепа их поражают массивностью и толщиной костей, лицевая часть остается выдвинутой вперед, но челюсти несут крепкие, почти совсем человеческие зубы.

Неандертальцы вступили в Европу около ста — ста пятидесяти тысяч лет назад. Они были обитателями естественных пещер, уме-

ли пользоваться огнем и изготавливали примитивные каменные орудия. Охотились они на лошадей, оленей, бизонов и лосей, у гигантского пещерного медведя отвоевывали пещеры. Пещерный медведь был могучим зверем, в полтора раза превосходившим нашего современного бурого медведя. Поднявшись на задние лапы, он достигал трех метров. И все-таки неандертальцы вступали в битвы с этим всеядным хищником. Существовали племена, которые регулярно охотились на него ради мяса и теплых шкур.

Прямая схватка с пещерным чудовищем была всегда очень опасна и требовала от охотников большого мужества и взаимной поддержки. Плохо вооруженные древние люди нередко становились жертвами слабости своей организации. Самые тяжелые исходы битв были для людей обычным явлением.

Нелегкая жизнь неандертальцев сделалась еще тяжелее с понижением температуры. Загнанные холодами под каменные навесы сырых пещер, прикрывая тело шкурами убитых животных, плотной группой окружив костер, неандертальцы с трудом выживали. Животные откочевывали на юг, и охота не всегда бывала удачной. Приходилось голодать целые недели, за которые люди теряли силы. Потом внезапное появление вблизи стоянки северных оленей или шерстистых носорогов заставляло людей собирать остатки сил, чтобы одолеть в неравной борьбе одного или двух могучих зверей. Именно в эти, исключительно тяжелые для неандертальцев времена некоторые орды начали откочевывать на юг и, постепенно расширяя область обитания, проникли через Ближний Восток в Африку. Постепенно они приобрели более высокий черепной свод, менее тупой подбородок, их ноги стали длиннее и выше рост. Все их строение указывало на то, что они стояли выше типичных неандертальцев Европы. Из Европы и Азии неандертальцы откочевывали все дальше на юго-восток, к островам Малайского архипелага и к Австралии. Но Австралии они не достигли. Неандертальцы не проникли также и в Америку, потому что перешеек, связывавший Евразию с Американским континентом, находился далеко на севере, подо льдом.

Прошли тысячелетия, и на планете появился так называемый кроманьонский человек. По всем своим внешним признакам кроманьонцы были точной копией современных людей, а их черепная коробка даже превосходила вместимостью объем мозговой полости любого из нас. Это был завершающий этап в нашей эволюции. С появлением кроманьонцев возник человек, непосредственными потомками которого мы все являемся: «Человек разумный». Это произошло около пятидесяти тысяч лет назад.

ПОБЕДИТЕЛИ И ПОБЕЖДЕННЫЕ

Я двигался по плейстоцену медленно, не спуская глаз с указателя геологического времени. Мне не хотелось пропустить начало раннего палеолита. Я остановился в мире питекантропов.

Стоял жаркий тропический день. Машина находилась на вершине холма в чаще низкорослого кустарника, языком спускавшегося к мелкой речушке. В километре слева бледно-зеленые заросли высоких бамбуков обступили опушку болотистого леса со смоковницами и лимонными деревьями и роскошными древовидными папоротниками, похожими на перистые пальмы. Впереди и справа тянулась всхолмленная равнина с группами невысоких мимоз. Большое стадо диких свиней во главе с крупным вепрем с визгом и хрюканьем вынырнуло из тростников и, толкаясь, направилось к водопою.

Я наблюдал за ними в бинокль, когда гортанный нечленораздельный возглас разорвал тишину. Он раздавался из кустарников с северной стороны холма, затем послышался шум и дробный топот множества ног.

Держась за рукоять движения, я ждал приближения неведомых существ. И вот из-за склона, метрах в двадцати ниже меня, вынырнули предки людей — питекантропы. Они были обнажены, как и полагается животным, и покрыты черной короткой шерстью. На первый взгляд они почти не отличались от крупных обезьян, но пропорции их рук и ног были совсем иными, и бежали они гуськом в выпрямленном положении, не прикасаясь к земле руками. Я смотрел на них во все глаза: ведь это были первые на планете существа, наделенные проблесками человеческого сознания.

Впереди бежали крепкие крупные самцы, приплюсываясь к запахам плоскими расширенными носами с вывернутыми ноздрями. Один из них увидел меня и машину, встревоженно рявкнул, и все остановились как вкопанные. Я мог подробно разглядеть их: они совсем не имели талии, мутноватые темные глаза смотрели из-под надбровных дуг недоверчиво и боязливо. В руках у некоторых были суковатые палки и крупные обломки камней. Сжимать такие камни в руке было неудобно, и я заметил, что грани обломков были очень примитивно обиты. Это были первые в истории человечества сознательно обработанные каменные орудия — нечто вроде грубых рубил. Большие пальцы ног у питекантропов отходили от остальных, как у обезьян.

Питекантропы стояли кучкой на опушке кустарника и пялили глаза на то, что должно было представляться им непонятым блестящим чудищем. Казалось, они колеблются, не зная, что предпринять. Но тут что-то у подножия холма привлекло их внимание, и я был моментально забыт. Питекантропы ринулись в кустарник и исчезли из виду. Я еще слышал треск ветвей и гортанные односложные звуки, но скоро и они затихли. Когда, по моим соображениям, стадо этих удивительных существ в обличье обезьян было на полдороге к подножию холма, я снова сошел с машины и, схватив бинокль, пригибаясь, прокрался из полосы кустарника на более открытое место.

Там только кабанье стадо неторопливо уходило наискось от холма, исчезая и появляясь в высокой траве. Я был разочарован.

Поднявшись во весь рост, я принялся осматривать кустик за кустиком по склону, не теряя надежды, что сумею обнаружить обезьянолюдей. Но они бесследно пропали, хотя, по-видимому, не могли за такой промежуток времени уйти далеко. С четверть часа я бродил по кустарникам, теряясь в догадках.

И вдруг я снова увидел питекантропов — уже внизу, на равнине. Пропустив кабана вперед, они внезапно показались из травы по обеим сторонам стада. Разъяренный кабан повернулся — под солнцем сверкнула его щетина, — захрапел и скачками помчался назад. Стремительно протянулась в траве примятая дорожка, питекантропы громко заверещали и бросились врассыпную. Один из них, морщинистый и старый на вид, вероятно, вожак, обожал сбившееся стадо, в два прыжка оказался среди маток с поросятами. Между тем кабан с торчавшей дыбом щетиной на спине наступил одного из врагов, и его желтые клыки обагрились кровью. Молодой, видимо еще неопытный, питекантроп рухнул замертво.

А на вожака питекантропов кинулось сразу несколько взбешенных маток. За ними, путаясь в траве и истошно визжа, устремились поросята. Старик, подняв над головой суковатую дубину, отскочил в сторону, пропустив матку, и новым прыжком очутился среди молодняка. Суковатая дубина успела прикончить нескольких поросят, затем переломила хребет озверевшей матке.

Другие свиньи, покружив в травяных зарослях, снова обнаружили своего врага, но на них набросились с камнями и дубинами

еще пять или шесть питекантропов. Остальные охотники носились перед самым носом кабана, и тот сбился с ног, гоняясь за ними. Все-таки он сумел распороть ногу еще одному питекантропу. Неожиданно по какому-то сигналу вожака охотничий отряд наших древнейших предков отступил и бросился к деревьям. Питекантропы с удивительной ловкостью вскарабкались на ветви. В смятой траве бились в агонии издыхающие самки и поросята.

Только теперь я понял, что отступление было маневром, позволившим питекантропам избежать ненужных потерь. Это говорило об уме и почти человеческой хитрости. Когда кабан, яростно и утомленно хрюкая, увел остатки своего стада со злосчастной поляны, питекантропы попрыгали с веток вниз. Взрослые охотники и самцы-подростки отправились за добычей. Приземистые самки с детенышами разного возраста, пугливо озираясь по сторонам, прижимали младенцев к груди. Некоторые самки несли полуголых розовых детенышей на спине, и те держались за их шеи тонкими обезьяньими ручонками.

Вожак принялся было большим плоским рубилом вскрывать брюхо самой большой свиньи, но крупный молодой самец внезапно вырвал у него камень. Старик зарычал, но протестовать активно, видимо, не решался. Авторитет вожака был подорван, и все взрослые охотники разом накиннулись на свинью. Они кромсали ее рубилами или старались оторвать мясо прямо зубами. При этом они рычали и скалили зубы друг на друга. Самцы заботились только о себе, а самки сидели за их спинами, не смея приблизиться, и блестящими голодными глазами наблюдали, как сочащиеся кровью соблазнительные куски исчезали в ненасытной утробе их гримасничающих повелителей.

Наконец самцы насытились и отвалились от полуобглоданных свиных туш. Тогда несмело приблизились самки с детенышами и тоже накиннулись на мясо. Сначала они жадно ели сами, потом все чаще стали подбрасывать маленькие кусочки детенышам. Самой вкусной частью считалась, по-видимому, морда свиньи, несколько самок передрались из-за нее, начали визжать, царапаться и грызться.

Но вот трапеза окончилась. Остатки пиршества были оставлены в смятой траве, и самки занялись своими детенышами. Их ласки и заботы о них весьма напоминали человеческие, до меня доносилось даже мелодичное урчание, слишком грубое для ушей человека, но, вероятно, нежное и музыкальное для малолетних сыновей и дочерей питекантропов. Иногда матери шлепали детенышей по губам, и это неизменно вызывало визгливую бурю неудовольствия.

Перед закатом часть молодых бездетных самок оставила стаянку и, гуськом перейдя равнину, углубилась в лес в сопровождении двух самцов с длинными, остро обломанными палками. Когда они снова показались на равнине, плечи их сгибались под тяжестью ноши. Они несли охапки плодов, в том числе плотные грозди

диких бананов. Я рассмотрел также какие-то луковичные растения и желтые витые корни. Стая встретила их гортанными силовыми возгласами радости, но, прежде чем пиршество возобновилось, самцам пришлось отогнать осмелевших от голода шакалов. В стороне на трупе убитого кабаном охотника пировали грифы, никто не обращал на них внимания.

Когда приплюснутый жарой диск солнца коснулся срезанных верхушек далеких вулканов, на стоянку под деревья приковылял молодой охотник, которому кабан пропорол ногу. Должно быть, он потерял очень много крови и очень ослабел. Он упал, и руки его потянулись к полуобглоданному свиному ребру. Но племя питекантропов не терпело в своей среде увечных, больных и старых — всех, кроме детенышей, кто не был в состоянии сам заботиться о себе. Вожак даже пытался угрожающими жестами отогнать несчастного, и тот испуганно отполз на несколько шагов в сторону, прижимая к груди еду. К ночи стая ушла к лесу, унося с собой остатки дневной добычи, а раненый питекантроп так и остался лежать на примятой траве возле остовов двух свиней и груды недоеденных внутренностей. Над местом стоянки низко кружили грифы, где-то раздавался лай шакалов. Брошенный на произвол судьбы охотник вряд ли мог дожить до восхода солнца. Кровь из его раны продолжала сочиться, он слизывал ее, с каждым часом слабея все больше.

Что я мог сделать? Это был еще не человек, хотя уже и не зверь. С тяжестью в сердце я побрел обратно на вершину холма. Машина смутно блестела под звездами. Усевшись в сиденье, я тронул рычаги и установил их на самое медленное движение. Мне хотелось немного поспать в безопасности.

РАЗОРЕННОЕ СТОЙБИЩЕ

Шестьсот тысяч лет назад там, где сейчас расположен Китай, в сырой мрачной долине, покрытой редкой пожухлой травой, можно было увидеть двуногое существо в мохнатой медвежьей шкуре. Боязливо озираясь, оно быстрыми перебежками кралось от дерева к дереву, от камня к камню, продвигалось по унылой низине. Кое-где осколками зеркала сверкали болота, листва желтела и осыпалась, и в воздухе чувствовалось приближение зимы.

Синантроп был низкоросл, но мускулист. Пегая шерсть на его ногах, груди и спине была почти неотличима от шерсти на шкуре, бородатое лицо иссечено грубыми морщинами. Маленькие глаза под огромными надбровными дугами пугливо и хитро бегали по сторонам. Над мясистым носом нависал покатым лоб, убежавший к затылку, подбородка не было, и челюсти, будто срезанные наискось, торчали вперед. Его трудно было назвать красавцем, но он был крепок и, видимо, очень ловок, хотя ступал несколько пообезьянью, на согнутых в коленях ногах.

Он был вооружен — держал на весу большой сук, к которому сырмятными ремнями был привязан грубо выделанный камень. Синантроп был голоден и испуган — никогда еще он не заходил так далеко от своей стоянки. Но, хотя он был еще по-звериному упрям, и ему уже было знакомо человеческое чувство долга. Он должен был вернуться с дичью, или даже старухи встретят его насмешками. Необычные запахи, подымавшиеся с болот, чей-то тяжелый топот вдали и голодные

крики зверей в сумерках заставляли его поминутно вздрагивать. Сердце его стучало и готово было выпрыгнуть из широченной волосатой груди.

Мысли его были подобны земляным червям, медленным и ленивым, в беспорядке ворочающимся в крошечном подземном мраке. Сейчас мы сказали бы, что ему не доставало четкости и дисциплины мышления. И только зрительные образы, четкие и примитивные, быстро сверкали в его мозгу один за другим, так что мысль лишь изредка успевала связать их между собой и позволить ему сделать какие-нибудь выводы. Он еще не привык думать.

Тем не менее он думал — об огне. Он никогда не видел горячих лав, ибо огонь передавали из поколения в поколение и сохраняли его, как самую дорогую ценность племени. Только старики рассказывали о стремительных реках бушующего огня. Этот огонь вышел из земли, и они укротили его. Он не ревел, как в лесных пожарах, а жил в пещерах, и образ его вызвал в памяти синантропа дразнящий запах жареного мяса...

Пора было передохнуть. Первобытный человек огляделся. Это была бесплодная местность, вся в песке и галечнике, а неподалеку, между наклонными глыбами, зияла щель провала.

Синантроп постоял, заглядывая внутрь. Затем он протиснулся в щель. И, когда померкло небо и начал накрапывать мелкий дождь, он подобрал два подходящих камня и, сидя на корточках,

принялся бить их друг о друга. Его мысли медленно кружились вокруг форм, которые принимали камни. Он знал, что был в этом деле искуснее других, и верил, что хорошо отточенное оружие вернее поразит врага и удесятерит силы самых слабых рук. Он продолжал обивать два кремня, а искры летели от них подобно падающим звездам, в осенние ночи роями мчавшихся по небу.

Искры были холодными, огонь, который заключался в них, был безвреден и не помогал развеять холод. Синантроп давно уже его не замечал. Но, когда особенно яркая искорка упала на сухой мох и красная дымная улитка поползла по желтому стебельку, он отпрянул. Все исчезло, только горьковатый дымок щекотал ему ноздри. Тогда он снова присел на корточки и снова принялся за свое однообразное занятие, ибо стук рождающегося оружия согревал его и вселял бодрость. И вот снова запахло паленым, и опять по стебелькам мха поползла блестящая улитка. И вдруг быстрее, чем он мог сообразить, мох под его ступнями запылал, и темная щель в камнях осветилась. Синантроп в страхе выскочил из своей норы под дождь. Здесь было холодно и сыро, но он ничего не замечал, весь поглощенный непостижимостью случившегося. Расселинадохнула на него теплом, и он осторожно сунул в нее голову. Самого огня он давно не боялся, но это был какой-то странный огонь: он возник из камней! И этот огонь угасал в каменной темнице — мох уже только тлел. Синантроп присел в стороне, напряженно стараясь удержать расплывающиеся мысли и разбегающиеся образы. Затем он снова взял кремни. Он бил их долго, и вот снова появилась красная улитка. Тогда синантроп подгрел мох кучкой и стал дуть на нее. Кучка запылала!

Схватив чудодейственные кремни, он кинулся назад к племени, смутно понимая, что несет в этих двух камнях покоренный огонь и отныне не надо будет бояться, что огонь когда-нибудь может умереть...

За веком питекантропа, синантропа и других предшественников древних людей следовали тысячелетия первых людей древнего каменного века — неандертальцев. Наступало время, которым сейчас занимается не столько палеонтология, сколько археология. Последний день вне нашего времени я решил посвятить наблюдению над медленно занимающейся зарей человечества.

Дул ровный постоянный ветер. Было достаточно тепло, но не жарко. Мой указатель времени свидетельствовал, что до наших дней остается пятьсот тысяч лет.

Я слез с машины в прозрачном саловом лесу и сразу принялся маскировать ее срезанными ветвями. Невдалеке росли магнолиевые деревья, увитые лианами, и одно из них, довольно крупное, нависало над обрывом, за которым начиналась горная долина с маленьким пенистым ручьем, рощами мыльных деревьев и конскими каштанами. Ближе к горам жался нарядный желто-зеленый лес

высокоствольных древовидных папоротников, а в стороне, у самого подножия горы, плотной зеленой стеной стояли бамбуки.

Я взял бинокль и взобрался на дерево над пропастью до средних его ветвей. Прямо на западе передо мной находилась большая стоянка синантропов.

Вокруг трех костров сновали люди в шкурах. Шкуры были брошены на воткнутые в землю большие сучья, образуя грубые кривобокие шалаши. Я застал их в момент, когда взрослые охотники покидали стойбище.

Я долго следил, как эти люди с гривами темных волос до середины спины неторопливо, гуськом выходили из пологой низины и направлялись к теснинам горных отрогов.

Ленивый покой овладел деревней с уходом охотников.

Женщины что-то стряпали на больших камнях, окружавших пылающие очаги, старики неподвижными серыми истуканами сидели на корточках у входов в шалаши, подростки таскали хворост. Дети беспорядочно бегали или ползали под ногами у взрослых, не привлекая ничьего внимания. Многие с удовольствием рылись в кучках кухонных отбросов, возвышавшихся посреди стойбища, и что-то проворно закидывали себе в рот.

Небо над долиной помрачнело, начался дождь. Все попрятались в шалаши и под навесы из шкур, а очаги забросали золой и прикрыли ветвями. Когда же через час дождь прекратился и засияло солнце, развернулись новые события.

На стойбище возвратились четыре девушки, неся прутики с низанными на них небольшими рыбками. Я засмотрелся на их трофеи и некоторое время раздумывал над тем, каким способом они ловят рыбу. Мысли мои были прерваны странным ревом со стороны горной гряды. На минуту в стойбище все замерло. Женщины и старики, заслонив глаза от солнца, вглядывались в далекий горизонт, а затем начался невообразимый переполох. Все бегали и кричали. Дети плакали, размазывая слезы и грязь по своим старообразным мордочкам. Подростки и старики, схватив оружие, бежали на окраину становища. Они возбужденно переговаривались между собой, неуклюже размахивая руками. Я навел бинокль на горы и внезапно поймал в поле зрения громадный, медленно летящий камень. Как пушечное ядро он влетел в рощицу каштанов, и на его пути рухнули два дерева, взметнув в воздух листья и щепки. Несколько мгновений камень, подпрыгивая, катился по земле, ломая кустарник, как тростник.

Прошло еще минут десять, на становище вновь воцарилась тишина. Один из подростков с тонкими кривыми ногами побежал к кряжистому дереву в полусотне метров от стойбища и начал неуклюже карабкаться на него. Обезьянья сноровка была уже утрачена людьми, и он с трудом добрался до первых сучьев. Лезть стало легче, а боязнь высоты была ему, видимо, незнакома. Неожиданно он замахал рукой и что-то закричал тем, кто стоял внизу. Его мальчишеский голос походил на кваканье с хрипотцой и

завыванием. Должно быть, ему не поверили и переспросили, но он уже проворно спускался, прыгнул с нижней ветви и затараторил, описывая руками окружности и показывая на дерево. Женщины столпились, глядя то на него, то на дерево, затем почти разом повернулись в сторону гор. И тогда, словно бурые и серые листья под сильным порывом осеннего ветра, они кинулись бежать в глубину долины, подхватив оравших детей. Старики, покрытые уродливыми шрамами, ковыляли по стойбищу, ища, по-видимому, куда бы спрятаться. Двое зарылись с головой в кухонные отбросы, один притаился в груде хвороста, а две страшные старухи, подобрав с горячих очагов какие-то корни и печеные клубни, укрылись под корнями большого дерева, навалив на себя охапку шкур. Снова разнесся рев, но уже гораздо ближе... И вот перед стойбищем показались чудовишные обезьяны! Ничего подобного я никогда не видел. Это было стадо гигантопитеков, огромных гориллообразных чудовищ, ростом около трех метров; их было голов двадцать или более. Они рысью, враскачку бежали по долине. Один из гигантопитеков держал в лапе дымящийся факел, как мы держали бы в кулаке карандаш, и размахивал им.

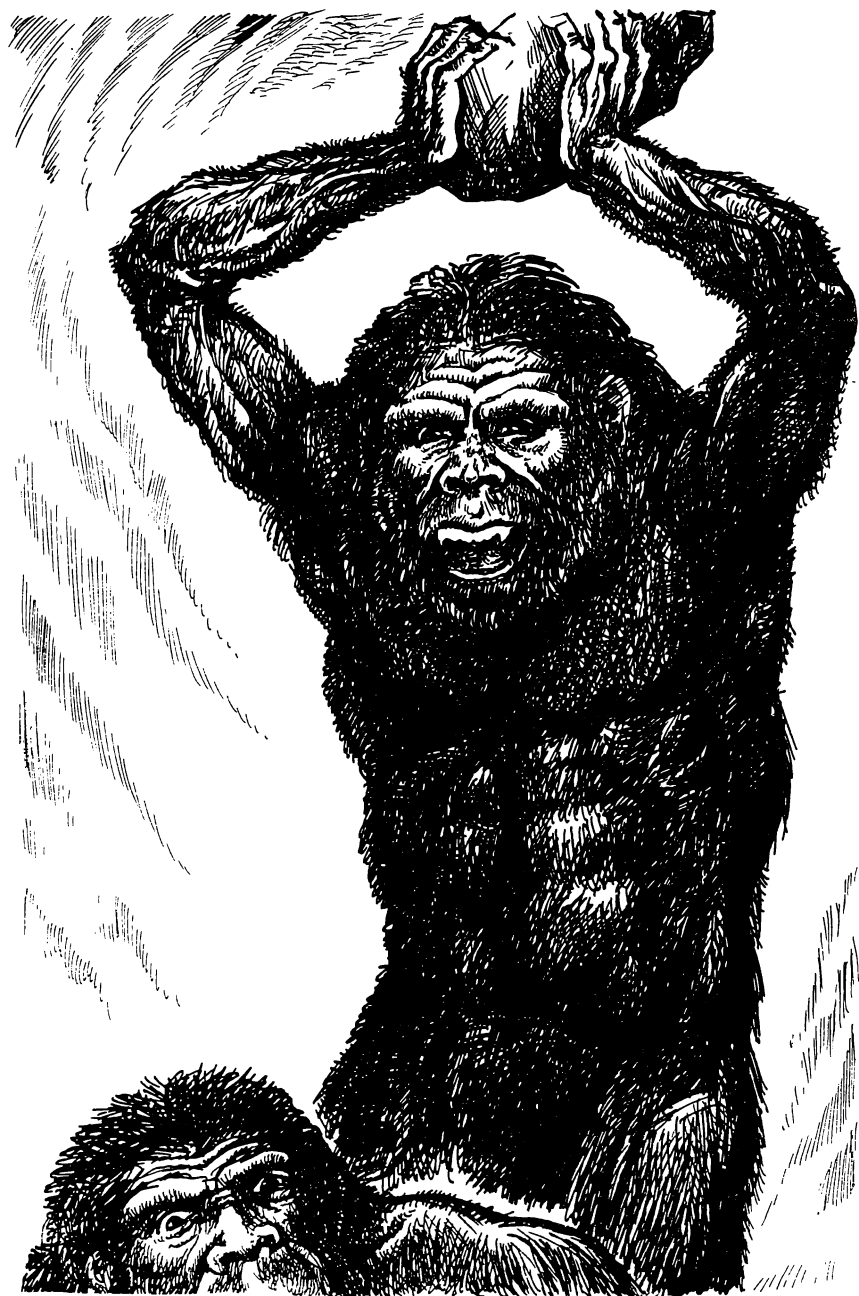
Тут я заметил крошечные фигурки охотников и понял, что это их преследовали разъяренные чудовища. Синантропы мчались во весь дух, теряя оружие, но гигантопитеки быстро настигали их. Охотник, оказавшийся в цепочке бегущих последним, на миг остановился и метнул в ближайшего из преследователей увесистый камень. Чудовище взмахнуло лапой, поймало камень будто мячик и отбросило его далеко в сторону. Тогда я понял, кто швырнул огромную глыбу.

Шум могучего дыхания гигантопитеков доносился даже до меня. Изредка они издавали короткие рыкающие звуки, а иногда один из них гоготал и разевал, как пещеру, розовую пасть. Только одиннадцать синантропов вместо ушедших восемнадцати бежали, едва двигая ногами от усталости. Их лица с остановившимися от ужаса глазами блестели от пота, изо рта текла пена.

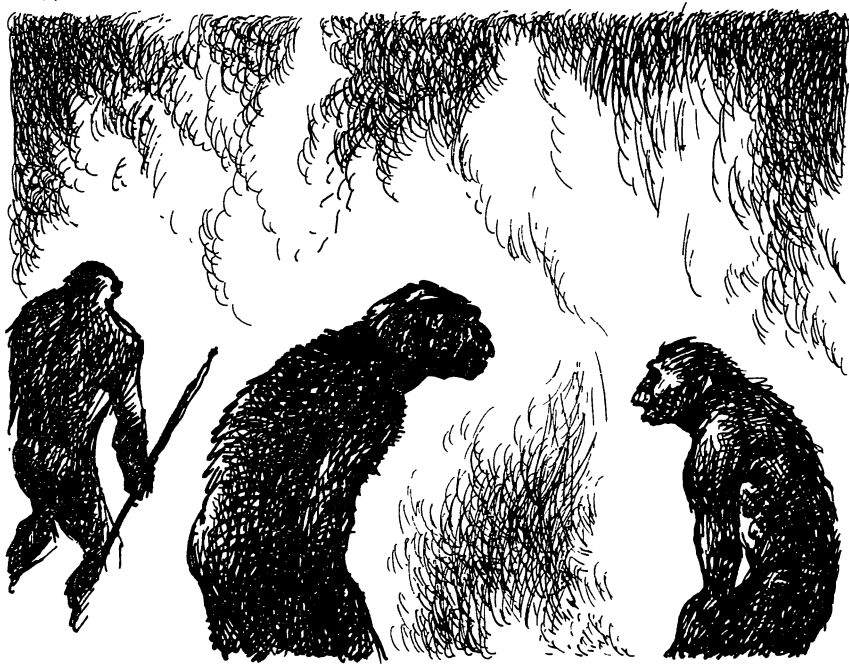
Гигантопитек взмахнул огромной лапой, еще один брошенный с огромной силой камень, крутясь, грохнулся о землю, сбив с ног двух коротконогих охотников. Удар был так силен, что мое дерево покачнулось, и я с опаской оглянулся на замаскированную машину.

Синантропы жалобно завопили, над их головами с жужжанием пронесся дымящийся факел, подобранный где-то гигантопитеком, и они как подкошенные повалились в траву. Только один еще не оставил надежду достичь стоянки, хотя спасение лучше было бы искать среди деревьев. Остальные охотники, распростертые в высокой траве, лежали совершенно неподвижно, уткнувшись лицом в землю. Гигантопитеки набежали на них, и я отвернулся, содрогнувшись от жалости и ужаса.

Когда я взглянул опять, гориллообразные чудовища, размахивая лапами толщиной в человеческий торс, с воем и воплями ко-

выляли к стоянке, ударяя огромными кулачищами себя в грудь. Из травы позади них встали четверо уцелевших охотников. Камни взлетели и поразили одну обезьяну в лопатку и левую лапу у плеча. Но гигантопитек даже не заметил этого. Шалаши синантропов в мгновение ока оказались разрушены, шкуры и колья разлетелись в разные стороны. Какой-то хлам попал на тлеющие уголья очагов и вспыхнул смрадным, коптящим пламенем. Высоко в небо взлетали искры. Ружейным выстрелом треснула горевшая ветка, тлевшие угольки брызнули в разные стороны, и несколько их упало в груды хвороста. Дымные струи протянулись по ветру. Сучья затрещали, стали быстро обугливаться, и вдруг, словно взмах ослепительно белого крыла, над стойбищем встало жаркое море пламени. Рев и вопли огласили долину. Гигантопитеки в ужасе оставались на огонь. Вертя головами, они глядели, как вспыхивала сухая трава, как занимались и тлели шкуры и палки. Ветер резко переменялся, и голубовато-серые чудовища закашлялись, хватаясь лапами за грудь. Они кинулись бежать, испугавшись, вероятно, впервые в жизни. За ними неслись и крутились в вихрях клубы густого серого дыма, а они бежали вразвалку по равнине, упираясь в землю то правой, то левой передней лапой. Инстинкт уводил их в горы, в огромные пещеры и гнезда на тысячелетних деревьях. Там они были дома, там соперничали с пещерным медведем, и туда они стремились, уходя от едкой гари степного пожара, преследовавшего их по пятам.

Дымная полоса ушла к отрогам гор, рощи каштанов и магнолий горели гигантскими кострами, рассеивая тучи искр, и деревья издали напоминали колеблющиеся языки свечей на ветру. Только тогда из дальнего леса и из прерии стали возвращаться на уничтоженную стоянку остатки племени. Из восемнадцати охотников племени уцелело только шесть, из четырех десятков женщин, детей и стариков — двадцать семь. Остальные были обнаружены и убиты гигантскими обезьянами. Плач, вой и стоны стояли над стоянкой. Раненые по-собачьи зализывали кровь. И только беззубые старики и сморщенные, с заросшими лицами уродливые старухи, казалось, не испытывали горечи и не разделяли печали племени. Они по-прежнему были многословны и болтливы; назойливыми и капризными оставались дети. Потом могучий, заросший шерстью до глаз вождь собрал всех вокруг себя и что-то сказал. Скорбь уступила место угрюмой сосредоточенности...

Солнце садилось, и я, усталый, переполненный впечатлениями этого страшного дня, побрел к машине.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я лишь слегка тронул рычаг движения и через четыре минуты передвинул его на «стоп». Четырех минут оказалось достаточным, чтобы незримо пробежали сотни тысячелетий.

Меня обступал мир неандертальцев. Неандертальцы населяли все континенты, за исключением Америки.

Машина времени перенесла меня к концу дня в предгорья неизвестного мне горного хребта. Небольшая возвышенность позволяла хорошо обозреть местность. Направив бинокль на отдельную стоящую группу деревьев на северо-запад от меня, я почти тотчас же обнаружил стойбище неандертальцев. То, что это были именно неандертальцы, не оставляло ни малейшего сомнения. Почти такие же кособокие шалаши или навесы из сучьев и ветвей, прикрытые сверху шкурами, как и у синантропов, располагались по внешнему краю стойбища. Целые груды щебня возвышались на окраинах этой палеолитической стоянки. Тут и там на высоких корявых сучьях торчали, как священные реликвии, побелевшие от времени медвежьи черепа. Это была стоянка охотников на пещерных медведей.

Люди, все еще чем-то напоминавшие зверей, бродили по утопанной земле между шалашами.

Некоторое время все мое внимание было поглощено их внешним обликом. Рост их не превышал среднего. У них были большие, крепкие головы и массивные туловища с короткими и сильными руками и ногами. Ступня их еще не образовала пружинистого, напоминающего арки, свода, и все они страдали сильным плоскостопием, поэтому ходили и бегали они не очень быстро. Но особенно запоминались их лица: грубые и очень длинные, с огромными глазами-

ми впадинами. Глаза на широком лице отстояли один от другого дальше, чем у современного человека. Нос был мясист и крупен, челюсти сильно выступали вперед. Надбровные дуги были так велики, что образовывали над глазами и над носом как бы сплошной навес. Это придавало и без того непривлекательному лицу какое-то особенно мрачное выражение. Неандерталец имел сильные шейные мышцы, и голова его всегда была несколько запрокинута назад. Рука, широкая и мускулистая, была еще не способна к тонким и сложным движениям пальцев, которые связаны с высокой культурой современных людей. Ходили неандертальцы на слегка согнутых ногах.

Затем я снова направил бинокль на стойбище. Несомненно, здесь царствовал культ пещерного медведя: черепа его были подняты на многочисленные шесты, повсюду валялись разбитые и обожженные кости. Буро-черные медвежьи шкуры встречались гораздо чаще других шкур.

Наблюдая дальше за племенем, я заключил, что шли приготовления к охоте.

Кварцевые и кремневые наконечники привязывались тонкими сыромятными ремешками к древкам копий и дротиков. Наскоро доделывались длинные ручные рубила, игравшие роль охотничьих ножей и кинжалов, прикреплялись к дубинам каменные топоры. Несколько человек у костра обжигали деревянные концы копий. Женщины и подростки сидели поодаль возле шалашей и скребли шкуры или сшивали их толстыми жилами.

Мужчины, старики и подростки отовсюду выволакивали оружие и складывали его грудой посреди становища. Из оружия наибольшее впечатление производили тяжелые суковатые палицы, почерневшие от обугливания на костре, что придавало им особую твердость.

Облака на бирюзовом небе полыхали малиновым огнем близящегося заката, и желто-зеленая стена бамбуков качалась от ветра, размахивая удилищами коленчатых стволов; солнце уже садилось, когда сборы в дорогу были окончены.

Вдруг я заметил на опушке папоротникового леса существо в наброшенной на плечи шкуре. Оно было похоже как две капли воды на неандертальца, и я подумал, что это один из раненых или оставших. Но вскоре его поведение мне показалось непонятным. Он с четверть часа оглядывал с разных мест становище, осторожно передвигаясь по опушке леса и стараясь оставаться под прикрытием кустов. Затем он решил на большее и, низко пригибаясь, стал осторожно подступать к становищу. Он был приземист, плотен, и его косматая медного цвета голова казалась посаженной прямо, без шеи, на плечи.

На левом плече он нес длинную, довольно тонкую, но узловатую палицу, которую придерживал рукой. Его широкие, раздутые ноздри вдыхали запахи прерий и становища. Поравнявшись с началом выжженной пожаром полосы, он принялся шарить рукой в

золе, прополз на коленях несколько метров, поднялся на ноги, на-супившись и посматривая на становище.

Заслышав шум и голоса, он поспешно пригнулся и тенью скользнул назад. Так мог вести себя лишь человек чужого племени.

Неандертальцы, чем-то весьма похожие на рослых жилистых детей, ставших стариками, нагружались своим несложным, но тяжеловесным скарбом. Женщины окликали и разыскивали увлекшихся играми детей и кормили перед дорогой грудных младенцев. Начинало смеркаться, и дым от догоравших очагов прямыми сизыми полосами подымался к холодавшему небу. Вдруг женщина, сидевшая на камне у края стойбища, схватив обломок кремня, бросилась к кому-то, мелькнувшему у большого конского каштана. Но возле него никого не оказалось, и, обежав его, она завопила пуще прежнего. У нее на глазах ее малолетний сын был схвачен неизвестным охотником и исчез. Крик его оборвался. Кое-кто пошел посмотреть, что с ним приключилось. Вождь племени торопил оставить стоянку.

Внезапно над стойбищем пронесся многоголосый вопль, и какие-то чужие люди — неандертальцы чужого племени — с трех сторон кинулись на стойбище. Завязалась схватка. Они кололи и рубили, не делая различий. Люди первого племени защищались отчаянно. Женщины кололи копьями и размахивали топорами наравне с мужчинами и подростками. Нападавшие были более коварны и казались более свирепыми. Потеряв оружие, противники боролись врукопашную, норовя вцепиться друг другу зубами в горло. Один неандерталец ослеп от удара по голове, завертелся на месте, потом побежал куда-то, ничего не соображая и выставив перед собой руки. Раза два он падал, но поднимался и бессмысленно бродил среди дерущихся. Нашупав кого-то руками, он впился зубами в его шею и старался повалить. Сам того не желая, он способствовал поражению своего племени, ибо его противником оказался занятый схваткой вождь. Пока он отбивался от цепких объятий соплеменника, его грудь пронзил дротик. Над стойбищем стоял шум и крики сражавшихся, треск копий и звенящие удары камней.

Нападающие отступили. Оставшиеся в живых замертво попадали от изнеможения. Почти все получили раны и не были в состоянии двигаться.

Наступил вечер, мгла спустилась с небес на стойбище. Ветви деревьев, отягченные листвой, растворялись в умиротворяющем мраке. Глухая тишина прилетела с ближних гор, стоны раненых и всхлипывания женщин как дым протянулись к звездному небу.

Неожиданно в красных отсветах костров снова появились крадущиеся фигуры. Гортанный грубый крик — и воины набросились на жертвы. С земли и со шкур им навстречу смогли подняться только семь человек: пять женщин и двое мужчин. Они носились по стойбищу, топча охладевшие тела и поскальзываясь на них. Од-

на женщина подобрала чью-то палицу и кинулась в середину схватки.

Последние вспышки битвы перенесли в дальний конец стойбища, а потом на равнину. Там битва продолжалась несколько минут. Затем все стихло. Люди нового племени неандертальцев собирались у очагов истребленного народа. Они взволнованно и возбужденно переговаривались и, должно быть, подсчитывая что-то, загибали пальцы на руках.

Медленно взошла луна в туманном ореоле и залила местность голубоватым светом. Ее золотой диск пересекало курчавое облако.

Воины чужого племени разошлись по окраинам становища и начали стаскивать трупы к центру. Каждый из них, напрягая мышцы, выволакивал мертвые тела из кустов шалашей и даже из-под навесов. Груда изуродованных тел медленно росла, а все новые «пополнения» поступали с разных концов становища.

Трупы окружили воины, они с сомнением поглядывали на тяжело раненых соплеменников, казалось недоумевая, почему и их не присоединили к груде праха. Послышались гневные возгласы. Предводитель — уродливый силач с непомерно широкой грудью — уже был готов вцепиться своими короткими мохнатыми лапищами в чье-то горло, но тут вмешался другой — моложе его и стройнее. Молодой воин начал пересчитывать здоровых воинов, показывая вытянутым пальцем то на него, то на согнутый палец другой руки. Прошло минут десять, пока он, сбиваясь и начиная пересчитывать сначала, довел это трудное занятие до конца. Предводитель внимательно и угрюмо слушал какие-то объяснения. Затем он, вероятно, потребовал для себя каких-то привилегий, и обступавшие его нехотя согласились. На этом палеолитический урок арифметики не кончился: груду тел растащили по числу воинов и снова сосчитали.

Потом им всем отрубили головы и нижним отверстием в черепе насадили их на толстые сучья. Если при этом окружавшая отверстие

кость ломалась, неандертальцы вытаскивали рукой головной мозг и жадно отправляли его в свой широкий рот; съев мозг своего врага, победитель перенимал у него и его хитрость. И тут я понял, какому племени принадлежали эти люди: они были первобытными охотниками за черепами. Еще совсем недавно этот обычай существовал у малайских даяков, папуасских племен и индейцев Южной Америки.

После этих сложных приготовлений неандертальцы, даже раненые, принялись с большой сноровкой и умением расчленять тела и швырять их в огонь. Смрад разнесся над прериями.

Предводитель с жадностью наблюдал за всем этим процессом. Вдруг он схватил копые и, напрягшись, выдернул из очага дымившуюся ногу. Потянув носом, он выхватил у ближайшего воина кремневый кинжал и полоснул им по затвердевшему мясу. Обжигая руки и рот, он припал к куску, и челюсти у него свело от жадности и долгого ожидания. Дикое пиршество каннибалов началось...

Потом некоторые из них направились к ручью напиться, сжимая копыя в руках. Но и тогда ничто не нарушило тишину. Одни становились на колени и протягивали жирные, в копоты руки к воде, другие лакали, как звери. И пока они пили, луна зашла за холмы, подул легкий ветер, и глухая ночная мгла тихо-тихо спустилась и поглотила их. Лишь где-то вдалеке протрубил одинокий слон. Голос тоски долго вибрировал над долиной, поднялся выше и растаял в горах.

Это было последнее, что я видел в безжалостном мире наших далеких предков.

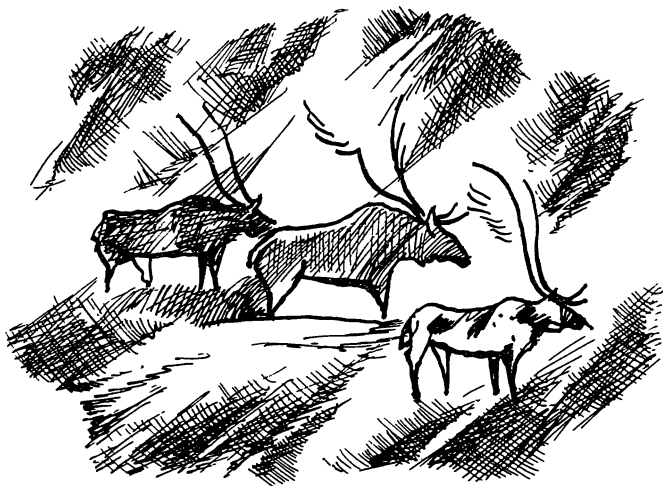
Экспедиция по Времени подошла к концу. Я был палеонтологом, и больше всего меня занимали проблемы моей замечательной науки. Но в антропогене, периоде формирования человека разумного, палеонтология примыкает к антропологии и археологии и даже несколько вторгается в их пределы. Мне оставалось только возвратиться домой. Грандиозный и цветущий мир людей, оставленный мной на целый месяц, ждал меня где-то за пределами наступившей минуты.

Быстрое развитие человеческого общества затормозило биологическую эволюцию человека. В мире людей с одинаковым или почти одинаковым успехом живут и действуют как сильные умственно и физически, так и более слабые во всех отношениях люди. Биологический фактор отбора ступешался перед вступившими в силу законами общественными, и слабые особи рода человеческого, которых в былые времена смел бы естественный отбор, пользуются теми же благами жизни, что и сильные. Нет никакого основания считать, что в отдаленном будущем строение человека существенным образом изменится. Этого не случится, если человечество не применит по отношению к себе искусственные методы устранения из организма атавистических признаков. Если этого не случится, люди будущего не будут отличаться от нас ни анатомически, ни физиологически.

История грандиозных звериных битв окончена. Этими битвами руководил инстинкт. С началом человеческого общества на смену инстинктам приходит разум, именно им руководствовались люди в жестоких междоусобных войнах. Осознанная жестокость пронизывает всю историю человечества до наших дней. Но и время войн с их десятками миллионов жертв приходит к концу. Свободное, бесклассовое общество на всей земле будет знаменовать полное торжество гуманности и высокого человеческого интеллекта. А затем наши потомки примут участие в истории иных миров, всюду, откуда проникнет к нам зов Вселенной, — слабый звездный луч.

...Сойдя с Машины времени в запертом кабинете Путешественника, я почувствовал себя средневековым узником, которому вдруг возвратили свободу. Я больше не боялся затеряться в бездонных пучинах сметенных временем миров: вокруг меня снова были люди! И я был бесконечно счастлив...

По-видимому, мое возвращение сопровождалось изрядным шумом, потому что я сейчас же услышал в коридоре торопливые шаркающие шаги владельца машины. От волнения он долго не мог попасть ключом в замочную скважину. Наша встреча? Что можно сказать о ней? Для него, как и для всех остальных, мое путешествие к предкам было заманчивым и опасным экспериментом. Пока я странствовал по бескрайним дорогам Прошлого, я находился в мире Умерших. Теперь же я вернулся в мир Живых. Слезы выступили на глазах старика, когда он объяснял мне это. Он уже не верил, что снова увидит меня. «Ну, а как машина — не подвела вас? — растроганно повторял он. — Так вы в самом деле видели эндрюсарха?! — и его изумлению не было границ. Но чаще других вопросов он задавал один: — Неужели вы, как и прежде, с нами? А я, признаться, очень боялся за вас!..»

КЛАССИФИКАЦИЯ И КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

основных групп амфибий, рептилий,
птиц и млекопитающих.

КЛАСС АМФИБИИ, ИЛИ ЗЕМНОВОДНЫЕ

ПОДКЛАСС АПСИДОСПОНДИЛЫ

НАДОТРЯД ЛАБИРИНТОДОНТЫ

Группа амфибий, вымершая не позже триасового периода и достигшая расцвета в конце палеозойской эры. Включает много ископаемых родов, объединенных в несколько отрядов.

НАДОТРЯД САЛИЕНТА

Отряд Анура. Лягушки и жабы. Ныне существующие земноводные имеют хорошо развитые четыре конечности и короткое туловище.

ПОДКЛАСС ЛЕПОСПОНДИЛЫ

Отряды Аистоподы, Нектриды, Микророзавры — мелкие земноводные, жившие в конце палеозоя.

Отряд Уроделы. Саламандры и тритоны. Ныне существующие саламандры и тритоны имеют нормально развитое туловище, но слабые конечности.

Отряд Аподы или Гимнофионы. Червеобразные животные, дошедшие до наших дней, в основном живущие в земле.

КЛАСС РЕПТИЛИИ, ИЛИ ПРЕСМЫКАЮЩИЕСЯ

ПОДКЛАСС АНАПСИДЫ

Отряд Котилозавры. Древний отряд рептилий, живших в конце палеозоя и в триасе.

Отряд Хелонии. Черепахи ископаемые и современные.

ПОДКЛАСС СИНАПТОЗАВРЫ

Отряд Проторозавры. Включает различных пермских и мезозийских рептилий.

Отряд Зауроптеригий. Морские мезозойские рептилии, например плезиозавры, плававшие главным образом с помощью хорошо развитых четырех конечностей, превратившихся в плавники.

ПОДКЛАСС ИХТИОПТЕРИГИ

Отряд Ихтиозавры. Морские крупные рептилии с веретенообразным телом, приспособленным для жизни в море, передвигались в воде при помощи хвоста.

ПОДКЛАСС ЛЕПИДОЗАВРЫ

Отряд Эозухий. Пермские и триасовые вымершие рептилии.

Отряд Ринхоцефалы. Древний отряд рептилий и живущий ныне сфенодон (гаттерия).

Отряд Сквамата. Ящерицы и змеи. Сравнительно молодая группа рептилий. У некоторых родов ящерич конечности постепенно слабеют и уменьшаются, у змей конечности полностью отсутствуют.

ПОДКЛАСС АРХОЗАВРЫ

Отряд Текодонты. Триасовые предки динозавров, птиц и других.

Отряд Крокодилы. Крокодилы, аллигаторы и кайманы — потомки земноводных архозавров, доживших до наших дней.

Отряд Птерозавры. Вымершие летающие рептилии с перепончатыми крыльями.

Отряд Зауришии. Ящероподобные динозавры с трехлучевым тазом. Крупные и мелкие земноводные хищники и гигантские растительноядные земноводные ящеры.

Отряд Орнитишии. Птицеподобные динозавры с четырехлучевым тазом, растительноядные. Двуногие «утконосы» динозавры и четвероногие — покрытые панцирем или рогатые.

ПОДКЛАСС СИНАПСИДЫ

Отряд Пеликозавры. Примитивные пермские звероподобные рептилии.

Отряд Терапсиды. Наиболее высокоорганизованные звероподобные рептилии поздней перми и триаса.

КЛАСС ПТИЦЫ

ПОДКЛАСС АРХЕОРНИТЫ

Древние примитивные юрские ископаемые птицы со многими чертами рептилий.

ПОДКЛАСС НЕОРНИТЫ

Все остальные птицы, в том числе и современные.

НАДОТРЯД ОДОНТОГНАТЫ

Зубастые птицы мелового периода.

НАДОТРЯД ПАЛЕОГНАТЫ

Включает несколько страусоподобных нелетающих птиц сравнительно примитивного строения.

НАДОТРЯД НЕОГНАТЫ

Ныне живущие птицы с весьма совершенным строением, составляющие многочисленные отряды.

КЛАСС МЛЕКОПИТАЮЩИЕ

ПОДКЛАСС ПРОТОТЕРИИ, ИЛИ ПЕРВОЗВЕРИ

Яйцекладущие млекопитающие.

Отряд Монотрематы. Австралийские утконос и ехидна.

ПОДКЛАСС ТЕРИИ, ИЛИ НАСТОЯЩИЕ ЗВЕРИ

Инфракласс и отряд Пантотерии. Мелкие юрские ископаемые млекопитающие, вероятные родоначальники оставшихся позднее групп.

Инфракласс Аллотерии, отряд Мультитуберкулят. Вымершая группа млекопитающих, несколько напоминавшая грызунов. Существовала с юрского периода по эоцен.

Инфракласс Метатерии, отряд Марсупиалы. Сумчатые млекопитающие, такие, как кенгуру, опосум и некоторые другие, в основном австралийские животные.

Инфракласс Эутерии. Высокоразвитые млекопитающие, составляющие основную массу существующего животного мира.

Отряд Инсективора. Насекомоядные с многобугорчатыми зубами. Родоначальники высших плацентных животных и современных землероек, кротов и диобразов.

Отряд Хироптера. Летучие мыши.

Отряд Приматы. В основном древесные плацентарные животные (к этому отряду принадлежит также человек).

Отряд Карниворы. Плотоядные или хищники, как вымершие, так и современные.

Отряд Кондилартры. Примитивные вымершие копытные.

Отряд Литоптерны, Нотоунгуляты. Вымершие отряды копытных с примитивными чертами, характерными для Южной Америки.

Отряд Периссодактили. Непарнокопытные.

Отряд Артиодактили. Парнокопытные.

Отряд Гиракоиды. Кроликоподобные копытные Африки и Южной Азии.

Отряд Пробосциды, или хоботные. Слоны и их ископаемые предки, мамонты и мастодонты.

Отряд Сирены. Морские коровы, ламантины и дюгоны.

Отряд Цетацеи. Киты, кашалоты, дельфины.

Отряд Эдентата. Так называемые неполнозубые млекопитающие, обитающие в Южной Америке.

Отряд Тубулидентата. Ныне живущий трубказуб Африки, муравьеды и некоторые другие.

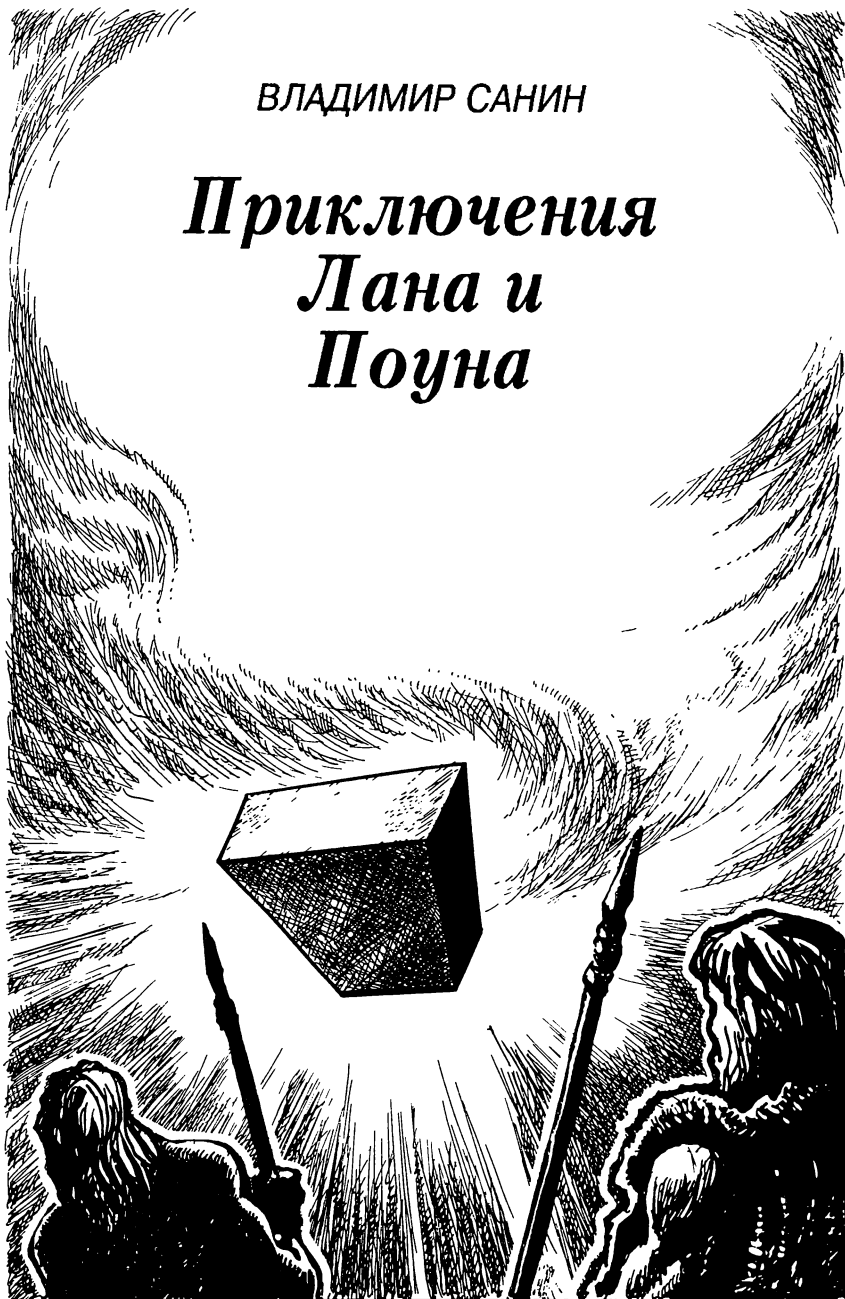
Отряд Фолидота. Панголины или броненосцы.

Отряд Роденты. Грызуны.

Отряд Лагоморфы. Зайцы, кролики и пищухи.

ВЛАДИМИР САНИН

*Приключения
Лана и
Поуна*

ПОЧЕМУ Я ВЗЯЛСЯ ЗА ПЕРО

В наше время, пожалуй, не найдешь человека, который ничего не слышал о необычайных приключениях Лешки Лазарева и Аркаши Сазонова. Казалось бы, что можно добавить к потоку газетных репортажей, журнальных публикаций, телевизионных интервью, откликов ученых всего мира? Что нового можно рассказать об этих ребятах, у которых даже школьные тетрадки разорваны на сувениры?

Оказывается, можно. И даже более того — нужно! Лешка и Аркаша сами меня об этом просили. Дело в том, что правдивые рассказы об их приключениях тонут в море измышлений и небывлиц, порожденных неукротимой фантазией журналистов. Один из них дошел до того, что написал, будто бы Лешка (цитирую), «распростершись на земле, поцеловал Аркашину ступню и затем водрузил ее на свою голову». Лешка два дня плевался и не находил себе места от ярости, когда прочитал эту чушь.

— Я бы, скорее, сгорел живьем! — восклицал он. — Пусть Аркаша сам скажет, было такое?

— Выдумка, — подтвердил Аркаша. — Ты только мое колено поцеловал.

— При-ло-жился! — яростно поправил Лешка. — Еще этого не хватало — целовать твое колено!

— Да, да, конечно, — немедленно согласился покладистый Аркаша.

Ребята не раз возмущались подобными неточностями, а зачастую и просто недобросовестными выдумками.

— Мне в школе прохода не дают, — пожаловался Аркаша. — Кто-то пустил слух, что меня, как колдуна, целый месяц кормили сырой печенью крокодила, а мы их и в глаза не видели! Если бы хоть вы написали, как на самом деле было, вы ведь все знаете! Ну, пожалуйста...

Вот и получилось, что в интересах ребят я взялся за перо. Лешка, мой сосед по дому, на две недели забросил футбол и до конца каникул не выходил из моей квартиры; каждое утро прибегал Аркаша, мы завтракали и запирались, не отвечая на телефонные звонки и стук в дверь. Тщательно, ничего не упуская, ребята восстанавливали в памяти все подробности своих удивительных походов, а я записывал их, следуя одному принципу: никакой отсебятины, никаких отступлений от жизненной правды. Я даже перестраховался: опустил по просьбе ребят некоторые эпизоды — и так уже находятся люди, которые подвергают сомнению правдивые, основанные на подлинных фактах, рассказы моих друзей. Стоит ли давать маловеерам новую пищу для их недостойных скептических замечаний?

СКАНДАЛ НА ОЛИМПЕ

Вы, конечно, помните, как ученый мир был взбудоражен сенсационными находками в Палеевских пещерах. Да разве только одних ученых потрясли петроглифы, наскальные рисунки доисторического художника, эти загадочные шедевры? Крупнейшие эксперты мировой археологии единодушно датировали их десятым тысячелетием до нашей эры. Здесь сомнений быть не могло. Волновало умы другое.

На одном камне были изображены наши далекие предки, играющие в... футбол. Чудовищная, невообразимая нелепость! Было от чего призадуматься: двое ворот, двадцать два игрока и круглый мяч!

Английская футбольная ассоциация прислала решительный протест и объявила древнее изображение гнусной фальшивкой. Респектабельная газета «Таймс» из номера в номер печатала гневные письма болельщиков, возмущенных тем, что какие-то мошенники пытаются отобрать у Англии приоритет в изобретении футбола. Но страсти страстями, а факты — фактами!

Второй рисунок был еще более нелепым. Каким образом первобытный художник, творивший двенадцать тысяч лет назад, мог предугадать облик современного реактивного самолета? Стреловидные крылья, сигарообразное тело воздушного лайнера... — нет, все это не укладывалось в голове.

Мир терялся в догадках, сотнями возникали версии, одна фантастичнее другой. Еще бы, вверх тормашками летели все представления о доисторической культуре предков! Вдохновленные сенсацией, писатели-фантасты работали, как автоматы. Не было уважающего себя ученого, который не провел бы нескольких часов у знаменитого камня: каждому хотелось увидеть изображения своими глазами, пощупать камень своими руками.

И мнение специалистов было единодушным:

— О фальсификации не может быть и речи!

И все же это было немыслимо.

Ученые различных специальностей и школ из всех стран мира съехались в Москву на конференцию, чтобы попытаться общими усилиями дать сколько-нибудь сносное объяснение шедеврам первобытного возмутителя спокойствия. Репортажи о заседаниях транслировались по мировой системе телевидения, причем в те же самые часы, что и репортажи об Олимпийских играх, но стоит ли говорить, что спорт в эти дни отошел на задний план? Даже фантастический рекорд на стометровке гамбийского негра Тромбоко — 9 секунд ровно — остался почти незамеченным мировой прессой и удостоился трех строчек петита. Ибо внимание мира было обращено к огромному актовому залу Московского университета.

Мне, как представителю прессы, посчастливилось стать свидетелем интереснейшей полемики светил мировой науки и... грандиозного скандала, которым завершилась конференция.

Не стану пересказывать многочисленные газетные отчеты, а перейду сразу к описанию заключительной части прений, ибо главные события начались именно тогда. Шел ожесточенный спор между представителями двух основных точек зрения — итальянским профессором Джакомо Петруччио и членом Британского Королевского общества сэром Мак-Доннелом.

— В прошлом, когда ученому не хватало квалификации, чтобы объяснить явление, — говорил Мак-Доннел, бросая сардонические взгляды на своего оппонента, — он прибегал к помощи бога. Сознавая, что в наше время такая аргументация недостаточно убедительна, безмерно уважаемый мною коллега ухватился за версию «космических пришельцев», чем вызвал ликование скучающей публики и недалеко ушедших от нее джентльменов с учеными степенями.

Профессор Петруччио засвидетельствовал свое глубокое уважение к логике почтенного сэра и спросил, как же подлинная наука, на вершине которой, безусловно, возвышается профессор Мак-Доннел, объясняет изображения на камне? Если сэр полагает, что дикари проводили свой досуг на футбольном поле и гонялись за мамонтами на реактивном самолете, то он, Петруччио, готов немедленно признать превосходство коллеги и преподнести ему в качестве личного дара годовую подписку на юмористический журнал «Панч».

Сэр Мак-Доннел поблагодарил своего итальянского друга за великодушное предложение и сказал, что, когда ему хочется развлечься и досыта посмеяться, он читает не «Панч», а куда более веселые ученые труды глубоочтимого оппонента. Что же касается автора рисунков, то он, Мак-Доннел, полагает, что здесь дело обошлось без всевышнего, сатаны и космических пришельцев.

Профессор Петруччио выразил радость по поводу того, что его друг и коллега установил личность художника и попросил поделиться этими, вне всякого сомнения, совершенно достоверными сведениями.

Сэр Мак-Доннел не делал тайны из своей версии. В рисунках первобытного Леонардо да Винчи просто имеет место случайное совпадение, из-за которого иной раз можно увидеть философский смысл в беспорядочной мазне дрессированного шимпанзе.

Пока коллеги препирались таким образом, а по залу разносился перевод их язвительных реплик, в задних рядах происходило какое-то волнение.

— А чего он обезьянует обезьянами и оскорбляет? — слышался звонкий голос. — Пусти, рубашку порвешь!

— Михаил Антонович, ну скажите ему! Мы же условились!

Треск разорванной материи — и Лешка, решительный и взволнованный, быстро зашагал к трибуне. Вслед ему полетело отчаянное:

— Ни слова о шкафе!

Двумя прыжками Лешка преодолел ступеньки и поднялся на сцену.

— Вы, простите, какое научное учреждение представляете, коллега? — под общий смех зала спросил председательствующий академик Котов.

— Девятый класс нашей школы, — возбужденно ответил Лешка. — Но не в этом дело.

— А какой класс? — поинтересовался председатель. — «А» или «Б»?

— Зря смеетесь, — обиделся Лешка. — Я, конечно, вас уважаю, но лучше бы вы, товарищ академик, не тратили время на юмор, а то я возьму и уйду!

— Что вы, что вы! — в испуге замахал руками академик, вызвав новый взрыв веселья. — Надеюсь, вы не нанесете такого удара науке, коллега... э...

— Алексей Лазарев, — подсказал Лешка. — Так я насчет этих рисунков. Дело в том, — Лешка обвел зал отчаянным взглядом, — ...я обещал Аркашке и Чудаку... то есть Михал Антонычу, не болтать, но уж очень вы все из-за них переругались. Одним словом, я знаю, чьих это рук дело!

По залу прошел насмешливый гул.

— Даже число знаю, когда они появились, — доверчиво сооб-

шил Лешка, которому и в голову не приходило, что ему могут не поверить.

— Когда же, мой юный друг? — спросил председатель, весьма довольный тем, что выходка этого эксцентричного юнца прервала затянувшийся спор двух уважаемых ученых.

— Восемнадцатого августа, в каникулы, — поведал Лешка и, набравшись смелости, неожиданно добавил: — Но это как считать. Вообще-то дело происходило двенадцать тысяч лет назад!

Смех, аплодисменты!

— Разумеется, разумеется, — успокоив зал, проговорил председатель. — Я верю, что вам все известно, но как нам с вами убедить этих скептиков?

Лешка вытер ладонью вспотевшее лицо и глянул в зал, где сидели полумертвые от страха Михаил Антонович и Аркаша.

— Значит, сказать? — спросил Лешка.

— Говорите, коллега, — подбодрил председатель, с трудом сдерживая улыбку.

— А вы не будете смеяться?

— Что вы, что вы, коллега!

— Хорошо, — Лешка глубоко вдохнул в себя воздух. — Аркашка свидетель, не даст соврать. Хотите — верьте, хотите — нет, а эти рисунки выцарапал... я!

А теперь самое время оставить бушующий зал и возвратиться на несколько месяцев назад.

ЧУДАК И АРКАША

— Можно войти? — весело спросил Лешка. — Извините, пожалуйста, за опоздание по неуважительной причине.

— Драка? Случайность? — поинтересовался учитель, поглядывая на Лешкину скулу, украшенную лиловым синяком.

— Поле было мокрое, поскользнулся...

— Прощу, если правильно решишь задачу. Вот на столе точные весы. Взвесь на них любое количество воздуха. На раздумья даю тридцать секунд. Изображай из себя мыслителя.

«Мыслитель» на мгновение застыл, соображая, потом весело подмигнул классу и начал расшнуровывать футбольный мяч. Выпустив из камеры воздух, Лешка взвесил ее, надул, завязал и снова положил на весы.

— Садись, футболист, — Михаил Антонович, довольный, дернул Лешку за ухо. — Кстати, своими спортивными подвигами ты подсказал нам тему сегодняшнего урока. Даю две задачи, на выбор. Первая: Лазарев ударил по мячу с такой силой, что тот оказался в воротах раньше, чем вратарь услышал его свист. С какой скоростью летел мяч? Задача вторая: Лазарев на себе испытал недостаток трения. А что произошло бы в мире, если бы трение исчезло вообще?

Класс погрузился в работу, а Михаил Антонович присел к столу, полистал журнал и — усталился остановившимися глазами в одну точку.

— Ребята, Чудак в трансе! — пронеслось по классу.

Прозвище «Чудак» молодой учитель физики получил за свою феноменальную способность неожиданно отрешаться от всего земного. Его мысли в эти минуты витали столь далеко от грешного мира, что Чудака можно было запросто погладить по вечно включенной шевелюре и даже угостить семечками, которые он начинал неумело, но сосредоточенно лузгать. Угадать, сколько времени продлится такое состояние — пять минут или весь урок, было невозможно, но все знали, что за мгновение до возвращения на землю Чудак хватал ручку и набрасывал на первом же попавшемся клочке бумаги какие-то таинственные знаки. Так что ученики всегда имели в своем распоряжении несколько секунд, чтобы разбежаться по местам и придать своим физиономиям чинное выражение.

Вышесказанное отнюдь не означает, что к учителю относились плохо. Совсем наоборот! Я бы скорее определил это отношение как иронически-дружелюбное. Чудаку никогда не простили бы его странностей, если бы он плохо знал физику и, что иной раз совпадает, возмещал недостаток знаний чрезмерными придирами. Но он любил свой предмет самозабвенно, а любовь, как и всякое сильное чувство, вызывает уважение. Правда, методы его преподавания были необычны, но он искренне бы удивился, если бы ему

сказали об этом. По-моему, о методах он просто не задумывался, а требования программы нарушал не потому, что хотел прослыть оригиналом, а, скорее, потому, что не придавал им значения. Как-то само собой получалось, что урок проходил именно так, а не иначе. Директор школы, однако, закрывал на это глаза, интуитивно чувствуя, что молодой учитель дает школьникам больше, чем его коллеги. Кроме того, директору, возможно, нравилось, что как ни звали Михаила Антоновича работать в физическую лабораторию одного крупного института, он равнодушно отклонял это предложение, несмотря на всю его заманчивость, и оставался верным школе и своим мальчишкам.

Необычен был и образ жизни Чудака. В школе он работал пять лет, и за все эти годы ни разу не сменил свой костюм, который давно превратился бы в лохмотья, если бы над учителем не взяла шефство тетя Паша, старушка гардеробщица. Она же стирала его рубашки и отдавала в починку ботинки. Получив зарплату, Чудак отправлялся по магазинам и возвращался в свою крохотную однокомнатную квартиру нагруженный всевозможными приборами, деталями и мотками проволоки. Чем он занимался дома — никто не знал, так как к себе он никого не приглашал, кроме Аркаши Сазонова, который притворялся немым и глухим, когда его донимали любопытные.

Чудак был высок, сутул и очень худ, хотя и не выглядел старше своих двадцати восьми лет; вместо обеда он брал в школьном буфете чай с булкой, а от угощений, которые ему навязывали сердобольные коллеги, вежливо отказывался. Поэтому ребята никогда не упускали случая во время очередного «транса» подсунуть учителю бутерброды и очень гордились тем, что поддерживают здоровье своего Чудака. Это было маленькой тайной класса, о которой никто не догадывался.

Трудно объяснимой была и дружба Чудака с Аркашей, который настолько слабо разбирался в физике, что учитель однажды в сердцах бросил:

— Если бы технический прогресс зависел от таких, как Сазонов, человечество находилось бы в какой-нибудь мезозойской эре!

— К счастью, человечество появилось на десятки миллионов лет позже, в кайнозойской эре, — тихим голосом уточнил Аркаша. — Иначе бы его без остатка съели гигантские пресмыкающиеся.

Здесь уже с Аркашей никто спорить не мог: увлеченный историей первобытного общества, он прочитал о нем уйму книг и бредил им наяву. Приятели развлекались тем, что загружали Аркашину парту обглоданными костями с привязанными к ним этикетками; вроде: «Кость ископаемого осла, которой подавился саблезубый тигр». Аркаша краснел, застенчиво улыбался, но не сердился, потому что те же самые приятели готовы были, раскрыв рты, часами слушать его вдохновенные импровизации о жизни столь горячо любимых Аркашей первобытных людей. Даже первый классный силач Лешка, который был глубоко убежден, что на све-

те есть три стоящие вещи — физика, футбол и самбо, и тот в конце концов заявил: «Аркашка — парень что надо, и кто его обидит, джентльмены, будет иметь дело со мной!»

И вот, ко всеобщему удивлению, Чудак и Аркаша стали неразлучны. Они бродили по тихим улицам, искали уединения в пустынных аллеях парка, запирались в квартире Чудака и вели бесконечные разговоры, чрезвычайно интриговавшие класс. На уроках учитель по-прежнему приходил в отчаяние от Аркашиных ответов, которые оценивал дрожащей от слабости тройкой, а вторую половину дня неизменно проводил со своим самым плохим учеником.

Наверное, все были бы удивлены еще больше, если бы стали свидетелями этих бесед. Правда, тетя Паша, иногда прибиравшая квартиру Чудака, рассказывала, что «Аркаша вчерась весь вечер балакал про огонь и зверье, а Антоныч слушал, развесив уши», но ей никто не поверил. Будет Чудак тратить время на такие пустяки!

А дело между тем обстояло именно так. Более того, Чудак не только «слушал, развесив уши» но даже кое-что за Аркашей записывал и почтительно задавал вопросы.

Разве мог кто-нибудь себе представить, к каким невероятным последствиям приведет эта странная дружба?

ЛЕШКИНО ИСКУШЕНИЕ

Лешка вышел из раздевалки в отличнейшем настроении. Небрежно кивая встречным мальчишкам, провожавшим его влюбленными глазами, он легко и свободно зашагал по улице. Его душа ликovala и пела. Еще бы — Лешка был героем дня! Шутка ли — в одном матче забить три гола, и каких! Особенно хорош был второй гол. Лешка подобрал мяч в своей штрафной площадке, обвел одного за другим, как кегли, четырех игроков противника и неотразимо пробил в «девятку». Сам Константин Бесков, в прошлом знаменитый нападающий московского «Динамо» (он присутствовал на матче школьных команд в качестве почетного гостя), потрепал Лешку по плечу и записал в книжечку его фамилию.

Поэтому жизнь казалась Лешке прекрасной. Начались каникулы, впереди три месяца свободы, пляжа и тренировок — хорошо жить на свете!

Итак, придерживая на плече спортивную сумку, Лешка шел по улице навстречу своей судьбе. Быть может, если бы ему не захотелось пить, эта повесть не была бы написана. Но Лешка не желал выпить стакан газированной воды именно в эту, а не в другую минуту, иначе оказалась бы разорванной нить дальнейших событий.

Откинув голову назад, чтобы вытряхнуть из стакана последние

капли, Лешка увидел Аркашу, который, высунувшись из окна третьего этажа, кричал:

— Я к вашему приходу картошку отварю, ладно?

Чудак — а именно к нему обращался Аркаша — кивнул и направился к автобусной остановке.

У Лешки екнуло сердце. Самому себе он не раз признавался, что дружба Чудака с Аркашей задевает его самолюбие. Физику Лешка обожал, охотно ею занимался и, будучи у Чудака на хорошем счету, недоумевал, почему тот не его, а Аркашу выбрал в друзья. Томимый ревностью и любопытством, Лешка дорого бы дал за то, чтобы узнать, что происходит в учительской квартире, и еще больше — за то, чтобы оказаться на Аркашином месте. Или, по крайней мере, рядом с ним, ибо к Аркаше Лешка относился с симпатией и охотно сделал бы его своим приятелем.

В голове у Лешки мгновенно созрел план действий.

— Аркашка, привет! — воскликнул он и помахал рукой. — Можно я от тебя позвоню домой?

На лице Аркаши отразилась мучительная борьба. Видимо, ему очень не хотелось пускать товарища в квартиру учителя, но и отказать в столь незначительной просьбе было бы не совсем удобно.

— Что ж, заходи...

Квартира Чудака поразила Лешку тем, что напоминала не столько жилое помещение, сколько лабораторию. Стены были унижены проводами, связанными с многочисленными приборами; особенно густая сеть проводов опутывала непонятного назначения шкаф, обитый тонкими металлическими листами. На полу, на столе, на единственном диване — повсюду валялись слесарные инструменты, провода, куски металла.

— Так ты хотел позвонить, — с некоторым беспокойством напомнил Аркаша. — Телефон в коридоре.

— Я уже разговаривал с мамой, со стадиона позвонил, — честно признался Лешка. — Знаешь, Аркашка, я тебе давно хотел предложить, да все как-то откладывал, а сегодня увидел и решился. Одним словом, почему бы нам не стать друзьями?

Аркаша растерялся... Лешка, прославленный футболист и самбист, дружба которого домогалось полшкола, сам протягивает руку — это польстило бы каждому, и Аркаша не был исключением. Его всегда тянуло к этому открытому рослому парню, но застенчивость мешала Аркаше сделать первый шаг. Теперь же, когда его сделал Лешка, Аркаша вместо радости почувствовал какое-то смутное беспокойство, природу которого легко было понять: ведь у дружбы не должно быть секретов!

— Молчишь? — удивился Лешка. — Не хочешь — не надо, силой навязываться не стану.

— Да нет... я согласен... я рад, — смущенно забормотал Аркаша. — Только вот Михал Антоныч... мы с ним уезжаем... — Аркаша покраснел и еще больше смутился. — Я даже тебе не могу сказать, понимаешь?

— Вроде трепачом никогда не был, — обиделся Лешка, вставая и забрасывая на плечо свою сумку. — Ладно, бывай здоров.

— Что ты, что ты! — Аркаша замахал руками. — Я знаю, я в тебе уверен, я даже Михал Антонычу говорил про тебя, что хорошо бы втроем, но он троих не выдержит, его мощностъ.

Аркаша задохнулся и со страхом посмотрел на Лешку.

— Я лишнее сказал, забудь, пожалуйста...

— Ты об этой штуковине? — заговорил Лешка, кивая на шкаф.

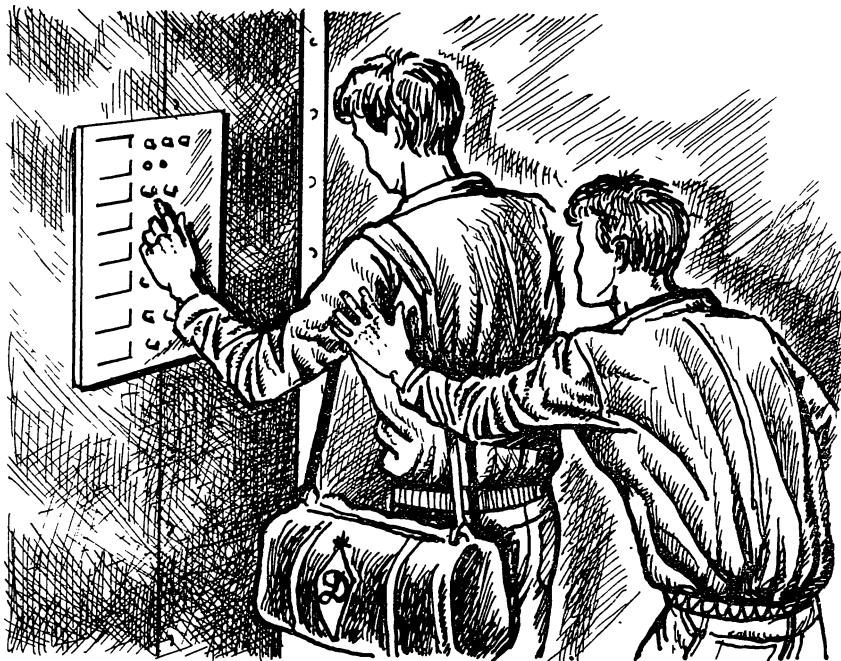
В коридоре зазвонил телефон.

— Ты сиди и ничего не трогай, я сейчас, — предупредил Аркаша и выскочил из комнаты. — Алло! Что, Михал Антоныч? Спсикок? Правда, вот он, на тумбочке. Хотите, продикутую? Так... Крючки... нож... спички...

Лешка глубоко вздохнул. В этой квартире, в опутанном проводами шкафу скрывалась какая-то тайна. Лешка почувствовал, что если он ее не узнает, жизнь потеряет всякий интерес.

Из коридора доносился монотонный голос Аркаши. Не в силах преодолеть искушение, Лешка встал, подошел к шкафу и, осторожно открыв раздвижную дверцу, заглянул внутрь.

Первым его чувством было разочарование — шкаф оказался пустым. Но, присмотревшись, Лешка различил на блестящей стене десяток кнопок, под которыми были выдавлены надписи и цифры. Протиснувшись в шкаф, он попытался их прочесть, но тут послышался испуганный голос Аркаши:

— Немедленно выходи!

— Сейчас, — извиняющимся голосом проговорил Лешка. — А что это такое?

— Не смей! — отчаянно закричал Аркаша, врываясь в шкаф и пытаясь перехватить Лешкину руку. — Не смей!

Но было уже поздно — Лешка успел нажать кнопку.

Раздался пронзительный свист, и какая-то сила завертела ребят в бешеном водовороте. Это продолжалось несколько мгновений, и затем наступила полная тишина, нарушаемая непонятными звуками, доносящимися издали.

— Что я натворил? — спросил не на шутку встревоженный Лешка.

— Ты не помнишь, какую кнопку нажал? — с бледной улыбкой прошептал Аркаша, потирая ушибленный бок.

— Кажется, вот эту, — Лешка показал на большую синюю кнопку, заметно выделявшуюся среди других. — Да, точно, эту. А что это здесь написано такое... «10 ТЫСЯЧ»?

— Сейчас узнаешь, — все с той же вымученной улыбкой, но немножко бодрее, проговорил Аркаша. — Помоги открыть, дверь заклинило.

Лешка с усилием отодвинул дверь... и вскрикнул: издавая нечленораздельные звуки, к шкафу бежали несколько десятков одетых в шкуры людей.

«ЗДРАВСТВУЙТЕ, ТОВАРИЩИ ДИКАРИ!»

— Кваны! — радостно воскликнул Аркаша, и лицо его просияло. — Леша, это кваны, не бойся.

— Какие кваны? — протирая глаза, ошеломленно пробормотал Лешка. — Где мы?

Аркаша выскочил на окаймленную кустарником площадку, и его тут же с радостными возгласами окружили полуголые незнакомцы. Вели они себя в высшей степени странно: по очереди падали на колени, целовали Аркашину ногу и ставили ее себе на голову. А тот держался просто и величественно, принимая как должное эти не совсем обычные знаки внимания.

— Поздоровайся с ними, Леша, — возбужденно предложил Аркаша. — Они еще совсем первобытные, но очень симпатичные, ты их полюбишь.

У Лешки голова пошла кругом. «Ладно, потом разберемся», — подумал он и небрежно бросил:

— Приветик!

Молодой кван двухметрового роста, обнаженному торсу которого позавидовал бы любой боксер-тяжеловес, подошел к Лешке, дружелюбно ослабилась и хлопнул его рукой по плечу.

— Полегче, парень! — приседая, сердито воскликнул Лешка. — Аркашка, не дури мне голову, это киношники или цирк?

Кваны нахмурились и, перестав улыбаться, окружили при-

шельца. Один из них, седобородый богатырь, неодобрительно посмотрел на Лешку и обратился к Аркаше с вопросом. Аркаша отрицательно замотал головой и ответил несколькими односложными словами. Седобородый почтительно с ним заспорил, указывая на Лешку обожженной узловатой дубиной.

— Леша, не обижайся, — сказал Аркаша, — но им показалось, что ты злой и отнесся ко мне с недостаточным уважением. Поэтому сделай вид, что целуешь мою ногу, а потом...

— Ты что, обалдел? — разозлился Лешка. — Ну тебя к дяволу вместе с твоими циркачами!

Седобородый угрожающе заворчал и двинулся к Лешке, недвусмысленно размахивая дубиной.

— Но-но, дядя... — отступая, проговорил Лешка.

— Талапа! — закричал Аркаша, и седобородый остановился. — Леша, это не шутка, целуй мою ногу, я потом все объясню!

Быть может, Лешка так и не решился бы на такой позорный поступок, но двое кванов подхватили его и по знаку седобородого швырнули к Аркашиным ногам. Седобородый снова завертел дубиной и начал издавать гортанные звуки.

— Целуй, — умоляюще попросил Аркаша и грустно добавил: — Все равно теперь об этом никто не узнает...

Покосившись на поднятую дубину, Лешка с отвращением чмокнул ногу товарища и поставил ее на голову. Аркаша быстро отдернул ногу и облегченно вздохнул.

— Теперь поздоровайся с ними поласковее, — шепнул он. — Учти, они отлично чувствуют интонацию.

Потрясенный Лешка встал и всмотрелся в окружающих его людей.

Могучие, покрытые боевыми шрамами тела, заросшие буйной щетиной, незнакомые с бритвой лица, обрывки звериных шкур, опоясавшие бедра, мозоли на голых ступнях — нет, таких людей он еще никогда не видел. Нужно отбросить нелепую в таких обстоятельствах амбицию и проявить мудрость.

И Лешка хриплым от пережитого волнения голосом произнес:

— Здравствуйте, товарищи дикари!

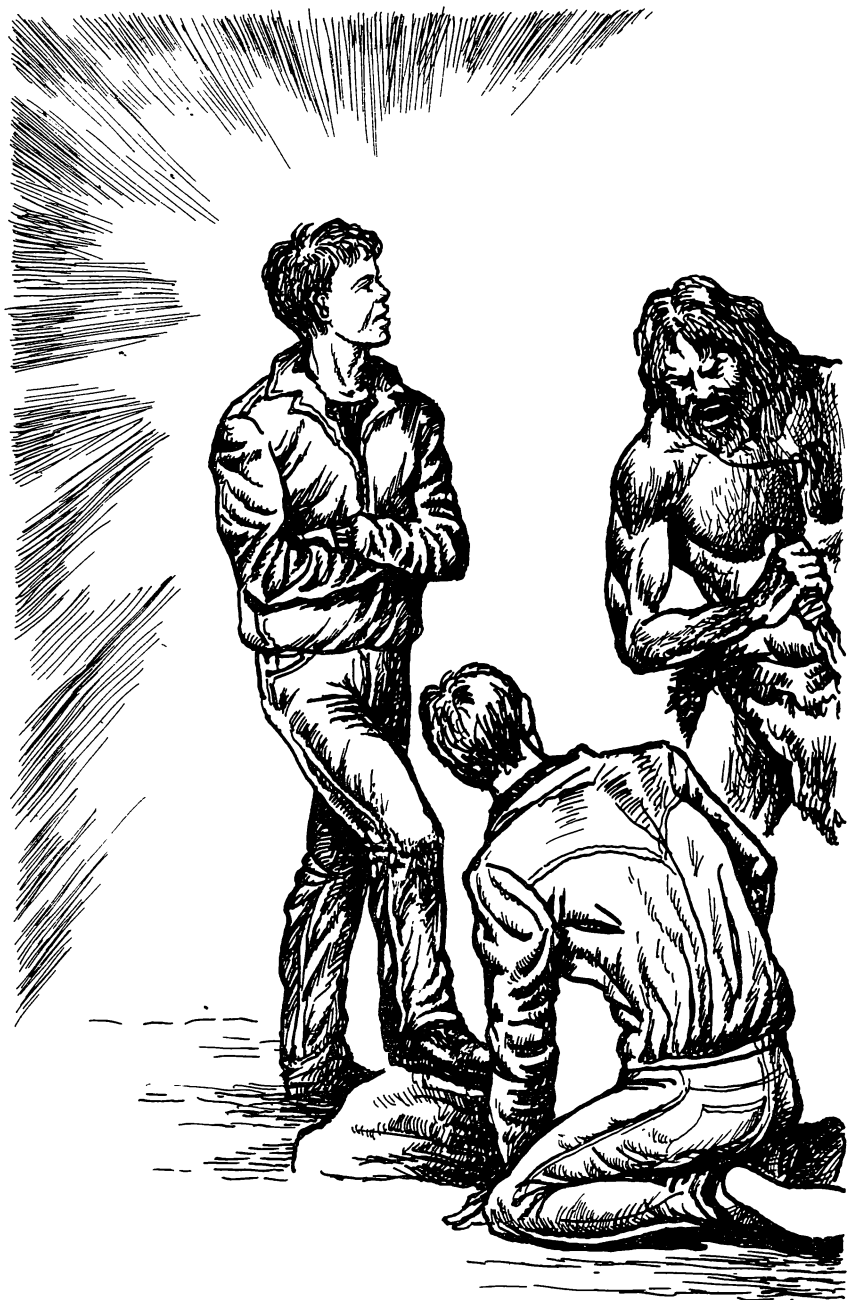
— А теперь улыбнись, — тихо подсказал Аркаша. — Они очень любят, когда улыбаются.

Не находя ничего веселого в данной ситуации, Лешка заставил себя возможно непринужденнее улыбнуться и процедил сквозь зубы:

— А теперь все-таки популярно объясни, что за чертовщина здесь происходит?

«МЫ ОКАЖЕМСЯ ПРЕДКАМИ СОБСТВЕННЫХ ДЕДУШЕК!»

Стояла тихая звездная ночь. Изредка тишина разрывалась треском сучьев, рычанием вышедшего на охоту крупного хищника и предсмертным стоном его жертвы; убаюкивающе шумели

воды широкой реки; луна бросала тусклый свет на прибрежные скалы.

Едва приметную даже днем тропинку, бегущую от берега и исчезающую в кустарниках, мог обнаружить только посвященный. Далее она скользила по узкому гребню скалы, опускалась и петляла, и, наконец, замирала у двух прижавшихся друг к другу исполинских гранитных утесов. Здесь, хорошо скрытый густой растительностью, находился узкий вход в огромную пещеру.

Попасть сюда можно было лишь по тропинке, и поэтому кваны оставляли у входа двух воинов и чувствовали себя в полной безопасности. Кваны долго благодарили своего покровителя Солнце, когда год назад, после долгих скитаний по лесам и долинам, набрали на это плоскогорье и обнаружили пещеру, в которой легко могли разместиться несколько сот человек. Естественные отверстия в сводах поглощали дым очагов и пропускали вдоволь воздуха; в глубоких прохладных нишах хранилось вяленое мясо, съедобные корни и плоды; по узкой расщелине в пещеру стекала дождевая вода... Одноглазый Вак, самый старый человек в племени, говорил, что никогда еще кванам не было так хорошо: мяса и воды — вдоволь, враги — только четвероногие. И кваны жили спокойно, и понемногу из их памяти уходили извечные враги тауры, которые остались в северных лесах, и кровопролитные битвы с ними.

Уставшие за день люди спали. В дальнем углу кто-то стонал спросонья, — наверное, ныли старые раны, да еще мать шлепала ненасытного младенца, нарушившего ее покой.

А в двух шагах от входа, лежа на мягких шкурах, бодрствовали Аркаша и Лешка. Избыток впечатлений гнал сон — согласитесь, не каждый день наш современник попадает в компанию пусть доброжелательных и даже симпатичных, но все-таки первобытных людей. Ребята лежали, смотрели на звездное небо и тихо переговаривались.

Лешка уже знал все.

Над «древнелетом» — так шутливо окрестил машину времени Аркаша — Чудак работал всю жизнь. Как и всякий гениальный изобретатель, он фанатично верил в успех, хотя иной раз приходил в отчаяние, когда... прибывал счет за использованную электроэнергию. Вряд ли председатель учительской кассы взаимопомощи мог предположить, что, выдавая Михаилу Антоновичу ссуду, он вносит серьезнейший вклад в мировую науку.

Год назад, став случайным свидетелем Аркашиной импровизации о жизни людей каменного века, Чудак впервые задумался всерьез о будущем своего изобретения. Присмотревшись к юному историку и угадав в нем одержимого, влюбленного в науку человека, он сделал его другом и хранителем своей тайны. И если честь создания древнелета целиком принадлежала учителю, то идею конкретного использования машины разработал его юный друг. Поняв, какое могучее оружие познания находится в их ру-

ках, Чудак и Аркаша стали готовиться к первому путешествию во времени.

Для начала после долгих раздумий было выбрано десятое тысячелетие до нашей эры — период, когда верхний палеолит перешел в мезолит, средний каменный век. Почему? В этот период доисторические чудовища уже вымерли, ледники давно отступили, планета имела привычный нам сегодня облик, а люди находились на той стадии детства человеческого рода, когда в мозгу начинали зарождаться идеи со-

вершенствования бытия. Затем было решено, приближаясь век за веком к неолиту, новому каменному веку, проследить за возникновением цивилизации, раскрыть — кто знает? — тайну Атлантиды, посетить древнюю долину Нила, проверить, не преувеличил ли старик Гомер масштабы Троянской войны и... У кого бы не закружилась голова от столь ослепительных перспектив?

Древнеелет был испытан в минувшее воскресенье. Первые в истории путешественники во времени вышли на уже знакомую нам каменистую площадку, и каждый читатель может нарисовать в своем воображении картину их внезапного появления среди потрясенных кванов. Быть может, кто-либо из вас сочтет этот жест излишне театральным, но Аркаша первым делом зажег бенгальский огонь. Это было заранее продумано и привело к ожидаемому эффекту: парализованные суеверным страхом дикари рухнули на землю и, раскрыв рты, смотрели, как один из пришельцев разбрасывает вокруг себя горящие звезды.

К счастью, в карманах Чудака — одна из слабостей учителя — оказалась горсть леденцов, и он роздал их детям. Те быстро разгрызли волшебное лакомство молодыми зубами и подняли невероятный гвалт, требуя добавки. Чудак и Аркаша засмеялись, и кваны, увидев улыбки на лицах сверх-естественных существ, сразу почувствовали себя увереннее. Постепенно возникло доверие и взаимопонимание, и пришельцев приняли по первому разряду. «Как богов», — скромно заметил Аркаша и, услышав иронический

смешок Лешки, пояснил, что версия божественного происхождения в данной ситуации гарантировала безопасность, а это не так уж и мало. «Кстати, и нашу сегодняшнюю безопасность», — напомнил он.

Чудак и Аркаша провели среди кванов несколько интереснейших часов: осмотрели пещеру, переписали в книжечки употребляемые племенем слова (их оказалось несколько сот) и приняли участие в банкете, который кваны дали в честь высоких гостей. И хотя сервировка стола могла показаться примитивной, а меню — несколько однообразным, путешественники с огромным аппетитом пообедали запеченной на углях олениной и жареными грибами (сокрушаясь лишь о том, что забыли захватить с собой соль). Затем, к превеликому огорчению кванов, гости сели в древнелет и мгновенно исчезли: наутро Чудак должен был присутствовать на педсовете, а путешествие к доисторическим предкам вряд ли могло служить уважительной причиной прогула. Перед расставанием седебородый вождь племени Тан, поражаясь собственной смелости, обратился к Аркаше с большой просьбой: «вернуть звезды, рассыпанные сыном Солнца, обратно на небо». Великодушный «сын Солнца» пообещал и, к радости кванов, честно сдержал свое слово.

К следующему путешествию Чудак и Аркаша готовились более тщательно. Для детей были закуплены игрушки и несколько килограммов леденцов, для женщин — бусы и для воинов — охотничьи ножи. Вечерами учитель и ученик зубрили язык кванов и горячо обсуждали планы преобразований, которые они мечтали осуществить в племени за время летних каникул.

И теперь все рухнуло.

Как Лешка ни бился, как ни пытался разобраться в беспомощных пояснениях Аркаши, принцип действия древнелета оставался непонятным. Аркаша смутно припоминал, что во время первого путешествия в кабине находился плоский ящик неизвестного ему назначения. «Наверное, источник энергии», — догадался Лешка, и эта догадка не принесла ему никакой радости.

Возвращение стало невозможным.

Если свои расчеты Чудак произвел точно — а в этом трудно было сомневаться, то древнелет перенес ребят за десять тысячелетий до нашей эры. Эти годы пройдут, на небе будут сверкать все те же звезды, все так же будет восходить и скрываться за горизонтом солнце...

— А мы? — спросил Лешка. — Выходит, что нас не будет? Родимся мы или нет?

— Сам не соображу, — признался Аркаша. — Наверное, родимся, куда нам еще деваться?

— А Рея Бредбери помнишь «И грянул гром»? Ведь нарушаются законы природы! — Лешка не удержался и прыснул: — Знаешь, что будет, если мы станем кванами и поженимся? Мы станем предками собственных дедушек! Смешно, правда?

— Смешно, — сдержанно согласился Аркаша.

— А мне не очень, — мрачно проговорил Лешка. — Как подумаю, что дома нас небось уже с милицией ищут...

— И все-таки, — после долгого молчания сказал Аркаша, — нечего вешать носы. Что ни говори, а нам сказочно повезло!

— Че-го? — протянул Лешка.

— Сам подумай: мы открыли прошлое! До сих пор ученые только строили догадки, изучая раскопки, а мы видим первобытное общество своими глазами. Да любой историк отдал бы десять лет жизни, чтобы оказаться на нашем месте!

— А мы отдадим всю жизнь, — напомнил другу Лешка. — И никто об этом не узнает...

— Узнают, — уверенно сказал Аркаша. — Мы будем вести записи. Бумага истлеет — камень останется. Мы на нем высечем свою повесть, и ее прочтут. Вот увидишь!

— Увижу? — усмехнулся Лешка. — Весьма в этом сомневаюсь. Ладно, сын Солнца, давай спать. Авось проснемся утром, и окажется, что все это кошмарный сон.

— Спокойной ночи, сын Луны, — засмеялся Аркаша. — Сказать, как ты теперь зовешься? Пуун.

— А ты?

— А я — Лан.

— Смотри, Лан, не храпи, как пещерный лев!

— А ты, Пуун, не лягайся, как загнанный волками олень!

И друзья, обменявшись этими пожеланиями, быстро уснули.

ВВЕДЕНИЕ В ОБСТАНОВКУ

Читателю, которому, в отличие от Лешки и Аркаши, пока еще не довелось побывать в обществе первобытных людей, наверняка интересно будет узнать, как жили наши предки в ту отдаленную эпоху.

Нужно прямо и откровенно сказать, жили они не легко. Я уже не говорю об отсутствии таких привычных деталей сегодняшнего быта, как библиотеки, стадионы, утренний душ, капли от насморка, штаны и мороженое — все эти достижения будущей цивилизации даже и не снились доисторическому человеку, ибо главной его заботой являлась повседневная, не прекращавшаяся ни на миг борьба за существование.

Хотел бы я посмотреть на современного охотника, который выйдет на тигра, имея при себе вместо крупнокалиберной винтовки обожженную на огне палицу! Думаю, что рассказывать о подробностях этой встречи будет не охотник, а тигр.

Крупные хищники, однако, были хотя и очень опасными, но далеко не единственными врагами. Страшны были и пожары, возникавшие во время грозы и опустошавшие окрестности. Гибли животные, сгорала растительность, и под угрозой голодной смерти племя покидало обжитые места, уходя навстречу неизвестности.

А неизвестность пугала первобытного человека больше всего.

Там могли оказаться топкие болота, кишашие насекомыми и змеями, от укусов которых не было спасения, незнакомые ранее хищные звери и, самое страшное, другие племена, безжалостно уничтожавшие пришельцев.

А наводнения и землетрясения, во время которых погибало все живое? Прошу учесть, что вертолеты в тот древний период еще не были известны, и проблема эвакуации решалась далеко не так просто, как сегодня.

А болезни? Как показали раскопки и, что еще важнее, свидетельства Аркаши и Лешки, медицинское обслуживание в среднем каменном веке находилось явно не на высоте. Это теперь, чихнув два-три раза, человек ложится в постель, пьет чай с малиновым вареньем и слабым голосом сообщает врачу о своих неимоверных страданиях. У кванов же болезнью считалось, если, скажем, лев поранил охотника когтями или если при падении со скалы тот сломал ногу. На ангины же, радикулиты, расстройства желудка и прочее внимания никто не обращал, так что получить больничный лист первобытному симулянту не было никакой возможности.

К счастью, как указывалось выше, наши друзья очутились среди кванов в период их благоденствия.

Племя ни в чем не знало недостатка. Охотникам не надо было совершать многодневных изнурительных походов, чтобы добыть кабана или оленя: дичь в изобилии водилась в округе. Тигр, которому горячей ветвью обожгли хвост, вместе со своей полосатой подругой старался держаться от людей на почтительном расстоянии; стаи волков и диких собак, куда менее уверенные в своих силах, еще больше боялись человека; мамонты, дважды в год проходившие вдоль берега реки, со свойственным им высокомерием вообще никого не замечали, а на опасных в своей ярости буйволов люди охотились только в крайнем случае. Река изобиловала рыбой, леса — ягодами, грибами и кореньями; неприступные горы, ограждавшие владения кванов, гарантировали их от нападения тауров и других племен. Мягкий, здоровый климат, хорошая пища и крепкий сон делали кванов сильными, уверенными в себе.

К тому же с племенем теперь жил спустившийся с неба сын Солнца со своим спутником, сыном Луны.

Прошу образованного читателя не забывать, что кваны были наивными и суеверными людьми, среди которых еще никто не вел антирелигиозной пропаганды. До сих пор все чудеса — перемещение небесных тел, громы и молнии, радуги и так далее производили невидимые боги. А Лан, сын Солнца, рассыпал звезды и по просьбе вождя вернул их на небо. Это видели все кваны, и поэтому их не надо было убеждать в том, что Лан — подлинный бог. Рассказ о произведенном им чуде в будущем передавался из поколения в поколение, обрастал наслоениями и, наконец, превратился в легенду. В частности, как достоверно известно, именно кваны пустили в обиход сохранившееся и по сей день выражение: «Звезд с неба не хватает». Этой иронической поговоркой племя оп-

ределило свое отношение к Поку, человеку, который Лану и в подметки не годился (о Поке, весьма злобном и гнусном типе, вся речь еще впереди).

КВАНЫ КАК ОБЪЕКТ НАУКИ

Первое в истории человечества социологическое исследование отныне датируется пятым июля десятилетия тысячного года до нашей эры. Парадокс, но что поделалась? Мы точно знаем день и месяц, но год, увы, можем определить лишь весьма приблизительно.

Да, прошу прощения: известно даже, что работа началась в девять утра и закончилась ровно в полдень. Именно в этот промежуток времени была проведена первая и единственная в доисторический период всеобщая перепись населения.

Идея переписи возникла у Аркаши, когда Лешка вывалил на землю содержимое своей спортивной сумки. Бутсы, гетры, динамовская форма, крышка и две камеры, фонарик, футбольный календарь, судейская сирена и прочая мелочь не привлекли внимания Аркаши. Но зато он сразу же ухватился за общую тетрадь, в которую Лешка вклеивал фотографии своих кумиров и вносил разные футбольные сведения. Лешка поднял крик, но Аркаша убедил его пожертвовать тетрадь на алтарь науки. Затем, не обращая внимания на обвинения в бюрократизме, он разграфил несколько листов, заготовил на каждого члена племени небольшую анкету и принялся за опрос.

Кваны, по приказу вождя собравшиеся на площадке (которая по предложению Лешки была внесена в план становища как площадь имени Эдуарда Стрельцова), долго не могли понять, чего от них хотят. Вид карандаша, бегущего по бумаге, внушал им священный страх. Но когда Аркаша намекнул, что все, попавшие в тетрадь, отныне будут пользоваться покровительством Солнца, кваны повеселели и стали покладистее.

Вот результаты переписи и некоторые общие выводы, извлеченные автором из этой тетради.

Племя насчитывало сто тридцать пять человек: сорок шесть мужчин, тридцать девять женщин и пятьдесят детей в возрасте до тринадцати лет. Постоянное местожительство — средний каменный век, пещера имени Чудака. Национальность — кваны, родной язык — кванский. Образование — неграмотные. Профессия — охотники, ремесленники, домашние хозяйки. Социальное положение — один вождь, один — лицо неопределенных занятий (колдун), остальные — трудящиеся. Религиозная принадлежность — язычники: веруют в Солнце, Луну, молнию и прочее.

В дальнейшем Аркаша внес в тетрадь и ряд наблюдений социального порядка. Кваны обладали правом личной собственности на

орудия производства: каменные топоры, дротики и копья с металлическими досками, палицы, а также на одежду из шкур и украшения. Разумеется, никому не приходило в голову присваивать себе землю и охотничьи угодья. Распределение пищи было уравнительным, хотя закон предусмотрел для вождя, колдуна и удачливых охотников двойную порцию. Образ правления кванов Аркаша определил как первобытную демократию: власть вождя была не наследственная, а выборная.

Аркаше казалось, что если бы кванов побрить, подстричь и нарядить в современную одежду, они ничем бы не отличались от людей, с которыми мы повседневно общаемся. Друзья сошлись на том, что старый Вак, например, одетый в пижаму и с тростью в руке, вполне сошел бы за отставного военного, а атлетически сложенный красавец Нув, сын Оленя (тот самый, который первым приветствовал Лешку), как две капли воды смахивал на известного в прошлом гимнаста и олимпийского чемпиона.

Взяв в качестве эталона Лешку (было точно известно, что росту в нем сто семьдесят четыре сантиметра), Аркаша ножом вырезал на шести шкалу с делениями и обмерил всех кванов. Самым высоким, несмотря на юный возраст, был Нув — два метра два сантиметра, а самым низким Коук, сын Волка, — метр семьдесят шесть. Таким образом, средний рост кванов оказался значительно большим, чем у наших современников, и Лешка выразил уверен-

ность, что если бы сюда попали баскетбольные тренеры, у них просто разбежались бы глаза.

Женщины-кванки были ниже ростом, но миловидны, приветливы и очень чистоплотны. В свободное от ухода за детьми, приготовления пищи и выделки шкур время они охотно плескались в реке, загорали, судача про своих мужей, и расчесывали примитивными костяными гребешками роскошные черные волосы.

Дети были как дети: купались, дрались, играли в охоту и ходили совершенно нагими.

Стоит ли говорить, что к процедуре переписи кваны отнеслись с исключительным любопытством и даже с радостью: ведь отныне им будет покровительствовать Солнце! И лишь один человек не спустил с Аркаши и Лешки злого и ревнивого взгляда: колдун по имени Пок.

Понять колдуна было нетрудно: ведь до вчерашнего дня он обладал огромной властью, почти равной власти вождя. Кваны боялись его заклинаний, его проклятие означало изгнание из племени. Все знали, что Пок может одним словом наслать на человека болезнь и даже смерть.

Но теперь авторитет Пока пошатнулся: в племени появился куда более могущественный сын Солнца со своим спутником сыном Луны. Не в силах объяснить их чудесное появление, колдун в глубине души боялся Лана и Поуна, но, обладая более изощренным, чем у соплеменников, умом, отдавал себе отчет в том, что пришельцы все-таки люди. Когда Лан случайно ударился ногой о камень, он вскрикнул от боли, а на его пальце показалась капелька крови. Пришельцы едят, пьют и спят, как кваны, и тела у них такие же белые, только менее загоревшие. И чудес никаких больше от них не исходит, и физической силой они не блещут — женщины у кванов не слабее.

Поку было обидно, что кваны перестают обращать на него внимание. Обидно и страшно: а вдруг пришельцы низведут его до положения простого охотника?

Колдун решил присматриваться и до поры до времени вести себя осторожно.

«В ЧУЖОЕ ПЛЕМЯ СО СВОИМ ЗАКОНОМ НЕ ХОДЯТ»

Первые дни проходили спокойно. Аркаша и Лешка изучали быт племени и его язык, знакомились поближе с людьми и вечерами размышляли о будущем. Конечно, ребятам нелегко было примириться с тем, что возвращение домой невысказано, но их захватила прелесть новизны и фантастическая перспектива внесения элементов цивилизации в первобытное общество.

Ничего не объясняя любопытным, практик Лешка под руководством теоретика Аркаши пытался изготовить лук. Метательные доски, которыми пользовались кваны для увеличения дальности

полета дротиков и копий, не шли ни в какое сравнение с дальнотойбойным луком. Но удачный образец пока не получался, хотя стрелы летели все дальше и впивались в дерево все глубже.

Обзавелись ребята и верным другом: им стал Нув, юный геркулес, в серых глазах которого пылала неутолимая любознательность. Вернувшись с охоты, он не отходил от Лешки и Аркаши ни на шаг, ненавязчиво предлагал свои услуги, отвечал на многочисленные вопросы и задумчиво прислушивался к звукам незнакомой ему речи.

Друзья иногда выходили за пределы становища — вместе с Нувом, конечно. Лешка, футболист и самбист, гордившийся своей силой, рядом с кваном казался хрупким подростком, а щуплый Аркаша и вовсе чувствовал себя беспомощным. Поэтому ребята, видевшие диких зверей только в зоопарке и в кино, разве что не держали своего могучего спутника за руки.

А в дремучем первобытном лесу опасность подстерегала людей на каждом шагу. Однажды зоркие глаза Нува распознали готового к прыжку леопарда, и лишь громкий воинственный клич квана заставил хищника изменить свои планы. В другой раз ребята увидели двух тигров, гигантскими скачками настигавших табун диких лошадей. Трепеща от волнения, Аркаша и Лешка смотрели, какстая собак разрывает на части старого оленя; как Нув пронзает метко брошенным копьем отставшего от стада теленка...

К этому трудно было привыкнуть, но жизнь есть жизнь, и ребята при помощи своего друга все чаще покидали становище. Убедившись, что Нув умеет держать язык за зубами, они посвятили его в тайну лука. К удивлению ребят, Нув быстро разобрался в этой нехитрой тайне, пришел в восторг от перспективы получить столь грозное оружие и принял деятельное участие в его совершенствовании. И когда спустя несколько дней кван подстрелил из лука косулю на расстоянии сорока метров, стало ясно, что нужная конструкция найдена. Лешка тоже научился прилично попадать в цель, но у Аркаши стрела упрямо не хотела лететь дальше десяти метров.

Между друзьями иногда разгорались споры.

Лешка усомнился, имеют ли они право ускорять на многие века развитие кванов. Ссылаясь на Рея Бредбери и братьев Стругацких, он доказывал, что история не простит такого вмешательства в свои дела. Не злоупотребят ли кваны могуществом, приобретенным при помощи Лана и Поуна? Лук в руках у кванов — не то ли же самое, что мушкеты в руках конкистадоров в период завоевания Мексики?

Да, парадокс имеет место, соглашался Аркаша. Но человечество все равно вот-вот изобретет лук — об этом свидетельствуют данные раскопок. От метательной доски к крючком до лука — каких-нибудь несколько тысяч лет, которые в доисторический период значат не больше, чем десятилетие в двадцатом веке. К тому же кваны народ миролюбивый, вполне довольный тем, что он имеет.

Друзья не раз возвращались к этой теме, спорили и никак не могли прийти к единой точке зрения.

Между тем произошло событие, которое показало, что в своих размышлениях Аркаша и Лешка упустили один чрезвычайно важный момент.

Они забыли, что кваны ждут от них нового чуда.

Нув пришел встревоженный: он рассказал, что Пок ходит от одного охотника к другому и мутит воду. По словам колдуна, Лан и Поун — самозванцы, не имеющие к небу никакого отношения. А то, что Лан разбрасывал звезды, кванам просто пришлось.

— Ну, и что говорят кваны? — с деланным спокойствием спросил Аркаша.

— Одноглазый Вак сказал про Пока: «Собака лает — ветер носит», — сообщил Нув. — А у остальных...

— «Собака лает — ветер носит»? — Аркаша захлебнулся от восторга и схватил тетрадь. — Откуда Вак взял эти слова?

— Они всегда были, — Нув пожал плечами. — А у остальных душа ушла в пятки.

— «Душа ушла в пятки»? — завопил Аркаша, изумленно глядя на Нуву.

— У нас все так говорят, — в свою очередь удивился Нув.

— Поговорки, оказывается, вот с такой бородой, — развеселился Лешка. — Ну, а вождь?

— Тан сначала сердился на колдуна, а потом замолчал, — вздохнул Нув и вдруг с искренней мольбой воскликнул: — Пусть Лан и Поун избавят племя от Пока! Он любит только себя и свою двойную долю. Его все боятся, потому что он может превратить квана в камень.

— Врет он, твой Пок, — усмехнулся Лешка. — Тоже еще нашла Медуза Горгона! Сын Солнца запросто сделает Пока слабым, как ребенок.

— Это правда? — радостно спросил Нув у Аркаши.

Аркаша величественно кивнул, напряженно размышляя про себя о сложившейся скверной ситуации.

— Тогда сыну Солнца нужно спешить, — посоветовал Нув. — Пок сейчас будет убивать детенышей собак, чтобы их кровь забрала силу у Лана и Поуна.

— Где? — Аркаша и Лешка вскочили.

Нув предложил ребятам следовать за ним. Осторожно пробравшись сквозь кустарник, они увидели такую картину.

На «площади Эдуарда Стрельцова», распростершись ниц, вокруг древнелета лежали кваны. Блестящий металл сверкал на солнце, и люди, жмуря глаза, издавали тихие восклицания. Возле древнелета с надменным лицом стоял Пок. В его клочковатые седые волосы были вплетены четыре шакальих хвоста —

отличительный знак колдуна. Руками Пок проделывал какие-то пассы.

— Фокусник, — буркнул Лешка. — Очки публике втирает!

— Жертвоприношение, — ахнул Аркаша.

Колдун поднял с земли попискивающий комочек и собрался ударить по нему каменным топором.

— Вот гад, — обозлился Лешка. — Смотри, двух щенков хочет убить!

— Нельзя! — Аркаша не выдержал и выскочил из кустарника.

Кваны поднялись на ноги и с испугом смотрели то на сына Солнца, то на Пока.

— Нельзя, — повторил Аркаша, — Лан не хочет жертв. Щенки станут взрослыми собаками и будут служить кванам.

— Где это видано, — возразил колдун, — чтобы люди жили вместе с собаками? Они принесут беду!

Послышался ропот одобрения. Седобородый Тан хмуро произнес:

— В чужое племя со своим законом не ходят!

«В чужой монастырь со своим уставом...» — посмаковал про себя Аркаша и решительно воскликнул:

— Собаки останутся жить и станут друзьями кванов! Этот новый закон дает племени сын Солнца!

— А пока собаки не станут большими, — поддержал Нув, — дети будут жевать для них мясо и пить водой из раковин!

— Собаки принесут беду! — упрямо повторил Пок, и в глазах его вспыхнула злоба. — Пусть сын Солнца еще подумает!

— Я сказал! — принимая величественную позу, подтвердил свое решение Аркаша.

Пок обернулся к Тану, но вождь отвел глаза. Про себя он подумал, что ссориться с сыном Солнца пока еще опасно, уж очень он уверен в своей силе. И вождь изрек:

— Пусть будет так, как велел Лан.

Кваны молча выслушали приказ, но по их поведению было видно, что они растеряны: впервые вождь отменил решение всемогущего колдуна. Это предвещало большую беду.

Взяв на руки скулящих щенков и ласково их поглаживая, Аркаша и Лешка ушли к пещере. За ними никто не последовал. Друзья сели на нагретый солнцем валун и переглянулись. Что-то им подсказывало, что они совершили серьезную ошибку.

Впрочем, не прошло и десяти минут, как это предчувствие подтвердилось.

Послышался треск сучьев, и из кустарника показались седобородый Тан, надменный, но озабоченный Пок, одноглазый Вак, Нув и еще несколько воинов. Лицо вождя было насуплено и сурово. Он сказал:

— Сын Солнца! Пок, сын Шакала, говорит, что Лан и Понун — простые люди, которые нарушили закон племени. Тан, сын Мамонта, не знает, кто прав, Пок или Лан. Поэтому Тан решил: Пок будет сражаться с Ланом, чтобы погибнуть или победить.

— Придумай что-нибудь, — окинув взглядом сухощавую, но мускулистую фигуру колдуна, прошептал Лешка. — Он из тебя кишишь делает.

— Пок хочет умереть? — с поразившим Лешку самообладанием спросил Аркаша. — Что ж, Солнце, отец Лана, испепелит Пока, сына Шакала, своими лучами.

Колдун вздрогнул и изменился в лице. Нув радостно улыбнулся и восхищенно посмотрел на Аркашу. Наступила напряженная пауза.

— Почему Пок молчит? — воскликнул Тан. — Старый Вак, хранитель законов племени, говори!

— Если вождь решил, что Пок, сын Шакала, должен сражаться, — сказал Вак, — так и должно быть. Иначе Пок будет изгнан.

— Пок согласен, — пробормотал колдун, делая выбор. — Он готов сражаться, но тогда, когда Солнце скроется за горой и не будет посылать свои лучи. Пок проткнет Лана копьем и раздробит его кости палицей.

По лицу колдуна, однако, было видно, что он здорово перетрусил.

— Пусть будет так, — кивнул вождь. — Подождем, чтобы Солнце скрылось за горой. Мы увидим, кто прав, Лан или Пок. Но если Пок, сын Шакала, сказал про сына Солнца неправду, он покинет племя.

Тан повернулся и ушел, а вслед за ним все остальные, кроме Нува.

Лешка и Аркаша с волнением посмотрели друг на друга.

— Кажется, влипли, — сокрушенно произнес Аркаша. — Из лука я его не проткну, в лучшем случае чуть-чуть оцарапаю шкуру.

— Прости, Аркаша, — горестно вздохнул Лешка. — Из-за меня все это. Одного я тебя не пушу, погибнем вместе.

Послышался смех Нува. Ребята вздрогнули.

— Это Нув дал совет вождю! — радостно возвестил юноша. — Теперь сын Солнца убьет Пока!

— Святая простота, — печально взглянув на квана, сказал Аркаша.

— Лан не хочет убивать Пока? — огорчился Нув. — У сына Солнца мягкое сердце? Или он ничего не может делать без жарких лучей своего отца?

— Может, сбежим? — мрачно предположил Лешка.

— Куда? — усмехнулся Аркаша. — К таурам?

У ног друзей попискивали щенки.

— Я хотел их назвать Барбос и Жучка, — со слабой улыбкой сказал Лешка. — Кажется, мы подарили им всего лишь несколько часов жизни.

Нув озадаченно смотрел на друзей.

— А почему Лан не попросит у своего отца лучи, пока он не ушел за гору?

Аркаша встрепенулся и, раскрыв рот, посмотрел на Нува.

— Есть! — взволнованно вымолвил он.

— Придумал? — обрадовался Лешка.

— Спасибо, Нув! — воскликнул Аркаша и пожал могучую руку квана. — Мы еще поживем, Лешка!

ПЕРВЫЙ ИНФАРКТ

Седобородый Тан молча смотрел на уходящее светило. Солнце скрывалось за горой. Еще несколько мгновений, и его лучам не проникнуть к становищу.

Тан ждал и боялся этой минуты. Он жалел о том, что не проявил мудрость и придал ссоре Пока и Лана столь опасный оборот. В любом случае племя окажется в проигрыше. Если победит сын Солнца, то кваны останутся без колдуна, который заговаривает раны, заклинаниями предупреждает опасности и держит в страхе охотников, недовольных дележом добычи. Если же Пок убьет Лана, то не отомстит ли Солнце за гибель своего сына? Правда, колдун по-прежнему утверждает, что рассыпанные звезды кванам приснились, но Тан в этом не уверен. Не было еще такого, чтобы всему племени приснился один и тот же сон.

Поэтому вождь следил за уходящим Солнцем с тяжелым сердцем. Он боялся несчастья. Слишком долго кванам было хорошо, такое вечно продолжаться не может. Однако вождь не должен изменять своих решений, его перестанут бояться и уважать.

На становище быстро надвигались сумерки.

— Солнце ушло, — напомнил вождю одноглазый Вак.

Тан поднял руку, и племя, полукольцом охватившее место поединка, притихло.

— Кваны любят тебя и преклоняются перед тобой, Солнце! — воскликнул Тан, обращаясь к отблескам ушедшего светила. — Они благодарны тебе за свет и тепло. Они хотят, чтобы каждое утро ты приходило обратно, согревало их и помогало им отыскивать добычу. Не обращай на кванов свой гнев, если они, сами того не зная, нарушили твой закон!

Умиротворив Солнце, вождь успокоился и велел звать бойцов.

Первым на площадку вышел Пок. Его тело было раскрашено глиной, шакальи хвосты в волосах извивались, как змеи, а на лице застыл свирепый оскал. В одной руке колдун держал копье с кремневым наконечником, в другой — тяжелую палицу, в которую были всажены зазубренные осколки камня.

Когда же появился сын Солнца, кваны не могли сдержать изумленных возгласов. В руках у Лана ничего не было! Ни копья, ни палицы, ни топора, ни даже дротика. Тем не менее Лан улыбался, кланялся публике и с нескрываемым пренебрежением поглядывал на своего противника. Если говорить чистую правду, то при виде до зубов вооруженного колдуна у Аркаши по спине поползли мурашки, но он твердо помнил наказ Лешки: «Покажешь, что струсил, — он тебя прихлопнет как муху!»

— Почему сын Солнца вышел с голыми руками? — недоуменно спросил Тан. — Закон не запрещает ему взять копье и палицу.

— Пок готов! — нетерпеливо выкрикнул колдун, кровожадно глядя на своего безоружного врага.

— Лан тоже готов, — сказал Аркаша. — Ему не нужна палица, чтобы сразить Пока.

По племени прошел гул; кваны пожимали плечами и улыбались: слишком разительно отличались друг от друга противники. Они, мягко говоря, выступали в разных весовых категориях. Аркаша весил килограммов пятьдесят, и эти килограммы, как догадывается читатель, не были сплошными мускулами. Прискорбно об этом говорить, но на уроках физкультуры Аркадий Сазонов являл собой довольно жалкое зрелище, как выражался Лешка: «мешок с опилками висел бы на перекладине куда более элегантно».

Что же касается Пока, то хотя колдун и не выглядел столь мощно, как Нув или Тан, он был все-таки здоровяком с могучей грудью и длинными мускулистыми руками. Всякий непредубежденный зритель, сравнив бойцов, легко пришел бы к опрометчивому выводу, что Аркаша имеет столько же шансов, сколько имел бы слепой котенок против тигра. Опрометчивому потому, что — прошу не забывать! — за Аркашей все-таки стояли двенадцать тысячелетий накопленного человечеством опыта, а это, уверяю вас, отнюдь не пустяк.

— Каждый может издать свой клич! — напомнил вождь.

Ломая голос, Пок проревел длиннующую руладу и, размахивая палицей, сделал несколько эффектных прыжков.

Досмотрев до конца хвастливый танец колдуна, Аркаша воздел руки к небу и прокричал первое пришедшее ему в голову страшное заклинание:

— Гром и молния! Да сбудутся мечты Билли Бонса! Пиастры, пиастры, пиастры! Тысяча динозавров и миллион птеродактилей! Синхрофазотрон!

Потрясенные ужасом кваны втянули головы в плечи, ожидая, что на них непременно обрушится небо, и были немало удивлены, когда этого не произошло. У колдуна же прервалось дыхание, и ему понадобилось не меньше минуты, чтобы выйти из оцепенения. Лешка потом уверял Аркашу, что тот мог запросто к Поку подойти, вырвать палицу и трахнуть по его дубовой башке. Аркаша оправдывался тем, что у него вряд ли хватило бы сил поднять палицу.

Однако вождь подал знак, и поединок начался. Для начала Пок, еще не окончательно пришедший в себя, весьма неудачно метнул копьё: оно шлепнулось на землю в нескольких шагах от противника. Аркаша не шелохнулся. Ободренный его бездействием, Пок стал петлять вокруг, подбираясь поближе к копьё и слишком явно не обращая на него внимания. Наконец колдун набрался смелости, ринулся к копьё, но едва лишь до него дотронулся, как Аркаша сунул в рот судейский свисток и пронзительно свистнул.

Кваны ахнули. Женщины в испуге закрыли глаза, дети бросились врассыпную, а воины схватились за оружие, словно готовясь отразить нападение невидимого врага.

Насмерть перепуганный Пок рванулся было, чтобы бежать без оглядки, но колоссальным усилием воли заставил себя остаться на поле боя. И все же колдун был далеко не прост. Сопоставив про себя факты, он пришел к правильному выводу, что ничего сверхъестественного в этом странном звуке нет. Пожалуй, такой же, хотя и менее сильный звук, могла породить свирель, которой пользовались тауры для устрашения врагов. Сделав такое умозаключение, колдун опомнился и приступил к решительной атаке: взревел, поднял палицу и...

— Давай, давай, — нервно прошептал Лешка.

— Получай! — заорал Аркаша и выхватил из кармана фонарик.

Я уверен, что теперь любой читатель мог легко бы закончить за автора сцену поединка. Боясь, однако, что при этом будут упущены кое-какие детали, сделаю это сам.

Когда яркий сноп света вонзился в лицо колдуна, ноги его подкосились, из груди вырвался хрип и Пок замертво рухнул на землю. Быть может, окажись поблизости «скорая помощь», его и удалось бы спасти, но телефон в становище, как вы знаете, отсутствовал, да и звонить было некуда. Так что консилиуму в составе Аркаши и Лешки, а также свидетелям: седобородому Тану, одноглазому Ваку и Нуву — пришлось констатировать, что Пок, сын Шакала, видимо, ушел в мир иной...

Ну, а что касается важных последствий этого поединка, то о них мы поговорим в следующей главе.

НОВАЯ МЕТЛА ЧИСТО МЕТЕТ

Если покойный колдун и посеял кое у кого из кванов сомнения в божественном происхождении сына Солнца, то теперь они исчезли без остатка. Верный Нув торжествовал и ходил по становищу с таким гордым видом, словно он, а не Лан сразил колдуна вытащенным из одежды лучом.

Кстати, тот же Нув оказал нашим друзьям еще одну большую услугу. Именно по его предложению общее собрание племени единодушно избрало Аркашу колдуном — честь, которая еще никогда не оказывалась лицу его возраста и тем более пришельцу. Согласно обычаю, Аркаша трижды отказывался от столь почетного предложения, но в конце концов позволил себя уговорить и с благородным достоинством принял из рук вождя отличительные знаки колдуна — четыре шакальих хвоста. Исподтишка Аркаша пытался сунуть их в карман, чтобы потом выбросить на свалку, но этот фокус не удался: хвосты были торжественно привязаны к шевелюре.

— Хорош! — не без ехидства сообщил Лешка. — Поздравляю, гражданин колдун!

— Спасибо, — проворчал Аркаша, с отвращением ощупывая хвосты. — Как бы избавиться от этой дряни?

— Издай новый закон, — посоветовал Лешка. — Скажем, отныне колдуну вместо шакальих хвостов носить собачьи. Должен ведь ваш брат мракобес чем-то отличаться от прочих верующих! Не расстраивайся, они тебе идут.

Аркаша некоторое время терпел насмешки, а потом не выдержал и придумал для друга должность заместителя колдуна по общим вопросам. Лешка взвыл, но было поздно: как он ни отплевывался, к его волосам тоже прицепили шакальи хвосты — правда, три, а не четыре. Дороживший своим привлекательным лицом, Лешка взглянул на себя в лужицу и возвел такую хулу на всех богов, что, пойми его кваны, они были бы оскорблены в своих лучших религиозных чувствах.

Однако шутки шутками, а новое служебное положение дало ребятам весьма ощутимые преимущества. По табелю кванов о рангах колдун вообще был вторым человеком после вождя, а учитывая то, что обладателем шакальих хвостов являлся теперь не какой-нибудь безграмотный Пок, а сын Солнца, этот пост приобрел особую роль. После блистательной победы в поединке авторитет Лана был столь высок, что... стыдно об этом рассказывать, но кваны падали на колени и целовали следы его ног. Пришлось специальным актом запретить такое безобразие, а заодно и процедуру целования ступни с последующим водружением ее на голову (последнее особенно выводило из себя Лешку, который считался простым смертным и посему от целования ступни не освобождался).

Седобородый Тан настолько уверовал во всемогущество нового колдуна, что безропотно согласился и на ряд других реформ.

Так, начисто отменялись жертвоприношения Солнцу — вредный обычай, из-за которого племя лишалось значительной части пищи. Вместо дефицитного мяса богам отныне преподносились только обглоданные кости, которые, как безапелляционно заявил Аркаша, его небесный родитель считает наилучшим деликатесом.

В силу вошел и закон, согласно которому пищу в первую очередь получают дети, женщины и старики, а не самые сильные охотники, как это было раньше. А для того, чтобы при голосовании мужчины не провалили этот закон, вождь по настоянию Аркаши предоставил право голоса женщинам (заметьте — тоже впервые в истории! Прошу простить автора за то, что ему не раз придется употреблять эти слова).

Был изменен и ритуал молитвы о ниспослании кванам удачной охоты. Прежде Пок, сын Шакала, уединялся в пещере и с полчаса там бсновался, выкрикивая какие-то нелепости. Это, быть может, и вселяло в кванов священный трепет, но не способствовало их эстетическому воспитанию. Аркаша и Лешка решили, что если уж кваны требуют заклинаний, то пусть они будут выдержаны в духе

оптимизма и прививают людям музыкальные навыки. Отныне перед охотой кваны собирались на площади Стрельцова и слушали новую молитву, Аркаша становился в позу эстрадного певца и запевал:

Заправлены в планшеты космические карты,
И штурман уточняет в последний раз маршрут.
Давайте-ка, ребята, закурим перед стартом,
У нас еще в запасе четырнадцать минут!

Далее включался Лешка со своим баритонем, и колдуны пели вместе:

Я верю, друзья, караваны ракет
Помчат нас вперед, от звезды до звезды!
На пыльных тропинках далеких планет
Останутся наши следы...

Тут все племя подхватывало вызубренный наизусть рефрен и в молитвенном экстазе повторяло:

На пыльных тропинках далеких планет
Останутся наши следы!

Кваны еще не знали музыки, и мелодия привела их в восторг. Обнаружилось, что некоторые из них обладают неплохим слухом

и звонким голосом: так, своего любимца Нува колдуны готовы были хоть сейчас рекомендовать в Высшее музыкальное училище имени Гнесиных. Неплохо пела и юная красавица Кара, которая не сводила удивленных и восторженных глаз с Лешки, приводя его в немалое смущение.

Короче, новая молитва кванам понравилась до чрезвычайности, и, главное, она принесла им удачу: целых полтора месяца охота была отличная, пока не произошло чрезвычайное происшествие, о котором читатель узнает несколько позднее.

КАК НУВ ВОССТАНОВИЛ СВОЕ ДОБРОЕ ИМЯ

— Ты не знаешь, колдун, что творится с Нувом? — спросил у Аркаши его заместитель по общим вопросам.

Аркаша пожал плечами. С Нувом действительно происходило что-то непонятное. Он осунулся, стал молчалив и потерял присущую ему жизнерадостность. Бывало, что он целыми часами сидел на берегу реки и смотрел на ее голубые воды. Когда ему задавали наводящие вопросы, он отвечал односложно и сухо.

Ребята терялись в догадках до тех пор, пока Аркаша случайно не заметил, что Нув провожает стройную Лаву, дочь старого Вака, долгим тоскующим взглядом. Здесь уже не надо было быть психологом, чтобы различить симптомы трудноизлечимого заболевания — неразделенной любви.

Но в действительности дело обстояло еще хуже. Я утверждаю это со всей ответственностью, хотя предвижу возражения читателя, что хуже неразделенной любви ничего на свете быть не может.

Оказалось, что в переживаниях Нува виноваты Лан и Поун. Пусть косвенно, но все-таки виноваты.

В своем споре о том, имеют ли они право вмешаться в исторический процесс и даровать первобытному человечеству лук, Лешка и Аркаша упустили из виду одно важное обстоятельство: кваны в лице Нува уже знают об этом великом изобретении.

Я, разумеется, не стану бросать тень на честного Нува и намекать, что молодой кван якобы способен разболтать доверенную ему тайну: я убежден, что он не сделал бы этого под страхом смерти; но, дав в руки квану лук и стрелы, сыновья Солнца и Луны уже не имели морального права забрать их обратно.

Чего стоит искусство, скрываемое от людей? Что толку от того, что он бьет без промаха, если нельзя продемонстрировать кванам свое мастерство? Нув уже не радовался тому, что стал превосходным стрелком из лука. Более того, успехи, которыми он так гордился, принесли ему сплошные неприятности. Дело в том, что Нув допустил одну оплошность. Кванам еще ни разу не удавалось полакомиться мясом архаров, горных козлов, которые прыгали по неприступным скалам, держась от охотников на расстоянии, вдвое превышающем дальность полета дротика. Поэтому, если кто-либо

из них завирался, кваны шутили: «Ну, пошел ловить архаров!» И когда Нув метким выстрелом поразил эту вожделенную цель, юноша был вне себя от радости. Ему бы сказать, что козел случайно свалился со скалы — и все бы этому поверили. Однако Нув был плохим дипломатом: принеся в становище свою добычу, он гордо заявил, что самолично убил архара. Врать честный парень не умел, а оправдаться — не мог, и над беднягой смеялось все племя: даже Тан, лучший охотник среди кванов, считал охоту на архаров бесполезнейшей затратой сил!

Так Нув оказался хвастуном. Насмешки мужчин он переносил болезненно, но страшнее всего было то, что над ним вместе со всеми смеялась и Лава, к которой юного геркулеса влекло с ней разговаривала и даже — верный признак симпатии — расчесывала при нем свои прекрасные черные волосы, то теперь она относилась к хвастуну с нескрываемой иронией. Нув ей нравился, но хвастовство у кванов считалось почти таким же непростительным пороком, как трусость.

Обо всем этом, вызванный наконец друзьями на откровенность, рассказал сам Нув. Он недоумевал: почему Лан и Поун продолжают скрывать от племени лук? Разве они не хотят, чтобы кваны стали сильнее?

Вникнув в состояние без вины виноватого друга, Лешка и Аркаша решили прекратить бесплодные теоретические споры.

Аркаша трижды ударил колотушкой по стальной стенке древнелета. Услышав сигнал: «Все на сбор!», кваны бросили свои дела и сбегались на площадь. Сын Солнца был краток.

— Может ли кто-нибудь из охотников убить архара? — воскликнул он. — У кого хватит силы поразить архара дротиком или копьем?

Взглянув на вершину почти отвесной скалы, где резвились горные козлы, кваны заулыбались. Скала была почти отвесной, и даже гибкий леопард не рискнул бы своей шеей ради столь неверной добычи.

— Такой кван еще не родился, — усмехнулся седобородый Тан и, спохватившись, добавил: — Может быть, Лан своим лучом убьет архара?

— Это сделает Нув, сын Оленя, своим языком! — выкрикнул шутник Коук, и все засмеялись.

Нув печально взглянул на своих могущественных друзей и опустил голову.

— Хорошо! — неожиданно согласился сын Солнца. — Пусть это сделает Нув, своим языком или как-нибудь еще.

И, взяв из рук Лешки лук, протянул его побледневшему от волнения юноше.

Кваны продолжали смеяться шутке Коука: странный предмет, который держал Нув, им ни о чем не говорил.

— Если Нув промахнется, он умрет от стыда, — прошептал юноша.

— У Нува сильная рука и верный глаз, — подбодрил его Лешка. — Лан и Поун знают, что Нув не осрамится.

Нув посмотрел на Лаву, которая насмешливо улыбалась, глубоко вздохнул и прицелился. Послышался свист рассекаемого воздуха — и через мгновение, пораженный стрелой в грудь, архар свалился со скалы к ногам онемевших от неожиданности кванов.

Не веря своим глазам, Тан подошел к архару и потрогал стрелу.

— Архар мертв! —

торжественно изрек вождь. — И это сделал Нув!

— Своим языком! — гордо напомнил юноша. — Над Нувом все смеялись!

— Теперь все кваны знают, что Нув не хвастун, — возразил вождь.

«И Лава тоже знает?» — глазами спросил Нув у девушки, и она ответила ему взглядом, от которого на бледном лице страдальца вспыхнул счастливый румянец.

— Лук подарили племени Лан и Поун! — воскликнул Нув. — Теперь руки у кванов станут длиннее на много шагов!

— Лан и Поун дадут лук каждому квану? — сдерживая радость, спросил Тан.

— Да, каждому, — волнуясь, подтвердил Аркаша: ведь шла воистину великая, звездная минута! Он кивнул Лешке, и тот принес из тайника, сделанного в расщелине скалы, груды изготовленных ранее луков и стрел.

Прошли бы десятилетия, а может быть, и века, и люди в своем поступательном движении вперед все равно изобрели бы это оружие. Так что будем скромно считать, что наши друзья благодетельствовали не все человечество, а его небольшую часть — немногочисленное племя.

Лук, быстро освоенный кванами, сделал охоту менее опасной

и куда более продуктивной. Дротики и метательные копья с крючками уходили в прошлое, даже дети не желали ими развлекаться, предпочитая стрелять по воронам и шакалам из маленьких луков. Отныне любой охотник, пусть и не очень сильный, мог поразить животное на несколько десятков шагов.

Кваны были счастливы, но больше всех — Нув. Не только потому, что он восстановил свое доброе имя, что дальше и точнее его никто, даже могучий Тан, не мог послать стрелу.

Конечно, Нув очень гордился этим. Но счастлив он был потому, что стройная, кареглазая Лава снова расчесывала при нем свои прекрасные черные волосы.

КУЛЬТУРНЫЙ ДОСУГ

Всякое великое изобретение приводит к огромной экономии рабочего времени.

Лук произвел настоящий переворот в жизни кванов: охота отнимала куда меньше сил. Если раньше охотники возвращались к вечеру и без сил валились на землю, то теперь они приносили добычу уже в полдень. В них бурлила неизрасходованная энергия, и мужчины не знали, куда себя деть. Они изготавливали прок луки, стрелы и каменные орудия, бесцельно бродили по становищу, часами болтали, сидя у костра, спали до одури — и все равно, как говорил сын Луны, «свободного времени у них оставался вагон и маленькая тележка».

Казалось бы, что в этом плохого? Смотря с чьей точки зрения. Праздношатающиеся мужья, которые вмешивались в домашнее хозяйство, давали нелепые указания, требовали разнообразия в еде и усиленного внимания к своим драгоценным особам, вызывали у жен справедливую досаду.

Но была и другая сторона медали. Тан в беседе с колдунами выразил опасение, что такая вольготная жизнь к добру не приведет. Она изнежит кванов и сделает их плохими охотниками.

— Кваны скоро отвыкнут ходить, — жаловался вождь, — а руки их станут слабыми, как у ребенка. Молодые охотники нынче совсем не те. В наше время, бывало...

И Тан ударялся в воспоминания о том, какими были люди в его время: как они воевали с таурами, неделями преследовали стадо буйволов, спали на голой земле и могли долго обходиться без пищи.

Лан и Поун в силу своего возраста не разделяли претензий вождя к молодежи, но в глубине души понимали его правоту. В жизнь племени срочно требовалось внести какое-то разнообразие.

Назревали важные реформы.

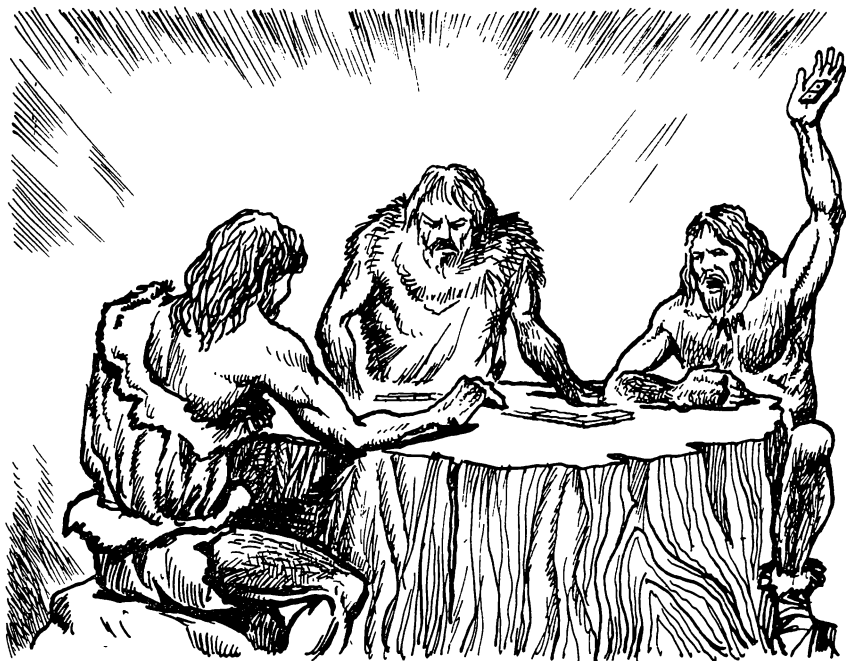
Первой и главной из них явился перевод старых охотников на

пенсию. Эта гуманная мера не только сохраняла их здоровье, но и удлиняла рабочий день молодых кванов. Старики были чрезвычайно довольны своим новым положением и свысока поглядывали на зеленую молодежь (представляете, как бы они задрали нос, если бы узнали, что стали первыми пенсионерами в истории человечества?). Но это продолжалось недолго. Новизна ощущений быстро прошла, и — вечная проблема! — пенсионеры начали изнывать от безделья, которое дурно влияло на их характер и приводило к многочисленным склокам. Выполнять женскую работу (подметать пещеру, выбивать пыль из шкур, собирать ягоды и прочее) старики наотрез отказывались, а никакого другого занятия им предложить не могли.

— И как это мы забыли! — спохватился Лешка. — Эх ты, а еще сын Солнца! Я бы такого колдуна уволил без выходного пособия.

Лешка разыскал подходящую древесину, уселся за работу и к вечеру изготовил, скажем прямо, не очень изящный, но вполне пригодный для пользования комплект домино.

Для того чтобы научиться этой игре, высшего образования, как известно, не требуется, и воспрянувшие духом старики быстро стали заядлыми «козлистами». С утра до вечера они «забывали козла», входили в раж, отчаянно спорили, ругались и радостно смеялись, когда проигравшие твякали, как щенки.

Аккуратный Аркаша не забыл внести в свою тетрадь, что первую «рыбу» сделал Тун, сын Быка, а первого «адмирального козла», огорчив противников до слез, дал одноглазый Вак.

Да, кстати, изобретение домино принесло облегчение и женщинам: Лан и Поун установили, что топливо для очагов должны запастись проигравшие.

Если проблему времяпрепровождения пенсионеров решил Лешка, то Аркаша взял реванш на молодежи: он напомнил своему заместителю, что в спортивной сумке уже десять дней задыхается без работы и сохнет от тоски футбольный мяч!

— А с кем я буду играть? — огрызнулся Лешка, немало смущенный тем, что в сутлоке будней намертво забыл о предмете своей страсти. — С арками?

Деликатный Аркаша промолчал, и часом спустя изумленные кваны смотрели, как сын Луны забавляется странным подпрыгивающим предметом: подбрасывает его ногами, головой, плечом и подолгу не дает предмету опуститься на землю. Старики любовались занятым зрелищем и вернулись к своему домино, а молодежь, как и следовало ожидать, влюбилась в мяч с первого взгляда. Площадь имени Эдуарда Стрельцова по своим размерам примерно соответствовала футбольному полю, и молодые кваны до наступления темноты с несказанным азартом гоняли мяч от ворот до ворот. Разумеется, о правилах и тем более о технике не могло быть и речи, но сам процесс игры так пришелся кванам по вкусу, что утром, после охотничьей молитвы, никто не хотел идти на охоту. Только когда сын Луны расшнуровал мяч и тот, шипя, испустил дух, футболистов удалось выпроводить из становища. Как читатель догадывается, к футболу мы еще вернемся.

Большое внимание колдуны уделили подрастающему поколению. Мальчики у кванов были рослыми и крепкими, они не боялись ни холода, ни жары и мечтали поскорее стать охотниками. Девочки мало в чем уступали своим сверстникам: таких отчаянных забияк надо было еще поискать. Имея столь превосходный «материал», Лешка решил создать команду первоклассных спортсменов. Кроме обязательной стрельбы из лука, дети занимались спортивным плаваньем, бегом на короткие дистанции, прыжками и метанием копья и камня. Дети же младшего возраста играли в прятки, классы, куклы и... воспитывали щенков.

Лан и Поун хотя и не без труда, но убедили Тана в огромной пользе, которую принесут племени собаки. Решив для себя раз и навсегда, что Лан и Поун ничего не делают зря, вождь приказал щенков кормить и беречь и, к слову будь сказано, не пожалел об этом: Барбос и Жучка сыграли в жизни кванов роль не меньшую, чем гуси в истории Рима.

Так что позвольте внести в наш реестр еще один пункт: первые

собаки были приручены племенем кванов в июле месяце десятого тысячелетия до нашей эры.

УДАЧНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Седобородый Тан был доволен: никогда еще кваны не жили такой насыщенной, интересной жизнью. Но временами вождь задумывался и становился хмурым. Он вспоминал об извечных врагах племени.

— Тауры многочисленны и беспощадны, — рассказывал он. — Всех пленных они убивают, потому что верят, что удлинят свою жизнь на их годы. Чем больше людей убьет таур, тем больше его уважают. Тауры истребили много племен. Они бы уничтожили кванов, если бы одноглазый Вак не нашел прохода в скалах.

И вождь признался, что его мучает вопрос: найдут ли этот проход тауры? Хорошо ли кваны его скрыли?

Опасение было обоснованным. Теперь, укрепив свое положение, Аркаша и Лешка могли отправиться в задуманную ими географическую экспедицию, а заодно и проверить, в каком состоянии находится проход. Конечно, друзьями двигало не праздное любопытство: они хотели получить представление об охотничьих угодьях кванов и определить земли, пригодные для обработки. Наблюдая за птицами, Лешка обнаружил, что они особенно охотно клюют зерна злаков, похожих на пшеницу. А раз уж ребята подарили кванам лук, то почему бы не познакомить их с хлебом и даже кашей?

Я не оговорился — именно с кашей: Лешка уже научил женщин обжигать на огне сделанную из глины посуду. Это нехитрое, но столь важное изобретение привело женщин в такой восторг, что они даже простили сыну Луны ненавистный футбол (молодые мужья и влюбленные все свободное время гоняли мяч, не уделяя женам и девушкам никакого внимания).

В короткое время женщины обзавелись десятками глиняных сосудов разных размеров, а когда Лешка удивился такому мастерству, красавица Кара вскользь бросила фразу, от которой друзья остолбенели: «А что? Не боги горшки обжигают!» Аркаша немедленно занес высказывание в свой дневник, что делает лишенными всякого смысла дальнейшие дискуссии о происхождении этого афоризма. Его бесспорный автор — Кара, дочь Лилии.

Однако вернемся к нашей экспедиции. В ее состав вошли: начальник — седобородый Тан, оба колдуна, они же научные руководители, Нув, Коук и еще три воина. На время своего отсутствия Тан возложил обязанности вождя на одноглазого Вака, категорически запретив последнему играть в домино. Вак умолял сжалиться над ним и разрешить хотя бы одну партию в день, но Тан был непреклонен и предупредил, что в случае нарушения приказа навсегда отлучит ослушника от игры.

Перед самым уходом отряда произошла трогательная сцена: к Лешке неожиданно подбежала Кара и надела ему на голову венки из ромашек. По обычаю племени это означало, что девушка делает сына Луны своим избранныком и никого за время его отсутствия не полюбит. Лешка густо покраснел и не нашел ничего лучшего, чем проворчать: «Ну вот еще, телячьи нежности...» — что свидетельствовало скорее о его смущении, чем о находчивости.

Зато Нув, которого Лава увенчала точно таким же венком, откровенно просиял. Юный геркулес пообещал принести своей любимой красивые камни и ракушки. Если она хочет, он добудет для нее даже шкуру тигра! К чести Лавы будь сказано, она решительно отказалась от столь опрочетенного аванса, в отличие от своей праправнучки Кунигунды. Это, между прочим, отличный раз свидетельствует о том, что моральный облик первобытных людей был значительно более высоким, чем полагают некоторые исследователи.

Небольшой отряд двигался вдоль реки. Местами она сужалась, и вода с грохотом пробивалась через огромные валуны. Кое-где берега были заболочены, и кваны не сходили с протоптанной охотниками тропинки, помня, что один неверный шаг — и жидкая трясина мгновенно проглотит неосторожного. Затем берега стали песчаными, и Лешка, не выдержав искушения, разделся и бросился в воду, демонстрируя великолепный кроль. Даже Нув, несмотря на свои мощные гребки, не мог угнаться за Поуном.

Пока молодые люди купались, охотники разожгли костер и пожарили захваченное с собой мясо. За едой всех развеселил шутник Коук.

— Однажды один таур, — рассказывал Коук, — подумал, что он самый сильный и храбрый. «Если бы я, — кричал таур, — стоял на той высокой скале, я бы прыгнул с нее в воду!» А от скалы до воды было три раза по десять шагов. Тогда вождь сказал воинам: «Помогите тауру стать на скале». Воины срубили деревья и помогли хвостуну. Стоит таур на верхушке, а душа его ушла в пятки. Вождь приказывает ему прыгать в воду, а хвостун отвечает: «Лучше помогите мне спуститься вниз!»

Аркаша и Лешка не верили своим ушам: ведь им только что была рассказана история, которая входит в обиход самых известных школьных анекдотов. Ребята подвергли Коука настоящему допросу. Шутник сначала заверял, что этот случай он только что выдумал, а потом признался, что слышал про таура от одного старого и веселого квана, которого давно растоптал буйвол.

Отныне, слушая анекдоты Коука и афоризмы других кванов, Аркаша и Лешка больше не удивлялись: они поняли, что корни современного юмора уходят в самое отдаленное прошлое и что острота, который полагает, будто смешная ситуация или реприза придумана им, является жертвой самообмана. Поэтому ребята уже спокойнее отнеслись к ошеломляющему высказыванию Тана. Когда молодой охотник Кун пожаловался, что у него от неудачного

удара по мячу третий день болит палец, Тан похлопал юношу по плечу и пошутил:

— Терпи, кван, вождем будешь!

«Казак... атаманом...!» — хотел выкрикнуть Аркаша, но сдержался, и так поступал в будущем, только записывал в тетрадь непровержимые свидетельства древнейшего происхождения юмора наших с вами дней, уважаемые читатели.

Однако мы отвлеклись. К вечеру отряд без особых приключений добрался до скалистой гряды, которая вплотную подходила к реке и далее с трех сторон огибала полукольцом владения кванов. Охотники разыскали маленькую пещеру, натаскали в нее листья, и уставшие за день кваны мгновенно уснули.

Ночью произошел случай, который едва не кончился трагически.

Аркаше не спалось: не привык к такой жесткой постели. Он долго ворочался, считал до тысячи, до боли жмурил глаза, но сон так и не приходил. Спартанец Лешка похрапывал, и Аркаше было обидно: не с кем разделить одиночество, обменяться мыслями. А они одолевали сына Солнца.

Нужно обогатить бедный словами язык кванов, научить их грамоте, элементарным началам арифметики, физики, астрономии. Но готовы ли кваны к тому, чтобы расстаться с суевериями? Смогут ли они жить без богов, а если смогут, то не отразится ли это на отношении к Лану и Поуну? Ведь отними у него, Аркаши, божественное происхождение — кому он будет нужен? Тощий, физически не развитый подросток пятнадцати лет... А Лешка? Он тоже станет, в лучшем случае, самым заурядным кваном. Томимый противоречивыми мыслями, Аркаша совсем потерял сон и решил выйти из пещеры, подышать свежим воздухом.

К счастью, Аркаша не надел куртку, а лишь набросил ее на плечи, не то кваны могли остаться без колдуна, а читатели — без одного из главных героев повести: едва он высунулся из пещеры, как на него ринулось огромное гибкое тело. Аркаша дико закричал и рванулся обратно, оставив куртку в когтях у хищника.

Встревоженные кваны вскочили на ноги, и Аркаша заплетающимся от ужаса языком рассказал о своем приключении. Тан мягко пожурил Лана за беспечность, велел прекратить разговоры и стал пристально вглядываться в темноту. Вскоре его острый взгляд различил на стоявшем поблизости дереве мерцающие глаза леопарда.

— Нув бьет из лука лучше всех кванов, — сказал вождь.

Нув обрадованно кивнул, тщательно прицелился и пустил стрелу. Оглашая ночную тишину страшным ревом, смертельно раненный хищник рухнул на землю. Когда конвульсии прекратились, Нув осторожно вышел и втянул мертвого леопарда в пещеру. Тан кремнями высек огонь, и при свете горячей ветви кваны любовались гибким и мускулистым телом зверя, поверженного стрелой прямо в сердце. Ловко орудуя каменным ножом, Нув быстро снял с леопарда шкуру.

— Леопард — это младший брат тигра! — восторженно воск-

ликнул юноша. — Лава не скажет, что Нув бросает слова на ветер!

— Тише, — сурово оборвал вождь. — Там, за горой, тауры. Они услышат человеческий голос и пойдут искать кванов.

Нув понурил голову, но все равно в нем клокотала радость: не всякий кван мог похвастаться тем, что он один, без посторонней помощи убил такого большого леопарда. Из живых кванов лишь Тан и одноглазый Вак убивали этих могучих хищников.

Тан велел ложиться спать, и охотники быстро уснули: нервы у них были крепкие, и даже пожилой вождь великолепно обходился без снотворного. А ребята, прижавшись друг к другу, лежали и молча думали о том, что жизнь их будет трудной и полной опасностей. Об Аркашином состоянии нечего и говорить, но даже Лешку, отважного и гордого Лешку, впервые за все время пробила дрожь при мысли о том, что он мог остаться без друга — самого сейчас дорогого и близкого ему человека на свете.

Утром, позавтракав подстреленной Коуком серной, отряд двинулся вдоль каменной гряды. Аркаша разыскал свою истерзанную когтями леопарда куртку, которую в его родных Черемушках не приняли бы в утиль, но привередничать не приходилось: ближайший универмаг открылся двенадцать тысяч лет спустя. К счастью, фонарик Аркаша держал в кармане брюк, иначе от лампочки остались бы одни осколки. А на «луч Солнца» наши друзья возлагали большие надежды: мало ли в каких ситуациях он может выручить?

При свете дня хищники не очень беспокоили кванов, но мудрый Тан отметил, что в лесах развелось слишком много волков. Пока еще им хватает пищи, но волки размножаются быстро и могут истребить травоядных животных. Тогда кванам грозит голод. Тан решил, что пора объявить волкам войну, и поэтому охотники, встречая стаю, осыпали ее стрелами.

Время от времени участники экспедиции забирались на вершину каменной гряды и, маскируясь, смотрели на владения тауров. Извечных врагов не было видно. Наверное, им хватает своих лесов и равнин, раз они не пытаются перебраться через гряду. К чему рисковать? Ведь горы с той стороны обрывистые, неприступные, они часто гремят обвалами, которые могут похоронить целое племя.

У истока чистого ручья Аркашино внимание привлек необычный камень. Его тусклая желтизна навевала какие-то смутные ассоциации. Пораженный весом камня, Аркаша повертел его в руках и — понял.

— Лешка, смотри — золото!

Находка оказалась далеко не единственной: минут за десять ребята разыскали еще несколько крупных самородков. Здесь пряталась — нет, лежала на виду богатейшая россыпь! Даже беглого

взгляда было достаточно, чтобы определить огромную ценность и... полную бесполезность сделанного открытия. Кваны молча удивлялись волнению ребят и пожимали плечами: эти никому не нужные камушки охотникам не раз попадались, но к чему они?

— Бросай их к дьяволу, — вполголоса предложил другу Лешка. — Я бы с удовольствием обменял все это золото на лишние ботинки, а то наши босоножки вот-вот развалятся.

— На всякий случай нанесем россыпь на карту, — решил Аркаша. — Как назовем это место? Алдан-ручей подойдет?

И все же ребята были взволнованы. Сколько радости принесла бы им такая находка недели две назад! Стране — столь нужное ей золото, Аркаше и Лешке — слава, портреты в газете...

— Хочешь узнать, какова будет судьба этой россыпи? — начал свою импровизацию Аркаша. — Через семь-восемь тысячелетий это золото подберут до последней крупинки. Из него наделают украшения, слитки, а потом и монеты. Золото станет деньгами, за которое можно будет купить земли, дворцы, рабов. Люди начнут гибнуть за металл! После долгих приключений эти самородки окажутся в сокровищнице легендарного Креза или царицы Савской, чтобы продолжить свой нескончаемый и политый кровью путь. На них Александр Македонский вооружит свою армию и завоеует полмира. Из золота, которое мы топчем ногами, сделают кубок, и Клеопатра будет пить из него на пирах. Кубок перельют в монеты, и одну из них император Веспасиан Флавий поднесет к носу своего

сына Тита, чтобы сказать: «Деньги не пахнут». Пройдут века, и это золото, разграбленное варварами, растечется по всей Европе и осядет в королевских казначействах, банках, ювелирных мастерских.

— А мне, — возразил Лешка, — по душе больше другой вариант. Пусть золото, ради которого кванам и нагнуться неохота, так и валяется здесь. При коммунизме, когда не будет денег, по россыпи случайно прокатит бульдозер, копнет ножом — батюшки, золото! А оно снова никому и не нужно. Так, женщинам на булавки и колечки...

— В твоём варианте нет никакой романтики, — упрекнул Аркаша.

— Зато нет и крови! — сердито отпарировал Лешка.

— Пожалуй, ты прав, — согласился покладистый Аркаша. — Пусть его не найдут.

Пока друзья разговаривали, кваны с любопытством слушали незнакомую речь. Им трудно было понять, как это у человека может быть столько слов. Что они могут обозначать?

Впрочем, подумал Тан, ведь Лан и Поун — не люди, они лишь похожи на людей своим обликом и живут с племенем только потому, что небо полюбило кванов. Тан никому не признавался, что он много раз тайком просил древнелет не уносить Лана и Поуна обратно, не лишать племя покровительства небес. Но почему именно кванам так повезло? Может быть, потому, что они боготворят Солнце и чтут Луну? Нет, тауры поступают так же, дело не в этом. Потому, что кваны никогда не бьют своих жен и любят детей? Но кулоны тоже любили жен и детей, а тауры их истребили до последнего человека. Тогда потому, что кваны не нападают первыми на незнакомое племя и не убивают себе подобных, как это делают тауры?

Перебрав множество предложений, Тан набрался смелости и почтительно задал мучивший его вопрос сыну Солнца.

— А как думает вождь? — в свою очередь спросил Аркаша.

Тан сказал.

— Правильно, — растроганно подтвердил Аркаша. — Лан и Поун полюбили кванов за то, что они хорошие люди.

— И Лан и Поун никогда не покинут кванов?

Лешка и Аркаша переглянулись.

— Не покинут, — ответил Аркаша и дипломатично добавил: — Если только небо не позовет их обратно.

Нув, который слушал этот разговор, со столь выразительной мольбой посмотрел на небо, что все заулыбались.

Когда отряд приблизился к тому месту, где в каменной гряде скрывался проход, Тан сообщил, что пройдена половина пути. Да-

лее горы круто сворачивали вправо и вновь подходили к реке. Если за два дня пути отряд преодолел приблизительно километров пятьдесят, то, как подсчитал Лешка, владения кванов превышают несколько сот квадратных километров — целое княжество!

Проход представлял собой петляющую в гряде узенькую расщелину. Местами она расширялась, а со стороны тауров скрывалась за густым кустарником, и найти ее можно было лишь случайно. Это удалось Ваку, спасителю племени, который, по словам Тана, «одним глазом видит больше, чем другие люди двумя». А вдруг и у тауров найдется свой Вак? Это волновало вождя больше всего, и он обратился к Лану и Поуну с давно задуманной просьбой: заколдовать проход, чтобы тауры его не увидели.

— Выручай, сын Луны, — тихо сказал Аркаша. — На тебя смотрит весь первобытный мир!

— Молись за меня, сын Солнца! — в тон ему ответил Лешка и, забравшись наверх начал тщательно рассматривать большую глыбу, повисшую над расщелиной. Тан покачал головой. Кванам тоже приходила мысль сбросить глыбу в проход, но толкать ее могли только два-три воина, остальным негде было стоять. А для того, чтобы сдвинуть глыбу с места, нужно десять таких могучих кванов, как Тан или Нув.

— Эврика! — воскликнул вдруг Лешка. — Что тебе Чудак поставил за контрольную по рычагам?

— Тройку, и ту условно, — честно признался Аркаша.

— А мне пятерку! — Лешка подмигнул сконфуженному другу. — Организуй мне, товарищ колдун, пятиметровый рычаг диаметром сантиметров в десять — двенадцать.

— Думаешь, выйдет? — обрадовался Аркаша.

— Что я, господь бог? — ухмыльнулся Лешка. — Я всего-на-всего сын Луны. Попробуем.

Видимо, когда-то здесь проходили мамонты, и на опушке валялось много сломанных деревьев. Пока охотники под руководством Аркаши разыскивали подходящий рычаг, Лешка каменным зубилом расширял видневшуюся под глыбой щель.

Потом по приказу Поуна кваны всадили в щель дерево. Они еще не понимали, зачем все это понадобилось сыну Луны, но высказать свое недоверие не решились.

— Ну, выручай, «Дубинушка»! — вытирая пот со лба, проговорил Лешка. — Навались, братцы! Ухнем!

Дружное усилие всего отряда — и глыба зашевелилась! Теперь уже даже младенцу стало бы ясно, чего хочет Поун!

— Раз, два — взяли! — командовал Лешка. — Еще взяли!

Глыба покачнулась, на мгновение замерла — и со страшным грохотом рухнула в проход.

На лицах кванов светилась непередаваемая радость.

— Поун закрыл дорогу таурам! — воскликнул Тан. — Кваны всегда будут благодарить за это сына Луны!

— Я что? Я всегда пожалуйста, — скромничал Лешка, чрезвы-

чайно довольный тем, что заслужил наконец признание. — Мы, колдуны, народ простой, чем богаты, тем и рады. Ты уж меня прости, сын Солнца, что я выдрал клок из твоего лаврового венка.

— На наш век хватит! — засмеялся Аркаша. — От имени Солнца объявляю тебе благодарность!

И отряд двинулся в обратный путь.

На следующий день, пройдя вдоль гряды к реке, ребята впервые увидели мамонтов. По знаку вождя все забрались на скалу и молча смотрели на проходящих исполинов.

Мамонты не знали, что они уже вымирают, и шли спокойно. Их огромные, поросшие густой шерстью тела мерно раскачивались, их могучие ноги оставляли на влажной земле глубокие следы. Ни одно живое существо на свете не чувствовало себя столь уверенно, и ребята смотрели на обреченных «последних из могикиан» с глубокой жалостью. Как бы удивились мамонты, если бы узнали, что их переживут собака и лисица, сайга и дикая лошадь! Сколько раз они равнодушно проходили мимо этих дрожащих за свою шкуру пигмеев, вынужденных каждое мгновение бороться за жизнь. Мамонты не знали таких забот, у них не было врагов, пока не осмелел самый, казалось, безобидный из них — человек...

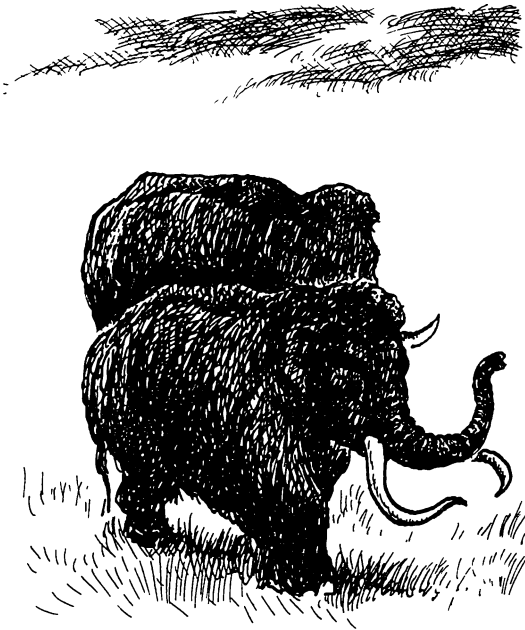
Тан затрепетал от воспоминаний. Когда-то и кваны охотились на мамонтов: готовили глубокие ловушки, утыканные острыми кольями, и добывали попавших туда гигантов. Это была опасная охота, стоившая жизни многим кванам, и вождь был доволен, что племя не нуждается теперь в мясе мамонтов. Отец Тана, Воун, самый сильный из кванов, был раздавлен мамонтом, а брата вождя пронзил могучий бивень...

Ребята, волнуясь, смотрели на проходившее стадо: могли ли они мечтать о том, что увидят не во сне, а наяву волшебные картины «Борьбы за огонь»?

— Нао стал другом мамонтов, — напомнил Аркаша. — Он рвал для них кувшинки, приучил к себе, и мамонты раздавили кзаммов.

И когда стадо прошло, Аркаша рассказал кванам историю Нао и его молодых спутников, Нама и Гава. Кваны слушали с интересом, хотя поиски уламрами огня вызвали у них улыбку: зачем искать огонь, когда в камнях его сколько угодно! В дружбу Нао с мамонтами кваны тоже не поверили, зато избиение кзаммов вызвало у них восторг: явственно чувствовалось, что на место волосатых людей слушатели мысленно поставили ненавистных тауров.

Мамонты скрылись вдаль, а по их следам в панике промчался табун лошадей. За ними с яростным рычанием несся тигр. Кваны вскочили и приготовили луки. Тигр был голоден и потому опасен. Огромными прыжками он пытался догнать ближнюю от него ло-

шадь, но дистанция не сокращалась, и, поняв это, тигр прекратил погоню. Тогда его внимание переключилось на людей, но их было слишком много, а тело тигра помнило жгучий укус огня. Поэтому хищник счел за благо величественно удалиться, прорывав на прощание угрозу, которую кваны сочли пустой и смехотворной.

— Пусть тигр вернется! — прокричал ему вслед Коук. — Охотники накормят его вкусными стрелами!

Кваны развеселились, а наши друзья

облегченно вздохнули и подумали про себя, что к тигру в клетке они отнеслись бы куда с большей симпатией.

— Однажды один таур, — разошелся Коук, — провалился в ловушку. А там уже был козел. Сидят таур и козел, и вдруг к ним провалился тигр. Козел испугался и закричал: «Бе-е! Ме-е!» А таур говорит: «Ты не «бе-е» и не «ме-е»! Тигр умный, он сам знает, кого первого кушать!»

— Из Коука вышел бы отличный эстрадный конферансье! — посмеявшись, сказал другу Аркаша.

Между тем отряд приближался к становищу. Ребята сильно устали, особенно Аркаша, и мечтали только об одном: скорее войти в пещеру и завалиться на мягкие шкуры. Нетерпение охватило и кванов. Тан беспокоился, сумел ли Вак сохранить в племени порядок, Коук спешил рассказать друзьям анекдоты, Нув горел желанием вручить Лаве красивую шкуру леопарда, а другие молодые охотники мечтали хорошенько поесть и поиграть в футбол. До путешественников уже доносился запах дыма, и кваны ускорили шаг. Лешка обратил внимание на странное поведение оленей, — которые сгрудились вдали на каменистом участке земли и словно что-то на ней разыскивали.

— Олени лижут языками белый песок, — пояснил Тан.

Аркаша и Лешка с несказанным волнением взглянули друг на друга: их осенила одна и та же догадка. Какой бы прекрасной оказалась жизнь, если бы это оказалась соль! Ее ребятам не хватало

больше всего: к пресной пище, наверное, привыкнуть невозможно. Не сговариваясь, друзья помчались по направлению к оленям, которые бросились в лес при их приближении, и увидели выступающий из земли пласт белогокаменной соли.

Можете поверить, что эта находка доставила Аркаше и Лешке такую радость, какой наверняка не испытывал Эдмон Дантес, открывший сундук с драгоценностями на острове Монте-Кристо.

ОПЕРАЦИЯ «ПРОСТОКВАША»

Кваны ликовали. Они громкими радостными криками приветствовали сообщение вождя о том, что благодаря хитроумному Поуну прохода больше не существует. Сын Луны стал героем дня. По предложению Лана племя единодушно решило увенчать Поуна четвертым шакальным хвостом, что и было сделано, как шутил Аркаша, «под отчаянные вопли пострадавшего».

— Я тебе это припомню! — грозился Лешка, кося глазами в зеркальце. — Тьфу, смотреть противно!

Теперь племя имело двух полноправных колдунов, причем влияние инициативного Поуна все росло. Перечень его заслуг блистал такими достижениями, как изобретение домино, футбола и глиняной посуды, ликвидация прохода в скалах — согласитесь, более чем достаточно, чтобы обессмертить любое имя! Я уже не упоминаю о том, что он вместе с Ланом вооружил кванов луком.

Прошу, однако, не думать, что авторитет сына Солнца пошатнулся. Отнюдь нет! Кваны хорошо помнили, что именно Лан распылял звезды и волшебным лучом убил злого Пока, по которому никто не собирался плакать. А молитвы Лана? Разве не они обеспечивают кванов обильной добычей?

Конечно, Аркаша не завидовал Лешкиной славе — наоборот, успехи друга радовали его. Однако положение первого колдуна обязывало. Сын Солнца знал, что кваны ждут от него очередного чуда, и их ожиданий нельзя обмануть.

И тогда Аркаше пришла в голову дерзкая идея. Он решил даровать племени... молоко.

Да, уважасмые читатели, этот ценнейший продукт, без которого немислима современная цивилизация, был кванам незнаком. То есть грудных детей кормили так же, как и в наши дни, но едва лишь кваны выходили из младенческого возраста, они начинали питаться мясом — высококалорийной, сытной, но грубой пищей. Полное пренебрежение диетой не могло не сказываться на здоровье детей и стариков.

Молоко — в широкие массы кванов! — под таким девизом Аркаша и Лешка приступили к осуществлению операции под кодовым названием «Простокваша».

Известно, что каждое важное новшество поначалу встречает

сопротивление, и в этом ничего удивительного нет. Вспомните хотя бы реформы Петра Первого, картофельные бунты и прочее. Ибо люди по природе своей консервативны, им дороги традиции, привычки. «Деды наши, отцы так жили, и мы так жить будем!» — любимая отговорка консерваторов. По старинке жить удобнее, а новое часто пугает. Трудно поверить, но даже проект Эйфелевой башни, без которой нынче нельзя представить себе Париж, французские ретрограды встретили в штыки, доказывая, что она изуродует облик прекрасной столицы.

Поэтому, надеюсь, каждый легко поймет, что Аркаша задумал совсем не простое дело.

Первоначально в план были посвящены лишь два квана — Тан и Нув. Хотя вождь свято верил в Лана и Поуна, он не мог сдерживать улыбки и не показать тем самым, что операция «Простокваша» ему кажется простым чудачеством. Боясь, однако, рассердить колдунов, Тан дал свое согласие и отошел, ворча: «Каждый кван по своему с ума сходит». Что же касается Нува, то к мысли о том, что ему придется пить молоко, юноша отнесся без всякого энтузиазма. Более того, на его лице появилась гримаса отвращения. Но колдуны сердито трягнули шакальными хвостами, и добрый Нув согласился возглавить самую сложную часть операции. А когда Лешка вскользь обронил, что в рацион всех великих футболистов обязательно входит молоко, Нув заметно воспрянул духом.

Остальное, как пишет «Советский спорт», было делом техники. В нескольких сотнях метров от становища находился водопой, куда обычно приходило утолять жажду стадо буйволов. Имея в своем распоряжении дальноточный лук, ничего не стоило животное подстрелить, но ведь буйволицу с теленком нужно было взять живьем! В этом и заключалась главная трудность. Даже голодные тигры и те, глотая слюну, позволяли себе лишь издали смотреть на проходившее стадо: разъяренные буйволы в одно мгновение могли от любого хищника оставить мокрое место.

Хотя план, предложенный Нувом, колдунам показался не слишком гуманным, но ничего лучшего они придумать не смогли. Из числа своих футбольных активистов Лешка отобрал десяток ребят покрупче, и отряд специального назначения двинулся к водопою. Здесь участники операции забрались на высокий валун, залегли и стали терпеливо ждать.

Вскоре послышался топот сотен ног: стадо спускалось к реке. Впереди и сзади шли самые сильные буйволы, широкогрудые самцы с могучими рогами, способными повергнуть наземь любого противника, кроме мамонта и, пожалуй, носорога. В середине стада находились буйволицы с телятами. Сегодня только они представляли для кванов интерес.

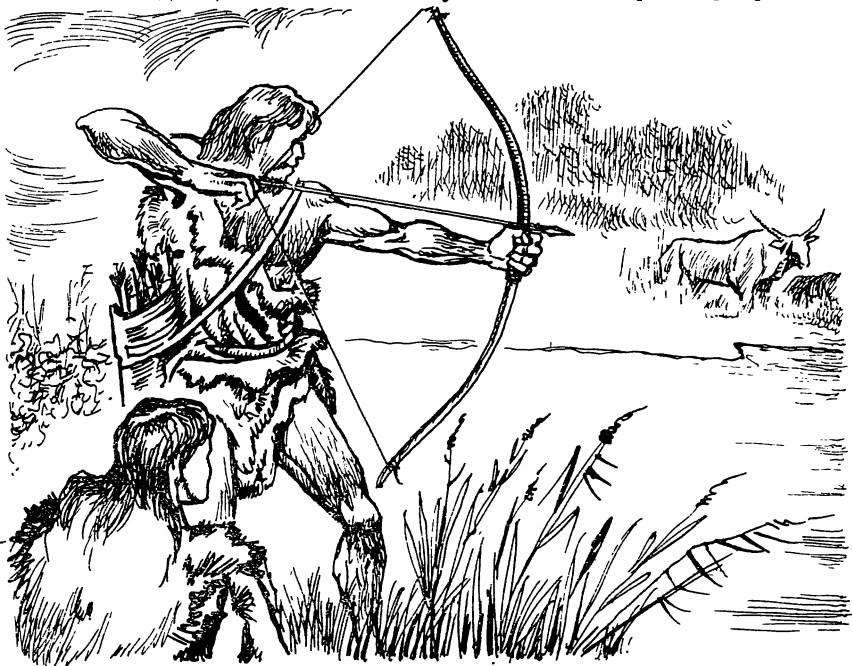
Аркаша и Лешка вопросительно посмотрели на Нува, тот предостерегающе поднял палец и покачал головой — рано. Наконец буйволы напились и, отяжелев от воды, двинулись в обратный

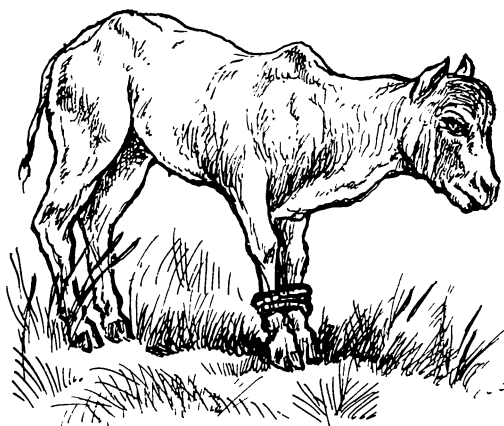
путь. Выбрав подходящий момент, Нув прицелился и выпустил стрелу, которая, как и было задумано, пронзила ногу теленка. К нему немедленно подбежала буйволица и начала облизывать свое жалобно мычащее чадо. Стадо замедлило ход, поглазело на эту трогательную картину и двинулось дальше. Буйволица металась во все стороны, призывно мычала, старалась поднять теленка на ноги, но бедняжка беспомощно барахтался и стонал, разрывая сердце Аркаше и Лешке.

Но что поделаешь? Великие свершения не обходятся без жертв — мысль, которой ребята старались себя успокоить. Как-никак перед ними разворачивалась картина всемирно-исторического значения: поймка и приручение первой коровы!

Между тем стадо ушло, и кваны торопливо рыли вверх, на истоптанной дорожке, яму-ловушку. Грунт оказался мягким, и работа подвигалась быстро. Вскоре ловушка была готова, прикрыта тонкими сучьями, и кваны громкими криками понудили буйволицу броситься вслед за стадом. Будущая корова спохватилась поздно: под ее ногами хрустнули сучья и животное по грудь провалилось в ловушку. Полдела было сделано.

Началась вторая половина операции. Пока сердобольный Аркаша ласкал теленка (к счастью, раненного неопасно), кваны вытаскивали буйволицу и дианами вязали ей ноги — не накрепко, а так, как посыпают в нынешней деревне с беспокойными коровами: чтобы дать возможность ходить, но не позволить убежать. На смерть перепуганная

буйволица тревожно мычала и не желала сдвинуться с места. Тогда догадливый Нув поднес к ней теленка, и буйволица, увидев своего непутевого детеныша живым, обрадованно его лизнула. Теперь уже было проще: Нув понес теленка к станковищу и буйволица послушно заковыляла за ним.

Появление столь необычных пленников произвело в племени фурор. Когда Нув не без ухмылки пояснил, что отныне кваны будут пить молоко, раздался такой громовой хохот, что колдуны

забеспокоились, как бы операция «Простокваша» не завершилась полным крахом. Ибо известно, что смех может повредить любому начинанию куда сильнее, чем открытое сопротивление.

— Теперь и про Нува кваны будут говорить, что у него молоко на губах не обсохло! — не упустил случая сострить Коук.

Лану пришлось произнести большую и убедительную речь. Для начала, чтобы кваны стали серьезнее, он вновь козырнул такими авторитетами, как Солнце, Луна, Большая Медведица и все звездное небо. Смех прекратился. Тогда Лан мобилизовал все свое красноречие и развернул перед слушателями такие ослепительные перспективы, что у кванов перехватило дух. Пьющие молоко, возмещал сын Солнца, будут сильными, бодрыми, смелыми и — внимание, девушки! — с превосходным цветом лица! Дети вырастут такими же могучими, как Нув, сын Оленя, а девочки — красавицами, как Лава и Кара. Кваны забудут, что такое зубная боль и изжога. А самое главное — племя не будет больше зависеть от результатов охоты. Почему? А потому, что если охота пройдет неудачно, кваны пообедают буйволицей из своего стада.

— Охота на буйволов опасна, — возразил угрюмый человек по имени Воок. — Может погибнуть много кванов!

— Кто тигра боится — тот в лес не ходит, — отпарировал Тан, которого убедила красноречивая речь Лана. — Пусть будет так, как сказал сын Солнца.

Слово вождя решило дело: идею приняли, и плененная буйволица тут же была переименована в корову по кличке Зорька. Поначалу она вела себя беспокойно, все время порывалась выбраться из прочного загона и отказывалась есть сорванную для нее сочную траву. Но понемногу Зорька привыкла к своему новому положению и даже нашла в нем немало преимуществ: все-таки крыша над головой имеется, корм доставляется на дом, а добровольцы из детишек отгоняют ветками надоедливых слепней. И пришел день, когда первая корова допустила к своему вымени первую доярку — красавицу Кару, дочь Лилии. Это был воистину торжественный момент, и ребята очень жалели, что не могут вызвать из редакции газеты фотокорреспондента.

Кстати, найти доярку удалось с большим трудом. Все женщины боялись даже приблизиться к грозному животному, а высокомерные мужчины считали доение коровы недостойным охотника занятием. И в этой прямо-таки безвыходной ситуации колдунов выручила Кара — не потому, что она меньше других боялась буйволицу, а совсем по другой причине. Дело в том, что завоевание Лешки шло у нее из рук вон медленно, и Кара со свойственной всем девушкам интуицией сообразила, что если она выручит Поуна из затруднительного положения, то ее поступок не останется незамеченным.

И действительно, когда Кара вышла из загона с первым кувшином теплого молока, Лешка посмотрел на нее с такой горячей признательностью, что хитрая девчонка с торжеством сказала самой себе: «Кара — умница! Еще немного — и Поун придет смотреть, как дочь Лилии расчесывает свои волосы!»

А парное молоко детишкам чрезвычайно понравилось, и во время дойки у загона выстраивалась длинная, галдящая очередь. Молока на всех не хватало, и Тан начал всерьез задумываться над расширением стада. И вскоре в загоне мычали уже три буйволицы. Хотя хлопот у кванов прибавилось аппетит у коров был дай бог каждому — молоко теперь доставалось не только детям, но и взрослым. А когда Кара по Лешкиному рецепту изготовила сметану и творог, восторгам кванов вообще не было конца.

Так что Аркаша с чистым сердцем мог записать в свой актив еще один крупный успех: операцию «Простокваша». В тетради этому событию посвящена целая страница, в которой я, к своему удивлению, не нашел ни слова об Аркашиных заслугах: только Лешкин рассказ позволил установить имя человека, научившего кванов пить молоко.

«ЖИЛ-БЫЛ ТАУР ТРУСЛИВЫЙ»

Увлечение музыкой охватило племя с такой силой, что Аркаша и Лешка только диву давались. Выучив с полдюжины песен, кваны

беспреданно их распевали, нещадно коверкая слова и нимало этим не смущаясь: все равно о смысле текста они не имели ни малейшего представления. Правда, Нув и Кара, обладавшие тонким слухом и превосходной памятью (так, Нув с одного раза запомнил наизусть клич Лана, потрясший кванов во время его поединка с Поком), делали все меньше ошибок и пели на русском языке вполне сносно, хотя и с иностранным акцентом, но рулады одноглазого Вака заставляли Аркашу и Лешку содрогаться в конвульсиях. Музыка старый кван отдавался почти столь же фанатично, как игре в домино, однако с меньшим успехом. Вак полагал, что главная задача певца — орать как можно громче, обращая внимание не столько на мелодию, сколько на раскатистое произношение буквы «р». От слов, не содержащих этой буквы, Вак отделялся скороговоркой, а потом уж расходился вовсю:

Бур-р-р-ря мгло-неба кр-р-рой!
Вихр-р-р-ри снежна кр-р-руть!
Тока звер-р-р назавай!
Тозаглаткадядя!

Других песен он еще не выучил, но свой любимый куплет ревел по десять раз в день, вызывая насмешки слушателей, интуитивно чувствовавших, что Вак — это явно не Шалыпин. Особенно престарелого меломана преследовал Коук, который ходил по становищу и смаковал придуманную на досуге шутку:

— Одноглазому Ваку чумок на ухо наступил!

Седобородый Тан, чутко улавливавший настроение своих подданных, предложил колдунам создать песни на кванском языке. Ребята, конечно, согласились, и заказы посыпались со всех сторон. По праву дружбы первой была удовлетворена заявка Нува, попросившего сочинить песню о Лаве, потом Вак получил текст с множественным «р» о своем прародителе Буйволе, футболисты — куплеты о футбольном мяче и так далее. Колдуны сознавали, что музыка — важная часть общечеловеческой культуры, и отнеслись к заказам со всей серьезностью. Для облегчения работы было решено, не мудрствуя лукаво, подгонять кванские слова под известные мелодии. Так, Нув, например, при появлении любимой запевал своим звучным баритоном:

По становищу красавица идет!
Нув про Лаву эту песенку поет!
Пусть дочь Вака слушает, Нув ей будет петь!
Очень Нув желает на нее смотреть!

Лавя, первая на свете красавица, в честь которой исполнялась серенада, останавливалась и в качестве гонорара исполнителю позволяла досыта собою любоваться. Все девушки отчаянно ей завидовали и требовали от своих поклонников таких же знаков внимания. Поэтому Лану и Поуну, в приемной которых вечно толпились просители, пришлось работать в две смены, пока все влюбленные не обзавелись собственными серенадами.

Наконец-то появился и первый поэт среди кванов: им оказался Коук. Лично, своими силами, без всякой посторонней помощи он создал на мотив «Блохи» замечательные куплеты о хвастуне-тауре. В исполнении автора куплеты пользовались грандиозным успехом. Живо жестикулируя и корча самые забавные рожи, Коук пел своим дребезжащим тенором:

Жил-был таур трусливый!
Большой хвастун он был!
Своим языком длинным
Он мамонта убил!
Ха-ха! Глупый таур!
Ха-ха! Большой хвастун!

Но вот таур однажды
Зайца повстречал!
И так перепугался,
Что сразу убежал!
Ха-ха! Трусливый таур!
Ха-ха! Зайца испугался!

Коука заставляли петь на «бис» до тех пор, пока он совершенно не охрип — настолько кванам понравились куплеты про трусливого таура. Даже седобородый Тан не устоял против искушения и голосом, лишенным всякой музыкальности, частенько мурлыкал:

Ха-ха! Трусливый таур!
Ха-ха! Зайца испугался!

Теперь с утра до вечера над становищем звучали песни. Пожилые пели про таура и «Ревела буря, дождь шумел», молодежь — серенады и «Катюшу», а дети — про серенького козлика, от которого остались рожки да ножки.

С легкой руки шутника Коука и другие доморощенные поэты начали изготавливать песенную продукцию собственного производства. Не все из этих песен вошли в золотой фонд кванской музыкальной культуры, но главное было сделано: песня завоевала прочные позиции в жизни племени.

«ДОЧЬ ЛИЛИИ ПОУН ВЕРНЫЙ ДРУГ!»

Кара, как утверждают в один голос Лешка и Аркаша, была очень красива даже по современным стандартам. Я не раз видел ее на рисунке, сделанном Лешкой с натуры; по словам Аркаши, портрет очень похож, и я решил попытаться воссоздать облик Кары.

Итак, представьте себе пятнадцатилетнюю девушку среднего роста, стройную, гибкую и с грациозной походкой, превосходную бегунью и пловчиху. На спине девушки ниспадают чудесные черные волосы, всегда тщательно вымытые и расчесанные. Лицо тонкое и нежное, сквозь матовый загар щек пробивается румянец, а глаза — огромные и черные: кажется, что они занимают чуть ли

не половину лица. Если искать для дочери Лилии сравнение, то, может быть, ее чем-то напоминает Одри Хепберн в «Римских каникулах» — только Кара, конечно, плотнее и крепче слишком уж худенькой кинозвезды. Во всяком случае, появившись Кара на школьном вечере, ребята не позволили бы ей пропустить ни одного танца: от партнеров не было бы отбоя.

Лешкины фотографии вы не раз видели в журналах. Скажем прямо, красотой он не блещет, но его открытое и волевое лицо привлекательно: оно из тех лиц, которые со временем нравятся все больше. И нет ничего удивительного в том, что красавица Кара поглядывала на сына Луны с откровенной симпатией.

Но пришло время открыть одну маленькую тайну: вот уже больше года сердце Лешки было занято. Кем — этого я не имею права раскрыть. Скажу только, что у нее были большие голубые глаза, ямочки на щеках и первый разряд по художественной гимнастике. Остальные подробности Лешка решительно запретил упоминать, и поэтому вам придется довольствоваться этими немногими приметам. Незадолго до того дня, когда была столь опрометчиво нажата синяя кнопка, Лешка и... Наташа (назовем ее так для удобства повествования) дали друг другу клятву в вечной любви, а вы сами знаете, что клятва пятнадцатилетних подростков священна и нерушима.

И хотя Лешка прекрасно сознавал, что шансов увидеть Наташу у него нет, он, верный своему слову, избегал встреч с Карой. Если говорить честно, то Кара ему очень даже нравилась, но «слово спортсмена — золотое слово». Лешка стал бы себя презирать, если бы его нарушил.

И однажды, набравшись мужества, он сказал Каре о том, что далеко, на небе, у него есть Наташа. И что этой Наташе он будет верен. И что же? Любая другая девушка на месте Кары надула бы губки и ужасно обиделась, но Кара поступила по-иному. Она удивилась — зачем Поун ей об этом говорит? Все девушки племени знают, что у сына Луны на небе есть красавица-звезда — разве может быть иначе? Пусть Поун продолжает любить свою звезду, а с Карой просто иногда беседует, потому что ей очень приятно слушать красивые слова, которые сын Луны произносит. Она хочет научиться этим словам и узнать хоть частицу того, что знает Поун.

С этого дня и началась их дружба. Лешка, с плеч которого свалилась огромная тяжесть, обрел непринужденность и охотно отвечал на многочисленные вопросы любознательной девушки. Она оказалась исключительно способной и овладевала русским языком с такой быстротой, что Лешка только диву давался. Аркаша в свою очередь взял шефство над Нувом и Лавой, которые тоже достигли заметных успехов.

Лешка и Кара беседовали обычно на берегу реки. Им вдвоем было хорошо и легко; когда не хватало слов, они молчали и улыбались, и хотя Кара никогда не расчесывала при Лешке свои волосы, ему иногда являлась мысль, что не дай он клятву Наташе,

то... Но к чести Лешки будь сказано, эту мысль он тут же от себя отгоял, хотя это и не всегда было простым делом.

Быть может, не стоило бы так подробно рассказывать о дружбе Лешки и Кары, если бы не чрезвычайно серьезные последствия, которые имел один их разговор.

Однажды Кара задала один вопрос, который Лешка давно ожидал: откуда он, Поун, пришел и кто он такой? Почему его тело не отличается от тела любого квана, а язык и мысли — совсем другие? И если он бог, то зачем тратит время на беседы с простой дочерью Лилии?

Лешка осознал, что перед ним тот случай, когда правда не нужна и даже вредна: Кара ее не поймет. Неподготовленный мозг не воспримет рассказов о городах и метро, о миллионах одетых в костюмы людей, знающих, что на свете нет богов.

И все-таки грубо солгать он не мог. Он рассказал Каре правду, но такую, какую мог бы рассказать ребенку.

И Кара узнала, что Лан — не сын Солнца, а Поун — не сын Луны. У них есть свои папы и мамы, живые люди, которые откуда очень далеко. Они принадлежат к племени людей, похожих на кванов, только несравненно более могущественных. Лук, например, для них игрушка, а не оружие, коров у них больше, чем деревьев в лесу, а тигров и леопардов они не боятся: хищники посажены в клетки. Люди этого племени могут все. Это они придумали такой рычаг, который забросил древнелет во владения кванов, но не для того, чтобы их уничтожить, а наоборот — установить с кванами дружбу.

— Лан и Поун — не боги? — недоверчиво спросила Кара. — А рассыпанные звезды? А луч Солнца, которым Лан убил злого Пока?

— Звезды — это огненная игрушка, — пояснил Лешка, улыбаясь. — Разве ты не видела, как летят искры из горящей ветви? А луч... Хочешь его посмотреть?

Кара отшатнулась, и в ее глазах отразился страх.

— Кара не верит Поуну? — спросил Лешка. — Поун не станет причинять зло дочери Лилии.

— Кара верит, — уняв невольную дрожь, прошептала девушка. — Она хочет увидеть луч Солнца!

Лешка сбегал за фонариком, и в наступающих сумерках яркий луч осветил потемневшие воды реки, скользнул по берегу и исчез. Потом фонарик зажгла сама Кара, и луч был послушен ее воле.

— Только никому не рассказывай, — доверчиво попросил Лешка. — Пусть это будет нашей тайной.

— Дочь Лилии Поун верный друг! — с трудом подобрал слова, по-русски сказал девушка, и в глазах ее неожиданно появился испуг. — Кара верит, Кара никому не скажет. Но если Поун не сын Луны, его может убить Вокк...

ТРЕТИЙ ДОЛЖЕН УЙТИ

Читатель, наверное, помнит хмурого квана по имени Воок. Это он возражал против приручения буйволиц, но седобородый Тан отверг его довод как несостоятельный.

Воок, сын Рыси, был хорошим охотником, но плохим человеком. В племени его не любили, и не будь сын Рыси двоюродным братом покойного колдуна Пока, его ждало бы суровое наказание. Свою жену Малу, лицо которой изуродовал дротик таура, Воок столкнул в пропасть, чтобы иметь право второй раз жениться. И хотя он доказывал, что Мала поскользнулась и упала в пропасть сама, сыну Рыси никто не верил. От изгнания его спас Пок, которому небо подсказало, что Воок говорит правду.

Буквально на следующий день после гибели Малы Воок начал преследовать Кару. Он заигрывал с ней, навязывал свое общество и пытался делать подарки. Но Кара не желала разговаривать с убийцей, а ее отец, старый Лак, прямо сказал сыну Рыси, что тот зря теряет время: Кара, во-первых, еще слишком юная, а во-вторых, она станет женой честного квана.

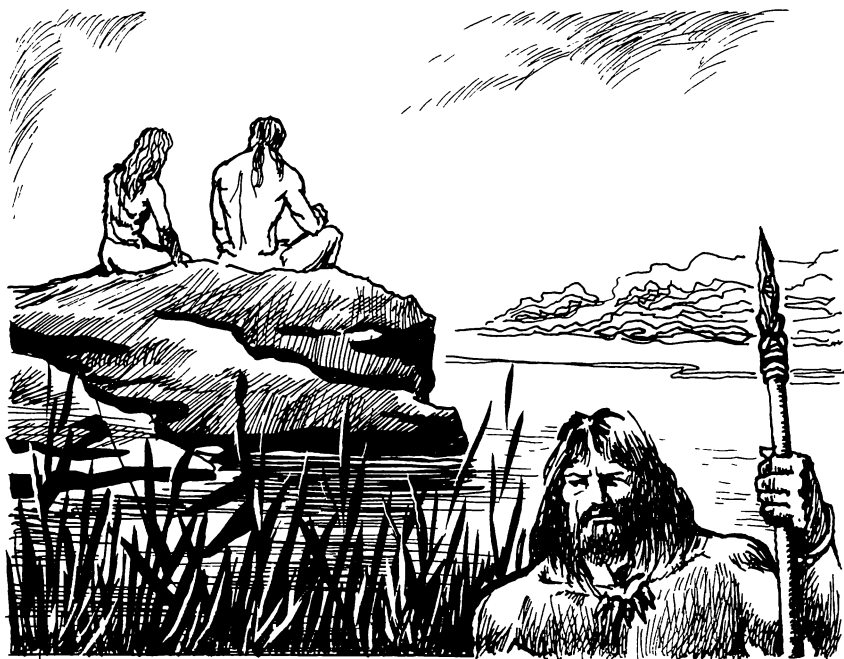
С появлением Лана и Поуна и особенно после смерти брата-колдуна Воок притих, но затаил злобу. Он боялся и ненавидел пришельцев, а когда увидел, что Кара и Поун потянулись друг к другу, в его душе поселилась черная ревность.

Но Воок помнил печальную участь Пока и решил терпеливо ждать своего часа. Будучи неглупым человеком, он знал, что рано или поздно юные колдуны допустят ошибки, и тогда можно будет отомстить за все. Ему, однако, не везло. С приходом Лана и Поуна племя стало сильнее, чем когда бы то ни было, и кваны искренне полюбили свалившихся с неба покровителей. Любое слово против них встречалось немедленной отповедью, а к их отдельным ошибкам кваны относились снисходительно.

Но сегодня Воок дождался своего! Притаившись в кустах, он слышал весь разговор Поуна с Карой и с радостью убедился в правильности догадки Пока: Лан и Поун — обыкновенные люди, из такой же плоти и крови, как все остальные. Кроме этого, Воок узнал и другую важную тайну: луч Солнца никого убить не может. Сын Шакала умер просто от испуга, от неожиданности. Значит, у Поуна силы не больше, чем у любого юнца квана.

Воок осторожно выполз из кустов и, потирая руки, отправился в становище. Он вызовет Поуна на ссору, разоблачит его и сделает Кару своей женой!

Беспечному Лешке и в голову не пришло рассказать Аркаше о предупреждении Кары — слишком он был уверен, что никто не осмелится поднять руку на любимца племени, сына Луны. Откуда он мог знать, что его не рассчитанное на чужие уши признание подслушал враг?

А между тем знание тайны Поуна сделало Воока врагом опасным. Сын Рыси отнюдь не был трусом, в этом его никто бы не обвинил. Изворотливостью и хитростью бог его тоже не обидел: сам Пок не раз прибегал к помощи брата, когда нужно было объяснить какое-либо непостижимое явление. И теперь Воок мечтал ниспровергнуть Лана и Поуна, чтобы самому стать колдуном. А почему бы и нет? Одноглазый Вак стар, Нув слишком молод, а Коук — шутник. Нет, лучше его, Воока, кваны колдуна не найдут!

Итак, прежде всего нужно в глазах племени развенчать Поуна. Как это сделать, Воок уже знал.

Перед охотничьей молитвой Лешка, как всегда, проводил утреннюю зарядку. Молодые кваны бегали, приседали, отжимались руками от земли, играли в чехарду и боролись. Читатель помнит, что одновременно с футболом Лешка увлекался самбо, но познакомиться с наиболее сложными приемами еще не успел. Поэтому он снисходительно смотрел, как кваны по-медвежьи обнимают друг друга, пытаясь провести бросок лишь с помощью грубой физической силы. После Нува, который без труда укладывал соперников на землю, самым сильным, пожалуй, был Воок. Только Нуву он уступал в росте и в ширине плеч. Несмотря на неприязнь к человеку, который преследовал Кару своими домогательствами, Лешка объективно отметил, что из сына Рыси хороший тренер сделал бы настоящего борца.

— А почему Поун не борется? — неожиданно спросил Воок.

— Так... не хочется, — замялся Лешка.

— Сын Рыси знает, почему! — вызывающе выкрикнул Воок. — Поун — большой трус!

Кваны не поверили своим ушам: они перестали бороться и, раскрыв от удивления рты, посмотрели на Воока. Нув положил на его плечи свою тяжелую руку.

— Сын Рыси сказал плохо. Он больше не хочет жить? Он за-был про луч Солнца?

— Луч Солнца никого убить не может! — засмеялся Воок и с ненавистью посмотрел на Поуна. — Сын Луны сказал Каре, что он обыкновенный человек!

На шум прибежали Тан, Аркаша и Вак. Разобравшись, в чем дело, вождь сказал:

— Если сын Луны хочет наказать Воока за плохие слова, это его право.

— Поун боится сына Рыси! — ухмыльнулся Воок. — Сын Рыси плюет на его луч!

Лешка и Аркаша взволнованно посмотрели друг на друга: вновь над ними повис дамоклов меч...

— Поун не станет убивать Воока лучом! — воскликнул Лешка. — Сын Луны будет бороться с хвастуном и докажет ему, что хорошо смеется тот, кто смеется последний! Выходи, Воок!

Предупрежденная кем-то из друзей, на площадь прибежала Кара. Ее глаза были расширены от страха, и Лешка улыбкой ее успокоил.

— Пусть будет так, как хочет сын Луны, — сказал вождь.

Кваны расступились, и Воок, убежденный в своей легкой победе, не пошел, а бросился на противника. Но не успел Аркаша как следует испугаться за друга, а Кара — подавить невольный крик, как в воздухе мелькнули голые ноги и ошеломленный Воок всем телом грохнулся на твердую землю.

Кваны восторженно захохотали и шумно приветствовали столь удачный прием.

— Если бы сын Рыси сказал, куда он упадет, Коук подложил бы ему мягкую шкуру! — под общий смех выкрикнул шутник.

Не смеялись только двое — Воок и Лешка. Налитый темной злобой, сын Рыси решил быть более осмотрительным, а Лешка, отключившись от всего на свете, думал только об одном: беспощадно наказать мерзавца. В том, что Воок настоящий мерзавец, способный на что угодно, никаких сомнений не было.

Теперь к своему ловкому противнику Воок подходил осторожно, чтобы не допустить броска через бедро. Лешка не двигался и лишь выставил вперед руки. Он знал, что лишним тридцати килограммам и незаурядной физической силе противника может противопоставить только самые эффективные приемы самбо. Первый прием удался благодаря неожиданности, но

сейчас Вook настороже. Значит, нужно вновь усыпить его бдительность.

Увидев, что Поун неосмотрительно потянулся и зевнул, Вook бросился на него, но встретил пустоту: Лешка легко отскочил в сторону. Вook снова прыгнул — и снова обхватил руками воздух. Ослепленный ненавистью и обидным смехом кванов, сын Рыси забыл про осмотрительность и начал кидаться на соперника, размахивая кулаками. Этого и ждал Лешка, ни на секунду не терявший хладнокровия. Улучив момент, он упал Вookу под ноги, и тот, не успев опомниться, вновь рухнул на землю. На этот раз Лешка решил применить болевой прием и резко вывернул Вookу за спину левую руку. Вook не выдержал и взвыл — по обычаю кванов это означало, что соперник признает себя побежденным, и Лешка поднялся, чрезвычайно довольный тем, что хорошенько проучил негодяя.

Осыпаемый насмешками кванов, Вook окончательно потерял самообладание. Его охватило безрассудное бешенство, когда все сдерживающие центры выходят из-под контроля. Не сумев победить своего врага в честной спортивной борьбе, он схватил большой камень и с силой швырнул его в Поуна.

Лешка едва успел присесть: камень, который наверняка разможил бы ему голову, пролетел мимо. Вook завертелся в поисках другого камня, но кваны уже опомнились, и Нув, подскочив к негодяю, обрушил на него свой кулак.

Окровавленного сына Рыси отлили водой, и по приказу Тана тут же состоялся суд.

— Вook нарушил закон, — сурово сказал седобородый вождь. — У него нет сердца и чести. Кваны не видели, как он убил Малу, дочь Ручья. Но все видели, что он хотел убить сына Луны.

— Лан и Поун простые люди! — закричал Вook, и его обезображенное лицо еще больше исказилось от злобы. — Сын Рыси своими ушами слышал, как Поун говорил об этом!

— Изгнание! — первым сказал одноглазый Вак.

— Изгнание! — поддержал его Нув и Коук.

— Изгнание! — воскликнули все кваны.

— Вook слышал, — подытожил вождь. — Он покинет племя раньше, чем спрячется Солнце. Сын Рыси может взять свои шкуры, мясо, палицу, копьё и дротики. Он не возьмет с собой лук и стрелы.

Кваны закивали: все согласилось с приговором вождя.

Опустив голову, Вook поплелся в пещеру за своим имуществом: он знал, что молить о снисхождении бессмысленно.

Бросив ласковый взгляд на молча стоявших Аркашу и Лешку, вождь сказал:

— Кваны любят Лана и Поуна. И будут их любить, если даже они не сыновья Солнца и Луны, а простые люди.

— Нув отдаст руку за Лана и Поуна! — пылко воскликнул славный юноша. — Нув убьет Вookа и всех их врагов!

Лешка от волнения не мог говорить и просто кивнул. А Аркаша, проглотив комок в горле, сказал:

— Спасибо, друзья.

ЧЕМ ПАДАТЬ ДУХОМ, ЛУЧШЕ ПАДАТЬ НОСОМ

Однажды Лешка застал Аркашу за странным занятием: тот сидел на валуне и не отрываясь смотрел на часы.

— Сын Солнца боится прозевать обед? — поинтересовался Лешка.

— Погоди... еще немножко... — Аркаша впился глазами в циферблат, потом встал и высокопарно провозгласил: — Исполнилось ровно полтора месяца с того мгновения, как терзаемый любопытством сын Луны, в миру Алексей Лазарев, вжал свой преступный палец в кнопку древнелета. Приветствую тебя, о Поун, в эту знаменательную минуту!

— Что ж, юбилей, — согласился Лешка, присаживаясь. — Как будем отмечать, товарищ колдун? Предлагаю заколоть на шашлык мамонта и приготовить рагу из носорога. Голосуем: кто «за»?

Аркаша вздохнул и сел на валун. Непринятая шутка повисла в воздухе.

— Скучаешь? — догадался Лешка.

Аркаша кивнул.

— Знаешь, иногда просыпаюсь и места себе не нахожу! — признался он. — Нам-то что, а родители... Через две недели ребята в девятый класс пойдут... Все, что угодно, отдал бы за книги... Может, еще разок древнелет попробуем?

Аркаша говорил прерывисто и бессвязно. Лешка молчал.

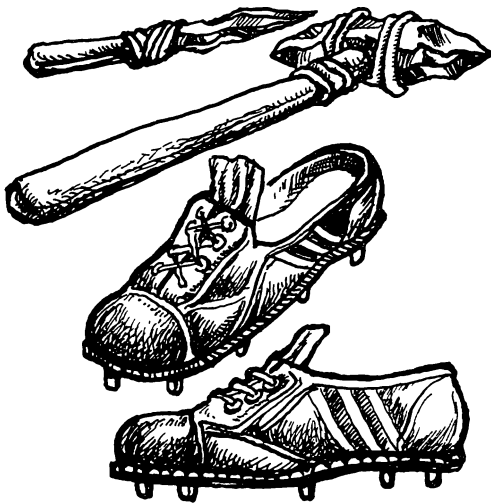
— Прости, — сказал Аркаша, вставая. — Размагнитился немножко. Пройдет.

— Садись, — предложил Лешка и с любовью посмотрел на друга.

Аркаша сильно изменился и мало чем напоминал прежнего тихоню, вечно погруженного в свои возвышенные мысли о прошлом человечества. Он вырос, сильно загорел и окреп: его руки обросли мускулами, в движениях появилась решительность, а в глазах — воля. От Аркашиной одежды остались переделанные из брюк шорты, которые тоже дышали на ладан, и жалкие остатки куртки. К ступням Аркаша привязал два куска невыделанной оленьей кожи — ходить босиком он так и не научился.

Лешка выглядел еще более экстравагантно — разумеется, с точки зрения современного франта: все его обмундирование состояло из набедренной повязки и бутсов. Правда, в рюкзаке хранилась заветная динамовская форма, но ее Лешка берег. Он тоже заметно вытянулся и раздался в плечах. Аркаша определил, что если его друг будет года два расти такими темпами, он наверняка догонит Нува.

— Да, размагничиваться в нашем положении вредно, — сказал Лешка. — Чем падать духом, лучше падать носом, как батя гово-

рил. Все равно, бра-
тишка, нам деваться
некуда. Давай не
мечтать, а просто
вспоминать Москву,
как сказку, ладно?

— Хорошо, — со-
гласился Аркаша.

— А древнелет по-
пробуем, — продол-
жал Лешка. — Но в
последний раз, чтобы
не мучить себя несбы-
точными надеждами.
А то в Маниловых
превратимся. Руку?

Друзья обнялись.

Новые попытки
запустить древнелет
ничего не дали, и ре-
бята решили его разо-
брать. Единственным
подходящим инстру-
ментом оказалась от-

вертка в Лешкином ноже — к счастью, добротнo сделанная из за-
каленной стали. Два дня с утра до вечера, сменяя друг друга, ре-
бята отвинчивали сотни больших и малых болтиков, выдергивали
заклепки, разрушая чудесную машину — гордость Чудака.

По становищу быстро пролетела волнующая весть: «Лан и По-
ун остаются с племенем навсегда!» Древнелет, почитаемый и
священный, до сих пор беспокоил кванов, как бельмо на глазу,
— все помнили, как он когда-то растворился в воздухе, унося с
собой Лана и его высокого тощего спутника. Вождь запретил со-
племенникам задавать Лану и Поун вопросы о древнелете, что-
бы не натолкнуть колдунов на мысль вновь улететь. И теперь
радостно взволнованные кваны смотрели, как один за другим,
обнажая остов древнелета, слетают сверкающие алюминиевые
листы.

Древнелет разбирали бережно: до появления металла пройдут
еще тысячелетия, и все могло, как говорил Лешка, «пригодиться
в хозяйстве». Десятки алюминиевых листов, стальных трубок, мот-
ки проводов, полупроводники и прочее богатство было тщательно
сложено в пещере и прикрыто шкурами. К удивлению Лешки, в
стенках древнелета оказались два мощных аккумулятора, вполне
пригодных для использования.

— Эх, нашлись бы лампочки, — вздыхал Лешка. — На весь
первобытный мир иллюминацию бы устроили!

К вечеру второго дня от древнелета на месте его посадки ос-

талась лишь прямоугольная вмятина. Все пути к возвращению были отрезаны.

ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ

Обрадованный Тан хотел было наделить каждого из колдунов пятым шакальным хвостом, но Лешка и Аркаша заверили вождя, что и четырех вполне достаточно. А чтобы дать выход энтузиазму, охватившему кванов, колдуны предложили провести первые в истории Олимпийские игры.

Идея была принята благосклонно. После блестящей победы Поуна над Вооком в племени вообще началось повальное увлечение спортом: кваны своими глазами увидели, как ловкость побеждает силу! Площадь имени Эдуарда Стрельцова быстро превращалась в стадион. Девочки увлекались бегом и гимнастикой, мальчишки — самбо. Их на общественных началах обучали инструкторы, подготовленные Лешкой из числа самых перспективных молодых кванов. Конечно, мальчишки еще больше мечтали постучать по мячу, но это уже был удел юношей и взрослых кванов: Лешка знал, что новую камеру ему не достать ни за какие деньги, и тренировки ограничивал двумя часами в день. За чрезмерно сильный удар по мячу следовало жестокое, но справедливое наказание: виновный дисквалифицировался на две игры, причем решение было окончательным и обжалованию не подлежало.

Организационный комитет в составе Тана, Вака, Лана и Поуна утвердил программу Олимпиады: бег, прыжки, метание ядра, плавание, домино, самбо и в заключение — футбольный матч между командами «Мамонты» и «Буйволы»; главный судья — Поун, его помощник — одноглазый Вак. Для награждения победителей из валуна был вырублен пьедестал почета и изготовлены комплекты алюминиевых медалей: большие, средние и малые. Помимо этой награды, в честь чемпиона исполнялась его любимая песня и он получал право на одну минуту приложить к уху часы сына Солнца.

Кваны были настолько захвачены предстоящими играми, что всю ночь почти не спали. Самые нетерпеливые участники тихонько вставали и уходили на стадион тренироваться. Одному из них, быстроногому Лату, нетерпение дорого обошлось: на него напали волки. Сбежавшиеся охотники стрелами обратили стаю в бегство, но Лат, которому волк располосовал ногу, выбыл из числа основных претендентов на победу в спринте. После этого эпизода Тан запретил дозорным до утра выпускать спортсменов из пещеры.

И вот наступил долгожданный час открытия Олимпийских игр! Охота на сегодня была отменена, и племя, до отказа заполнившее трибуны стадиона (разбросанные вокруг валуны и поваленные бурей деревья), шумно приветствовало Нува и Кару, исполнивших дуэтом новый олимпийский гимн (музыка композитора Дунаевского, слова поэта Коука):

Ну-ка, солнце, выйди в небо!
Теплотой своих кванов обогрей!
Кваны будут ловко прыгать!
И бежать тоже будут все быстрее!
Чтобы кваны стали самыми сильными,
И могучими, и красивыми...

Дальше Коук не успел придумать рифмы, поэтому Нув и Кара заключительную мысль выразили прозой:

Кваны должны не валяться в сырых пещерах,
Как тауры,
А бегать, прыгать и бороться!
И сердца у кванов будут биться,
Как часы у Лана, сына Солнца!

(Перевод с кванского Аркадия Сазонова)

Затем состоялся парад участников. Открывали его совсем юные голопузые кваны, а в арьергарде шли ветераны, предвкушавшие игру «на высадку» в домино. Парад принимал седобородый Тан, стоявший на большом валуне и одетый по случаю торжества в нарядную тигровую шкуру.

— Тан разрешает начинать? — соблюдая церемониал, спросил главный судья Поун.

Вождь кивнул головой и величественно взмахнул, как скипетром, своей узловатой палицей.

На старте стометровой дистанции собралась толпа галдящих мальчишек и девчонок. Лешка с грехом пополам навел среди участников порядок, дунул в свисток, и юная поросль с гиканьем ринулась вперед. Мальчишки хватали убежавших соперников руками, ссорились и даже дрались на ходу, и эта междоусобица привела к тому, что они совершенно выпустили из виду конкуренток. И первой на финише оказалась худенькая Пава, внучка седобородого Тана, который от радости забыл про свое высокое положение и запрыгал на валуне, как кузнецик. Мальчишки сторали от стыда, грозили Паве кулаками и делали вид, что обидный смех девчонок не имеет к ним никакого отношения. Пьедестала и медалей детям не полагалось, но когда Пава приложила к уху часы и замерла в священном восторге, мальчишки почернели от зависти.

Зато прыжки в длину выиграл вихрастый Бун, и теперь уже мальчишки дружно освистали девчонок, которые в свою очередь пренебрежительно фыркали и затыкали уши. Лишь когда Тан пригрозил, что ступуны будут удалены со стадиона, юнцы немножко угомонились.

В то время как старики шумно «забивали козла», молодежь состязалась в метании ядра — круглого камня весом примерно в полпуда. С первой же попытки Нув послал ядро на пятнадцать метров, не оставив соперникам никаких шансов.

— Нув сильнее всех кванов! — восторгался Коук. — Они перед Нувом букашки!

Юный гигант уже нетерпеливо посматривал на пьедестал и принимал поздравления, как вдруг решил «тряхнуть стариной» сам председатель оргкомитета. Тан взял камень, который совсем спрятался в огромной ладони, и метнул его с такой силой, что рекорд Нува был сразу перекрыт на полтора метра.

— Тан сильнее всех кванов! — быстро перестроился Коук. — Нув перед ним букашка!

Тщетно экс-чемпион, покраснев от натуги, пытался вернуть себе рекорд — на верхнюю ступеньку пьедестала почета величаво поднялся вождь. Большую алюминиевую медаль у него тут же выклянчила внучка, надела себе на шею и так вызывающе задрала короткий нос, что довела мальчишек до белого каления.

Между тем в честь победителя и по его заявке хор исполнил куплеты о трусливом тауре, и начался бег на тысячу метров. Сначала вперед вырвался молодой Кун. Он намного опередил всех участников забега, и Коук кричал:

— Кун быстрее всех кванов! Даже Нув перед ним черепаха!

Но лидер плохо рассчитал свои силы. На середине дистанции он выдохся, и первым на финише с большим преимуществом был Нув.

— Нув быстрее всех кванов! — орал вероломный Коук. — Кун перед ним — старая и облезлая черепаха!

Хор исполнил «По становищу красавица идет», и гордый Нув, кося глазами на украшенную большой медалью могучую грудь,

статуей замер на пьедестале. Лава смотрела на своего суженого влюбленным взором и посылала ему воздушные поцелуи.

Потом пришла очередь Нува гордиться Лавой: она опередила Кару в забеге на двести метров. К этому времени одноглазый Вак уже выбыл из чемпионата «козлистов», и Лава, чтобы чем-то компенсировать безуспешного неудачника, предложила отцу спеть в ее честь «Бурр-ря мгланеба кр-р-рой!». Вак с удовольствием проревел свой любимый куплет и немного успокоился.

Первой дважды олимпийской чемпионкой стала Кара: она победила в прыжках и в плавании. Но если в секторе для прыжков она опередила дочь Вака всего на один сантиметр, то на дистанции «через реку и обратно» Кара была недосыгаема.

Сенсационно закончились соревнования самбистов. Как и следовало ожидать, Нув легко справился со всеми соперниками и даже, хотя и с большим трудом, победил сына Луны: Лешка продемонстрировал целый каскад приемов, несколько раз сбивал Нува на землю, но в конце концов спасовал перед огромной физической силой геркулеса. Казалось бы, все ясно, Нув чемпион, но — седобородый вождь вновь решил попытаться спортивного счастья. Увидев, что Тан сбрасывает тигровую шкуру и остается в одной набедренной повязке, Коук не без тайного умысла поспешил провозгласить:

— Нув самый могучий боец! Все кваны перед Нувом гнутся, как тростник!

Схватка началась, и старый вождь доказал, что не зря кваны уже много лет восторгаются его мощью. Нув, юный и полный сил, ничего не мог поделать с несокрушимым Таном, ноги которого словно вросли в землю. Когда десять минут почти истекли, Лешка уже приготовился было объявить ничью, как вдруг Тан яростно бросился на оторопевшего от неожиданности Нува, скрутил ему руки и уложил на землю. Чистая победа!

— Что такое Нув перед Таном? Слабый тростник! — потешая все племя, возвестил Коук.

И вновь над стадионом гремело: «Жил-был таур трусливый! Большой хвостун он был!»

Вскоре выявился и победитель турнира «козлистов»: на верхнюю ступеньку пьедестала вскарабкался старый Лак, отец Кары. Теперь все медали, кроме одной, были разыграны, и в программе Олимпиады осталась главная изюминка: футбольный матч.

Уже одно появление команд вызвало аплодисменты (удары кулаками и ладонями по груди): «Мамонты» были, как один, одеты в набедренные повязки из шкуры оленя, а «Буйволы» — из шкуры волка. Имели отличительные знаки и капитаны: Нув перепоясался леопардовым хвостом, а Лешка надел свою динамовскую форму: бело-голубую майку, белые трусы, гетры и бутсы. Капитан «Буйвол» в этом наряде выглядел столь эффектно, что все девушки смотрели на него с немим восхищением, а Кара сидела важная и гордая, как королева.

Команды выстроились в центре поля. Капитаны пожали друг

другу руки, Вак по сигналу хронометриста Лана дунул в свисток — и игра началась!

И как началась! Нув, прямо с центра поля ударил по воротам «Буйволов» и... забил гол, потому что вратарь Коук в этот момент решил позабавить публику и связал Барбоса и Жучку хвостами. Щенки отчаянно лаяли и пытались укунить друг друга или, на худой конец, оторваться, и зрители стонали от смеха. Лешка отчитал беспечного вратаря, и Коук поклялся стоять как скала. Игра снова началась с центра, и Лешка показал все, на что он способен: на полном ходу обвел одного за другим пятерых «Мамонтов», обманул вратаря и вкатил мяч в пустые ворота.

Игра проходила в высоком темпе и вполне корректно, хотя и не без отдельных недоразумений. «Мамонты» пожаловались судье, что Коук положил у штанги лук и обещал всадить стрелу пониже спины каждому, кто посмеет ударить по воротам. Вак, не долго думая, подбежал к шутнику, огрел его палицей по хребту и назначил... одиннадцатиметровый. К сожалению, в данном случае справедливость не восторжествовала: едва Нув приготовился ударить по воротам, как на него, науськанные неугомонным Коуком, с лаем бросились Барбос и Жучка. Щенков Нув прогнал, но сгоряча ударил мимо ворот.

— Пусть мазила Нув идет играть в домино! — орал торжествующий Коук.

Среди болельщиков образовались два противоположных лагеря, возглавляемые Лавой и Карой. Когда шли в атаку «Мамонты», их приверженцы вставали на ноги и требовали: «Шай-бу!» Болельщики «Буйволов» терпеливо ждали своего часа и дружно скандировали: «Мо-лод-цы!» и «Судью на мыло!»

Гул стоял невероятный. Нув и Лешка, лидеры своих команд, неудержимо носились по всему полю, воодушевляя игроков. Под шумок вновь «отличился» Коук. Чтобы обеспечить себе легкую жизнь, он сдвинул штанги, но был разоблачен и наказан тремя пенальти, которые на этот раз уверенно реализовал Нув. Болельщики «Мамонтов» неистово топали ногами, а Лава выбежала на поле и угостила героя жареной печенью вепря — самым лакомым блюдом. Правда, Лешка превзошел самого себя и фантастическими сольными проходами сквитал счет, но левый крайний «Мамонтов» Гун при явном попустительстве Вака забил из положения «вне игры» пятый гол. Крики: «Судью на мыло!» — смешались с воплями Гуна, который шлепнулся на землю и начал выковыривать из ноги занозу: оказывается, Коук незаметно рассыпал в штрафной площадке острые колючки!

Вак пригрозил нарушителю правил изгнанием из племени на один день и, разумеется, назначил очередной одиннадцатиметровый.

Первый тайм закончился со счетом 6:4 в пользу «Мамонтов».

Во втором тайме события приняли неожиданный оборот. О том, что после перерыва команды меняются воротами, игроки раньше не знали, и поначалу никак не могли сориентироваться. При этом

особенно пострадали «Мамонты», которые забили два гола в свои ворота, что вызвало издевательское скандирование лагеря Кары: «Мо-лод-цы!» Но пока умирающий от смеха Коук содрогался в конвульсиях, Нув снова почти с центра поля забил ему седьмой гол. Взбешенный Лешка хотел прогнать Коука с поля, но то вновь поклялся исправиться и на этот раз сдержал свое слово: ни одного гола больше не пропустил. Стоило кому-нибудь из «Мамонтов» приблизиться с мячом к воротам, как шутник делал страшное лицо и дико орал: «Змея!» Нападающий, естественно, испуганно подпрыгивал, а в это время «Буйволы» подхватывали мяч. Пока «Мамонты» раскусили очередную уловку Коука, в их ворота влетело четыре гола, блестяще забитых Поуном. И финальный свисток судьи зафиксировал победу «Буйволов» со счетом 8:7.

В то время как торжествующие болельщики победителей измывались над поверженными «Мамонтами», жюри определяло лучших игроков матча. Большую алюминиевую медаль получил Поун, среднюю — Нув, а малую Вак выпросил себе. Было также решено встречи двух популярных команд сделать традиционными, проводить соревнования юных дублеров и пожизненно дисквалифицировать Коука (условно).

В заключение несколько слов о мировом значении спортивного праздника кванов.

Из глубокого уважения к древним грекам и основателю современных Олимпийских игр Кубертэну, я не стану посягать на их приоритет и утверждать, что кванская Олимпиада была первой в истории. Тем более что кваны проводили соревнования не международного, а локального масштаба. По той же причине я не стану настаивать на внесении в таблицы мировых рекордов достижения Тана в толкании ядра, Нува — в беге на 1000 метров и Кары — в плавании через реку (туда и обратно). Будем скромно считать, что кванам принадлежит приоритет в проведении первых организованных спортивных игр.

Что же касается футбольного матча, то во избежание дальнейших кривотолков и споров нужно отметить нижеследующее.

Матч был проведен двадцатью двумя игроками, в два тайма по сорок пять минут, при наличии судьи, стандартных ворот и поля размером сто на шестьдесят метров. Протокол матча, подписанный судьей Ваком и капитанами команд Нувом и Лазаревым Алексеем Васильевичем, к счастью, сохранился в Аркашиной тетради, и это обстоятельство делает все сомнения излишними.

Следовательно, первый в истории футбольный матч был проведен не в Англии в 1861 году, как до сих пор утверждают гордые жители Альбиона, а 18 августа десятилетиячного года до нашей эры. И футбольные статистики поступают правильно, если будут датировать рождение современного футбола числом, указанным в протоколе. Правда, вместо подписей Вак и Нув поставили крестики, но стоит ли упрекать уважаемых кванов за то, что объективные причины помешали им получить среднее образование?

Но есть еще один свидетель, победивший время: камень, на котором Лешка шилом ножа выцарапал силуэты участников матча и реактивный самолет, символизирующий, по мысли художника, быстроту неутомимых кванов. И если бумага с протоколом может истлеть от времени, то камень вечно будет свидетельствовать о том, что именно с матча «Буйволов» и «Мамонтов» ведет свое летоисчисление наш с вами любимый футбол, уважаемые читатели.

ТАУРЫ

Спокойная жизнь порождает беспечность: впервые за те долгие годы, что вождь управлял племенем, он забыл поставить дозорных.

Ранним утром кванов разбудил лай Барбоса и Жучки.

Щенки часто просыпались до рассвета и резвились перед пещерой: гонялись друг за дружкой и весело тявкали, развлекая дозорных. Но нервную систему кванов, превосходно реагирующую на любую опасность, такая безобидная возня не затрагивала, и они спали спокойно. Сегодня, однако, в поведении Барбоса и Жучки было что-то злое. Тревожный, прерывистый лай щенков поднял кванов на ноги.

Молодой Кун нетерпеливо подскочил к выходу, выглянул из пещеры — и со стоном подался назад: его плечо сильно оцарапал дротик.

— Тауры! Тауры!

Пещера огласилась криками.

— Всем молчать! — громовым голосом воскликнул Тан. — Воины, к бою! Пусть женщины и дети уходят в дальний угол!

Взяв наизготовку луки, воины быстро окружили вождя. Нув, подняв палицу, замер у входа, и в ту же секунду в пещеру просунулась косматая голова таура. К счастью, Нув изменил свое решение: вместо того чтобы обрушить на врага палицу, юноша одной рукой неожиданно схватил его за горло и втащил в пещеру. Снаружи раздались громкие крики: тауры совещались. Судя по доносившимся голосам, врагов было много, и женщины горестно причитали в углу.

Между тем над полузадушенным тауром поднялись палицы.

— Не надо! — закричал Аркаша, и палицы повисли в воздухе. — Кто из кванов знает язык тауров?

— Умерший колдун Пок, изгнанник Вокк и одноглазый Вак, — ответил вождь.

— Таура нельзя убивать! — возбужденно сказал Аркаша. — Пусть Вак спросит его, каким путем сюда пришли враги и сколько их.

— Нув для этого и не убил таура! — гордый своей предусмотрительностью, воскликнул юноша.

— Нув молодец! — похвалил его Аркаша. — Пусть Вак приступит к делу.

Дрожа от страха и с ужасом глядя на грозные лица обступивших его кванов, пленник сообщил, что два дня назад к ним пришел незнакомый кван. Тауры очень удивились, потому что кваны

давно куда-то исчезли, и хотели было прикончить пришельца, но когда узнали, что он хочет отомстить своему племени, то оставили квана в живых. Он поведал о богатой и солнечной земле, лежащей по ту сторону каменной гряды, и его рассказ привел тауров в восторг. Они давно собирались покинуть свою страну, где было много болот и мало пищи: бесчисленные стаи волков разогнали стада оленей и буйволов, и охота у тауров шла плохо. Не раз они пытались перебраться через каменную гряду, но тщетно: неприступные горы карали разведчиков смертью. Однажды во время обвала погибло сразу восемь лучших воинов, и после этого племя отказалось от дальнейших попыток проникнуть за гряду. И вот является кван и говорит, что он может указать безопасный проход, и даже не через горы. Пришелец случайно открыл это место, когда был изгнан из племени: оно находится там, где горы вплотную подходят к реке и где вода с грохотом падает на камни. Раньше тауры и подходить боялись к страшному водопаду, но кван их успокоил: он обнаружил такие камни, по которым легко перейти даже ребенку.

И Гуал, вождь племени, решил немедленно отправиться на завоевание новых земель, на которых тауры откормятся и начнут новую, вольготную жизнь. За свою помощь пленник потребовал огненной клятвы, что ему отдадут в жены одну девушку из племени кванов и головы пятерых врагов. И Гуал поклялся, протянув к огню руку.

— А сколько воинов привел сюда изменник Вокк? — спросил Вака.

Таур много раз сжимал и разжимал пальцы на руках, и Тан, следя за его жестами, откладывал палочки.

— Пятнадцать раз по десять — сто пятьдесят, — быстро подсчитал Лешка. — Почти по четыре на каждого воина-квана...

Пленник больше не был нужен, и Тан велел его убить, но колдуны уговорили вождя не делать этого: таур может еще пригодиться. Ему связали руки и ноги, и пленник, не веря тому, что его оставляют жить, притих в углу пещеры.

Тауры по-прежнему продолжали совещаться. Среди их голосов выделялся начальственный бас вождя Гуала, человека огромного роста и непомерной силы, про которого кваны говорили, что он убил больше людей, чем у него пальцев на руках и ногах. К сожалению, слух старого Вака ослаб и он, как ни старался, не мог уловить смысла доносившегося до пещеры разговора. Было, однако, ясно, что тауры не осмелятся на опрометчивый штурм входа, а будут искать другие возможности.

А если так, то у кванов есть время и возможность поразмыслить над своим положением. Велев воинам не спускать глаз с входа в пещеру, Тан позвал колдунов, Нува, Коука, Вака и нескольких стариков на военный совет.

— Что делать?

Главный вывод был таков: кваны оказались в каменной ловушке, ибо единственным подходом к пещере овладели тауры. Вождь не мог себе простить, что не поставил дозорных: они бы заметили подходивших врагов и не подпустили бы их к пещере. Один воин наверху, вооруженный луком, стоил десятерых врагов, которые должны подниматься по узкой тропе.

— Зато седобородый Тан не дал Вооку лук и стрелы! — успокаивая вождя, напомнил Лешка. — Если бы тауры увидели у изменника это оружие, они постарались бы до похода научиться делать лук и стрелять из него.

После недолгих прений военный совет решил, что положение хотя и очень плохое, но далеко не безвыходное.

Во-первых, пока племя находится в пещере, оно в относительной безопасности. Благодаря мудрой предусмотрительности вождя в прохладных нишах хранится много вяленого мяса, а в расщелине скопилось на два-три дня дождевой воды.

Во-вторых, кваны обладают луком и стрелами. Чтобы их изготовить и тем более научить тауров пользоваться ими, изменнику Вооку нужно много времени.

В-третьих, у кванов есть Лан и Поун, которые не дадут племени погибнуть.

И на них с надеждой обратились все взоры.

ТАУРЫ

(ОКОНЧАНИЕ)

Как вождь и предполагал, тауры так и не решились на штурм. Но седобородый Тан не знал, что Гуал просто решил взять кванов измором — изменник Воок рассказал, что через три дня осажденным нечего будет пить.

Расчет был точный: на четвертые сутки в расщелине осталось лишь несколько литров мутной воды. В пещере стояла духота, по безоблачному небу равнодушно проплывало жаркое солнце, а дождь, на который всей душой надеялись кваны, так и не приходил. Облизывая потрескавшиеся губы, люди не сводили с расщелины воспаленных глаз, но вождь повелел хранить остатки воды для детей, а также для... Лешки и Нува. Почему — читатель скоро узнает.

Осажденные страдали от жажды. Вяленое мясо царапало сухой рот, и кваны перестали есть. Раненые стонали и просили пить. И Лешка, смочив в воде краешек своей динамовской майки, трясущейся рукой, как скряга монеты, отсчитывал драгоценные капли. Ни о чем, кроме воды, никто не мог думать. Аркаше назойливо лезло в голову воспоминание о бутылке лимонада, которая осталась в холодильнике в квартире Чудака; Лешку преследовала мысль о душе, который он принимал после тренировок, а воины, еле сдерживая себя, смотрели на видневшуюся внизу реку. В углу жалобно выл связанный пленник, но на него никто не обращал внимания.

Снаружи доносились веселые возгласы тауров. Они были уверены, что долго осажденные не выдержат и сдадутся на милость победителей. Выучив при помощи Воока несколько кванских слов, тауры кричали:

- Лава будет четвертой женой Гуала!
- Пусть Кара выйдет из пещеры, ее ждет Воок!
- Тауры хотят посмотреть, какого цвета сердце у Тана!

Кваны содрогались от страха и ненависти, а Кара тихо сказала Лешке:

— Лава и дочь Лилии скорее умрут вместе с Нувом и Поуном. Они не достанутся таурам.

— Мы еще поживем! — пытаюсь изобразить улыбку на почерневшем лице, успокаивал девушек Лешка, а Нув, до боли сжимая челюсти, яростно орудовал отверткой.

Теперь пришло время познакомить читателя с планом, разработанным Ланом и Поуном.

Вы, конечно, помните, что детали разобранного древнелета ребята сложили в пещере. «На всякий случай», — решили они тогда, и теперь этот случай представился.

Собрав под руководством Лешки из стальных трубок прочный каркас, кваны прикрутили к нему алюминиевые листы и восстановили древнелет почти в его прежнем виде. Почти — потому что

если раньше древнелет представлял собой герметически закрытый шкаф, то теперь четыре его стенки опирались прямо на землю — нижние листы, служившие полом, смонтированы не были. Зато много хлопот доставили Лешке аккумуляторы, которые должны были сыграть первостепенную роль в предстоящей операции.

— Готово! — сказал Лешка.

Наступил решительный момент. Тан глиняной чашкой зачерпнул из расщелины воду и подал Нуву. Все племя с нескрываемой завистью смотрело, как Нув подносит чашу ко рту. Рука его дрожала.

— Нув не хочет пить, — опуская голову, дрогнувшим голосом прошептал юноша.

— Нув должен пить! — сурово сказал вождь. — Иначе у него не хватит сил и племя погибнет!

— Нув даст немного воды Лаве... — жалобно произнес исхудавший геркулес.

— Лава не возьмет ни капли, — решительно возразила девушка. — Разве Нув хочет, чтобы Лаву все презирали?

Благородный юноша беспомощно взглянул на непреклонных Лаву и Тана, тяжело вздохнул и двумя глотками опустошил чашу. Глаза Нува сразу же заблестели: вода восстановила его силы. Вслед за ним без колебаний выпил воду Лешка.

— Ну, да помогут кванам боги науки! — пошутил бледный Аркаша и обнял друга.

В наступившей тишине Нув и Лешка залезли в древнелет, подняли его изнутри и, осторожно ступая, понесли к выходу.

Кваны затаили дыхание.

— Внимание, товарищи! — послышался глухой голос Лешки. — Провалиться мне на этом месте, если тауры сейчас не начнут орать благим матом!

Снаружи послышались удивленные возгласы: тауры обнаружили, что вход в пещеру закрыт.

— Это колдуны! — осажденные узнали голос изменника Воока. — Тауры не должны бояться Лана и Поуна, они мальчишки и простые люди!

— Ну, чего ждете? — весело воскликнул Лешка.

И тут же раздался пронзительный вопль: один из врагов ударил кулаком по алюминиевой стенке и... был отброшен в сторону!

— Это Вook! — прислушавшись к воплям пострадавшего, определили кваны.

Между тем тауры не придали значения неудаче Воока: они решили, что тот просто расшиб кулак. Поэтому несколько воинов, объединив свои усилия, разом бросились на древнелет, и их перемешанные с руганью стоны так развеселили кванов, что они радостно запрыгали по пещере.

— Подлый Вook! — прокричал Коук. — Скажи своим таурам, что они не увидят кванов, как не увидят свои уши!

Взрыв бешенства — и в древнелет полетели дротики, копьё и камни. Древнелет не шелохнулся.

— Вход в пещеру заколдован! — торжественно изрек старый Вак.

Мог ли он, могли ли остальные кваны вообразить, что перед ними сейчас возникла первая в истории человечества замкнутая электрическая цепь?

— Не поминайте лихом! — донесся до кванов веселый голос Лешки, и древнелет, к неопишному ужасу тауров, сам собой начал выползать из пещеры!

Такого ошеломляющего зрелища мозг первобытного человека переварить не мог. Тщетно Вок кричал,

что этот сверкающий на солнце бог никому не причинит зла, что он долгое время стоял на поляне и в него можно было запросто залезть, — потрясенные тауры побежали без оглядки. Лишь храбрый Гуал нашел в себе мужество испытать судьбу: поверив Вооку, он подскочил к древнелету и попытался свалить его руками, но, отброшенный неведомой силой, без оглядки пустился бежать за своими незадачливыми сородичами.

Путь к реке был расчищен, и кваны бросились к заветной воде. Одни пили, погрузившись в реку по горло, другие черпали воду кувшинами и чашами, третьи, кому не досталось посуды, наполняли ладони — и пили, пили без конца. Никто уже не думал о таурах, они перестали существовать для людей, целиком отдавшихся своему неслыханному счастью. Лишь мудрый Тан с беспокоеством и огорчением отметил, что тауры прекратили свое беспорядочное бегство. Они остановились, и это внушало тревогу. Видимо, враги, поначалу ошеломленные такой неожиданностью, понемногу приходили в себя.

И тут произошло трагическое для кванов событие.

Вылезая вслед за Нувом на свежий воздух, Лешка, взбудораженный столь быстрой победой, не обратил внимания на то, что древнелет стоит на самом краю тропы. И от резкого движения он покачнулся, на мгновение застыл на месте и — полетел вниз, грохоча по камням и рассыпаясь на части.

Тауры приветствовали гибель сверкающего бога ликующи-

ми воплями, и Тан приказал племени немедленно возвратиться в пещеру.

Но время было потеряно. Пока кваны суетились у реки, выгоняя из воды детей, тауры с воинственными криками ринулись вперед. По знаку Гуала группа воинов перерезала тропу, ведущую в пещеру, а остальные тауры окружили полукольцом прижатых к реке кванов.

Положение стало отчаянным.

Луки и стрелы остались в пещере, лишь немногие кваны сумели вооружиться дубинами и дротиками, брошенными врагами при их поспешном отступлении. Тауров было намного больше, они горели жадой реванша, и рукопашная схватка могла закончиться только одним исходом: полным истреблением кванов.

— Тела кванов пожрут гиены! — приближаясь, торжествующе кричал Вок. — Кванам теперь не помогут их мальчишки-колдуны!

Тауры даже не торопились — так они были уверены в победе. Они громко смеялись, свирепо вращали дубинами и готовили к бою дротики.

— Попрощаемся, что ли? — слабо улыбнувшись, сказал другу Аркаша.

— Пожалуй, — кивнул Лешка. — Не пойму только, увидимся мы или нет через двенадцать тысяч лет.

— Поживем — увидим, — печально пошутил Аркаша.

По кличу Гуала тауры двинулись на кванов.

— Лан, сын Солнца! — в отчаянии воззвал Тан. — Пусть небо поможет кванам! Сделай так, сын Солнца, чтобы их не убили!

Того, что произошло в следующую минуту, Аркаша поклялся не забывать всю жизнь. Впрочем, он мог и не клясться — такое не забывается, если даже этого и захочешь.

— Солнце! — воскликнул Аркаша, на мгновение чуть ли не поверив в действенность своего отчаянного призыва. — Порази тауров своими лучами! Помогите нам, Солнце! Помогите!

И едва Лан успел закончить свою трогательную, но немного смешную для читателя мольбу, как послышался резкий свист и на площади... появился древнелет!

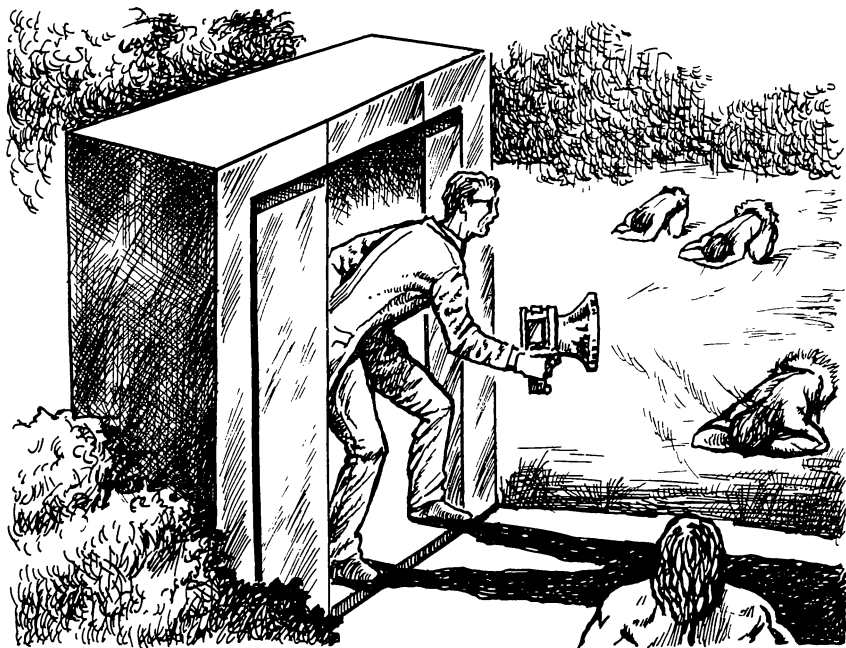
И нападающие и осажденные замерли: обе стороны не верили своим глазам.

— Михал Антоныч, мы погибаем! — во всю силу своих легких завопил Аркаша, когда из раскрывшейся дверцы показалось знакомое лицо Чудака.

Быстро оценив ситуацию, тот скрылся за дверцей и — окрестности огласил рев мощной сирены! Все люди — и кваны и тауры упали ниц, парализованные не поддающимся описанию ужасом первобытного человека перед голосом страшного бога.

— Это наш друг, не бойтесь! — счастливо смеясь, кричали Аркаша и Лешка. — Поднимайтесь, это ведь Чудак, Михал Антоныч!

Узнав в пришельце того доброго человека, который был первым спутником Лана, кваны вскочили на ноги и радостными кри-

ками приветствовали своего спасителя. Теперь уже в победе никто не сомневался, и воины бросились на все еще скованных смертным страхом тауров. Но Чудак их остановил.

— Не надо больше крови, — сказал он. — Враги уже поняли, что кваны непобедимы, пусть уйдут.

И тауры, которым старый Вак не без сожаления сообщил о милосердии Главного Бога, под хохот и улюлюканье кванов бросились без оглядки бежать. А Михаил Антонович чуть не прослезился, осознав, каким своевременным оказалось его появление.

— Ведь я должен был полететь только завтра! — смеясь и вытирая платочком глаза, повторял он. — Мальчики мои, ведь я должен был полететь только завтра!

И обнимал вцепившихся в него мертвой хваткой Аркашу и Лешку.

Из пещеры доносились душераздирающие вопли пленника, о котором все забыли. По просьбе Лана и Поуна вождь велел его развязать. Потрясенного таура напоили, показали ему грудку брошенного его соплеменниками оружия, и затем Вак по просьбе Аркаши сказал пленнику:

— Кваны не станут убивать таура. Пусть он идет в свое становище и поведает обо всем, что видели его глаза. И пусть предупредит тауров: если еще раз нападут на кванов, то будут перебиты все до единого!

Тауру дали еду на дорогу, и он, не веря своей свободе и каж-

дую секунду ожидая удара сзади, под общий смех племени пустился бежать, насколько ему позволяли отекавшие ноги.

— Жил-был таур трусливый!.. — неожиданно затянул Коук, и все подхватили:

Большой хвастун он был!
Своим языком длинным
Он мамонта убил!
Ха-ха! Глупый таур!
Ха-ха! Большой хвастун!

Читатель, наверное, про себя уже упрекнул автора: а почему он не вспоминает о Барбосе и Жучке, которые своим лаем предупредили кванов о нападении врагов?

Увы, они погибли, бедные щенки. Их пронзенные дротиками маленькие тела Аркаша и Лешка бережно похоронили и украсили цветами невысокий могильный холмик. Но ребята теперь были уверены, что отныне кваны сделают все возможное, чтобы собаки стали их друзьями.

А племя праздновало победу. Это был, наверное, самый памятный день в жизни кванов, рассказы о котором сохранились на многие поколения.

«МЫ ЕЩЕ ВЕРНЕМСЯ, ДРУЗЬЯ!»

Хотя ребята изнывали от желания узнать московские новости, они тактично позволили Чудаку сначала раздать подарки.

Конечно, в первую очередь получили свои леденцы дегитшки: каждому досталась целая жестяная коробочка, и пусть читатель, юный или бывший когда-то юным, представит себе радость обладателей такого волшебного лакомства. Вся площадь заполнилась сплошным хрустом и счастливым визгом, и Чудак, на котором повисла гроздь благодарных мальчишек и девчонок, изнемогал от смеха.

Женщины были одарены несказанно прекрасными стеклянными бусами, шелковыми лентами и карманными зеркальцами. И это привело к неожиданному последствию: почти до вечера племя оставалось голодным, потому что женская его половина с бурным восторгом изучала свои отражения. Мужчины даже оробели — так похорошели их жены и подружки, украшенные бусами и разноцветными лентами.

Затем настала очередь воинов: каждому из них Чудак вручил по добротному ножу, а седобородому Тану — настоящий кинжал в стальных ножах. Кроме того, кваны получили изрядный моток нейлоновой лески и запас рыболовных крючков, и Лешка, не теряя времени, тут же организовал краткосрочные курсы по изготовлению удочек.

Наконец подарки были розданы, и Чудак уединился с ребятами для долгожданного разговора.

Все произошло так, как и представляли себе друзья. Вернувшись домой после поездки в универмаг, Михаил Антонович был потрясен исчезновением древнелета. Учитель не допускал и мысли о том, чтобы Аркаша оказался способным на столь легкомысленную выходку, и, рассуждая логически, предположил, что его юный друг оказался жертвой какого-то чрезвычайного обстоятельства. Мальчишка-сосед подтвердил: да, в квартиру несколько часов назад заходил Лешка Лазарев, «тот самый нападающий, который утром забил три гола, слышали?»

Чудак немедленно позвонил родителям, встревоженным отсутствием сыновей, и с глубоким огорчением убедился в правильности своей догадки.

Произошло непоправимое. Свой древнелет Чудак создавал много лет. Конечно, теперь ничего не надо было придумывать вновь, второй экземпляр машины можно изготовить значительно быстрее, скажем, за полгода, но стоит ли говорить, что такой срок никого устроить не мог? Кто даст гарантию, что за это время с ребятами ничего не произойдет?

Нельзя было терять ни минуты. Михаил Антонович пригласил к себе родителей беглецов, рассказал им всю правду и попросил не бить тревогу, а срочно прийти к нему на помощь. Умолчал он лишь об одном обстоятельстве, которое волновало его больше всего: какую кнопку нажали ребята? Если большую и синюю, то есть надежда, что сейчас они находятся среди гостеприимных кванов, но если любую другую... Чудак и думать боялся о том, что произойдет в этом случае: искать беглецов во всей истории Земли, пожалуй, безнадежнее, чем пресловутую иголку в стоге сена.

К счастью, Лазарев и Сазонов старшие оказались людьми мужественными и волевыми. Всецело доверившись учителю, они взяли очередные отпуска, общими усилиями приобрели все необходимые материалы и более полутора месяцев дневали и ночевали на квартире Чудака. Конечно, значительно проще было сделать древнелет в заводском цеху, но Михаил Антонович опасался, что, пока на это будет дано разрешение, пройдут драгоценные дни и даже недели. Прав он был или не прав — другой вопрос, но факт остается фактом: как и первый древнелет, второй сооружался без всякой огласки в той же комнате. Помимо размеров, он отличался от своего предшественника лишь сиреной, на которую Чудак возлагал большие надежды: быть может, ее гул подскажет ребятам, что помощь пришла.

— И всего несколько часов назад, — закончил учитель свой рассказ, — я пожимал руки вашим родителям. Все они здоровы, но, скажу откровенно, считают минуты, оставшиеся до вашего возвращения. Я понимаю, что сегодня у кванов — большой праздник, однако задерживаться нельзя. Готовьтесь к полету.

Чудак, Аркаша и Лешка стояли у древнелета, а вокруг них молча столпились кваны. Шутка ли сказать — ведь племя, быть

может, навсегда расставалось с Ланом, Поуном и Ваталом, сыном Неба, который своим громовым голосом спас кванов от гибели.

Уже были сказаны все слова и спеты прощальные песни. Женщины беззвучно плакали, и даже на глаза воинов набегали неприличные слезинки. Положив тяжелую руку на плечо плачущей Лавы, ссутулился Нув, с незнакомо серьезным лицом застыл великий шутник Коук, и хмуро разглядывал свои натруженные ладони одноглазый Вак. Печально склонила голову красавица Кара; изредка она поглядывала на возбужденного столь внезапным оборотом судьбы Поуна и вздыхала. Быть может, она впервые отдавала себе отчет в том, что испытывала к сыну Луны не только дружеские чувства?

— Кваны — счастливое племя! — подняв руку, провозгласил седобородый вождь. — Небо, Солнце и Луна пожалели кванов и прислали к ним своих сыновей! Лан, Поун и Ватал уходят, но они вернуться, потому что кваны их очень любят и не пожалеют для них пищи, крова и своих жизней! Темнеют и прячутся, но приходят снова Небо, Солнце и Луна — значит, придут снова их сыновья!

— Мы вернемся, кваны! — воскликнул Аркаша.

— Мы обязательно вернемся! — подтвердил Лешка.

А Чудак просто развел руками, как бы говоря: «Разве можно сомневаться, что мы снова будем вместе?»

И тут кваны не выдержали, с криками бросились обнимать своих верных друзей и покровителей, и все сразу как-то повеселели.

— Однажды один таур... — захлебываясь, припомнил Коук.

— Пусть Коук помолчит! — обнимая Лана и Поуна, отмахнулся Нув. — Коук потом расскажет про таура.

Шутник сокрушенно махнул рукой и присоединился к Нуву.

Но все на свете имеет начало и конец, и наступила минута, когда дверца древнелета скрыла за собой покидающих племя друзей. И все же кванам суждено было еще раз увидеть сына Луны. Не успел Чудак нажать кнопку, как Лешка, спохватившись, закричал:

— Подождите! Аркашка, снимай часы!

И, выскочив из кабины, Лешка подбежал к ошеломленной Каре, надел часы на ее загорелую руку и — о мужчины, где ваши клятвы? — впервые приложился губами к соленой от слез щеке дочери Лилии.

И все. Дверца вновь захлопнулась, на этот раз окончательно, и послышался резкий свист.

Кваны остались одни.

Автор обещал строго придерживаться фактов и поэтому ничего больше не может рассказать о судьбе этих славных людей.

КОНЕЦ, КОТОРЫЙ МОЖЕТ СТАТЬ НАЧАЛОМ

Моя повесть заканчивается. Повторять всем известные подробности о возвращении ребят не хочется, а заключительную часть конференции в актовом зале Московского университета столь подробно осветили сотни газет и журналов, что вновь останавливаться на этом не имеет смысла.

Поначалу я опасался, что слава может опьянить ребят и дурно повлиять на их характеры, но, к счастью, этого не произошло: не из того теста были сделаны мои друзья. Можно лишь поразиться и позавидовать той жадности, с какой они набросились на учебу! Только теперь Аркаша ожесточенно штурмует физику, а Лешка — историю: ребята осознали необходимость ликвидировать пробелы в своем образовании. Кроме того, Аркашу во внеурочное время часто можно увидеть в спортивном зале, и тем, что ему удастся семь раз подряд выжаться на турнике, наш друг гордится не меньше, чем пока еще не очень твердой, но все-таки пятеркой по физике.

А Чудак? Каждый вечер ребята проводят в его обществе — либо на квартире, либо в экспериментальной лаборатории, в которой под руководством Михаила Антоновича создается новый, более надежный вариант древнелета. Они отчаянно спорят о маршруте очередного путешествия во времени и никак не могут прийти к соглашению.

Чудак внезапно заинтересовался проблемой возникновения первобытной металлургии и настаивает на полете в неолит — новый каменный век. Аркаша же мечтает разгадать тайну Атлантиды и проверить гипотезу Тура Хейердала о заселении Американских континентов, а Лешка предлагает посетить Египет периода постройки пирамид либо Древний Рим: а вдруг удастся своими глазами увидеть битву при Каннах, полюбоваться прекрасной Клеопатрой и пожать руку мужественному Спартаку?

Ладно, подождем. Не станем торопить друзей с их новым путешествием: ведь, говоря между нами, это не то же самое, что в воскресенье съездить в Сокольники, не так ли?

СЕВЕР ГАНСОВСКИЙ

**Человек,
который сделал
Балтийское море**

Чему обязан своими успехами человек? Каким человеческим усилиям обязана своим устройством наша жизнь?.. Что — в человеческом смысле — зависит от людей, от нас с вами, от них с ними? От чего зависят люди?

Все!.. И от всего.

Однако это еще надо доказать.

Жестоко дул ветер из края в край бесконечной, только с запада холмами окаймленной равнины, и безнадежно маленькими были два человека в самом центре полутундры-полулеса, такой однообразной, что каждый шаг ни к чему не приближал и не отдалял ни от чего. Снег, проткнутый черными мокрыми ветвями низких кустарников, лежал там и здесь островами, грудями, клочьями — при взгляде вдаль эти острова на всех направлениях сливались в одно. Таяло. Среди мхов стояли озерца и лужи, по большей части соединенные между собой. Наверху, закрывая солнце, сумятицей в несколько слоев катили черные и белые облака, огромная панорама неба непрерывно перестраивалась, и лишь изредка мелькал где-нибудь голубой просвет.

Неуютный, злой мир. Ни одного местечка, чтобы согреться, — снег, чавкающая, насыщенная ледяной водой почва. Но двое, медлительностью своего движения прикованные к тому краю, где родились, никогда не видели другого, только слышали от старших, что прежде было лучше. И не холод тревожил их, они были скорее дети холода, чем тепла.

Десять тысяч лет назад.
Север Европейского континента...

Люди приближаются, и мы можем их рассмотреть. Это молодые мужчина и женщина, им примерно по восемнадцать, но трудности борьбы за жизнь заставляют их выглядеть старше, чем наши современники в такие же годы. Оба исхудали, но оба хорошо сложенные и высокие, особенно мужчина, длинноногий, с развитой грудью, мощным плечевым поясом, одинаково способный и на длительный терпеливый бег, и на большое мгновенное усилие. И он и она одеты в звериные шкуры, но не сейчас, не ими выделанные, а вытертые уже, порванные, скрепленные на трещинах, такие, что почти не удерживают теплоту тела, а лишь загораживают его от ветра. На женщине рубаха из оленьей кожи и еще что-то вроде куртки из того же меха — она на первых месяцах беременности и защищает от стужи не только себя. За плечами сверток большой бизоньей шкуры, в руке примитивно сплетенная корзинка, доставшаяся ей от матери, старая, потемневшая. Мужчина вооружен. На ремennom поясе висит колчан с четырьмя толстыми стрелами, маленький мешок, где кремневые рубила, скребки и предметы для добывания огня. В одной руке у него грубый, ничем не украшенный лук и копьё, в другой — каменный топор на длинной костяной рукоятке, который нам теперь показался бы скорее молотком.

Женщина, опустив голову, смотрит себе под ноги — она собирательница. Мужчина — охотник, он бредет, оглядывая даль.

Но ничего нет ни рядом, ни в отдалении. Живая, движущаяся животная жизнь кажется исключением здесь, среди снега и воды. Трудно помыслить, что эта бесплодная почва способна создавать и прокармливать существа с горячей кровью, упругой плотью. Правда, мужчина видит под линией горизонта несколько темных точек. Но это волки, тоже охотники. Рослые и широкомордые, они уже несколько дней не отстают, преследуют двоих, ожидая, пока те ослабеют. А двое без пищи уже давно, их движения все неуверенней, их шаги шатки.

Вот они подошли совсем близко. Женщина с коротким вздохом сбрасывает со спины сверток, садится на него. Мужчина опускается на корточки. Женщине хочется есть и хочется кислого, она обламывает черную веточку с куста, пробует пенный, желтый, жгуче-горький сок, роняет, срывает перышко голубого мха, опять пробует. Она вся здесь, и теперь ее мысли и чувства конкретней, непосредственней, чем у мужчины, который в эти минуты отдыха рассматривает рисунок, грубо вырезанный на рукоятки топора, поворачивая его так и этак с бережной осторожностью, даже странной для его больших заскорузлых кистей. Он вспоминает прошлое и, глядявая на дальний горизонт, на гряде холмов, прикидывает будущее.

Люди! Почти такие же, как мы, только сто столетий назад. Одинаково с нами способные научиться чтению и письму, понять

или хотя бы ненадолго для экзамена запомнить формулы химии и математики, примениться к цивилизованному бытию.

Наши родственники в самом прямом смысле. Население Европы того времени составляет едва ли десяток тысяч человек, а это значит, учитывая множество пресекавшихся родов, что каждая человеческая пара той эпохи дала частицы своей крови миллиону или двум нашим современников.

Поменьше пятисот поколений отделяет нас от задумавшегося мужчины. Как интересно было бы выстроить во времени шеренгу двадцатилетних отцов (всего лишь пехотный батальон по числу), молодых, у которых еще целая жизнь впереди и глаза светятся!

Вот он первый, ближайший к нам, в солдатской гимнастерке Великой Отечественной войны. Он пригнулся с друзьями в окопе, нервно, быстро докуривает махорочного бычка, бросает вскипевший, трещащий огонек на влажную землю и по привычке раздавливает, прикрутив подошвой тяжелого сапога. Сейчас атака. Ну конечно, он останется жив — ведь ему еще встретиться с нашей будущей матерью и в мгновение нежности, страсти, оглушающе стучащего сердца зачать нас.

За ним отец — пролетарий начала 20-х годов. И следующий уже выглядывает из шеренги, в косоворотке фабричной бумазеи на выпуск, под ремень, темных брюках, заправленных в сапоги, в картузе — рабочий в 1900-м.

Через одного задумался парень в холщовой рубахе и лаптях — скоро волю дадут от барина. А дальше через одного примеривает французскую кирасу воин 1812 года — только восемь поколений от нашего.

Шеренга стоит. Все крестьяне, крестьяне, отцы, отцы, и во многих пока еще угадываются черты того солдата, который в окопе принял от товарища остаток махорочной скрутки. Что ж они сделали для сегодняшнего дня, эти парни, кроме того, что произвели на свет нас?

Тот, которого привезли в Москву с Дона, с Украины?..

Тот, который несколькими поколениями раньше бежал на Дон от помещицкой кабалы? (Тоже наш дальний отец, от него у нас в характере вольная степная развязка.)

Тот, кто с проклятой туретчины сумел вернуться домой.

Тот, который с арканом на шее, не сопротивляясь, пошел в татарский плен? (От него в нас робость.)

Лишь сорок поколений, лишь сорок шагов вдоль линии, и вот стоит княжеский дружинник в железной сетке-кольчуге. На сто тридцатом шаге исчезнет металл, на двухсотом — домотканую шерсть сменит тщательно выделанная звериная шкура. Но по-прежнему на обветренных лицах все та же упорная надежда.

Не правда ли, странная ответственность налегает на плечи каждого из нас, если задумаешься, как много отцов и матерей обменялись первым несмелым взглядом, чтобы на свете стало «я»?

Ответственность и величие в любом — от академика-лауреата, что держит в сознании огромный свод сложнейших научных и народнохозяйственных проблем, до скромного, пассивного перед ходом жизни бедолаги, который, сообразив в гастрономе на троих, отбывает сейчас пятнадцать суток за мелкое хулиганство, от ученика до учителя, от кондуктора до главного конструктора. Торжественное величие в каждом...

...Безлюдней и безлюдней вокруг. С полусотней шагов мы остаемся позади тысячелетие, снова тысячелетие, и, наконец, перед нами опять двое, затерявшиеся на голой равнине.

А если шагать дальше, за полк поколений, за одну дивизию, вторую? Тогда еще в пределах первой армии вернется в шеренгу отошедшая в сторону, исчезнувшая во мраке небытия цепочка охотников-неандертальцев — их последние костры погасли в Европе тридцать пять тысяч лет назад. В пределах первой же армии станет заметно уменьшаться лоб, массивнее сделаются челюсти, приземистей фигуры. И в самом конце армии, а затем составляя всю следующую, выстроились австралопитеки, заросшие шерстью, длиннорукие.

Чем он занят, один из больших полузверей, сейчас, когда мы смотрим на него? Вокруг танзанийская степь, недавним ливнем прорытая глубокая щель-канавка заросла драценой с острыми листьями, красноватым суккулентом, и там острый взгляд австралопитека различил коричневое пятно. А с другой стороны к канаве приближаются бредущие в стойбище с дневного поиска самки-матери с детьми. Какой момент! Крикнуть, предупреждая заворчать? Но тогда сразу неотвратимый прыжок, когтистая лапа ударит мать, желтоватые клыки схватят младенца. Сильный полузверь, наш дальний отец, опускается на четвереньки и крадется к леопарду: он пожертвует собой, отвлекая гибель от матери с дитем. Сияет африканское солнце два миллиона лет назад. И через тысячи веков до нас все-таки докатится деяние, ибо не исключено, что в роды Пушкина, Шопена или Циолковского вступит спасенное тем подвигом в глубинах прошлого.

Австралопитек осторожно раздвигает травы, мускулы напряжены, взгляд неотступно на хищнике. Теперь семь шагов отделяют его от леопарда... шесть... пять... четыре...

Три... два... один... ноль! Вы слышите рев ракеты над Байконуром? Слышите?!

Но вернемся опять к тем двоим, что в центре огромного холодного поля на европейском севере. Если б они могли взглянуть вперед, предвидеть тот длинный ряд потомков, что оберегается сейчас под сердцем молодой матери, если б знали, сколь разительно переменится в будущем окружающая их бесплодная местность! Однако нет, им не дано такого. Они дошли до самого последнего рубежа своего времени, кругом одиночество, впереди гложущая неизвестность.

Гложущая, потому что мужчина и женщина — современники великой передвижки. Всего за несколько поколений мир стал дру-

гим. Прежний навык не отвечает новым условиям, в руках все распадается, из-под ног уходит, нужно найти что-то, или погибнешь.

Двое — первые люди в этой части земного глобуса. Их привела сюда жуткая катастрофа, которая втрое-впятеро срезала население материка, оставляя там и здесь вымирающие орды, едва не приведя человека в Европе на грань исчезновения. Солнце отказывается светить, как раньше, облачная мгла затянула ясное небо, потемнели чистые снежные поля, с юга налезает непроходимая чаща неведомых растений.

Прежде жили охотой на оленей, что приходили стадами на ближние равнины. Шкурами одевались, мясо запасали в пещерах на долгую зиму. Мужчина помнит последнюю загонную охоту: быстрый бег, пенные морды животных, удар копьём, торжествующий крик, исторгшийся из собственной груди. В его памяти рассказы стариков о тяжелом зубре и о том, что их отцы добывали еще более крупного зверя, злобного, мохнатого, которого заманивали в яму. И мужчина верит, что такой зверь был, потому что огромные кости изобильно валяются вокруг стойбища, а изображения его украшают рукоятки старых топоров.

Но стада оленей постепенно уменьшались, однажды весной они не пришли совсем. Черная масса кустарников и деревьев, сквозь которую ничего не увидишь и не прорубишься, подступила к обжитым холмам, поглотила их. Год от года становилось теплее, большие животные исчезли совсем, других в орде не умели бить. Питались падалью, грибами, от этого многие умерли.

И когда стадо сокатилось вчетверо, молодой мужчина решил покинуть стойбище, отыскать тот край, где далеко видно на снежных просторах и олени режут, вскидывают рога, убегая от сильного охотника.

Но легко ли? Попробуй найди!

Сегодня нам кажется, будто проблемы, стоявшие перед предками, были далеко не столь громоздки и насущны, как те, с которыми встречаемся мы. Вроде все было не так сложно в буйные рыцарские времена, в лихие мушкетерские. Вскочил в седло и умчался от любой нависшей беды — только стук копыт и ошеломленные лица отшатнувшихся врагов. Или рабовладельческая эпоха: разве трудно поднять восстание, ведь каждому в глаза бросается несправедливость, даже глупость происходящего? А если восстание и подавят, половина земного шара еще не заселена и свободна для тебя. Все это так, но так лишь отчасти. Действительность и на самом деле была проще, зато проще и умирали. Люди всегда держались сообществами, а сообщества жестоко, ни о чем не спрашивая, оборонялись от кочующих чужаков-одиночек — ножом, стрелой, дубиной. Мир во все времена был миром нехватки и скудности. Всякая вещь ценилась дорого, владелец держался за нее до последнего издыхания. Король, умирая, указывал, кому штаны, кому камзол и кровать. В богатом доме кубок переходил

от прадеда к правнуку, в бедном топор и соха — от отца к сыну. «Вскочил в седло и умчался...» Но седел-то в эпоху турниров и замков было по числу рыцарей с их оруженосцами, вовсе не по числу крестьян, которых насчитывалось в тридцать-пятьдесят раз больше... Да, кроме всего прочего, неизвестность, обступающая того, кто ушел от своих. И голод. Достаточно не есть неделю, а после не хватит сил добыть себе пищу. Достаточно даже пяти дней.

Но мужчина пошел вместе со своей подругой — от наступающего леса, спиной к солнцу, которое стало теперь слишком горячим для людей. Через полмесяца двоих встретил холодный ветер, вскоре он сделался непрерывным, и двое поняли, что идут верно. Но собранный запас пищи кончился, оленей все не было, мужчина с женщиной начали слабеть. Потом к ним прицепились волки, которые, лишенные прежней добычи, тоже осмелели, озлобились.

Теперь во всем окрестном мире, куда хватал глаз, их было две группы — человеческая пара и хищники. Безлюдье на сотни километров назад, абсолют безлюдья впереди. Медлительный шаг по лишенной ориентиров сырой пустыне, где нечем огородиться, негде спрятаться.

Мужчине известна бездушная неотвратимость охоты, которую ведут волки. Он знает, что перед концом от них не отобьешься. Свирепый, неприступный желтый глаз, ошеломляюще неожидан-

ный бросок сзади, и в агонии забьется тело, которое рвут. Но сейчас, в минуты отдыха, мужчина позволяет себе отвлечься мыслью от страшщей реальности. Он поворачивает рукоять топора, рассматривая изображение морды с хоботом и бивнями. Ему не представить себе настоящих размеров зверя, мужчине кажется, что тот не больше крупного оленя. Один крепкий удар, и падает грудка вождленного мяса.

Он сжимает отшлифованную кость.

Сжимает и...

Женщина, вдруг застывшая, издала тихий, придавленный горловой звук. Еле слышный, рассчитанный, чтоб едва коснулся уха мужчины и не ушел дальше. Следуя за ее остановившимся взглядом, мужчина повернул голову, тоже затаил дыхание, опустил топор, медленно-медленно потянулся к лежащему рядом луку.

В десяти шагах от них крупный северный заяц, рыжевато-коричневый, с выпуклыми любопытными глазами, вынырнул из кустарника, сел, глядит на две незнакомые ему фигуры. Прыгнул ближе и снова сидит. Стал на все четыре лапы, грызет шишечку с ветки ползучего ивняка — видно, как мягкая верхняя губа передергивается у него со стороны на сторону.

Вот она, возможность спасения, единственная.

Время будто замерло, мир затих, двое слышат только биение собственного сердца. У мужчины стрела на тетиве, женщина перестала дышать. Мужчина натянул лук, подался вперед, выстрелил. Но неумело, неудачно. Тяжелая стрела летит мимо цели. Однако заяц, испугавшись, именно в этот момент скакнул и косо наткнулся мордочкой на каменный наконечник.

Женщина рысью метнулась с места, упала на дергающееся тело. Схватила, поднесла ко рту, перегрызла горло.

И вот двое пьют теплую кровь, этот концентрат животной жизни, которую человек еще так трудно собирает с больших площадей жизни растительной.

Если б они сумели зафиксировать в памяти ситуацию — выстрел, направленный не в самую цель, а с упреждением. Но нет, где там! Еще сотни раз такое должно повториться, тысячи. Еще несколько поколений минует до времени, когда изловчившиеся охотники начнут из легкого, более изящного лука бить мелкого зверя на бегу и птицу на лету. А двое не поняли, что произошло, упустили. Они развели костер, поджарили мясо, съели. Вернулась энергия, движения стали свежими.

Дальше!

Они пошли, кое-где перепрыгивая через лужи, кое-где шагая по ним. Равнина теперь повышалась к северу, еще плотнее дул в лицо ветер. Вскоре мужчина увидел на горизонте гряду белых гор. Все более влажными делались воздух и земля. Повсюду текли ручейки, сливаясь в маленькие речки. Начали попадаться глыбы камня и глыбы льда. Порой они образовывали такие завалы, что приходилось об-

ходить. Льда становилось все больше, он лежал целыми лугами. Затем почва вовсе скрылась, направо и налево от двоих простерся край бесконечного ледяного поля, которое полого поднималось впереди.

Мужчина остановился, огляделся. Это было ново и тревожно. Он присел на корточки, раздумывая, потом решительно встал. Где лед, там холод, где холод, там снег, а значит, и олени.

Сзади к погасшему костерку подбежали тем временем тощие, облезлые волки. Почувяв кровь, поспешно, вырывая с рычанием друг у друга, проглотали обрывки шкуры с шерстью, повернулись, приюхались и неторопливой рысью затрусили за людьми. Их ничто не могло сбить со следа и нечему было отвлечь от последнего, быть может, шанса на жизнь. Они приблизились ко льду и вступили на лед.

Двое поднимались долго, отдохнули, снова пошли. За спиной все выше вставал горизонт, равнина постепенно превращалась в огромную серую чашу. Мужчина и женщина вошли в пояс тумана — странно было видеть его клубы вне кустов и деревьев, свободно висающими в воздухе, медленно перемещающимися. А когда двое миновали туман, их ярко осветило солнце, склоны льда вокруг заблестели глянцем, и стало казаться, что рукой подать до гребня, за которым богатая охота. Здесь было совсем безветренно и тепло, женщина распахнула перетянутую оленьей жилой куртку. Лед вытаял пещерами, утесами, лежал застывшими реками, провалился

ущельями. Идти становилось все труднее, у женщины стучало в висках, она дышала тяжело и часто. А гребень все отодвигался — всякий раз будто на то расстояние, какое двое проходили от передышки до передышки.

Потом кончилась полоса разнообразного льда, опять он разлился полями, уходящими к небу. Мужчину взяла оторопь: знать заранее, как труден путь, он не осмелился бы на подъем.

Может быть, вернуться?

С высоты туман смотрелся, как облака, а вдалеке был похож на всплывшие вдруг и движущиеся сугробы снега. Чудно было видеть все это внизу, а не там, где обычно, в небесной вышине. Несколько точек, мелькнувших среди белесой мглы, подсказали двоим, что волки не оставили их.

Вперед!

Теперь гребень стал приближаться ощутимее. Стена в человеческий рост, кое-где ниже, а за ней уже голубизна пустоты. Десяток шагов, еще десяток, мужчина тоже ослабел, дышал хрипло. Солнце перевалило зенит, начало опускаться, равнина внизу сквозила через облака-туманы, и далеко-далеко к югу лежала темная полоса — вал наступающих высоких враждебных растений.

Двое подошли к последнему уступу. Там должен был начаться спуск, за которым олени и мохнатый зверь.

Мужчина забрался наверх, выпрямился. Женщина видела, как он сделал шаг вперед и, отшатнувшись, окаменел. Она с трудом влезла за ним и тут же села, испуганно глядя перед собой.

Ни снежных полей, на которые надеялись.

Ни леса, которого боялись.

Ни льда.

Двое никогда еще в своей жизни не были на такой ужасающей высоте: вообще люди в Европе, быть может, никогда еще не поднимались на такую.

И здесь, над облаками, начинаясь сразу от синих босых ступней мужчины, от его замерзших, окостеневших пальцев с искорженными, обломанными ногтями, разлилась под небом и сияющим солнцем ровная бесконечная поверхность холодной темной воды.

Во все стороны она уходила, теряясь прямо вдали. Невысокие тяжелые волны округлыми валами медлительно катили на мужчину и успокаивались у самых его ног.

Море, простирающееся на миллионы квадратных километров. Безмерные массы пустых вод, где ни рыбы, ни водорослей, ни даже бактерий.

Двое, конечно, не знали всего этого. Не знали, что и полжизни им не хватило бы, чтобы кругом дойти до противоположного берега. Уничтоженные, они смотрели на необъятное водное поле, сходявшееся у горизонта с небом. И рассыпался, исчезал образ оленьего стада, пасущегося на снежных лугах.

Сильно пригревало, и было совсем тихо. Но легкие, неощутимые ветерки все же бороздили гладь моря в отдалении — там черные пространства лежали вперемешку с голубыми и серыми. Слева от людей вода почему-то парила, поднимались и рассеивались в воздухе быстрые белые клубы. Неслышно плыла льдина, высунувшаяся торчком из глубины. Ее изъело солнцем, жаркие лучи выгрызли что-то вроде гигантских сотов на неровных откосах. Она кренилась постепенно, затем вдруг пошла решительно переворачиваться — верхняя часть, всплеснув, скрылась под водой, оттуда вынырнул другой бок, отшлифованный, белый.

Что-то происходило в этом на первый взгляд недвижном мире. Тысячелетиями что-то готовилось и теперь назрело.

Лед, хотя и повсюду лед, был неодинаков в разных местах — синие оттенки перемежались с зеленоватыми, даже желтыми. Здесь он иззернился, там шерстил, присыпанный вмерзшим снегом, тут переламывался четкой хрустальной гранью.

Волна от перевернувшейся льдины докатила от берега, омыла ступни мужчине. Он вздрогнул, очнувшись. Сотнями роились солнечные блики. Ледяная кромка, отделяющая море от пологого склона, кое-где была широкой, громоздилась утесами, кое-где, плоская, сужалась до двух метров или метра, как мы смерили бы теперь.

Угрюмо, медленно мужчина снял с себя пояс с колчаном, взял у женщины две свернутые шкуры, служившие обоим как шатер для ночлега. Он развернул и бросил шкуры у самой воды, опустился на них. Женщина легла рядом, свернулась в комок и сразу уснула, потому что была сыта и смертельно устала. А мужчина не мог и не хотел спать, ему надо было решить, куда теперь. Он подобрал ноги, обнял колени, просидел несколько минут задумавшись. Ему казалось, что олени должны быть где-то тут, но только путь к ним преградила огромная вода, которую двое и помыслить не могут перейти.

С коротким, оборванным восклицанием мужчина встал, прошелся взад-вперед, потом взял в руки топор — он чувствует себя уверенней, когда пальцы охватывают костяную рукоять.

Неподалеку послышался шорох — подтаявший ледяной нарост сорвался с утеса.

В этом месте кромка берега совсем узка — с одной стороны море, с другой, рядом, — потонувший в провале далеко внизу смутный контур полулеса-полутундры.

Мужчина останавливается здесь, в узком месте. Без мыслей взлетел топор, ударил по льду раз, второй.

И вот уже заполнилась бороздка, первые капли стекают за край гигантского блюда.

Снова удар, изливается струйка и быстро-быстро делается ручейком.

Это привычно мужчине — сбрасывать воду. В стойбище по вес-

не так приходилось делать в пещерах, где зимой не жили, не жгли костров, а только хранили мясо.

Еще удар, ручеек набухает. Пока безмолвный, он бежит между ступнями мужчины, который стал сейчас лицом к солнцу, к равнине. Поблизости пришла в движение поверхность воды, а движущаяся вода — совсем не то что стоячая. У нее другая сила, ее молекулы трутся о молекулы льда, срывают. Р-раз, и рухнул расшатавшийся запирающий кусочек — безмолвие сменяется переливчатым шепотом! Р-раз, и выламывается маленькая глыбка!

Ручеек заговорил, зажурчал, стал вдвое шире.

А мужчина — на каком берегу ему остаться?

Чрезвычайно важен выбор, хотя человек и не подозревает о том. С правой стороны струйки он сделается предком норманнов, которым обживать неприветливые фиорды Скандинавии, увидеть на горизонте березовые рощи острова Гренландия, высадиться в Америке. С левой — мужчине начать славянский корень, его дальние правнуки станут, возможно, воздвигать златоглавый Киев, столицу Древней Руси. Кто-то из них в страшную для русского народа осень 1240 года будет смотреть, как на низком берегу Днепра собираются верткие широкоскулые всадники в долгополых тулупах и больших шапках-треухах — отряды неисчислимых полчищ Батые. Но уйдет в лес, останется жив, семья и страсть свою передаст тому, кто в розовый утренний час на поле Куликовом... Это если

влево. Вправо же быстроходный остроносый даккар, неумолчный скрип уключин, пенная морская волна, а потом овцы на горном дугу, безумие Эдварда Мунка, домик у чистого озера, музыка Грига.

Удивительная альтернатива, и вариант определяется всего одним шагом.

Вправо или влево?

Мужчина переступает вправо, подходит к своей подруге. Чуткая, она просыпается сразу и встает, освеженная, сильная, готовая к мгновенному действию. Но вокруг нечего делать, и вот двое возле ручья. А это именно уже не ручеек, а ручей, который с каждой секундой ширится, превращаясь в стремительную речку. Струя шириной в полтора метра перекатывает ледяной вал и дальше внизу растекается пленкой. Но и там начинает обозначаться ложе течения.

Теперь не остановить, не закрыть бегущую воду, даже если б мужчина и захотел. Поблизости в море изменились пути течений, пробуждены силы, которые уже невозможно обуздать.

Мужчина перепрыгивает на ту сторону, обратно и снова туда. Мелькнув сквозь водопад, отломился еще кусок ледяного берега. Речка стала наполовину шире, ее говор сменяется рокотом.

Мужчина зовет женщину к себе, она подступает к струе, мерит взглядом, качает головой. Мужчина смотрит вниз. Вода уже нашла себе дорогу, она катит мелким ущельем, от минуты к минуте размывая его, деляя глубже. Поток уже разделил склон пополам, он растет, питаясь не только сверху, но и по пути захватывая воду, покрытый буруном, вспухший.

А волки? Где они?

Вот стая, всего в сотне шагов ниже. Днем хищники еще не подходили так близко.

Звери справа от бегущей воды и отступают перед ее разливом. Значит, людям надо на левую сторону.

Мужчина берет брошенные на лед шкуры, прыгает с ними через поток. Он показывает женщине на волков. Скорее же, скорее, а то будет поздно!

Тем временем на ледяном валу отломился еще кусок. Поток расширился, напор сильнее.

Женщина колеблется, затем отступает для разбега, примеривается. Несколько быстрых шагов, прыжок. Нога попала на самый край уступа, руки взмахнули в воздухе, женщина падает. За несколько секунд ее сбивает с ног, уносит, сбрасывает на десяток метров вниз. На разливе ей удается задержаться, встать. По колена в ледяной воде, женщина не осмеливается сделать и шага, она подалась вперед, наклонилась. Холодные струи неумолимо вымывают, выкапывают дно под ней, она еле удерживается на ногах.

А все еще яркий день. На высоте ничем не загоро-

женное солнце заливает ослепительным светом бесконечный склон, нехватку поверхность нависших вод и ту льдину, которая наверху развернулась и царственно направляется к истоку реки.

Мужчина швырнул копье и топор в сторону. Двумя длинными прыжками он спускается. Упал, вскочил, устремился к женщине. Вот они рядом. Идут, держась друг за друга. Обжигающе холодная вода по пояс обоим. К счастью, здесь маленькое плато, где река растеклась. Мгновение отдыха — и дальше влево. Опять глубина. Женщина вдруг проваливается с головой. Мужчина пытается вытащить ее и тоже скрывается весь в потоке. Их несет по глубокой ложбине.

Все полноводнее река, сильнее ее ход.

На какой тонкой нити повисли будущие отцы-охотники, отцы-земледельцы, княжеский дружинник, крестьяне, солдат?..

Оба выныривают, мужчина яростно борется. Обоих прижимает к ледяному утесу. У женщины плотно сжаты губы, она не сказала ни слова, не крикнула с того момента, как упала. Задыхаясь, мужчина держит женщину, у него отнимаются занемевшие руки, он отчаянно осматривается.

Что такое? Напор резко ослабел, он почти иссякает, вода спала до колена.

Льдина! Льдина, подплывшая там наверху, заперла реку. Однако верхний слой теплой, нагретой за день воды точит и точит новые проходы с боков, проламывается и урчит, сотрясая ледяную глыбу.

Мужчина и женщина выходят из потока, тяжело дышащие, побитые, обессиленные и дрожа.

Но топор. Лук и стрелы... Все осталось на другой стороне. А без оружия, одежды, инструментов обрывается связь двоих с прошлым, с человечеством. Они сразу скатятся на положение голых слабых животных, которым не прожить и суток в холодной, бесплодной тундре.

Женщина, побелевшая, синяя, бежит наверх, туда, где оленьи шкуры. Мужчина, не раздумывая, бросается обратно в воду. Через минуту он начинает подниматься. Топор, колчан, мешок с рубилами и скребками — все в руках. Разбег, беззаветный прыжок. Женщина подхватывает мужчину, вдвоем они отбегают от пролома, дальше по узкой кромке между морем и спуском.

Вовремя! Льдина стала торчком, переворачивается и выламывает, падая, десятиметровый кусок берега. С ревом обрушивается стена воды, ее серое долгое тело устремляется вниз. Переплетаются тугие струи, брызги взлетают и блещут. Водяная пыль поднялась над истоком, кусок радуги засвечивается, меркнет, опять засвечивается. Эшелонами низвергаются тяжкие массы, за ними, не прерываясь, следуют другие. Трещит, разрушаясь, лед, округлая линия перелома воды протянулась уже на пятьдесят метров, сто, на полкилометра.

Где там волки — они сгнули! Сбежали, испуганные, и быстрыми тенями уходят, скачут к западу.

Новые течения возникли на ближайшем участке моря, рождаются, плывут и исчезают воронки водоворотов. Взметнулся бурун и подтачивает высокий береговой утес.

В трех километрах ниже, на равнине, вода пришла и ударила. Тут уже озеро, которое растет с катастрофической быстротой. Кинулась в разные стороны живность, что не видели, не умели увидеть люди — охотники за крупным зверем и волки-охотники. Змейкой скользит горностаи, бежит песок, трясогузка взлетает над разоренным гнездом. Но никому не уйти.

Низкорослый ивняк скрыт с верхушкой, крутят водовороты, сшибаются волны, всплывают глыбы льда, колеблются на долбы.

Ревет и пенится вся извилистая дорога воды. В одних местах расходясь, в других сжимаясь, современный весенний Днепр падает с заоблачных высот.

А там, наверху, к провалу подтащило айсберг. Белая гора поднимается, нависла, обламывает огромный кусок береговой кромки, и Волга, целая Волга обрушивается в бездну. Воздух дрожит, на десятки километров разносится канонадный грохот. Полная радуга перебросилась на высоте через стремительную реку, чье течение каждый миг низвергает новые сотни тысяч тонн воды.

Солнце, белые льды, горизонт моря, горизонт суши и два человека...

Что происходит?

Кончается ледниковый период в Европе, вот что! Создается Балтийское море.

Около миллиона лет назад на планету с ужасающей быстротой надвинулся холод. Там, где раньше лежали влажные саванны, стоял жаркий лес, простерлась белая, гладкая, мертвая, как на Луне, пустыня. Область высокого давления, возникшая у полюсов, повернула горячие ветры экватора с меридианального направления на широтное, пояс тропиков и субтропиков стал царством дождя, который непрерывно падал каплями величиной с детскую голову. Умеренные и высокие широты сковал жестокий мороз. Лед вобрал невообразимые массы планетарной воды, иссушил моря, понизил уровень океанов, разъединяя их, обрезаая морские течения, которые прежде разносили тепло по земному шару. Сфера жизни на суше резко сократилась, и человек, как раз впервые вступивший в Европу, был вынужден бежать. Четырежды, по крайней мере, климат делал людей на континенте своей игрушкой, приглашая в периоды потепления волны человеческого нашествия, а затем изгоняя первобытных охотников. Челнок с размахом в тысячи километров и сотни тысяч лет: из Африки, из Азии в Европу, а потом обратно в Азию, в Африку. Только неандерталец целых три оледенения сумел продержаться в Европе, но дорого ему дались тысячелетние зимовки. Холод и голод остановили развитие этой ветви, суровость борьбы за жизнь отбросила неандертальцев обратно к полузвериному облику. И когда еще раз пришло тепло, когда весной зазеленели луга, новые люди, вернувшиеся из Африки по мосту между Тунисом и Италией, не признали своего в низкорослом, косматом, жилистом обитателе мрачных пещер. Неандерталец был истреблен, но со следующим приливом морозов трудная пора настала и для победителей. Опять начали расти ледники, тундра вытеснила лес. Однако человек был уже изобретательнее. Не отставая от мамонта и оленя, он проник далеко на север, неся с собой развитую культуру камня.

И вот теперь опять катастрофа, снова климат меняется — уже под влиянием ледника уходящего.

А что же управляет оледенениями?

Процессы, происходящие на Земле.

Возможно, изменения активности Солнца.

Вероятно, периодический (через 300 миллионов лет) выброс гигантских масс вещества из центра Галактики.

Не исключено, что воздействие других галактик и их скоплений на ту, где мы, на то скопление, где наша родная Галактика.

Грандиозен масштаб, но пусть он не пугает нас. Напротив,

прекрасно, что наша историческая судьба со столь многим связана, зависит от столь многого. Громоздятся горы, дышат огнем вулканы, зеленеет лес, сияет солнце, хороводы звезд идут по своим кругам, и все это влияет на человека. Значит, мы не отщепенцы, не просто так сбоку, а живая часть безмерного целого, наименованного нами вселенной.

Вот они, двое, на самом краю заоблачного моря. Быть может, в дальнем космосе, в недоступной звездной чаще началось то, что привело их сюда.

А они сами, что сделали они?

Тысячелетиями истаявал с середины ледник, покрывший север Европы. Чаша, наполненная талой водой, образовала титанический морозильник, определяющий климат материка. Но ударил топор, струйка превратилась в ручей, реку, огромный водопад. Как сто Ниагар он будет реветь недели, месяцы, десятилетия.

Вы слышите, как вплетается в рокот бегущих вод пенье длинной трубы? То Спартак у Везувия ставит в ряд восставших гладиаторов.

Вы слышите, различаете в грохоте вспененных струй конский топот и крики?.. Это воевода Боброк поднял руку. Уж русские войска прижаты к берегу Непрядвы, пал на траву окровавленный князь Дмитрий. Но Запасный полк свеж, выхвачены мечи из ножен, сцеплены зубы, взметнулась хоругвь, отпущены поводья, дрожит земля.

Все уже здесь... Обрушившиеся воды намечают современную береговую линию Балтийского моря, они соединяются с Атлантикой, перемещаются с ее нагретыми солнцем волнами, и оттуда на север придет тепло. Освободившиеся от давления вечного антициклона экваториальные ветры повернут внутрь континента, принося туда океанскую влагу. Чахлая полутундра сменится дубравами, на опушке пчела зажужжит над цветком, крупные стадные животные откочуют далеко на восток, и вынужденно совершится в Европе великая перемена — от охоты человек перейдет к земледелию, от сбора пищи к ее производству. Создастся устойчивый, легко сберегаемый излишек еды, поднимутся первые города, начнется цивилизация.

Если б им знать, мужчине и женщине!

Но они ничего не знают, их страшат, не радуют жаркое солнце, белые облака — вестники другой эпохи. Мрачно глядя под ноги, мужчина завязывает пояс с колчаном и мешком. На его мускулистом плече сочится кровью рваная ссадина, косою шрам пересек лоб.

Женщина свернула шкуры, закинула за спину. Она кивает мужчине — слов не услышишь в оглушительном реве, — и двое начинают свой путь кромкой моря туда, к холмам, что огораживают затопляемую равнину. Двое ступают вниз на склон. Мужчина останавливается, бросает последний взгляд на неох-

ватную поверхность льдистого океана. Его губы сжаты, брови нахмурены, но гордый и горький вызов на миг выражается в глазах — все-таки двое достигли самого края. Не их вина, что некуда дальше.

И вот люди удаляются от нас. Очень медленно, так что целый час нужен, чтобы им стать пятнышком на пустом белом фоне льдов и снега. Все меньше, меньше пятнышко, наконец оно исчезает совсем. Двое ушли к югу, в скифскую степь будущего, к славянскому лесу, в глубину пространств и времен.

Ушли, но вернуться, не пропадут. Их кровь влилась к нам в жилы, просочившись сквозь толщу тысячелетий. По водам отворенного ими Балтийского моря поплывут корабли, на его берегу Петербург раскиснет свои дворцы. А там Сенатская площадь, шторм Зимнего, тяжелые бои в 1941-м на Ораниенбаумском плацдарме, от крепости Кронштадт крейсера бьют главным калибром по фашистским танкам дивизий Гота, а после взлетят над Невой ракеты, знаменуя прорыв блокады.

Двое свершили.

А мы?.. Где оно, наше Балтийское море?

Да вот оно! Каждую секунду проливается первая струйка, начинается исток, только надо уметь увидеть. Дыхание, жест, слово, поступок дают начало таким развитиям, которых последствия не измерит никто.

Может показаться, что первобытный охотник лишь потому приблизил конец ледника, что мир тогда менялся, был в состоянии великой передвижки.

Но мир всегда меняется, и постоянно мы на последнем, решающем рубеже своего времени.

Как песочные часы, каждый из нас на перевале между «недавно» и «потом», только песчинки-секундочки текут вверх, в завтрашний день, окрашенные нашим чувством, нашим делом.

Миллионы лет позади обеспечили возможность деяния, на миллионы лет вперед лягут тень и отсвет свершенного нами. Австралопитек бросился на леопарда, монах Роджер в келье-камере средневековой тюрьмы сел за рукопись своего «Большого труда», Достоевский раздумывает на мосту через Мойку, братья Райт наконец отрегулировали зажигание у мотора, что поднимет в воздух их аэроплан, — и все это пришло к нам, вошло в нас... Композитор за роялем, на стыковку ведет космонавт свою небесную машину, падает в землю зерно, кто-то гордый не сподличал, а другой солгал — все уже ложится на будущее и определяет грядущие годы. Всякий шаг ответствен, «направо» или «налево» так же значимы, как тогда над ручьем, который сто столетий назад превращался в реку.

Не будем беспокоиться — ничто наше хорошее не пропадет. Будем беспокоиться, ибо не смыть, не зачеркнуть дурного, коли

оно вошло в мир. Человек, который сделал Балтийское море, — это вы, это я. Зависящие от всего, влияющие на все, по скрещению минутного с вечным, малого с безмерным, люди идут головою в звездах. Нужно только хотеть и действовать.

И верить!

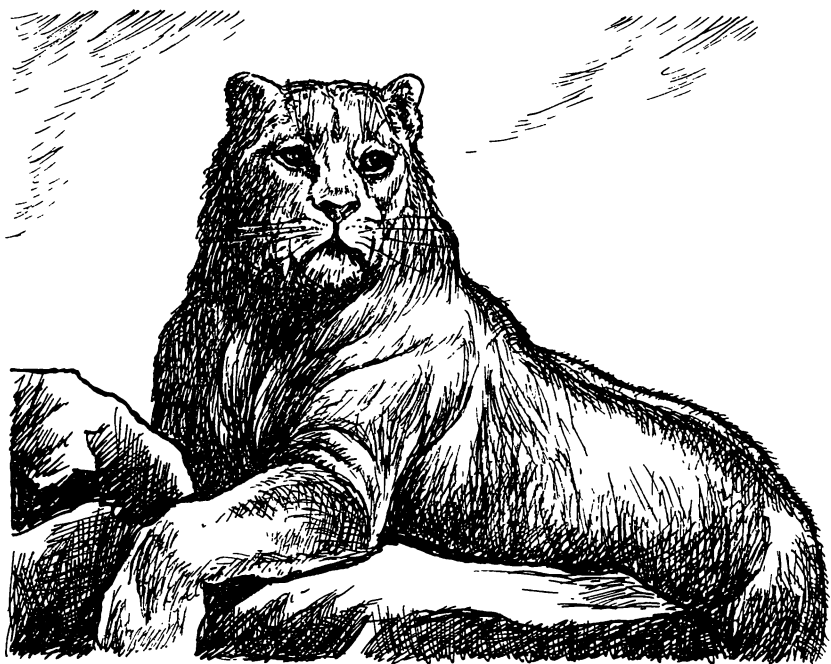
Нам привычна мысль, что разум сильнее веры. Однако, прежде чем начать, решиться, открыть, сделать, мы должны быть уверены в своей способности добиться успеха. Разум велик, но все-таки впереди идет вера в себя.

СЕВЕР ГАНСОВСКИЙ

Идет человек

Над широкой равниной у края зубчатых гор кружились облака, и наконец первый раз за много дней, даже месяцев, выглянуло солнце. Просвет в небе все увеличивался, посветлели буковые и грабовые леса, переплетенные лианами и виноградом дубовые рощи, поляны, заросшие густой низкой травкой, и степь, где трава человеку по пояс.

Лошади, зебры и козлы в смешанных стадах отряхивали короткую шерсть и фыркали, вертя головой. Угрюмый носорог, живой яростный таран, вышел из кустарника на открытое место, понюхал воздух, шумно втянув его в широкую грудь, удовлетворенно хрюкнул.

В стаде лесных слонов вожак — брюхо у него все поросло густым длинным волосом — громко протрубил, приказывая своим родичам перестроиться для выхода на поляну. Выдры и лисички вылезали из нор. Гигантский бобер — ростом с современного волка — блаженно зажмурился на берегу глухой лесной черной речки.

Солнечный луч пробился через несколько навесов зеленых листьев и упал на лоб леопарду. Он открыл один глаз, потом закрыл его. Ему не хотелось двигаться, так приятно было ощущение тепла.

И бегемот на болотистом плесе реки тоже радостно зафыркал. Он мерз в течение долгих месяцев, не понимая, что происходит и отчего ему постоянно холодно. Он был последним бегемотом в

этих краях. Его породе надлежало вымереть от наступающего с севера похолодания, но он не знал этого и только удивлялся, что нигде не встречает ни самок, ни молодняка, ни таких же старых, матерых самцов, как сам.

Солнце светило, капли только что кончившегося дождя сверкали в листве и в травах, все запахи на равнине переменились, став гуще и сильнее.

И тогда в предгорье, на полянке недалеко от ручья, проснулся Его Величество Пещерный Лев. Сначала шевельнулся кончик хвоста, затем волной подернулась шкура на спине, затрепетали ноздри широкого черного носа, открылись желтые глаза. Лев поднял могучую голову, привстал, потянулся, выгнув спину и царапая землю когтями передних лап. Он встряхнул гривой, глубоко вдохнул, с шумом выдохнул и потоптался на месте. Тут же лежали остатки кабана, зарезанного день назад. На спине и задних ногах еще было почерневшее мясо — его не съели мучающиеся голодом гиены, не решились подойти близко к спящему Владыке.

Лев лениво тронул объеденную кабанью голову, постоял миг рядом, чуть присел, с неожиданной легкостью бросил в воздух свое четырехсоткилограммовое тело, пролетел десять метров и мягко, как пролился, опустился на траву возле ручейка. Не дрогнула, а лишь плавно качнулась головка ромашки в сантиметре от его лапы.

Пещерный лев опустил голову, напился воды, чавкая. Широкий розовый лист языка облизал губы — серой обезьяне, вжавшейся высоко над ручьем в ствол дерева, странно было видеть этот язык, такой беззащитный среди жутких белых клыков.

Затем Его Величество еще раз потянулся, мурлыкнул дважды, как бы примериваясь, пробуя голос, полуприсел на задних лапах, набрал воздуха, из глубины себя пустил низом могучий, все обнимающий рев.

Звук пошел по травам, заплутал между деревьями леса, пронесся над болотами, лугами и потек степью.

И все живое на километры вокруг замерло, застыло на мгновенье. Стада зебр и лошадей остановились, как бы натолкнувшись на невидимую стену, леопард в чаще привстал и окаменел, вожак слоновьего стада растопырил уши.

Звук нагнетался толчками, нагоняя тоску, обещая смерть и завораживая. После минутного оцепенения прыгнул в воду бобер, крупным махом пошел в глубь лесной чащи леопард — сам яростный боец, он все равно не хотел очутиться на одной дорожке с пятнистым желтоглазым царем. Слоны потянулись на открытое место, повернуло в сторону от приречных кустарников стадо буйволов, ошалело ринулся, не разбирая куда, носорог. Земля задрожала от тысяч копыт — побежали лошади и зебры.

Всемогущий знал, что он предупреждает свою будущую жертву, но знал также и то, что она не уйдет от него. Слоны, буйволы, антилопы все равно живут там, где они живут и где им знакома местность. Страх не заставит их покинуть пределы знакомого — ведь там, за этими пределами, ждет еще больший страх. Лошадь не побежит от волка по неизвестным местам — ей нужно знать, на какой проплешинке между трав она вдруг резко свернет в сторону, заставив преследователя проскочить вперед. И олень не станет мчаться куда придется, а поскачет известной ему тропинкой, чтоб не застрять рогами в ветвях мелколесья.

Владыка чувствовал, что звери лишь перегруппируются, но не уйдут далеко, и этой именно перегруппировки он хотел, рассчитывая найти свою жертву там, где ей должно быть. Как шахматный игрок в эпоху человека и шахмат, он желал, чтоб противник правильно разыгрывал определенный дебют, — так ему было удобней.

И действительно, на границе своей территории стада копытных остановились, постояли и повернули обратно, леопард сделал большой круг и вернулся почти туда же, где был. Все стало пастись, охотиться, приноживаться, прислушиваться. Но напряженно. Ожидая, пока новый, удовлетворенный рык скажет: «Я поймал, я сыт. Живите».

Пещерный лев еще потянулся и сел, то выпуская, то убирая когти.

Он был великолепным устройством для убийства. Самым совершенным, какое пока еще знала история Земли. Доведись ему встретиться с тиранозавром, крупнейшим из хищных ящеров, от которого льва, правда, тоже отделяли миллионы лет, желтый царь одолел бы, наверно, и тиранозавра. Ящер был громаден, но туп, малоподвижен. А у льва были не только стальные мускулы, но и хитрость, и мгновенная реакция.

В нем природа дошла до высшего. Такой грудью с перекачывающимися мышцами, такими когтями и клыками, такой силой в задних лапах, бросающих его тело на десять—пятнадцать метров, не мог похвастаться никто. Каждое его движение было законченным, почти художественным. В нем пела музыка, он был живописен и скульптурен. Им, Его Величеством Пещерным Львом, природа как бы говорила то, что она в дальнейшем скажет человеческим искусством.

Лев перескочил через ручей и, не таясь пока еще, сошел в лесостепь на охоту. Страх катил перед ним, как артиллерийская подготовка; все живое, за исключением мелочи, вроде птиц, белок и разных жуков, разбежалось, оставляя мертвую зону.

Человек по имени Уц, старый, но крепкий, стоявший на холме в нескольких километрах от лежки льва, услышал голос желтого царя уже ослабленным. Тяжкий, все заполняющий

рык и дошел до Уца лишь потому, что тот тоже обладал почти звериным слухом. Человек понимал, что Владыка вряд ли придет за добычей так далеко, но плечи у него дрогнули. Он отметил в уме, что на охоту надо будет идти сегодня в другую сторону.

Сжав деревянное копье с каменным наконечником — слишком ничтожно оно было и против всемогущего льва и даже молодого клыкастого кабана в лесу, — Уц оглянулся на стойбище.

Обрыв над рекой был источен глубокими пещерами, где поселились люди орды, в которой старшим был Уц. Целых полгода — от самого низкого солнца до самого высокого — почти вся жизнь совершалась там, внутри. Из-за дождя. Туда доставляли добычу, там ее жарили. Туда женщины и дети приносили мягкие сладкие корни и луковицы, если их удавалось найти. Там спали у костров и сидели днем, глядя на потоки воды, завесой падающие с небес.

Но сегодня появилось солнце, и тотчас орда выбралась наружу из сырости и холода каменных убежищ.

На трех больших кострах жарили остатки зарезанного леопардами молодого носорога — звери сожрали только голову, живот и уши. Бородатые мужчины готовили оружие — обкалывали кремневые ножи и рубила, оббивали наконечники для копий. Женщины, распластав на земле оленьи шкуры и прибавив их по краям колышками-сучками, отскребали изнутри мясо и жир. Одна из них, молоденькая девушка с копной светлых волос, с повязкой из беличьих шкурок вокруг пояса — ее звали Ру, — посмотрела на холм и улыбнулась. Неподалеку в реке, стоя по пояс в воде, несколько человек ловили рыбу прямо руками. Поймавший выбрасывал добычу на берег, там дети собирали ее и относили к костру. Был как раз ход рыбы.

Все шло в общий котел — закон, никем не высказанный, но само собой разумеющийся. С этим законом рождались и умирали. Даже маленький ребенок, хоть и ослабевший от длительного голода, тащил в стойбище съедобный корень, а не совал себе в рот.

Люди орды были некрупные — сто шестьдесят — сто семьдесят сантиметров ростом. Женщины поменьше, мужчины побольше. Они были и не сильные. Во всяком случае, слабее всех животных, одного с ними размера и веса. Самый крепкий охотник, не будь с ним ножа, не смог бы справиться даже с антилопой.

У них были выпрямленные фигуры, длинные руки и ноги. Высокий, прямой, а не скошенный лоб и челюсти, которые не выдавались вперед.

Эти люди очень редко встречали других таких же, себе подобных. Они не знали, откуда пришли сюда, но теперь им стало совсем плохо в предгорье. Плоды и мучнистые корни поблизости

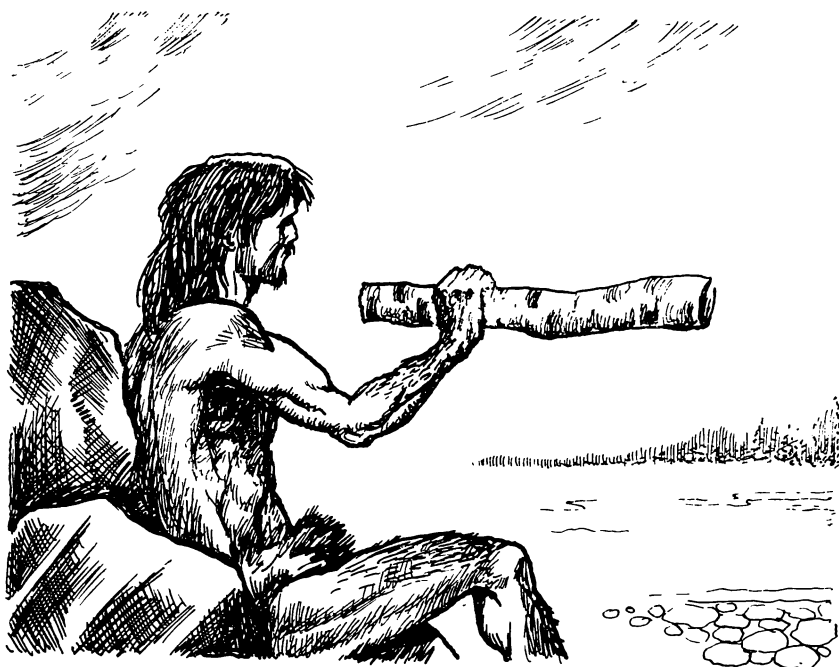
были все съедены. Мелкая дичь разбежалась, а ходить за ней далеко в степь они не решались, опасаясь леопардов и других хищников.

Следовало уходить отсюда, но людям страшно было оставить удобные пещеры, где было не так холодно во время дождей и бурь и входы в которые можно было заваливать камнями на ночь.

Уц посмотрел на стойбище, потом на небо. Опять накатывали тучи, готовясь поглотить солнце.

У него заныли кости — так хотелось тепла и света. Бабка рассказывала ему, что прежде было гораздо лучше. Он и сам смутно помнил жаркие лета, одно, может быть, два. А дальше так оно и пошло: дождь да дождь. Была даже зима, особенно холодная, когда с неба посыпалось белое. Десятки бегемотов умерли тогда у реки. Пировали гиены, но орда почти не воспользовалась мясом огромных неповоротливых зверей. Слишком холодно было. Люди укрылись в пещерах. Кутались в шкуры, но все равно многие погибли к весне.

Рядом с Уцем сидел на траве хромой Яро, молодой охотник, которому кабан недавно пропорол клыком ногу. Сейчас Яро не мог охотиться наравне с другими мужчинами и почти все дни проводил у костра, изготавливая ножи и наконечники для копий.

Он держал в руках толстый, длиной в человеческий рост, сук березы. Сук был сырой, он отвалился давно, дерево внутри сгнило и высыпалось, осталась одна кора. Заглянув в один конец, можно было увидеть в другом небо и лес.

Яро поворачивал сук и так и этак. Он заткнул более узкую дыру травой, принялся сыпать туда песок. Потом высыпал и продел отверстие.

— Зачем Яро сук? — спросил Уц. — Сук легкий, суком нельзя ударить.

— Яро не знает, — ответил хромой. Он говорил, держа у рта березовую трубу, и его голос получился неожиданно низким и гулким.

В те времена еще не знали слов «ты» и «вы». Люди говорили о себе и обращались друг к другу только по имени.

Девушка Ру, оставив свою шкуру, поднялась на холм.

— Пойдет дождь, — сказала она. — Ру хочет убрать костер в пещеру.

Уц покачал головой.

— Нет. Сучья сырые, и пойдет сильный дым. Пусть костры горят здесь.

Девушка шагнула к Яро. Она и пришла ради него. Тот поднялся, держа в руках трубу. Они стали рядом, двое молодых людей. Степь и лес простирались перед ними. Вдали видна была группа слонов, а за ними темной массой стада лошадей. Тучи сгущались, одна налезала на другую. Только над горной грядой было чистое небо.

Старик Уц смотрел на него.

— Яро не идет на охоту? — спросила девушка.

— Нет. Яро будет здесь, — ответил хромой, и это так громко прозвучало через березовую трубу, что девушка отскочила и потом, засмеявшись, положила руку на сук.

— Дерево кричит...

За полдня пути от стойбища, где звери были не такими пуганными, трое охотников орды подкрадывались к лошадям. Это было долгое и трудное дело. Животные стояли на открытой поляне — четыре самки и самец. Кобылы опустили морды в траву, паслись. А самец оглядывался по сторонам. Принюхивался, прислушивался, шевеля ушами.

Подбросив в воздух травинку, охотники определили направление слабенького ветерка, затем стали ползти таким образом, чтоб он дул от животных к ним. Ножи и мешочки с наконечниками они оставили в кустах и двигались налегке, только с копьями. Иногда они застывали неподвижно, затем принимались ползти так медленно, что их не испугался даже выводок кроликов неподалеку.

Они проползли две трети нужного расстояния, когда ветер переменялся. Им пришлось вернуться в кусты, сделать большой обход и начать подкрадываться с другой стороны.

Когда до животных осталось только двадцать шагов, но кидать копьё еще нельзя было, жеребец забеспокоился. Издав короткое ржание, он стал всматриваться в траву, где затаились Ог Длиннорукий, Мав Быстрый и еще один охотник, которого звали Рам.

Самец насторожил уши, долго-долго смотрел в траву, потом отвернулся. Но люди не шевельнулись. Это ведь было соревнование в хитрости, и победитель получал жизнь. Жеребец опять посмотрел в их сторону и лишь потом опустил голову, приняхиваясь к зеленым побегам.

Тогда трое проползли еще пять шагов, разом вскочили и кинули тяжелые неуклюжие копыя. Только одно попало самцу между ребер.

Маленькое стадо бросилось прочь, жеребец тоже поскакал. Охотники, у которых мускулы от напряжения ослабли, не стали его преследовать. С радостными криками они уселись на траву, потом, отдохнув, вернулись в кустарник за ножами и другим имуществом и затем уже направились по кровавому следу.

Жеребец упал в полусотне шагов от них. На губах у него выступила красная пена. Увидев приближавшихся охотников, он вскочил, подпрыгнул, как бы угрожая им, и из последних сил побежал вниз по каменистой лощине. Копьё болталось у него в боку.

Охотники пошли за ним. Лощина круто сворачивала. Трое повернули и опять увидели зверя лежащим. Это была прекрасная добыча. Такая, что редко доставалась им. Теплое свежее мясо, настолько мягкое, что его и не жареным хорошо было есть.

Ог Длиннорукий вынул из мешочка рубило.

Но Рам вдруг остановился. Какой-то особый запах обеспокоил его.

Он посмотрел в сторону и увидел человека. Вернее, человеческого ребенка. Мальчика. Смуглого, очень коренастого, шире их самих в плечах, хотя он был далеко не взрослый. Волосы у него на голове росли не такие, как у трех охотников, а прямые, жесткие, как лошадиная грива. Руки в бугристых узлах мускулов, а взгляд почти звериный, испуганный, но пристальный и жестокий.

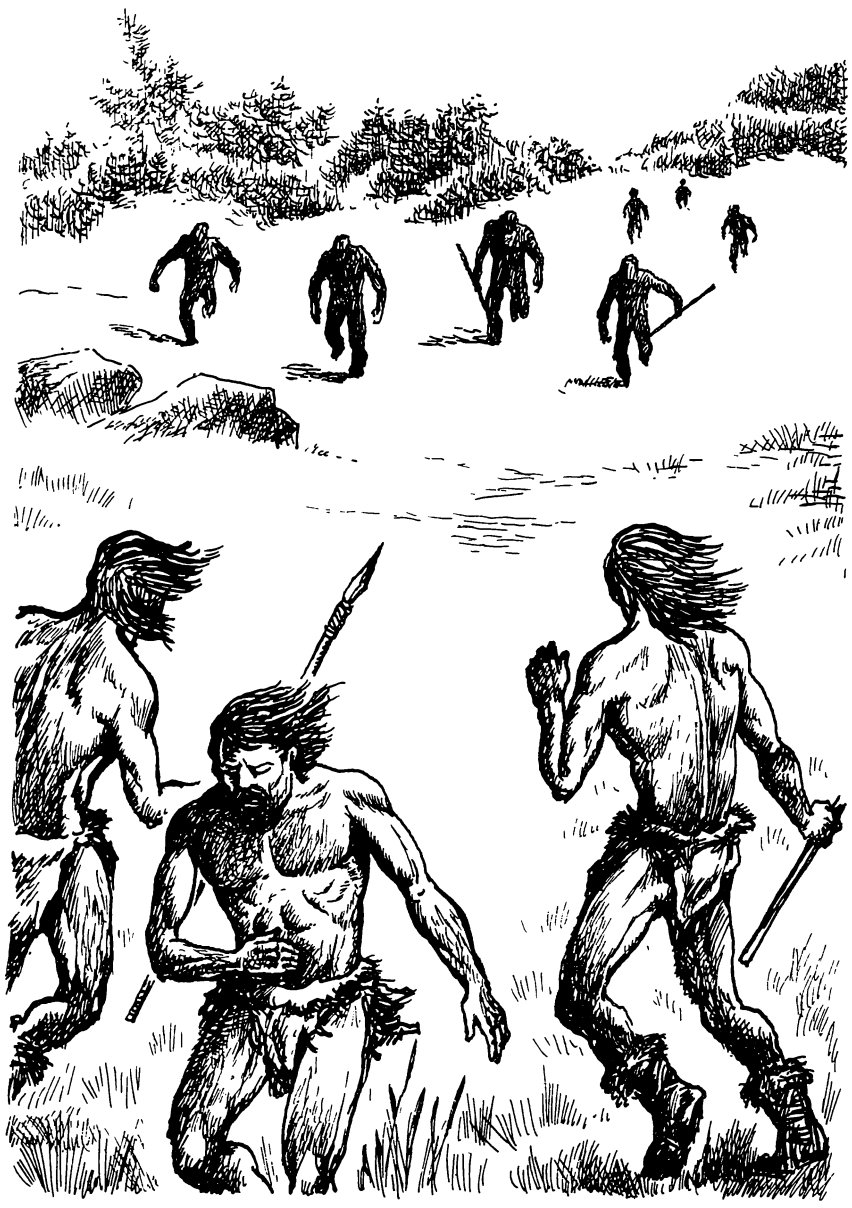
Мгновенье детеныш-получеловек смотрел на охотников, затем метнулся в кусты.

А в сотне шагов по лощине горел костер, возле которого стояло несколько гигантских существ в повязках из звериных шкур и с каменными топорами в руках.

Тогда трое охотников, не думая ни секунды, не стовариваясь и сразу забыв о своей добыче, повернулись и кинулись прочь. Они бросили копыя, чтоб те не мешали им, и, выбравшись из лощины, понеслись длинными прыжками. Им уже было ни до чего. Смерть посмотрела на них, и гибель нависла над всем стойбищем. Они наткнулись на орду Бродячих, чьим главным занятием была охота на людей.

Сзади они слышали крики. Бродячие начали погоню.

Около четырех десятков мужчин, женщин и детей растягива-

лись в широкий полукруг. Они знали, что догонят, — по-звериному выносливые и втрое-вчетверо сильнее некрупных охотников.

Это было странное ответвление человеческого рода — Бродячие. Люди, а может быть, и полулюди, в которых развитие пошло в сторону силы. Огромные, до двух с половиной метров роста, они могли руками задуть лошадь и даже тигра, но умели также добывать огонь и делать себе оружие из камня. Разум теплился под узким лбом, но низкий, придавленный свод черепа не позволял мозгу увеличиваться. У них были отчетливые, как у гориллы, надглазные валики, вытянутые вперед челюсти, короткая, толстая, заросшая волосами шея. Они ходили на чуть согнутых ногах, приготавливая себе на ночь гнезда из ветвей или травы или просто спали у костра сидя, обняв ноги руками и положив голову на колени. Они становились все сильнее и мускулистее из поколения в поколение, боясь на земле только владыку — Пещерного Льва. Но постепенно гигантское тело с маленьким мозгом стало требовать слишком много пищи. Они уже ушли от зверей, им было трудно тягаться с ними в проворстве, а брюхо при толстых костях и тяжелых грудях мышц было ненасытным. Это был Человек Сильный, а не Человек Разумный.

Всегда страдая от голода, они сделали своей добычей тех, кто тоже не обладал ни звериным нюхом, ни силой, ни ловкостью. Бродячие истребляли орды таких же, как они, людей, кряжистых и низколобых, заросших волосами, но только поменьше ростом. Тонких и стройных охотников они встретили впервые и поняли, что их ждет пиршество.

На миг выглянуло солнце и осветило всю картину. Степь со стадами лошадей и козлов, лес, у кромки которого слоны обламывали ветви с деревьев, три маленькие фигурки убегающих охотников и широкий полукруг Бродячих.

Сначала трое оставили преследователей далеко позади. Они были быстрее, но знали, что это не спасет их, не обладающих неутомимостью Бродячих. На их памяти уже было одно такое нападение на стойбище, когда только случайный лесной пожар отрезал от людоедов кучку спавшихся.

А Бродячие не очень спешили. Они не только охотились в этот момент, но и переселялись. Все свое было у них с собой. Женщины несли детей и шкуры, у мужчин на поясе, болтаясь на ходу, висели ножи и рубила. А каменные топоры были в руках. Им было все равно, где останавливаться на ночь. Они знали теперь, что где-то есть стойбище охотников, что они перебыют там всех и там же останутся, запасшись пищей на два-три дня.

Опередив Бродячих на несколько сотен шагов, Ог, Рам и Мав Быстрый разом, как будто их объединяло общее чувство, упали в траву, проворно доползли до полосы кустарников, там поднялись и, прикрываясь зарослью дубняка от преследователей, побежали под углом к прежнему направлению.

Охотникам нужно было добраться до реки, броситься в нее и оборвать там свой след.

Но еще десятки километров отделяли их от поросшего тростниками речного ложа.

Они бежали час, равномерно, молча, не оглядываясь, поскольку знали, как много сил берет и поворот головы и даже одно только на бегу сказанное слово.

Однако Бродячие не сбились. Неровная степь скрыла от них охотников, но рядом с главой племени скорой рысью двигались следопыты, пригнувшись на ходу. Они пошарили по кустам, показали новое направление, и орда повернула на восход. Она распалась постепенно на два эшелона: мужчины и дети повзрослее впереди, женщины сзади.

Бродячие двигались неотвратно, как наводнение или обвал, они должны были все равно настичь свою добычу.

Возле новой полосы кустарников преследуемые охотники опять остановились. Двое уже начали заметно уставать. Грудь и плечи у Ога с Рамом покрылись потом, они дышали тяжело. Только Мав был свеж.

Трое бросились на траву, отдышались. Потом Мав сказал:

— Ог пойдет сюда, — он показал рукой. — Рам побежит сюда. А Мав Быстрый пойдет в стойбище. Ог и Рам покажутся Бродячим.

Двое охотников согласились и кивнули. Чувство связи со своим родом было у них сильнее инстинкта самосохранения. Они понимали, что должны пожертвовать собой, чтоб Мав мог предупредить стойбище. Ог и Рам поднялись и побежали к виднеющемуся вдали лесу. А Мав переждал еще немного, пополз вдоль кустарников и, оставляя между собой и Бродячими невысокий холм, пустился к реке.

И снова преследователи не поддались на хитрость. Им была знакома такая и у зверей встречающаяся повадка, когда животное отвлекает охотников на себя, чтоб спасти молодняк. Только двое гигантов бросились за Рамом и Огом, а остальные побежали с криками и верещаньем по следу Мава — именно потому, что он скрывался.

На поддороге к лесу Ог и Рам разделились. Один бросился влево, другой взял правее. И двое преследователей тоже разделились, каждый избрав себе жертву.

Рам услышал приближающиеся шаги и поднял голову. Его удивило, что к нему торопилась молодая женщина, или молодая самка. Она размахивала дубиной со вделанными в нее медвежьими клыками. Она была почти вся покрыта рыжеватой шерстью, и длинные космы никогда не чесанных волос свисали по обе стороны полузвериного лица. Мускулистые руки были вдвое толще, чем у Рама.

Женщина вскинула дубину, рыча. Гоской заволокло Раму глаза, и все для него кончилось.

Огу Длиннорукому сначала повезло. Его преследовал не очень быстрый мужчина, и он почти добрался до леса, когда понял, что уже не может бежать. На глаза ему попала осыпь, обнаженная дождевым потоком. Ог схватил камень и, когда преследователь

подошел ближе, метнул в него, попав в плечо. Но Бродячий даже не остановился — это было все равно что кидать камнями в носорога. Ог вступил в лес и тут решил, что все-таки он, Длиннорукий, самый сильный из людей стойбища. И что надо не просто так отдать свою жизнь.

Гигант навалился на него. Они сцепились и упали, ломая кустарник. Выводок кабанят брызнул из-под них в разные стороны. Огу удалось ударить врага по голове вторым захваченным в осыпи камнем. Бродячий ослабел, но только на миг. Желтыми зубами он грыз Огу плечо, добираясь до горла.

Могучий кабан-секач, сопровождавший в лесу свое семейство, услышал треск ветвей и увидел что-то большое, катающееся по земле: Страх и злоба тотчас вспыхнули в нем. Он ринулся на это большое, поддел его клыком. Большое распалось надвое. Секач опять ударил и одну и вторую половину и бил до тех пор, пока они не перестали рычать и шевелиться, превратившись в груды окровавленного мяса...

Мав Быстрый той порой сделал длинный бросок и еще раз оторвался от орды гигантов. Но и у него уже начали деревенеть ноги, дыхание сделалось коротким. Во рту пересохло, ему хотелось пить.

Там, где степь начала понижаться, полого спускаясь к реке, он позволил себе маленький отдых, затем, приподнявшись, глянул назад и увидел, что орда Бродячих следует все-таки именно за ним. Это его не удивило. Он понимал, что у волосатых

полулюдей человеческая хитрость соединяется со звериным нюхом и они могут идти по следу не сбиваясь, почти как идут волки.

Нарвав охапку мокрой травы вокруг себя, он пососал ее, освежив рот, вскочил и кинулся к реке. Он бежал и бежал, стараясь дышать равномерно, но в голове у него мутилось, кровь сильно стучала в виски, а грудь внутри жгло. Серая лента реки показалась наконец впереди, он в последний раз ускорил бег, вошел в густые прибрежные тростники, жадно напился, плеская себе воду в рот горстью, а потом побрел по колону в воде, часто меняя направление. Там, где заросль была особенно плотной, он присел на корточки и только тогда в полной мере ощутил, как смертельно утомлен. Он бежал почти полдня непрерывно. Собственное тело казалось ему пустым и высохшим. Только ум работал напряженно, слушали уши и глядели глаза.

Через какое-то время крики раздались поблизости, потом шаги зачавкали в болотистой почве. Трое Бродячих прошли совсем поблизости, потом остановились, переговариваясь короткими звуками. Они нюхали воздух, и Мав порадовался, что ветер идет от них, а не к ним. Появилась женщина с ребенком на спине, нагнулась и напилась, как животное, прямо ртом.

Затем кто-то заверещал впереди. Целой толпой гиганты побежали мимо Мава на другой берег. Они торопились теперь, не глядя по сторонам, как если бы решили не искать его больше.

Он долго сидел в воде, не решаясь подняться, едва веря в свою победу. Когда говор орды затих вдаль, он встал. Дыхание у него перехватило на мгновенье, потом он поднял руку ко рту, чтоб подавить крик.

Уже вечерело. Далеко слева по берегу реки поднимались к небу три столбика дыма. Их было ясно видно. Туда-то и пошли охотники за людьми.

Мав чувствовал себя совсем разбитым. У него оставался теперь только один выход — перегнать по этому берегу толпу Бродячих и раньше их пересечь реку напротив стойбища.

Он выбрался на сухое место. Руки и ноги были странно легкими. Усталость и одеревенение вроде бы прошли, просто тело не желало слушаться его.

Шатаясь, он побежал.

Стойбище готовилось к ночи. Костры еще горели снаружи, но женщины носили внутрь пещер охапки хвороста. Мужчины, собравшись, рассуждали, отчего не вернулись люди из степи. Такое вообще случалось редко. Ночь принадлежала хищным зверям, а не человеку, ее следовало проводить у огня среди своих.

Дети, готовясь ко сну, расстилали подсушенную траву в темных гротах.

Девушка Ру сидела на камне рядом с молодым Яро. Тут же лежал и пустой березовый сук. Яро просверливал острым камнем дырочку в медвежьем зубе — это должно было стать женским ожерельем.

Старый Уц на холме беспокойно вглядывался вдаль. Трое ушедших утром охотников были молодыми и сильными. Их гибель сильно ослабила бы орду.

Туман поднимался над рекой. Кругом стоял запах жареной рыбы, отбивая все другое. С поляны, где горели костры, доносились говор, смех, восклицания.

Затем крик раздался со стороны плеса, и люди увидели, как из воды по пояс в тумане вышел человек.

Все насторожились.

Совсем голый, без оружия, он вышел на освещенное место, рухнул на колени, хватая ртом воздух, потом показал рукой:

— Бродячие! Близо!

Стон разнесся над стойбищем. Завыли, запричитали женщины, собирая детей. Мужчины хватали оружие — топоры, копья. Несколько человек бросились к большим камням, которыми на ночь заваливали изнутри входы в пещеры.

В орде было около сорока мужчин, но все понимали, что, будь врагов много меньше, все равно спасенья не было. Рядом с волосатыми гигантами даже самые сильные бойцы выглядели как дети. Но и бежать было тоже некуда, потому что Бродячие настигли бы людей стойбища и в лесу.

Несколько мгновений царила суeta на поляне, затем все убралось в две самые большие пещеры. Стало тихо. Только потрескивали брошенные костры.

И тогда появились Бродячие.

Первые тени мелькнули за пределами освещенного пространства и остановились. Постепенно людоеды накапливались в слитную толпу. Они уже устали, но не так как Быстроногий. Представители племени Человека-Сильного, они были выносливее и, кроме того, были в этом соревновании преследующими, а не убегающими. Охотника Мава весь день угнетал страх, а им, наоборот, придавала сил жажда догнать и добыть.

Наконец вожак вышел на поляну — косматый, в два с половиной метра ростом, с плечами как скала. Тотчас по его зову подбежали, принюхиваясь, два следопыта, а затем все освещенное пространство заполнила радостно воющая толпа.

Из кустов вытащили обмершего от страха старика, который не успел скрыться. Ему свернули шею, бросили тело на костер. Ненасытные животы Бродячих уже требовали пищи, но, чувствуя, что добычи будет много, они хотели сначала убить всех.

Вожак осмотрелся, затем бросился к откосу горы. Камень, загородивший вход в ближайшую пещеру, был не очень велик. Наверху между его поверхностью и известняковым сводом оставалась широкая щель. Оттуда полетели копья. Однако осажденным негде было размахнуться как следует. Только одному охотнику удалось задеть руку гиганта.

Бой начался. Бродячие навалились на камень. Изнутри держали его, но силы были неравны. Огромная полуженщина-полу-

зверь выдернула сквозь щель одного из охотников стойбища, перехватила его обеими руками, не оборачиваясь, бросила назад. Он пролетел над толпой, упал на землю, и тут на него набросились дети.

Через минуту Бродячие ворвались в пещеру. Огонь погас внутри, его затоптали. В темноте раздавались рычание и стоны. Но вторая большая пещера еще держалась. Там Уцу сильным ударом топора удалось свалить одного из нападающих. Мощная туша заклинилась между камнем и стеной.

Бродячие пытались протолкнуть его вперед, но мертвый гигант не двигался с места. Схватка замерла на миг.

И вдруг исподволь и тихо сначала, а затем усиливаясь, раздался неподалеку тяжелый низкий звук. Грозный первый предупредительный рев — голос Пещерного Льва.

Владыка был тут, рядом. Совсем близко.

Все стихло, и в тишине лев пустил свой второй рык. Он низко потек по поляне, поднялся затем, оглушая, заполняя все, сотрясая деревья, и камни, и людей, не позволяя слышать собственное дыхание, обессиливая, нагоняя смертную тоску. Звук дошел до самой большой громкости и оборвался.

Он был уже ближе. И стало ясно, что Владыка двигается к пещерам.

Бой кончился. Бродячие с воплями бежали, бросая топоры, дубины — все, что у них было.

Только один гигант, которому копье пробило живот, бился, выгибаясь, на поляне.

Наутро остатки орды пустились в путь наверх. Нельзя было оставаться — Бродячие вернулись бы, чтоб уничтожить всех.

Уц вел своих людей в горы. Несли детей, запас пищи, оружие и шкуры. Инстинктивно старейшину стойбища влекло к югу, он не знал, что уходит от холодов наступающего ледника.

Люди двигались два дня, переночевали, сидя на корточках, как обезьяны, прижимаясь друг к другу и не разводя огня. На третье утро они достигли перевала и осмотрелись.

Было ветрено. Позади лежала обширная равнина, вся затянутая тучами. Дождь лил, контуры знакомых лесов и перелесков терялись во мгле. Но впереди над ними небо сияло голубизной — казалось, они стоят на грани, разделяющей две погоды.

К югу мягко, округло спускались горы, лежали луга и поросшие кустарником долины. Солнечные лучи осветили людей. Они стояли молча, им сразу сделалось теплее. Дождь шел почти что рядом, но они уже вышли из-под него.

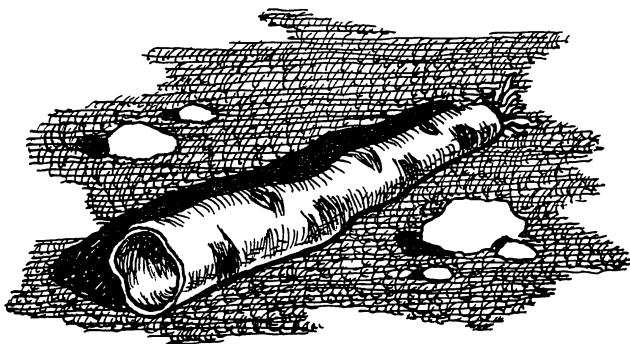
Уц дал сигнал, и они начали спускаться.

Ру шла рядом с прихрамывающим Яро. Он нес с собой все тот же березовый сук. Мав Быстроногий — он остался в живых — потрогал пальцем трубу.

— Это первый раз так, что человек Яро заговорил, как лев.

Позади орды, над потонувшей в дожде степью, началась гроза. Молнии косо пересекали многослойные тучи, гремел гром.

В мир входило нечто новое, способное совершенствоваться бесконечно, — разум. Началась история Человека.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

В. Обручев

ПЛУТОНИЯ

5

Г. Чижевский

В ДЕБРЯХ ВРЕМЕНИ

277

В. Санин

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЛАНА И ПОУНА

413

С. Гансовский

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ СДЕЛАЛ БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ

499

ИДЕТ ЧЕЛОВЕК

521

Литературно-художественное издание

В ДЕБРЯХ ВРЕМЕНИ

Сборник

Редактор Г. Щеглов

Художник В. Ан

Технический редактор М. Александров

Корректор И. Земкова

Подписано к печати 15.12.94. Формат 60x90/16. Бумага типографская №2.

Гарнитура "Таймс". Печать офсетная. Усл.-печ.л 34,0. Уч.-изд.л. 39,5.

Тираж 23 000 экз. Заказ № 2127

НПП "Параллель"

603137, Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 103, кв. 37

Лицензия ЛР № 061943 от 23.12.92

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГИПП "Нижполиграф"

603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32

Фирма "РАРИТЕТ"
представляет план выпуска книг
нижегородскими издательствами
в 1995 году

Издательство "ПАРАЛЛЕЛЬ"

Серия "На заре времен"

"Бронзовый топор"
"В дебрях времени"
"Затерянная земля"

По вопросам приобретения нашей продукции обращайтесь:

603001, г. Нижний Новгород, ул. Черниговская, 15-а
Фирма "Раритет" Тел. (8312) 33-80-16

Фирма "РАРИТЕТ"
представляет план выпуска книг
нижегородскими издательствами
в 1995 году

Издательство "ПАРАЛЛЕЛЬ"

Серия "Отечественная фантастика"

А. Мирер "Обсидиановый нож"
О. Ларионова "Сотворение миров"
А. Турин "Падение с земли"
А. Громов "Мягкая посадка"
Т. Олди "Путь меча"

По вопросам приобретения нашей продукции обращайтесь:
603001, г. Нижний Новгород, ул. Черниговская, 15-а
Фирма "Раритет" Тел. (8312) 33-80-16

Фирма "РАРИТЕТ"

представляет план выпуска книг
нижегородскими издательствами
в 1995 году

Издательство "ПАРАЛЛЕЛЬ"

Серия "Мир фантастики"

Ф. Браун "Персона грата"
У. Генн "Огненная вода"
Д. Блиш "Дочь титанов"
Д. Блиш "Летающие города"

Издательство "НИЖЕГОРОДСКАЯ ЯРМАРКА"

Серия "Сфинкс"

Э. Церен "Библиейские холмы"
К. Керам "Первый американец"
М. Стингл "Тайны индейских пирамид"

По вопросам приобретения нашей продукции обращайтесь:
603001, г. Нижний Новгород, ул. Черниговская, 15-а
Фирма "Раритет" Тел. (8312) 33-80-16

Фирма "РАРИТЕТ"

представляет план выпуска книг
нижегородскими издательствами
в 1995 году

Издательство "НИЖЕГОРОДСКАЯ ЯРМАРКА"

А. Зюзин "Ремонт швейных машин"
Д. Арсенин "Александрю Пушкину... (миниальбом)"

Издательство "НИЖКНИГА"

Собрание сочинений В. Крапивина

"В ночь большого прилива"
"Мушкетер и фея"
"Тень Каравеллы"

"Острова и капитаны"
"Звезды под дождем"
"Лето кончится не скоро"

По вопросам приобретения нашей продукции обращайтесь:
603001, г. Нижний Новгород, ул. Черниговская, 15-а
Фирма "Раритет" Тел. (8312) 33-80-16

Нижегородская фирма "ПАРИТЕТ"

официальный дилер издательств
"Параллель", "Нижегородская ярмарка",
"Нижкнига"

***Всегда в наличии широкий ассортимент
книг различных издательств:
более 750 наименований***

*По вопросам книгообмена и приобретения обращайтесь:
603001 г. Нижний Новгород, ул. Черниговская, 15-а
Тел. (8312) 33-80-16*

